

HAL
open science

Ceramics of Crimea from the 15th Century

Iryna Teslenko

► **To cite this version:**

Iryna Teslenko. Ceramics of Crimea from the 15th Century. Kyiv: Institute of Archaeology NAS of Ukraine. 2021, 978-617-7810-19-2. hal-04841809

HAL Id: hal-04841809

<https://hal.science/hal-04841809v1>

Submitted on 18 Dec 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

КЕРАМИКА
КРЫМА
XV века

И. Б. ТЕСЛЕНКО

INSTITUTE
OF ARCHEOLOGY
NATIONAL ACADEMY
OF SCIENCES OF UKRAINE

I. TESLENKO

CERAMICS
of CRIMEA
of the 15th century

KYIV
2021

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ
НАУК УКРАИНЫ

И. Б. ТЕСЛЕНКО

**КЕРАМИКА
КРЫМА
XV века**

КИЕВ
2021

УДК 904.23(477.75)''14''
Т36

Ответственный редактор

С. А. БЕЛЯЕВА, доктор исторических наук

Рецензенты:

С. В. ПИВОВАРОВ, доктор исторических наук, профессор

Е. М. ВЕРЕМЕЙЧИК, кандидат исторических наук

*Рекомендовано к печати ученым советом
Института археологии НАН Украины
от 1.12.2020 (протокол № 8)*

На первой странице обложки: поливная чаша из раскопок замка Фуна; на последней странице обложки — глазурированный и неполивные кувшины из раскопок замка Фуна и средневекового городища в Алуште (Крым)

Тесленко И. Б.

Т36 Керамика Крыма XV века. — Киев: ИА НАН Украины, 2021.
308 с.

ISBN 978-617-7810-19-2

В монографии на основании анализа больших объёмов археологического материала предложена методически обоснованная классификация, типология и детальная хронология керамики Крыма XV века. Обстоятельно охарактеризованы технологические особенности и ассортимент местной и привозной гончарной продукции, определены основные факторы влияния на развитие крымского гончарства, а также выяснены направления, динамика и закономерности импорта и экспорта поливных и неполивных изделий в исследуемый период.

Издание рассчитано на археологов, музейных работников, историков, керамологов, искусствоведов, преподавателей и студентов исторических специальностей, а также всех, кто интересуется средневековой археологией и историей гончарства.

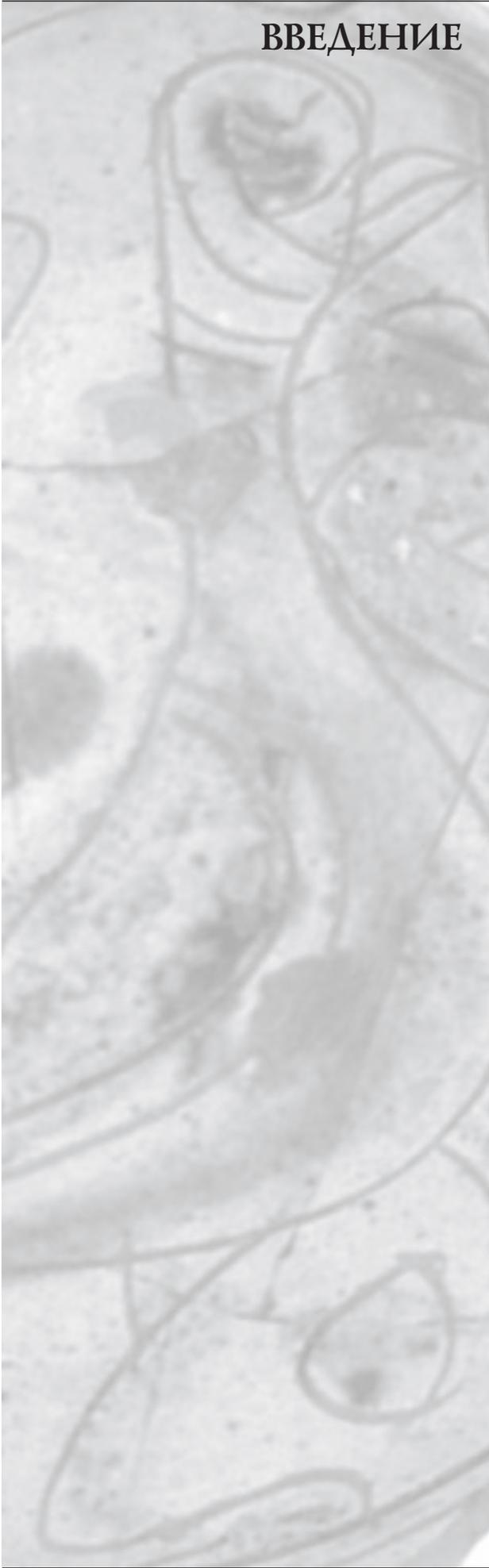
УДК 904.23(477.75)''14''

ISBN 978-617-7810-19-2

© И. Б. Тесленко, 2021
© ИА НАН Украины, 2021

СОДЕРЖАНИЕ	ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1	КЕРАМИКА КРЫМА ОТ ПАЛЕОЛОГОВ ДО ОСМАНОВ (1260-е — 1475 гг.): ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	11
ГЛАВА 2	МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	41
2.1	Методы классифицирования	41
2.2	Анализ археологического материала, хронология комплексов	47
ГЛАВА 3	ТАРА: ПИФОСЫ	53
ГЛАВА 4	НЕПОЛИВНАЯ ПОСУДА	63
4.1	Группа Юго-Западный Крым	63
4.2	Группа Юго-Восточный Крым	70
4.3	Группа Горшки с рельсовидным венчиком	71
4.4	Группа Фуна	75
ГЛАВА 5	ПОЛИВНАЯ ПОСУДА	77
5.1	Группа Юго-Восточный Крым	77
5.2	Османская керамика	91
5.2.1	Miletus Ware	91
5.2.2	Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью	97
5.3	Испанская керамика с оловянной глазурью	97
5.4	Китайский селадон	108
5.5	Изделия из кашина	109
5.6	Керамика киприотского и византийского круга	112
ГЛАВА 6	ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ, АРХИТЕКТУРНАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА	115
6.1	Осветительные приборы	115
6.2	Архитектурная керамика	117
6.3	Специальная технологическая керамика	120
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
	Резюме. ТЕСЛЕНКО, I. Б. КЕРАМИКА КРИМУ XV століття	129
	Resume. TESLENKO, I. CERAMICS OF CRIMEA OF THE 15th century	133
	ИЛЛЮСТРАЦИИ	139
	ЛИТЕРАТУРА	285
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	307

CONTENTS	INTRODUCTION	7
CHAPTER 1	CERAMICS OF CRIMEA FROM PALAEOLOGUS TO OTTOMANS (1260—1475): AN OVERVIEW OF RESEARCH	11
CHAPTER 2	METHODOLOGY	41
2.1	Methods to classify	41
2.2	Analysis of the archaeological data, chronology of the contexts ..	47
CHAPTER 3	STORAGE VESSELS: PITHOI	53
CHAPTER 4	UNGLAZED WARES	63
4.1	South-Western Crimea Group	63
4.2	South-Eastern Crimea Group	70
4.3	Pots with Rail-Shaped Rim Group	71
4.4	Funa Group	75
CHAPTER 5	GLAZED WARES	77
5.1	South-Eastern Crimea Group	77
5.2	Ottoman Pottery	91
5.2.1	Miletus Ware	91
5.2.2	Pottery with Turquoise Glaze	97
5.3	Spanish Tin-Glazed Earthenware	97
5.4	Chinese Celadon	108
5.5	Soft-Paste Wares	109
5.6	Cypriot and Byzantine Wares	112
CHAPTER 6	LIGHTING APPLIANCES, ARCHITECTURAL AND INDUSTRIAL CERAMICS	115
6.1	Lamps and candlesticks	115
6.2	Architectural ceramics	117
6.3	Special ceramic utilities	120
	CONCLUSION	123
	Резюме. ТЕСЛЕНКО, І. Б. КЕРАМІКА КРИМУ XV століття	129
	Resume. TESLENKO, I. CERAMICS OF CRIMEA OF THE 15th century	133
	PLATES	139
	REFERENCES	285
	ABBREVIATIONS	307

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к позднесредневековой керамике Крыма возник на рубеже XIX—XX вв. Однако вплоть до 1980—1990-х гг. представления о хронологии и типологии керамических комплексов поздневизантийского и раннеосманского периодов оставались весьма туманными. Это во многом было следствием политической заангажированности исторической науки, обусловленным этим обстоятельством отсутствием интереса к реальным историческим процессам эпохи позднего средневековья на территории полуострова и, соответственно, необходимости разработки и применения методики археологического исследования, позволяющей получить объективные материалы для их реконструкции. Датировка памятников и отдельных комплексов в рамках двух или трёх веков считалась вполне приемлемой.

Масштабные и более качественные исследования конца XX — начала XXI вв. в различных областях исторических дисциплин позволили конкретизировать взгляды на историю Крыма XIV—XV столетий. XV в. был выделен в особую эпоху, ознаменовавшуюся становлением и сосуществованием на территории полуострова трёх государственных образований: Генуэзской Газарии (с 1380-х гг.), «Regnum Mango» — так называемого княжества Феодоро (с первой четверти XV в.) и Крымского ханства (с начала 1440-х гг.). Развитие этих структур проходило на фоне исчезновения остатков Византийской империи, постепенной дезинтеграции Золотой Орды и растущего влияния молодого Османского государства, ещё более усилившегося после падения Константинополя в 1453 г. (Мыц 2009; Джанов 2018; 2019a; 2019b; 2020 и др.). Все эти сложные социально-политические процессы нашли отражение в материальной культуре жителей полуострова, в том числе — керамике XV в., которую начали довольно успешно выделять в массе позднесредневековых гончарных изделий.

Стало очевидным, что керамические комплексы XIV и XV вв. существенно отличаются по составу и внешнему облику их компонентов (Тесленко 2010a; 2012a; 2018a). К концу XIV в. в местном поливном производстве исчезает ряд технологических приёмов, нивелируются некоторые локальные особенности гончарного производства, фиксируемые здесь ранее. Причины этих перемен, вероятно, кроются в нестабильной военно-политической обстановке последней трети XIV в., жертвой которой могли стать гончарные центры, связанные с золотоордынскими Солхатом и Судаком, а также, видимо, в торговой конкуренции со стороны более мощных производителей, которую не выдерживали мелкие про-

винциальные ремесленники. В результате к концу XIV в. большинство некогда преуспевавших мастерских перестаёт функционировать.

На первый план выходят коммерчески выгодные мощные производства, расположенные в крупных городах, избежавших, видимо, катастрофических потрясений. Генуэзские Каффа и Чембало занимают здесь лидирующие позиции. Кроме того, очевидные изменения происходят в керамическом импорте. На смену золотоордынским и византийским изделиям приходят новые группы товара из Западного и Восточного Средиземноморья, а также османской Анатолии.

Эти метаморфозы не происходили в одночасье¹, поэтому нижнюю хронологическую границу исследования нельзя назвать вполне чёткой. Изучение переходного этапа (рубеж XIV—XV — первая четверть XV вв.), несмотря на то, что ему будет уделено внимание, по-прежнему остаётся весьма перспективным для будущего. Однако уже сейчас очевидно, что с начала XV в. крымское керамическое производство переживает очередной значительный подъём, обильно насыщая своей оригинальной продукцией рынки Крыма и Причерноморья (Тесленко 2010а; 2012а; Teslenko 2015; 2017). Этот прогресс был прерван османским завоеванием полуострова в 1475 г. Сопутствовавшая ему катастрофа отразилась в многочисленных слоях пожаров и разрушений крымских городов и поселений, которыми отчётливо маркируется верхняя хронологическая граница предпринимаемого исследования. Материалы комплексов, образовавшихся позже, демонстрируют радикальные перемены в ассортименте местной керамики, связанные с прекращением деятельности наиболее масштабных гончарных производств, а также существенные изменения в торгово-экономических взаимосвязях Крыма в новых для него политических реалиях (Тесленко, Алядинова 2019).

Таким образом, керамические комплексы Крыма, сформировавшиеся с рубежа XIV—XV вв. и до конца третьей четверти XV в. вполне заслуживают отдельного внимания. К настоящему времени накоплены значительные коллекции керамических находок из узко датированных контекстов этого периода,

¹ Например, начало ощутимых изменений в местном поливном производстве наблюдается с последней трети XIV в. и связано как со сменой лидеров в этом ремесле так и, вероятно, притоком новых переселенцев с Анатолии, существенно повлиявших на формирование полихромного декоративного стиля, ставшего доминирующим в XV в. (Тесленко 2018а, с. 61; 2020d).

позволяющие в деталях изучить их своеобразие. В то же время, этот огромный информационный потенциал всё ещё не используется в полной мере. По-прежнему нет чёткого представления ни о полном ассортименте керамических изделий, использовавшихся местными жителями в повседневной жизни, ни о происходивших в нём изменениях, обусловленных различными внутренними и внешними факторами. Также не выработаны единые подходы к системному анализу керамических коллекций, что значительно затрудняет работу с массовым материалом и вносит путаницу на этапе его первичной обработки, составляющей основу любых дальнейших изысканий. В полной мере не задействованы хронологические возможности керамических находок XV в. Это обстоятельство тормозит развитие позднесредневековой археологии Крыма и всего Северного Причерноморья, поскольку здесь керамика зачастую является одним из основных критериев определения даты архитектурно-археологических комплексов и культурных слоёв (Талис 1976, с. 84; Мыц 1991, с. 82).

Необходимость современных исследований в указанных направлениях обуславливает актуальность предпринимаемого труда. Его главная цель заключается в создании унифицированной типолого-хронологической классификации керамики Крыма XV в., что позволит максимально использовать потенциал этой категории находок для детальных хронологических построений, выявления закономерностей развития местного гончарства и торговых взаимосвязей, имеющих большое значение для изучения экономики региона и реконструкции культурно-исторических процессов на территории Крыма и сопредельных землях в XV в.

Этой цели соответствует ряд задач, последовательному решению которых подчинена структура работы: детальный анализ научных достижений в области исследования позднесредневековой керамики Крыма; определение основных принципов классифицирования, выработка унифицированного понятийного аппарата и методики описания керамических изделий; анализ хронологии ключевых археологических комплексов, составивших базу исследования. Также согласно выбранной методике предложена характеристика керамики местного производства и импорта, разработка хронологической шкалы для отдельных групп и типов гончарных изделий, выделены устойчивые хронологические индикаторы в их составе, определены факторы, влиявшие на развитие местного

гончарства и изменения керамической номенклатуры рынка.

Для успешной реализации обозначенных планов в работе задействованы керамические коллекции из раскопок, проведённых на достаточно высоком методическом уровне. Проанализированы данные более полусотни археологических объектов, сосредоточенных преимущественно в Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной части полуострова. Выделено более сотни комплексов, которые отличаются надёжными узкими датами, хорошей сохранностью и насыщенностью керамическими находками, что само по себе уникально для позднесредневековой археологии Причерноморского региона. В качестве дополнительных данных привлечены коллекции из памятников близких хронологически и территориально, немногочисленные письменные источники, относящиеся преимущественно к импортной керамике и керамическая эпиграфика.

В целом, в монографии представлены итоги многолетнего изучения автором керамики Крыма XV в., результаты которого, надеюсь, будут востребованы как для полевой археологической практики при первичной обработке керамических материалов, так и для последующей их хронологической и культурной атрибуции, в том числе в музейных собраниях при составлении научных каталогов, баз данных, подготовке экспозиций и выставок. Кроме того, ряд наблюдений и выводов представляют интерес для формирования объективных представлений о бытовой культуре, декоративно-прикладном искусстве, торгово-экономических и социально-культурных связях как населения Крыма XV в., так и всего Средиземноморско-Причерноморского региона.

Благодарности. Завершая вступительную часть, выражаю глубокую признательность всем, кто содействовал появлению этой книги. Прежде всего я благодарю авторов раскопок городища в Алуште, укреплений Фуна и Чобан-Куле — В. Л. Мыца, С. Б. Адак辛ну, В. П. Кирилко, любезно предоставивших материалы своих работ для исследования и публикации, а также В. Е. Науменко, поделившегося неопубликованными данными по архитектурной керамике из раскопок Мангупа, А. В. Джанова и В. В. Майко, познакомивших меня с материалами раскопок Судака.

Особую признательность выражаю С. В. Семину, терпеливо и старательно выполнившему большинство рисунков керамики, А. А. Чекановскому — автору основного объёма фотографий в иллюстративной части книги, А. В. Лысенко, оказавшему неоценимую по-

мощь в редактировании текста монографии, а также С. В. Каверцеву, усилиями которого были определены объёмы полных форм керамических сосудов по разработанной им же методике.

Определению химического состава и, соответственно, уточнению происхождения отдельных групп керамики, вовлечённой в исследование, я обязана многолетнему плодотворному сотрудничеству с Лабораторией археологии и археометрии Национального центра научных исследований Франции в г. Лион (Laboratoire Archéologie et Archéométrie, Maison de l'Orient et de la Méditerranée, CNRS, UMR 5138) и лично С. Й. Ваксман, за что я им весьма признательна. Также хочу особо отметить поддержку наших исследовательских проектов со стороны Министерства образования и науки Украины, Министерства Европы и иностранных дел Франции, Министерства высшего образования, исследований и инноваций Франции, Фонда Дома гуманитарных наук Франции (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris, France), оказавших таким образом ощутимую помощь в этих исследованиях и работе с литературой в научных библиотеках Лаборатории АрАр (Laboratoire ArAr, CNRS, UMR 5138), Дома Востока и Средиземноморья Жана Пуйю в Лионе, Франция ("Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux", FR 3747, Lyon), а также Университета Экс-Марсель и Лаборатории средневековой и современной археологии Средиземноморья в Экс-ан-Прованс, Франция (Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée — LA3M, Université d'Aix-Marseille, CNRS, UMR 7298).

Искренне благодарю своих коллег Б. Бёлендорф-Арслан, Ф. Енишехирлиоглу, Н. Озкул Финдик, Ф. Инанан, С. Джеличи, В. Ю. Ковалева, чьи консультации оказались весьма полезными при атрибуции некоторых групп керамического импорта и уточнения ареала распространения местной поливной посуды.

Нельзя не выразить глубокую благодарность Е. М. Веремейчик, Л. В. Чмиль, Н. В. Гинькут, Г. Гьоновой, М. В. Квитницкому, Г. Ю. Ивакину (к сожалению ушедшему из жизни), Е. А. Паршиной, С. А. Беляевой, Л. И. Виноградской, С. В. Пивоварову и А. П. Моце за ценные советы, критические замечания, обстоятельные рецензии, плодотворные дискуссии, профессиональную помощь и дружескую поддержку, безусловно способствовавшие улучшению качества работы, а также С. А. Горбаненко, подготовившему оригинал-макет издания.

ГЛАВА 1

КЕРАМИКА КРЫМА ОТ ПАЛЕОЛОГОВ ДО ОСМАНОВ (1260-е — 1475 гг.): ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Позднесредневековая керамика Крыма находится в сфере внимания исследователей различных профилей — музееведов, археологов и искусствоведов — уже более столетия. Основным источником сведений о ней является археологический материал. По характеру и динамике его накопления, а также методическим подходам к его обработке, обобщению и интерпретации, в истории изучения этой керамики выделяется три этапа.

I этап: конец XIX — первая четверть XX вв. В этот период керамика Крыма византийского и поздневизантийского периодов впервые вызывает научный интерес. Внимание специалистов в первую очередь привлекала парадная столовая глазурованная посуда, рассматриваемая как ценный экспонат музейных коллекций. Начало её изучению было положено главным хранителем средневекового отделения Императорского Эрмитажа В. фон Боком в статье «*Poteries vernissees du Caucase et de la Crimée*», вышедшей в Париже в 1897 г. (Воск 1897, р. 12—53). Автор выделил шесть основных типов поливной посуды, отнеся два из них к крымскому производству (Херсонес, Феодосия), остальные — к продукции армянских мастеров из Грузии периода XII—XIII вв., предположив возможность имитации в Феодосии некоторых из них (Воск 1897, р. 52). Выводы автора не прошли испытания временем, однако его труд занимает достойное место в истории изучения средневековой поливной керамики Северо-Восточного Причерноморья, как первая попытка подобного рода изысканий.

Более основательно к исследованию этой отрасли художественного ремесла в Крыму подошёл хранитель музея Императорского Одесского общества истории и древностей Э. Р. фон Штерн. Его работа «Феодосия и её керамика», основанная на материалах, собранных А. Л. Бертье-Делагардом при строительстве феодосийского порта, увидела свет в 1905 г. Керамику из Каффы Э. Р. фон Штерн разделил на две группы. В первую вошли красноглиняные сосуды с гравированным орнаментом, изготовленные, по его мнению, «в самой Каффе по Византийским образцам», во вторую — фаянсовая посуда, которую «принято называть Персидской» или «арабоперсидской» (Штерн 1905, с. 77). Рассмотрев поливную керамику Каффы в комплексе с находками из Малой Азии, Сирии, Греции, Кипра, Египта, хранящимися в музеях и частных коллекциях Европы, исследователь приходит к выводу, что район распространения такой керамики был весьма обширным, при этом южная Россия и Крым составляли лишь его северную часть (Штерн 1905, с. 54—58). В качестве доказательства местного про-

изводства поливной посуды Э. Р. фон Штерн приводит сведения о находках печного припаса (треножных подставок) в Феодосии и Херсонесе (Штерн 1905, с. 54—58). По условиям обнаружения исследователь датировал обе группы изделий временем не ранее начала генуэзской колонизации Крыма, то есть XIII в. (Штерн 1905, с. 62—64, 79). Впоследствии деление на группы по происхождению и хронология керамики неоднократно уточнялись на основании новых данных. Со временем удалось отделить собственно византийские сосуды от изделий местных мастеров, детализировать представления о составе восточных импортов. Однако фундаментальный подход автора к анализу материала и поиску аналогий, детальное описание находок, качественные иллюстрации позволяют его труду сохранять актуальность и в наши дни. Кроме того, обе работы, В. фон Бока и Э. Р. фон Штерна, впервые продемонстрировали значимость предмета исследования, что повлекло за собой публикации находок из других регионов полуострова, в частности из имения Ласпи на Южном берегу (Кубе 1926, с. 246—257).

На первый этап приходится также начало формирования коллекций средневековой керамики за счёт археологических раскопок. Наиболее масштабными в этом смысле были исследования Одесского общества истории и древностей и Императорской археологической комиссии в Херсонесе и на Мангупе (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Р. Х. Леппер, Л. А. Моисеев).

«Верхним» слоям Херсонесского городища исследователи уделяли крайне мало внимания, тем не менее, среди «византийских» материалов К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечает находку в периболе у башни Зенона треножной подставки, применявшейся при обжиге поливной посуды, с остатками глазури на ножках (Косцюшко-Валюжинич 1901, с. 44; 1902, с. 21)².

В то же время на Мангупе в 1912—1913 гг. впервые удалось исследовать часть закрытого комплекса XV в. — княжеского дворца (Леппер 1913, с. 73—79; Леппер, Моисеев 1918; Моисеев 1918, с. 84, рис. 126—131). Время сооружения дворца определяется надписью, свидетельствующей о его постройке князем Алексеем в 1425 г. (Леппер 1913, с. 79), время

разрушения — турецкой экспансией 1475 г. (Якобсон 1953, с. 417). И хотя цели археологических изысканий тогда ограничивались лишь поиском материальных ценностей и выяснением общих очертаний архитектурных сооружений (описанию стратиграфии и керамики внимание не уделялось³), добытые керамические материалы были сохранены для науки и неоднократно вызывали интерес исследователей уже спустя десятилетия (Якобсон 1950; 1979; Мыц 1991а, рис. 42: 1—7; 43; 44; 45; 1991b, с. 183—186, рис. 2: 1—6; 3: 1—3; Залеская 2011; Яшаева и др. 2011, с. 622—664; Науменко, Душенко 2017).

Таким образом, на первом этапе были заложены основы научного интереса к керамике Крыма обозначенного периода и начато формирование археологических коллекций керамических находок, в том числе из закрытых комплексов с узкими хронологическими рамками существования.

II этап: вторая четверть — 70-е гг. XX в.

Со второй половины 1920-х гг. возрастают масштабы раскопок средневековых памятников, которые проводятся как с целью фундаментальных академических исследований, так и в рамках охранных и новостроечных работ, связанных с активизацией курортного строительства в прибрежной части Крыма. Исследования осуществлялись, преимущественно, ведущими научными академическими учреждениями, государственными музеями и университетами (ГАИМК, ИИМК, ИА АН СССР, ИА АН УССР, ГИМ, ГЭ, ХГМ, УрГУ, ХГУ, др.). Продолжаются раскопки средневековых кварталов Херсонеса (работы Г. Д. Белова, С. Ф. Стржлецкого, И. А. Антоновой, А. Л. Якобсона, В. И. Кадеева, В. Н. Даниленко, А. И. Романчук, О. И. Домбровского и др.), дворца и храмового комплекса на Мангупе (А. Л. Якобсон, М. А. Тиханова, Е. В. Веймарн, И. Н. Бармина и др.). Итоги этих изысканий наиболее полно представлены в публикациях (историографию см. напр.: Яшаева и др. 2011, с. 44—54; Романчук 2017; Герцен 2017; Науменко 2017, с. 46—47). Начато археологическое изучение других крупных средневековых городов полуострова — Судака (со второй половины 1920-х гг., историографию см.: Джанов 2006; Майко, Джанов 2015, с. 13—22; Майко 2017), Феодо-

² Интересно отметить, что здесь же была обнаружена гончарная мастерская античного времени (Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 20—21), т. е. нельзя исключать, что средневековое керамическое производство могло располагаться в этом районе, за пределами крепостных стен.

³ В публикации материалов раскопок Мангупа тех лет без указания места находки представлено всего два неполивных кувшина, четыре красноглиняных глазурованных декорированных сосуда открытой формы времени существования дворца и 12 фаянсовых турецких чашек (Моисеев 1918, с. 84, рис. 126—131).

сии (с 1949 г., историографию см. напр.: Айбабина 1988, с. 67—68), Старого Крыма (со второй половины 1920-х гг., историографию см.: Крамаровский 1989; Ломакин 2016). Однако материалы этих раскопок в то время издавались гораздо скромнее.

Кроме того, проводится ряд археологических исследований на других памятниках Крыма. Из них кратко опубликованы итоги раскопок на холме Кордон-Оба у д. Отузы (ныне Щebetовка) (Барсамов 1929, с. 168)⁴; верхних слоёв археологического объекта на юго-восточном склоне г. Сюрюю-Кая (Тепсень)⁵ (Бабенчиков 1958, с. 140, рис. 27; Фронджуло 1961, с. 179—181, табл. II: 8; рис. 10; 1968, с. 102—103, 106, 111, 117—118, рис. 21) в Юго-Восточном Крыму; слоёв генуэзского времени Мирмекия⁶ (Гайдукевич 1952, с. 178—183, рис. 84—88а), остатков средневекового Корчева (Воспоро), на территории современной Керчи (Зеест, Якобсон 1965, с. 62—69; Макарова 1965, с. 70—76); городищ Эски-Кермен (Репников 1941), Бакла (Талис 1969; Рудаков 1975), Тепе-Кермен (Талис 1977), разведывательных шурфов на крепостях Чуфут-Кале (Веймарн 1968, с. 65—74, рис. 17—20, 27), Каламита (Веймарн 1963, с. 78—79, рис. 10), Сюйрень (Баранов 1971, с. 88—92; Талис 1972; Воронин и др. 1979, с. 313—315)⁷, Кыз-Куле (Черкес-Кермен) (Боданинский 1935, с. 81—87), храма на г. Бойка (Домбровский 1968, с. 90—91, рис. 7: а; 8) в Юго-Западном Крыму; а также ряда южнобережных памятников — остатков храма с погребениями близ крепости Фуна, «разведывательной» траншеи на горе Крестовой в Верхней Ореанде, археологических объектов в Ласпи, Форосе, Голубом Заливе, Симеизе, Гурзуфской крепости и пр. (Домбровский 1974, с. 5—56; Когонашвили, Махнёва 1974, с. 119—120, рис. 9; Скобелев 1974, с. 108, рис. 1)⁸. Информация о керамике этих объектов в публикациях минимальна, в иллюстрациях

представлены отдельные наиболее выразительные предметы, сопровождающиеся широкими датировками.

На 1940—1970-е гг. приходится первые находки остатков мастерских по производству поливной керамики в Старом Крыму, Судаке и Феодосии.

А. Л. Якобсон сообщает об обнаружении в 1940 г. большого количества обломков посуды с росписью белым ангобом «при открытии во время земляных работ гончарной мастерской» по ул. Красноармейской на восточной окраине Старого Крыма. Материалы поступили в местный краеведческий музей, но были утрачены во время Второй Мировой войны (Якобсон 1950, с. 194).

А. М. Фронджуло приводит краткие сведения о находке в Судаке, на посаде средневекового города к западу от его стен, на стройплощадке пансионата «Львовский железнодорожник», остатков «круглой в плане гончарной печи, от которой сохранилась половина топочной камеры... с округлым отверстием топки». Здесь же «...встречены обломки керамических форм-штампов для нанесения рельефного орнамента и обломки керамики с подобным же орнаментом». На основании чего исследователь приходит к выводу о том, что «...в печи обжигалась штампованная поливная керамика» (Фронджуло 1974, с. 147).

Ещё один гончарный комплекс был открыт при раскопках 1975 г. в г. Феодосия на Карантинном холме, в южной части цитадели, в районе башен Криско и Климента VI. Здесь ниже уровня застройки XVII—XVIII вв. «...обнаружены фундаменты помещений XIV—XV вв., идущие параллельно оборонительным сооружениям Каффы, а также мощёная улица, водосток и гончарная печь. Последняя имеет квадратную форму; в её обжигательной камере прослежены остатки глиняного свода, а на полу камеры — раздавленный сосуд и следы спёкшей поливы. Топочная камера одноканальная, сложена из обожжённого кирпича на растворе» (Петерс, Айбабина, Катюшин 1976, с. 377—378). При раскопках горна найдены подставки-сипаи, куски стекловидной массы, керамический брак и полуфабрикаты⁹ (Петерс, Айбабина, Катюшин 1976, с. 377—378).

⁹ Позднее Е. А. Айбабина, осуществлявшая изучение средневековых объектов в экспедиции Б. Г. Петерса, приводит описание одного из полуфабрикатов, которое не сопровождается соответствующей иллюстрацией. Это блюдо с орнаментом сграффито «в виде спиралевидных завитков и листьев» подвеченным зелёной и коричневой краской, не покрытое поливой, датирующееся, по мнению автора находки, XIV в. (Айбабина 1988, с. 68).

⁴ Через 85 лет материалы Н. С. Барсамова с некоторыми дополнениями переизданы С. Г. Бочаровым. Он локализовал здесь генуэзский замок Калиера, определив время его постройки последней четвертью XIV в. (Бочаров 2015а).

⁵ На средневековых картах-портланах здесь обозначен пункт под названием Посидима (Бочаров 2011, с. 140).

⁶ В XIV в. на его месте существовало небольшое поселение, известное по генуэзским источникам как Пондиго (Бочаров 2001, с. 160).

⁷ Более детально материалы раскопок 1978—1980 гг. одного из строений внутрикрепостной застройки, погибшего во время турецкого вторжения 1475 г., опубликованы лишь в 2014 г. (Воронин и др. 2014, с. 458—479).

⁸ Более детально историографию этих исследований см. (Мыц 1991а, с. 82—83, 99, 126—153).

Таким образом, к середине 1970-х гг. стало очевидным наличие минимум трёх керамических мастерских различной специализации в трёх крупнейших городах средневекового Крыма. К сожалению, детальная информация о столь важных свидетельствах местного гончарного ремесла так и не была опубликована авторами открытий.

Интенсивное накопление нового археологического материала стимулировало начало его более глубокого осмысления. В 1950—1970-е гг. предпринимаются первые попытки обобщения, систематизации и хронологизации средневековой керамики Крыма. Среди исследователей, работавших в этих направлениях, следует отметить А. Л. Якобсона, Л. П. Ивашу, В. Н. Даниленко, А. И. Романчук, Е. А. Паршину и Д. Л. Талиса.

Перу А. Л. Якобсона принадлежат первые фундаментальные труды по средневековой керамике Херсонеса и Крыма. Разделы двух глав (III и IV) его монографии «Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)» посвящены детальному анализу керамического материала из «верхнего слоя» городища (Якобсон 1950, с. 111—117, 168—222). Особое внимание уделено поливной керамике. Предпринята попытка распределить её по стилистическим группам, производственным центрам и хронологии. Безусловным достоинством публикации стало издание полного каталога доступных автору поливных изделий, снабжённого обширными комментариями с подбором широкого круга аналогий, уточняющих датировки и происхождение отдельных групп керамических сосудов. Ему же принадлежит и первое специальное исследование средневековых амфор и пифосов Северного Причерноморья (Якобсон 1951, с. 325—344; 1966, с. 189—202), в которых было уделено внимание тарным сосудам XIII—XIV и XIV—XV вв. Эти работы легли в основу обобщающего и до сих пор единственного в своём роде труда «Керамика и керамическое производство средневековой Таврики», изданного в 1979 г. Здесь материалы Херсонеса дополнены находками из поселений Юго-Западного Крыма (Эски-Кермен, Бакла) и Таманского городища, более чётко сформулирован принцип деления поливной посуды на группы (Якобсон 1979, с. 120—147). Интересно наблюдение А. Л. Якобсона о том, что многие формы и декор поливной посуды позднесредневекового Херсона близки к изделиям Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан) и Ближнего Востока (Сирия, Месопотамия, Персия) XII—XIV вв., объясняемое тесными связями города «в позднюю пору своей жиз-

ни» с этими регионами через Трапезунд¹⁰. Кроме того, отмечено их первостепенное влияние на местное производство, которое, как утверждает исследователь, «судя по обилию находок поливной посуды при раскопках... в позднесредневековом Херсоне было, несомненно, развито» (Якобсон 1950, с. 112—116; 1979, с. 133—146). Однако каких-либо дополнительных доказательств в пользу этого тезиса, за исключением уже упомянутой находки трипода у башни Зенона и ещё одного на Гераклейском полуострове, предъявить ему не удалось (Якобсон 1979, с. 146—147, рис. 93). В основу предложенной классификации положен распространённый на то время подход, базирующийся на самых общих характеристиках черепка (белый, красный), технике и стиле декоративного оформления сосудов (Якобсон 1950, с. 168; 1979, с. 119—120). Однако исследователь не обратил должного внимания ни на состав формовочных масс, ни на особенности технологии изготовления сосудов, что могло бы добавить аргументов при разделении керамики по возможным производственным центрам.

Не преуменьшая значения обеих работ в целом, следует отметить ещё один существенный недостаток, не позволяющий в полной мере использовать приведённые автором сведения для хронологических построений. А. Л. Якобсону так и не удалось окончательно определиться с датировкой верхних слоёв пожаров городища (конец XIII или XIV вв.?), а как следствие и обнаруженного в них керамического материала (Якобсон 1950, с. 37—42; 1979, с. 109, 157)¹¹. Возможно, именно

¹⁰ В дальнейшей версии о прекращении «каких-либо сношений» с центральными областями Византии и приоритетность контактов Херсона именно с Трапезундом после 1204 г. (Якобсон 1979, с. 140) была скорректирована на основании новых материалов в пользу более широкого диапазона возможных торговых связей городища (см. напр. Голофаст, Рьжов 2003, с. 208—209; Rabinowitz, Sedikova, Henneberg 2010, p. 450—452).

¹¹ Как пишет сам автор «керамика... вся, почти без исключения, происходит из жилищ, погибших в пожаре и после этого более не восстанавливавшихся... она относится к самому последнему историческому периоду жизни Херсона, т. е. к XIII и XIV вв.» (Якобсон 1950, с. 101). А. Л. Якобсон считал, что в 1299 г. Херсон «был разгромлен полчищами Ногай», а затем на протяжении XIV в. «медленно, но неуклонно... сходил с исторической сцены» и в конце столетия был окончательно уничтожен войсками «нового золотоордынского временщика — Едигея» (Якобсон 1950, с. 42). К какому именно периоду относятся пожары, разрушившие жилища, из которых происходит керамика, и как они между собой соотносились, оставалось не ясным. Позже он приходит к убеждению, что разгром города следует связывать с экспедицией Ногай в 1299 г., после чего город уже не был крупным

это обстоятельство привело его к сомнительному заключению о завершении цикла развития причерноморской керамики в XIII в. По мнению учёного, изделия XIV и XV вв. не внесли ничего нового в этот процесс (Якобсон 1979, с. 158). Отметим также, что неопределённость с разделением и датировками средневековых слоёв Херсонеса долгое время оставалась характерной для исследователей этого памятника (Романчук 1982, с. 89—113; Рыжов 1985, с. 250; 1986, с. 299; Сазанов 2005, с. 195—213). Также довольно спорным выглядит тезис о полной замене византийской привозной керамики изделиями местного производства в XIII в. (Якобсон 1979, с. 146), который в дальнейшем не нашёл фактического подтверждения.

В 1971 г. коллективом авторов, участвовавших в археологических исследованиях Херсонеса и камеральной обработке керамического материала, была впервые представлена обобщённая классификация средневековых амфор из раскопок этого памятника, в том числе поздневизантийских (Антонова и др. 1971, с. 94—95). Несмотря на ошибки в определении происхождения сосудов, в целом характерные для данного этапа исследования, эта работа, вместе с трудами А. Л. Якобсона, стала главным практическим руководством для первичной систематизации амфорного материала минимум на четверть столетия.

В 1975 г. опубликованы также результаты специального исследования неполивной керамики «позднесредневекового» Херсона, предпринятого Л. П. Ивашутой на материалах из раскопок комплексов со слоями пожара XIII в. в портовом районе (Ивашута 1975). Безусловно, с современной точки зрения предложенная автором типологическая классификация выглядит слишком упрощённой¹², а датировки, охватывающие два

поселением (Якобсон 1959, с. 233). Во второй монографии исследователь полностью придерживается этой версии (Якобсон 1979, с. 109), хотя неоднократно прибегает к абстрактным выражениям «верхние слои Херсона», а верхнюю дату некоторых групп поливной посуды относит к XIV в. Таким образом, на основании приведённых данных оказалось довольно сложно отчётливо отделить материалы XIV в. от более ранних, что в отдельных случаях повлекло за собой ошибочные датировки. Некоторые предметы XIV и даже XV вв. были отнесены исследователем к XIII в. (Якобсон 1979, табл. XV: 56; XVI: 61; XXIII: 89в).

¹² Посуда разделена на группы «по форме и назначению» — миски, кувшины, горшки, чашечки и кубки, внутри которых по составу формовочной массы или выразительным морфологическим признакам определены варианты, серии и типы. При этом из-за отсутствия чётких критериев классифицирования не всегда очевидны различия между выделенными классификационными ячейками.

(XII—XIII), а то и три (XI—XIII) столетия — довольно широкими. Однако эта небольшая статья позволила впервые получить общее представление о видовом и типологическом ассортименте местных неглазурованных изделий из «верхних слоёв» городища.

В 1969 г. В. Н. Даниленко и А. И. Романчук предпринимают попытку формально-типологической классификации поливной посуды Мангупа по материалам из раскопок дворца и базилики 1912—1914 и 1938 гг. (Даниленко, Романчук 1969, с. 116—138). Не имея возможности разделить материал по комплексам и слоям (из-за отсутствия полевой документации), авторы рассмотрели его в отрыве от топографического и стратиграфического контекста. По наиболее общим признакам оформления внешней поверхности керамика была разделена на три группы (без декора, с графическим орнаментом и с росписью ангобом или краской) с типологическими вариантами в каждой из них¹³. Однако, анализ находок без увязки со стратифицированными комплексами повлёк за собой ошибки в датировке отдельных предметов и групп. На основании аналогий, порой довольно отдалённых и подысканных далеко не ко всем образцам, авторы отнесли весь материал к XIII—XV вв. (Даниленко, Романчук 1969, с. 128—129). Попытки сузить хронологию группы II в целом до XIV—XV вв., а группы III — до XV в. выглядят неубедительно, так как некоторые артефакты из группы II, впрочем, как и группы I, а также тип 2 группы III, отражённые на иллюстрациях к статье (Даниленко, Романчук 1969, табл. 1: 7, 8; 2: 19; 5: 49а—53), относятся ко времени не ранее XVII в. Идентичные предметы известны, например, в материалах из турецких крепостей Ени-Кале, Сед-Ислам (Волков 2005b, рис. 2: 9, 11), поздних слоёв Стамбула (Hayes 1992, pl. 51: b, c, f, i) и пр. Вероятно, эти находки происходят из отложений «турецкого времени», изученных при раскопках мангупской базилики (Тиханова 1953, с. 348; Бармина 1983, с. 19). Наличие разновременных предметов, к тому же происходящих из разных производственных центров, в одной классификационной ячейке свидетельствует о расплывчатости критериев, используемых при обработке материала. Такая классификация не имеет смысла и непригодна для практического применения. И наконец, итоговый вывод о том, что вся представленная

¹³ В общую классификацию не вошли изделия, украшенные в выемчатой технике, а также селадон, сосуды с росписью кобальтом и люстром (Даниленко, Романчук 1969, с. 125, 127).

в статье «полива не привозная, а местная», основанием для которого стало заключение авторов о её оригинальности по сравнению со столовой посудой из «других известных (авторам — И. Т.) центров» (Даниленко, Романчук 1969, с. 129—130), звучит малоубедительно. Правомерным выглядит лишь предположение авторов о наличии гончарного производства в таком крупном городе как Мангуп, а также высказанное вслед за А. Л. Якобсоном мнение о том, что чаши с монограммами мангупских князей, скорее всего, изготавливались на месте (Якобсон 1953, с. 415; Даниленко, Романчук 1969, с. 122—123). Тем не менее, этот труд является первой попыткой систематизации поливной керамики одного из крупнейших средневековых памятников Крыма с исследованными закрытыми комплексами XV в., хотя и неудачной.

В 1974 г. Е. А. Паршиной опубликованы новые данные о керамике VIII — X—XV вв. из восьми объектов Южного Крыма (Кастель, Ай-Тодор, Гурзуф, Панеа, Кучук-Исар, Хачла-Каясы, Биюк-Исар, Ореанда-Исар), исследованных в 1965—1969 гг. (Паршина 1974). По функциональному назначению находки были разделены на 5 групп (хозяйственная и торговая тара, простая столовая и кухонная посуда, поливная керамика, мелкие глиняные изделия, керамические строительные материалы) и представлены в хронологической последовательности (Паршина 1974, с. 57). В массе поливной посуды выделены типы по цвету черепка и технике орнаментации, которые датированы по тщательно подобранным аналогиям из раскопок объектов XIII—XV вв. как в Крыму, так и за его пределами. Исследовательнице удалось довольно точно очертить круг поливных изделий X—XII и XIV—XV вв., а также определить общие временные рамки существования памятников (что и являлось основной целью работы), однако разработка детальной хронологии вещевого материала оказалась невозможной.

Отдельные работы Д. Л. Талиса посвящены анализу поливной керамики из городищ Тепе-Кермен и Бакла (Талис 1971; 1976). По Тепе-Кермену это лишь короткая публикация одного объекта со слоем пожара XIII в., в котором найдено два поливных блюда и два глазурованных кувшина, датируемые автором по аналогии с Херсонесом в диапазоне XII—XIV вв. (Талис 1971). В то же время исследование керамического комплекса Баклы представляет собой более основательный труд, базирующийся на значительном количестве добытого раскопками материала

(Талис 1976). Здесь автором продемонстрирован комплексный подход к анализу объекта исследования. Пользуясь традиционной на то время схемой классификации керамики, Д. Л. Талис разделил её на два типа — белоглиняную и красноглиняную. Исходя из особенностей оформления поверхности, внутри каждого типа изделий были выделены группы. Самая многочисленная из них — керамика с орнаментом «сграффито» (группа I) — по стилистическим признакам была разделена на разновидности, соответствующие, по мнению автора, четырём центрам производства этой посуды: сосуды типа «Зевксишпа» византийского происхождения; «сосуды с орнаментом, являющимся прямым подражанием предыдущим», но крымского производства¹⁴; «сосуды с орнаментом, генетически хотя и связанным с «зевксишповым», но сильно отличающимся от него крайней простотой и грубостью выполнения», также одного из крымских центров; «сосуды, изготовленные, скорее всего, в Херсонесе в XIII, возможно, XIV в.» (Талис 1976, с. 74—81, рис. 4—6). В завершение абсолютная хронология керамики, основанная на аналогиях, сопоставлялась с относительной. То есть, производился анализ распределения выделенных классификационных единиц по слоям (Талис 1976, с. 84—85). Такой подход к исследованию керамического материала следует признать наиболее прогрессивным на то время для крымской средневековой археологии. Однако результаты его применения в данном случае оказались незначительными из-за несовершенной методики раскопок и фиксации находок, а также расплывчатых принципов классифицирования и недостатка сведений по отдельным группам и разновидностям керамических изделий.

Во-первых, стратиграфическая колонка, в которой выделено всего три слоя для периода с X в. и до финала существования городища, выглядит слишком схематично. При этом материал не разделялся по закрытым комплексам и прочим узким контекстам (слой пожара, разрушения, пр.). Во-вторых, при систематизации красноглиняной керамики с орнаментом сграффито автору удалось определить лишь импортную византийскую посуду круга «Zeuxippus ware», однако он явно испытывал затруднения при атрибуции остальной керамики группы I, привлекая слишком отдалённые параллели, порой несоответствующие баклинским находкам. Д. Л. Талис

¹⁴ На местное производство, по мнению автора, указывает «простейший по типу рисунок» (Талис 1976, с. 76).

сравнил всю красноглиняную поливную посуду, украшенную гравировкой, с «Zeuxippos ware», выделяя разновидности на основании схожести или отличия от неё, что далеко не всегда оправдано¹⁵. При этом не были учтены особенности состава формовочных масс, технология формовки сосудов, специфика техники нанесения гравированного декора, а также хронологическая позиция наиболее близких аналогий. Так, исследователь указывает на массовые находки изделий с орнаментом сграффито и бихромной подцветкой, подобных баклинским, в закрытых комплексах Мангупа второй—третьей четвертей XV в. (Талис 1976, с. 79; Якобсон 1953, с. 400, рис. 13), однако при этом верхнюю хронологическую границу красноглиняной керамики Баклы, как и самого городища, он определяет в рамках XIV в. (Талис 1976, с. 86). Исходя из вышесказанного, предложенную Д. Л. Талисом датировку верхних слоёв памятника и отдельных «разновидностей» керамических находок из них, следует признать недостаточно обоснованной, а методический подход к классификации керамики сграффито — мало пригодным для практического применения. Тем не менее, эта работа до сегодняшнего дня остаётся наиболее полной публикацией находок поливной керамики из раскопок Баклы. Кроме того, Давид Львович впервые уделил внимание изучению декора на неполливной кухонно-столовой посуде XII—XIV вв. из этого же памятника, усмотрев в нем проявления влияния кочевнических культурных традиций (Талис 1980). Затронутая им тема до настоящего времени остаётся всё ещё слабо изученной.

В целом среди достижений второго этапа следует отметить масштабные археологические исследования средневековых памятников Крыма, в результате которых были отмечены следы катастрофы (слои пожара и разрушений) второй половины XIII в. (Рудаков 1975, с. 23; Якобсон 1959, с. 233; Талис 1977 др.). Эти отложения служат своеобразным репером, отделяющим горизонты с преобладанием византийских черт в материальной культуре от возникших затем вещевых комплексов с иными качественными признаками,

¹⁵ Например, фрагменты керамики на рис. 4: 3—11 и 5: 5—8 у Д. Л. Талиса имеют очень мало общего с византийским импортом группы «Zeuxippos ware», найденным в Херсонесе и приведённым в данном случае в качестве аналогий (Якобсон 1950, табл. IV—VI), впрочем как и «узел», украшающий центр чаши из Баклы (Талис 1976, рис. 5: 2) — с распространёнными орнаментальными мотивами «Zeuxippos ware» (см. напр.: Якобсон 1950, табл. IV: 21, 22; V: 23, 24), на которые ссылается автор (Талис 1976, с. 78).

что очень важно для понимания хронологии артефактов, в том числе керамических, начального этапа новой эпохи. В то же время данные, полученные из раскопок Мангупа, где изучались комплексы второй — третьей четверти XV в. со слоями пожара времени османского завоевания Крыма (1475), позволили получить представление о керамике финала исследуемого периода. Несмотря на это, ни в одной из научных работ не была решена проблема детальной периодизации культурных слоёв и керамических находок XIII—XV вв.

К значимым событиям для исследования керамики Крыма XIII—XV вв. относятся открытия мастерских по производству поливной посуды в Солхате, Солдаёе и Каффе. Однако особенности технологического процесса, специфика выпускаемой продукции и детальная хронология комплексов не были освещены в публикациях. Кроме того, были предприняты первые попытки систематизации массового керамического материала из раскопок, которые хоть и не смогли решить ряд важных исследовательских задач, но, безусловно, заложили базу будущих разработок в этом направлении.

III этап: с 80-х гг. XX в. — по настоящее время. На протяжении двух последних десятилетий XX — начала XXI вв. количество полевых изысканий на крымских памятниках XIII—XV вв. значительно возросло. С начала 1990-х годов существенную роль в археологических исследованиях на полуострове стали играть местные научные учреждения, музеи и университеты, среди которых, в первую очередь следует упомянуть Крымский филиал ИА НАН Украины (г. Симферополь), Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (г. Симферополь), ТНУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь), музей «Судакская крепость» — филиал Национального заповедника «София Киевская» (г. Судак), Бахчисарайский историко-культурный заповедник (г. Бахчисарай), Керченский государственный историко-культурный заповедник (г. Керчь) и др.

Продолжаются раскопки средневековых объектов в Херсонесе, на Мангупе, Эски-Кермене, в Судаке, Феодосии, Керчи, а также исследуется ряд синхронных объектов в ближайших окрестностях этих памятников. Предпринимаются масштабные работы на территории золотоордынского Солхата (г. Старый Крым) и его окружи, средневекового городища в Алуште (территория крепости

и посада), укреплений Фуна (у с. Лучистое), Чобан-Куле (у с. Приветное), городища Партениты (пгт. Партенит), генуэзской крепости Чембало (г. Балаклава). Раскапываются несколько храмов с некрополями на г. Аю-Даг (пгт. Партенит), в с. Малый Маяк, у замка Фуна, в урочище Сотера (с. Солнечногорское). Проводятся небольшие исследования укреплений Учансу-Исар (у г. Ялта), Исар-Кая (над с. Олива, между Ялтой и Форосом), Пампук-Кая (у с. Нижняя Голубинка, Бахчисарайского района), Кордон-Оба (пгт. Курортное, между Судаком и Феодосией), отдельных архитектурных объектов на территории крепости Каламита (Кирилко 2019, с. 287—288) и др., вводятся в научный оборот материалы раскопок прежних лет.

По мере накопления первоисточников увеличивается число публикаций, в которых уделяется внимание керамике XIII—XV вв. По тематике их также можно разделить на *две группы*.

К *первой группе* относятся работы, посвящённые отдельным памятникам или археологическим объектам, в которых представлены итоги их раскопок, рассматриваются вопросы периодизации и хронологии культурных слоёв, а также приводится характеристика обнаруженных в них керамических находок.

Юго-Западный Крым. Среди исследований по поздневизантийскому Херсону в первую очередь следует отметить труды А. И. Романчук, Н. С. Рыжова и Л. А. Голофаст, а также А. Рабиновиц, Л. В. Седиковой и Р. Хеннеберга.

А. И. Романчук публикует результаты многолетних изысканий в портовом районе. Здесь раскопками выявлено несколько строительных периодов поздневизантийского городища — второй половины XIII, XIV и XV вв. с горизонтами масштабных разрушений, случившихся в XIII и XIV вв. (Романчук 1982; 1986; 1994; 1995; 1997а, с. 280—288, рис. 2—10; 1997b; 1999, с. 187—201, рис. 1—9; 2000, рис. 112—120; 2003а, с. 189—191, 205, табл. 2: 9; 41: 138; 46: 154; 56: 190; 71: 224; 74: 230, 231; 97: 287; 136: 370; 210—211; 214: А7; 215: А11; 2003b). И хотя предлагаемые исследовательницей варианты датировок находок и строительных периодов не всегда достаточно обоснованы¹⁶ и неоднократно подвергались

критике со стороны других медиевистов (см. напр.: Мыц 2007, с. 88—89; 2009, с. 47—49; 2015; Сазанов 2005, с. 195—213¹⁷; Масловский 2017, с. 476—478; др.), Алле Ильиничне всё же удалось выделить материалы жилищно-хозяйственных комплексов второй половины XIII в., а также представить некоторые предметы из объектов, датирующихся монетами первой половины — 50—60-х гг. XIV в. (Романчук 1996, с. 302; 1997, с. 280—287, рис. 1—10; 1999, с. 187—201; 2003b; 2005). Находки XV в. всё ещё не введены в научный оборот.

Н. С. Рыжов и Л. А. Голофаст уделили значительное внимание исследованию комплексов XIII в. северного района Херсонеса (Рыжов 1999; Рыжов, Голофаст 2000; Голофаст, Рыжов 2003). Кроме того, Л. А. Голофаст обобщила и систематизировала информацию о градостроительном облике, ремесле и промыслах Херсона этого времени (Голофаст 2008; 2009). Характеризуя гончарное производство средневекового города, Лариса Алексеевна отмечает, что предположения исследователей о производстве поливной посуды на городище вполне логичны, учитывая его масштабы, значимость и большое количество находок разнообразных глазурованных изделий в «верхних слоях» памятника. Однако достоверные доказательства этого всё ещё не найдены, а для многих групп керамики, ранее считавшейся местной (например, 5 и 7, отчасти 6 и 8 по А. Л. Якобсону 1979), «определены центры или районы изготовления... в других далёких от Херсонеса регионах» (Голофаст, Рыжов 2003, с. 200—209; Голофаст 2008, с. 352; Waksman et al. 2009, p. 854—855; Зеленко, Тимошенко 2011).

¹⁷ А. В. Сазанов, на основании широко известных аналогий, справедливо подверг критике датировку комплекса помещения 10 из усадьбы 3 Портового района Херсонеса, предложенную А. И. Романчук в 1982 г. (Сазанов 2005, с. 195—213). Однако его заявление о том, что этот объект стал «едва ли не хрестоматийным примером достоверного комплекса XIV в.» не соответствует действительности. Такая датировка воспринималась большинством коллег как досадное недоразумение, не более того. Да и сама А. И. Романчук на конференции по поливной керамике, проходившей в Ялте в 1998 г., обратила внимание на эту ошибку, предложив считать верхней датой комплекса последние десятилетия XIII в., что нашло отражение в дальнейших публикациях исследовательницы (Романчук 2003а, с. 178—183). Так что критику А. В. Сазанова следует признать несколько запоздалой. Датировка комплекса, декларируемая самим А. В. Сазановым — 1250—1260 гг. — также не бесспорна, хотя и небезосновательна. Хронология слоёв пожара второй половины XIII в. Херсона и других населённых пунктов Крыма остается дискуссионной по сей день. Историографию проблемы см. напр.: (Мыц 2016).

¹⁶ Очевидно, что даже при наличии архитектурно-археологических комплексов со слоями пожара, порой не удавалось разобраться в их хронологии и периодизации, что, вероятно, связано с отсутствием традиции детальной фиксации стратиграфии культурных отложений в полевой практике исследователей средневекового Херсонеса прежних лет.

Опубликованы результаты раскопок отдельных объектов со слоями пожара XIII в. на участке античного театра (Паршина 2015), в северном (Залесская, Калашник 1992), северо-восточном (Золотарев, Коробков, Ушаков 1998; Ушаков 2005, др.) и южном (Arthur, Sedikova 2001; Рабинович, Седикова, Хеннеберг 2009; Седикова 2018) районах городища.

Кроме того, в научный оборот введены синхронные материалы из раскопок на городище Эски-Кермен, осуществляемых в 1979—1981 гг. Эски-Керменским отрядом Южнобережной экспедиции ИА АН УССР (Паршина 1988) и Крымским отделением Института востоковедения НАНУ начиная с 2003 г. по настоящее время (см. напр.: Хайрединова 2018). В частности, в публикациях представлены жилищно-хозяйственные и культовые комплексы, погибшие в пожаре второй половины XIII в. (Айбабин 2014а; 2014б; 2014с; 2018; Завадская, Голофаст 2018; др.), а также отдельные свидетельства жизнедеятельности после этого бедствия из раскопок часовни и некрополя, которые были обустроены у разрушенной центральной базилики (Паршина 1988, с. 46—48; Айбабин, Хайрединова 2019; 2020; Тесленко 2020с).

Таким образом, из раскопок Херсона и Эски-Кермена получен довольно солидный объём археологического материала XIII и XIV вв., к тому же маркируемого хронологическими реперами в виде горизонтов разрушения. Однако датировка и причины самих бедствий до сих пор остаются предметом научной дискуссии. Не вдаваясь в детали научных споров, анализ которых требует отдельного внимания, отметим их основные направления и итоги.

Масштабные разрушения Херсона, Эски-Кермена и иных городов и укреплений Таврики (Баклы, Тепе-Кермена, Алустана и др.), произошедшие в XIII в., сейчас наиболее часто связывают с первым (1278 г.) либо вторым (1298—1299 гг.) походами Ногай, отмеченными в письменных источниках (см. напр.: Мыц 2016, с. 99; Айбабин 2014а, с. 217, 222—223)¹⁸. Однако убедительных доказательств в пользу какого-то одного из этих предположений пока не достаточно. По монетным находкам и встречаемости групп и серий керамики, нижний хронологический рубеж первого происшествия может быть определён пока временем около 1260-х гг., верхний — не позднее последней четверти XIII в. (см. напр.:

Алексеенко 1996, с. 190; Мыц 2016, с. 96—97; Тесленко 2018b, с. 466).

Хронологическая позиция слоёв разрушений с материалами XIV в., после которых Херсон практически перестаёт существовать в прежнем формате, также нуждается в уточнении. Причины бедствия всё ещё не ясны. А. И. Романчук вслед за А. Л. Якобсоном связывает разорение города с крымским походом войск Тимура 1395/1396 г. (см. напр.: Романчук 2000, с. 185). Эта версия, которую поддерживали в разное время А. И. Айбабин, А. Г. Герцен и, отчасти, М. Г. Крамаровский, проецируя соответствующие события на исследуемые ими памятники (Эски-Кермен, Мангуп, Солхат), подверглась критике со стороны В. Л. Мыца, считающего этот поход «вымыслом историографов египетского султана», а сообщения арабских летописцев о походах Идигу и Тохтамыша на Каффу в 1396—1397 гг. бездоказательными (Мыц 2009, с. 47—63; 2015). Привлекая археологические, нумизматические и письменные источники, он, в свою очередь, предпочитает датировать разорение Херсона, Алушты и ряда городов Таврики серединой 1360-х гг., соотнося их, преимущественно, с походами темника Мамая (Мыц 2009, с. 42—43; 64—68). Однако, с одной стороны, археологические данные, полученные при раскопках памятников Крыма не позволяют пока уверенно выделять столь узкие хронологические серии вещевого материала (1360-х или 1390-х гг.). С другой стороны, как справедливо отмечает С. В. Громенко, посвятивший отдельный труд изучению историографической традиции и исторических реалий периода военных конфликтов, затронувших Крым на рубеже XIV—XV вв., мысль о том, «будто все упомянутые военные походы (1395—1397 гг. — *И. Т.*) были полностью вымышлены» также «представляется абсурдной» (Громенко 2015, с. 46). Внимательно проанализировав комплекс доступных источников, Сергей Викторович предлагает свой вариант реконструкции событий 1390-х гг., в числе которых одно прямое столкновение между Тохтамышем и Едигеем в Крыму всё же имело место на границах округа Каффы весной 1397 г. (Громенко 2015, с. 46—50). Однако остаётся не ясным насколько масштабным было вторжение 1397 г. и каким образом оно отразилось в археологических слоях средневековых памятников Крыма. Таким образом очевидно, что убедительных аргументов в пользу какой-либо из версий (середина 1360-х?, 1390-е?) пока недостаточно. Анализ же археологического, в том числе керамического, материала на данном этапе позволяет

¹⁸ Обзор существующих на сегодняшний день вариантов датировок см. (Мыц 2016).

лишь ориентировочно очертить нижний хронологический рубеж очередного разорения Херсона (как и Алушты) временем около 60-х гг. XIV в., а верхний определить в рамках последней трети XIV в. (Тесленко 2017; 2018а, с. 36). Уточнение даты, причин и последовательности событий, оставивших столь выразительные археологические следы, требует дальнейшего изучения и осмысления.

Сведения о поздневизантийских объектах ближайшей округи Херсона получены в результате раскопок, проведённых экспедицией ХГИАЗ под руководством Т. Ю. Яшаевой в конце 1980-х — начале 1990-х гг. на мысе Виноградный и в Сарандинакиной балке. Здесь исследованы два монастырских комплекса, основанные в конце XIII — начале XIV вв. Один из них (на м. Виноградный), по мнению автора раскопок погиб в пожаре последней трети XIV в., второй (в Сарандинакиной балке) — существовал до конца третьей четверти XV в. (Яшаева 1994; 1995; 1998; 2005; 2006). Найденная керамика датирована по аналогиям. Отложения XIV и XV вв. стратиграфически разграничить не удалось. Кроме того, следует упомянуть исследование башни № 4 крепости Каламита-Инкерман, предпринятое В. Ф. Филипенко в 1987 г. Из нижних слоёв заполнения фортификационного сооружения происходят реконструируемые керамические изделия второй половины XV в. (Кирилко 2019, с. 287—288, рис. 25; 26).

Введены в научный оборот материалы раскопок крепости Чембало, осуществлявшихся объединённой археологической экспедицией Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (С. В. Дьячков, Н. А. Алексеенко; 1999—2013 гг.), а также Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа (с 2002 по настоящее время; С. Б. Адаксина¹⁹; см.: Адаксина и др. 2002; 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2010; 2011; 2012; 2014; Адаксина, Мыц 2015; 2016 др.; Дьячков 2004, с. 246—255; 2005; Мыц 2009, с. 91—110; Алексеенко и др. 2015). Предложена общая периодизация крепостной и культовой застройки, согласно которой начало формирования лигурийской фактории отнесено к 40-м гг. XIV в. (Мыц, Адаксина 2015b). Это позволяет определить нижнюю дату находок из культурных слоёв, связанных с её существованием, не ранее указанного времени. Однако из-за активной антропогенной деятельности в последующие времена, стратифицированные остатки на-

чального этапа застройки сохранились лишь на незначительных участках, а связанные с ним находки зачастую переотложены, поэтому построение относительной хронологии артефактов середины — второй половины XIV в. из раскопок крепости в настоящее время затруднительно. Наилучшим образом сохранились отложения второй — третьей четверти XV в., а также османского периода, что в комплексе со значительным количеством нумизматических свидетельств²⁰ позволяет использовать полученные данные для детализации хронологии синхронной керамики.

Подобные замечания отчасти справедливы и по отношению к Мангупскому городищу, периодизация слоёв которого два последних десятилетия находится в сфере внимания А. Г. Герцена и В. Е. Науменко (литературу см. напр.: Герцен и др. 2006, с. 371—494; Герцен, Науменко 2009; 2015; Науменко 2017). Стратиграфические горизонты XII—XIII вв. исследователями не выделены (Герцен, Науменко 2005, с. 261; 2015). Однако среди находок, как на цитадели, так и на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун, амфорная тара и поливная керамика (в том числе целые формы), характерные для комплексов XIII в., представлены довольно хорошо (Герцен, Науменко 2005, с. 260—261, рис. 2—4, 5; 5; Герцен и др. 2006, с. 381—382). Следующий, «феодоритский» этап, оказался гораздо более насыщен антропогенными остатками. В его рамках исследователи выделяют 2 периода: первый маркируется началом строительства цитадели (примерно с 60-х гг. XIV в.) и разрушением города войсками Тамерлана в 1395 г.; второй — восстановлением и реконструкцией цитадели в 20-е гг. XV в. и захватом города турками в 1475 г. (см. напр. Герцен и др. 2006, с. 371; Герцен, Науменко 2009, с. 387; 2015). В последние годы хронологическая схема истории Феодоро-Мангупа вызывает неоднозначные отзывы. Как уже отмечалось ранее, существование первого периода, как и достоверность связанных с ним исторических событий, поставлены под сомнение (Мыц 2009, с. 13—68; 2015). Как бы там ни было, за многие годы исследования городища и примыкающей к нему территории так и не удалось обнаружить сколько-нибудь выразительных комплексов второй половины XIV в., по крайней мере, они пока не опубликованы (см. напр.: Герцен, Науменко 2016а;

²⁰ О монетных находках на крепости Чембало см. труды Н. А. Алексеенко (Алексеенко 1999 и др.), библиография приведена в обобщающей публикации по итогам исследований крепости (Алексеенко и др. 2015).

¹⁹ До 2009 г. работы проводились совместно с Крымским филиалом ИА НАН Украины.

2016b, с. 39; Герцен, Науменко, Душенко 2018, с. 56). Не исключено, что соответствующие культурные остатки были снесены в процессе активной строительной деятельности второго этапа. В то же время, в материалах слоёв, сформированных разновременными «строительными сбросами» с территории городища, находки XIV в. также малочисленны (Герцен и др. 2006, с. 378—392)²¹. При этом материалы второй — третьей четверти XV в. представлены в значительном объёме (см. напр. Герцен, Науменко 2005, с. 261—263, рис. 6—14; 2006, с. 378—392; 2009; 2010; 2015, с. 9—12; Науменко, Душенко 2017).

Более выразительные керамические комплексы золотоордынского времени происходят из археологических объектов в окрестностях Бахчисарая и Севастополя. Материалы раскопок одного из поселений — Кырк-Азизлер, недавно открытого на северо-западной окраине города, введены в научный оборот коллективом авторов во главе с М. Ю. Меньшиковым (Меньшиков и др. 2019). Значительный интерес представляют также остатки золотоордынского поселения в долине р. Бельбек (Нахимовский район г. Севастополя, 1 км к северо-востоку от пос. Фронтное), на котором выявлено 40 хозяйственных и столбовых ям, большая коллекция монет и поливной посуды XIV—XV вв. (Шаров 2019, с. 249—250, рис. 20; 21).

Восточный и Юго-Восточный Крым. Хронологию слоёв генуэзской Каффы (совр. Феодосия), одного из крупнейших городов Северного Причерноморья, и характеристику происходящей из них керамики предлагают А. В. Сазанов и Ю. Ф. Иващенко. В основу разработки легли отчёты о раскопках в Феодосии у башни «Криско» в 1975—1977 гг., проводившихся под руководством Б. Г. Петерса, и результаты исследований авторов 1991—1992 гг. (Сазанов, Иващенко 1994,

с. 180—182, рис. 1—3; Сазанов, Иващенко 1995, с. 117—130). Выделяется четыре стратиграфических горизонта, которые соответствуют четырём перепланировкам на исследованной территории. Верхняя дата наиболее раннего горизонта определена временем постройки цитадели — 1340—1352 гг. Остальные датируются по находкам монет: 1350—1380-е гг.; 1380—1450-е гг.; 1450-е гг. — 1475 г. Наиболее полно охарактеризован керамический материал из отложений 1350—1380-х гг., включавших руины двух построек, а также остатки гончарной мастерской с горном для обжига поливной керамики (Сазанов, Иващенко 1995, с. 118—119). Остаётся лишь сожалеть, что отсутствие в публикациях чертежей стратиграфий и планов изученных участков, а также иллюстраций к подавляющему большинству керамических находок²², в том числе из гончарных мастерских, не позволяет в полной мере оценить достоверность стратиграфических наблюдений авторов и составить полное представление о керамике из них. К тому же материал двух последних горизонтов упомянут вскользь: отмечено только сходство поливной посуды из слоя середины — третьей четверти XV в. с синхронными образцами из Мангупа и Фуны (Сазанов, Иващенко 1995, с. 129).

Дополнительные сведения о городских объектах XIV—XV вв., исследованных в начале 1980-х и в 1990-х гг., содержатся в работах Е. А. Айбабиной и С. Г. Бочарова. Ими частично введены в научный оборот результаты раскопок крепостных сооружений и небольшого участка жилой застройки XIV—XV и XVI—XVIII вв. на восточном склоне Карантинного холма с внешней стороны юго-восточной стены цитадели, армянского храма св. Стефана, возведённого в первой половине XV в. (Айбабина 1988, с. 70, рис. 6; Айбабина, Бочаров 1997а, с. 16—18, рис. 1—2; 1997б, с. 211—229, табл. 6—7). В тезисной форме представлена информация о бронзолитейной и гончарной мастерских XV в., раскопанных в 1994—1995 гг. (Бочаров 1997; Aibabine, Botcharov, Mytz 1999). Основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении топографии культовых сооружений, системы водоснабжения, оборонительных рубежей, а также каменной пластики Каффы (Бочаров 1998; 2000; 2016а; Айбабина 2001; Айбабина, Бочаров 2002). Отдельные статьи посвящены некоторым категориям вещей

²¹ Амфоры с внутренней бугристой поверхностью (класс 52 по ХК-95) и с дуговидными ручками (тип IV по Н. Гюнсенин или «трапезундская» группа по И. В. Волкову), найденные в слое 2 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун, нельзя с уверенностью соотносить с комплексами XIV в., как это предлагают авторы публикации, так как они датируются довольно широко, преимущественно в рамках XII—XIV вв. и массово представлены в археологических контекстах Крыма последней трети XIII в. Их более узкая датировка возможна только по сопутствующему материалу или особенностям технологии формовки (см. напр.: Волков 1992b). Утверждение же о наличии целых форм таких амфор в «культурных горизонтах» XV в. вызывает большие сомнения, которые могут быть развеяны только после публикации материалов «акрополя городища», на которые в данном случае ссылаются Александр Германович и его соавторы (Герцен и др. 2006, с. 382).

²² Опубликованы лишь 3 реконструированных и 4 фрагментированных поливных чаши различного происхождения из заполнения ямы 1 (раскопки 1992 г.) с монетами 1350—1360-х гг.

находок (Айбабина 1991а; Айбабина, Бочаров 1998; Бочаров 1999). Однако полная публикация материалов раскопок этого города, разработка хронологии и периодизации его культурных отложений, по-прежнему очень актуальны.

Эта же проблема насущна и для второго крупного городского центра Крыма — средневековой Солдаи (совр. Судак), среди исследователей которого для третьего этапа следует назвать, прежде всего, И. А. Баранова, В. В. Майко, А. В. Джанова, В. Д. Гукина. Несмотря на длительный период археологических изысканий в Судаке, хронологии культурных отложений города XIII—XV вв., а также публикации находок из них уделено немного внимания.

Наиболее полно представлены материалы из строений на участке генуэзской оборонительной стены (куртина XIV), прекративших существование в последней трети XIV в., предположительно, в связи с захватом города генуэзцами во второй половине XIV в. (1365 г.) (Баранов 1988, с. 81—88; 1991, с. 107; 2004, с. 529). Опубликована также краткая информация о раскопках башни Якобо Торселло и барбакана Сугдеи (Баранов 1988, с. 87—94, фото 7, рис. 12). Однако хронологическая гомогенность некоторых «закрытых» комплексов вызвала сомнения, так как их характеристика лишена стратиграфического контекста, а среди находок присутствуют разновременные артефакты — XIII, XIV и XV вв. (Мыц 2007, с. 89).

В 2012 г. также изданы предварительные итоги археологических исследований 1997 г. на участке «квартала I», расположенного между зданием генуэзской лоджии (так называемый «Дом с камином») и безымянной башней № 5 (Майко 2012). Однако материал, в том числе керамический, представлен в самых общих чертах и нуждается в более тщательном анализе.

В последние десятилетия продолжилось изучение средневековой застройки портовой части Сугдеи. Здесь вскрыто несколько смежных друг друга археологических комплексов, в том числе — от начала палеологовского до раннеосманского времени. Детально проанализированы материалы двух усадеб, исследованных в 2006—2010 гг. Поздние жилищно-хозяйственные комплексы функционировали с середины XV по конец XVI — начало XVII вв. Среди находок — многочисленная неполивная и поливная бытовая керамика, как местного производства, так и привезённая из отдалённых регионов. Значительное количество импортной керамики,

в том числе довольно редкой для Крыма (валенсийские пифосы второй половины XIV — первой половины XVI вв., испанская майолика, в том числе с декором в стиле «*sofás*», конца XV — начала XVI вв., итальянская майолика строгого и полихромного стилей, турецкий полуфаянс, восточный псевдоселадон, пр.), указывает на то, что обитатели усадеб были прямо или косвенно связаны с международной морской торговлей. Более того, очевидно, что эти связи не были прерваны после османского завоевания Крыма в 1475 г., что особенно интересно, так как для большинства селений эти события оказались катастрофическими (Тесленко, Майко 2020b). Стратиграфически ниже зафиксированы остатки слоя пожара, содержащего набор керамики, сопоставимый с материалами из слоёв разрушения Херсонеса второй половины XIII в. (Майко 2013а)²³, а также заполнение двух пифосных ям, засыпанных при перепланировке участка, с иным составом керамических артефактов (Майко 2013b). Среди поливной посуды из ям абсолютно преобладали изделия византийского круга с концентрическими окружностями и спиральями в качестве базового элемента декора (Майко 2013b, рис. 3; 4), при этом импортная амфорная тара представлена исключительно сосудами с грушевидным туловом и дуговидными ручками (тип IV по Н. Гюнсеню или «трапезундская группа» по И. В. Волкову) (Майко 2013b, рис. 2). Подобное сочетание импортов сближает его с керамическим ансамблем поселения Кабарди (Волков 2005а) и ранним комплексом Азака, относящимся ко времени основания города (Масловский 2006b). Первый из них, на основании изменений в технологии производства двух групп импортных

²³ Правда, сам автор публикации относит гибель усадьбы к более раннему времени — первой половине (30-м гг.) XIII в., предположительно соотнося его либо с захватом Сугдеи «золотоордынскими войсками», либо с последствиями «похода сельджукского полководца Кай-Кубада I» (Майко 2013а, с. 77). Основным аргументом для столь ранней даты служит отсутствие среди поливных изделий находок керамики «условно связываемой с производством Nikeia», под которой, вероятно, имеется ввиду одна из групп обширной семьи «Zeuxippos Influence Ware», с концентрическими кругами и спиральями в декоре (возможно, группа «Новый Свет»), получившая распространение с последней трети XIII в. Однако, в слоях пожара Херсонеса и Эски-Кермена второй половины XIII в. она также пока не найдена. В то же время в судакском комплексе отсутствуют изделия, характерные для конца XII — первой половины XIII вв., например «Middle Byzantine Production» из эгейского региона (по крайней мере, автор публикации о них в данном контексте не упоминает), что может свидетельствовать в пользу формирования комплекса уже после того, как эти предметы исчезают с рынка.

амфор и анализа известных политических событий, датирован автором 1240—1260-ми гг. (с 1261 г. в качестве верхней даты) (Волков 2005а). А. Н. Масловский аргументированно рекомендует не ограничивать верхнюю дату Кабарди, а соответственно и аналогичных комплексов Азака 1261 г., предлагая для неё более широкий диапазон в рамках 1260-х гг. или третьей четверти XIII в. в целом (Масловский 2006b, с. 290—292), что вполне справедливо²⁴.

В случае с ямами в портовой части Сугдее, *terminus post quem* их заполнения уточняется находками монет: трёх пулов чеканки Солхата 1260-х и 1270-х гг., два из которых с изображением стремявидной тамги (Майко 2013b), появляющимся на джучидских монетах не ранее 665 г. х. (1266 г.) (Гончаров 2011). Вероятно, этот же хронологический репер может быть определён в качестве *terminus ante quem* для предшествующего слоя пожара. При этом оба комплекса ярко демонстрируют финальный и начальный этапы больших перемен в керамическом импорте, произошедших в последней трети XIII в. Кроме того, рассматриваемые материалы интересны ещё и для изучения периода присутствия венецианцев в Сугдее, которому пока уделено мало внимания. Не исключено, что керамический комплекс из пифосных ям может быть каким-то образом связан с первой факторией республики Святого Марка в Крыму, которая, как известно, располагалась в городе в последней трети XIII в. (лит. см.: Бочаров 2015b, с. 305—306).

Выдающимся событием для изучения материальной культуры последней трети XIII в. можно считать исследования остатков кораблекрушения в бухте у пос. Новый Свет, проводимые с 1999 г. подводно-археологической экспедицией Киевского национального университета им. Т. Шевченко под руководством С. М. Зеленко (Зеленко 1999; Зеленко 2008, с. 126—167)²⁵. Объект представляет собой комплекс единовременного формирования, датирующийся тремя с половиной десятилетиями монет трапезундского императора Мануила I Комнина (1238—1263) 1260-х гг. выпуска (Дергачева, Зеленко 2008). Иссле-

дователи памятника предположительно связывают остатки этого корабля с упомянутой в письменных источниках пизанской галерой, сожжённой в стычке с генуэзцами 14 августа 1277 г. на глазах у жителей Солдаи. Как бы там ни было, нижняя дата крушения — не ранее начала 1260-х гг.

Из раскопок судна собрана многочисленная коллекция разнообразных керамических изделий (крупной и среднегабаритной тары, кухонной и столовой посуды), происходящих из различных регионов Средиземноморья и Причерноморья (Испания, Италия, Эгейский регион, Левант, Кипр, Малая Азия, пр.), не имеющая аналогов ни в одном из надёжно датированных наземных закрытых комплексов (см. напр. Зеленко 1999; 2008, с. 126—167; Waksman, Teslenko, Zelenko 2009; Waksman, Teslenko 2010; Тимошенко, Зеленко 2012; Морозова, Зеленко 2012; Зеленко, Морозова 2012; Zelenko, Morozova 2010; Morozova, Zelenko, Timoshenko 2013). Уникальность объекта заключается ещё и в том, что здесь, в грузе одного корабля, присутствуют группы поливной посуды, которые на наземных объектах, как правило, вместе не встречаются и обычно относятся к разным хронологическим периодам. Возможно, на судне перевозили одни из последних партий керамики и посуды из личного имущества команды, производство либо поставки которых в Черноморский регион вскоре прекратились (например, византийские GWW IV; «Zeuxippus Ware», «Port Saint Simeon Ware», «Seldjuk Ware», др.), совместно с одними из первых партий посуды, массовое изготовление которой на экспорт только началось (группа «Новый Свет» и кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба) (Waksman, Teslenko, Zelenko 2009; Morozova, Zelenko, Timoshenko 2013; Waksman, Teslenko 2010). Несомненным достоинством керамического материала исследованного корабля является его хорошая изученность с применением современных археометрических методов²⁶, что позволило выделить гомогенные группы изделий и, во многих случаях, определить их место произ-

²⁴ Больше деталей об этой проблеме см. (Тесленко 2018b, с. 464—466).

²⁵ Памятник впервые документирован экспедицией ИА УССР под руководством П. Н. Шульца в 1957—1958 гг., однако долгое время оставался без должного внимания специалистов, проводивших здесь лишь эпизодические разведки. До начала охранных раскопок в 1999 г. остатки кораблекрушения регулярно подвергались разорению любителями дайвинга (Зеленко 1999).

²⁶ Химические исследования сырья керамических изделий проводились в Лаборатории археометрии и археологии UMR 5138 CNRS (г. Лион, Франция) под руководством доктора С. Й. Ваксман в рамках совместного проекта «Средневековая торговля на Чёрном море: исследование груза корабля возле Нового Света (Крым)», № 09ДП046-01 (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко и Laboratoire de Céramologie, UMR 5138 CNRS-University of Lyon) по программе международного сотрудничества Украина—Франция (PAI DNIPRO).

водства (Waksman, Teslenko, Zelenko 2009; Waksman, Teslenko 2010).

Данные об особенностях керамического комплекса следующего хронологического этапа — рубежа XIII—XIV — начала XIV вв. получены из верхних горизонтов средневекового селения на юго-восточном склоне г. Сююрю-Кая (Тепсень), известного под названием Посидима, раскопки которого продолжились в начале текущего столетия (Бочаров 2007; 2015с; 2017а; Майко 2008). В культурных слоях, соотносимых с этим населённым пунктом, большинство находок поливной керамики (около 60 %) составляют импортные изделия так называемой группы «Византия», большая часть которых близка по визуальным характеристикам подгруппе «Новый Свет», а около 40% — изделия местного производства, предположительно из Солхата и его округи. Некоторые предметы находят близкие аналогии в продукции гончарных мастерских поселения Бокаташ II²⁷, начало деятельности которых относят ко второй половине — концу XIII в. (Крамаровский, Гукин 2006, с. 29—30; 2007, с. 23). В единственном экземпляре представлено блюдо сельджукской группы («Seldjuk Ware») малоазийского импорта (Майко 2008, рис. 8: 2), известной в Крыму по находкам из слоёв пожара Херсонеса второй половины XIII в. и новосветского кораблекрушения²⁸. Изделия, которые с уверенностью можно было бы датировать серединой — второй половиной XIV в. в публикациях отсутствуют. Таким образом, этот комплекс один из немногих известных в Крыму, где можно наблюдать продукцию мастерских золотоордынских поселений Юго-Восточного Крыма начального этапа их деятельности в сочетании со всё ещё массовым импортом керамики византийского круга последней трети XIII — начала XIV вв.

Несомненный интерес в рамках рассматриваемой темы представляют материалы исследования одного из крупнейших город-

ских центров Северного Причерноморья, столицы Крымского улуса Джучидского государства — города Солхат / Крым (совр. Старый Крым). Раскопки памятника были возобновлены с 1978 г. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского и продолжаются по сей день. Однако результаты этих изысканий всё ещё не изданы в полном объёме. Марк Григорьевич опубликовал лишь несколько кратких заметок по итогам полевых сезонов, сосредоточив своё внимание на углублённых исследованиях отдельных выдающихся артефактов и архитектурных сооружений, пространственных исторических экскурсах и реконструкциях (см. напр.: Крамаровский 1980; 1989; 1991; 1994; 1997; 2003; 2012; 2016а; 2019, с. 15—57 и др.; Залеская, Крамаровский 1990; Зильманович, Крамаровский 1992; Крамаровский и др. 1997). Эти исследования, безусловно, весьма ценны для понимания общей исторической периодизации и топографии средневекового Солхата, социально-политических процессов в Джучидском Крыму и векторов влияния на местное декоративно-прикладное искусство. Вместе с тем, они не позволяют составить сколько-нибудь отчётливого представления ни о стратиграфии исследованных участков памятника, ни о составе и хронологии выявленных раскопками вещевых комплексов, в том числе гончарных. В научной литературе неоднократно упоминается о значительных масштабах экспорта поливной керамики производства Солхата за пределы полуострова (см. напр.: Волков 1992а, с. 9—10; Масловский 2006а, с. 355—371, др.). Однако информация о керамическом ремесле и его продукции из самого очага экспорта, пока, к сожалению, незначительна. Из двух сообщений М. Г. Крамаровского на отчётных археологических сессиях ГЭ известно о находках его экспедицией трёх гончарных мастерских различной специализации в разных районах городища (Крамаровский 1991; Зильманович, Крамаровский 1992). Одна из них открыта «в центральной части... средневекового Солхата» в 1987 г. Она функционировала в период с конца XIV до начала XV вв., была оснащена горном «с внутренней топочной камерой наземного типа» (? — *И. Т.*), и специализировалась на производстве «водоносной посуды» (Крамаровский 1991, с. 22—23). Вторая обнаружена в 1990 г. на юго-западной окраине современного города, в районе новой застройки, в 150—200 м к югу от шоссе Симферополь—Феодосия (объект «Солхат П»). Здесь исследовано три гончарных

²⁷ См. напр. чаши со специфическим орнаментом сграффито в виде спиралевидных лент, заполненных точками, из Посидимы (Майко 2008, рис. 4: 1; Бочаров 2017а, рис. 26: 6) и поселения Бокаташ II (Крамаровский, Гукин 2004, табл. 20: 3; 34: 4; 37: 4; 145; 155: 1—2; 157), а также фрагмент стенки кувшина с тисненым орнаментом из Посидимы (Майко 2008, рис. 8: 3) и форму для изготовления сосудов с подобным декором из Бокаташа (Крамаровский, Гукин 2004, с. 294, табл. 111).

²⁸ В. В. Майко ошибочно соотносит его с более поздней группой византийского импорта («Elaborate Incised Ware»), получившей распространение во второй половине XIV в. (Майко 2008, с. 474), омолаживая на этом основании весь комплекс, что не соответствует действительности.

горна (двухъярусные, эллипсоидной формы, впущены в материк, с одноканальной топочной камерой и устьем) для обжига кухонной неполивной посуды. В большинстве своём это красноглиняные плоскодонные кувшины с узким и широким горлом, изготовленные из красножгущейся глины с песком, редкими известковыми включениями и мелкими зёрнами кварца. Сосуды формовались на подсыпке из сухой глины или срезались нитью. Отдельные экземпляры были украшены волнисто-гребенчатым орнаментом, горизонтальными рядами оттисков квадратного или треугольного штампа или валиками с вдавлениями (Крамаровский 1991, с. 21—22). По монетным находкам из слоя над обжигательной камерой (четыре джучидских пула, из которых два стёрты, один — 1350—1360-х гг., один — 1383 г., чеканен от имени Тохтамыш), верхняя дата функционирования комплекса может быть определена в рамках последней четверти XIV в. Третья мастерская исследована в 1990—1992 гг. у южной стены «караван-сарая» (объект XII). Комплекс включал двухъярусный горн (округлый в плане, впущен в материк, с устьем и предтопочной ямой) под навесом, а также 7 пифосов и яму № 1 с производственным браком (деформированные копилки), триподами и формами-кальшами для изготовления сосудов с тиснённым орнаментом. По монетным находкам период активной деятельности мастерской определяется 1320-ми гг. Верхняя дата комплекса — не позднее 1350—1360-х гг. (Зильманович, Крамаровский 1992, с. 7—8; Крамаровский, Зильманович 1993, с. 21—22). Детальная характеристика керамики, чертежи горнов и рисунки сосудов в публикациях не приведены.

Из находок керамики в Старом Крыму особое внимание уделено чаше со сценой «молодёжной пирушки в гранатовом саду», обнаруженной в заполнении землянки под полом так называемой «мечети Бей Барса» в контексте с 117-ю джучидскими монетами XIV в. (наиболее поздние монеты хана Абдаллаха, 1360—1370-е гг. и времени правления Тохтамыш, 1376—1399 гг. из верхней части засыпи) (Залеская, Крамаровский 1990, с. 18—26; Крамаровский 2012, с. 170—193; 2016а, с. 68—69; Золотая Орда и Причерноморье... 2019, с. 426—427). Без анализа контекста опубликованы около полусотни поливных и неполивных изделий, а также трипод, которые были представлены на выставках «Золотая Орда, история и культура» (Золотая Орда... 2005, с. 137—147), «Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей импе-

рии» (Тесленко, Сейдалиева 2016, с. 85—100; 131—151) и «Золотая Орда и Причерноморье, уроки Чингисидской империи» (Золотая Орда и Причерноморье... 2019, с. 253, 254, 426—469), единичные экземпляры чаш с изображением «воина со щитом», «сидящего латинянина» (Залеская, Крамаровский 1990, с. 29, рис. 14; 15), кувшин с тиснённым в форме декора, обнаруженный вместе с соответствующими матрицами (Крамаровский 1996, с. 99, 113, рис. 3: 4), упомянуты фрагменты византийского импорта эпохи Палеологов (Крамаровский 2012, с. 298). Кратко охарактеризована поливная керамика из комплексов 1330-х гг. — конца XIV — начала XV вв. (ямы и водовод), исследованных в 2013 г. у медресе Солхата (Крамаровский, Науменко, Сейдалиев 2014). В качестве иллюстраций к научно-популярной книге изданы фотографии нескольких находок изделий местного производства из разных районов Солхата (Гаврилов, Майко 2014, с. 25, 37, 44, 51, 65, 66, 68, 80, 96). Отдельные статьи посвящены «штампованным» кувшинам и чашам с изображениями птиц, а также некоторым группам импорта из раскопок города и его окружи (Сейдалиев, Сейдалиева 2017; Сейдалиева 2019; 2020).

В то же время итоги работ на двух поселениях (Кринички II и Бокаташ II) сельской округи Солхата, проводимые М. Г. Крамаровским совместно с В. Д. Гукиным в течение 1998—2007 гг.²⁹, опубликованы относительно полно и снабжены большим количеством иллюстраций (Крамаровский, Гукин 2002, 2004, 2006, 2007).

Поселение Кринички II расположено в 3 км к северо-востоку от Старого Крыма, рядом с д. Кринички, в степи, примыкающей к горе Агармыш. Здесь, на площади 375 м², выявлены архитектурно-археологические комплексы — 4 жилища (2 наземных и 2 полужемлянки), 5 хозяйственных сооружений (1 — наземное, 4 полужемлянки), 14 тандыров, 1 печь, 24 хозяйственных ямы, 4 каменные и 2 сырцовые вымостки — соотносимые с тремя строительными периодами, детальная хронология которых затруднительна (Крамаровский, Гукин 2002). Опираясь на нумизматические материалы (56 монет), авторы раскопок датируют существование поселения

²⁹ Раскопки поселения Кринички II — 1998—2000 гг., Бокаташ II — 2001—2007 гг. Одним из существенных недостатков публикации отчёта по раскопкам «Криничек II» является отсутствие коллекционной описи и некоторых ссылок на таблицы иллюстраций в текстовой части, поэтому порой довольно сложно определить, из каких комплексов происходит часть отражённых на рисунках находок.

в целом в рамках второй половины XIII — начала XV вв., предполагая (на основании наличия «поздних люстровых сосудов»), что поселение могло функционировать до конца XV в. (Крамаровский, Гукин 2002, с. 9—32). Однако предложенные хронологические рамки можно сузить на следующих основаниях. Наиболее ранняя монета второй половины XIII в., послужившая для определения нижней даты, происходит из комплекса третьего строительного периода, в котором найдено ещё 9 монет 50-х гг. и второй половины XIV в. (Крамаровский, Гукин 2002, с. 121—140). То есть, в данном случае она представляет собой «раритет», который не может быть полноценно использован для разработки хронологии культурных слоёв памятника в целом. Кроме того, среди поливной керамики из отложений даже первого строительного периода отсутствуют изделия, которые можно было бы уверенно отнести к концу XIII — первой четверти XIV вв. В то же время «поздние люстровые сосуды» (Крамаровский, Гукин 2002, с. 64, табл. 22: 1; 104, табл. 2: 5), на датировке которых базируется верхняя временная граница, при ближайшем рассмотрении оказались продукцией испано-мавританских гончаров Валенсии, объединяемой в группу «Pula». Как известно, хронологическая позиция группы преимущественно ограничивается 1330—1380-ми гг. с возможной верхней датой около 1420 г. в «широкой» хронологии (см. напр.: Тесленко 2004, с. 473—474). К тому же самой молодой нумизматической находкой на памятнике является единственная медная монета с генуэзской надчеканкой первой четверти XV в., происходящая из дернового слоя (Крамаровский, Гукин 2002, с. 91). Основная же масса нумизматического материала культурных отложений, связанных с жилищно-хозяйственными сооружениями, относится к 1350—1380-м гг. (Крамаровский, Гукин 2002, с. 33, 91, 140), что, скорее всего, и определяет период наиболее интенсивного накопления здесь культурных остатков. Этим же временем, вероятно, может быть датирована и основная масса находок керамики. Окончательное угасание жизни на поселении происходит не позже 1420-х гг.

Поселение Бокаташ II находится в предгорьях хребта Карасан-Оба, в 1,4 км к юго-востоку от г. Старый Крым. Работы здесь проводились в 2001—2007 гг. на двух участках общей площадью около 1000 м². Детально опубликованы итоги раскопок первых пяти полевых сезонов (Крамаровский, Гукин 2004; 2006; 2007; Крамаровский 2012, с. 325). На одном из участков (раскоп XXII, 2001—2005 гг.)

изучено 7 наземных сооружений, 2 полуземлянки, 18 гончарных горнов (из них № 4 и 14 в публикации не представлены, конструкция № 6 отнесена к обжигательным сооружениям условно, скорее всего, это яма-коллектор), 5 тандыров, 25 хозяйственных ям. На втором (раскоп XXIII, 2004—2007 гг.) выявлено 8 гончарных горнов, 2 наземных каменных сооружения, 1 полуземлянка, 2 глинобитные печи, 2 тандыра, 8 хозяйственных ям, материалы которых представлены в опубликованных отчётах (Крамаровский, Гукин 2006, с. 22—25, 30; 2007, с. 10—19, 22—23) и ещё 12 (?) гончарных горнов (4 — в одной из мастерских с тремя специализированными помещениями), 5 наземных каменных сооружений-мастерских (?), 6 тандыров, 1 глинобитная печь и 10 хозяйственных ям, краткая информация о которых содержится лишь в отдельных статьях (Крамаровский 2009, с. 301—302; Ломакин 2016, с. 17—18).

Значительные по площади раскопки гончарных мастерских позволили получить ценные сведения о топографии, организации и специализации местного керамического производства. Выявлены сменяющие друг друга комплексы гончарных горнов различной конструкции, как отдельно стоящих, так и объединённых одной предтопочной ямой, которые располагались как внутри помещений, так и под открытым небом или навесом; мастерские из нескольких помещений, где происходил процесс выделки и просушки готовых изделий, в одной из них (сооружение 4 на раскопе XXII) обнаружены детали ножного гончарного круга из камня (Крамаровский, Гукин 2004, с. 31—33, табл. 34; 35; 113); ямы-глинники, ёмкости для воды, коллекторы для производственных отходов и пр. По замечанию авторов раскопок, здесь, «на сравнительно небольшой территории поселения... присутствует полный спектр керамического производства, начиная от первичной обработки глины и заканчивая конечным продуктом» (Крамаровский, Гукин 2004, с. 50). Прослежена специализация отдельных составляющих производственного комплекса. Например, на участке гончарного центра, исследованном в границах раскопа XXII, изготавливалась, в основном, неполивная посуда: плоскодонные и круглодонные горшки, покрытые серым ангобом; сосуды открытой формы («неглубокие плоски»); котлы с загнутым вовнутрь венчиком, подтреугольными налестками по верхней кромке тулова, петлевыми ручками; конусовидные крышки с выделенным профилем под внутренний диаметр. Встречены также треножные подставки

(сепай) со следами ангоба и зелёной поливы и матрицы для изготовления штампованной посуды (кальпы) (Крамаровский, Гукин 2004, с. 7—51, табл. 18—111; Крамаровский, Гукин 2006, с. 12—18, 22—30, табл. 1—167; 2007, с. 10—23, табл. 1—146). Кроме того, удалось проследить более узкую направленность некоторых гончарных горнов. Так в горне № 8 обжигались, в основном, котлы; в горнах № 9 и 12 в общей массе керамики выделяется немногочисленная красноглиняная посуда с росписью белым ангобом; в горне № 17 и обслуживающей его хозяйственной яме № 22 найдены матрицы (кальпы) для производства кувшинов со «штампованным» декором (готовая продукция встречена в горне № 8, тандыре № 3 и яме № 22), сепай; в предтопочной яме горна № 17 обнаружена заготовка кувшина из тонкодисперсной глины со сложным прорезным орнаментом по ангобу, без поливного покрытия (Крамаровский, Гукин 2006, табл. 87—88). В двух горнах (№ 1 и 2, раскоп XXIII, 2004 г.), объединённых одной предтопочной ямой, обжигалась керамика сграффито с довольно своеобразным декором³⁰. Оригинальные геометрические композиции, специфический стиль зооморфных и антропоморфных изображений не находят пока аналогий среди опубликованных материалов из других гончарных центров Крыма, а также золотоордынских городов Подонья, Поволжья, Приднепровья и Приднестровья (Крамаровский, Гукин 2006, с. 22—24, табл. 118; 125; 130—139; 141; 143; 145; 148; 150; 151; 153; 154; 156; 157; 160—163).

Хронология объектов определена по многочисленным монетным находкам³¹. Наиболее ранние из них относятся ко второй половине — концу XIII в. (более полусотни), наиболее поздние — к 1360—1380-м (?) гг. (медная монета трапезундского императора Алексея III, 1349—1390 гг.; анонимный пул чекана Сарая, 1380-е гг.; пул Абдаллаха [Азак?], 1362/63—1363/64 гг.). Исходя из анализа стратиграфии и нумизматических

³⁰ Следует отметить, что эти обжигательные сооружения, с несущими арочными конструкциями на пилонах, поддерживающими под обжигательной камерой, конструктивно отличались от других, открытых до этого на памятнике (Крамаровский, Гукин 2006, с. 22—24). Детальнее об особенностях гончарных мастерских Бокаташа и их продукции см. (Тесленко 2018а, с. 17—25).

³¹ За период 2001—2005 гг. найдено более двух с половиной сотен монет, среди которых преобладают джучидские монеты чекана г. Крым / Солхат, встречаются монеты Византии, Болгарии, Ирана, Малой Азии (Крамаровский, Гукин 2004, с. 299—300; 2007, с. 210—214).

материалов, авторы раскопок выделяют 3 строительных периода для поселения и 2 основных периода функционирования гончарного комплекса (Крамаровский, Гукин 2006, с. 29—30). На первый период, датируемый второй половиной — концом XIII — началом 1340-х гг., приходится становление и расцвет мастерских, специализирующихся на выпуске широкого ассортимента неполивной и поливной посуды. Последняя, как без дополнительного оформления внешней поверхности, так и с разнообразным декором: оттиск в рельефной форме (кальпе), орнамент сграффито, роспись белым ангобом. Второй период относится к концу правления Джанибека (1343—1357 гг.) — времени правления Тохтамыша (1375—1395 гг.) и характеризуется прекращением выпуска поливных изделий, сокращением ассортимента иной продукции и переходом на изготовление «стандартизированной массовой посуды, преимущественно кухонной». Как отмечают исследователи памятника «...в канун периода анархии 1357—1380 гг. гончарное производство на поселении Бокаташ II приходит в упадок» (Крамаровский, Гукин 2007, с. 23). На рубеже XIV—XV вв. участок, где располагались мастерские, уже используется в качестве христианского некрополя (Крамаровский, Гукин 2004; 2006; 2007).

Дополнительные сведения о синхронных комплексах региона содержатся в публикациях итогов охранных работ разных лет. Среди наиболее информативных отметим исследования одной из усадеб золотоордынского селища в пойме реки Байбути, на северо-западной окраине г. Феодосия, проводившиеся Е. А. Айбабиной в 1980 г. На основании монетных находок³² и аналогий керамическим сосудам, комплекс датирован второй половиной XIV в. (Айбабина 2005, с. 229—246). Также представляют интерес материалы раскопок золотоордынских поселений Старый Фонтан, Жемчужина 1 и Чокрак-Найман 1, выявленных в зоне строительства автомагистрали Керчь—Феодосия—Белогорск—Симферополь—Бахчисарай—Севастополь в 2017—2018 гг. на территории Белогорского и Кировского районов Крыма (Сейдалиев, Сейдалиева 2018; Сейдалиев 2019; Хохлов, Мелькова 2019; Коваль 2019а).

В целом, изданные материалы исследований сельских поселений ближней и дальней округи Солхата и Каффы, в комплексе с открыточными сведениями о раскопках самих этих городов, в определённой мере позволяют

³² Монеты хана Узбека 1313/14 г. и анонимный пул 1384 г., чекан Сарай ал-Джедид.

детализировать представление о поливной керамике Юго-Восточного Крыма второй половины — конца XIII — последней четверти XIV вв., организации здесь гончарного ремесла и получить некоторые основания для разработки более детальной хронологии керамических находок.

Памятники восточной оконечности Крыма рассматриваемого периода также неоднократно привлекали внимание исследователей, но, как продолжают отмечать медиевисты, обращавшиеся к изучению местных средневековых древностей, «поздневизантийский период в истории Керченского полуострова остаётся пока плохо изученным в археологическом плане» (Науменко, Пономарев 2015, с. 279). В прибрежной части этого полуострова к настоящему времени с большей или меньшей точностью локализовано десять населённых пунктов (Завида, Конестассе, Чиприко, Кавалари, Аспромити, Воспоро, Пондико, Дзукалаи, Каркавони, Кубатуба), предварительно датируемых XIII—XV вв. (Бочаров 2001, с. 157—161; 2016а; 2017b; 2018; Гордеев 2014, с. 324—338). Масштабные археологические работы в последней четверти XX — начале XXI вв. проводились на территории двух из них: Воспоро (в границах античного Пантикапея-Боспора, район центральной площади современного г. Керчь, северо-восточное подножье г. Митридат), наиболее крупного города на Керченском полуострове, в котором с начала XIV в. обосновались венецианцы, а затем генуэзцы (см. напр.: Айбабин 2003, с. 284—285; Артеменко 2006; Макарова 1991; 1998; 2003, с. 68—74; Науменко, Пономарев 2015) и небольшого укрепленного поселения Пондико (территория античного Мирмекия, район Карантинного мыса, северный берег Керченской бухты, восточная часть современного г. Керчь) (см. напр.: Бутягин 1999; 2004, с. 48—49; Бутягин и др. 2000, с. 23—24; Бутягин, Виноградов 2006, с. 47—51; Виноградов 2006, с. 29; 2010, с. 452; Вахонеев 2007).

Несмотря на то, что итоги этих работ, в особенности, относящиеся к раскопкам храма Иоанна Предтечи и некрополей, частично представлены в публикациях (Макарова 1998; 2003, с. 68—74; Бутягин 2004; Бутягин, Виноградов 2006, с. 49—51, рис. 32—33), материалы жилищно-хозяйственных объектов и культурных слоёв XIII—XV вв., обычно изобилующих керамическими находками, всё ещё не введены в научный оборот в полном объёме. Из коллекций керамики Керченского музея, сформированной из раскопок разных лет, опубликованы лишь отдельные

категории предметов, зачастую, без увязки с археологическим контекстом (Иванина 1999; Артеменко, Желтикова 2014). Таким образом, полноценное использование имеющихся материалов для изучения специфики керамического комплекса второй половины XIII—XV вв. этого региона пока затруднительно.

Южный Крым. Значительное количество стратифицированных комплексов середины — второй половины XIV и в особенности XV в. получены при раскопках укреплений в Алуште, на Фуне и Чобан-Куле, проводимых экспедициями отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР, а затем Крымского филиала Института археологии НАН Украины в 1980—1990-х гг. и начале 2000-х гг. (руководители В. Л. Мыц, В. П. Кирилко, И. Б. Тесленко).

В. Л. Мыцом в научный оборот частично введены материалы, в том числе керамика, из заполнения донжона крепости Фуна, период существования которого ограничен 1459—1475 гг. (Мыц 1988а, с. 102—109, рис. 6, 7; 1991а, с. 100—101, рис. 40—44; 2009, рис. 320—328) и отдельные предметы из слоёв пожара 1475 г. внутрикрепостной застройки (Мыц 2009, рис. 329—342)³³. На основании анализа стратиграфии и строительных остатков Фуны В. П. Кирилко разработал детальную строительную периодизацию памятника, позволяющую датировать культурные слои, связанные с различными этапами существования крепости и материал из них, в диапазоне 16—29 лет. Для чуть более полувекового существования укрепления исследователь выделяет три строительных периода: 1423 г. — в течение которого оно было возведено и разрушено в результате мощного землетрясения; 1425—1434 или 1450-е гг. — восстановление укрепления и гибель строений форпоста в пожаре; 1459—1475 гг. — превращение крепостного ансамбля в замок и окончательное разорение его во время экспансии турок (Кирилко 2005а, с. 35—81, рис. 40, 41, 44, 45, 48—60). К безусловным заслугам В. П. Кирилко относится особая тщательность раскопок и скрупулёзность фиксации архитектурно-археологических контекстов в процессе проведения полевых исследований,

³³ Не умаляя значения этих работ следует отметить, что их автору не удалось избежать некоторых неточностей. Так одна из поливных чаш, отмеченная в публикации как происходящая из слоя пожара 1475 г. (Мыц 2009, рис. 331), согласно отчётной документации найдена вместе с другими подобными изделиями в подсыпке двора № 1 (Мыц, Кирилко 1991, с. 36, рис. 86: 2). Верхняя дата подсыпки соответствует 1450-м гг., а не 1475 г., что важно для детальной хронологии артефактов.

что позволяет использовать материалы его работ для полноценных реконструкций вещевых комплексов (в том числе керамических) и интерьеров изученных помещений (Кирилко 2005а, с. 65—67, рис. 47—60). Находки, синхронные последнему строительному периоду Фуны, получены также при раскопках укрепления Чобан-Куле (замок Гваско?) и храма на близлежащем поселении (Кирилко, Мыц 2004, с. 204—245, рис. 22; 26). Существование обоих объектов датируется в рамках 1459/60—1475 гг., что позволяет ограничить этим временем весь археологический материал (в том числе керамику) из исследованных комплексов (Кирилко, Мыц 2004, с. 223).

Периодизация архитектурно-археологических остатков алуштинской крепости разработана менее детально. Упрощённые хронологические схемы строительных горизонтов, предложенные В. Л. Мыцом на начальном этапе исследования памятника (Мыц 1986а, с. 278—279; 1989а, с. 151—152; 1997b, с. 187—189), были несколько усовершенствованы на основании результатов полевых работ 1990-х гг. В рамках «генуэзского» периода истории укрепления (1380—1470-е гг.) В. Л. Мыц выделяет два этапа фортификационного строительства, датируя их первой четвертью XV в. и 1460-ми гг. (Мыц 2009, с. 345). Две из трёх башен последней линии обороны — круглая и квадратная (известны под поздними тюркоязычными названиями Ашага-Куле и Орта-Куле) были раскопаны в 1992 и 1993 гг. Хорошая сохранность объектов позволила получить насыщенные находками комплексы второй половины XV в., материалы которых, в том числе керамика, были затем частично введены в научный оборот (Мыц 2002, с. 139—189, рис. 11—35, 41—43; 2009, с. 289—345, рис. 182—187, 190, 192—194, 197—209, 217—221; Алядинова, Тесленко 2015). В разные годы также издавались наиболее выразительные керамические находки из жилой застройки XIV—XV вв. (Мыц 1991а, с. 99—100, рис. 39; 2009, с. 362, рис. 191, 211, 219, 220, 225, 226, 271, 352).

Судя по информации из отчётов и материалам музейных коллекций, при раскопках городища были обнаружены культурные остатки, в том числе стратифицированные комплексы со слоями пожара последней трети XIII в., соотносимые с финалом византийского периода истории укрепления. Однако, за исключением отдельных предметов и одного наиболее выразительного комплекса (Мыц 1991а, рис. 39: 4; 2016; Адаксина 1995; 1998, с. 6—7, рис. 1: 2, 3), они остались неопубликованными,

также как и результаты раскопок памятника в целом.

Благодаря усилиям автора настоящего исследования были изучены отдельные участки застройки с внешней стороны оборонительных стен и, таким образом, получена информация о топографии и периодизации посада крепости (Тесленко, Сёмин 1999; Тесленко, Сёмин, Лысенко 2000, с. 40—50; Телиженко, Тесленко, Лысенко 2010; Тесленко, Лысенко 2019). Кроме того, в 2000 г. впервые был выполнен сводный план городских кварталов Лусты XIV—XV вв. (Тесленко 2005, рис. 1)³⁴, а также детализированы представления об их стратиграфии. Так удалось разграничить этапы существования некоторых жилищно-хозяйственных комплексов XIV—XV вв., выделив в их заполнении 2 пачки отложений, разделённых слоем пожара второй половины XIV в. (Тесленко 2005а, с. 332—333). Введены в научный оборот материалы из раскопок усадьбы, погибшей в этом пожаре, что впервые позволило получить представление о специфике керамического комплекса Южного Крыма этого периода (Тесленко 2017).

Для изучения керамики XIV—XV вв. существенное значение имеют материалы из раскопок археологических объектов длительного формирования, проведённых под руководством автора. Это храмы с некрополями на южной окраине с. Малый Маяк (рубеж XIV—XV — последняя четверть XVIII вв.) (Тесленко, Лысенко 2004, с. 267—274, рис. 14—19) и на северо-восточном склоне г. Аю-Даг (XIV—XVI вв.) (Тесленко, Лысенко 2002, с. 79—80). Зафиксированы детальные стратиграфии объектов, учтено количество артефактов по контекстам и группам, благодаря чему стало возможным проследить тенденции в изменении ассортимента керамики и развитии некоторых групп изделий с XIV до конца XVI—XVIII вв. (Тесленко 2012b; Тесленко 2015b).

В период с 80-х годов XX в. до первых десятилетий XXI в. были также введены в на-

³⁴ Детальная инструментальная съёмка памятника с увязкой всех исследованных участков осуществлялась ведущим инженером КФ ИА НАН Украины В. В. Семеновым под непосредственным руководством автора в 2000 г. в связи с работами по обновлению учётной документации на памятник археологии «Крепость Алустон». В. Л. Мыц приводит этот план в своей публикации 2002 г., выделяя хронологические этапы только для оборонительных рубежей. План городской застройки на его схеме представлен остатками строений VI—XIX вв. без разграничений и пояснений (Мыц 2002, рис. 1; 2009, рис. 172). Позднее несколько усовершенствованный вариант этого же плана приводит В. П. Кирилко в работе, посвящённой крепостным сооружениям средневековой Алушты (Кирилко 2014, с. 188, рис. 13).

учный оборот материалы исследований поселения Партениты (Паршина 1991; 2002; Тесленко, Паршина, Александрова 2020); поселения у западного подножья г. Аю-Даг (Тесленко и др. 2017); укреплений Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен (Мыц 1987а), Учансу-Исар близ Ялты (Бочаров 2009, с. 108—143), Пампук-Кая, в 1,5 км западу от с. Нижняя Голубинка (Мыц 1991а, с. 134, рис. 37), Сюрень, у с. Большое Садовое, Бахчисарайского района (Воронин, Майко, Кутайсов 2014) и замка Калиера на горе Кордон-Оба в п. Курортном (Бочаров 2015, с. 47—97); средневековых монастырей на г. Перчем у Судака (Баранов, Тур 1997, с. 46—50; Тур 1997, с. 117—125) и на естественной прибрежной террасе над бухтой Панаир, восточный склон г. Аю-Даг у пгт Партенит (Адаксина 2002); храмов на Эски-Кермене (Паршина 1988), в урочище Сотера (Паршина 2001, с. 127—130), у замка Фуна (Айбабина 1991b, с. 195—203, рис. 8: 1, 9, 10) и у подножья г. Килиса-Кая близ Судака (Майко, Колтухов 2018, с. 86—89); христианского пещерного комплекса хребта Иограф над Ялтой (Турова 2014 и др.); селения Эски-Юрт на территории современного Бахчисарая (Белый и др. 2005, с. 183—189), др. Все они являются дополнительными источниками информации для изучения позднесредневековой керамики Крыма. Хотя из-за значительных перемещений культурных остатков в различные исторические периоды, а также порой невысокого качества раскопок и фиксации, не все приводимые сведения можно использовать для детальных хронологических построений.

В целом значение работ первой группы заключается в разработке периодизации отдельных многослойных памятников позднесредневекового Крыма, а также во введении в научный оборот большого объема материала из разнообразных археологических комплексов, в том числе и узко датированных.

Вторую группу составляют работы, посвящённые публикациям и специальным исследованиям керамики из раскопок памятников Таврики XIII—XV вв., локализации местных гончарных центров, атрибуции привозных изделий, определению направлений керамического импорта и экспорта Крыма, поискам истоков местных гончарных традиций. Их количество, по сравнению с предыдущим этапом, значительно возросло.

Наибольшее число работ этой группы посвящено поливной посуде. Определёнными вехами, стимулирующими интерес к рассматриваемой теме на третьем этапе, ста-

ли три специализированные конференции, проведённые Крымским филиалом ИА НАН Украины в 1998 и 2007 гг. («Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики» и «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.»), а также Национальным заповедником «Херсонес Таврический» в 2014 г. («Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации»), материалы которых по большей части изданы³⁵.

Иные труды по поливной керамике представлены в форме сводов, каталогов и отдельных статей. К наиболее объёмным из них относится книга А. И. Романчук «Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона», увидевшая свет в 2003 г. (Романчук 2003а). Она подготовлена в форме каталога, основу которого составляют материалы раскопок двух кварталов в портовой части городища, а также некоторые находки из северного и северо-восточного районов Херсонеса. Достоинство работы заключается в демонстрации большого количества керамики (673 предмета) из объектов последней трети XIII—XIV вв., как изданных ранее (Голофаст и др. 1991; Романчук 1982; 1986; 1995; 1996; 1997а; 1999; 2000; 2003b др.; Романчук, Перевозчиков 1990), так и впервые вводимых в научный оборот. Среди недостатков каталога следует отметить отсутствие количественных и качественных характеристик керамических артефактов из представленных комплексов, ряд несоответствий между датами в описательной и иллюстративной частях, отсутствие чётких принципов классифицирования, в результате чего в одну классификационную единицу объединены сосуды различного происхождения и наоборот, близкородственные изделия распределены по разным ячейкам.

³⁵ *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: КФ ИА НАН Украины, 1998; Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). 2005. *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* 1. Киев: Стилюс; *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, 2007; *Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.* Севастополь, 2014; Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). 2017. *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Археологические источники Восточной Европы. Казань; Кишинев: Stratum plus.

Кроме того, на одном классификационном уровне оказываются звенья, выделенные по различным критериям³⁶ и пр. Также указываемое автором место находки одних и тех же предметов в публикациях разных лет порой отличается³⁷. Из-за этих недостатков работа в целом выглядит нелогичной и сложной для восприятия. Заявляемая стратиграфическая и планиграфическая позиции некоторых находок, попытки выделения местной керамической продукции³⁸ и датировки отдельных предметов вызывают сомнения. Предложенная систематизация материала лишена последовательной структуры и не имеет практической значимости. Однако, работа, всё же, представляет ценность как свод источников для изучения поливной керамики Крыма последней трети XIII—XIV вв., хотя к некоторым предложенным датировкам и умозаключениям автора, которые дублируются и в более поздних статьях (см. напр.: Романчук 2005), следует относиться критически.

Художественная поливная посуда из слоёв пожара и разрушения второй половины XIII в. отдельных кварталов Херсонеса и Эски-Кермена представлена в серии статей С. Н. Рыжова, Л. А. Голофаст, С. В. Ушакова, А. И. Романчук, Л. В. Седиковой, А. И. Айбабина (Рыжов, Голофаст 2000; Голофаст Рыжов 2003, с. 198—213; Рыжов 2005; Ушаков 2005; Айбабин 2014b; Седикова 2014; 2018; Sedikova 2015; Завадская, Голофаст 2018, с. 313—315, 318—319). В целом, для систематизации керамики исследователями применён подход, основанный на технико-

³⁶ Например, в отделе «сграффито сосуды», присутствуют следующие подотделы: П.1 — «сграффито керамика с концентрическими окружностями», П.2 — «сграффито сосуды, украшенные окружностями и волнообразными линиями», П.3 — «красноглиняные монохромные сосуды со спиралевидным декором», П.4 — «возможно, импортные сосуды со спиралевидным декором и концентрическими окружностями», П.5 — «импортные сосуды-кубки с геометрическим орнаментом» и т. п., в которых выделены следующие по иерархии ячейки одного классификационного уровня: П.1А и П.2А «находки из портового района», П.1Б и П.2 «находки из других районов», П.5А — «кубки с орнаментом, выполненным сочетанием техники сграффито и шамплеве», П.5Б — «красноглиняные кубки с изображением птиц и рыб», П.5В — «кубки неорнаментированные» (Романчук 2003а, с. 35—56) и т. п.

³⁷ Например, одно и то же блюдо в публикации 1999 г. указано как происходящее из помещения 52 (Романчук 1999, рис. 5: 3), а в каталоге — из помещения 10 (Романчук 2003а, с. 57, табл. 34: 121), две чаши в публикации 1999 г. указаны как происходящие из помещения 52 (Романчук 1999, рис. 6: 1, 5), а в каталоге — из помещения 50 (Романчук 2003а, с. 47, 72, табл. 28: 82; 56: 185)

³⁸ Они, по сути, дублируют подход А. Л. Якобсона, дополненный субъективными суждениями автора.

стилистических характеристиках декоративного оформления сосудов, с использованием терминологии, принятой в англоязычной литературе³⁹. Выводы о возможном происхождении некоторых групп керамики корректируются на основании новых данных (Голофаст, Рыжов 2003, с. 198—213).

Наиболее примечательные глазурованные керамические изделия XIII—XIV вв. из раскопок Херсонеса разных лет, хранящиеся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» в Севастополе, ГИМа в Москве и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, изданы в каталогах выставок и коллекций этих музеев (Залеская 1985; Голофаст, Романчук, Рыжов 1991, с. 155—162, 174—198, 219—236; Яшаева и др. 2011, с. 352—396, 632—664). Особо следует отметить каталог собрания византийской керамики X—XV вв. из Эрмитажа, подготовленный В. Н. Залеской в 2011 г. (Залеская 2011). Здесь представлен значительный корпус крымских материалов преимущественно из Херсонеса, а также Мангупа и Феодосии, в том числе ранее не издававшихся.

Различными исследователями опубликованы глазурованные гончарные изделия XIII—XV вв. других памятников. В их числе — находки из «торговой лавки Ё» и «заполнения хозяйственной ямы у дома, примыкающего к католическому кафедралу Св. Девы Марии» на территории Судакской крепости, датирующихся временем не ранее 1360-х гг. (Баранов 1998, с. 21—24, рис. 1, 2; Баранов, Майко 1998, с. 24—28, рис. 1—3; Баранов 2004, с. 528—529)⁴⁰, керамические комплексы из портовой части Сугдеи (Майко 2013а; 2013b; Тесленко, Майко 2020b), поливная керамика загородных пещерных монастырей округи

³⁹ Англоязычная терминология, используемая зарубежными коллегами для обозначения различных групп поливной керамики (как стилистических, так и выделенных по принципу происхождения), начинает широко применяться местными специалистами по отношению к материалам из памятников Крыма примерно с начала нового тысячелетия.

⁴⁰ Вызывают сомнения датировки некоторых групп посуды, предложенные И. А. Барановым, в частности сосудов с «изображениями животных и святых...», относящихся к типу «Zeuxippus Ware ss», class II. Исследователь указал, что изделия «найжены исключительно с джучидскими монетами XIV в.» (Баранов 1998, с. 24). Сложно судить о том, соответствует ли это утверждение действительности, так как детальное описание условий находки и чертежи стратиграфии исследованного участка отсутствуют. Аналогий же сосудам происходят из закрытых комплексов, существовавших с конца XII и не позднее последней трети XIII вв. (см. напр.: Голофаст, Рыжов 2003, с. 200—204; Waksman, François, 2004—2005; Avissar, Shtern 2005, p. 48—52; Тесленко 2020b, др.).

Херсона (конец XIII—XIV, XV вв.) (Яшаева 1998, с. 198—200, рис. 1; 2005, с. 247—256) и хозяйственных ям XIV—XVIII вв. средневекового Кадыкоя (территория совр. Балаклавы) (Иванов, Савеля, Филиппенко 1998, с. 108—112, рис. 1—4). Кратко представлены некоторые группы поздневизантийской поливной посуды из раскопок поселения в балке Бермана (южная часть Гераклеийского полуострова, округа Херсонеса) (Гинькут, Яшаева 2014) и уже упомянутых двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (Крамаровский, Науменко, Сейдалиев 2014). Авторы, в основном, ограничиваются описанием внешнего облика изделий с привлечением доступных аналогий.

Более полную характеристику коллекций глазурованной керамики с применением формально-логического метода систематизации предлагают Н. В. Гинькут и А. Г. Герцен с В. Е. Науменко для материалов из раскопок «консульской церкви» крепости Чембало (середины — вторая половина XIV — третья четверть XV вв.; Гинькут 2001, с. 53—60) и цитадели Мангупа (X—XV вв.; Герцен, Науменко 2005, с. 260—263, рис. 2—20). Их работы позволили впервые получить развёрнутое представление о специфике керамических комплексов рассматриваемого периода из двух крупных средневековых городов Крыма, которое впоследствии несколько корректировалось и дополнялось по мере публикации новых находок из раскопок обоих памятников. В частности, Н. В. Гинькут были детально проанализированы свидетельства производства поливной керамики в крепости Чембало, византийские и восточные традиции в местном гончарстве, отдельные морфологические типы изделий и пр. (Гинькут 2005а; 2014а; 2015; Ginkut 2012). А. Г. Герцен и В. Е. Науменко обобщили материальные свидетельства спорного «золотоордынского» периода в истории Мангупского городища (Герцен, Науменко 2016а; 2016b; Науменко 2020), ввели в научный оборот новые данные из слоёв и узко датированных закрытых комплексов XV в., уточнив тем самым хронологическую позицию некоторых групп керамических изделий, датируемых ими ранее более широко (Герцен, Науменко 2009, с. 400—411; 2010; 2016а; Науменко, Душенко 2017).

Автором настоящей публикации представлена 120-летняя история исследования поливной керамики Крыма второй половины XIII—XV вв. (Тесленко 2016с), проанализированы свидетельства производства глазурованной посуды на территории средневекового городища в Алуште (Тесленко 2005а;

Teslenko, Waksman 2016), коллекции поливных изделий золотоордынского времени из раскопок поселений в долине р. Артек (Тесленко 2018с), одной из усадеб Алуштинского городища (Тесленко 2017) и находки из раскопок городища Партениты (Тесленко, Паршина, Александрова 2019; Тесленко 2019). Отдельное внимание уделено материалам из комплексов, предшествовавших строительству феодоритской крепости Фуна (Тесленко 2016b), дана общая характеристика керамического комплекса второй — третьей четверти XV в. Фунского замка в целом (Тесленко 2016; Тесленко 2016а) и детально рассмотрены коллекции из так называемой гарнизонной кухни и сливных ям третьего строительного периода укрепления в частности (Тесленко 2020а; 2021).

Кроме того, впервые подготовлено монографическое исследование поливной посуды местного производства Крыма времён Улуг Улуса (Тесленко 2018а), опубликована серия обобщающих работ по классификации, хронологии и распространению керамических изделий местного производства XV в., а также об импорте гончарной продукции на полуостров в этот период (Тесленко 2010а; 2011а; 2012а; Teslenko 2015; 2018), предпринята попытка комплексного анализа истоков поливного гончарства в Крыму (Тесленко 2020d).

Помимо обобщающих публикаций, предпринимается углублённое исследование по узким направлениям. В частности анализируются отдельные категории, виды или типы поливных изделий, как то коллекции подсвечников и светильники XV—XVIII вв. из раскопок Каффы (Айбабина, Бочаров 1998, с. 195—208, рис. 1—5), Керчи и её окрестностей (Артеменко, Желтикова 2014), поливные сосуды для питья и редкие типы чаш XIV—XV вв., найденные в крепости Чембало (Гинькут 2014b; 2015), пр.

Отдельно представлены сосуды, использованные в погребальном обряде позднесредневекового населения Крыма (Сёмин 1998; Гинькут 2011а; Голофаст, Мастыкова 2018; Тесленко, Александрова 2020).

Рассматриваются также особенности декоративного оформления и семантика некоторых изображений, предлагается трактовка знаков и сюжетных композиций на парадной посуде. Например, В. Л. Мыц осуществил анализ историко-культурного контекста отдельных монограмм и надписей как светского (имена владельцев, в том числе местных правителей Готии), так и религиозного содержания (имена святых) на поливной керамике XIV—XV вв. (Мыц 1985а, с. 52—54; 1991b,

с. 183—186; 2005, с. 288—305). Н. В. Гинькут анализирует монограммы на поливной посуде из раскопок крепости Чембало и её округи (Гинькут 2012а; 2020), а В. В. Майко рассматривает буквенные знаки на керамике крымского и византийского производства из Судака (Майко 2019а; 2020b). Особое внимание уделяется христианской символике на сосудах XIII—XV вв. В. Н. Залеская и Н. В. Гинькут рассматривают возможные варианты использования таких изделий как элементов христианского культа. Предложена атрибуция некоторых экземпляров, украшенных монограммами святых и изображениями креста, в качестве эвлогий для святой воды или мира (Залеская 2014, с. 48—49; Гинькут 2011а; 2011b; 2012b). Отдельно рассмотрены блюда и чаши с монограммами ТХ, скрывающими, по мнению В. Н. Залеской, благожелательные изречения (Залеская 2014, с. 49—50). Довольно часты обращения к анализу образа святого воина на византийской посуде (Даниленко 1991, с. 51; Романчук 2002; Рыжов 2005, с. 63—63). Опубликовано и атрибутировано уникальное для Крыма изображение Спасителя с тремя святыми на блюде XV в. местного производства, найденном при раскопках в Алуште (Тесленко 2001а, с. 61—65). С христианской тематикой связывают отдельные изображения кораблей и птиц (Адаксина 1998; Тесленко 2003b, с. 55—61; Гинькут 2005b). Хотя в целом орнитоморфные образы на местной посуде, среди которых определяется не менее восьми видов пернатых, могли быть наделены различным символическим смыслом (Гинькут 2005b, с. 26—29; Сейдалиева 2019; Teslenko, Gavris forthcoming).

Анализируются эпические сцены и сюжеты мирской жизни, отражённые в керамическом декоре. По материалам из Херсонеса, Солхата, Каффы, Азака, Чембало рассмотрено изображение человека в керамике Северного Причерноморья и Византии (Залеская, Крамаровский 1990; Гинькут 2017). Особое внимание уделено теме вина и веселья в художественном оформлении византийской, сельджукской и крымской столовой посуды XII—XIV вв. (Залеская, Крамаровский 1990, с. 3—37; Крамаровский 1991b; Крамаровский 2000; Крамаровский 2012, с. 164—198, 239—252; др.). Благодаря глубокому искусствоведческому анализу образов и привлечению широкого круга возможных аналогий, М. Г. Крамаровский приходит к выводам о проявлении низовой культуры разных этнических групп Византии, Малой Азии и Крыма в сюжетных сценах на керамике, а также

связях керамического производства Солхата с декоративно-прикладным искусством Рума (Крамаровский 2000, с. 248—249; 2016а, с. 68—69).

Информативный потенциал иного рода раскрывают детальные исследования техники, стиля, манеры и элементов декора глазурированных сосудов. В результате удаётся выделить серию изделий с флористическими мотивами, составляющую, очевидно, одну небольшую партию продукции какой-то из местных мастерских (Тесленко 2003а, с. 328—336), а также по малозаметным особенностям рисунка определить почерк одного мастера на сосудах с изображением птиц, найденных в разных частях полуострова (Кирилко 2005b, с. 349—358) и т. п. Ресурс подобного подхода далеко не исчерпан.

Отдельный блок работ ориентирован на анализ и атрибуцию импортной поливной посуды. В статье А. А. Кравченко по материалам из фондов Одесского археологического музея охарактеризованы сосуды XIII—XIV вв. западного и восточного происхождения, найденные в Каффе (Кравченко 1991, с. 111—120, рис. 1—5). Е. А. Айбабиной детально рассмотрена кашинная керамика из раскопок этого же города (Айбабина 1991а, с. 92—96). В. Н. Залеская предприняла попытку выделить три группы балканского керамического импорта XII—XIV вв., две из которых — македонская и монограмматическая — по мнению исследовательницы, поступали в Крым в XIV в. (Залеская 1993, с. 370—375). Ю. В. Коваль опубликовал некоторые импортные изделия XII—XVIII вв. из Судака (Коваль 2002b, с. 129—131) и совместно с А. А. Волошиновым — находки селадонного и псевдоселадонного сосудов из Бахчисарая (Коваль, Волошинов 2005, с. 457—461). А. Г. Герцен с В. Е. Науменко издали более обширную коллекцию подобных сосудов, а также золотоордынского кашина из раскопок Мангупского городища (Герцен, Науменко 2016b). Две различных группы восточного импорта XIII в. из Херсонеса представлены в работах Н. В. Гинькут (Гинькут, Колесник 2019) и Л. В. Седиковой (2019). М. Г. Крамаровский характеризует три разновидности поливной керамики с восточными и западными морфологическими чертами, получившие распространение в Крыму и Северном Причерноморье во второй половине XIII—XIV вв. (Крамаровский 1996, с. 96—111; 2012, с. 292—303). Возможный вариант генезиса и хронологию сосудов одной из групп — византийских кувшинов, украшенных в выемчатой и сграффито тех-

нике — позднее аргументировано уточнил В. Ю. Коваль, нашедший убедительные доказательства «итальянского следа» в их морфологии и декоре⁴¹ (Коваль 2014). Попытку публикации различных групп керамического импорта из Солхата недавно предприняла Д. Э. Сейдалиева (Сейдалиева, 2020).

Теме византийского импорта XIII—XIV вв. в целом уделено довольно много внимания, что выразилось как в публикации находок из раскопок отдельных памятников Крыма (Каффа, Солдайя, Луста, Партениты, Чембало) (Бочаров 2005, с. 306—323; Гукин, Джанов 2013; Гинькут 2005с; 2013; 2014b; 2014с; Семин 1998, с. 179—181; Тесленко 2014b; 2018b; Тесленко, Александрова 2019; Тесленко, Майко 2019a; Майко 2019b), так и в обобщающих исследованиях о поставках византийской керамики в Северное Причерноморье и Крым (Botcharov, Maslovski 2012; Бочаров Масловский 2012; Масловский 2010; Armstrong 2019; Тесленко 2020b; Teslenko, Waksman, Ginkut *forthcoming*). Издано значительное количество материалов из раскопок торгового корабля, затонувшего в бухте Судак-Лимен в конце XIII в., часть груза которого, как уже упоминалось, составляла глазурованная посуда, предназначенная для продажи⁴². В общей сложности выделено более десятка различных по происхождению групп поливной керамики из Северной Италии, Анатолии, Восточного Средиземноморья, Эгейского региона и столицы Византийской империи, две из которых («Novy Svet Ware», «Glazed White Ware IV»), исчисляющиеся сотнями целых и реконструированных форм, несомненно, представляли основной коммерческий интерес и предназначались, скорее всего, для оптовой продажи (Тесленко 2000; Waksman, Teslenko, Zelenko 2009, p. 851—853; Waksman, Teslenko 2010; Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012; Morozova, Zelenko, Timoshenko 2013; Морозова, Тимошенко, Зеленко 2016). Остальные («Graffita

⁴¹ Следует отметить всплеск интереса к теме поиска параллелей в морфологии и стилистике местной керамики среди продукции известных Причерноморских и Средиземноморских центров в последнее время (см. напр.: Sedikova 2014, Гинькут 2014с; Maslovski, Iudin, Bocharov 2015; Тесленко 2018a; 2020d др.).

⁴² Правда, сейчас довольно сложно установить, где именно собирались продать этот товар. Не факт, что он предназначался для крымских рынков (см. напр. Waksman, Teslenko 2010, p. 372). Некоторые группы керамических изделий, найденные на месте крушения судна, хорошо известны по материалам наземных раскопок на полуострове, в то же время отдельные из них пока ещё не отмечены в местных коллекциях.

Arcaica Tirrenica», «Venetian Lead-Glazed Ware», «Seldjuk Ware», «Cypriot Sgraffito and Slip-painted Ware», «Port Saint-Simeon Ware», различные по происхождению кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба, «Beirut Cooking Ware» и др.), скорее всего, могли составлять небольшие партии товара, например, путешествующих на этом судне коммерсантов, либо, отчасти, относились к личному имуществу или кухонному инвентарю команды (Waksman, Teslenko, Zelenko 2009, p. 853—855; Waksman, Teslenko 2010; Morozova 2012).

Керамический импорт конца XIV—XV вв., а также общие направления керамического импорта и экспорта Крыма в XV в. проанализированы в работах автора (Тесленко 2004, p. 467—494; 2005b, с. 385—410; Тесленко, Майко 2019b; Teslenko 2007; 2009; 2018).

На третьем этапе исследования пристальное внимание специалистов привлекают также вопросы распространения продукции гончарных центров Крыма за пределами полуострова. Значительный прогресс в изучении крымской, преимущественно поливной керамики как компонента вещевых комплексов различных памятников Восточной Европы был достигнут с внедрением в археологическую практику этнографического подхода к классификации массового керамического материала, применённого И. В. Волковым в начале 90-х гг. XX в. для анализа средневековой керамики из раскопок Азака⁴³. Суть его заключается в первичном разделении керамических находок на основании визуально фиксируемых технологических признаков (состав формовочных масс, уровень навыков гончаров, техника моделирования изделий и т. д.) на группы, объединяющие продукцию одной или родственных мастерских, с последующим членением его на блоки — по наличию или отсутствию поливы, виды — по морфологическим признакам, связанным с назначением сосудов и типы — по комплексу устойчивых технологических и морфологических признаков и размеров (Волков 1992a, с. 2; 2005a, с. 131—133). По мнению исследователя, такой подход наиболее продуктивен как для обработки больших объёмов керамики, так и для дальнейшего получения исторической информации о торговле и перемещениях населения. Кроме того, соотношение разных групп позволяет уточнять датировку памятника, если отсутствуют иные хронологические индикаторы (Волков 2005a, с. 133). В материалах из раско-

⁴³ Методологические и методические основы этого подхода были сформулированы А. А. Бобринским в конце 1970-х годов (Бобринский 1978).

пок Азака Игорь Викторович выделил группу керамики Восточного или Юго-Восточного Крыма (далее ЮВК) с подгруппами Каффа, Солдайя и Солхат, различаемыми, преимущественно, по концентрации шамота в тесте и способу формовки поддона (Волков 1992а, с. 9—10; 2005а, с. 137). В дальнейшем этот метод получил широкое применение в практике азовских и крымских археологов, благодаря чему крымская керамика была уверенно идентифицирована в вещевых комплексах конца XIII—XIV и XV вв. Азака, Прикубанья, Поволжья, Северного Кавказа и Руси (Волков 1992а, с. 9—12; 2007а, с. 36; 2007b, с. 27—31; 2016; Панина, Волков 2002, с. 90; Белинский, Масловский 1998, с. 209—219; 2005, с. 160—177; Коваль 2002а; 2010, с. 106, 109—134; Кубанкин, Масловский 2013, с. 136—137; Курочкина 2012; Юдин 2015; Бочаров, Масловский 2015; 2016; Масловский 2006а, с. 355—388; 2007; 2012а; 2012b, 2017).

Следует отметить ценность материалов из раскопок Азака для разработки детальной хронологии керамических артефактов конца XIII—XIV вв., так как большинство из них происходит из узко датированных комплексов, к тому же довольно обстоятельно опубликованных⁴⁴, что позволяет фиксировать множество близких параллелей с находками из Крыма и, соответственно, уточнять их датировку. Как ни парадоксально, именно азовские материалы на начальном этапе исследования позволили выяснить особенности поливной керамики Крыма последней трети XIII — конца XIV в., получить представление об ассортименте и декоре изделий, а также приоритетных видах экспортной продукции⁴⁵ (Белинский, Масловский 1998; 2005; Дмитриенко, Масловский 2006, с. 236—239; Масловский 2006а; 2007; 2012а; Бочаров, Масловский 2015; Bocharov, Maslovskiy 2015; Bocharov, Maslovskiy, Sitdikov 2015). Они же послужили базой для обобщающих работ по хронологии поливной керамики Юго-Восточного Крыма конца XIII—XIV вв. (Масловский 2017) и торговле ею на территории Золотой

Орды (Масловский 2019а), а также для размышлений о роли этого производства в формировании новой городской культуры позднесредневекового Крыма (Бочаров 2016b) и месте керамики ЮВК в культуре оседлого населения европейской части Золотой Орды (Масловский 2019b).

Вместе с тем информативны и работы коллег по синхронным материалам из окрестных территорий, которые использовали иные методы характеристики материала (преимущественно формально-логические). Среди них публикации поливной керамики средневекового Белгорода на Днестре (Кравченко 1986, с. 38—80; Богуславский 2002, с. 265—268; Беляева, Фиалко 2008, с. 62—70; Карашевич 2010), Торговицкого археологического комплекса (Козырь, Боровик 2017), городища Днепровское 2 (предположительно, генуэзский замок Иliche на правом берегу Днепровского лимана) (Бураков 1991, с. 105—109; Русев 2015, с. 33), других памятников Нижнего Поднепровья (Довженко 1961, с. 192; Тихомолова, Попандопуло 2005; Ельников 2017; Ельников, Тихомолова 2017), Среднего Подонцовья (Кравченко 2005, с. 415—430), Молдовы (см. напр.: Полевой 1964; 1969; Абызова 1981; Абызова и др. 1981), Румынии (Constantinescu 1972; Căndeia 1995; Stănică 2009, etc.), а также Кавказа (Майсурадзе 1954; Мицишвили 1976; 1979; Аракелян 1962; Армарчук, Дмитриев 2017; Babajanyan 2018), южного побережья Чёрного моря (Inanan 2012), имеющей множество общих черт с синхронными крымскими находками. Все эти исследования позволяют значительно расширить представления о географии крымского керамического импорта, торговле, культурных взаимосвязях и основных тенденциях в развитии гончарства на просторах Золотой Орды и Причерноморья.

Неполивные изделия Крыма поздневизантийского периода на третьем этапе изучались не столь интенсивно, но также довольно результативно. Определённые успехи достигнуты в исследовании трёх категорий керамики: архитектурной, тарной и кухонно-столовой.

Первой из них отдельное внимание уделили А. И. Романчук, Д. А. Моисеев и И. А. Завадская. Алла Ильинична публикует свод строительных материалов (черепица, плитка) Византийского Херсона, добытых раскопками Крымской экспедиции Уральского университета РФ (Романчук 2004). Кроме ввода в научный оборот некоторых новых материалов, эта работа не внесла ничего принципиально нового в исследуемую тему. Насущными остаются замечания относительно

⁴⁴ Обзор этих публикаций, представленных преимущественно в сборнике статей «Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону», издаваемом Азовским историко-археологическим и палеонтологическим музеем заповедником, заслуживает отдельного рассмотрения. Из основных обобщающих работ см. напр.: (Белинский, Масловский 1998; Масловский 2006а; 2006b; Масловский, Дмитриенко 2006, а также статьи в других изданиях: Масловский, Белинский 2007; Масловский 2008; 2009; 2010; 2012а; 2017 др.).

⁴⁵ На сегодняшний день самое детальное описание изделий группы ЮВК предложено А. Н. Масловским (Масловский 2006а, с. 355—371).

хронологии комплексов, методики классифицирования, а также структуры изложения, высказанные выше по отношению к другим публикациям этого автора.

Более прогрессивные подходы к изучению плинфы и кровельных материалов демонстрируют И. А. Завадская и Д. А. Моисеев, посвятившие ряд работ этой проблематике. Особое внимание исследователи уделяют технологии изготовления архитектурно-строительной керамики и изучению состава формовочных масс, разделяя находки по группам согласно этим базовым характеристикам (Завадская 2008; 2010; 2015; Завадская, Голофаст 2018; Моисеев 2011; 2013; 2018 и др.), а также уточнению хронологии строительных материалов (Моисеев 2014; Завадская 2019а). Значительный интерес представляют недавнее открытие и междисциплинарные исследования гончарных центров в округе Мангупского городища на склонах горы Илька (обзор публикаций см. Смекалова и др. 2020, с. 332—334). Одна из мастерских (Илька 2) функционировала на протяжении длительного времени (VIII—X и XIII—XV вв.), специализируясь в том числе на производстве черепицы (Моисеев 2012, с. 46—48). Сравнительные микроморфометрические исследования образцов черепицы позволили выделить изделия этого центра на других памятниках полуострова, в частности — Эски-Кермене (Завадская 2017; Завадская, Кулькова, Смекалова 2020; Смекалова и др. 2020). Однако, несмотря на очевидные достижения в этой сфере, ряд проблем, связанных с разработкой общей методологической схемы обработки и классификации строительной керамики поздневизантийского времени (Завадская 2016), её детальной хронологии (в частности, выделения групп генуэзско-феодоритского⁴⁶ периода), а также более активного вовлечения археометрических методов в исследовательский процесс (Завадская 2019b) остаются актуальными.

Продолжается изучение транспортировочной и домашней тары. В 1995 г. увидела свет дополненная и расширенная классификация амфор из комплексов византийского Херсона (Романчук, Сазанов, Седикова 1995). Помимо прочего, здесь выделено 6 классов сосудов, встречающихся в слоях разрушения городища второй половины XIII и XIV вв. Классификация дополнена детальным описанием и данными об археологическом контексте изделий, вовлечённых в исследовательский процесс

(Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 73—89). В полевой археологической практике эта работа во многом остаётся актуальной по сей день, хотя, безусловно, уже нуждается в существенных дополнениях и корректировках. В отдельных статьях рассмотрены амфоры XIII—XIV вв. из «ремесленной постройки» на участке «квартала Ё» Судакской крепости (Баранов, Майко 2001, с. 198—201), из раскопок городища Партениты (Паршина, Созник 2012, с. 25—34, рис. 14—16), клейма на тарных сосудах XII—XIV вв. из раскопок в Алуште (Тесленко 2001b), комплекс амфор из кораблекрушения XIII в. у посёлка Новый Свет (Зеленко, Морозова 2012; Зеленко, Морозова, Тимошенко 2015; Zelenko, Morozova 2010). В научный оборот введены новые данные о транспортировочной амфорной таре и пифосах широкого круга памятников Восточной Европы за пределами Крыма (см. напр. Волков 1989, с. 87—91; 1992b; 2001; 2005а, с. 129—130, рис. 9; Волков, Губайдуллин 2012; Масловский 2006а, с. 381—383, 435—437; Коваль 2003; 2005а; 2010, с. 150—172; 2019b, с. 204—215; др.), что способствовало уточнению видовой разнообразия и количества поставляемых в регион амфор, ареала и динамики их распространения, а также хронологии отдельных типов сосудов рассматриваемого периода.

Среди новаторских достижений в исследовании поздневизантийской амфорной тары на территории Восточной Европы следует указать детализацию датировок сосудов по технологическим признакам (Волков 1989; 1992b; 2005а, с. 129—130), археометрические исследования, проливающие свет на происхождение отдельных групп амфор, в том числе поступающих в Крым (Waksman et al. 2018; Morozova, Waksman, Zelenko 2021), уточнение атрибуции некоторых редких групп импортной транспортировочной тары (Морозова, Зеленко 2012; Коваль 2016; Тесленко, Майко 2020b).

Домашняя тара Таврики XIV—XV вв. детально проанализирована в работах автора монографии, при этом значительное внимание уделено пифосам (Тесленко 2010b; 2015; Teslenko 2009a; 2016b).

Ряд специальных исследований посвящен наиболее массовой неполивной керамике XIV—XV вв. местного производства — группе Юго-Западный Крым или ЮЗК, включающей широкий ассортимент керамической продукции различного назначения (Тесленко 2014а). Кроме того, обстоятельно изучена импортная кухонная посуда так называемой группы «Горшков с рельсовидным венчиком» или ГРВ (Тесленко 2011b; 2015b). Впервые

⁴⁶ Термин «генуэзско-феодоритский период / генуэзско-феодоритское время» в данном контексте отражает социально-политические особенности истории Южного Крыма первой — третьей четверти XV века. Детальнее см. (Мыц 2009).

предложена детальная хронологическая типология изделий, прослежена эволюция формы сосудов на протяжении более трёх столетий бытования этой группы в Крыму.

Кроме того, в последние десятилетия удалось значительно продвинуться в изучении керамических комплексов Крыма раннеосманского периода — последней четверти XV—XVI вв. Впервые детально опубликованы коллекции находок из архитектурно-археологических объектов и стратифицированных комплексов, образовавшихся вскоре после 1475 г. (Алядинова 2012; 2015; Алядинова, Тесленко 2015; Алядинова, Тесленко, Майко 2015). В составе керамического материала определены отдельные группы дальних импортов, в частности итальянская майолика эпохи Ренессанса (Тесленко 2008; Тесленко, Алядинова 2019; Алядинова, Тесленко 2019; Гинькут 2019, с. 175—182; Тесленко, Майко 2020а), испанский люстр конца XV — начала XVI вв. (Тесленко, Майко 2019b, с. 258) и пр., поставки которых на полуостров в османский период ранее не фиксировались. Эти исследования позволили уверенно разделить керамические комплексы Крыма генуэзско-феодоритского и раннеосманского времени, обозначив устойчивые хроноиндикаторы переходной эпохи. На основании полученных данных впервые был предпринят обстоятельный анализ ключевых изменений в керамическом ансамбле Крыма, произошедших на протяжении первого столетия после турецкого завоевания (Тесленко, Алядинова 2019; Teslenko, Aliadinova *forthcoming*).

Особо необходимо отметить существенные достижения в археометрических исследованиях керамики Крыма поздневизантийского времени, которые значительно активизировались на рубеже веков и велись, преимущественно, по двум направлениям: изучение физико-химических особенностей формовочной массы и спектральный анализ глазури. Наиболее масштабные работы в первом из них проведены в Лаборатории археологии и археометрии Французского национального исследовательского центра (CNRS UMR 5138) (г. Лион, Франция) под руководством доктора С. Й. Ваксман⁴⁷. Здесь изучено более трёх сотен образцов местной и импортной поливной посуды из раскопок Каффы (Феодосия), Солдаи (Судак), Фуны, Херсонеса (Севастополь),

⁴⁷ Какие-то попытки естественнонаучных исследований поливной керамики Юго-Восточного Крыма предпринимались также по одному из научно-исследовательских проектов 2012—2013 гг. под руководством С. Г. Бочарова, однако итоги работ были представлены лишь в виде кратких сообщений, поэтому сложно оценить их результативность (Бочаров и др. 2013; Bocharov, Maslovskiy 2015, p. 604).

кораблекрушения у пгт Новый Свет, Лусты (Алушта) и Чембало (Балаклава), а также образцы амфор из кораблекрушения у пгт Новый Свет. Эти исследования оказались весьма информативными, во многом благодаря отработанному и неоднократно проверенному на практике методологическому подходу, значительному количеству отобранных образцов и наличию в распоряжении лаборатории обширной базы данных по керамике других центров Причерноморского и Средиземноморского регионов. В результате удалось, помимо определения химического состава сырья поливных изделий, проверить некоторые предположения о происхождении импортов, высказанные на основе визуальных наблюдений и точно, вплоть до производственного центра, определить место изготовления некоторых групп привозной поливной посуды, избавиться от ряда неверных интерпретаций, а также выделить гомогенные группы импорта, точное происхождение которых ещё предстоит выяснить (Waksman, François 2004—2005; Waksman 2007; Waksman et al. 2009; Waksman, Teslenko 2010; Waksman, Ginkut 2015; Waksman et al. 2014, p. 408, 414, fig. 15; Teslenko, Waksman 2016; Burlot et al. 2018; Teslenko, Waksman, Ginkut *forthcoming*). Вдобавок удалось установить, что амфоры типа Гюнсенин III, в том числе обнаруженные на месте кораблекрушения у пос. Новый Свет, происходят преимущественно из мастерских Халкиса — крупного производственного центра средневизантийского периода (Waksman et al. 2014; Waksman et al. 2018; Morozova, Waksman, Zelenko 2021).

Пристальное внимание было уделено изучению сырья керамики крымского производства. В 2013—2014 гг. проведены детальные химические исследования формовочных масс продукции гончарных центров Лусты (Алушты), Чембало (Балаклавы), а также изделий группы ЮВК⁴⁸. В результате удалось

⁴⁸ Исследования выполнялись в рамках франко-украинского проекта «Керамика Крыма как индикатор Причерноморско-Средиземноморских культурно-экономических связей» («Les céramiques de Crimée 14th—15th s. comme indicateurs des relations culturelles et économiques entre mer Noire et Méditerranée») (28229UM). По программе международного сотрудничества Украина — Франция (PAI DNIPRO) в 2013—2014 гг. при поддержке Министерства национального образования, Министерства высшего образования и научных исследований Франции и Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины. Руководители — др. С. Й. Ваксман и к. и. н. И. Б. Тесленко, а также в рамках исследований по проекту пост докторской программы Фонда гуманитарных наук Франции (FMSH) ATLAS «Trade in the Northern Black Sea Region in the Late Medieval Period. An interdisciplinary archaeological and archaeometric approach through pottery» 2018 г.

выяснить специфику их химического состава. С одной стороны, полученные результаты позволили выявить изделия этих мастерских в керамических комплексах других объектов (продукцию Алушты — на Фуне и в Чембало, продукцию Чембало — в Херсонесе) (Waksman, Ginkut 2015; Teslenko, Waksman 2016). С другой стороны, при сравнении сырья различных районов Крыма оказалось, что глины, используемые в мастерских Чембало, Каффы и Херсонеса или его округа⁴⁹ не только похожи по визуально определяемым признакам в обожжённом черепке, но также близки по химическому составу, в то время как продукция алуштинской мастерской существенно отличается от них по аналогичным показателям. Это объясняется наличием на западе и востоке полуострова глиняной миоценовой формации, пересекающей полуостров примерно в направлении запад—восток и достигающей побережья в районе Херсонеса с одной стороны и окрестностей Феодосии и Керчи с другой (Waksman 2007, p. 389; Waksman, Ginkut 2015, p. 722—723).

Таким образом, поливная керамика, которая сейчас по визуальным характеристикам черепка определяется как группа ЮВК, совершенно не обязательно может происходить исключительно из Юго-Восточного Крыма, так как по этому показателю её довольно сложно отличить от продукции, например, Чембало или района Херсонеса. Незначительные различия можно уловить лишь по химическим анализам (Waksman, Ginkut 2012, p. 722—723) или по технологическим и стилистическим особенностям готовых изделий, в том случае, если они хорошо известны.

Работы второго направления были сконцентрированы на изучении химического состава глазурей Византии, Северного Причерноморья и Поволжья. Результаты этих исследований обстоятельно проанализированы В. Ю. Ковалем. Для проверки полученных коллегами данных (Булгаков 2005) Владимир Юрьевич провёл дополнительные исследования 42 образцов поливы из памятников Крыма и Руси, используя в качестве сравнительного материала пробы испанской и итальянской майолики XIV—XV вв. и полумайолики из Волжской Булгарии (Коваль

⁴⁹ Поскольку в Херсонесе явные следы производства не выявлены, в качестве образцов его продукции были взяты двуручные кувшины-амфоры с внутренней бугристой поверхностью, рыболовное грузило, керамида и группа поливных сосудов открытой формы, совпадающие с ними по визуальным характеристикам черепка и химическому составу сырья (Waksman 2007, p. 384—385, 387).

2010, с. 31—36; 2017а). В итоге исследователь приходит к заключению об общей специфике сырья и рецептуры для глазурей Византии, Северного Причерноморья и золотоордынского Поволжья, которая значительно отличалась от западно-средиземноморских глазурей XV в., а также отмечает, что на имеющейся ныне базе «...нельзя строить надёжные выводы о существовании внутри византийско-причерноморской рецептуры приготовления свинцовых глазурей каких-либо локальных традиций» (Коваль 2010, с. 36—37). Проведённая работа весьма полезна в плане выяснения технологий изготовления средневековых глазурей и оценки перспективных направлений будущих изысканий в этой области. Однако очевидно, что на данном этапе анализ химического состава глиняного сырья по методике и на сравнительной базе, используемой в лионской керамологической лаборатории, позволяет получить более полные сведения об особенностях и происхождении той или иной группы гончарных изделий.

Завершая обзор научных трудов третьего этапа отметим, что они демонстрируют значительный прогресс в исследовании керамики Крыма поздневизантийского и позднесредневекового периодов, который проявился на разных направлениях и уровнях работы с материалом. Совершенствование методики раскопок и возрастающее количество находок, так и различного рода сопутствующей информации, позволило прийти к качественно новым выводам относительно хронологии археологических комплексов и керамики из них. Вполне очевидно значительное продвижение в направлении детализации датировок керамических находок, атрибуции импортов, изучения семантики декоративного оформления, по отдельным аспектам функционального назначения и роли поливных изделий в профанной и скаральной сферах жизни обитателей Крыма. Новые методологические подходы к анализу и систематизации массового материала способствовали разработке практических типолого-хронологических классификаций, в основе которых лежит первичное разделение на родственные по технологическим характеристикам и происхождению группы. Это, в свою очередь, позволило уточнить объёмы и направления импортно-экспортных потоков керамической продукции в пределах Восточной Европы и Причерноморско-Средиземноморского региона, а также роль Крыма и крымской керамики в этих процессах. Археометрические исследования сырья выделяемых групп позволили определить специфику формовочных

масс местных изделий, выяснить происхождение некоторых партий импортных поливных сосудов, детализировав тем самым сведения о торговых операциях и перемещениях народонаселения в регионе.

Однако, по-прежнему остаются актуальными публикации керамических коллекций второй половины XIII—XIV и XV вв. из раскопок Каффы, Солдайи, Солхата и других памятников Крыма. Их осуществление позволило бы получить существенный объем первичной информации для детальных исследований начального периода поливного керамического производства в Крыму на местном материале и заполнить более осязаемыми сведениями некоторые «хиатусы» в хронологической и типологической шкале керамических артефактов.

Заключение. В целом, среди наиболее существенных достижений в более чем столетнем исследовании керамики Крыма последней трети XIII — XV вв. можно отметить следующие.

1. Благодаря значительному объёму раскопок памятников рассматриваемого периода в Крыму и на близлежащих территориях, удалось получить серию узко датированных комплексов разных типов, позволяющих разрабатывать довольно детальную хронологию происходящих из них керамических находок. Однако разные временные промежутки неравномерно обеспечены вещевым материалом, ощущается нехватка сведений о составе керамических комплексов, например, 80—90-х гг. XIII в. — первого десятилетия XIV в., 90-х гг. XIV — 20-х гг. XV вв. В то же время количество и качество информации по объектам второй — третьей четверти XV в. предоставляет широкие возможности для детальных типолого-хронологических построений и основательных обобщений полученных данных.

2. На территории Крыма уверенно локализовано несколько керамических мастерских различного профиля. Среди них — крупные комплексы по производству черепицы XIII—XV вв., а также ряд гончарных предприятий конца XIII—XIV, XIV и XV вв., освоивших совершенно новый для Крыма вид ремесла — изготовление поливной посуды. Первые из них были ориентированы на обслуживание местных потребностей. Вторые — удовлетворяли как внутренний спрос, так и обеспечивали широкий экспорт своего товара на просторы Восточной Европы, восточного и южного побережья Чёрного моря. Определены воспринимаемые визуально и исследуемые археометрически характери-

ки их продукции, которые в настоящее время позволяют практически безошибочно выделять местные гончарные изделия в керамических коллекциях различных объектов за пределами полуострова. Это, в свою очередь, даёт возможность оценить как объёмы самого производства, так и географию, масштабы и динамику торговли глиняными изделиями из Крыма и перевозимыми в них продуктами.

3. Стала очевидной локальная специфика поливного керамического производства различных регионов и даже отдельных населённых пунктов полуострова, однако насущной остаётся её детальная хронологическая и пространственная атрибуция. В этой связи по-прежнему актуальны публикации материалов раскопок крупных городских центров (Каффы, Судака, Солхата), являвшихся, как считается, основными производителями и поставщиками керамической продукции на рынок, а также локализация других мастерских, о существовании которых сейчас можно судить лишь по отдельным признакам.

4. Накопленные к настоящему времени сведения позволили очертить два основных этапа развития керамического производства на территории Крыма в рассматриваемый период. Первый из них датируется в рамках последней трети XIII — середины — третьей четверти XIV вв. Именно в это время появляется и становится масштабным производство глазурованных изделий на полуострове⁵⁰, а также формируется особый стиль наиболее массовой местной неполивной керамики так называемой группы Юго-Западного Крыма, развитие которого было прервано лишь с османским вторжением 1475 г. Для поливного гончарства первого периода характерно многообразие приёмов орнаментации, наличие ярких локальных особенностей художественного оформления изделий, которые наследуют различные по происхождению традиции, а также начало и расцвет импорта глазурованных изделий за пределы Крыма, в особенности в центральные регионы Золотой Орды — Поволжье и Приазовье.

Второй этап начинается примерно с последней трети — конца XIV в. и продолжается до покорения Крыма османами в 1475 г. Он характеризуется упадком золотоордынских гончарных центров в Юго-Восточном Крыму и малых мастерских на Южном побережье, вместе с ними исчезают некоторые техники и стили декорирования поливных изделий.

⁵⁰ Следует учитывать возможность наличия более раннего производства в Херсонесе, однако этот вопрос всё ещё требует дополнительных аргументов и исследований.

Для этого этапа характерно доминирование гончарных центров Генуэзских факторий, в первую очередь — Каффы и Чембало⁵¹, а также сохранение прежних лидерских позиций производителей керамики группы ЮЗК. Формируется единое направление в отделке глазурированных изделий с незначительными локальными вариациями, наблюдается расширение экспорта крымской художественной посуды в пределах Причерноморского региона.

5. Удалось определиться с атрибуцией и датировкой многих групп импортной посуды, а также с помощью химических анализов сырья точно установить место производства для отдельных из них. В связи с этим стало возможным выявление и характеристика изменяющихся во времени тенденций в поставках различных групп поливной и неполивной ке-

⁵¹ Не исключена существенная роль Солдайи и Мангуца, но пока этот тезис остаётся без веских доказательств.

рамики на полуостров. Особую важность этому достижению придаёт то обстоятельство, что столовая посуда и тара, большая доля которых в товарообороте, судя по археологическим находкам, несомненно, не устаивались упоминаний в письменных источниках, вероятно, из-за своей обыденности по сравнению с иными более ценными товарами.

Таким образом очевидно, что к настоящему времени накоплен внушительный объём разного рода информации по керамике Крыма второй половины XIII—XV вв., достойный новых обобщающих трудов. Существенные достижения в детализации хронологии археологических комплексов генуэзско-феодоритского периода (первая — третья четверти XV в.) и обретение значительного количества качественного материала этого времени в процессе раскопок в течение последних четырёх десятилетий, позволили, в частности, обратиться к монографическому исследованию керамики Крыма XV в.

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика анализа керамического материала обусловлена целями и задачами настоящей работы. В соответствии с ними будут рассмотрены два основных методических аспекта исследовательского процесса, являющиеся базовыми для последующей работы с материалом. Первый из них связан с процедурой первичной систематизации и классификации керамики Крыма XV в. Второй — с хронологией археологических комплексов и, соответственно, привязкой полученной классификационной схемы к абсолютной хронологической шкале.

2.1. МЕТОДЫ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

Практически все исследователи, изучавшие и изучающие керамику, указывают на большую значимость этого материала, как археологического источника особой категории, заключающего в себе огромное количество различной информации. Главные его достоинства — хорошая сохранность и массовость. В то же время большой объем и разнообразие керамических находок порождают немалые трудности, связанные с их систематизацией. В обобщающих работах по древней и средневековой керамике неоднократно отмечалось отсутствие единой методики даже на уровне первичной обработки материала, единых принципов классифицирования и терминологическая путаница при описании керамики (см. напр.: Плетнева 1963, с. 9; Генинг 1973, с. 114; Шишкина 1979, с. 6; Пустовалов 1982а, с. 210; Пустовалов 1982b; Коваль 1997, с. 207; Власов 1997, с. 206; Волков 2002, с. 106—134). Во многом это следствие отсутствия общего направления в археологической классификации вообще (Колпаков 1991, с. 4—87). Учитывая неограниченные возможности построения разных классификаций одной коллекции артефактов для решения различных исследовательских задач (Бочкарёв 1990, с. 9—23), необходимо выбрать методику классифицирования и описания керамических изделий, применимые к позднесредневековой керамике Крыма.

Процедура классифицирования подразумевает объективную регистрацию свойств, выявление наиболее устойчивых их сочетаний и в соответствии с этим группирование материала по степени сходства. В каждом конкретном случае, в зависимости от поставленных задач, исследователь избирает наиболее целесообразную с его точки зрения последовательность операций, которая, по его мнению, приведёт к получению объек-

тивного результата. Например, И. В. Волков, обращаясь к классификации средневековой керамики, характеризует два основных подхода к процессу классифицирования, условно обозначив их как — «археологический» и «этнографический». Для «археологического» подхода характерно деление на группы согласно функциональным и морфологическим (в широком понимании) характеристикам исходного материала. В «этнографическом» подходе стартовой единицей классификации выступает вся продукция одной или родственных гончарных мастерских, в рамках которой уже происходит деление по технологическим, функциональным и морфологическим признакам. В качестве идеальной модели предлагается этнографическое описание древнего производства с использованием археологических методов классифицирования (Волков 1992, с. 2; 2005, с. 131—133).

Методологические и методические основы этого подхода, определяемого как историко-культурный, были сформулированы А. А. Бобринским в конце 1970-х годов (Бобринский 1978; Цетлин 2017, с. 8—9). И. В. Волков их усовершенствовал и успешно применил на практике в 1990-е гг. для анализа средневековой керамики из Азака. Исследователь тем самым положил начало его широкого использования при обработке значительных массивов керамики из раскопок золотоордынских городов Подонья, Поволжья и средневековых памятников Крыма, что, как уже упоминалось, способствовало ощутимым успехам в изучении средневековой керамики Восточной Европы в целом.

Традиционный вариант археологической классификации, на основе формально-логического подхода, используется различными исследователями в работе с массовой средневековой керамикой уже около столетия (см. напр.: Waage 1933, p. 308—326, Talbot-Rice 1958, p. 110—120, Megaw 1972, p. 323—343, Якобсон 1950, с. 101—229; Макарова 1967, с. 7—41; Булатов 1976, с. 73—107; Шишкина 1979, с. 6—9; Полубояринова 1989, др.). Один из недавних примеров его применения продемонстрирован В. Ю. Ковалем в работе о средневековой восточной керамике, найденной на территории Руси (Коваль 1997b; 1997c; 2010). По мнению исследователя, атрибуция и датировка «являются производными (вторичными) по отношению к объективным характеристикам керамики, к которым относятся её технологические, декоративные и морфологические характеристики» (Коваль 1997b, с. 7). Место производства и хронологи-

ческие рамки изделий определялись только на уровне низовых ячеек классификации (типы, виды, варианты), выделенных по признакам технологии изготовления и декорирования (Коваль 1997b, с. 104—107; 1997c, с. 9).

В широкой практике современных исследователей средневековой керамики, как отечественных, так зарубежных, нередко используется некий синтез обоих подходов. На первом этапе, зачастую, керамика делится по основному функциональному назначению (архитектурно-строительная, тара, бытовая посуда, пр.) и основному способу обработки внешней поверхности (поливная — неполивная). Затем, на основании базовых технологических характеристик, выделяются группы, которые объединяют в себе продукцию определённого гончарного центра или региона (эгейская, кипрская, венецианская, египетская, византийская, китайская, пр.). Стилистически близкие изделия, место производства которых точно не установлено, объединяются в семьи, название которым присваивается обычно по месту первой или наиболее массовой находки («Zeuxippus Ware», «Zeuxippus Ware Imitation», «Port St. Symeon Wares», «Miletus Ware» пр.). Они нередко включают изделия различных мастерских, работающих в сходном художественном стиле (см. напр.: Avissar, Stern 2005; Waksman, François 2004—2005, p. 629—724). По мере накопления материала и совершенствования методов керамологических исследований, в частности археометрических, такие гетерогенные объединения впоследствии делятся на группы с общими техническими характеристиками сырья (см. напр.: Waksman, François 2004—2005), либо по этому же признаку несколько разных стилистических серий и даже категорий изделий объединяются в одну технологическую группу (см. напр.: Waksman et al. 2014; 2018).

Исходя из опыта предыдущих и современных исследователей, а также собственной практики систематизации средневековой керамики крымских памятников, наиболее рациональной и простой в применении представляется следующая схема деления материала с последовательным использованием функциональной, технологической и морфологической классификаций. Она включает 6 основных этапов.

1. По основному (первоначальному) функциональному предназначению — разделы (общее предназначение), категории (сфера применения), разряды (специфика применения).

Разделы	Категории	Разряды
Бытовая	Крупногабаритная домашняя тара	Пифосы
	Посуда	Среднегабаритная тара
		Кухонно-столовая утварь
Санитарно-гигиенические сосуды		
Архитектурная	Осветительные приборы	Подсвечники Светильники
	Функциональная	Черепица Голосники
	Декоративная	Элементы архитектурного декора
Специальная технологическая	Декоративно-функциональная	Плитки для пола Плинфа Изразцы
	Элементы инженерных коммуникаций	Водопроводные трубы
	Технологические элементы производственных систем	Дымоходы Печной припас

2. По наличию или отсутствию поливы — блоки.

3. По технологии изготовления (составу формовочных масс, способу формовки и пр.) — группы и подгруппы. В группы объединены изделия родственных или регионально близких мастерских, более дробное деление которых образует подгруппы. Например, в группе керамики «Юго-Восточный Крым» выделяют подгруппы «Старый Крым», «Судак», «Каффа» (см. напр. Масловский 2006а, с. 355—371). Названия групп не всегда соответствуют месту производства керамики. Используется также ассоциативная, устоявшаяся в научной литературе терминология, нередко созвучная месту первой или наиболее массовой находки (например, «Милетская керамика» по отношению к ранней поливной керамике турецкого Изника) или характерным чертам морфологии сосудов (например, «группа горшков с рельсовидным венчиком»), в особенности, если место производства группы не установлено.

4. Исходя из технологии оформления поверхности сосудов внутри одной группы выделяются отделы. Например: изделия без дополнительной обработки поверхности; с ангобным покрытием; без дополнительного декора; с росписью ангобом; с гравирован-

ным орнаментом; с орнаментом сграффито и полихромной росписью и т. п. Внутри отделов для поливных изделий возможно выделение серий в соответствии с определённым набором стандартных орнаментальных мотивов.

5. По морфологическим признакам, связанным с назначением сосудов, выделяются их виды (горшки, кувшины, блюда, миски, чаши, кубки пр.).

6. По сочетанию устойчивых морфологических признаков и размеров внутри каждого вида определяются типы. Например, горшки — одноручные, двуручные, со сливом в виде прогиба венчика пр.

Предлагаемая схема классификации является открытой для дополнения при обнаружении новых групп, видов и типов керамических изделий XV в.

В различных категориях и блоках керамики будут выделены группы изделий одной мастерской, что в конечном итоге позволит определить ассортимент продукции этой мастерской.

Описание керамики включает четыре основных этапа, которые рассмотрены на примере наиболее сложного и представительного раздела — бытовая ёмкостная керамика.

I. Технология изготовления полого тела. При формовке изделий, встречающихся в крымских комплексах XV в., использованы три основных техники:

1. Скульптурная лепка методом жгутового налёпа без использования гончарного круга (пифосы крупных размеров).

2. Формовка изделия на гончарном круге. Сосуды больших объёмов (пифосы) изготавливались на этапе РФК 2—5 (Бобринский 1978, с. 27—62), то есть скульптурная лепка сочеталась с использованием вращения круга, начиная с простого заглаживания поверхности и до частичного конструирования полого тела путём вытягивания глины. Кухонные и столовые поливные и неполивные сосуды, за редким исключением, формовались преимущественно на этапе РФК 6—7, то есть круг использовался для изготовления сосуда путём вытягивания его из комка глины. При этом фиксируется срезание готового изделия с плоскости круга нитью или подсыпка под днище песка.

3. Литье. В этой технике изготовлены импортные сосуды из кремнеземистых формовочных масс (кашина) и селадон.

В местном керамическом производстве XIV в. использовалась также техника пресования в рельефной форме (Тесленко 2018а, с. 43—44), однако в практике крымских гончаров XV столетия она не сохранилась.

II. Цвет обожжённого черепка изделий из глины обусловлен преимущественно химическим и минералогическим составом сырья, интенсивностью и режимом обжига (Цетлин 2017, с. 277—280). По цвету черепка гончарные изделия XV в. подразделяются на коричневоглиняные (от коричневатого-красного до темно-коричневого), красноглиняные (от светло-оранжевого до темно-красного), сероглиняные (серый цвет различных оттенков), светлоглиняные (от светло-жёлтого и жёлто-розового до светлого красновато-жёлтого). Кроме того, часто встречается двухцветный трёхслойный черепок (например, коричневатый с серой прослойкой), что является результатом неполного обжига (Цетлин 2017, с. 280). Изделия из силикатных формовочных масс (кашин) характеризуются слабо окрашенными в жёлтый или розовый цвет, реже — белым черепком.

III. Форма.

Сосуды. Основные принципы описания формы общие для ёмкостной керамики различных категорий и разрядов. Термин «форма» употребляется в значении «абрис» — изгибы (характер и степень кривизны) поверхностей и контуров, описывающих эти поверхности, и соотношение размеров разных участков (Бочкарев 1990, с. 70—71) или внешние очертания сосуда «без учёта дополнительных конструктивных частей, которые эти очертания нарушают» (Цетлин 2017, с. 261). Прежде всего, различаются сосуды открытой и закрытой формы. В определении пропорциональных соотношений элементов формы сосудов использован подход, предложенный Г.В. Шишкиной, и применённый исследовательницей при описании глазурованной керамики Согда (Шишкина 1979, с. 9—20).

К сосудам закрытой формы относятся изделия вытянутых пропорций, имеющие плечо, при $H_2 > 1/2 D$, где H_2 — высота тулова без учёта поддона, D — максимальный диаметр (допустимый коэффициент соотношения $H_2 : D > 0,6$); рис. 2). У сосудов открытой формы (без плеча или с небольшим плечом) $H_2 < 1/2 D$ или $H_2 = 1/2 D$ (максимальный допустимый коэффициент соотношения $H_2 : D$ не должен превышать 0,6; рис. 3). При этом коэффициент соотношения минимального диаметра устья к максимальному диаметру тулова ($D_3 : D$) должен быть больше 0,7. К сосудам закрытых форм относятся пифосы, амфоры, фляги, горшки и кувшины, которые, в зависимости от формы, могут иметь специфические названия, сохранившиеся в устной или письменной традиции определённой местности (например, афтоба, куман, тувак и пр.).

Разница между кувшином и горшком обуславливается на пропорциональном соотношении общей высоты (H) и наибольшего диаметра (D) (основной показатель), а также диаметра горла в месте максимального сужения (D_3) и наибольшего диаметра (D) (рис. 2). К разряду кувшинов отнесены все сосуды вытянутых пропорций, коэффициент соотношения наибольшего диаметра которых (D) к высоте (H) — $D : H < 0,6$, а минимального диаметра горла (D_3) к максимальному диаметру (D) — $D_3 : D \leq 0,5$. Сосуды с противоположными параметрами названы горшками. У сосудов закрытой формы наблюдается несколько видов тулова (часть сосуда, расположенная между дном и горлом): 1 — сферическое (рис. 4: 1—3); 2 — эллипсоидное (рис. 4: 4); 2 — овоидное, с незначительным расширением выше или ниже середины высоты (рис. 4: 5—8); 3 — каплевидное или обратноклепидное, с максимальным диаметром примерно на $1/4$ или $3/4$ высоты тулова (рис. 4: 9, 10); 4 — цилиндрическое (рис. 4: 11).

Горло (верхняя часть объёма сосуда, выделенная относительно плеча) может быть в виде раструба, расширенного к устью, с прямыми или выпуклыми стенками (рис. 4: 2, 5, 7, 9); цилиндрическое (рис. 4: 3, 6, 8, 11); усеченно-коническое (рис. 4: 1), а также со сложным профилем (с реберчатыми выступами, с чашевидным завершением, со сферическим расширением и пр.) (рис. 5: 1, 2, 4). Высоким считается горло, высота которого (H_4) больше $1/2$ высоты тулова (H_3), у средней высоты горла — $1/2 H_3 > H_4 > 1/4 H_3$ или $H_4 = 1/4 H_3$, у низкого — $H_4 < 1/4 H_3$. Узким считается горло с $D_3 < 1/4 D$ или $D_3 = 1/4 D$, средней ширины — $1/2 D > D_3 > 1/4 D$, широкое $D_3 > 1/2 D$.

Верхняя часть горла образует венчик (возможен также термин «край»), часто выделенный специальной профилировкой. Сливы отмечены двух видов: 1 — в виде прогиба венчика закрытого (редко) или открытого типа (рис. 4: 2, 5, 9), характерны как для кувшинов, так и для горшков; 2 — трубчатые (по отношению к ним часто употребляют название «носик»), прикреплённые к плечу, встречаются только у кувшинов (рис. 5: 1, 2, 4).

Ручки по способу расположения подразделяются на вертикальные, горизонтальные и арочные (соединяющие два края венчика или носик и горло) (рис. 6). По технологии изготовления — на вытянутые из куса глины, ленточные (в сечении овальные или бобовидные), вытянуто-скатанные (в сечении округлые, часто двухчастные или трехчастные, витые) и сформованные в виде прилепа с проколотым отверстием (в сечении близки

к полукругу или полуовалу) (рис. 5: 1, 2; 6). В редких случаях ленточные ручки дополнительно оформлялись навершиями (рис. 5: 2, 3; 6: I.4, I.7).

Дно — нижняя часть сосуда, обычно придающая ему устойчивость и служащая опорой — может быть простым плоским, вогнутым и профилированным в виде поддона⁵² (рис. 4). По способу формовки поддоны подразделяются на полые, закрытые, цилиндрические или расширяющегося книзу профиля (рис. 4: 2, 9); монолитные (рис. 4: 11) и кольцеобразные⁵³.

Составные части сосудов открытой формы — венчик, корпус (тулово) и днище (рис. 3). У большинства также выражен борт — верхняя часть сосуда, отделённая от корпуса точкой максимального диаметра или точкой верхнего изгиба. По своему положению относительно вертикали, проходящей через точку основания, борт может быть вертикальным или условно вертикальным (угол отклонения не более 20°), наклонённым вовнутрь или отклонённым наружу (угол отклонения от 20° до 45°), горизонтальным или условно горизонтальным (угол отклонения более 45°). По форме — прямым, выпуклым, вогнутым, сложнопрофилированным. Оконечность борта или верхняя часть стенок образуют венчик (край), часто специально смоделированный (рис. 3).

Днища сосудов открытой формы подразделяются на плоские без специальной профилировки (рис. 7: I); плоские специально профилированные, в том числе оформленные в виде высокой ножки на расширенном основании (рис. 7: II); сформованные в виде кольцеобразного поддона (рис. 7: III). Последние наиболее распространены. По соотношению высоты и диаметра поддоны условно делятся на высокие (H1 равно и больше 1/3 D1), средние (H1 от 1/6 до 1/3 D1) и низкие (H1 менее 1/6 D1). Определяется несколько их качественных признаков:

1. Технология формовки: вырезание из массива сосуда (рис. 7: 7); налеп в виде кольца с последующей обработкой (рис. 7: 8—14); формовка в один приём со стенками сосуда с последующим заделыванием центрального отверстия специальным глиняным диском (рис. 7: 6).

2. Внешний абрис профиля: цилиндрический, усечено-конический с прямым, вогнутым или выпуклым контуром (рис. 7: III).

3. Профиль в сечении: равномерной толщины, зауженный книзу, расширенный книзу, с округлым, плоским или скошенным (наружу, вовнутрь) основанием (без дополнительной профилировки или с закраиной).

4. Абрис внутренней поверхности: прямой, вогнутый, выпуклый, с дополнительным углублением, с коническим выступом (рис. 7: III).

Корпус — часть сосуда между днищем и бортом или днищем и венчиком (если борт не выражен; рис. 3). По форме он может быть полусферическим, в форме сферического сегмента, полуэллипсоидным, усечено-коническим, цилиндрическим.

Кроме объективных морфологических характеристик, базирующихся на качественных и количественных признаках, для описания сосудов используются термины, основанные на восприятии изделий в определённой культурной среде. Эти названия основаны, как правило, на сложившихся в обществе стереотипах, знании древней или этнографической номенклатуры и индивидуальном восприятии исследователя (Каменецкий 1993, с. 40; Волков 2002, с. 108—109). Но даже общеизвестные и общепринятые термины не всегда можно соотнести с конкретными предметами. Не существует, например, строго определённых критериев для установления чётких различий между мисками и тарелками, тарелками и блюдами, чашами и чашками. Исследователями предлагались различные выходы из такой ситуации. Г. В. Шишкина, во избежание терминологической путаницы, предложила все открытые формы посуды отнести к группе чаш и только сосуды с бортом, условно названным горизонтальным, выделить в группу блюд (Шишкина 1979, с. 17). А. Л. Якобсон отметил, что «чаши имеют полусферическую форму; тарелки (блюда) — довольно плоские, с горизонтальным бортом; миски — с высоким вертикальным бортом» (Якобсон 1979, с. 118) и т. д. Однако сложно, например, открытый сосуд с вертикальным бортом диаметром не более 10 см, воспринимать как миску. Поскольку очень непросто определить критерии, адекватные ассоциативному восприятию тех или иных форм, в основу характеристики открытых сосудов положены качественные признаки. Названия же открытых сосудов, как и в работе И. С. Каменецкого (Каменецкий 1993, с. 40), основываются на субъективном восприятии. Сосуды с горизонтальным или условно горизонтальным бортом диаметром (D) более 20,0 см названы блюдами, менее 20,0 см — тарелками. Изделия с конфигурацией профиля подобной

⁵² Округлые днища у бытовой ёмкостной керамики XV в., за исключением фляг, пока не встречены.

⁵³ У местной бытовой ёмкостной керамики закрытой формы XV в. пока не встречены.

горшкам, но с другими пропорциями (соотношение $H : D < 0,6$; $D_3 : D > 0,7$), отнесены к глубоким мискам. Сосуды полусферической формы и с вертикальным или условно вертикальным бортом диаметром (D) более 12,5—13,0 см отнесены к чашам, с диаметром менее 12,5—13,0 см — к чашкам. Сосуды вытянутых пропорций на высоких поддонах, высота корпуса с бортом которых более чем в два раза превышает высоту поддона ($H_2 > 2H_1$), названы кубками.

Крышки. К предметам специального назначения, сопутствующим посудной керамике, относятся крышки — приспособления для оптимизации процесса приготовления или хранения продуктов в сосуде путём полной или частичной изоляции ёмкости от внешней среды и создания в ней таким образом специфического микроклимата. Основные конструктивные элементы крышки — корпус, борт, ручка (как самостоятельный элемент представлена не всегда) и навершие, вероятно, также выполняющее функцию ручки (рис. 8). Конструкции крышек поливных и неполивных сосудов несколько отличаются. У неполивных экземпляров корпус может быть дисковидным — составляющим одну плоскость с бортом, а также возвышающимся над горизонтальным бортом — полусферическим, коническим или двухчастным. Навершия подразделяются на открытые (в форме квадрифолия) и закрытые, с верхушкой в виде «луковицы», расширенного конуса (иногда с дополнительными отверстиями) или розетки, сформованной пальцевыми защипами. Ручки, в основном, ленточные, от 1 до 3 штук. Поливные крышки, в большинстве, сегментoidalной, полусферической или конической формы со слабопрофилированным бортом, дополненным специальным выступом для фиксации крышки внутри сосуда. Навершия трёх разновидностей: в виде небольшого конического или сферического выступа; в виде дуговидной ручки; в виде накладного кольца, сформованного по принципу кольцевого поддона.

Осветительные приборы. В бытовой культуре Крыма XV в. использовались керамические осветительные приборы двух или трёх видов: подсвечники, масляные светильники (рис. 9), а также, видимо, подвесные светильники (рис. 6: II; 7: 2, 3). Масляные светильники представляют собой плоскодонные сосуды открытой формы (плошки) с защипом на венчике для укладки фитиля или без него (рис. 9: 1, 2, 6). Следовательно, принципы морфологической характеристики у них соответствуют сосудам открытой формы.

Из подсвечников наиболее типичны изделия на высокой ножке с дисковидным биконическим воскоборником и возвышающимся над ним держателем свечи, оформленным в виде чашечки диаметром, обычно, не более 2,0 см (канделябры) (рис. 9: 3, 4). Единичным экземпляром представлен светильник-свешник, состоящий из плоскодонного сосуда открытой формы (плошки) со сливом в виде прогиба венчика и ручкой, в центре дна которого прикреплён держатель свечи (рис. 9: 5).

Изделия, предположительно атрибутированные как подвесные светильники, по своим морфологическим характеристикам, также как и масляные лампы, сопоставимы с сосудами открытой формы. Это плоскодонные сосуды с низкими вертикальными стенками и ручками в виде полукруглых плоских налёпов с отверстиями для шнура (рис. 6: II; 7: 2, 3).

IV. Декор. Важными качественными признаками поливных и неполивных изделий являются технические приёмы нанесения декора и мотивы орнамента. Для декоративного оформления неполивных изделий, встречающихся в комплексах Крыма XV в., использовалось пять основных технических приёмов: роспись белым ангобом; гравировка (одной линией, двузубым или многозубым штампом); насечка; вдавление (кольшкa или гребенки); налёп (в виде валика, часто дополненного пальцевыми вдавлениями или насечками или в виде конуса). Часто различные техники сочетаются в декоре одного изделия.

В украшении поливных изделий XV в. встречено четыре основных приёма декорирования поверхности — *гравировка, выскабливание, роспись, рельеф*. Крюющая глазурь в подавляющем большинстве — прозрачная, редко — полупрозрачная и глухая (только на импортных изделиях).

Гравировка — нанесение контурного изображения на поверхность предмета при помощи острья или резца. Такой приём в декоре красноглиняных поливных изделий принято называть *сграффито*, что подразумевает процарапывание контура изображения по белому ангобному покрытию, обнажающее фон черепка. В англоязычной литературе существует не менее 19 определений для обозначения изделий с подобным принципом декора, выделенных по хронологическому, стилистическому или технологическому принципу (François 1997, p. 4—5). Обычно термин *сграффито* самостоятельно используют в тех случаях, когда гравировка нанесена тонким острием, образующим ли-

нию шириной до 0,15 см. Если орнамент выполнен резцом с рабочей поверхностью шире 0,15—0,2 см, для его характеристики зачастую используют термин *incised* (*incise* — с англ. вырезать; гравировать) либо самостоятельно, либо в сочетании со *sgraffito* — *incised sgraffito* (François 1997, p. 5; Papanikola-Bakirtzi 1999, p. 19—20; Papanikola-Bakirtzi etc. 1999, p. 85—86).

Выскабливание — снятие части ангобоного покрытия при помощи специального резца. Представлено двумя подходами в исполнении. Один из них — удаление ангоба в границах контура изображаемой фигуры, в результате чего появляются тёмные углублённые изображения на светлом фоне. Для обозначения этого приёма в англоязычной литературе используется всё тот же термин *incised* или *cut slip technique* (Papanikola-Bakirtzi 1999, p. 19—20, 224). Второй — удаление ангоба вокруг изображений, которые остаются светлыми на углублённом тёмном фоне, образуя эффект низкого рельефа. Такой приём называют *champlevé*. В русскоязычной литературе для обозначения техники декора, предполагающей выскабливание ангоба, употребляют следующие термины: *выемчатая техника*, *резерв*, «*шамлеве*», нередко как синонимичные для обозначения обоих способов удаления покрытия (см. напр.: Бочаров 2005, с. 307—308; Романчук 2003а, с. 83). Однако следует обратить внимание на смысловые оттенки формулировок. Так, *выемчатая техника* и *резерв* действительно являются более универсальными по смыслу и могут быть использованы при обоих подходах (см. напр. Кверфельд 1947, с. 141). В то время как *champlevé* обозначает, в переводе с французского, именно удаление (*lever*) фона (*champ*). На керамике поздневизантийского времени какой-то один из указанных приёмов, используемый самостоятельно, встречается редко (Papanikola-Bakirtzi 1999, p. 22).

Роспись по способу нанесения краски подразделяется на надглазурную, подглазурную, внутриглазурную (наносилась по сырой поливе до обжига). Выполнялась при помощи кисти, рожка или набрызгиванием (порой установить способ довольно сложно). Практиковалась как самостоятельно, так и в сочетании с гравировкой или выскабливанием.

Рельеф — создаётся за счёт деформирования поверхности путём различного рода вдавлений по сырому черепку, при литье или прессовке в специальной форме.

Способ расположения орнамента и его составных частей во многом диктовался фор-

мой сосудов. Обычно выделялась центральная орнаментированная зона на поле сосуда и орнаментальный пояс по борту.

Н. Ф. Лисова предлагает классификацию схем орнамента для золотоордынской керамики (Лисова 2012). Несмотря на конструктивную критику ряда позиций её исследования (Масловский 2012b, с. 20), отдельные разработки автора вполне приемлемы для характеристики орнаментальных схем, в том числе — основные принципы построения композиции: центрическая, концентрическая, медальонная, радиальная, радиально-центрическая, медальонно-центрическая, коврово-центрическая, ковровая, вихревая, отвесная пр. (Лисова 2012, с. 158, 159, табл. 30; 31), которые будут использованы в данной работе.

А. Н. Масловский при характеристике орнаментов поливной керамики азакского производства прибегает к индуктивному методу выделения декоративных серий. В группировании изделий и поиске аналогий Андрей Николаевич акцентирует внимание на точных соответствиях орнаментальных композиций в сочетании с их отдельными элементами. На основании чего он выделяет серии и предлагает варианты путей возможных стилистических заимствований в местном керамическом ремесле (Масловский 2012b, с. 20—27).

Однако, существует также мнение, что при характеристике орнаментов определяющими выступают отдельные элементы и мотивы декора, которые являются устойчивыми в определённой культурной среде и используются в различных сочетаниях (Колпаков 1991, с. 32). Например, классифицируя богато орнаментированную поливную керамику средневекового Согда, Г. В. Шишкина также выделяет как устойчивый качественный признак отдельные элементы расписного орнамента, которые использовались в различных сочетаниях (Шишкина 1979, с. 10—11). Такой же подход будет применён для анализа декора крымской керамики XV в., так как зачастую именно мотивы орнамента и техника их исполнения выступают в роли хронологических и культурных признаков.

Предложенные схема классификации, а также методика описания, позволяют упорядочить массовый керамический материал из раскопок археологических памятников Крыма XV в. в единой системе, выделить однородные группы, виды и типы изделий, а также определить их хронологическую позицию с максимально возможной на сегодняшний день точностью.

2.2. АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА, ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Основным источником сведений о хронологии керамических изделий Крыма XV в. являются материалы исследования соответствующих археологических комплексов. Для корректного использования этой информации необходима классификация комплексов по типологическим и хронологическим показателям, нацеленная на выявление их потенциала для построения относительной и абсолютной хронологии керамических изделий. Отдельные разработки в этом направлении изложены в нескольких публикациях автора (Тесленко 2003а; 2010а; 2012а; 2018а; др.). В настоящее время возможно подвести итоги этих исследований.

По особенностям формирования археологические комплексы подразделяются на два основных типа — субструкции архитектурных сооружений (I) и генетически разнообразные культурные отложения (II). Последние, исходя из специфики их накопления, можно разделить на 4 варианта.

II.1. Закрытые комплексы — совокупность объектов, найденных в положении, позволяющем надёжно заключить об их одновременном выпадении в отложения (Колпаков 1991, с. 44). К такого рода объектам относятся слои пожаров внутри архитектурных сооружений; погребальные комплексы с одноактными захоронениями; клады; остатки кораблекрушений, а также, видимо, заполнение ям, сформировавшееся одновременно (Белинский, Масловский 1998, с. 188).

II.2. Залегающие *in situ* напластования длительного непрерывного формирования. Это разнообразные «мусорные свалки», а также слои, связанные с длительным функционированием и постепенным разрушением различных строений и архитектурных ансамблей, погребальные комплексы с многократными подзахоронениями пр.

II.3. Отложения, перемещённые со своего первоначального местоположения в процессе антропогенной деятельности за относительно короткий промежуток времени (нивелирующие подсыпки, «засыпи», пр.)⁵⁴.

II.4. Деструктурированные отложения, неоднократно перемещавшиеся в различные периоды времени вплоть до современности. Артефакты из них не могут быть использованы для хронологических построений.

Информация, получаемая при анализе материала из различных напластований, неравноценна. Отложения II.1 фиксируют «горизонтальный» (единовременный) срез материальной культуры, комплексы керамики из них в основном соответствуют современной им рыночной номенклатуре при возможном наличии сравнительно небольшого количества «старых» и «новых» вещей. Напластования II.2 отражают процесс естественного выхода из употребления «старых» и появления «новых» вещей в обиходе, иллюстрируя изменения, происходившие в бытовой культуре в течение определённого промежутка времени. Следует учитывать, что наибольший процент «оседания» артефактов в такого рода отложениях, скорее всего, приходится не на пик их распространения, а на завершающую стадию бытования. В особенности это относится к вещам с узкими временными рамками существования. Отложения II.3 показывают наличие в слоях тех или иных артефактов на момент перемещения седимента. Часто, особенно на многослойных памятниках, материал таких отложений разновременный, с довольно широким диапазоном датировок, однако, в любом случае, возможно (с большей или меньшей степенью достоверности) определение хронологического рубежа, соответствующего процессу перемещения. Подобную информацию содержат субструкции архитектурных сооружений, фиксирующие наличие тех или иных предметов на момент их возведения.

Все разновидности седиментов (за исключением II.4) могут использоваться для построения хронологических схем при наличии хронологических индикаторов (хорошо датируемых артефактов, например, монет⁵⁵) или хронологических реперов (отложения, архитектурные сооружения или их отдельные строительные периоды, соотносимые с событиями точно датированными по историческим, в частности эпиграфическим источникам). Кроме того, необходимо учитывать относительную хронологию отложений.

Методы хронологических построений на основе закрытых комплексов, в частности погребальных, разработаны наиболее полно (Шаров 1992, с. 163). Методика датировки открытых комплексов и массового материала из них довольно обстоятельно охарактеризована и успешно применена на практике И. С. Каменецким (Каменецкий 1993, с. 6—156) на примере хронологии и синхрониза-

⁵⁴ Следует отметить, что не всегда можно достаточно чётко разграничить типы II.2 и II.3.

⁵⁵ Однако здесь следует учитывать, что датирующие возможности монет могут отличаться в зависимости от интенсивности и состава денежного обращения в определённом регионе и пр.

ции культурных слоёв городищ «донских меотов». Исследователь акцентирует внимание на необходимом качестве исходных данных, в первую очередь — детальной стратиграфии объекта, основанной на выделенных по объективным признакам культурных слоях, а не абстрактных «штыках», а также тщательности отбора керамики и подсчёте процентного соотношения тех или иных групп, видов, типов в слое. Подобный исследовательский подход успешно применяется на практике азовскими и другими коллегами, занимающимися исследованием золотоордынских древностей Восточной Европы, что позволило значительно продвинуться в детализации хронологии керамических артефактов этого периода в последнее время (см. напр. Белинский, Масловский 1998; Масловский 2006а, с. 355—371; 2012а; 2017, др.).

Таким образом, для разработки хронологической шкалы любой категории находок, в том числе — керамики Крыма XV в., пригоден материал из археологических комплексов, для которых достаточно точно можно установить их тип и вариант (I, II.1—3), а также пространственные и временные рамки. Культурные слои должны отчётливо отделяться от сопредельных седиментов и соотноситься с надёжными хронологическими индикаторами или хронологическими реперами.

В целом проанализированы данные по 52 объектам, на которых зафиксированы находки XIV—XV вв. и материал которых оказался в разной степени доступен автору по публикациям либо отчётной документации и музейным коллекциям без ущемления авторских прав других исследователей. На 40 из них производились раскопки: Херсонес / Херсон, городище; мыс Виноградный и Сарандинакина балка, монастырские комплексы; Балаклава/Чембало, городище; Кадыкой, поселение; Мангуп, городище; Бакла, городище; Пампук-Кая, храм, поселение; Кыз-Куле / Черкес-Кермен, храм; Ласпи, приморское поселение с могильником, поселение Шабурла, храм на г. Мачук; Форос, храм с некрополем; Бекетово/Кучук-Кой, могильник; Симеиз, укрепление и храм; г. Хачла-Каясы / Крестовая, храм на укреплении; Верхняя Ореанда, храм на северо-западном склоне г. Крестовая; Ялта, храм с некрополем на холме Палекур; Массандра, храм с некрополем; Никита, храм с некрополем; Гурзуф, городище; Партенит, городище; Аю-Даг, монастырский комплекс в бухте Панаир и храм с некрополем на северо-восточном плече; Малый Маяк, храмовый комплекс на г. Ай-Тодор, храм с некрополем на южной окраине; Алушта, крепость, храм с

некрополем на юго-восточном склоне Крепостной горки; Фуна, крепость, 3 храма на некрополе, некрополь; Сотера, храм с некрополем; Генеральское, храм на источнике Ай-Андрей; Чобан-Куле, замок, храм на поселении; Судак / Солдайя, городище, посад; г. Перчем, монастырский комплекс; Кордон-Оба, замок Калиера, монастырский комплекс; Тепсень / Посидима, поселение; Феодосия / Каффа, городище; округа Каффы — поселение в пойме р. Байбуги, поселение на берегу бухты Тихой, армянский монастырь в Двужкорной долине; Старый Крым / Солхат, городище; округа Солхата — поселения Кринички II и Бокаташ II; Мирмекий, поселение Пондиго; Керчь / Корчев, городище (рис. 1: 1—5, 7, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 20, 25—29, 31—52).

В 9 пунктах осуществлялись шурфовки: Чуфут-Кале, городище; Сюрень, укрепление; Бойка, монастырская базилика; Керменчик, замок; храм на Ласпинской яйле; Голубой Залив, поселение; Учансу-Исар, крепость, поселение на склоне г. Ставри-Кая; Аю-Даг, поселение на юго-западном склоне (рис. 1: 8, 11, 13, 14, 16, 19, 23, 24, 30). На 3 объектах — Инкерман / Каламита, укрепление, городище; г. Хачла-Каясы, территория укрепления и Верхняя Ореанда, территория укрепления на г. Крестовая — раскопки и шурфовки (рис. 1: 6, 21, 22).

Из них выделено 10 памятников с комплексами XV в., при исследовании которых получена информация более или менее соответствующая критериям, необходимым для хронологических построений.

1. Балаклава. Отложения № 8—10 в башне Барнабо Грилло, строения хозяйственно-бытового назначения с внешней стороны башни (ямы № 1 и 2), нивелирующие подсыпки генуэзского периода внутри барбакана и на проезде (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, с. 7—57; 2004, с. 9—38, 49—51; 2005, с. 7—8; 12—15; 10, с. 479—496). Контексты типов II.1—3.

2. Мангуп. Цитадель, княжеский дворец со слоем пожара 1475 г.; слой № 2 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун; горизонт застройки XV в. в районе церкви Св. Константина (Лешпер 1913, с. 79; Якобсон, с. 417; Мыц 1991а, с. 100—101, рис. 40—44; Герцен, Науменко 2005, с. 261—263, рис. 5—20; 2009; 2010; Герцен и др. 2006, с. 378—392, рис. 10—18, 22; Науменко, Душенко 2014; 2017). Контексты типов II.1—3.

3. Чуфут-Кале. Горшок с кладом, тезаврация которого определяется 60-ми гг. XV в. (Козлов и др. 2003, с. 120—123). Тип контекста II.1.

4. Аю-Даг, храм на северо-восточном плече. Отложения типа П.2, 3, связанные со строительством и функционированием храма и некрополя (Тесленко, Сёмин, Лысенко 1999, с. 3—39; Лысенко, Тесленко 2002, с. 71—73, 79—80, рис. 2; 5; 6).

5. Малый Маяк, храм на южной окраине. Отложения типа П.2, 3, связанные со строительством, функционированием и разрушением храма, функционированием некрополя (Тесленко, Лысенко 2004, с. 260—296; Тесленко 2012b).

6. Алушта, средневековая крепость. Около 80 жилых и хозяйственных помещений; 2 башни последней линии обороны; сантехнические сооружения; отложения типа П.2, 3 у башен Орта-Куле и Ашага-Куле (Мыц 1984; 1985; 1986; 1987; 1988; 1989; Мыц 1991а, с. 100; 2002; 2009, с. 289—345; Мыц, Адаксина 1990; 1991; Мыц, Адаксина, Кирилко 1992; Мыц и др. 1993; Мыц, Сёмин 1994; Тесленко, Сёмин 1998; Тесленко 2017). Производственный комплекс на территории посада крепости Алустон (Телиженко и др. 2009, с. 427—428; Тесленко, Лысенко 2019). Контексты типов П.1, 2.

7. Крепость Фуна. Объекты внутри крепостного периметра (надвратная церковь, башня-донжон, «северная» башня, 3 внутренних двора, 14 жилищно-хозяйственных комплекса, 2 сантехнических сооружения) и строения, предшествовавшие возведению крепостных стен (Мыц 1980; 1981; 1982; 1983; 1984; 1985; 1986; 1988, с. 97—115; 1991, с. 100—101; 2009, с. 112—123, 362—400; 444—478; Мыц, Кирилко 1990; 1991; 1994; Кирилко 2005; Тесленко 2016а; 2016b; 2020а; 2021). Двухапсидный храм на некрополе (нижние яруса могил № 4 и 7) (Айбабина 1991, с. 201—203, рис. 8: 1, 2). Контексты типов П.1—3.

8. Чобан-Куле. Отложения связанные с возведением и разрушением крепости; слой разрушения храма на поселении (Кирилко, Мыц 2004, с. 205—245). Контексты типов П.2, 3.

9. Город Каффа. Помещение № 3 с тандыром и 2 хозяйственные ямы на восточном склоне Карантинного холма; водосборник у башни Криско; храм Св. Стефана; производственный гончарный комплекс (Петерс 1975, с. 378; Айбабина 1988, с. 68; Сазанов, Иващенко 1995, с. 120, 128—129; Айбабина 1997, с. 16—18, рис. 1—2; Айбабина, Бочаров 1997, с. 211—229, табл. 6: 36—49; Aibabine, Botcharov, Mytz 1999, с. 28—29; Тесленко 2018а, с. 13—16). Контексты типов П.1, 2.

10. Кринички II, поселение, жилищно-хозяйственные комплексы второго и третьего строительных периодов (Крамаровский, Гукин 2002, с. 9—179). Типы контекстов П.1, 2.

В целом выделено более сотни археологических комплексов различных типов (П.1—3), которые представляют **12 хронологических интервалов** с рубежа XIV—XV вв. до последней четверти XV — начала XVI вв.

1. Конец XIV — начало XV вв.: крепость Фуна — строения, предшествовавшие сооружению крепости (XXIII, XXIV, XXVII, XXVIII, VII, VIII, XXV, XXVI), нижняя нивелирующая подсыпка двора № 3 (рис. 11) (Кирилко 2005, с. 47—49, рис. 39—40; Тесленко 2016b); двухапсидный храм с некрополем у крепости Фуна — нижние яруса могил № 4 и 7 (Айбабина 1991, с. 201—203, рис. 8); храм с некрополем на северо-восточном плече г. Аю-Даг — отложения, связанные с ремонтом здания (Тесленко, Сёмин, Лысенко 1999, с. 25); золотоордынское поселение Кринички II — жилищно-хозяйственные комплексы второго и третьего строительных периодов (Крамаровский, Гукин 2002, с. 9—179).

2. Конец XIV (?) — первая половина XV вв.: храм на южной окраине с. Малый Маяк — отложения, связанные с возведением храма и устройством первых погребальных сооружений (Тесленко, Лысенко 2004, с. 261; Тесленко 2012b, с. 225); храм с некрополем на северо-восточном плече г. Аю-Даг — слои, накопившиеся в процессе активного функционирования прихрамового некрополя (№ 18, 20, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35) (Тесленко, Сёмин, Лысенко 1999, с. 21—22, 24).

3. Вторая четверть XV в.: крепость Фуна — «кузница»; помещения 21, 30 (рис. 11) (Кирилко 2005, с. 60—63, рис. 44—45; Мыц 1983, с. 16—17, рис. 37—39; Мыц, Кирилко 1990, с. 18, 24, 26—27, 82); Балаклава — слой пожара (№ 10) в башне Барнабо Грилло (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, с. 22—23, рис. 102); Каффа — заполнение строительной траншеи храма св. Стефана в юго-восточной части Каффы (Айбабина, Бочаров 1997b, с. 211—229, табл. 6: 36—49).

4. 20-е гг. — третья четверть XV в.: Каффа — помещение № 3 с тандыром и 2 хозяйственные ямы на восточном склоне Карантинного холма (Айбабина, Бочаров 1997а, с. 16—18, рис. 1—2).

5. 20-е гг. — последняя четверть XV в.: Каффа — гончарная мастерская (Aibabine, Botcharov, Mytz 1999, p. 28—29).

6. Вторая треть XV в.: Балаклава — нивелирующая подсыпка (сл. № 9) в башне Барнабо Грилло, ямы № 1 и 2, слой коричневого с зеленоватым оттенком грунта на скальной поверхности внутри барбакана (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, с. 20—22, 24—26, рис. 82, 90, 93, 95—100; 101); крепость в Алуште —

строения 8, 9, 44 (рис. 10), слой пожара и разрушения, культурные слои, подстилающие дневную поверхность времени сооружения куртины четвертой линии обороны, отложения между третьей и четвертой линиями обороны (Мыц 1984, с. 3—4, 22; Мыц 1986, с. 7—8; 31, рис. 32: 1, 2; Мыц и др. 1993, с. 71—74, рис. 104—109; Тесленко, Сёмин 1998, с. 20—22, 27—28, рис. 34: 10).

7. Середина XV в. — третья — четвертая (?) четверти XV в.: храм на южной окраине с. Малый Маяк, отложения, связанные с функционированием храма и некрополя (Тесленко, Лысенко 2004, с. 261; Тесленко 2012b, с. 225).

8. Начало 1460-х (?) гг.: Балаклава, башня Барнабо Грилло — выравнивающая подсыпка под покрытием двора барбакана, нижняя часть заполнения цокольного пространства барбакана (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005, с. 7—8, 12—13, рис. 102—105).

9. Вторая — третья четверти XV в., со слоем пожара 1475 г.: цитадель и княжеский дворец на Мангупе (Лепшер 1913, с. 79; Якобсон 1953, с. 417; Мыц 1991a, с. 100—101, рис. 40—44; Герцен, Науменко 2005, с. 261—263, рис. 5—20).

10. Середина — вторая половина XV в. со слоем пожара 1475 г.: мастерская на территории посада Алуштинской крепости (Тесленко, Лысенко 2019).

11. Конец 50-х — начало 60-х гг. XV в. — 1475 г., со слоем пожара 1475 г.: крепость в Алуште — квадратная (Орта-Куле) и круглая (Ашага-Куле) башни, около полусотни жилищно-хозяйственных комплексов, выгребная яма и водосток с внешней стороны куртины четвертой линии обороны (рис. 10) (Мыц 1984, с. 20—21; Мыц 1986, с. 18; Мыц 1988, с. 4—8; Мыц 2002, с. 157—162, 165—171, рис. 24—35, 41—43; Мыц 2009, с. 314—345, рис. 195—208, 217—221, 225—226, 352; Мыц, Адаксина, Кирилко 1992, с. 28; 31, с. 9, рис. 33: 1); крепость Фуна — надвратная церковь, 10 жилищно-хозяйственных строений, кордегардия, накопитель для сбора нечистот, выгребная яма гарнизонного туалета, дворы № 1—3, северная башня, донжон (рис. 11; Кирилко 2005, с. 63—81, рис. 47—60; Мыц 2009, с. 362—370, 444, рис. 316—342; Тесленко 2016a; 2020a; 2021; Teslenko 2016a); Чобан-Куле — отложения, связанные с возведением и разрушением крепости, храм на поселении (Кирилко, Мыц 2004, с. 205—245, рис. 22, 26); Каффа — водосток у башни Криско (Сазанов, Иващенко 1995, с. 129); Чуфут-Кале — горшок с кладом (Козлов и др. 2003, с. 120—123); яма № 29 и помещение «Н» комплекса

княжеского дворца Мангупского городища (Герцен, Науменко 2010; Науменко, Душенко 2017).

12. Последняя четверть XV—XVI вв.: крепость в Алуште — нижний горизонт зольника на участке башни Орта-Куле, культурные отложения у башни Ашага-Куле (Мыц, Сёмин 1994 с. 7; Тесленко, Сёмин 1998, с. 10—14; Мыц 2002; Мыц 2009, с. 296—314, рис. 182—187, 190, 192—194, 209; Мыц и др. 1994, с. 70—71; Алядинова, Тесленко 2015); храм с некрополем на северо-восточном плече г. Аю-Даг, слой № 15 (Тесленко, Сёмин, Лысенко 1999, с. 15—16); храм на южной окраине с. Малый Маяк, отложения, образовавшиеся при частичном разрушении церкви (Тесленко, Лысенко 2004, с. 161—162; Тесленко 2012b, с. 225); Мангуп, юго-восточный склон мыса Тешкли-Бурун, слой № 2 (Герцен и др. 2006, с. 378—392, рис. 10—18; 22); жилищно-хозяйственные комплексы и зольник в портовой части средневекового Судака (Алядинова 2012; Алядинова, Тесленко, Майко 2015; Тесленко, Майко 2020b).

Для объективной оценки достоверности предлагаемых построений следует отметить некоторые особенности исходных данных. Во-первых, распределение керамического материала по выделенным периодам не одинаково. Наиболее массово и разнообразно представлены находки из объектов второй-третьей четверти XV в. и конца XV — начала XVI вв. Что касается отложений, датированных рубежом XIV—XV вв., количество керамики из них, в особенности реконструируемых форм, незначительно. Вызывает затруднение также точное определение верхней даты этих объектов. Керамика из них в целом находит аналогии в комплексах как последней трети XIV в. (детальнее см.: Тесленко 2012b, с. 233—236; Тесленко 2016b; Тесленко 2018a), так и первой половины XV в. (Зинюк, Масловский 2018). Прояснить ситуацию могли бы материалы закрытых комплексов первой четверти XV в., но в распоряжении автора настоящего исследования их пока нет.

Во-вторых, в большинстве публикаций и отчетов отсутствует равноценный подход к фиксации и первичной обработке керамики. Более тщательно отбирались и фиксировались неординарные артефакты (с сюжетными изображениями, монограммами, импорт, целые или реконструируемые формы), которые демонстрируются в качестве иллюстративного материала. При описании же массовых находок зачастую используются довольно абстрактные понятия «много», «мало», «не-

значительное количество», «большинство», «отдельные находки» и т. п. В основном отмечается факт наличия той или иной группы артефактов, а не их количество. Это затрудняет реконструкцию процесса появления, пика распространения и выхода из оборота различных групп массового материала. При таком состоянии первичной фиксации применение методики, предложенной И. С. Каменецким, невозможно.

В этой связи показательны результаты исследований храмов на северо-восточном плече г. Аю-Даг и на южной окраине с. Малый Маяк, проведённые автором. Здесь удалось получить довольно детальную стратиграфию. Кроме того, произведён тщательный отбор и подсчёт всех керамических фрагментов по группам, видам, типам, секциям и сериям в каждом слое (Тесленко, Сёмин, Лысенко 1999, с. 3—38; Тесленко, Лысенко, Турова 2006, с. 8—78; Тесленко 2012b). Учитывались обломки размером до 1 см². Единицу измерения «1 фрагмент» следует признать условной, но даже такая фиксация позволяет проследить динамику распространения отдельных групп керамики во времени. Процесс формирования отложений и состав артефактов на этих объектах, безусловно, имеют свою специфику, отличную от поселенческих памятников (Тесленко, Лысенко 2004, с. 261—270). Тем не менее, при таком уровне фиксации

становится возможным проследить интенсивность обращения определённых групп предметов во времени и выяснить их процентное соотношение для разных временных отрезков. Хотя из-за значительной фрагментарности керамических находок восстановить формы, порой, довольно сложно. По количеству реконструированных керамических изделий наиболее представительны материалы раскопок фортификационных, жилищно-хозяйственных, санитарно-гигиенических и производственных комплексов крепостей в Алуште, Фуне, Чобан-Куле, Мангупе, Каффе / Феодосии, которые дают представление о видовом, типологическом и стилистическом разнообразии технологических групп керамики, бывших здесь в обиходе в XV в. К тому же возросшее качество исследований 1990-х гг. на Фуне и 2000-х на Мангупе позволяет определять процентные соотношения групп керамических артефактов в различных контекстах этих памятников.

Таким образом, к настоящему времени накоплен и доступен для обобщения репрезентативный археологический материал рубежа XIV—XV — последней четверти XV — начала XVI вв. В целом, несмотря на определённые недостатки некоторой части этих данных, они формируют основу для детальной морфологической и хронологической классификации гончарных изделий Крыма XV в.

3

ГЛАВА

ТАРА: ПИФОСЫ

Ассортимент керамической тары в XV в. по сравнению с предшествующим столетием претерпевает существенные изменения. Импортные амфоры, традиционно используемые для морских перевозок различных жидких и сыпучих продуктов, выходят из оборота. В жилищно-хозяйственных комплексах, сформировавшихся в XV в., находки амфор, по крайней мере как части керамической утвари, не зафиксированы. Например, в крепости Фуна отдельные обломки сосудов типов III, IV по Н. Гюнсенин (Gunsenin 1989, p. 269—276) — далее GIII и GIV или соответственно «триллийская» и «трапезундская» группы по И. В. Волкову (Волков 1989, с. 87—91; 1992b, с. 144—153), встречаются исключительно в «мусорных засыпках», «нивелировочных подсыпках» и тому подобных отложениях типа П.3 (подсыпки полов помещений 6, 30, дворов 1, 2, заполнения ямы под полом помещения 32, пр. — рис. 11; Тесленко 2016b, с. 134—136; 2018a, с. 36). Здесь они, скорее всего, переотложены из более ранних контекстов. В постройках, предшествовавших сооружению укрепления, верхняя дата которых ограничивается финалом XIV — началом XV в., эти амфоры в качестве полноценной составляющей керамического комплекса также не зафиксированы (Кирилко 2005a, с. 49; Тесленко 2016b, с. 140). На городище в Алуште находки фрагментов амфор GIV известны в строениях со слоем пожара второй половины — последней трети XIV в. (Тесленко 2017, с. 392, рис. 4: 2). В заполнении жилищно-хозяйственных комплексов длительного существования, использовавшихся на протяжении XIV—XV вв. (рис. 10: помещения 1, 2; 13; 30, 31, 34, 34a; 44; 63, 81, 81a; 66, 66a; 82; 107), они встречаются в виде немногочисленного фрагментированного материала. В контекстах, хронологическая позиция которых ограничивается XV в., их фрагменты не найдены (рис. 10: башни Орта-Куле и Ашага-Куле, помещения 39, 59, 60) или единичны и могут быть расценены как примесь случайного мусора, обычного для археологических объектов длительного существования. То есть, скорее всего, примерно к концу XIV — началу XV вв. амфоры уже практически не поступают на рынки Крыма. Вероятно, к этому времени они перестают массово производиться.

В то же время, по мнению А. Н. Масловского, одна из подгрупп «трапезундских» амфор (они же GIV) продолжала поступать в разорённый Тимуром Азак (совр. Азов) после 1395 г. Как утверждает исследователь, в немногочисленных известных к настоящему времени комплексах XV в. их обломки составляют около 6—8 % остатков керамической утвари (Масловский 2012d, с. 20). В одной из мусорных ям, засыпанной в первой половине XV в., доля фрагментов этих амфор достигает 13,07 % или

15 %, (Зинюк, Масловский 2018, с. 214—215, табл. 1). Посему Андрей Николаевич приходит к выводу, что по крайней мере в первой половине XV в. они всё ещё поставлялись в город в качестве торговой тары. Большинство этих изделий, по наблюдениям А. Н. Масловского, происходило из какого-то одного центра. Среди характерных особенностей его продукции исследователь называет темно-красный цвет обожжённого черепка, очень жидкий белый ангоб, стекающий длинными каплями по внешней поверхности сосудов и увеличенные, по сравнению с амфорами предыдущих столетий, размеры (Масловский 2012d, с. 20). Следует отметить, что наличие нескольких производственных центров, работавших с различным сырьём, но выпускавших морфологически близкие варианты амфор GIV, сейчас не вызывает сомнения (см. напр.: Günsenin, Ricci 2018). Вполне возможно, что они прекратили своё существование в разное время. Один из таких центров (например, в том же Трапезунде) вполне мог работать несколько дольше остальных и именно его продукция поступала в Азак. С другой стороны, наличие даже значительного процента какой-то группы керамики на свалке (в случае с Азаком — в засыпанных мусором ямах), свидетельствует скорее о выходе этих вещей из оборота в данный период, а не о новых поступлениях на рынок. Для более весомых выводов на этот счёт нужны дополнительные данные, например — находки реконструируемых форм в жилищно-хозяйственных комплексах.

Стабильной составляющей жилищно-хозяйственных комплексов на протяжении XV в. остаётся крупногабаритная керамическая тара — пифосы. Нишу среднегабаритной тары занимают различные плоскодонные двуручные кувшины и вероятно горшки крупных размеров преимущественно местного производства, которые во фрагментированном состоянии порой сложно отделить от общего массива средне- и малогабаритной бытовой посуды. Поэтому они будут представлены в следующей главе.

Пифос (греч. *πίφος*, лат. *dolium*) — буквально «бочка» — древнейшая керамическая тара, предназначенная, в основном, для хранения и изготовления различных продуктов питания. История пифосов в Причерноморско-Средиземноморском регионе насчитывает несколько тысячелетий — от периода расцвета первых цивилизаций и до наших дней. В настоящее время они используются в домашнем виноделии на Кавказе, а также во многих средиземноморских странах для изготовления и хранения вина, оливкового масла и прочих жидких и

сыпучих припасов. Из этнографических источников известны различные названия таких сосудов в разных регионах. В Грузии это «чури», «тагари», «квеври», в Армении — «карась», в Средней Азии — «хумь» (Толстой 1962, с. 244; Этнография Грузии 1964, с. 8, табл. I; Лисициан 1955, с. 194; Лунина 1962, с. 350).

Эти большие прочные сосуды впечатляющих размеров и хорошей выделки привлекали к себе внимание первых исследователей Крыма, коллекционеров и даже местных крестьян, давно утративших традиции их изготовления. В. Х. Кондараки, характеризуя глины Крыма, их свойства, способы использования, в том числе и в гончарном производстве, пишет, что из всех изделий наиболее примечательны «в хозяйственном отношении... амфоры колоссальной величины, находимые и теперь совершенно целыми в южной части горной Тавриды. Они, без сомнения, заменяли древним современные мешки, корзины и деревянные бочки, требующие частой смены или ремонта и, кроме того, отдельной комнаты для склада их... Сосуды эти, судя по материалу, из которого они состоят, делались чуть ли не по всей юго-восточной береговой полосе, но наилучшего качества — только в местности от Аутки до Алушки. Удивительно то, что секрет изготовления их не сохранен современными обитателями Тавриды...» (Кондараки 1875, с. 12).

Находки пифосов случались обычно в процессе сельскохозяйственных земляных работ. Е. Л. Марков, путешествовавший по Крыму в конце 1860-х — начале 1870-х гг., описывая достопримечательности окрестностей Баклы, отмечает, что «в долине, под обрывом скалы Бакла, несколько лет назад мангушские крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромных... горшков, или амфор, каждая величиною в бочку...». Е. Л. Маркову удалось осмотреть всего 2 экземпляра (Марков 1884, с. 521—522). Не исключено, что именно один из них запечатлен на фотографии, приведенной в иллюстрированном издании «Очерков Крыма», вместе с татарским крестьянином из окрестностей Бахчисарая (рис. 12: 1). М. Соногорова в составленном ею путеводителе упоминает «древние греческие амфоры, или глиняные кувшины» (пифосы?), вырытые при разработке плантаций под посадки винограда и табака на территории древнего поселения на правом берегу р. Месарли (Улу-Узень) в деревне Алушта (Соногорова 1880, с. 41).

Целые экземпляры приобретались для музейных и частных коллекций. Так, в 1889 г. на заседании Таврической Ученой Архивной Комиссии рассматривалось отношение Таврического губернского правления о находке в де-

ревне Тав-Бадрак пяти сосудов «25-ведерной, 15-ведерной, 12-ведерной, 8-ведерной и 5-ведерной величины, по-видимому, древнего происхождения» (Маркевич 1889, с. 109). Для выяснения обстоятельств дела на место выехал член ТУАК А. О. Кашпар. В деревне Мангуш он обнаружил «у тамошних крестьян не пять, а десять амфор упомянутой величины, несомненно древних...», выкопанных на г. Бакла (Маркевич 1889, с. 109). После чего была организована специальная экскурсия для «приобретения этих амфор», завершившаяся покупкой шести из десяти сосудов, двух каменных крышек и куска черепицы «очень хорошей работы» (Маркевич 1889, с. 109—113).

Н. И. Репников пишет о трех огромных пифосах с каменными крышками, вкопанных у западной оконечности руин небольшой церкви, вскрытой при разработке плантажа под виноградник в урочище Мармара, выше удельного имения Кучук-Ламбат, в 1906 г. (Репников 1909, с. 99) (рис. 12: 3). В путеводителе В. М. Кузьменко по Симеизу и его окрестностям сообщается о «больших... глиняных сосудах, служивших для хранения вина и других продуктов», найденных в Лименской долине при обработке плантажа под виноградник. Здесь также приводится фотография пифоса, приобретенного ново-симеизским дачевладельцем Н. Н. Богдановым (Кузьменко 1913, с. 48—49) (рис. 12: 2). Один из пифосов, происходивший, вероятно, из окрестностей Гаспры и Кореиза, украшал парк имения великого князя Александра Михайловича «Харакс»⁵⁶ (рис. 12: 4).

Частые находки пифосов в XIX — начале XX вв., безусловно, демонстрировали их значительное распространение в местной средневековой культуре. Однако только археологические исследования средневековых памятников Крыма позволили получить многочисленные свидетельства действительно массового использования «глиняных бочек» в хозяйстве городских и сельских жителей полуострова с эпохи раннего средневековья вплоть до турецкого вторжения (1475 г.).

На основании материалов из раскопок конца 30-х — первой половины 60-х гг. XX в. в Херсонесе, Южном, Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму А. Л. Якобсон предпринял первое специальное исследование средневековых пифосов Северного Причерноморья (Якобсон 1966, 189—202). Исследователь попытался представить развитие форм средневековых пифосов

и дать, по возможности, их хронологическую классификацию (Якобсон 1966, с. 189).

Сосуды разделены автором на 4 хронологические группы — VI—VIII; VIII—IX, X; XII—XIII и XV вв. Больше всего представлено в публикации пифосов второй группы — порядка трех десятков целых форм из 13—14 (?) пунктов Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма. Все они с овоидным корпусом, массивным, треугольным в сечении венчиком, гладкостенные или с дополнительной обработкой поверхности в виде горизонтальных «желобов-канелюров» или «рельефных обручей» (Якобсон 1966, с. 192—197). Пифосы XII—XIII вв. представлены 5 целыми и 1 фрагментированным экземпляром из раскопок Херсонеса. Сосуды сильно фрагментированы и реконструировать форму удается только в единичных случаях. Все пифосы однотипны, с шарообразным корпусом, часто украшенным горизонтальными налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, небольшим массивным днищем и массивным венчиком с прямым наружным краем (Якобсон 1966, с. 199).

Более поздние пифосы охарактеризованы по остаткам девяти сосудов из кладовой начала 70-х годов XV в. мангушского дворца. Как отмечает Анатолий Леопольдович, форма их мало отличается от херсонесских пифосов XII—XIII вв.: они также шарообразные, с широкой горловиной и узким плоским днищем. Различия заметны лишь в профиле венчика с округлым верхним краем и косым срезом боковой части. Корпус некоторых сосудов украшен широкими горизонтальными бороздами, а под венчиком помещен орнамент из налепных колец. Черепок сосудов светло-красный, с включениями слюды (Якобсон 1966, с. 200).

В начале 1970-х гг. хронологическая классификация А. Л. Якобсона была использована Е. А. Паршиной для деления на группы и датировки пифосов, найденных во время раскопок и разведок 1965—1969 гг. в Южной Таврике (на г. Демерджи, г. Кастель, г. Ай-Тодор, в Партените, Гурзуфе, Ай-Даниле, Голубом Заливе и др.). Коллекция сосудов включала свыше 50 целых экземпляров, в основном VIII—X вв. (Паршина 1974, с. 57). Исследовательница впервые обратила внимание на то, что верхняя хронологическая граница гладкостенных пифосов с яйцевидным туловом, датированных А. Л. Якобсоном IX—X вв., по условиям находки сосудов на г. Ай-Тодор, в Голубом Заливе и Ласпи могла быть более поздней — XIII—XIV вв. (Паршина 1974, с. 58—59).

В 1991 г. С. Б. Адаксиной, В. Л. Мыщом и Т. Н. Смекаловой впервые была предприня-

⁵⁶ Фотография сосуда представлена на открытке № 10 из серии «Крым» издательства «Гознак», Москва, 1926 г. Хранится в фондах ЯИЛИМ, группа хранения 3731, КП 49926.

та попытка комплексного исследования (с привлечением естественнонаучных методов) коллекции из 40 целых пифосов, обнаруженных за восемь лет раскопок крепости Алустон в различных хронологических горизонтах (с IX—X по XIV—XV вв.). К сожалению, работа не была завершена и опубликована, поэтому сложно оценить полноту реализации замысла авторов, однако некоторые результаты, в частности естественнонаучных изысканий, представляют значительный интерес (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991).

Т. Н. Смекаловой был осуществлен петрографический анализ шлифов, капнометрия (измерение магнитной восприимчивости) и ЭПР-спектроскопия проб глины, проведены измерения магнитных полей над пифосами. По направлению остаточной намагниченности определен способ установки сосудов в печь. Из шести пифосов, подвергнутых измерениям, три обжигались на ножке и три — на горле. Посредством измерения магнитной восприимчивости и ЭПР-спектроскопии определена температура и атмосфера обжига изделий. Удалось установить, что температура обжига различных сосудов неодинакова и колебалась от показателя около 400 °С до 700—800 °С. При этом основная масса сосудов обжигалась в восстановительной среде и лишь 4 из 40 — в окислительной (что не отразилось на цвете их черепка).

По замечанию автора исследований, режим обжига, вероятно, определялся конструкцией и размером горна, а также размером самих сосудов. Заметна тенденция, когда сходные по форме пифосы, принадлежащие одной группе, обжигались по-разному: маленький пифос — при температуре 700—800 °С, большой — при температуре около 400 °С. То есть, вероятно, крупные пифосы обжигались в больших печах, где трудно было достигнуть высоких температур и создать равномерное распределение жара по всему пространству обжигательной камеры (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 4—14). Кроме того, в работе приведены результаты идентификации содержимого пифосов по основным компонентам, характеризующим виноматериалы и вино, полученные Отделом химии вина Института винограда и продуктов его переработки «Магарач» (руководитель темы — Р. К. Ступакова) (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 15—16, табл. 1—2).

К 1990-м гг. XX — первым десятилетиям XXI вв. сведения о крымских пифосах VIII—X — XIII вв. пополнились публикациями находок из раскопок в Керчи (Сазанов 1998, с. 50—53), средневекового поселения в урочище Сотера (Паршина 2002b, с. 125—126), древ-

него Партенита (Паршина 2002a, с. 92—93), Херсонеса (Золотарев и др. 1998, с. 192, рис. 8). Были представлены также отдельные находки «глиняных бочек» из комплексов XIV и XV вв. Это 10 сосудов из раскопок донжона третьей четверти XV в. замка Фуна (4 ед.) и хозяйственного комплекса у «гарнизонной кухни», в северо-восточной части внутрикрепостной застройки (Мыц 1988a, с. 106; 1991a, с. 100; 2009, рис. 340—342; Кирилко 2005a, с. 214, рис. 166), обломки пифосов из культурных отложений 1459/60—1475 гг. укрепления Чобан-Куле (Кирилко, Мыц 2004, с. 212, рис. 22: 6). Упомянуты фрагментированные коричневоглиняные пифосы из северной башни и постройки со сломом пожара 1475 г. крепости Фуна (Мыц 1988a, с. 102; Кирилко 2005a, с. 67, рис. 58: 3), тарные сосуды двух типов из строения второй половины XIV — начала XV вв., предшествовавшего возведению оборонительных стен этого укрепления (Кирилко 2005a, с. 49), два пифоса из раскопок хозяйственного комплекса Каффы середины — второй половины XIV в. (Сазанов, Иващенко 1995, с. 118—119) и венчик пифоса из «средневековых слоев» Керчи (Сазанов 1998, с. 52, рис. 1: 1). В 2015 г. увидела свет обобщающая статья автора настоящей монографии о пифосах из археологических комплексов Крыма XIV—XV вв., основанная, преимущественно, на материалах из раскопок городища в Алуште, укрепления Фуны и небольшого винодельческого комплекса у юго-восточной окраины с. Изобильное, Алуштинского горсовета (Тесленко 2015a). К настоящему времени она остаётся базовой в этой области. Морфологические особенности сосудов, позволяющие уточнить их хронологию, пока не определены.

Имеющиеся в распоряжении автора материалы позволяют выделить три основные группы пифосов, бытовавших в Таврике как в XIV, так и в XV вв. Две из них — группы 1 и 3 — наиболее многочисленны. Это сосуды местного производства, отражающие различные локальные гончарные традиции. Группа 2 — выделена условно, она объединяет импортные сосуды с общими морфологическими чертами, но некоторыми визуальными фиксируемыми различиями в составе формовочной массы. В будущем, по мере накопления материала, будет, вероятно, разделена на подгруппы. Ещё одна группа пифосов (4), идентифицирована совсем недавно, по материалам из раскопок в портовой части Судака в 2006—2010 гг. (Тесленко, Майко 2020b).

Морфологическая характеристика.

Группа 1 или «Северное Причерноморье» (СП) (рис. 13—17; 19: 1, 2: 28: 3; 32). Формовочная масса довольно грубая. В качестве

основных компонентов отошителя отмечены частицы шамота и алевролита (средний размер — 1,5 мм, встречаются частицы до 0,5 см), а также кварцевый песок. Выделяются формовочные массы с хорошо и плохо отсортированным отошителем (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 5—8). Пифосы сформованы без использования гончарного круга, в технике скульптурной лепки, путем наращивания глиняных жгутов. Иногда пифосы раскалываются по стыкам жгутов, что позволяет выяснить особенности технологического процесса: в месте соединения друг с другом жгуты оформлялись глубокими пальцевыми вдавлениями, что, видимо, увеличивало прочность сцепления. Толщина стенок сосудов — в среднем 2—4 см. Обожженный черепок желто-красный различной тональности, иногда с розовым или малиновым оттенком, иногда пережжен до коричневого или серого цветов. Обжиг осуществлялся, в основном, в окислительной среде при температуре 400—700/800 °С (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 11—14). Тулово сосудов вытянутое, овоидное, с максимальным расширением в центральной или верхней части. Горло низкое. Венчик массивный, с широким плоским верхним краем, в сечении близок к треугольному, иногда с уступом. Ножка специально профилирована. У сосудов небольших размеров встречается плоское дно (рис. 15: 1). По способу оформления внешней поверхности в составе пифосов первой группы выделяется два отдела.

1.1. *С реберчато-желобчатой поверхностью* (рис. 13: 1, 2). В комплексах XIV—XV вв. встречаются редко. 2 фрагментированных сосуда найдены при раскопках замка Фуна (рис. 11: помещение № 21 и двор 3), один фрагментированный и два целых экземпляра обнаружены на территории крепости в Алуште (рис. 10: помещения № 94, 19, 85). Объем сосудов — около 519 и 641 л⁵⁷.

1.2. *Гладкостенные пифосы* (рис. 13: 3; 14—16). Форма часто асимметричная. Единичные экземпляры с декоративным оформлением верхней части сосуда: волна, прочерченная пальцем по сырой глине; валикообразный выступ по горлу; вдавления штампа (рис. 13: 3; 14: 4; 28: 3). Объем сосудов — от 93,6 до 317 л.

Пифосы группы 1 вкапывались в грунт, в основном по венчик или на 2/3 высоты (рис. 17; 19: 1, 2; 27). Это обстоятельство, а также массивность самих сосудов способствуют их хорошей сохранности. Именно эта группа «глиняных бочек» представлена наибольшим количеством целых экземпляров. На Фуне найдено не ме-

нее 15 пифосов этого типа, в алуштинской крепости — не менее 45, из них 23 целых формы (Тесленко 2015а, с. 154—160).

Группа 2 (рис. 18: 1, 2; 19: 4). Черепок светлый, красновато-желтый или светло-оранжевый. В структуре формовочной массы визуально определяются кристаллы плотного прозрачного и полупрозрачного минерала белого цвета (кварц, полевой шпат), частицы рыхлого минерала белого цвета (известковая крошка), частицы рыхлого минерала бурого или красно-коричневого цвета, золотистые блестки. Поверхность некоторых сосудов покрыта темно-красным или коричнево-красным ангобом. Пифосы изготовлены, видимо, с частичным использованием гончарного круга, который, возможно, выступал в роли поворотного столика, облегчающего ручную лепку (наращивание глиняных жгутов или полос) и обработку поверхности. Тулово сосудов сферической или расширенной овоидной формы, симметричных очертаний, с максимальным диаметром в центральной части. Толщина стенок в среднем около 2 см. Венчик массивный, в сечении трапециевидный. Ножка специально профилирована. Верхняя часть корпуса декорирована. Чаще всего — это горизонтальные борозды и реберчатые выступы (интервал около 1,5—2,5 см), эпизодически оформленные пальцевыми вдавлениями (рис. 18: 1), или же реберчатые выступы, дополненные рядом округлых налепов с пальцевыми вдавлениями (рис. 18: 2). В комплексах XIV—XV вв. рассматриваемых памятников сосуды группы 2 встречаются редко. На Фуне находки их не отмечены, на Алустане зафиксирован 1 такой пифос, вкопанный в пол помещения по венчик и накрытый каменной крышечкой (рис. 10: помещение № 82; 19: 4). Отдельные обломки найдены также при раскопках у юго-восточной стены донжона укрепления Чобан-Куле, в культурных отложениях, залежавших под слоем разрушения донжона, с материалом середины — второй половины XV в. (Кирилко, Мыц 2004, с. 212, рис. 22: 6) и вероятно, на Мангупе в комплексе третьей четверти XV в. (Якобсон 1966, с. 200).

Группа 3 или «Юго-Западный Крым» (ЮЗК)⁵⁸ (рис. 18: 3, 4; 19: 3, 5, 6; 20—27; 28: 1, 2, 4—9; 29; 30: 1). Глиняное тесто тщательно приготовлено, отошитель хорошо отсортирован. Преобладают мелкие частицы кварца и плагиоклаза (50—90 %), средний размер которых составляет 0,1—0,25 мм, максимальный — 0,7—1,3 мм (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 6). Визуально фиксируются

⁵⁷ Здесь и далее объем сосудов определен к. т. н. С. В. Каверцевым на основании разработанной им методики, по чертежам.

⁵⁸ Термин введен в научный оборот И. В. Волковым по материалам керамики Азака (Волков 1992, с. 10—12).

также отдельные зерна дресвы алевролитов. Черепок от красно-коричневого до темно-коричневого цвета, в местах утолщения часто с серой прослойкой. Обжиг окислительный. Температура от 400 до 700—800 °С (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 12—14).

Технология производства пифосов группы ЮЗК отличается наиболее высоким уровнем развития функций гончарного круга. У сосудов значительных объемов вращение круга использовалось для частичного профилирования верхней части. Начин и полое тело изготовлены в технике скульптурной лепки. Однако для формовки сосудов меньших размеров вращение круга использовано не только для заглаживания и профилирования, но и для частичного конструирования путем вытягивания глины. Тулово сферической или расширенной овоидной формы, с максимальным диаметром в центральной или верхней части, симметричных очертаний. Толщина стенок в среднем от 0,7—0,8 до 1,5—2 см. Ножка специально профилирована. У сосудов небольших размеров встречается плоское дно. Верхняя часть корпуса практически всех сосудов украшена наклепными валиками с пальцевыми вдавлениями и/или прочерченным по сырой глине при помощи зубчатого инструмента орнаментом в виде горизонтальных, волнистых или пересекающихся полос (рис. 18: 3, 4; 19: 3, 6; 20—22; 24; 25; 28: 1, 2, 4; 29; 30: 1). Иногда венчик украшен вдавлениями, выполненными заостренным стержнем (рис. 19: 3; 28: 5, 8, 9). Также встречаются прочерченные по сырой глине знаки (рис. 28: 6, 7).

По профилю венчика пифосы этой группы делятся на 2 типа.

Тип 3.1. *С массивным, трапецевидным в сечении венчиком* (рис. 18: 3; 20; 24: 3, 4; 25: 3). Объем сосудов — от 116 до 350 л.

Тип 3.2. *С плавно отогнутым, слегка утолщенным венчиком, с округлым или скошенным наружу краем, иногда с небольшой закраиной с внутренней стороны* (рис. 21; 22; 24: 1, 2; 25; 29; 30: 1). Объем сосудов — от 155 до 229 л.

Сосуды вкапывались в землю на различную глубину, в основном — не более чем на 2/3—1/3 высоты (рис. 19: 3, 5; 26). Поэтому, а также учитывая значительные размеры и относительную небольшую толщину стенок, они преимущественно фрагментированы. На Фуне найдены остатки не менее 25, в алуштинской крепости — не менее 43 пифосов группы ЮЗК, из них только один целый (Тесленко 2015а, с. 154—160). Два пифоса (обнаружены фрагментированными) входили также в состав винодельческого комплекса,

частично исследованного у юго-восточной окраины с. Изобильное (рис. 29; 30: 1).

Наибольшее количество пифосов из комплексов XIV—XV вв. Алустана и Фуны относится к группам 1 и 3. В помещениях и дворах они распределяются следующим образом. На крепости в Алуште «бочки» только группы 1 найдены в 22 постройках — от одного до 5 сосудов. В 4 помещениях располагались пифосы обеих групп по одному или по два сосуда каждой из них. В 15 жилищно-хозяйственных комплексах зафиксированы пифосы только группы 3, максимальное количество их в помещении достигало 8 единиц.

На Фуне расположение сосудов несколько иное. Здесь пифосы группы 1 найдены в 5 помещениях (по одному сосуду) и в одном дворе (два сосуда). «Бочки» обеих групп зафиксированы в 3 жилищно-хозяйственных комплексах (соотношение СП к ЮЗК соответственно 2 : 1, 2 : 8, 2 : 7) и в донжоне (по 2 каждой группы). В 7 внутрикрепостных строениях, хозяйственном дворе юго-восточной части укрепления и в «северной» башне обнаружены сосуды только группы 3 от одного до 6 экземпляров в каждом комплексе.

Среди способов установки пифосов особого разнообразия не наблюдается. Сосуды опускались в специально выкопанные углубления, рассчитанные на 1/3—2/3 или на полную их высоту. При этом вторая и третья позиции более характерны для пифосов групп 1 и 2, первая — для сосудов группы 3. Пространство между стенками пифоса и ямы заполнялось вынутым из нее же грунтом. Лишь в одном из помещений замка Фуна дно ямы, в которую установили толстостенный красноглиняный пифос, было дополнительно обложено плитками песчаника вперемешку с обломками стенок таких же пифосов на известковом растворе и обмазано серо-голубой глиной. После установки сосуда пространство между его стенками и обмазкой залили известковым раствором (рис. 32)⁵⁹. Применение известкового раствора в ямах для установки пифосов группы 2 отмечено на Мангупе (Якобсон 1953, с. 410). Довольно часто в помещениях фиксируются разновременные засыпанные пифосные ямы без остатков сосудов (Кирилко 2005а, рис. 35; 36; 47).

Способ закупорки пифосов различных групп отличался. «Бочки» с массивными

⁵⁹ Интересно отметить, что сосуд, установленный в эту яму, подвергся ремонту (Мыц, Кирилко 1994, с. 30, рис. 31, 32). Отверстие в придонной части пифоса было заделано при помощи заплатки, изготовленной из стенки аналогичного сосуда, залитой по шву свинцом (рис. 32). Не исключено, что именно наличие дефекта обусловило необходимость дополнительной изоляции поврежденной части пифоса.

уплощенными венчиками (групп 1 и 2) закрывались плоскими, округлыми в плане каменными крышками, изготовленными, преимущественно, из песчаника (рис. 17; 19: 2; 27: 1). Такая крышка довольно плотно прилегала к широкой плоскости края. В некоторых случаях фиксируется дополнительная герметизация сосуда при помощи уложенного между венчиком и крышкой глиняного жгута (Тесленко 2015а, с. 155, № 3.1 и 5 каталога). Для пифосов группы ЮЗК какие-либо специальные закупоривающие приспособления археологически не зафиксированы. Учитывая, что горло этих пифосов устроено в виде раструба, а венчик отклонен наружу и не создает опорной плоскости, для них могли использовать «пробки», изготовленные из недолговечных материалов, например, дерева, которое не сохранилось. Также горло сосуда могло быть обвязано тканью, кожей и т. п.

Группа 4 представлена пока лишь двумя находками: фрагментом венчика и практически полностью реконструируемой формой сосуда из Судака (рис. 30: 2). Первый происходит из перемещённых отложений, второй найден *in situ* в слое третьей четверти XV в. в одной из усадеб портовой части средневекового города (Тесленко, Майко 2020b). Сосуд относительно небольших размеров с вытянутым туловом, узким горлом и выступающим наружу, массивным, треугольным в сечении венчиком с широким плоским верхом (рис. 30: 2). Диаметр венчика — около 20,0 см; тулова — 40,5 см, сохранившаяся высота — около 70,0 см. Черепок довольно плотный, светло-оранжевый. В тесте заметны включения крупниц известняка. Пифос найден лежащим на боку, способ его закупорки, как и содержащийся в нём продукт пока не ясны.

Хронология, распространение, происхождение. Несмотря на то, что пифосы четырёх рассмотренных групп найдены в комплексах XIV—XV и XV вв., периоды их бытования неодинаковы. Общей для них является лишь верхняя дата — конец третьей четверти XV в. — 1475 г. — турецкое вторжение на полуостров.

Пифосы **группы 1** массово появляются в Крыму примерно со второй половины VIII—IX вв. В то время они изготавливались в местных мастерских, во множестве обнаруженных в юго-восточной и юго-западной частях полуострова (Фронджуло 1968, с. 121—122, рис. 25—26; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001). Благодаря своей массивности и прочности некоторые «бочки» могли функционировать довольно долго. Следует отметить, что состояние этих пифосов даже в настоящее время вполне удов-

летворительное. В этой связи интересны сведения 1889 г., приведенные А. Маркевичем об использовании крестьянами д. Мангуш подобных пифосов, найденных на г. Бакла, «для ссыпки зерна» (Маркевич 1889, с. 109). На длительность использования сосудов и бережное к ним отношение указывают также следы ремонтов, преимущественно в виде специально изготовленных из фрагментов стенок таких же сосудов заплат, залитых по шву свинцом или, в случае небольших пробоин, свинцовых заливок (рис. 13: 2; 32). Отремонтированные сосуды продолжали использовать для жидких продуктов, возможно, даже для хранения вина. В качестве примера показателен пифос из помещения № 94 алуштинского городища (рис. 13: 2; 17: 1, 2). У него была утрачена примерно 1/3 венчика и пробито небольшое отверстие в нижней части тулова. Отверстие залили свинцом (рис. 13: 2), а лакуну в венчике «залатали» обломком стенки другого пифоса, прилепив его на глине. Каменная крышка также была уложена на глиняный жгут, то есть «бочка» закупоривалась герметично (Тесленко 2015а, с. 155, № 3.1 по каталогу).

Кроме того, согласно этнографическим наблюдениям, традиции производства тары для приготовления и хранения вина весьма консервативны. Форма и способ выделки сосудов сохраняются длительное время, передаваясь из поколения в поколение и мало подвержены влияниям моды. Так, например, на Крите в 1960-е гг. изготавливали пифосы, по форме напоминающие пифосы из раскопок Кносского дворца (около 2000—1450 гг. до н. э.). При этом для обжига сосудов использовались горны, конструкция которых в деталях повторяла античные обжигательные сооружения (Hamper, Winter 1962, taf. 2—13). В Абхазии в 1940—1950-х гг. использовались пифосы, схожие по форме с сосудами группы 1 (рис. 31; Акаба 1955, рис. 3). Не исключено, что в отдельных районах средневекового Крыма некоторые приёмы производства пифосов также могли сохраняться веками.

Обломки пифосов **группы 2**, как уже упоминалось, найдены при раскопках в Алуште, в усадьбе XIV—XV вв., а также в укреплении Чобан-Куле (Кирилко, Мыц 2004, с. 212, рис. 22: 10) и княжеском дворце на Мангупе (Якобсон 1953, с. 416, рис. 25: д) в слоях и комплексах, датировка которых не выходит за рамки XV в. Появление в Крыму сосудов с близкими морфологическими характеристиками относят к XII—XIII вв. В жилищно-хозяйственных комплексах Херсона, погибших в пожаре второй половины XIII в., они преобладают (Якобсон 1950, с. 107—109). Подобные пифосы составляли груз

корабля, потерпевшего крушение в последней трети XIII в. близ Судака (Зеленко 1999, с. 225, рис. 3). Находки аналогичных сосудов известны на Северном Кавказе (Плетнева 1963, с. 59, рис. 37, 5—6; Зажигина 1996, с. 118—119, рис. 3, 1; Хрушкова 1998, с. 43, рис. 30, 1). Место их изготовления пока не установлено.

Пифосы *группы 3* датируются наиболее узко — в рамках XIV — третьей четверти XV вв. и относятся к продуктам местного производства. Сосуды типа 1 являются, вероятно, подражанием импортным образцам группы 2, появившимся на полуострове веком ранее. Источник морфологических особенностей пифосов типа 2 достоверно установить сложно. Близкие аналогии профилю венчика происходят из раскопок средневекового дворцового комплекса Лыхны в Абхазии. Здесь же в качестве декора отмечено использование пальцевых и ногтевых вдавлений по горлу сосудов (Хрушкова 1998, с. 50—53, рис. 40). Интересно также отметить, что декор в виде налепных валиков с пальцевыми вдавлениями характерен для группы керамики «Западная Грузия», выделенной А. Н. Масловским на материалах Азака (Масловский 2006с, с. 241—243, рис. 5: 6—10). Кроме того, профиль верхней части кухонных горшков этой группы также подобен горшкам местной группы ЮЗК (Масловский 2006с, с. 241—243, рис. 5: 1, 5). О проникновении в Горный Крым в XIV—XV вв. выходцев из Кавказа свидетельствуют данные топонимики и археологические материалы (Мыц 2009, с. 216—232), однако выяснить степень влияния культурных традиций этого населения на производство пифосов в Крыму пока сложно.

Сосуды *группы 4* находят близкие аналогии в коллекции керамической тары из кровли базилики Санта Мария в Алектанте (юг округа Валенсия, Испания), возведённой на руинах мечети в конце XV — начале XVI вв. Испанские коллеги объединяют эти сосуды в тип II пифосов из этой базилики и с высокой долей вероятности локализуют центр их производства в Патерне (округ Валенсия, Испания), известной своими гончарными традициями с XIII в. (Menendez Fueyo 2010, р. 229). Сосуды типа II были широко распространены в Средиземноморье, в особенности в зоне каталано-арагонского влияния (Menendez Fueyo 2010, р. 229, fig. 9). Немногочисленные находки испанских пифосов и амфор иных типов хорошо известны в Восточной Европе, в частности в Азаке и на золотоордынских городищах Поволжья (Коваль 2016)⁶⁰. В Крыму к настоящему времени

⁶⁰ Детали дискуссии о происхождении этой группы сосудов см. (Волков, Губайдуллин 2012; Коваль 2016; Зинюк, Масловский 2018, с. 215—216).

испанская тара зафиксирована лишь в грузе корабля, затонувшего в последней трети XIII в. у посёлка Новый Свет близ Судака (Морозова, Зеленко 2012)⁶¹. Пифос из портовой части Судака пока не имеет аналогов среди введённых в научный оборот материалов из Крыма и Восточной Европы. Хронологическая позиция этого типа валенсийских сосудов в целом определяется в рамках последней четверти XIV — середины XVI вв. (Bevia Garcia, Azuar Ruiz 2005, р. 77—79, fig. 9). Детальная датировка вариантов пока не разработана.

Назначение. С точностью определить, для чего использовались пифосы в жилищно-хозяйственных комплексах XIV—XV вв. не всегда возможно, так как далеко не всегда содержимое их поддается идентификации и фиксируется исследователями. В двух из девяти пифосов мангупского дворца отмечены сохранившиеся кости рыбы (Якобсон 1953, с. 410). На Алустане в трех сосудах из 94 зафиксированы обугленные зерна пшеницы и овса. В замке Фуна остатки различных запасов обнаружены в 17 сосудах. В 9 из них находились зерна злаков и бобовых (ячмень пленчатый, рожь, пшеница, вика), в двух — бобы, в трёх — семя льна, в одном — скорлупа орехов лещины, в двух — крупные куски древесного угля. Большинство же пифосов, вероятно, использовалось для воды или жидких продуктов, остатки которых практически не сохраняются и определяются только при помощи естественнонаучных исследований⁶².

Впервые в Крыму химический анализ содержимого средневековых пифосов производился на материалах, полученных В. Л. Мыцом при раскопках крепости в Алуште. Из 27 проб, представленных для анализа, 19 имели компоненты, входящие в состав продуктов переработки винограда (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991, с. 16, табл. 1—2). То есть 70,3% подвергнутых анализу сосудов использовались как емкости для виноматериала или вина. О производстве вина в крепости Алустан в XIV—XV вв. свидетельствует также винодельческий инвентарь, обнаруженный в двух усадьбах. В одной из них найдена большая каменная гиря для виноградного пресса. Здесь же располагались две каменные крышки для пифосов и яма для установки двух «бочек». В соседнем помещении располагался вкопанный по венчик пифос группы 1 с каменной крышкой. Во второй усадьбе обнаружены остатки обугленных де-

⁶¹ Не исключено, что фрагменты испанской тары остаются в керамических коллекциях без должной атрибуции, однако, в любом случае, они вряд ли массовые.

⁶² Детальнее см. (Тесленко 2015а, с. 154—160, каталог).

ревянных конструкций тарапана с каменной гирей и 7 фрагментированных пифосов группы 3, общим объемом около 900 л (рис. 10: помещения № 36, 59). На Фуне остатки деревянного тарапана с каменной гирей в комплексе с двумя пифосами группы 1 найдены в помещении, предшествовавшем сооружению крепости (рис. 11: помещение № 7). В самом замке гири использованы только в качестве строительного материала (Кирилко 2005а, рис. 91; 97; 98). Не исключено, что первичная переработка винограда происходила за пределами крепостных стен в близлежащем селении, а в княжеские закрома доставлялся полуфабрикат или готовый продукт и заливался в предназначенные для него глиняные ёмкости.

Об особенностях производства и использования пифосов достаточно много информации содержится в нарративных источниках и этнографических материалах. Особое внимание к пифосам во многом обусловлено большим значением сосудов в традиционном виноделии и довольно сложной процедурой их изготовления. От добротности пифоса во многом зависело качество будущего напитка. Нюансы технологического процесса и последующей подготовки «винных сосудов» довольно детально описаны в «Геопониках» — византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. Важными были все этапы работы — от приготовления глины до обработки сосуда после обжига (Геопоники 1960, с. 127). В энциклопедии приведены примеры разных подходов к формовке пифосов. Указывается, что «гончары ставят на круг не все, а только маленькие пифосы. Над большими же... они работают в теплом помещении, ежедневно подбавляя к ним глины...» (Геопоники 1960, с. 127).

Подобная технология известна из этнографических наблюдений. В Грузии, например, формовка больших сосудов (от 50—200 до 450—500 ведер) производилась также вручную, без использования гончарного станка, путем наращивания стенок из глины, раскатанной в жгуты. Процедура формовки продолжалась от двух недель до месяца в зависимости от температуры воздуха. Для экономии времени одновременно формировали несколько пифосов. Хорошо подсохшие сосуды переносили в большие обжигательные печи, куда одновременно ставили несколько «чури», промежутки между которыми заполняли мелкой посудой (Толстой 1962, с. 260—261).

Аналогичные технологии изготовления пифосов зафиксированы в традиционном гончарном производстве в Мессении (юг Греции) и на Кипре (Hampe, Winter 1962, taf. 19—21, 37—41; Giannopoulou 2010) (рис. 33—35). Вероятно,

примерно так же происходил процесс выделки сосудов группы 1 в средневековой Таврике. В Армении в XIX в. среди гончаров имелись мастера, которые могли изготавливать карасы в рост человека и выше на гончарном станке (Лисициан 1955, с. 194). На гончарном круге формовались пифосы и на Крите. При этом для устройства рабочего места гончара изначально выкапывалась специальная траншея с боковыми нишами, в каждой из которых устанавливался гончарный круг с подвижной осью. Рабочая плоскость круга находилась вровень с дневной поверхностью. В формовке сосуда участвовали два человека. Один из них, сидя в траншее, вращал маховик, второй, находясь наверху, формовал изделие посредством наложения глиняных жгутов с последующим заглаживанием и выравниванием стенок (рис. 33: 5, 6; Hampe, Winter 1962, p. 40—41, taf. 16—17). На территории Греции для обжига пифосов использовали как однокамерные печи, так и двухъярусные горны с вертикальным ходом горячих газов (рис. 34; 35: 1—4; Hampe, Winter 1962, p. 24—25, 49—54, 69—70, taf. 10; 11; 18; 19: 5, 6; 20, 21; 39, 41: 1, 2).

Пифосы изготавливались как на заказ, так и для розничной торговли. При этом, например, на Кавказе предпочтение отдавалось «винным кувшинам» из определенных районов, несмотря на сложность доставки (Геопоники 1960, с. 126—127; Толстой 1962, с. 261; Винокуров 1999, с. 139). В Греции славились пифосы из окрестностей местечка Корони в Мессении. Отсюда, на маленьких парусниках и моторных лодках, они развозились по побережью, на острова Эгейского моря и даже на Крит, где существовало собственное производство глиняных «бочек». «Пифосы из Корони» пользовались здесь спросом, так как считались более добротными (Hampe, Winter 1962, p. 47). Как в античный, так и средневековый периоды были нередки случаи трансчерноморских перемещений пифосов (Винокуров 2002, с. 139; Диатроптов 1999, с. 177; Зеленко 1999, с. 225, рис. 3), которые, скорее всего, использовались как тара для транспортировки готовых продуктов.

При подготовке к использованию «винные кувшины» подвергались специальной обработке. На Кипре только что вынутые из печи, ещё горячие сосуды обливали изнутри расплавленной смолой, состав которой, к сожалению, не указан (рис. 35: 3, 6). После чего сосуды окуривали дымом тлеющих оливковых листьев, освященных в вербное воскресенье (Hampe, Winter 1962, p. 71). Последнее действие, видимо, выполнялось скорее в ритуальных, чем в утилитарных целях. На Кавказе для уменьшения пористости внутренняя

поверхность сосуда смазывалась жиром (курдючным салом), воском или же смесью воска и смолы (Толстой 1962, с. 244). В античное время для пропиток использовались воск, камедь и смола (Винокуров 2002, с. 139—140). В Византийской традиции в смолу добавляли различные травы, ладан, толченые семена. Считалось, что смола имеет большое влияние на качество и свойства напитка (Геопоники 1960, с. 126—127).

Бывшие в употреблении сосуды тщательно чистились и обрабатывались. Известны специальные приспособления, используемые для этих целей грузинскими виноделами. Маленькие кувшины мылись при помощи длинной палки, на конце которой крепились зажатые между двух дощечек куски вишневой коры. Воду удаляли черпаком, сделанным из глиняной или тыквенной чаши. Большие сосуды чистили спустившиеся на их дно мойщики (Толстой 1962, с. 244). При необходимости сосуд мог заполняться хворостом и выжигаться (Винокуров 2002, с. 139). В «Геопониках» рекомендовалось в августе высушивать пифосы на солнце (Геопоники 1960, с. 126—127). Не исключено, что многочисленные, перекрывающие одна другую пифосные ямы, фиксируемые в помещениях в Алусте и Фуне, свидетельствуют о частом извлечении сосудов из земли именно для подобных целей — чистки, просушки, специальной обработки. Вкапывались сосуды на разную глубину в зависимости от особенностей технологического процесса производства вина и существующих традиций (Акаба 1955, рис. 3; Винокуров 2002, с. 139). На Кавказе большие кувшины для прочности и лучшей изоляции при закапывании обкладывали слоем известкового раствора, перемешанного с плоскими камнями, закрывали круглой деревянной или каменной крышкой (Толстой 1962, с. 244). Как отмечалось выше, большинство сосудов группы 1 и 2 также были найдены с плоскими округлыми каменными крышками, а в замке Фуна и в княжеском дворце на Мангупе некоторые пифосы были укреплены известковым раствором.

Видимо, на территории средневековой Таврики также существовала специфика в использовании пифосов в зависимости от их размера, толщины стенок и формы венчика. Сосуды больших объемов (группа 1 и некоторые экземпляры группы 2) с толстыми стенками и широким венчиком служили, скорее всего, для длительного хранения готового продукта (выдержки вина). Они полностью вкапывались в грунт и герметично закупоривались при помощи глиняного жгута, уложенного между венчиком и крышкой, чем до-

стигался стабильный температурный режим и изоляция от внешних воздействий. Тонкостенные пифосы, возвышающиеся над поверхностью, скорее всего, применялись в процессе изготовления и для непродолжительного хранения молодого вина, подлежащего либо быстрой утилизации, либо переливанию в подземные емкости.

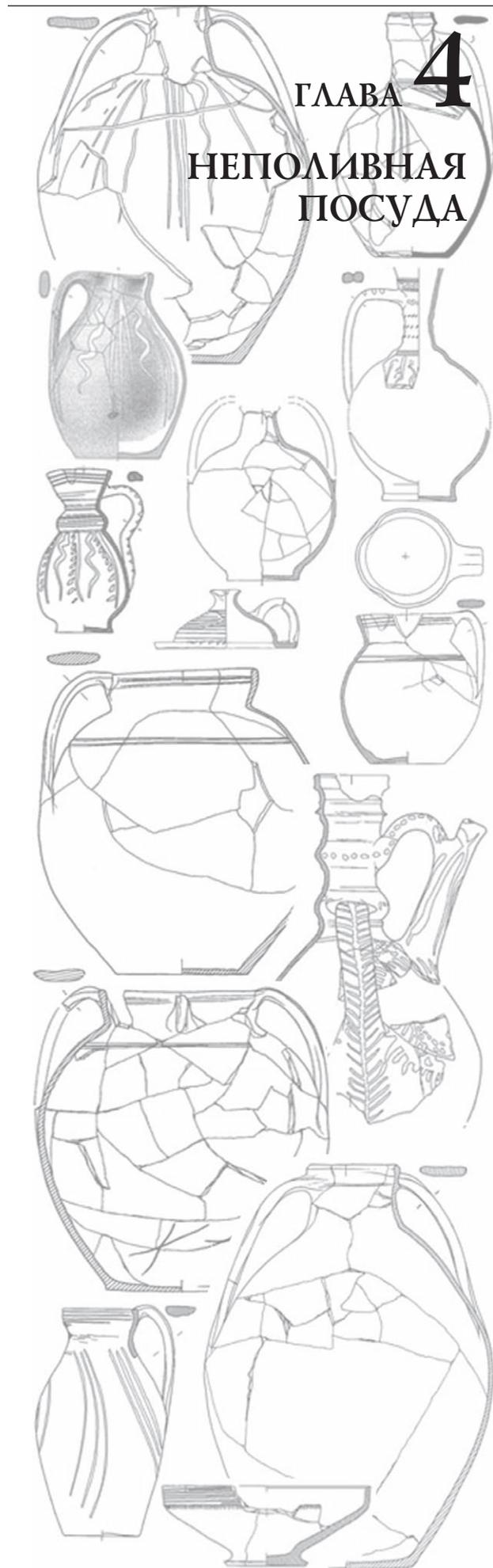
Исходя из этого очевидно, что в Крыму в XIV—XV вв. сохранялись византийские традиции изготовления и эксплуатации пифосов, основная масса которых использовалась, видимо, в виноделии. Корни этих традиций уходят в глубокую древность, а остатки до настоящего времени фиксируются в этнографии народов винодельческих районов — Кавказа, Греции пр. Близкое сходство форм «винных кувшинов» из Крыма и Кавказа может служить ещё одним доказательством тесных связей этих регионов в средневековье.

Таким образом, на памятниках Крыма (по крайней мере, его южной части) в комплексах XIV—XV и XV вв. удалось пока зафиксировать использование четырёх групп пифосов, появившихся на полуострове в разное время. Самыми древними являются сосуды группы 1, период эксплуатации которых к XV в. мог достигать 500—600 лет. С другой стороны, возможно также, что в отдельных районах традиции изготовления именно таких сосудов сохранялись с VIII—X вв. На основании имеющихся данных это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Пифосы группы 2 более «молодые». Они изготавливались, ввозились в Крым и эксплуатировались на протяжении не более 250—300 лет. В каком регионе впервые появляются сосуды с подобными морфологическими особенностями, установить пока не удалось. Более детальная хронология их также затруднительна.

К самым поздним относятся пифосы групп 3 и 4. Сосуды группы 3 местного производства. Они составляют часть обширного ассортимента неполивной керамики группы Юго-Западный Крым, которая становится наиболее массовой на полуострове в XIV—XV вв., представляя одну из местных гончарных традиций, оформившуюся к XIV в. Период бытования сосудов не превышает 150—180 лет.

Представители группы 4 — пока довольно редкая находка в Крыму. Наиболее вероятно они относятся к производству округа Валенсия и попали в Крым не ранее середины XV в. с каким-то ценным для данной местности продуктом, либо вместе с торговцем или путешественником из относительно далёкого юго-восточного побережья Пиренейского полуострова.

ГЛАВА 4 НЕПОЛИВНАЯ ПОСУДА

Неполивная посуда являлась неотъемлемым элементом бытовой культуры позднесредневекового населения Крыма, будучи довольно разнообразной по морфологическим и стилистическим признакам. К настоящему времени её изучению уделено уже некоторое внимание. В первую очередь следует отметить специальные исследования Л. П. Ивашуты, Д. Л. Талиса, Д. Ю. Алядиновой и автора настоящей монографии, в которых рассмотрены неполивные изделия поздневизантийского Херсона (Ивашута 1975) и городищ Горного Крыма (Талис 1980), проанализированы одна из гончарных традиций Таврики XIV—XV вв. (Тесленко 2014а), а также наиболее массовый импорт XV в. (Тесленко 2011b; 2015b). Отдельно представлены неглазурованные изделия из раскопок комплексов второй половины XV — середины XVII вв. из Судака и Алушты (Алядинова 2012; Алядинова, Тесленко 2015; Алядинова, Тесленко, Майко 2015). В целом, накоплен значительный объем информации, позволяющий предпринять комплексную характеристику неполивной посуды генуэзско-феодоритского времени. На основании имеющихся данных в её составе можно выделить четыре группы изделий, в большей или меньшей степени распространённые в Крыму в XV в. Из них наиболее многочисленна и разнообразна керамика группы Юго-Западного Крыма (ЮЗК), менее массовые группы Юго-Восточного Крыма (ЮВК) и Горшков с рельефным венчиком (ГРВ), отдельными экземплярами представлены изделия группы Фуна.

4.1. ГРУППА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ (ЮЗК)

Изделия сформованы на гончарном круге путем вытягивания из комка глины по донно-емкостной программе (РФК-7, по Бобринский 1978, с. 27—28). Внешняя поверхность тщательно заглажена, внутри заметны следы ротации, на днищах фиксируются характерные рельефные полосы от срезания готового изделия с круга при помощи нити, днища тонкие, слегка вогнуты. Стенки сосудов тонкие, в зависимости от размера изделия их толщина варьирует в среднем от 0,25 до 0,6 см. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной, в местах максимального утолщения часто трёхслойный (черепок в изломе с серой прослойкой). Цвет обожженного черепка от коричнево-красного до темно-коричневого. Встречаются изделия, частично пережженные до серого цвета, что может быть результатом вторичного пребывания в огне

в процессе использования или археологизации. Формовочная масса однородная, с включениями значительного количества мелкого песка, частиц рыхлого минерала белого цвета (известняк) и отдельными зёрнами дресвы (длиной в среднем до 0,2—0,5 см) плотного минерала темно-коричневого цвета, вероятно, местных пород таврической серии.

Видовой состав посуды группы ЮЗК довольно разнообразен, включает сосуды закрытой и открытой форм различных типов и вариантов (рис. 44).

Морфологическая классификация.

Крупные двуручные кувшины (рис. 36—43). Эти сосуды могут быть отнесены к среднегабаритной домашней таре (рис. 36—38; 41: 1, 2; 43). Их высота в среднем от 25,0 до 50,5 см и объем примерно от 4—5 до 22—24 л. Сосуды меньших параметров — высотой около 23,0—25,0 см и объемом до 3—4 л, в особенности украшенные росписью белым ангобом (рис. 39; 40; 41: 3; 42), вполне могли использоваться в качестве столовой посуды. Однако уверенно разделить эти категории в данном случае достаточно сложно.

Кувшины плоскодонные, с узким горлом и двумя диаметрально противоположными вертикальными ручками. Горло кувшинов обычно средней высоты, редко низкое, усеченно-конической или цилиндрической формы, иногда с незначительным расширением в верхней части. Профиль горла между 2/3 и 3/4 высоты усложнен реберчатым выступом. Венчик специально не выражен, слегка утолщен или утончен, скруглен. Довольно часто пространство между выступом и краем горла заполнено мелким горизонтальным рифлением. Ручки вытянуты из одного куска глины, плоские, форма в сечении близка к овалу, со слегка уплощенной внешней поверхностью, крепятся немного выше середины тулова (прилеп размазан в стороны) и к реберчатому выступу на горле, примыкая к горлу чуть ниже края или непосредственно на уровне венчика.

Из-за значительного объема и тонких стенок эти кувшины довольно хрупкие и археологизируются во множестве фрагментов. Видимо по этой причине, несмотря на большое количество обломков таких сосудов в позднесредневековых археологических комплексах, восстановить их полную форму удастся нечасто. К настоящему времени в разной степени реконструированы около двух десятков экземпляров из раскопок городища в Алуште и замка Фуна.

По общим морфологическим характеристикам все кувшины группы ЮЗК отнесены к

одному типу (1.1), внутри которого по особенностям формы тулова и высоте горла выделены три варианта.

Вариант А (рис. 36; 37). Тулово вытянутое, овоидное, с максимальным расширением в центральной части. Горло низкое, слегка расширенное к устью, переход к плечам плавный. К этому варианту отнесены 3 кувшина из раскопок крепости Алустон (рис. 10: помещение № 88). Объем сосудов — около 17,7—19,6 л.

Вариант В (рис. 38—42). Тулово овоидное, с максимальным расширением по центру или немного выше середины. Горло средней высоты, переход к плечам, как правило, ярко выражен, иногда — плавный. К этому варианту относится абсолютное большинство двуручных кувшинов группы ЮЗК: 16 целых форм сосудов (из них 3 — с плавным переходом к горлу, 13 — с отчетливо выделенным). Реконструированные формы демонстрируют не менее 6 размерных стандартов, объемом около 3,2—4,3 л; 5,0—6,0 л; 11,0—12,5 л; 13,0—14,7 л; 16,0—17,7 л; 19,0—20,8 л.

Вариант С (рис. 43). Тулово обратнокапельной формы с максимальным диаметром между серединой и 3/4 высоты. Горло средней высоты, переход к плечам четко выражен. Вариант представлен одним богато декорированным сосудом из раскопок крепости Фуна. Объем сосуда — около 20,7 л.

По способу оформления внешней поверхности различают кувшины без дополнительного декора и с различными украшениями. В декоративном оформлении использовались следующие технические приемы (как самостоятельно, так и в сочетании): черчение, роспись белым ангобом, налеп, насечка или пальцевые вдавления по налепу.

Прочерченные горизонтальные линии наносились на верхнюю часть горла между реберчатым выступом и венчиком (рис. 38—42). На одном сосуде из раскопок крепости Алустон центральную часть горла украшают две прочерченные горизонтально волны (рис. 40: 4).

Довольно часто верхняя часть тулова и ручки расписаны белым ангобом (ширина линии росписи в среднем 0,3—0,5 см). Наиболее распространен орнамент в виде вертикальных или наклонных прямых полос, сгруппированных по 2—3, используемых как самостоятельно, так и в сочетании с волнами (рис. 39; 42: 2—7). Реже встречаются вертикальные полосы штриховки в виде наклонных параллельных линий или сетки с ромбической ячейкой в сочетании с рядами вертикальных полос; «ёлочка» (рис. 40: 7, 8,

10; 41: 3; 42: 1, 8). Отдельные экземпляры украшены налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и насечками в сочетании с росписью белым ангобом (рис. 43).

Прочий **кухонно-столовый инвентарь** включает 5 видов изделий (рис. 44).

Горшки (рис. 45—52). Тулово овоидное, правильных очертаний или с незначительным расширением выше середины высоты, реже — сферическое. Горло низкое (до 1/4 высоты тулова), в виде раструба или цилиндрическое, со слегка выпуклыми, реже — прямыми стенками. Венчик обычно немного утолщен, скруглен или скошен вовнутрь. Ручки горшков вытянуты из одного куска глины, ленточные, в сечении овальные. Дно плоское, без специальной профилировки. Выделено 4 основных типа горшков (рис. 44: 1.1—1.4).

Тип 1.1. *Плоскодонные, с одной вертикальной ручкой.* Ручка крепится к краю венчика и примерно к середине тулова. По особенностям конфигурации устья определены два варианта сосудов.

Вариант А — без слива (рис. 45: 1—4; 46; 47: 1—10; 12; 13).

Вариант В — со специально смоделированным сливом открытого типа в виде прогиба венчика (рис. 45: 5; 47: 11, 14; 15; 48: 1—13; 49).

Горшки типа 1.1 наиболее разнообразны. Они представлены сосудами не менее 6 или 7 условных стандартов объемом от 0,4—0,5 до 5,5—5,9 л.

Тип 1.2. *Плоскодонные, с двумя вертикальными ручками* (рис. 50—52).

Горшки этого типа отличаются довольно крупными размерами. По способу крепления ручек выделяются два варианта сосудов.

Вариант А — верхний прилеп ручки крепится к краю венчика, нижний — выше середины высоты тулова (рис. 50; 51). Иногда венчик укреплен дополнительными вертикальными налетами. Объем — около 8,0; 10,4; 11,8; 14,4 л.

Вариант В — верхний прилеп крепится к плечикам, нижний — примерно на середине высоты тулова (рис. 52). Объем реконструированных экземпляров — 5,5 и 13,2 л.

Тип 1.3. *С арочной ручкой, соединяющей два диаметрально противоположных края венчика.* Ручки ленточные, крепятся к краю венчика. Полную форму горшков этого типа реконструировать не удалось. Сохранились фрагменты горла с остатками ручек (рис. 6: 1.8; 48: 15).

Тип 1.4. *Плоскодонные, на пирамидальных ножках.* Найден 1 обломок дна такого со-

суда (рис. 48: 14). Ножки (3 или 4) крепятся к придонной части тулова и краю дна, располагаясь под углом около 110° к плоскости дна.

По способу оформления внешней поверхности различают горшки без дополнительного декора и с различными украшениями. Декоративное оформление чаще всего довольно скромное. Использовались четыре технических приема нанесения орнамента (как самостоятельно, так и в сочетании): гравировка, роспись белым ангобом, налеп, насечка. Горло и плечи сосудов обычно украшают прочерченные остриём горизонтальные линии от 2 до 5 штук (рис. 45; 46: 3—6, 8, 9, 12; 47: 1—13; 48: 1, 2, 4—6, 9—13; 49; 50: 1—3, 5). Поверхность тулова также расписывали белым ангобом в виде вертикальных или наклонных прямых полос шириной в среднем 0,25—0,5 см (рис. 47: 11, 13; 48: 4, 5, 7, 8, 10, 13—15; 49: 7, 8; 50: 3; 52). Отдельные экземпляры украшены более вычурно — налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и насечками в сочетании с росписью белым ангобом (рис. 51).

Небольшие кувшины (рис. 53—58). Отличаются разнообразием форм и декора. Тулово овоидное, правильных очертаний либо с незначительным расширением выше или ниже середины высоты, реже — сферическое или каплевидное. Горло среднее или высокое, реже — низкое, в виде раструба или цилиндрическое. Профиль часто усложнен дополнительными реберчатыми выступами, сферическими или чашевидными расширениями. Венчик немного утолщен, скруглен. Ручки также разнообразны по форме и технике изготовления: вытянуты из одного куска глины, ленточные, в сечении овальные или бобовидные; вытянуто-скатанные, в сечении округлые, часто двухчастные или трехчастные, витые. Днища плоские или на полом закрытом поддоне с расширяющимся книзу или кверху профилем.

Тип 2.1. *Одноручные кувшины* (рис. 53; 54; 55: 1, 3—13; 56; 57: 1, 2).

Объем сосудов обычно небольшой. Самых миниатюрных экземпляров — около 0,3—0,7 л, наиболее крупных — до 2,3—2,6 л, большинства — между 1,2—1,8 л.

Вариант А — с шаровидным туловом и узким рифленным горлом (рис. 53; 54: 1—5, 7, 9). Горло цилиндрическое или в виде раструба, высокое или среднее, с усложненным в верхней части профилем. Встречаются экземпляры со сливом в виде прогиба венчика. Днища на полом закрытом поддоне с расширяющимся книзу или кверху профилем. Руч-

ки плоские или округлые, часто двухчастные или трехчастные, витые.

Вариант В — с шаровидным туловом и узким горлом без рифления (рис. 55: 1, 3—13). Горло цилиндрическое или в виде раструба, средней высоты. Профиль усложнен декоративным выступом в центральной или верхней части. Днища на полом закрытом поддоне с расширяющимся книзу или кверху профилем.

Вариант С — с овоидным туловом и узким горлом средней высоты (рис. 56). Горло цилиндрическое или в виде раструба, с усложненным профилем в верхней части. Отдельные экземпляры со сливом в виде прогиба венчика. Днища плоские, без специальной профилировки.

Вариант D — с овоидным туловом и широким низким горлом (рис. 57: 1, 2). Представлен двумя экземплярами кувшинов с полным профилем. У одного из них горло расширено кверху, край слегка утолщен, наклонен вовнутрь, скруглен. У второго — горло в виде раструба с двухсторонним сливом в виде прогиба венчика открытого типа.

Вариант E — с овоидным туловом и небольшим горизонтальным налепом с округлым отверстием под вертикальной ленточной ручкой («рукомойники»?; рис. 57: 3, 4). Представлен двумя фрагментированными сосудами с утраченной верхней частью. Форму горла точно реконструировать сложно.

Вариант F — с каплевидным туловом (рис. 54: 12, 13). Горло средней высоты, в виде раструба (профиль простой или усложненный) со специально смоделированным сливом в виде прогиба венчика, край скруглен. Днища на полом закрытом поддоне с расширяющимся книзу профилем. Ручка в сечении бобовидная.

В украшении кувшинов типа 2.1, в особенности варианта А, отмечается наибольшее разнообразие техник декора из применяемых на неполивных изделиях Крыма в XV в. Здесь представлены черчение; вдавления предметом с округлой рабочей поверхностью (или пальцем?) по линии максимального диаметра тулова; роспись белым ангобом; насечка; налеп в виде конусов и валика; вдавления многорядной гребенкой (рис. 53—56). Прочерченными горизонтальными линиями, реже волнами, украшалось преимущественно горло сосудов. Косыми насечками оформлялись валикообразные выступы на горле. Роспись наносилась на тулово и ручки кувшинов. Среди мотивов росписи наиболее популярны прямые вертикальные или наклонные линии и волны; вертикальные

полосы штриховки в виде наклонных параллельных линий или сетки с ромбической ячейкой, в сочетании с рядами вертикальных полос; «ёлочка» или «рыбья кость». Менее распространены и присущи преимущественно варианту А зигзаги, меандры, спирали и круги, пространство между которыми или внутри которых заполнено точками (рис. 53: 1, 5; 54: 5, 10; 55: 5). Налепные валики с пальцевыми вдавлениями и/или насечками также украшают ручки и корпус сосудов и нередко сочетаются с росписью белым ангобом. В единственном экземпляре представлен сосуд, вся поверхность тулова и ручки которого украшены рельефным декором, сочетающим вертикальные и горизонтальные налепные валики с насечками, конусовидные налепы, фон между которыми густо заполнен вдавлениями многорядной гребенки (рис. 56: 8).

Тип 2.2. *Небольшие двуручные кувшины* (рис. 55: 2; 57: 5). К разряду кухонно-столовой посуды отнесены экземпляры, высота которых менее 23,0 см, а объем не более 2,0—2,5 л. Реконструирована форма 2 изделий с неполным профилем (утрачена верхняя часть горла). Тулово шаровидное. Горло цилиндрическое, узкое, средней высоты, с расширением в верхней части. Ручки ленточные, в сечении овальные. Днище плоское или на полом закрытом поддоне. Дополнительные украшения отсутствуют.

Водолеи (рис. 57: 6, 8—10; 58: 1, 2). Это кувшины с трубчатым сливом, прикреплённым в верхней части тулова под горлом. В археологических комплексах Крыма рассматриваемого периода они встречается нечасто. В доступных автору материалах представлены четыре частично или полностью реконструированных водолея (рис. 57: 9, 10; 58: 1, 2), а также обломки двух трубчатых сливов (рис. 57: 6, 8) из раскопок в Алуште, на Мангупе и в Малом Маяке. Все они отнесены к одному типу (рис. 44: 3.1). При этом каждый из восстановленных экземпляров представляет отдельный морфологический вариант. Тулово сосудов овоидное, правильных очертаний, или сферическое. Горло высокое или среднее, узкое, со сложным профилем (реберчатыми выступами, сферическими и чашевидным расширением), край скруглен. Ручки двух разновидностей: вертикальные уплощённо-овальные от одной до трёх на каждом сосуде, крепятся к горлу и чуть выше середины тулова; арочные, округлые в сечении, соединяющие слив и горло. Пара боковых вертикальных ручек располагается под углом 90° по отношению к

носику (рис. 57: 9, 10; 58: 1), одна — диаметрально противоположна носику (рис. 57: 9), одна расположена под углом около 95—100° к носику (рис. 58: 2); арочная ручка крепится в центральной части горла и выше середины слива (рис. 57: 9; 58: 1). У одного из водолеев ленточные ручки дополнительно оформлены декоративными навершиями (рис. 57: 9). Известны находки обломков ручек с подобными навершиями (рис. 57: 7), однако сложно определить какому типу кувшинов они принадлежат. Днище на полом или монолитном закрытом поддоне со слегка расширяющимся книзу профилем. Декоративное оформление водолеев различается. Один сосуд украшен только прорисованными по обводу линиями в верхней части горла и на сливе (рис. 57: 9). Три других расписаны белым ангобом. При этом на двух сосудах роспись довольно простая, в виде вертикальных и горизонтальных полос по ручке и тулову (рис. 57: 10; 58: 2). Ещё один водолей оформлен сложным рисунком из волнистых линий, «ёлочки», кругов, заполненных точками и штрихами (рис. 58: 1).

Чаши (рис. 58: 3, 4). По форме поддона подразделяются на два типа.

Тип 4.1. *На монолитном поддоне.* Единственный экземпляр целой формы происходит из раскопок крепости в Алуште (рис. 58: 4). Корпус в форме перевернутого усечённого конуса, борт прямой, вертикальный, со скошенным вовнутрь краем. В декоре использована техника черчения в виде горизонтальных линий по борту и насечка, выполненная вдоль ребра в месте перехода от стенок к борту.

Тип 4.2. *На кольцевом поддоне.* Поддон низкий, сформован в технике кольцевого налёпа (рис. 58: 3). Находки сосудов типа 2 также довольно редки. Один фрагмент дна обнаружен в слое пожара жилищно-хозяйственного комплекса, предшествовавшего сооружению крепости Фуна, датирующегося рубежом XIV—XV вв. Второй найден в Алуште, в слое, связанном с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов второй половины XIV—XV вв. В закрытых комплексах XV в. такие миски не отмечены, хотя исключать возможность использования их в это время нельзя.

Крышки (рис. 59; 60). Крышки группы ЮЗК из комплексов XV в. представлены одним типом изделий (рис. 44: 5.1), характеризующихся плоским горизонтальным бортом и возвышающимся над ним корпусом (рис. 59; 60). Корпус полусферический, конический, эллипсоидальный или двухчастный, с выраженным навершием. Форма дополнена

ленточными ручками (от 1 до 3 штук), соединяющими корпус и край борта. Навершия двух типов: открытые, в форме квадрифолия (рис. 59: 2, 3, 4; 60: 13) и закрытые, с верхушкой в виде «луковицы» (рис. 60: 12), расширенного конуса или розетки, сформованной пальцевыми зацепами. В корпусе или закрытых навершиях крышек часто по сырой глине проделывались округлые отверстия диаметром до 0,6 см (рис. 59: 6, 9, 10, 12; 60: 12), вероятно для выхода пара в процессе приготовления пищи.

В украшении крышек использованы техника черчения в виде горизонтальных линий и волн по корпусу, насечка в нижней части корпуса и по краю борта, роспись белым ангобом в виде точек и прямых линий, пр.

Хронология, распространение, происхождение. Наиболее ранние объекты с керамикой группы ЮЗК относятся ко времени не ранее последней четверти XIII — первой четверти XIV вв. На территории Крыма это культурный слой последней четверти XIII — первой четверти XIV вв., исследованный на территории поселения Посидима в пгт Коктебель, Феодосийского горсовета (Бочаров 2017а). Здесь найдены 4 фрагмента тонкостенных сосудов закрытой формы, в том числе две верхние профильные части горшков типа 1.1, которые в целом составляют 4,3 % добытого раскопками керамического материала (Бочаров 2017а, с. 425—426, рис. 12: 3, 4, 6; табл. 3). Отдельные находки изделий группы ЮЗК известны также в комплексах первой половины XIV в. Белгород-Днестровский (Одесская обл.) и Азака (совр. Азов, Ростовская обл.). В первом из них обломки тонкостенного коричневоглиняного кувшина с росписью белым ангобом найдены в яме 404, засыпанной в первой половине XIV в. (Кравченко 1986, с. 49, рис. 18: 1). Во втором — обнаружены в комплексе, анализ керамического и нумизматического материала которого позволил авторам раскопок отнести его формирование к периоду между 1313/14 гг. и 1321 г. (Дмитриенко, Масловский 2006, с. 235—236). Здесь обломки одноручных горшков (тип 1.1) и двуручных тарных кувшинов группы ЮЗК составляют 3,2 % гончарных изделий (Дмитриенко, Масловский 2006, с. 242, рис. 4: 8—16). Таким образом очевидно, что по крайней мере в конце XIII — первой четверти XIV в. керамика группы ЮЗК ещё не была массовой.

Однако со второй четверти XIV в. тонкостенные изделия ЮЗК составляют заметную часть керамического ансамбля. Их находки

известны в строении № 7 второго строительного периода поселения Бокаташ II, датированного 1340—1350-ми гг. (Крамаровский, Гукин 2006, с. 29—30; 2007, с. 20—23, табл. 4: 3,4), в строении 1 поселения Кринички II, 1350-е гг. — конец XIV в. (Крамаровский, Гукин 2002, с. 125, табл. 11: 1); в слоях с монетами хана Узбека (1312—1342 гг.), контрмаркированными во второй половине XIV в., анонимной Джучидской монетой чекана Сарай-ал-Джедид 1360—1361 гг. и в заполнении синхронных жилищно-хозяйственных комплексов на Алуштинской крепости (Мыц 1991a, с. 100; Тесленко 2017); в погребениях средневековых прихрамовых некрополей у крепости Фуна с монетами 1360—1380-х гг. (Когонашвили, Махнёва 1974, с. 119—120, рис. 9; Айбабина 1991, с. 195—197, 203, рис. 8, 10); в Каффе, в помещении с монетами 1360—1380-х гг. (Сазанов, Иващенко 1994, с. 181; 1995, с. 121—122); среди материалов из усадьбы второй половины — конца XIV в. на золотоордынском поселении в пойме р. Байбуга близ Феодосии (Айбабина 2005, с. 232, рис. 8: 2); в Судаке, в слоях пожара не ранее середины 1360-х гг. (Баранов 1991, с. 108—109, рис. 4: 4), а также в закрытых комплексах с рубежа XIV—XV вв. до конца третьей четверти XV в. (см. напр.: Мыц 2002, с. 157, рис. 24: 1—4, 41; 42: 1, 2; 43; Кирилко 2005a, с. 49, 67, рис. 40: 1, 4, 6; 85: 2, 4, 5; Герцен, Науменко 2010; Науменко, Душенко 2017; Тесленко, Лысенко 2019; Тесленко 2020a; 2021).

В то же время в археологических контекстах середины — третьей четверти XIII в., включая слои пожара последней трети этого столетия, как на территории Крыма, так и за его пределами ни один из выделенных типов керамики группы ЮЗК до настоящего времени не обнаружен (см. напр.: Ивашута 1975, с. 14—21, рис. 2—5; Якобсон 1979, с. 117—119, рис. 72; Талис 1980; Волков 2003; Голофаст, Рыжов 2003; Седикова 2018; Завадская, Голофаст 2018). Также не зафиксировано использование в декоре неполивных сосудов XIII в. росписи белым ангобом — характерного признака изделий группы ЮЗК XIV—XV вв.

Прекращение производства керамики группы ЮЗК выделенных видов, типов и вариантов приходится, вероятно, на рубеж третьей — четвертой четвертей XV в. и связано, скорее всего, с османскими завоеваниями 1475 г. В опубликованных к настоящему времени материалах из закрытых комплексов XVI—XVIII вв. находки целых форм такой керамики неизвестны (Волков 2005b,

с. 483—486; Волков 2006, с. 473—495; Герцен и др. 2007, с. 238—255). В то же время мусорные свалки, «засыпи» и другие отложения длительного непрерывного формирования начала этого периода содержат большое количество обломков коричневоглиняных тонкостенных сосудов, в основном с росписью белым ангобом, которые, вероятно, постепенно выходили из бытовой культуры местных жителей (см. напр.: Мыц 2002, 149—56; Герцен и др. 2006, с. 382, 384, рис. 10: 4, 5; 11: 4; Тесленко 2012b, с. 225—229; Алядинова, Тесленко, Майко 2015). На рубеже XV—XVI вв. их место занимают другие группы и типы посуды, получившие дальнейшее развитие в османский период (Алядинова 2012; Тесленко 2012b, с. 229—232; Тесленко, Алядинова 2019). Некоторое время сохраняется только роспись белым ангобом сосудов закрытой формы в манере, близкой предшествующей эпохе (вертикальными, наклонными и пересекающимися полосами), но уже на изделиях с иными технологическими и морфологическими характеристиками (Герцен и др. 2006, с. 385—386, рис. 12: 7; 2007, с. 247, рис. 35: 3, 36: 2; Алядинова, Тесленко 2015, с. 166, рис. 4; Тесленко, Алядинова 2019, с. 305, рис. 5: 5).

Таким образом, начало изготовления керамики группы ЮЗК с указанными выше технологическими и морфологическими признаками, следует датировать временем не ранее рубежа XIII—XIV — первой четверти XIV вв. В этот период начинают появляться те типы керамики группы ЮЗК, которые продолжают существовать вплоть до конца третьей четверти XV в. Какие либо яркие отличия между изделиями XIV и XV вв. зафиксировать пока не удалось. Хронологическая эволюция типов группы ЮЗК требует дальнейшего изучения. Сейчас можно отметить отсутствие в комплексах XV в. сосудов с полихромной росписью неводостойкими красками (белой и красной или белой, чёрной и красной), встречающихся в XIV в. (Кравченко 1986, с. 49; Белинский, Масловский 1998, с. 224—226, рис. 18; Масловский 2006a, с. 383—386, рис. 31: 4, 6). Не исключено, что сосуды с трёхцветной росписью могли выпускаться в каком-то локальном центре, прекратившем своё существование к концу XIV в., либо его мастера перешли на более простой вариант росписи одной краской.

Керамические изделия группы ЮЗК, как уже упоминалось, встречаются за пределами Крыма. Находки тарных двуручных кувшинов отмечены в Белгороде-Днестровском и Азаке (Кравченко 1986, с. 49, рис. 18:1; Мас-

ловский 2006, с. 386, рис. 31: 1, 2, 4). Кроме тарных сосудов в Азаке известны также горшки (тип 1.1), одноручные кувшины (тип 2.1) и водолеи (тип 3.1) (Волков 1992а, с. 10—12, табл. 2: 13—14; Масловский 2006а, с. 383—388, рис. 31: 5, 6; Дмитриенко, Масловский 2006, с. 241, рис. 4: 8—16). Есть данные об обнаружении керамики группы ЮЗК на Черноморском побережье Кавказа, в Нижнем Поволжье и Маджаре (Масловский 2006а, с. 385; Волков 2007b, с. 31). То есть очевидно, что она получила распространение на землях Золотой Орды по крайней мере с самого начала XIV в. и продолжает встречаться на прибрежных памятниках Северо-Восточного Причерноморья до второй половины XV в. (Волков 2007b, с. 31). Морские перевозки этой керамики, в качестве сопутствующего груза или тары, обеспечивались, вероятно, итальянскими купцами.

Местоположение гончарных центров, изготавливавших керамику группы ЮЗК, пока не установлено. К настоящему времени не обнаружены какие-либо следы производства этой посуды ни на территории Крыма, ни в других местах Причерноморского региона. Мастерские по производству неполивной посуды XIV в. открыты только в золотоордынском Солхате и его окрестностях (Крамаровский 1990, с. 22—23; 1991, с. 19—22; Зильманович, Крамаровский 1992, с. 7—8; Крамаровский, Гукин 2004, с. 7—51; 2006, с. 22—24, 29—30; 2007, с. 20—21). Однако ассортимент выпускаемой здесь продукции и её морфологические характеристики в значительной степени отличаются от керамики группы ЮЗК. В жилищно-хозяйственных комплексах сельских поселений округа Солхата известны лишь немногочисленные находки сосудов закрытой формы этой группы (Крамаровский, Гукин 2002, с. 125, табл. 11: 1; 2006, с. 29—30; 2007, с. 20—23, табл. 4: 3, 4). В Каффе среди неполивной посуды XIV в. также преобладают иные изделия с красным черепком и примесью шамота в тесте (Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, 182).

В то же время, на памятниках Южного и Юго-Западного Крыма XIV—XV вв. керамика группы ЮЗК представлена в абсолютном большинстве (90—95 % неполивной посуды) и наибольшем разнообразии форм. Упадок золотоордынских поселений Юго-Восточного Крыма на рубеже третьей — четвертой четвертей XIV в. не повлиял на динамику выпуска группы ЮЗК. В XV в. она сохраняет за собой лидирующие позиции.

Истоки формирования типов, техники и манеры декора этой керамики отчасти про-

слеживаются в гончарных традициях предшествующей эпохи. Для одной из групп неполивной посуды памятников Юго-Западного Крыма XIII в. характерен черепок темно-коричневого или красно-коричневого цвета со значительным количеством естественной примеси мелкого разнородного песка в составе формовочной массы. По визуальным характеристикам он практически такой же, как у группы ЮЗК XIV—XV вв., однако сами сосуды сформованы на более низком технологическом уровне, с использованием техники жгутового налёпа (РФК-3 или 4). Некоторое родство прослеживается в элементах формы, технике и манере декора отдельных типов сосудов. В частности, водолеи с боковыми ручками (тип 3.1), кувшины с шаровидным туловом и узким рифленным горлом (тип 2.1, вариант А), с широким низким горлом и сливом в виде прогиба венчика (тип 2.1, вариант D), с дополнительной горизонтальной ручкой (тип 2.1, вариант E), со сквозными отверстиями в вертикальных ручках, находят прототипы в керамике XIII в. (Якобсон 1950, рис. 69, 74; Ивашута 1975, рис. 2, 3, 6; Талис 1971, с. 251—256, рис. 1: 1—3; Мыц 1991а, рис. 36). Такие элементы декора как налпные валики с пальцевыми вдавлениями, валикообразные выступы с насечками по корпусу и горлу, округлые вмятины вдоль линии максимального диаметра тулова, вдавления многорядной гребёнки характерны для различных групп неполивной керамики XIII в. и для посуды двух последующих столетий. Совершенно новым явлением для местной керамики в XIV в. стала специфическая манера росписи белым ангобом. Аналогии отдельным её мотивам удалось найти на Балканах, где такая роспись украшает бытовую посуду примерно в синхронный период. Происхождение декора здесь связывают с византийской традицией (Constantinescu 1972, pl. XLVLL: 1; XXXIII: 1—12; Bikić 2007, p. 250—251). Интересно отметить, что среди керамики Балкан встречаются также некоторые близкие параллели формам сосудов (в частности, горшкам и кувшинам) и крышек группы ЮЗК (см. напр.: Constantinescu 1972, pl. XXXVII; XLVLL: 1, 2; XXIV; XXV; Георгиева 1974, с. 46, овр. 35—37). Однако, на основании имеющихся материалов сложно судить о степени возможной взаимосвязи гончарных традиций Крыма с указанным регионом. Эти вопросы требуют дополнительного изучения.

Исходя из приведённых сведений, предположение И. В. Волкова о локализации в Юго-Западном Крыму производства высокотехно-

логичной коричневоглиняной тонкостенной посуды выглядит вполне оправданным (Волков 1992, с. 10—12). Более точно определить местоположение керамических мастерских на данном этапе исследования не представляется возможным. Скорее всего, их могло быть несколько в различных пунктах Юго-Западного Крыма.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что рассматриваемая керамика, безусловно, демонстрирует одну из местных гончарных традиций, связанных с производством неглазурованных изделий достаточно широкого ассортимента, обеспечивающего самые разнообразные бытовые нужды местных жителей. Не исключено, что зарождение этой традиции относится к XIII в. или более раннему времени, но именно на рубеже XIII—XIV или в начале XIV вв. в ней происходит заметный технологический прогресс, связанный с началом использования скоростного гончарного круга. Меняется облик изделий, они становятся тонкостенными, более изящными, появляются новые типы сосудов, а также способы их украшения, не характерные для предшествующего времени. Часть этих новшеств, возможно, проникает в Крым под влиянием гончарства Балкан.

После захвата части Крымского полуострова османами в 1475 г. местная гончарная традиция изготовления тонкостенной коричневоглиняной неполивной керамики, существовавшая к тому времени почти два века, была практически полностью утрачена. Не исключено, что в османский период какие-то локальные мастерские, например в районе Мангупа, возобновили работу на прежнем сырье. По крайней мере, изделия с близкими характеристиками черепка и состава формовочной массы встречены в слоях XVII в. на Мангупе (Герцен и др. 2007, с. 247, 152—253, 254) и при раскопках храма в Малом Маяке (Тесленко 2012b, с. 232, группа III.2). Однако это производство уже не было столь масштабным и разнообразным, а продукция обладала иными морфологическими признаками (Тесленко, Алядинова 2019, с. 306).

4.2. ГРУППА ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ (ЮВК)⁶³

Сосуды сформованы на гончарном круге путём вытягивания из комка глины по донно-ёмкостной программе (РФК-7). На дни-

⁶³ Термин введён в научный оборот И. В. Волковым по материалам керамики Азака (Волков 1992а, с. 9—10).

щах фиксируются следы срезания нитью с плоскости круга. Толщина стенок — не менее 3—5 мм. Внешняя поверхность заглажена, изнутри видны следы ротации. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной. Цвет обожжённого черепка жёлто-красный с вариациями оттенков. В составе формовочной массы фиксируется шамот и естественные включения частиц рыхлого минерала белого цвета (известь), песчанистые отощители не отмечены. Поверхность могла быть покрыта ангобом темно-красного или красно-коричневого цвета.

Морфологическая классификация. В комплексах XV в. неполивные сосуды группы ЮВК встречаются довольно редко. Они представлены преимущественно сосудами закрытой формы, видовой состав которых ограничен кувшинами (рис. 61). Тулово кувшинов овоидное, правильных очертаний. Горло средней высоты, цилиндрическое. Профиль венчика усложнён выступом с внешней стороны. Ручки вытянуты из одного куска глины, в сечении овальные, с небольшими продольными углублениями. Днища плоские, без специальной профилировки. Верхняя часть корпуса украшена парой врезных линий. Реконструирована форма двух сосудов одного типа (1.1), с одной вертикальной ручкой (рис. 61: 1, 2). Остальные изделия фрагментированы, их типологическая принадлежность неясна (рис. 61: 3, 4).

Хронология, распространение, происхождение. Полностью и частично реконструируемые сосуды происходят из заполнения строений, погибших в пожаре, связываемом с османским вторжением 1475 г. — донжона замка Фуна и каменного дома на территории посада крепости в Алуште (Мыц 1988а, рис. 6: 1; Тесленко 2016а, с. 643, рис. 3: в; Телиженко, Тесленко, Лысенко 2010; Тесленко, Лысенко 2019). Следовательно, распространение их в третьей четверти XV в. не вызывает сомнения, хотя, по сравнению с группой ЮЗК, находки неполивной керамики Юго-Восточного Крыма можно назвать скорее единичными, чем массовыми.

Хронологические рамки бытования группы в целом более широкие. Неполивные сосуды с аналогичными технологическими характеристиками получают распространение примерно с первой четверти XIV в. как на территории Крыма, так и за его пределами (Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, 182; Масловский 2006а, с. 237; 2006b, с. 355). В этот период их производство следует связывать с золотоордынскими Солхатом и Судаком,

а также генуэзской Каффой (Масловский 2006b, с. 355—356), а в более позднее время (XV в.), вероятно, преимущественно с Каффой, так как золотоордынские гончарные мастерские приходят в упадок. Изготовление сосудов группы ЮВК, в отличие от ЮЗК, продолжается и в османский период. Находки в слоях XVI—XVII вв. демонстрируют более широкое видовое и типологическое разнообразие изделий этой группы, среди которых большинство составляют горшки и кувшины, покрытые светлым желтоватым, темно-красным или красно-коричневым ангобом, а также украшенные росписью белым ангобом (Мыц и др. 1997, рис. 112; Алядинова 2012; Алядинова, Тесленко 2015; Тесленко, Алядинова 2019, с. 305—306, рис. 5). Изготовление их в османской провинции Кефе (бывшей Каффе) весьма вероятно. Существование здесь масштабного узкоспециализированного гончарного производства подтверждается данными письменных источников (Галенко 2005, с. 500—502). Не исключено, что традиции сохранились в армянской общине, представители которой упоминаются среди гончаров в османских налоговых переписях (Галенко 2005, с. 501).

Для детальной типологии и хронологии этой группы неполивных сосудов на протяжении всего периода её бытования пока недостаточно данных.

4.3. ГРУППА ГОРШКОВ С РЕЛЬСОВИДНЫМ ВЕНЧИКОМ (ГРВ)

Ярким представителем группы являются горшки со сложным «рельсовидным» профилем массивного венчика (рис. 62—65). Именно благодаря этому специфическому признаку вся группа, в составе которой эти сосуды преобладают, получила название Горшки с рельсовидным венчиком (далее ГРВ; Тесленко 2011b; 2015b). Начало использования термина в среде крымских археологов восходит примерно к 1950—1960-м гг., хотя в публикациях это не отражено. В 2007 г. И. В. Волков предложил назвать соответствующую группу керамики «Чёрный Ерик» (или ЧЕ) согласно месту её обнаружения на одноименном могильнике в плавнях р. Кубань (Волков 2007, с. 26—32). Однако ареал её распространения значительно превышает территорию Прикубанья, а первые находки, на которые обратили внимание исследователи, зафиксированы в Крыму примерно за полстолетия до 2007 г. В этой связи представляется более целесообразным использовать устоявшееся в

среде крымских археологов название группы — ГРВ.

Сосуды изготовлены на гончарном круге путём вытягивания из комка глины по донно-ёмкостной программе. Для формовочной массы характерна примесь значительного количества мелкого остроугольного блестящего песка чёрного цвета (пироксена?), создающего шероховатую поверхность черепка, и вкрапления частиц рыхлого железистого минерала. Эти хорошо заметные особенности позволяют уверенно отсортировывать даже небольшие фрагменты ГРВ из общей массы обломков неполивной керамики. Стенки изделий тонкие (2,5—4,0 мм в месте максимального утончения), на днищах фиксируются следы подсыпки песком и небольшой бортик вдоль края, вероятно от выступа-платформы на плоскости гончарного круга или специальной подставки. Внешняя поверхность заглажена, с внутренней стороны — отчётливые следы ротации. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной, в местах максимального утолщения часто трёхслойный (черепок в изломе с серой прослойкой). Цвет обожжённого черепка от жёлто-красного до красно-коричневого. Встречаются изделия, частично пережжённые до темно-коричневого или темно-серого цвета, что может быть результатом вторичного пребывания в огне в процессе использования или археологизации. Иногда внешняя поверхность покрыта темным красно-коричневым ангобом. Изредка, преимущественно в верхней части сосудов, видны остатки стекловидной массы, тонким слоем покрывающей черепок. Возможно, это результат спекания верхних слоёв керамики под воздействием высокой температуры в горне. Не исключено специальное глазурирование отдельных партий сосудов для улучшения их гидроизоляции, так как черепок изделий довольно гигроскопичный.

Морфологическая классификация. Посуда группы ГРВ из комплексов XV в. включает сосуды закрытой формы двух видов: горшки и кувшины.

Горшки (рис. 62; 63; 64: 2—6). Тулово сферическое, иногда слегка вытянутое к днищу. Горло средней высоты, цилиндрической или усеченно-конической формы, с прямыми стенками. Венчик массивный, с желобком по центру и с утолщением по обе стороны от него. Ручки вытянуты из одного куска глины, форма в сечении близка к овалу. Дно плоское, с небольшим бортиком вдоль края. По количеству ручек выделено 2 типа горшков.

Тип 1.1. *Одноручные горшки* (рис. 62; 63; 64: 2, 5, 6). Верхний прилеп ручки крепится

Таблица 1

Параметры горшков группы ГРВ, тип 1.1

№	Шифр	Рисунок	Н горшка, см	Н горла, см	D тулова, см	D дна, см	D горла, см	D венчика, см	V, л
1	Фн 90/712	63: 8	12,8	2,5	12,0	7,0	7,0	8,0	0,6
2	Фн 94/88	63: 6	14,6	3,1	13,7	7,2	8,5—9	8,9	1,2
3	Фн 95/74	63: 4	16,8	3,2	16,4	—	11—11,6	11,6	1,8
4	Фн 90/50	63: 3	18,4	3,6	16,4	7,2	10,4	11,7	1,8
5	ЧБК 93/44	62: 4	22,0	4,0	19,6	8,8	11,4—12,2	12,8	3,3
6	Ал 92/228	62: 2	23,0	3,8	19,8	9,0	11—12	12,0	3,8
7	Фн 90/51	63: 2	24,0	4,2	21,0	9,0	12,6	14,0	4,0
8	Фн 90/549	62: 1	27,6	4,0	24,2	9,7	14,0	14,8	6,6
9	Чуфут-Кале	62: 3	—	—	20,0	9,6	—	—	3,8

к венчику, нижний — примерно к середине высоты тулова. Внешняя поверхность без дополнительных украшений. Подавляющее большинство сосудов группы ГРВ относится именно к этому типу. К настоящему времени частично или полностью реконструировано 11 горшков из раскопок укреплений в Алуште, на Фуне, Чобан-Куле и Чуфут-Кале. Ассортимент сосудов по объёму (от 0,6 до 6,6 л) составлял не менее 6 единиц (табл. 1) и был, вероятно, рассчитан на удовлетворение самых разнообразных запросов потребителей. Возможно, в производстве горшков группы ГРВ существовали определённые стандарты объёма, однако сейчас всё ещё недостаточно сведений, чтобы судить об этом с уверенностью.

Тип 1.2. *Двуручные горшки* (рис. 64: 3). Это довольно крупные сосуды с рельефным декором. Они представлены, пока, двумя фрагментированными экземплярами из раскопок зольника на руинах башни Орта-Куле Алуштинской крепости (рис. 64: 3) и перемещённых отложений конца XV—XVI вв. на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун, на Мангупе (Мыц 2002, рис. 22: 1; Герцен и др. 2006, рис. 10: 6). Горло низкое, цилиндрическое, с небольшим сужением кверху. Ручки в сечении овальные, уплощённые, крепятся к венчику под прямым углом. Горло и корпус украшены вертикальными налешными валиками с пальцевыми вдавлениями. Точная датировка сосудов затруднительна. Археологизация изделий произошла в диапазоне с конца XV по конец XVI вв. Период их бытования, вероятно, приходится на вторую половину XV — начало XVI вв., возможно уже в османский период (после 1475 г.).

Кувшины. Археологически целый кувшин группы ГРВ, который с уверенностью можно отнести к XV в., происходит из раскопок адыгского могильника в устье р. Кубань (Волков 2007, с. 31, рис. 3: 2). Кувшин

плоскодонный, одноручный (тип 2.1). Тулово овоидное, оформлено вертикальными вмятинами (канелюрами). Горло средней высоты, цилиндрическое, в нижней части профилировано валикообразным выступом. Венчик утолщенный, округлый, выступает наружу. Ручка в сечении овальная, крепится чуть ниже середины горла и к середине тулова.

В слоях первой—третьей четвертей XV в. памятников Крыма полные формы сосуда этого вида пока не найдены. Наилучшим образом сохранился крупный фрагмент верхней части корпуса с горлом кувшина из нижних слоёв заполнения башни № 4 крепости Каламита-Инкерман, аналогичного кубанскому (Кирилко 2019, рис. 26). Более мелкие обломки горлышек с венчиками и верхних частей корпуса сосудов происходят из раскопок храмов с некрополями на южной окраине с. Малый Маяк (рис. 64: 1) и на поляне Ай-Констант (северо-восточный склон г. Аю-Даг, пгт Партенит), зольника на руинах башни Орта-Куле в Алуште, а также позднесредневековых объектов в портовой части Сугдеи. Они обнаружены в слоях и комплексах, нижний хронологический рубеж которых определяется временем не ранее второй половины — конца XV—XVI вв. (см. напр.: Тесленко, Лысенко 2004, с. 267—270; Алядинова 2012, с. 245, рис. 5: 5—9; Алядинова, Тесленко 2015; Тесленко 2012b, с. 229, рис. 4: 3; 2015b, табл. 2). Точная датировка самих изделий в таком контексте затруднительна, некоторые из них, безусловно, могли быть переотложены из более ранних напластований.

Дисбаланс в количестве найденных сосудов типов 1 и 2 группы ГРВ вероятно объясняется тем, что горшки могли пользоваться большим спросом, чем кувшины, поэтому они в большем количестве поступали на рынок.

Хронология, распространение, происхождение. До недавнего времени группу ГРВ вообще не рассматривали как самостоятельную классификационную единицу и вплоть до конца XX — начала XXI столетий в публикациях материалов из памятников Таврики и ближайших окрестностей о горшках с рельефовидным венчиком информации крайне мало. Единственный рисунок профильных частей двух горшков, найденных на поселении в урочище Кокия, был обнаружен в рукописном фонде НА КФ ИА НАН Украины на иллюстрации к неопубликованной статье В. М. Маликова «Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя», выполненной 27 января 1951 г. (Маликов 1951, рис. 12—16). Какие-либо специальные комментарии к находкам отсутствуют. В статье по керамике из разведочных работ 1960-х гг. Южнобережного отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР горшки с рельефовидным венчиком не рассматриваются (Паршина 1974). Хотя в коллекции материалов этих разведок, хранящейся в фондах ЯИЛИМ, удалось идентифицировать два обломка горшков группы ГРВ из Ласпи (шифр: ЯКМОСН 5331 (2)/5 А1 1053; ЯКМОСН 5331 (2)/6 А1 1056).

О том, что керамика группы ГРВ была распространена на территории Крыма достаточно широко, можно судить по публикациям отдельных профильных частей и реконструируемых форм из Мангупа (Герцен и др. 2006, с. 383—384, рис. 10: 6—9; 11: 1—3), Балаклавы (Адаксина и др. 2005, рис. 113: 9; 2006, рис. 65: 3, 72: 1; Адаксина, Мыц 2007, рис. 142: 1), Каламиты (Кирилко 2019, рис. 26), Алушты (Мыц 2002, с. 154, рис. 22: 1; 24: 5), Фуны (Кирилко 2005а, рис. 58: 1), Чобан-Куле (Кирилко, Мыц 2004, с. 212, рис. 22: 2), Судака (Джанов 1998, с. 88, рис. 4: 1; Алядинова 2012, с. 249—256, рис. 3—5), Каффы (Айбабина, Бочаров 1994, с. 19, рис. 1), а также по устной информации коллег-медиевистов, исследующих позднесредневековые памятники от Херсонеса до Керчи. Однако вопросам детальной хронологии, происхождения и генезиса этой группы керамики, а также вычислениям её процентного содержания в массе кухонной посуды длительное время не уделялось должного внимания.

Впервые на эти проблемы обратила внимание автор настоящей публикации на материалах своих раскопок крепости в Алуште в 1998 г., а также храмов с некрополями на г. Аю-Даг в 1999 г. и в с. Малый Маяк в 2003 г. На всех трёх памятниках при обработке артефактов из различных отложений

тщательно отсортировывались и отдельно учитывались фрагменты керамики группы ГРВ. Благодаря этому удалось проследить некоторые закономерности их археологизации.

Так, в процессе исследования генуэзской Лусты (Алушта) с внешней стороны куртины последней линии обороны крепости, на площади около 20 кв. м изучена пачка культурных отложений, формировавшихся непрерывно, начиная примерно с начала третьей четверти XV в. — времени строительства последней линии обороны крепости и перепланировки напольного пространства и до XVI—XVII вв. В слоях, залегающих ниже дневной поверхности периода строительства куртины (1460-е гг.), фрагменты сосудов группы ГРВ не зафиксированы, притом, что другая керамика, характерная для комплексов XIV—XV вв. (группа ЮЗК, поливная керамика ЮВК «каффинского круга») найдена в большом количестве (Тесленко, Семин 1998, л. 18—20). Но уже в заполнении траншеи под куртину обнаружен один, а в водосточной канаве, проложенной вдоль стены — 11 фрагментов тонких стенок ГРВ с темно-коричневым ангобным покрытием. В слое разрушения крепостной стены (нижняя дата — 1475 г.) найдено 26, а в нижнем горизонте залегающего над ним зольника (верхняя дата — конец XVI — начало XVII вв.) — 298 фрагментов сосудов группы ГРВ (Тесленко 2015b, табл. 2). При раскопках храмов с некрополями на поляне Ай-Констант (г. Аю-Даг) и на южной окраине с. Малый Маяк установлено, что фрагменты керамики группы ГРВ появляются в отложениях не ранее середины — второй половины XV в. и достигают наибольшей концентрации в слоях конца XVI—XVIII вв. (Тесленко 2015b, табл. 2).

Реконструированные сосуды из Алушты, замков Фуна и Чобан-Куле происходят из комплексов не ранее третьей четверти XV в. (Мыц 2002, с. 154, рис. 24: 5; Кирилко, Мыц 2004, с. 212, рис. 22: 2; Кирилко 2005а, рис. 58: 1). Другие известные по публикациям горшки обнаружены в отложениях хронологического диапазона от конца XV до конца XVI или XVIII вв. (Айбабина, Бочаров 1994, с. 19, рис. 1; Мыц 2002, с. 154, рис. 22: 1; Адаксина, Кирилко, Мыц 2005, рис. 113: 9; 2006, рис. 65: 3, 72: 1; Герцен и др. 2006, с. 383—384, рис. 10: 6—9; 11: 1—3; Герцен и др. 2007, рис. 35: 10; Адаксина, Мыц 2007, рис. 142: 1; Алядинова 2012, с. 249—256, рис. 3—5). Только в статье А. Джанова встречена более ранняя датировка керамическо-

го комплекса, включающего верхнюю часть корпуса горшка с рельсовидным венчиком (Джанов 1998, с. 88, рис. 4: 1). Сосуд происходит из заполнения ямы № 1, исследованной М. А. Фронджуло в 1974 г. на территории гончарного центра по производству поливной керамики. Автор публикации, опираясь на находку фрагмента испанской чаши с росписью люстром, предложил датировать материал из заполнения ямы первой половиной XV в. (Джанов 1998, с. 88). Однако такая датировка не соответствует действительности, так как испанская майолика, украшенная в манере, аналогичной росписи на судакской находке, получает распространение во второй половине — конце XV в. (Тесленко 2004, с. 477). Соответственно и весь комплекс следует датировать временем не ранее второй половины XV столетия.

Исходя из имеющихся сведений можно заключить, что фрагменты посуды группы ГРВ в отложениях первой половины XV в. до настоящего времени не зафиксированы. Наиболее ранние находки на памятниках Крыма встречаются в культурных слоях начиная примерно с середины XV в. Количество их возрастает к концу XVI — началу XVII в. и вплоть до третьей четверти XVIII в. составляет в среднем около 39—46 % в общей массе фрагментов неполивной кухонно-столовой посуды (Тесленко 2015b, табл. 2). При этом отчётливо прослеживается эволюция профиля рельсовидного венчика. Начиная примерно с середины — второй половины XVI в. появляются сосуды с более вытянутыми пропорциями. Характерная для XV в. «рельсовидность» профиля в последующие столетия постепенно трансформируется в форму, близкую к прямоугольной со слегка вогнутой внешней поверхностью и уплощённым или чуть углублённым верхом, иногда с небольшим выступом вовнутрь (рис. 64: 4, 7, 8; 65: 8). Судя по материалам из Судака, Алушты и Малого Маяка, в османский период — с конца XV — начала XVI вв. и вплоть до второй половины XVIII в. — наряду с горшками получают распространение кувшины с аналогичным профилем венчика (рис. 64: 7, 8; 65: 2, 3) (Алядинова 2012, с. 254, рис. 3: 1—6), что не было характерно для группы ГРВ середины — третьей четверти XV в. Кроме того, в османском Крыму появляются другие виды и типы керамики этой группы: большие тарные двуручные сосуды, так называемые «урны с горизонтальными ручками» (Волков 2005, с. 484—485; Алядинова 2012, с. 254, рис. 3: II); горшки с широким устьем и т-образным венчиком; кувшины вытянутых про-

порций с высоким цилиндрическим горлом и узкими плечиками, резко переходящими в практически вертикальные стенки тулова; кувшины с широким, достаточно высоким цилиндрическим горлом и эллипсоидальным приземистым туловом (Алядинова 2012, с. 254, рис. 5: 3, 4, 10, 11, 12), др. (рис. 64: 7, 8, 9; 65). Таким образом очевидно, что ассортимент изделий группы ГРВ начиная с конца XV — начала XVI в. значительно расширяется. Выход же их из обращения на территории Таврики приходится на последнюю четверть XVIII в. По крайней мере, наиболее поздняя известная здесь к настоящему времени стратифицированная находка археологически целого сосуда, обладающего характерными признаками группы ГРВ (рис. 64: 7), происходит из культурного слоя, отражающего начальный этап функционирования Нижней мечети в Алуште и датирующегося в рамках конца XVIII — первой половины XIX вв. (Тесленко, Лысенко 2015). Таким образом, прекращение поступления керамики группы ГРВ на рынок Крыма совпадает с крахом османского господства в Причерноморье и потерей османского контроля над торговыми операциями в регионе. Скорее всего, эти события в какой-то мере взаимосвязаны.

Место изготовления керамики группы ГРВ пока не установлено. К настоящему времени какие-либо следы производства этой посуды ни на территории Таврического полуострова, ни в других местах Причерноморского региона не обнаружены. Технология формовки изделий (на специальной подставке с подсыпкой мелким песком) и включения большого количества чёрного блестящего остроугольного песка в формовочной массе не характерны для синхронной керамики местного производства (группы ЮЗК и ЮВК).

Точно определить регион распространения изделий группы ГРВ также довольно сложно, так как публикации кухонной керамики XV—XVIII вв. уделяется всё ещё мало внимания. В настоящее время кроме Крыма, находки ГРВ известны на адыгских поселениях Прикубанья, куда они завозились, вероятно, геноузцами вместе с другой керамической посудой (Волков 2007, с. 31—32). Значительное количество горшков и кувшинов с близкими морфологическими характеристиками происходит также из раскопок слоёв XVI—XVII вв. квартала Сарачханы в Стамбуле (Hayes 1992, р. 277, 287, 306, 308, 312, 319, 323, fig. 116: e 3.1; 136: 75; 138: 48, e 13.2; 140: 67). Все они отнесены Дж. Хейсом к группе «Ware R», распространённой здесь с середины XVI

до начала XVIII вв. Для неё, как и для ГРВ, характерны песчанистые формовочные массы (песок тёмный), образующие грубую шероховатую поверхность. При этом Дж. Хейс указывает на возможность более раннего бытования неглазурованных вариантов горшков с рельсовидным венчиком (Hayes 1992, с. 277). По мнению турецкой исследовательницы Нурсен Озкул Финдик, занимающейся раскопками Изника, такие кухонные сосуды были хорошо известны в Анатолии буквально во все периоды её средневековой истории⁶⁴. Поэтому вполне логично допустить их возможное происхождение из этого региона. Следует отметить, что перевозка кухонных горшков на дальние расстояния не была чем-то неординарным (Масловский 2006а, с. 353—354). Подобные операции упоминаются в османских источниках (Галенко 2005, с. 502).

Таким образом, на основании приведённых сведений можно заключить, что начало бытования керамики группы ГРВ в Крыму датируется временем не ранее середины XV в. Именно в этот период появляются первые её типы — одноручные горшки (1.1) и, видимо, кувшины (2.1), которые находятся в обращении вплоть до конца XV — начала XVI вв. постепенно эволюционируя по пути удлинения и упрощения профиля венчика. В дальнейшем, в XVI—XVIII вв., на их основе появляются новые типы сосудов. Интересно отметить, что группа ГРВ входит в обращение практически синхронно с поливной керамикой группы «Miletus Ware» изникского производства (Тесленко 2005b, с. 392—394). Вполне возможно, что она также происходит с территории Малоазийского полуострова. Бытование группы ГРВ в Крыму синхронно периоду османского господства в Черноморском бассейне и завершается вместе с его крахом в конце XVIII в. Обе группы керамики, как ГРВ, так и «Miletus Ware», могут использоваться в качестве хронологических индикаторов, позволяющих датировать археологические комплексы временем не ранее середины — второй половины XV в.

4.4. ГРУППА ФУНА

Название группы условное, дано по месту находки сосудов.

Изделия сформованы на гончарном круге, возможно, с использованием навыков скульптурной лепки (РФК-5?). На днищах фикси-

руются следы подсыпки, в которой отмечено значительное количество черного блестящего остроугольного песка (пироксена?). Толщина стенок — не менее 5 мм. Поверхность тщательно заглажена. Обжиг неравномерный. Черепок темно-коричневый, частично пережжен до серого цвета, что может быть результатом вторичного пребывания в огне. В составе формовочной массы — значительное количество частиц плотного золотистого минерала (пирита?), разнородного песка и мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета.

Морфологическая классификация. Группа Фуна включает два вида изделий закрытой и открытой формы.

1. *Горшок с горизонтальными ручками* (рис. 66: 2). Представлен одним сосудом (тип 1.1). Тулово сферическое. Горло средней высоты, усеченно-конической формы, с прямыми стенками, в верхней части профилировано треугольным в сечении выступом. Переход к плечам плавный. Венчик не выражен, край скошен вовнутрь. Ручки вытянуты из одного куска глины, в сечении округлые. Дно вогнутое. Верхняя часть корпуса украшена прочерченными по сырой глине горизонтальными прямыми и волнистыми линиями.

2. *Плоскодонный низкий сосуд с вертикальными стенками* (рис. 66: 1). Также встречен в одном экземпляре (тип 2.1). Стенки условно вертикальные, слегка наклонены вовнутрь, выпуклые. Коэффициент соотношения $H/D = 0,37$. Венчик не выражен, край скошен вовнутрь. Днище без специальной профилировки, немного вогнуто. Возможно, этот сосуд использовался в качестве крышки к горшку.

Хронология, распространение, происхождение. Оба изделия происходят из слоя пожара 1475 г. донжона на крепости Фуна и, соответственно, могут быть датированы в рамках третьей четверти XV в. Прямые аналогии им пока не обнаружены. Близкий по общим очертаниям двуручный горшок найден в постройке конца XIII — начала XIV вв. на городище Пампук-Кая (Мыц 1991а, с. 99, рис. 37: 18; 2009, с. 217). Определить происхождение сосудов по имеющимся в распоряжении автора сведениям в настоящее время сложно. Возможно они имеют генетическую связь с распространёнными в османское время «урнами с горизонтальными ручками».

Таким образом, рассмотрены четыре различных по происхождению группы неполивных кухонно-столовых сосудов, бытовавшие

⁶⁴ Благодарю исследовательницу за устную консультацию.

в Крыму в XV в. Наиболее массовая и разнообразная (6 видов, и более десятка типов с вариантами) — бытовая посуда группы ЮЗК. Она отражает локальные традиции гончарства Юго-Западного Крыма XIV—XV вв., которые исчезают с приходом османов. Детальная хронология типов изделий в настоящее время затруднительна. Группа ЮВК интересна в плане изучения особенностей развития гончарных технологий в одной местности, в различной социально-политической обстановке на протяжении не менее четырех веков. Хронологическую специфику видового и типологического состава этой группы ещё предстоит выяснять по

мере накопления материала. Группа Фуна, скорее всего, демонстрирует единовременное перемещение сосудов из отдалённых территорий в качестве личного имущества или «даров». Поскольку сосуды были найдены в донжоне, можно предположить, что в них доставили какой-то особый продукт для владельца замка. В силу своей малочисленности, она также не может использоваться для хронологических построений. В качестве хроноиндикаторов в рамках XV в. могут быть задействованы только привозные сосуды группы ГРВ, нижняя дата которых уверенно определяется в рамках середины этого столетия.

ГЛАВА 5

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

Поливная посуда вошла в повседневную жизнь населения Крыма ещё в средневизантийский период. Однако только с началом местного производства на рубеже XIII—XIV вв. она становится действительно массовой, составляя неотъемлемую и существенную часть домашней утвари даже на сельских поселениях. Современный уровень знаний о позднесредневековой поливной посуде Крыма позволяет проследить как эволюцию её местного производства, так и изменения в номенклатуре импорта на протяжении XIV—XV вв. (см. напр. Тесленко 2003а; 2004; 2005b; 2010а; 2012а; 2016с; 2018а; Teslenko 2007; 2009b; 2015; 2016а; 2018, Тесленко, Алядинова 2019; Teslenko, Aliadinova *forthcoming*). В частности, стало возможным детально охарактеризовать специфику керамических ансамблей генуэзско-феодоритского периода.

В настоящее время выделяется 8 групп глазурованной посуды, в большей или меньшей степени распространенных на территории полуострова с рубежа XIV—XV до конца третьей четверти XV вв. Наиболее многочисленная и разнообразная керамика местного производства относится к группе Юго-Восточный Крым. Импортная поливная посуда составляет 7 групп и около 8 % в общей массе керамического материала XV в. Это османская столовая посуда, представленная преимущественно Miletus Ware; испанская майолика, как с росписью люстром, так и бело-голубая; китайский селадон; изделия из кашина золотоордынских и ближневосточных мастерских; изделия киприотского и византийского круга.

5.1. ГРУППА ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ (ЮВК)

Керамика этой группы изготовлена на гончарном круге путем вытягивания из комка глины по донно-ёмкостной программе (РФК-7). Иногда при формовке сосудов закрытой формы, возможно, использовали составной начин (РФК-6), о чем свидетельствуют винтообразные трещины на дне (Волков 2005, с. 134). Формовочные массы пластичные, достаточно однородные, без визуально заметных песчаных примесей. Встречаются естественные включения незначительного количества обломочного известняка различного размера. В тесте бывает заметна примесь мелкодроблёного шамота, концентрация его обычно невысока. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной. Обожжённый черепок на изломе от светлого красновато-бежевого до кирпично-красного цвета, с тонким бежевым слоем у внешней поверхности. На плоских днищах

сосудов видны следы срезания нитью. Кольцеобразные поддоны сформованы в технике кольцевого налёпа с последующей обработкой на гончарном круге, вследствие которой с внешней стороны поддона в месте примыкания его к стенкам часто образовывался небольшой уступ, а опорная поверхность приобретала округлые очертания. Стенки сосудов закрытой формы снаружи тщательно заглажены, с внутренней стороны видны отчётливые следы ротации. Полива прозрачная, зелёного, жёлтого или жёлто-коричневого цветов с многочисленными включениями частиц нерастворившегося красителя, часто неравномерно окрашенная.

Морфологическая классификация. Поливная посуда группы ЮВК делится на 2 разряда: кухонно-столовую и санитарно-гигиеническую. Видовой состав первого из них довольно разнообразен, включает сосуды закрытой и открытой форм различных типов и вариантов, а также крышки к ним. Второй разряд представлен детскими горшками для колыбели, именуемыми в тюркской традиции туваками. Вполне вероятно, для личной гигиены служили также кувшины-водолеи крупных размеров (рис. 67: тип 2.4В) и плоскодонные миски с ручками (рис. 74: тип 6.1В). И те и другие могли быть задействованы в процессе омовения.

Сосуды закрытой формы. Сосуды закрытой формы группы ЮВК, распространённые в XV в., представлены 5 видами изделий (рис. 67). Все они плоскодонные или на небольших монолитных поддонах.

Горшки. находки поливных горшков многочисленны. Удалось реконструировать форму 2 сосудов разных типов из слоя пожара донжона укрепления Фуна (рис. 67: 1.1, 1.2; 68: 1, 2).

Тип 1.1. *Двуручный горшок с широким горизонтальным венчиком* (рис. 67: 1.1; 68: 2). Сосуд вытянутых пропорций (коэффициент соотношения $H : D = 1$), максимальный диаметр тулова приходится на $3/4$ высоты. Устье широкое, коэффициент соотношения $D_3 : D = 0,81$, что более характерно для сосудов открытой формы. Горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный венчик. Ручки плоские, в сечении овальные, крепятся к краю венчика и в нижней части плеч. Объём — около 4,4 л.

Тип 1.2. *Двуручный горшок с цилиндрическим горлом и отогнутым наружу узким венчиком* (рис. 67: 1.2; 68: 1). Сосуд приземистый (коэффициент соотношения $H : D = 0,65$), максимальный диаметр тулова приходится

примерно на $2/3$ высоты. Устье широкое (коэффициент соотношения $D_3 : D = 0,83$). Горло цилиндрическое, чуть меньше $1/4$ высоты сосуда. Венчик отогнут наружу, узкий, образует практически горизонтальную чуть вогнутую поверхность — своеобразный уступ, удобный для фиксации крышки. Ручки плоские, в сечении овальные, крепятся к краю венчика и в нижней части плеч.

Оба типа горшков лишены дополнительных украшений. Зелёная полива покрывает внутреннюю часть и венчик сосудов.

Аналогии горшку типа 1.1 среди опубликованного материала найти не удалось. Сосуды, наиболее близкие к типу 1.2, встречаются в керамических комплексах золотоордынского Азака. Здесь они составляют часть ассортимента импортной керамики из Крыма, выделены А. Н. Масловским в отдельный вид «миски с ручками», датированы в рамках середины — второй половины XIV в. (Масловский 2006а, с. 359, рис. 18: 6, 7; 2019b, рис. 14: 10). Следовательно, нижний хронологический рубеж для горшков типа 1.2 вероятно может быть ограничен серединой XIV в. Верхняя дата обоих типов сосудов по условиям находки определяется третьей четвертью XV в.

Кувшины. Отличаются наибольшим разнообразием форм. Включают 4 вида сосудов различных вариантов: одноручные; двуручные кувшины, имитирующие византийские амфоры; «аптечные амфоры» и водолеи (рис. 67: 2.1—2.4). Тулово овоидное, правильных очертаний либо с незначительным расширением выше или ниже середины высоты, реже — сферическое. Горло расширенное к устью или цилиндрическое, обычно средней высоты, но встречается также низкое и высокое. Ручки вытянуты из одного куска глины, в сечении овальные или бобовидные, реже — округлые. Днища плоские или выделены специальной профилировкой в виде небольшого монолитного поддона. Полива преимущественно зелёная, реже — жёлтая, покрывает верхнюю часть сосудов по белому ангобу. Довольно часто внутренняя поверхность также покрыта глазурью, но без ангобной грунтовки.

Тип 2.1. *Одноручные кувшины со сливом в виде прогиба венчика.*

Вариант А — с невысоким горлом средней ширины, смоделированным в виде раструба (рис. 68: 3—7). Слив открытого или закрытого типа. Венчик с округлым или треугольным в сечении краем. Объём — около 0,7; 1,5; 2,2; 3,4 и 4,2 л.

Вариант В — с высоким и широким цилиндрическим горлом (рис. 69). Слив откры-

того типа. Венчик специально не профилирован. Реконструированные экземпляры представляют три размерных стандарта объёмом около 0,5—0,7 л; 0,9—1,1 л; 1,9—2,6 л.

Верхняя треть кувшинов покрыта зелёной поливой по белому ангобу и украшена неглубокими горизонтальными врезными линиями, прочерченными по сырой глине. На единичных экземплярах встречается жёлтая глазурь.

Поливные кувшины типа 2.1 восточно-крымского производства получают широкое распространение со второй половины XIV в. (Белинский, Масловский 1998, с. 210, рис. 16: 79; Гинькут 2001, с. 55, рис. 4: 3—5; Масловский 2006а, с. 366, рис. 23: 1; 2019b, с. 222; рис. 13: 2; Адаксина, Мыц 2007, рис. 142: 7). Находки обломков этих сосудов известны в материалах практически всех археологических комплексов Таврики XV в., а также в качестве импорта за её пределами на азовском и черноморском побережье (Белинский, Масловский 2005, с. 161, рис. 5: 6; Волков 2007, с. 27, рис. 2: 3; Пьянков 2007, с. 95, рис. 1). Устойчивые отличия между кувшинами XIV и XV вв. выделить не удалось, хотя попытки в этом направлении предпринимались И. В. Волковым (Волков 2007, с. 27).

Тип 2.2. *Двуручные узкогорлые кувшины-амфоры* (рис. 70: 1). Полностью реконструирована форма одного сосуда из раскопок донжона крепости Фуна (Мыц 1991а, рис. 40: 3). Тулово овоидное с максимальным расширением выше середины высоты. Горло низкое и узкое. Днище без специальной профилировки. Ручки в сечении овальные, крепятся чуть выше линии максимального диаметра корпуса и к краю венчика, возвышаясь над ним. Венчик без специальной профилировки, край скруглен. Объём кувшина — около 7,7 л. По форме этот сосуд напоминает византийские амфоры типа IV по Н. Гюнсенин («трапезундская» группа по И. В. Волкову), распространённые в XIII—XIV вв. Копирование импортных амфор, в том числе «трапезундской» группы, было довольно распространённым явлением в гончарстве Азака и других золотоордынских городов (Масловский 2019b, с. 213, рис. 1: 1—5). Эта тенденция, вероятно, сохранилась в гончарстве Юго-Восточного Крыма и в XV в.

Тип 2.3. *Кувшины с петлевидными ручками или «аптечные амфоры»* (рис. 70: 2; 71; 72). Название типа условное, предложено И. В. Волковым на основании морфологической схожести кувшинов с европейскими аптечными сосудами (Волков 2002, с. 112—113; 2004, с. 144—145). Пока нет достаточно вес-

ких доказательств их использования исключительно для транспортировки и хранения лекарственных препаратов. Однако термин прижился в научной литературе как понятный и лаконичный (см. напр.: Бочаров, Масловский 2015, с. 190).

Тулово сосудов овоидное с максимальным расширением в верхней части. Горло невысокое, средней или более ширины, цилиндрическое, иногда профилировано небольшим реберчатым выступом по центру. Венчик в сечении треугольный с широким уплощённым верхом. Днище без специальной профилировки. Ручки в сечении овальные, крепятся под горлом, а также в районе или чуть выше максимального расширения тулова. Внутренняя поверхность всех сосудов покрыта тонким слоем глазури. Снаружи, как и на других кувшинах, зелёная полива нанесена по белому ангобу только на верхнюю треть изделий. Дополнительные украшения, за исключением нескольких полос рифления, на внешней поверхности отсутствуют. Объём реконструированных сосудов — около 2,1; 2,3; 2,7; 2,8; 4,1; 5,0; 5,6 и 8,2 л. Оба типа двуручных кувшинов (2.2 и 2.3) использовались, скорее всего, в качестве среднегабаритной тары.

Примерно с середины — второй половины XIV в. и до конца третьей четверти XV в. этот тип кувшинов был широко распространён на территории Крыма и за его пределами (Айбабина 1998, с. 10, рис. 1: 1, 2; 2005, рис. 8: 1; 9: 4; Мыц 1991а, рис. 40: 2, 4, 6, 7; Белинский, Масловский 1998, с. 210, рис. 17: 2, 3; 2005, с. 161, рис. 5: 5; Волков 2002, с. 112—113; Масловский 2006а, с. 371, рис. 25: 4—8; Бочаров, Масловский 2015, с. 190—192, рис. 1). Традиция изготовления кувшинов с петлевидными ручками существовала также в золотоордынских городах, в частности в Азаке (Масловский 2006а, с. 348, рис. 15: 1—3; Масловский 2019b, с. 222, рис. 12: 1—3). Тем не менее, по мнению И. В. Волкова, большая часть таких двуручных сосудов привезена из Крыма (Волков 2002, с. 112—113). Они в данном случае вероятно служили в качестве транспортировочной тары. И. В. Волков, указывая на сходство формы этих кувшинов с европейской аптечной посудой эпохи Возрождения, полагает, что их могли использовать под медицинские или косметические препараты (Волков 2002, с. 113). Учитывая большое количество находок крымских «аптечных амфор» за пределами полуострова, можно предположить, что в них действительно перевозили какой-то пользующийся спросом жидкий продукт из Крыма.

Тип 2.4. *Водолеи* (рис. 67: 2.4А, 2.4В; 73: 1—3). Одноручные кувшины с узким горлом средней высоты и трубчатым сливом, прикреплённым к плечу сосуда напротив ручки. В зависимости от размера выделяется 2 варианта водолеев: крупного и мелкого стандарта объёма.

Вариант А — сосуды крупного стандарта. Объём реконструированного экземпляра из раскопок донжона крепости Фуна — около 1,7 л (рис. 73: 3). Горло слегка расширено к устью, профилировано небольшим реберчатым выступом по центру. Венчик утолщен, с плоским, скошенным наружу верхом. Ручка в сечении овальная, крепится к середине горла и в месте максимального диаметра корпуса.

Вариант В — водолеи мелкого стандарта. Объём сосудов — до 0,3—0,5 л (рис. 73: 1, 2). Реконструировано 2 сосуда из раскопок жилищно-хозяйственных комплексов третьей четверти XV в. на крепости Алустан и её посаде. Ещё один целый сосуд происходит из раскопок Судакской крепости, контекст находки неясен (Баранов 2004, с. 530, рис. 2: 1). Тулово сферическое. Горло в форме перевернутого усечённого конуса. Венчик специально не профилирован, край скруглен. Ручка в сечении округлая, крепится в нижней части горла и в районе максимального диаметра корпуса. Верхняя часть водолеев покрыта зелёной поливой по белому ангобу, украшена горизонтальными врезными полосами или небольшими рёбрами по горлу.

Находки аналогичных водолеев группы ЮВК известны в комплексах XIV в. Азака и других золотоордынских городов, а также в Прикубанье в слое с материалом XV в. (Масловский 2006а, с. 368, рис. 25: 12; 2019b, с. 116—117, рис. 7: 1—5; Волков 2007b, с. 27, рис. 2: 4). В исламской культуре водолеи (афтоба) использовались, как считается, для омовения (см. напр.: Волков 2002). Вопрос о происхождении водолеев, как отмечает А. Н. Масловский, «довольно запутан» и связывать их появление с распространением ислама не всегда корректно (Масловский 2006а, с. 329). По крайней мере в Крыму кувшины с трубчатыми сливами, но иных типов, были широко распространены ещё в XII—XIII вв. (см. напр.: Ивашута 1975, с. 16, рис. 2).

Фляги (рис. 73: 4). Вид представлен одним фрагментированным сосудом, тип 3.1 (рис. 73: 4). Тулово сосуда круглое, уплощённое, в поперечном сечении эллипсоидное, без выраженного днища, с тремя петлевидными ручками (2 по обе стороны от горла на плечах, 1 — в придонной части). Горло узкое. Центральная часть корпуса украшена прочерчен-

ными концентрическими полосами. Объём фляги — около 5,7 л. Обнаружена в заполнении казармы третьей четверти XV в. замка Фуна. В бытовой культуре жителей Южного Крыма неполивные фляги получают заметное распространение со средневизантийского времени, составляя часть продукции местных гончарных мастерских (см. напр.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001). Отдельные экземпляры с иными морфологическими особенностями, близкие по составу формовочной массы к группе ЮЗК, встречаются в комплексах конца XIII — первой половины XIV вв. (Мыц 2009, рис. 104). В это же время фляги с отгиснутым в форме рельефным декором и украшенные в технике сграффито изготавливались в восточнокрымских гончарных центрах (см. напр.: Тесленко 2018а, с. 21, 43, рис. 13: 1; 20: 7). Однако гладкостенные поливные экземпляры, аналогичные фунскому сосуду, среди опубликованных материалов отыскать пока не удалось.

Альбарелло (рис. 64: 4.1; 73: 5), или «аптекарьские сосуды» — предназначались для хранения и транспортировки лекарств, благовоний и т. п. В XIV в. они были стабильной составляющей ассортимента поливной керамики золотоордынских городов (Якобсон 1950, с. 217; Абызов и др. 1981, рис. 29; Белинский, Масловский 1998, с. 217, рис. 16: 1; Тихомолова, Попандопуло 2005, с. 190—193, рис. 1; Масловский 2006а, с. 371, рис. 15: 4, 5; 25: 1—3; 2019b, 223; рис. 13: 8; Крамаровский, Гукин 2006, табл. 142; Пиотровский 2008, с. 112—113; Курочкина 2012). В комплексах XV в. альбарелло практически не встречаются. Единственный известный на сегодняшний день фрагментированный экземпляр (сохранилось примерно 2/3 изделия, венчик утрачен) происходит из слоя пожара 1475 г., исследованного во дворе № 2 крепости Фуна (рис. 73: 5). Сохранилась нижняя часть сосуда (примерно на 2/3 высоты). Тулово цилиндрической формы. Днище плоское, слегка вогнутое, сформовано в виде небольшого конусовидного монолитного поддона. Полива зелёная, покрывает внешнюю поверхность сосуда по белому ангобу, внутреннюю — без ангобной грунтовки. Подобные альбарелло происходят из жилищных комплексов XIV в. городища Большие Кучугуры (Тихомолова, Попандопуло 2005, с. 190—193, рис. 1). По мнению А. Н. Масловского, эти сосуды восточно-крымского производства. Исследователь полагает, что крымские альбарелло были широко распространены на территории Золотой Орды, так как использовались в качестве торговой тары и перевозились со

своим содержимым на большие расстояния (Масловский 2006а, с. 371; Бочаров, Масловский 2015, с. 194). Возможно, в XV в. продукт, который помещали в «аптекарские сосуды», перестал изготавливаться или добываться в Крыму или же под него стали использовать другую тару. Как бы там ни было, альбарелло выходит из широкого употребления.

Туваки (рис. 67: 5.1, 5.2; рис. 73: 6—8). Эти узкоспециализированные сосуды также не получили широкого распространения в Крыму в XV в. Реконструирована форма трёх туваков из слоев пожара 1475 г. в замке Фуна и крепости Алустан (рис. 73: 6—8). Кроме того, 2 фрагментированных детских горшка опубликованы среди материалов из цитадели Мангупа (Герцен, Науменко 2005, рис. 6: 6, 7) и 1 из крепости Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц 2006, рис. 74: 1). Выделено 2 типа туваков.

Тип 5.1. Корпус обратноклепидной или овоидной формы, устье широкое, коэффициент соотношения $D_3 : D = 0,68—0,77$. Горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий, практически горизонтальный венчик (рис. 73: 7, 8). Полива зелёная, покрывает всю внутреннюю поверхность сосуда и лицевую часть венчика по белому ангобу. Это сосуды из Фуны, а также обломки из Балаклавы и Мангупа.

Тип 5.2. Тулово вытянутой овоидной формы с незначительным расширением в верхней части, горло не выражено (рис. 73: 6) Представлен фрагментированными сосудами из Алушты и Мангупа. Объём сосудов составляет около 0,5—0,6 л.

Распространено мнение, что туваки предназначались для колыбелей определенного вида, а сама идея такого горшка уходит корнями в позднеантичную эпоху (Масловский 2006а, с. 331). В Таврике они появляются, скорее всего, под влиянием золотоордынской культурной традиции, в которой детские горшки подобной конфигурации использовались довольно широко (см. напр. Абызова и др. 1981, рис. 19; Масловский 2006а, с. 331, рис. 9: 16—18; 14: 4; 15: 11; 2019b, с. 218, рис. 7: 10—14). Узкая датировка туваков типа 5.1 затруднительна. Близкие по форме горшки встречены среди местной керамики Азака, изготавливаемой в XIV в. (Масловский 2006а, с. 331, рис. 9: 17). Верхняя дата определяется в рамках конца третьей — начала последней четверти XV в. В комплексах османского периода преобладают ночные горшки с цилиндрическим корпусом, горизонтальным венчиком и 1 или 2 ручками, предназначавшиеся, вероятно, для наполь-

ного использования (Hayes 1992, pl. 46: a—d; Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 103; Герцен и др. 2006, с. 388, рис. 18: 4—8). Изредка встречаются и классические младенческие экземпляры, отличающиеся от средневековых крымских туваков более вытянутыми пропорциями (Hayes 1992, pl. 49: e).

Сосуды открытой формы. Выделено 6 видов сосудов (рис. 74: 6.1—11.1). Для 4 из них характерны кольцевые поддоны — это блюда, тарелки, чаши и чашки. Один вид сосудов с плоским дном без специальной профилировки — глубокие миски с ручками. Один вид — на высокой монолитной биконической ножке.

Глубокие плоскостонные миски с ручками (рис. 74: 6.1А и В; 75). Занимают промежуточное положение между сосудами закрытой и открытой формы. Конфигурация профиля подобна поливным горшкам типа 1.1, но основные пропорции изделий (соотношение $H : D < 0,6$; $D_3 : D > 0,7$) позволяют отнести их к глубоким мискам. Представлены одним типом сосудов (6.1). Тулово в нижней части усечённо-конической формы. Переход к плечу между $3/4$ или $2/3$ высоты. Горло не выражено. Венчик отогнут наружу, широкий, плоский, горизонтальный или условно горизонтальный. Ручки ленточные, в сечении овальные, крепятся к краю венчика и под плечиком. По количеству ручек выделяется два варианта мисок (рис. 74: 6.1А и В).

Вариант А — двуручные (рис. 75: 1—3).

Вариант В — четырёхручные (рис. 75: 4).

Полива зелёная, покрывает всю внутреннюю поверхность сосудов и лицевую часть венчика по белому ангобу. Дополнительные украшения не отмечены. Находки мисок происходят из слоя пожара 1475 г. крепости Фуна, встречаются также на крепости Алустан в перемещённых отложениях. Среди опубликованных материалов из комплексов XV в. аналогии пока не найдены.

Блюда. Неглубокие сосуды с корпусом в виде перевернутого усечённого конуса или сферического сегмента, с горизонтальным или условно горизонтальным бортом и максимальным диаметром более 20 см (рис. 74: 7.1—7.4).

Тип 7.1. С широким, прямым, отклонённым наружу или условно горизонтальным бортом, отделённым от корпуса реберчатым выступом (рис. 74: 7.1). Составляют абсолютное большинство этого вида изделий.

Тип 7.2. С узким горизонтальным или условно горизонтальным бортом (рис. 74: 7.2).

Тип 7.3. Без специально профилированного борта в двух вариантах профилирован-

ки края: скруглённым или приподнятым кверху (рис. 74: 7.3А, 7.3В). Встречается редко. Один обломок верхней части блюда варианта 7.3А обнаружен в замке Фуна во дворе № 1 (рис. 89: 8). Полная форма сосуда варианта 7.3В найдена при раскопках башни Орта-Куле в Алуштинской крепости (рис. 96: 1).

Тип 7.4. *Со сложным профилем.* Стенки профилированы 2—5 замкнутыми по обводу реберчатыми выступами, борт расположен в одной плоскости со стенками (рис. 74: 7.4).

Тарелки. Неглубокие сосуды с корпусом в виде перевёрнутого усечённого конуса или сферического сегмента, с горизонтальным или условно горизонтальным бортом и максимальным диаметром менее 20 см. Выделено 3 типа тарелок, аналогичные типам 1—3 блюд (рис. 74: 8.1—8.3). Тарелки, как и блюда, в XV в. были распространены в Крыму повсеместно.

Тип 8.1. *С широким, прямым, отклонённым наружу или условно горизонтальным бортом, отделённым от корпуса реберчатым выступом* (рис. 74: 8.1).

Тип 8.2. *С узким горизонтальным или условно горизонтальным бортом* (рис. 74: 8.2).

Тип 8.3. *Без специально профилированного борта, со скруглённым или приподнятым кверху краем* (рис. 74: 8.3).

Чашки. Глубокие сосуды с ориентированным вертикально бортом или верхней частью корпуса (если борт не выражен), максимальный диаметр которых превышает 12,0 см. Составляют наиболее массовую и разнообразную категорию находок среди поливной керамики открытой формы, насчитывают минимум 5 морфологических типов с вариантами (рис. 74: 9.1—9.5).

Тип 9.1. *С вертикальным, условно вертикальным, прямым или чуть выпуклым бортом, отделённым от корпуса ребром* (рис. 74: 9.1А, 9.1В).

Вариант А — борт прямой, вертикальный, может быть дополнительно профилирован реберчатым выступом, венчик не выражен (рис. 74: 9.1А).

Вариант В — борт наклонен вовнутрь, слегка выпуклый, венчик отогнут наружу, скруглен (рис. 74: 9.1В).

Тип 9.2. *Со скруглённым бортом и вертикальным или отогнутым наружу венчиком.* Борт может быть дополнительно профилирован реберчатым выступом (рис. 74: 9.2А, 9.2В).

Вариант А — неглубокие (высота корпуса меньше или равна половине максимально-

го диаметра) на низких или средней высоты кольцевых поддонах (рис. 74: 9.2А).

Вариант В — глубокие (высота корпуса больше половины максимального диаметра) на высоких кольцевых поддонах (рис. 74: 9.2В).

Тип 9.3. *Колоколовидной формы с условно вертикальным вогнутым бортом, с внутренней стороны отделённым от корпуса реберчатым выступом.* Край иногда оформлен фестонами (рис. 74: 9.3).

Тип 9.4. *С полусферическим корпусом, скруглённым или слегка профилированным краем, без борта* (рис. 74: 9.4А, 9.4В).

Вариант А — на низком или средней высоты кольцевом поддоне (рис. 74: 9.4А).

Вариант В — на высоком кольцевом поддоне (рис. 74: 9.4В).

Тип 9.5. *С полуэллипсоидальным корпусом и скруглённым краем, без борта* (рис. 74: 9.5).

Чашки. Глубокие сосуды с ориентированным вертикально бортом или верхней частью корпуса (если борт не выражен), максимальный диаметр которых менее 12,0 см. По особенностям абриса верхней части подразделяются на 5 типов.

Тип 10.1. *С высоким вертикальным, условно вертикальным, прямым или чуть вогнутым бортом* (рис. 74: 10.1).

Тип 10.2. *С вертикальным бортом средней высоты и отогнутым наружу венчиком* (рис. 74: 10.2).

Тип 10.3. *Колоколовидной формы с условно вертикальным вогнутым бортом, с внутренней стороны отделённым от корпуса реберчатым выступом.* Край иногда декорирован фестонами (рис. 74: 10.3).

Тип 10.4. *С полусферическим корпусом и скруглённым или слегка отклонённым наружу краем, без борта* (рис. 74: 10.4А, 10.4В).

Вариант А — на низком или средней высоты кольцевом поддоне (рис. 74: 10.4А).

Вариант В — на высоком кольцевом поддоне (рис. 74: 10.4В).

Тип 10.5. *С полуэллипсоидальным корпусом и скруглённым краем, без борта* (рис. 74: 10.5).

Тарелки на высоких монолитных би-конических ножках. Представлены одним типом 11.1. (рис. 74: 11.1; 92). Борт горизонтальный. Максимальный диаметр венчика не более 11,0—12,0 см. Большинство находок происходит из раскопок крепости Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 76; 2005, рис. 118: п. 81), 2 фрагментированных изделия найдено в крепости Алустон (рис. 92: 2, 3). Функциональное назначение не совсем

ясно. Изделия аналогичной формы использовались, например, на территории нынешней Болгарии в эпоху развитого средневековья в качестве архитектурного декора (Цапенков 1953, с. 129—155). В Крыму использование поливных тарелок в украшении монументальных сооружений *in situ* не зафиксировано. В то же время на некоторых находках из крепости Чембало видны остатки налипшего известкового раствора. Учитывая эти обстоятельства, архитектурно-декоративное назначение тарелок на высоких монолитных биконических ножках вполне вероятно.

Крышки. Сегментоидальной или конической формы со слабопрофилированным бортом, дополненным специальным выступом для фиксации крышки внутри ёмкости сосуда. Представлены двумя типами изделий (рис. 74: 12.2, 12.3). Встречаются в единичных экземплярах.

Тип 12.1. *С корпусом в форме сферического сегмента, увенчанным дуговидной ручкой* (рис. 74: 12.1). Максимальный диаметр — около 27 см. Полива зелёная по белому ангобу, дополнительный декор отсутствует. Возможно использовалась в комплекте с глубокими плоскодонными мисками типа 6.1.

Тип 12.2. *С усечённо-коническим корпусом и навершием в виде кольца, сформованного в технике кольцевого налёпа* (рис. 74: 12.2; 115: 1). Максимальный диаметр изделия — 28,8 см. Использовались, вероятно, в комплекте с глубокими чашами — «супницами» (Кирилко 2007, с. 53—56).

Представленные виды и типы сосудов открытой формы находят множество аналогий в керамике средиземноморско-причерноморского региона и сами по себе датируются довольно широко — со второй половины XIV до конца третьей четверти XV вв. (см. напр.: Масловский 2006а, рис. 19; 20; 21). Морфологические особенности сосудов, имеющие значение при детальной хронологии, на данном этапе исследования выделить не удалось.

В отличие от сосудов закрытой формы, большинство сосудов открытой формы, а также крышки типа 12.2 красочно декорированы. По способу оформления поверхности и технике нанесения декора сосуды открытой формы подразделяются на 3 отдела, внутри которых, в зависимости от особенностей применения той или иной техники, выделены подотделы и секции.

I. Без дополнительного декора (БДД).

I.1. С одноцветной глазурью. Полива зелёная или жёлтая, неравномерно окрашенная, с вкраплениями нерастворившегося красителя, покрывает внутреннюю поверхность со-

судов почти не выходя на внешнюю сторону (рис. 75; 76: 2, 3; 78: 3, 4, 13).

I.2. С двухцветной глазурью. Внутри глазурь светло-жёлтая, снаружи — зелёная, нанесена в верхней части сосудов примерно до 1/3—2/3 их высоты (рис. 76: 1, 4—12; 77; 78: 1, 2, 5—12).

Отдел I представлен практически всеми видами сосудов открытой формы. Исключение составляют блюда типов 7.1, 7.3 и 7.4, чаши типа 9.6, а также крышки типа 12.2. Наиболее часто использование такого способа отделки поверхности зафиксировано для чаш и чашек. Глубокие плоскодонные миски с ручками (тип 6.1) покрывались исключительно монохромной поливой.

II. С гравировкой под монохромной поливой.

II.1. Гравировка линией одной толщины. На керамике XV в. группы ЮВК эта техника, используемая самостоятельно, встречается редко. Она известна на серии изделий с монограммами (рис. 79; 80) и в оформлении внешней поверхности бортов чаш (рис. 78: 17). В этой же технике на лицевой поверхности сосудов выполнены стилизованные лилии, птица (голубь), геральдический знак и геометрический декор (рис. 78: 14, 15, 16, 18). Видовой состав изделий включает блюда (тип 7.1), миски, чаши (типы 9.2—9.4) и чашки (типы 10.1, 10.3, 10.4), которые происходят из раскопок Мангуна, Алушты, Фуны и Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 80; 2005, рис. 141: 1; Мыц 2005; Науменко, Душенко 2017, рис. 4; 5: 1; 6: 3).

II.2. Гравировка широким и тонким резцом: основные элементы орнамента выполнены резцом, оставляющим полосу шириной от 0,25 до 0,45 см, дополнительные — линией шириной до 0,1—0,2 см (рис. 81—84). В комплексах XV в. находки керамики, украшенной в этой технике, также немногочисленны. На основании набора орнаментальных мотивов, их комбинаций и манеры исполнения выделяются две секции изделий.

II.2а. С преобладанием растительно-геометрических элементов орнамента в декоративных композициях, а также с использованием антропоморфных и зооморфных мотивов в сюжетно-декоративных композициях (рис. 81; 82; 83: 1—4). Принцип построения композиций медальонный, центральный, медальонно-центрический или сплошной. Наряду с гравировкой встречается использование выемчатой техники (рис. 81: 8; 82: 10—18, 21). Видовое разнообразие изделий невелико: тарелки типа 8.1, чаши типов 9.3, 9.5, чашки типов 10.1, 10.4 и 10.5. Наход-

ки такой керамики известны в Крыму (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 94—102; 2004, рис. 64: 44; 67: 276; 69: 102; 2005, рис. 117: 61; 118: 5, 82; 119: 82; 2006, рис. 66: 1; 77: 6; 80: 4, 5; 141: 177; Адаксина, Мыц 2007, рис. 135: 6, 8) и на Кубани (Волков 2007, с. 27, рис. 1: 3, 4).

Наиболее характерные мотивы орнамента следующие: вертикальные врезные полосы, нанесённые с внешней стороны сосудов (рис. 81: 7, 8; 82: 1, 8, 12, 15); густая сетка с ромбической ячейкой, заполняющая лицевые поверхности борта тарелок и глубоких колоколовидных чаш, а также орнаментальные пояса в концентрических композициях и другие элементы декора (рис. 81: 2, 4, 5, 7; 83: 2); зигзаг, служивший основным «каркасным» элементом орнамента в некоторых центральных медальонах, орнаментальных поясах концентрических композиций, а также поясах на внутренней и внешней поверхности бортов чаш и чашек (рис. 81: 1, 3, 6, 7; 82: 1—3, 5, 6, 9, 19); цветочные розетки и «гребни» в выемчатой технике, помещавшиеся в центральных медальонах (рис. 81: 8; 82: 10, 11, 12—14, 16—18, 21); сетка с квадратными ячейками и полутора- или двухвитковыми спиралями в них, заполняющая центральные медальоны (рис. 83: 1, 3, 4). Антропоморфные и зооморфные мотивы известны в единичных экземплярах. На обломке донной части одного из сосудов сохранился фрагмент изображения лица бородатого мужчины в треугольном головном уборе (рис. 81: 10). Композиция рисунка неясна. На стенках другой чаши сохранились элементы изображения шагающей птицы (верхняя часть головы и две лапы), вероятно голубя, развёрнутой вправо (рис. 81: 7).

II.2b. С преобладанием растительных элементов орнамента в декоративных композициях с радиальным или сплошным принципами построения (рис. 84). Секция представлена небольшой коллекцией донных частей сосудов открытой формы, типологическую принадлежность которых с точностью определить сложно, а также одним реконструированным блюдом типа 7.3 и верхней частью чашки типа 10.4 (рис. 84: 2, 3). Среди основных мотивов орнамента — розетки из миндалевидных лепестков, заполняющие центральную часть поля сосуда; зигзаги из таких же лепестков с внешней стороны борта; стилизованные бутоны; шестиконечная звезда; полуторавитковые спирали, дополняющие практически каждый рисунок (рис. 84).

III. С гравировкой и полихромной росписью.

Обычно для подцветки гравированного рисунка использовалось два минеральных красителя на основе окислов меди и железа, образующих различные оттенки зелёного и коричневого цветов. Гораздо реже в комбинации с ними встречается пурпурно-коричневая краска, изготовленная на основе окисла марганца. Изредка красочные пятна наносились каким-то одним из трёх перечисленных красителей. Покрывающая рисунок полива обычно светло-жёлтая или зеленовато-жёлтая, с включениями частиц нерастворившегося красителя.

Отдел III представлен практически всеми видами сосудов открытой формы, за исключением глубоких плоскдонных мисок с ручками, чаш типа 9.4 и 9.5 и чашек типа 10.2, 10.4, 10.5 (рис. 85—115).

Выделено 3 подотдела керамики с полихромным декором.

III.1. Гравировка одиночным тонким резцом. Самостоятельно использовалась реже, чем гравировка дву- или трезубыми резцами. Отмечена на блюдах (тип 7.1), тарелках (тип 8.1), чашах (тип 9.1, 9.2), чашках (тип 10.1) и на тарелках на высокой биконической ножке (рис. 83: 8, 9, 11, 12; 85—91; 92: 1—6).

III.2. Гравировка широким и тонким резцом. Этот способ более характерен для керамики с полихромной подцветкой второй половины XIV в. (Белинский, Масловский 1998 рис. 11: 1—3; 12). В декоре сосудов XV в. встречается редко. Известны находки одной чаши (тип 9.2) и трёх блюд (тип 7.1, 7.2) из раскопок крепости Алустон и замка Фуна (рис. 93).

III.3. Гравировка дву- или трезубыми резцами (рис. 83: 5—7; 85: 6; 92: 7; 94—115). Такая техника декора появляется на сосудах ЮБК, как монохромных, так и с полихромной расцветкой, примерно с середины XIV в. (Белинский, Масловский 1998, рис. 11: 4; 12: 3; 13: 5, 6; 14: 3; Масловский 2017, с. 484—485). Однако широкое распространение она получает именно в XV в. Обломки сосудов, декорированных подобным образом, составляют абсолютное большинство среди полихромной посуды с орнаментом сграффито археологических объектов Крыма этого периода.

Для отдела III характерны декоративные и сюжетно-декоративные композиции с концентрическим, центрическим, радиальным, полосчатым или сплошным принципами построения, в которых используются растительные, геометрические, растительно-геометрические, зооморфные и изредка антропоморфные мотивы. Основные из них: овальные

или миндалевидные фигуры, объединённые в розетки, заполняющие центральную часть сосуда или расположенные зигзагом по борту (рис. 85: 6; 86: 2, 4, 6, 9; 87: 2—7; 88: 5; 89: 1, 2; 90: 3; 92: 7; 94—100; 101: 1; 103; 104: 1, 2; 106: 2; 107: 2, 5, 6; 109: 2; 111: 5; 114; 115: 2); одиночные овоидные фигуры в центре, в обрамлении парных концентрических кругов (рис. 88: 3, 5); вертикальные или наклонные полосы, зигзаг, выполненные как одиночными, так и дву- или трезубыми резцами с внешней стороны борта (рис. 83: 5—12; 101: 3; 111: 4; 113: 11, 14), а также составляющие основу для более сложного орнамента с наружной стороны чаш (87: 1; 89: 3, 6, 7); вариации вихревой розетки из полос или полупальметт (рис. 88: 1; 90: 1, 2; 91: 4; 93: 1—3; 103—105); шестиконечная звезда (рис. 86: 7, 10; 92: 2; 94: 4; 109—111); центрические и вертикальные плетёнки различной сложности (рис. 87: 1; 93: 1; 106—108; 115: 1); V-образные фигуры (рис. 110); цветок лилии (рис. 102); многовитковые спирали или стилизованный цветок розы (рис. 85; 86: 1, 3); сетка с квадратной ячейкой в сочетании с завитками (рис. 88: 4, 8); пересекающие всё поле полосы из прямых и волнистых линий (рис. 88: 6; 113: 1, 2, 4); чередующиеся ячейки, заполненные сетчатой штриховкой (рис. 88: 2), зигзаги (рис. 113: 3), радиальные лучи в различных комбинациях (рис. 112: 2; 113: 6, 7); антропоморфная личина, символизирующая Солнце (рис. 91: 1, 3); птица (голубь), изображенная в профиль (рис. 89; 90: 5—9; 115). Дополнительные: полупальметты; стилизованные бутоны; мелкие спирали (не более трёх витков); «уголки» пр. Единичной находкой представлена сюжетная композиция с изображением фигуры Спасителя в окружении святых⁶⁵ (рис. 91: 8).

Хронология, распространение, центры производства, происхождение. Видовой и типологический состав поливной посуды практически не претерпевал каких-либо заметных изменений в течение исследуемого периода. Широкий (минимум вторая половина XIV—XV вв.) диапазон бытования практически каждого из выделенных типов сосудов не позволяет использовать признак формы в качестве хронологического индикатора для узких датировок в рамках XV в.

В большей степени был подвержен модным тенденциям и различным культурным влияниям декор. Перемены в нём более очевидны и фиксируются на относительно коротких промежутках времени. Хронологически значимыми для керамики Крыма исследуемо-

го периода являются элементы орнамента в сочетании с техникой декора, а также особенности использования цветовой гаммы в подкраске графического рисунка и манера исполнения элементов рисунка.

Так две стилистические серии, выделенные в рамках отдела П.2, отличаются также хронологически.

Изделия П.2а более ранние. Стратифицированные находки их в комплексах XV в. распределяются следующим образом. Три частично реконструированные формы и один обломок дна (рис. 81: 4, 7, 8, 10) происходят из крепости Фуна, где они были найдены в нивелировочной подсыпке двора № 1 и примыкавшей к нему улицы, произведённой около середины — начала третьей четверти XV в. (Тесленко 2020а, с. 36). Полная форма чаши обнаружена в погребении на могильнике XV в. в устье р. Кубань, более узкая датировка затруднительна (Волков 2007, рис. 1: 3). Одно блюдо происходит из слоя пожара второй четверти XV в. крепости Чембало в Балаклаве (рис. 81: 1) (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 102). Остальные находки здесь, как и в крепости Алустан, фрагментированы и в основном переотложены. В общей массе поливной керамики из раскопок храма с некрополем в с. Малый Маяк, наиболее активное функционирование которого приходится на середину XV — третью четверть XVIII вв., изделия секции П.2а составляют менее 1 % находок поливной посуды (рис. 82: 1). В комплексах со слоями пожара 1475 г. реконструируемые формы практически не встречаются. Исключение составляет блюдо с монограммой из двух литер «Т» и «Х» из раскопок княжеского дворца Мангула (рис. 81: 3). Оно происходит из заполнения ямы под полом помещения «Н», в его северо-западном углу, раскопанной Р. Х. Леппером в 1912—1914 гг. (Науменко, Душенко 2017, с. 194—195, рис. 5: 2). Новейшие исследования памятника позволили уточнить время засыпки ямы, ограничив его 1453—1462 гг. (Науменко, Душенко 2017, с. 224). Полученные данные не противоречат в целом предложенной хронологии отдела П.2а. Наиболее вероятно, пик распространения керамики этого отдела приходится на первую половину (вторую четверть?) XV в., а к 1450—1460-м гг. она выходит из оборота.

В целом, техника нанесения рисунка широким и тонким резцами в сочетании с монохромной поливой достаточно широко применялась в украшении поливных сосудов в XIV в. Она распространилась на обширной территории, входившей в зону влияния ви-

⁶⁵ Более детально об этом сосуде см. (Тесленко 2001, с. 61—65).

зантийской культуры, в том числе в местном керамическом производстве (см. напр.: Papanikola-Bakirtzi 1999, p. 21—22; 83—87, 201—216; Тесленко 2018а, с. 60—61, рис. 28; 30; 31). Некоторые элементы орнамента на сосудах отдела П.2а, например цветочные розетки в выемчатой технике, сетка с завитками в ячейках, крест в центральном медальоне, зигзаг пр., находят довольно близкие параллели в декоре византийской керамики группы Elaborate Incised Ware (EIW), распространённой во второй половине XIV в. (обзор лит. см.: Тесленко 2018b, с. 478—480; Teslenko, Waksman, Ginkut forthcoming). Вероятно именно эта стилистическая семья послужила источником вдохновения для крымских гончаров в данном случае. Не исключено, что во второй половине — конце XIV в. имели место прямые миграции мастеров носителей византийской школы керамического декора в Крым (Тесленко 2020d, с. 167—170). Они в свою очередь могли стимулировать последующее развитие местных вариаций византийской традиции. К XV в. трактовка мотивов становится более произвольной, со временем уступая место другим модным тенденциям.

Изделия серии П.2b при сходной технике нанесения декора обладают иными стилистическими признаками, более характерными для полихромной посуды отдела III (рис. 84). Хронологическая позиция представленных здесь экземпляров определяется условиями их находки. Блюдо обнаружено в слое разрушения башни Орта-Куле последней линии обороны Алуштинской крепости, остальные предметы компактно залежали в нижнем горизонте зольника на её руинах, что свидетельствует об их единовременном перемещении на свалку вскоре после начала разрушения башни (Тесленко 2003а, с. 328—334). Небольшая коллекция аналогичных изделий происходит из слоя раннеосманского времени, образовавшегося в процессе сброса мусора на участке позднесредневековой застройки в портовой части Судака, то есть практически в аналогичном по времени и типу контексте⁶⁶ (Тесленко, Майко 2020b, с. 301, рис. 15: 1—6). Таким образом, период бытования серии может быть определён временем не ранее третьей четверти XV в. и не позднее начала османского периода. В более ранних комплексах керамика с подобным декором пока неизвестна.

⁶⁶ Слой 3, помещение В. В керамическом ансамбле этих отложений также абсолютно преобладают крупные обломки и реконструируемые формы сосудов генуэзско-феодоритского периода (Тесленко, Майко 2020b, с. 300—302, рис. 13—17).

Кроме того, отдельного внимания в плане детализации хронологии заслуживают чаши с монограммами отдела П.1.

В первую очередь это посуда со знаками представителей династии правителей Готии / Феодоро, читаемыми как «Исаак» и «Александр» (рис. 79: 4—8; 80: 1, 3, 7) (Мыц 2005, с. 295, рис. 2: 5; 3: 8, 9; 8: 1). Логично предположить, что период её появления скорее всего синхронен выходу этих господ на политическую арену в качестве соправителей, наследников первого мангупского князя Алексея I, который относят к концу 1450-х гг. (Мыц 2009, с. 401). Верхняя дата может быть ограничена османским покорением Крыма 1475 г., что подтверждается находками составляющих именного сервиза в слое пожара, соотносимом с этим событием (Тесленко 2020а, с. 35, рис. 11: 6, 7; 24: 8). В то же время наличие отдельных фрагментированных чаш с монограммой князя Александра в слоях подсыпки дворов и улиц третьего строительного периода замка Фуна указывает на то, что они могли быть изготовлены до 1459 г. и в конце 1450-х гг. уже попали на свалку (Тесленко 2020а, с. 36, рис. 20: 12). Вместе с тем, в культурных отложениях второго строительного периода такие артефакты не отмечены, что в свою очередь свидетельствует в пользу их появления незадолго до последней реконструкции замка.

Для XV в. характерны также сосуда открытой формы с монограммами из литер «ТХ» (рис. 80: 6, 11—13; 81: 1, 3) или «ТХВ» (рис. 80: 10), при этом вариант «ТХ» абсолютно преобладает. Наиболее представительная коллекция изделий происходит из раскопок южного участка комплекса княжеского дворца на Мангупе (Науменко, Душенко 2017). Несколько блюд и чаш здесь найдены в верхней части заполнения ямы № 34 в северо-западном углу помещения «Н», засыпь которой датируется временем не позднее 1462 г. (Науменко, Душенко 2017, с. 223, рис. 4—6). Одна полная форма блюда происходит из слоя пожара 1434 г. в крепости Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, с. 55, рис. 102) и один фрагмент дна — из культурных слоёв жилой застройки второй половины XIV—XV вв. городища в Алуште (рис. 80: 6). Трактовка значения этих монограмм вызвала в своё время оживлённую дискуссию (см. напр.: Мыц 2005). Наиболее обоснованным на наш взгляд выглядит мнение В. Н. Залеской, предположившей, что в данном случае выраженная греческой графикой монограмматическая тайнопись включает изречения сакрального содержания, трактуемые как

«Христос — победное знамя» или «твердыня», а в варианте «ХТВ» — «Христос — победное знамя (твердыня) помощи» (Залеская 1993, с. 374; 2014, с. 49—50). Контекст находок изделий позволяет датировать их временем около 1430-х — 1460-х гг.

Также примечательны монограммы имени «Михаил» (рис. 80: 2, 4, 5), известные в различных вариантах начертания (см. напр.: Майко 2019а). Существует обоснованное мнение об интерпретации надписей как посвящений Архистратигу Михаилу и культовом назначении содержащих их сосудов (Мыц 2005, с. 290—292; Залеская 2014, с. 48—49; Гинькут 2020, с. 229—230). Подобные монограммы хорошо известны на группе столовой византийской посуды, которая поступала в Крым во второй половине XIV в. (Paranikola-Bakirtzi 1999, p. 22, fig. 6, 7 François 1995, p. 103—108, pl. 16: с; 2005, fig. 3, 4). Вероятно особое сакральное значение этого символа для местных средневековых обывателей и возможное использование предметов с ним в качестве апотропея⁶⁷, способствовали появлению значительного количества вариаций монограмм на местной посуде группы ЮВК начиная со второй половины XIV в. (Баранов 1998, с. 21—22, рис. 2; Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, рис. 1: 1—2; Мыц 2005, с. 290—292; Тесленко и др. 2017, с. 203—204, цв. вставка 15: 5; Тесленко 2018а, с. 60; Майко 2019а). Причём традиция украшения сосудов такого рода знаками оказалась довольно устойчивой, продлившись не менее столетия. Фрагменты чаш с монограммой «МН» или «МНХ» составляли часть продукции одной из Каффинских мастерских, период деятельности которой определяется 1420-ми гг. — концом третьей четверти XV в. (Aibabine, Vocharov, Myts 1999, p. 28—29). То есть очевидно, что во второй и возможно третьей четверти XV в. они всё ещё производились. Однако в слоях и комплексах третьей четверти XV в. реконструируемые формы с подобными монограммами пока не отмечены. Уточнение верхней даты производства таких сосудов, как и разработка детальной хронологии вариантов самих монограмм, несмотря на уже предпринятые попытки (Майко 2019а), по-прежнему заслуживают отдельного изучения.

Особенности использования технических приёмов и цветовой гаммы в украшении посуды отдела III позволяют выделить 4 секции, которые образуют две хронологические группы.

III.A. С подцветкой графического рисунка пятнами трех минеральных красителей на основе окислов марганца, меди и железа, дающих пурпурно-фиолетовый или пурпурно-коричневый, зелёный, коричневый или жёлто-коричневый цвета.

III.B. С внешней двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка и монохромной зелёной или насыщенной жёлто-коричневой / коричневой поливой внутри, с орнаментом сграффито или без него (рис. 83: 5—12).

III.C. С внешней двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка и монохромной, слабо окрашенной в жёлтый или зеленовато-жёлтый цвет глазурью внутри (рис. 113: 8—14; 114: 2).

III.D. С внутренним или с внутренним и внешним полихромным декором в технике сграффито с подцветкой жёлтой и зелёной минеральными красками (рис. 85—112; 113: 1—7; 115).

К ранней хронологической группе относятся изделия отдела III.A. Раскраска окислом марганца (как самостоятельно, так и в сочетании с графическим декором) на керамике группы ЮВК, получает распространение со второй четверти XIV в. (Масловский 2007, с. 86; 2017, с. 484—486, рис. 21; 22; Тесленко 2018а, с. 62—66, рис. 35—37). Полностью или частично реконструируемые сосуды открытой формы отдела III.A найдены в заполнении построек Алуштинского городища, погибших в пожаре второй половины XIV в. (Тесленко 2017, рис. 11: 1, 2; 15: 1, 2), а также датирующихся достаточно широко — в рамках XIV—XV вв. (Тесленко 2018а, с. 62—66, рис. 37). В первой половине XV в. количество находок такой керамики в археологических комплексах сокращается. Например, в культурных слоях храмового комплекса в с. Малый Маяк, нижняя дата которого определена в рамках конца XIV — первой половины XV вв., найдено всего 4 мелких обломка сосудов открытой формы этой разновидности, а в перемещённых отложениях — ещё 5 фрагментов (Тесленко 2012b, с. 236, рис. 7: III.1—3, 5). В объектах третьей четверти XV в. отдельные фрагменты такой керамики встречены только на многослойных памятниках⁶⁸, где они, скорее всего, перемещены из более ранних слоёв.

Изделия отдела III.B также более характерны для комплексов второй половины XIV в. (Гинькут 2005, с. 500—502, рис. 2: 4, 5; Яшаева 2005, рис. 3, 8; Масловский 2007,

⁶⁷ Детальнее об этом см. (Гинькут 2020, с. 229—230).

⁶⁸ Например, в помещении № 36 Алуштинской крепости (Мыц 1986b, с.18; 1988b, с. 4—5).

с. 87; Зенюк, Масловский 2018, с. 214). В коллекции керамики из раскопок храма с некрополем в с. Малый Маяк они составляют менее 1 % (фрагменты 7 сосудов). Причем наиболее крупные обломки и частично реконструируемые формы происходят из погребальных комплексов и слоев, датируемых около середины XV в. (Тесленко 2012b, с. 236, рис. 9: I.1, 3, 5—7). Фрагмент верхней части подобной чаши найден также в заполнении помещений, предшествовавших сооружению крепости Фуна (Тесленко 2016b, с. 142, рис. 7: 2). Изделия с полихромным сграффито только на внешней поверхности борта составляют около половины декорированной керамики группы ЮВК в комплексе первой четверти XV в., исследованном в Азаке (Зенюк, Масловский 2018, с. 214, рис. 6: 3—5; 7: 6—9), хотя сосуды отдела III.A здесь не отмечены.

Реконструируемые формы сосудов отделов III.A и III.B в отложениях третьей четверти XV в. не найдены. Исходя из приведённых сведений верхнюю дату бытования III.A вероятно следует ограничивать примерно первой четвертью XV в., III.B — второй четвертью XV в. В это время они составляют уже весьма незначительную долю находок в массе поливной керамики, выходя из оборота, вероятно, не позже середины XV в.

Вторая хронологическая группа объединяет изделия отделов III.C и III.D. К середине — третьей четверти XV в. они абсолютно доминируют среди декорированных поливных сосудов ЮВК в керамических ансамблях как Крыма, так и Приазовья (Айбабина, Бочаров 1997, с. 16—18; Мыц 2002, с. 157, рис. 25—35; Герцен, Науменко 2005, с. 68—72; 44, рис. 22; Кирилко 2005а, рис. 44, 48—55; Масловский 2007, с. 86; 2012d, с. 20; Тесленко 2020а; 2021).

В рамках отдела III выделяется серия сосудов с изображением голубя, выполненном в одной манере, хронологическую позицию которой можно несколько детализировать (рис. 89: 3—8). Следует отметить, что образы пернатых семейства голубиных на полихромной керамике группы ЮВК не редкость и становятся довольно распространёнными как в монохромном, так и полихромном исполнении уже с 1330—1350-х гг. (см. напр.: Гинькут 2005b; Масловский 2017, с. 483, рис. 7; 18; Тесленко 2018а, с. 60, рис. 29: 2—7, 9—13; Teslenko, Gavris *forthcoming*). Однако специфические детали рисунка, характеризующие особый почерк его автора, позволили В. П. Кирилко уверенно выделить несколько изображений на чашах и блюде, принадле-

жащих руке одного мастера (Кирилко 2005b, с. 349—358, рис. 1—6). По контексту находок период его творчества определяется 1460—1470-ми гг.

Таким образом, исходя из представленных материалов можно предложить следующие наблюдения по поводу бытования декорированных поливных сосудов местного производства различных отделов и серий в исследуемый период (рис. 143). Изделия с использованием пурпурно-коричневой краски в подцветке графического рисунка (III.A), а также с двухцветной раскраской внешней стороны борта и темной жёлто-коричневой или зелёной поливой внутри (III.B) не получили широкого распространения в XV в. Незначительное количество находок таких сосудов характерно лишь для комплексов первой половины (первой трети?) XV в. Возможно, их изготовление прекращается уже к рубежу XIV—XV вв., или в первой четверти XV в. Примерно в этот же период, т. е. в конце XIV — первой четверти XV вв., появляются сосуды отдела II.2а. Наибольшего распространения они достигают ко второй четверти XV в., а уже в 1450-е гг., вероятно, выходят из оборота. Для третьей четверти XV в. более характерны сосуды, украшенные в той же технике (гравировка широким и узким резцами под монохромной светло-жёлтой поливой), но с использованием других мотивов орнамента (отдел II.2b), более свойственных полихромной керамике отделов III.C и III.D. Однако их производство также не было массовым.

Ко второй — третьей четверти XV в. среди местной декорированной посуды абсолютно доминируют полихромные изделия отдела III.1—3 секций «С» и «D» с характерным для них набором орнаментальных мотивов. Сузить датировку керамических комплексов до третьей четверти XV в. позволит наличие в них хроноиндикаторов в виде изделий отдела II.2b, серии сосудов с изображениями голубей в специфической манере и с монограммами представителей династии правителей Готии, читаемых как «Исаак» и «Александр».

Распространение местной глазурованной керамики, как монохромной, так и полихромной, не ограничивалось территорией Крыма. Она в больших количествах вывозилась за его пределы (рис. 145). Например, в Азаке XV в. группа ЮВК доминирует, составляя около 90 % всей глазурованной посуды городища (Масловский 2007, с. 87; 2012d, с. 20; Зенюк, Масловский 2018, с. 214). Крымские поливные изделия также преобладают среди находок на адыгских памятниках в устье р. Кубань (Волков 2007, с. 26—31, рис. 1; 2) и

на месте предполагаемого генуэзского замка Иличе (городище Днепровское 2) на берегу Бугского лимана (Бураков 1991, с. 105—109; Мыщ 2009, с. 240). Керамический комплекс средневекового Белгорода-Днестровского также включает значительное количество полихромной крымской посуды (Кравченко 1986, рис. 26—30; Беляева, Фиалко 2008, рис. 2—5; Карашевич 2010). Кроме того, аналогичные красочно декорированные сосуды открытой формы происходят из раскопок крепости Савсат⁶⁹ и церкви Балатлар (Успения Пресвятой Богородицы) в Синопе на северо-востоке и севере Турции (Inanan 2012, tab. 3: 10—12). Эти данные особенно интересны, поскольку до недавнего времени не было сведений о распространении крымской керамики на Южном побережье Чёрного моря.

Таким образом очевидно, что изготовление поливной посуды в Крыму в XV в. было во многом ориентировано на внешний рынок, охватывающий преимущественно зону влияния генуэзцев в Причерноморье. Кроме того, судя по преобладанию среди импорта полихромного сграффито отделов III.1—3 секций «С» и «D», интенсивность этой торговли в середине — второй половине XV в. оставалась довольно высокой, несмотря на османские завоевания вокруг проливов и захват столицы Византии Константинополя в 1453 г.

Начало изготовления поливной керамики в Крыму относится ко времени не ранее последней четверти XIII в. или по крайней мере конца 1260-х гг. Среди первых из известных очагов гончарства следует отметить поселение Бокаташ II в окрестностях Солхата. Однако его продукция, за исключением отпечатавшихся в форме изделий, по-видимому, не получила широкого распространения (Крамаровский, Гукин 2004, с. 7—51; 2005, с. 22—24, 29—30; 2007, с. 20—21; Тесленко 2018а, с. 17—25). С рубежа XIII—XIV и до конца XIV вв. массовое производство поливной посуды связано с такими крупными городами как Солхат, Судак и Каффа (Тесленко 2018а, с. 9—16). Именно их продукция наводняет рынки Восточной Европы, абсолютно преобладая среди поливного импорта (см. напр.: Бочаров, Масловский 2015; Масловский 2012а; 2017; 2019а). Небольшие мастерские, удовлетворяющие региональный спрос в глазурованной посуде, возникают также в других населённых пунктах полуострова (Иванов, Савеля, Филиппенко 1998, с. 108, рис. 1;

Гинькут 2005, с. 495—512; Тесленко 2005а, с. 324—348; Тесленко 2018а, с. 26—32). Становится очевидной локальная специфика продукции разных районов и даже отдельных населённых пунктов Крыма. Вместе с тем развитие местного гончарного ремесла имело свою специфику, обусловленную в том числе рядом политических и экономических факторов. Со второй половины XIV в. в керамическом производстве Крыма происходят существенные перемены. Некоторые из гончарных центров, в частности в округе Солхата и вероятно в самом городе, в Судаке и Алуште, перестают функционировать (детальнее см.: Тесленко 2018а). Становятся очевидными изменения в технологии и декоративном стиле крымской поливной керамики. Из разнообразных технических приемов декора, распространённых в XIV в. — оттиск в форме, подглазурная роспись ангобом, рельефное моделирование, роспись пятнами и брызгами марганца, различные виды монохромного и полихромного сграффито, резерваж — к началу следующего столетия остаются только некоторые. В их числе сграффито как самостоятельно, так и с элементами резьбы, а также сграффито с полихромной подцветкой. Гораздо шире применяется гравировка двухзубым и трезубым резцами с двухцветной подкраской прочерченных изображений. Заметно изменяется стиль декора. Понижается качество глазури, которые становятся менее яркими, с включением многочисленных мелких крупниц нерастворившегося красителя. Менее заметен или отсутствует шамот в глиняном тесте. Безусловно, эти трансформации происходили не в одночасье, однако к рубежу XIV—XV — началу XV вв. они приводят к качественным изменениям керамических комплексов в целом. При этом как распространённая в Крыму, так и экспортируемая продукция по визуальным характеристикам формовочной массы и технологии изготовления довольно однообразна, что свидетельствует в пользу происхождения её из близкородственных гончарных мастерских.

К настоящему времени выразительные свидетельства производства поливной керамики в XV в. на территории Крыма зафиксированы в Балаклаве (крепость Чембало) и Феодосии (Каффа). В Балаклаве и её окрестностях найдены многочисленные обломки полуфабрикатов с графическим орнаментом, не покрытых поливой и печной припас, используемый при обжиге глазурованных изделий (Гинькут 2005а, с. 497—509, рис. 2; 2014а; Тесленко 2018а, с. 30—32, рис. 17—18). Сами мастерские пока локализовать не

⁶⁹ Выражаю благодарность профессору Filiz Yenişehirlioğlu за любезно предоставленную информацию о находках полихромной керамики, подобной группе ЮВК, на этом памятнике.

удалось, однако согласно стратиграфическим и планиграфическим данным стало возможным датировать их деятельность второй половиной XIV — третьей четвертью XV вв., а наибольшее распространение готовой продукции ограничить пока территорией и ближайшей округой консульства Чембало (Гинькут 2014а). О каких-либо дальних поставках керамики из этого гончарного центра или сколько-нибудь заметных перевозках её в другие регионы Крыма сведений пока нет.

В Феодосии раскопками 1975—1976 и 1994—1995 гг. на восточном склоне Карантинного холма, в юго-восточной части цитадели крепости Каффа открыты разновременные (второй половины XIV в. и 1420—1470-х гг.) гончарные горны для обжига поливной посуды с прилегающей инфраструктурой, а также сопровождающий их печной припас, брак, полуфабрикаты и готовые изделия. Эти материалы дают представление о конструкции обжигательных сооружений, организации и технологии производства, а также ассортименте и стилистических особенностях декора выпускаемой продукции (Тесленко 2018а, с. 13—16). Большинство поливной посуды XV в., которую относят к крымской или восточно-крымской, по визуальным характеристикам обожжённой глины, поливы и декора подобны продукции Каффы. В этой связи справедливым выглядит использование терминов керамика «каффинского круга» или «каффинского стиля» по отношению к поливной (в частности, полихромной) посуде местного производства. Широкое распространение на территории Крыма каффинской керамики также подтверждается лабораторными исследованиями (Waksman 2007, p. 389).

Таким образом, со второй половины — конца XIV и до конца третьей четверти XV вв., вероятно, именно Каффа выступала крупнейшим центром по производству поливной керамики в Крыму и «законодателем моды» гончарного прикладного искусства полуострова. По крайней мере, керамика так называемого «каффинского круга» или «каффинского стиля» абсолютно доминирует на всех памятниках Крыма и в больших количествах вывозится в качестве товара за пределы полуострова. Ассортимент бытовой посуды составляют 5 видов и 12 типов сосудов закрытых форм, 6 видов и около двух десятков типов сосудов открытых форм, а также минимум 2 типа крышек, как без дополнительных украшений, так и с разнообразным монохромным и полихромным графическим декором.

Своеобразная монополия Каффы, однако, не исключает возможности существования

гончарных центров по производству поливной посуды в других городах и поселениях Крыма XV в., например, в Судаче или Мангупе и его окрестностях. Исследователи столицы княжества Феодоро указывают на находки нескольких артефактов, которые могут быть связаны с таким производством: «обломков песчаника со следами высокотемпературного воздействия и каплями светло-зелёной поливы» и фрагментов «спёкшихся при обжиге» доньев двух поливных сосудов открытой формы с орнаментом сграффито (Герцен, Науменко 2005, с. 262; Герцен и др. 2006, с. 387). Несомненно, эти артефакты несут следы воздействия высоких температур, но они не обязательно могли быть связаны с процессом производства керамики. Иных, более выразительных аргументов в пользу выделки поливной посуды на Мангупе, пока не найдено. Интересны недавние открытия нескольких разновременных мастерских, датируемых в диапазоне VI—XV вв., на южной периферии городища. Судя по собранным здесь артефактам, мастерские специализировались, преимущественно, на изготовлении строительной керамики (Науменко, Душенко 2015). Вполне возможно, что производство разного рода посуды для нужд города также располагалось за пределами крепостных стен, ближе к источникам сырья, топлива и воды.

С уверенностью разделить продукцию крымских мастерских, работавших в «каффинском стиле», пока довольно сложно не только по визуальным признакам, но также и по химическому составу сырья. Подобные затруднения обусловлены схожестью химических характеристик глин и технологии приготовления формовочной массы. Например, для гончарного производства в мастерских Чембало, округи Херсона и Каффы использовались близкие по составу глины из одной миоценовой формации, пересекающей полуостров примерно в направлении запад—восток, от прибрежной зоны в районе Херсонеса и до окрестностей Феодосии и Керчи (Waksman 2007, p. 389; Waksman, Ginkut 2015, p. 722—723). Кроме того, гончары здесь, по всей видимости, использовали сходные приёмы подготовки сырья, формовки изделий и их обжига. Посему в настоящее время поливная керамика, которая сейчас по визуальным характеристикам определяется как группа ЮВК, мало чем отличается от продукции Чембало или района Херсонеса. Незначительные различия улавливаются лишь по отдельным показателям химического состава (Waksman, Ginkut 2012, p. 722—723), а

также по технологическим и стилистическим особенностям готовых изделий, в том случае, если они хорошо известны. Для более детальной дифференциации крымской керамики по центрам производства необходимы дальнейшие исследования с привлечением дополнительных данных.

Одной из наименее изученных остаётся также **проблема поиска истоков технологических и стилистических традиций** изготовления глазурованной посуды в Крыму. Специальное исследование, недавно предпринятое автором монографии, позволило решить некоторые из поставленных задач в этой области, а также наметить перспективы научных поисков на будущее (Тесленко 2020d). На основании анализа широкого круга источников уже сейчас стало очевидным участие в местном поливном гончарстве носителей различных культурных традиций. Это преимущественно мигранты из регионов с развитым производством поливной керамики, переселявшиеся на полуостров в разное время и в разном количестве примерно с последней трети (конца 60-х — 70-х гг.?) XIII в. до последней трети XIV в. включительно. По имеющимся данным с большей или меньшей уверенностью можно говорить о нескольких волнах миграции гончаров из центральных и западных областей Анатолии, а также Закавказья, восточных областей Малой Азии и Хорезма в города юго-восточного Крыма (Солхат и округа, Солдайя, Каффа). Кроме того, заметны и единичные случаи переездов мастеров из балканского региона или византийских центров западного побережья Малой Азии в Лусту / Алушту и из района Константинополя в крепость Чембало или её окрестности (Тесленко 2020d). Выразительные признаки заимствований гончарных традиций и технологий прослеживаются в том числе в полихромной керамике сграффито группы ЮВК, ставшей массовой в XV вв.⁷⁰ Отметим несколько орнаментальных схем и мотивов, которые находят наиболее близкие параллели в керамике Малой Азии и северной Сирии (рис. 116). Среди них — четыре переплетающихся в центре ленты (рис. 116: 9—11), вариации центрических вихревых розеток из широких полос, оконтуренных как одинарными, так и двойными, выполненными двузубым резцом линиями (рис. 116: 1—3, 7, 8), а также пояс из расположенных зигзагом миндалевидных фигур (рис. 116: 3—5, 6, 10), весьма распространённые как в монохромных, так

и в полихромных вариациях крымской керамики с XIV в. вплоть до 1475 г. Большинство заморских аналогий происходит преимущественно из западной, центральной и южной частей современной Турции⁷¹ — Конья, Пергам, Милет, Эфес / Аясолук / Сельджук, Карасахисар / Карасашехир, Сардис, Антакья др. (Waksman, Spieser 1997, p. 123, pl. III; Böhlendorf-Arslan 2004, taf. 108; 110; 127; 148; 149; 165; 178; 190; 191; Vroom 2005b, p. 28—30, pl. 3; 9; 47; Bursaly 2007; Öztaşkın 2010; Türe 2014; Vroom, Findik 2015, p. 219, pl. 10; 31; Dursun 2018). Здесь также известно несколько производственных центров периода бейликов (XIV — первая половина XV вв.), где изготавливалась подобная посуда (Waksman 2014; Waksman et al. 2015, fig. 2; Burlot et al. 2018). Близкое сходство деталей рисунка и схем построения декора анатолийской и крымской керамики вряд ли можно объяснить копированием по привозным образцам, тем более, что находки похожего импорта на территории Крыма пока не зафиксированы. Узкий период бытования некоторых крымских серий в XIV в. указывает на то, что они могли быть выполнены вновь прибывшими мастерами, которые поначалу в точности воспроизводили известные им элементы и схемы рисунка (см. напр.: Тесленко 2018а, с. 62, 65, рис. 34). Не исключено, что расцвету полихромного стиля на полуострове с третьей четверти XIV в. способствовали новые волны мигрантов из Малой Азии, среди которых вполне могла быть значительная часть армян, переселявшихся в относительно благополучный Крым из-за военных конфликтов в Анатолии и северной Сирии, в особенности после захвата столицы Киликийской Армении города Сиса мамлюками в 1375 г. (Тесленко 2020d). Именно на этой базе к концу XIV—XV вв. на территории Крыма сформировался оригинальный декоративный стиль, характеризующийся устойчивым набором мотивов орнамента и их комбинаций, который стал своеобразной «визитной карточкой» крымской керамики XV в.

5.2. ОСМАНСКАЯ КЕРАМИКА

5.2.1. Miletus Ware

Керамика стиля «Милет» (MW), или «милетская» керамика — один из первых типов художественных гончарных изделий, произ-

⁷⁰ Детальнее о параллелях в малоазийской, ближневосточной и крымской керамике XIV в. см. (Тесленко 2018а; 2020d).

⁷¹ Во многом это может быть обусловлено, видимо, ещё и тем, что памятники этих регионов лучше изучены.

водившихся османами в Западной Анатолии (западные провинции Турецкой Республики) и наиболее ранняя группа художественной оттоманской керамики, поступавшей в Крым в XV в. (Burlot et al. 2020, p. 2; Тесленко 2005b; Teslenko 2007). Термин Miletus Ware введён в научный оборот Фридрихом Сарре по отношению к толстостенной красноглиняной керамике с росписью кобальтом под прозрачной бесцветной глазурью, обнаруженной им во множестве при раскопках в Милете (совр. д. Балат, провинция Айдын) на западном побережье Малой Азии в 1930-е гг. (Sarre 1935, p. 72—75).

В 1963—1966 гг. в г. Изник провинции Бурса турецкий археолог Октай Асланпа раскопал остатки гончарных мастерских, специализировавшихся на изготовлении керамики стиля «Милет», впервые локализовав один из крупнейших центров её производства (Aslanapa 1969; 1971a; 1971b; Aslanapa, Yetkin, Altun 1989). В последующие годы появились археологические данные о существовании аналогичного ремесла в Кютахье (провинция Кютахья), Пергаме (совр. Бергам, провинция Измир) и Чанаккале (провинция Чанаккале) (см. напр.: Guionova 2015, p. 683; Burlot et al. 2020, p. 2). Отдельные свидетельства изготовления Miletus Ware известны также в Милете и Афродизиасе, однако факт наличия здесь мастерских требует дополнительных доказательств (Burlot et al. 2020, p. 2).

В последние годы в Лаборатории археологии и археометрии в Лионе (Франция), Жаком Берло и Сильвией Йоней Ваксман проводятся археометрические исследования Miletus Ware. В результате, на основании особенностей химического состава сырья, удалось идентифицировать продукцию трёх мастерских, выпускавших изделия стиля «Милет»: Изника, Пергама и центра, который пока не локализован (Burlot et al. 2018, p. 429). Были определены состав ангобной грунтовки и красителей для подглазурной росписи, а также рецепты самих глазурей, используемых ранними османскими гончарными центрами в Западной Анатолии (Burlot et al. 2020, p. 2). Кроме того, было установлено, что большинство находок Miletus Ware из Крыма составляет продукция Изника — так называемая группа «MW Iznik» (Burlot et al. 2018, p. 429; Burlot et al. 2020, p. 2). Работа исследователей в этом направлении продолжается и публикации её результатов, безусловно, представляют значительный научный интерес (см. напр.: Burlot, Waksman forthcoming).

Морфологическая классификация. В материалах из Крыма «милетская» керамика представлена двумя неравнозначными группами изделий, происходящих, вероятно, из разных мастерских. Одна из них, относящаяся к продукции Изника (Burlot et al. 2018, p. 429), абсолютно преобладает. В её составе преимущественно сосуды открытой формы на кольцевых поддонах (рис. 117—121; 122: 1, 2, 4, 5; 123: 1—16, 19, 20). Фрагменты изделий закрытых форм встречаются крайне редко, во всяком случае по крымским находкам ни одного полного профиля реконструировать не удалось (рис. 123: 17, 18). Черепок плотный, от красно-коричневого до бежевого цвета, с незначительными вариациями тонов. Глина тонкодисперсная, в тесте заметны естественные включения крупниц рыхлого минерала белого цвета и мелкие чешуйки слюды. Изделия сформованы на быстровращающемся гончарном круге. Поддон и поверхность вокруг него тщательно заглажены, часто лощёные. Стенки утолщаются ко дну. Поддон кольцевой, равномерной толщины по всему профилю. Днище углублено с внутренней стороны. При детальном изучении продольного разреза сосудов становится очевидным, что стенки и поддон вытягивались за один приём. Это возможно, когда формовка изделия осуществляется на вершине глиняного конуса, а не на плоскости круга. При этом в центре оставалось отверстие. Затем оно заделывалось специально изготовленным диском, в составе формовочной массы которого наблюдается большая концентрация крупного песка, что, видимо, связано со стремлением снизить степень усадки вставки. Вероятно это действие осуществлялось после частичной просушки изделия. Роспись выполнялась по грунтовке из белого или светло-кремового ангоба. Для покрытия внутренней поверхности обычно использовалась прозрачная бесцветная, реже — бирюзовая глазурь. Внешняя сторона до кольцевого поддона украшена росписью кобальтом под такой же бесцветной поливой или покрыта зелёной глазурью. На лицевой поверхности изделий обычно видны отпечатки треногих разделительных подставок.

Ассортимент первой группы представлен тремя видами и пятью типами сосудов открытой формы, в основном соответствует классификации, предложенной Дж. Хейсом (Hayes 1992, p. 239, fig. 92, 93).

Блюда представлены двумя типами.

Тип 1.1. *С широким, отклонённым наружу под углом около 45°, прямым или слегка выпуклым бортом, венчик скруглён или скошен вовнутрь*, D — 19,0—20,8 см (рис. 123: 2,

9). Соответствует типу 1 по Дж. Хейсу (Hayes 1992, p. 239, cat. nos. 1—4).

Тип 1.2. *С горизонтальным, прямым бортом, край которого слегка приподнят вверх*, D — 21,0—36,0 см (рис. 117: 2; 118: 1, 4; 119: 3, 4; 120: 1, 3; 121: 2; 122: 1; 123: 19, 20). Тип 2 по Дж. Хейсу (Hayes 1992, p. 239, cat. nos. 5, 6).

Чашы также двух типов.

Тип 2.1. *С округлым (полусферическим) корпусом и прямым или плавно отогнутым наружу округлым краем*, D — 17,0—24,6 см (рис. 117: 1, 3, 7; 118: 2, 3; 119: 1, 5, 6; 121: 1; 123: 4, 11—13). Тип 3 по Дж. Хейсу (Hayes 1992, p. 239, cat. nos. 10—23).

Тип 2.2. *С округлым (полусферическим) корпусом, высоким, прямым, отклонённым наружу бортом, выделенным изнутри небольшим ребром. Край без дополнительной профилировки, скруглён*. D — 24—26,8 см (рис. 117: 5, 6; 120: 2; 122: 2; 123: 11). Тип 4 по Дж. Хейсу (Hayes 1992, p. 239, cat. nos. 29).

Чашки одного типа.

Тип 3.1. *Корпус полусферической формы, край специально не профилирован, скруглён*, D — менее 12,0 см (рис. 122: 4, 5; 123: 14). У Дж. Хейса одна донная часть подобной небольшой чашки представлена в рубрике «разное», в отдельный тип не выделена (Hayes, 1992, p. 242, cat. nos. 30).

Декор Miletus Ware богат орнаментальными мотивами. Часто украшалась как внутренняя, так и внешняя поверхность изделий. Снаружи при помощи кисти наносилась роспись зелёной, чёрной или синей краской в виде прямых горизонтальных, вертикальных или наклонных линий, волн, меандров и пр. (рис. 117: 1, 2, 6; 118: 1; 119: 3, 4; 120: 2; 121: 1; 122: 1, 2; 123: 4, 8, 11). Внутренняя поверхность декорировалась более изощрённо, в основном, также росписью кистью различной толщины, реже — при помощи трафарета. Встречается техника тонкой гравировки по тёмному фону (рис. 118: 1). Все они вполне типичны для керамики этого декоративного стиля. Для росписи применялись красители синего, бирюзового, фиолетового («лиловый марганец») цветов различных оттенков. Для контуров изображений использовали зелёную и чёрную краски. Химические исследования красителей позволили определить их основные составляющие: медь (бирюзово-синий), марганец (фиолетовый), кобальт (тёмно-синий) и хром (чёрный). Причём последние два элемента в керамическом производстве Западной Анатолии ранее не встречались. В то же время красители на основе кобальта и хрома известны в керамическом искусстве

сельджуков, а также характерны для более поздних изделий османских гончаров (Burlot et al. 2020, p. 8).

Внутреннее поле сосудов украшено композициями с концентрическим, радиально-центрическим, медальонным или сплошным принципами построения, состоящими из растительных, геометрических, растительно-геометрических мотивов. Среди растительных мотивов преобладают цветочные розетки (рис. 117: 1, 3, 4; 118; 120: 1; 121; 123: 3), вьющиеся побеги с листьями (стебли «плюща»; рис. 122: 1), стилизованные пальмовые ветви (рис. 117: 1; 118: 2; 121: 2; 123: 3), бутоны лотоса, пионы, вьющиеся побеги, сложные меандры и арабески (рис. 117: 5—8; 118; 123). Распространены также широкие вертикальные полосы в арочном обрамлении или без него (лепестки цветущего лотоса; рис. 120: 1; 121: 1; 122: 1, 2). Нередко они чередуются со вставками из растительных узоров. Встречается рисунок в виде переплетающихся лент, образующих различные геометрические фигуры, плотно заполненные мелкими завитками («китайские облака»; рис. 119). Кроме того, центр внутреннего поля сосудов часто украшали заключённые в круг панели, образованные различными сочетаниями геометрических фигур (рис. 122: 1, 2). Для отделки борта использовались прямые или волнистые полосы, узкий бортовой орнамент («арабеск»). По мнению исследователей декор «милетской» керамики включает как сельджукские элементы, так и имитации росписей китайских бело-голубых изделий периода Мин (династия правителей Китая 1368—1643 гг.), распространённых в Персии в XV в. (Lane 1957, p. 251; Erdmann 1963, p. 207; Миллер 1972, с. 20—21; Hayes 1992, p. 238).

Miletus Wares из Крыма находят многочисленные аналогии среди изделий, обнаруженных в больших количествах как на территории Турции в Изнике (Aslanapa 1970, p. 140—146; 1971, p. 188—189; Aslanapa, Yetkin, Altun 1989, p. 82—284), Едирне (Yilmaz 2012) и Стамбуле (Hayes 1992, p. 238—243, pl. 26—29, fig. 92—93), так и на сопредельных землях, например, в Азаке (юг России), Болгарии (Гусач 2006; Guionova 2015, p. 683—684, fig. 1: 9, 13; 2: 1, 3, 10—11; 2) и пр. То есть, очевидно, что поступавшая в Крым посуда первой группы демонстрирует стандартный (товарный) набор керамики изникского производства, рассчитанный на массового потребителя.

Ко второй группе относятся сосуды с тёмно-коричневым либо красно-коричневым черепком, который, в отличие от предыдущей

группы, имеет рыхлую слоистую структуру. В глиняном тесте — мелкозернистый песок и большое количество разномерных чешуек слюды, концентрация которых заметно выше, чем у предыдущих изделий. Также среди визуально фиксируемых отличий следует отметить сравнительно высокий, усечённо-конический поддон на слабо профилированном либо расширенном массивном основании со слегка скошенной вовнутрь широкой опорной плоскостью (рис. 122: 3) и отсутствие диска-вставки из песчанистой глины в центре. В целом находки изделий этой группы в Крыму довольно редки, их детальная морфологическая и стилистическая характеристика пока затруднительна. Фрагмент дна сосуда открытой формы на кольцевом поддоне с массивным основанием происходит из нивелировочной подсыпки двора № 1 замка Фуна (Тесленко 2020а, с. 37, рис. 19: 1). По сведениям Д. Ю. Алядиновой, посвятившей свою дипломную работу изучению коллекции Miletus Ware из раскопок Мангупа, изделия второй группы составляют около 22 % находок «милетской» керамики на цитадели городища⁷². Серия сосудов с аналогичными характеристиками происходит из крепости Шумен и раскопок в Софии (Болгария), где они встречаются вместе с изделиями первой группы (Guionova 2015, p. 683, fig. 1: 10—12; 2: 5—9). Находки обеих групп «милетской» посуды известны также в Азаке, однако здесь, как и в Крыму, вторая группа составляет меньшинство (Гусач 2006, с. 305). Точное место её производства пока не установлено.

Хронология, распространение. Изделия анатолийских мастерских массово вывозились за пределы Анатолии и довольно часто встречаются при раскопках во всем Понтийском регионе (Мицишвили 1976, табл. XII; Волков 1993, с. 120; Богуславский 2002, с. 265—268, рис. 6—10; Гусач 2006, с. 300—322; Guionova 2015), включая Крым. Здесь их находки известны на Мангупе, Бакле, в Инкермане, Балаклаве (Чембало), Гурзуфе, Симеизе, Ореанде, Алуште, Фуне, Судаке, Феодосии / Каффе и др. (Лепер 1913, с. 73—79; Якобсон 1953, с. 390—418; Тиханова 1953, с. 346, рис. 10: г; Веймарн 1963, с. 78—79, рис. 10; Паршина 1974, с. 76, рис. 15; Талис 1976, с. 83, 85, рис. 7: 4—7; Баранов 1988, с. 91, рис. 12: 5; Мыц 1991а, с. 101, рис. 42: 8, 9, 11; Гинькут 2001, с. 58; Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, с. 9, 39, 63; Герцен, Науменко 2005, с. 72, рис. 18; 19: 1—6; 20; 2010, ил. 8: 2; Науменко, Душенко 2017, рис. 7: 3; 20: 3;

⁷² Благодарю Д. Ю. Алядинову за предоставленную информацию.

26: 1, 2; 29: 1—5; 31: 3, 5; Майко, Алядинова 2011; Тесленко, Майко 2020b, с. 295—296, 298, 301—302, рис. 6: 1—3; 9: 5; 20: 1—8, 10—15, др.).

Однако период и интенсивность поступления Miletus Ware на международный рынок, в том числе и в Крым, долгое время не были точно определены. Обычно использовалась широкая датировка, предложенная для этой керамики О. Асланапой — конец XIV—XV вв. (Aslanapa 1965, p. 28—32; Aslanapa, Yetkin, Altun 1989, p. 26). Попытки сузить или скорректировать её на новом материале не предпринимались. В то же время анализ стратиграфического контекста находок и количественного соотношения их в различных отложениях, предпринятые автором настоящей публикации, позволил получить более детальные хронологические и количественные характеристики для ранней османской керамики в Крыму (Тесленко 2005b, с. 385—409; Teslenko 2007, p. 197—193).

Для разработки более детальной хронологии был предпринят комплексный анализ находок Miletus Ware из нескольких средневековых памятников, раскопки которых проводились на достаточно высоком методическом уровне: укреплений в Алуште, Балаклаве / Чембало, на Фуне у с. Лучистое и Чобан-Куле на мысе Агира / Башенный, а также средневекового христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг (табл. 2).

За 12 лет изучения крепости Алустон найдены две фрагментированные чаши, форма которых частично реконструирована, чаша и блюдо с полным профилем, а также обломки ещё не менее чем от 40—45 сосудов открытой формы и 1 фрагмент стенки сосуда закрытой формы, относящихся к «милетской» керамике. Условия находок следующие. Два фрагмента происходят из субстукций кладок последней линии обороны крепости (1460-е — 1475 гг.) (Мыц 1984b, с. 21). Ещё одна целая чаша и 9 фрагментов обнаружены в слоях, образовавшихся после сооружения четвертой линии обороны и до захвата и разрушения крепости османами (1460-е — 1475 гг.) (Мыц 1984b, с. 35, 39; 1987b, с. 19; Мыц, Сёмин 1994, с. 24; Мыц 2002, рис. 20). Самую многочисленную группу составляют находки из зольника последней четверти XV—XVI вв. на руинах башни Орта-Куле (Мыц 2002, с. 150—156; Алядинова, Тесленко 2015, рис. 20—21). Ещё 7 обломков обнаружены в отложениях XVI—XVIII вв. на других участках крепости (Мыц и др. 1993, с. 22—24; Алядинова, Тесленко 2015, рис. 21: 1, 11).

Таблица 2
Распределение находок османской керамики группы Miletus Ware по хронологическим периодам и археологическим контекстам

Дата	Контекст находок	Количество артефактов: фрагментированных (обломков) + целых форм = в сумме								
		Алустон	Фуна	Чембало	Чобан-Куле	Ай-Констант	Всего			
							по контексту	по периодам		
						ед.	%			
1475—1459	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	—	2 (2) + 0 = 2	—	—	—	2 (2) + 0 = 2	—	—	—
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	4	—	—	—	—	—	—	2 (2) + 0 = 2	—	1,2
1434—1463	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	—	—	3 (3) + 0 = 3	—	—	3 (3) + 0 = 3	—	—	—
	4	—	—	1 (1) + 0 = 1	—	—	1 (1) + 0 = 1	—	—	—
1450—1475	1	2 (2) + 0 = 2	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	4 (4) + 0 = 4	59 (75) + 0 = 59	—	3 (3) + 0 = 3	—	66 (82) + 0 = 66	—	—	—
	4	—	—	—	—	—	—	—	68 (84) + 0 = 68	40,7
1475	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	3 (5) + 1 = 4	34 (75) + 13 = 47	—	—	—	37 (80) + 14 = 51	—	—	—
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	4	—	—	—	—	—	—	—	37 (80) + 14 = 51	30,5
1475—1570/1580-е	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	4 (4) + 0 = 4	—	—	—	—	—	4 (4) + 0 = 4	—	—
	3	30 (32) + 3 = 33	3 (3) + 0 = 3	—	1 (1) + 0 = 1	1 (19) + 0 = 1	35 (55) + 3 = 38	—	—	—
	4	—	—	—	—	—	—	—	39 (59) + 3 = 42	25,2
Всего, ед.		43 (47) + 4 = 47	98 (155) + 13 = 111	4 (4) + 0 = 4	4 (4) + 0 = 4	1 (19) + 0 = 1	150 (229) + 17 = 167	150 (229) + 17 = 167	100,0	100,0
Всего, %		28,1	66,5	2,4	2,4	0,6	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечания. Количество фрагментированных сосудов приведено по максимальному возможному показателю. 1 — субструкции архитектурных сооружений; 2 — закрытые комплексы; 3 — напластования постепенного длительного формирования; 4 — искусственно перемещённые отложения.

Из раскопок Фуны происходит одна из лучших в Крыму коллекций посуды «Милетской» группы. Это более 100 фрагментированных сосудов открытой формы (блюда и чаши), 13 из которых частично или полностью реконструированы (Тесленко 2005b, 391—392, рис. 10—15; 2020a, рис. 17; 18; Мыц 2009, рис. 332—338). Большинство обломков сосудов найдено в комплексах, синхронных третьему строительному периоду укрепления — в нивелирующих «подсыпках», сопровождавших, видимо, процесс сооружения и последующего благоустройства помещений, дворов и улиц, а также в слоях пожара, связываемого с турецким вторжением (1475 г.). Из «подсыпок» происходит около 75 фрагментов примерно от 59 изделий, из слоёв пожара 1475 г. — 9 археологически целых, 4 фрагментированных сосуда, а также 75 разрозненных обломков не более чем от 34 изделий. Два фрагмента чаш найдены в слое пожара помещения, относящегося ко второму строительному периоду крепости — 1425—1434 или 50-е гг. XV в. (табл. 2).

В материалах Чобан-Куле присутствуют обломки от 4 сосудов открытой формы. Один из них обнаружен в слое разрушения донжона, три — в делювиальных отложениях, подстилающих слой разрушения. Строительство укрепления относят к третьей четверти XV в. (Кирилко, Мыц 2004). Следовательно, сосуды не могли попасть в культурные напластования, связанные с существованием и разрушением укрепления, раньше этого времени.

При раскопках христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг 19 мелких обломков красноглиняного кувшина с росписью кобальтом обнаружены в слое с монетой Девлет-Гирея (1550—1577 гг.), образовавшемся в процессе функционирования храма (Тесленко, Семин, Лысенко 1999, с. 13, 64, 65).

«Милетская» посуда — довольно частая находка и на Мангупе, в отложениях третьей четверти XV в. (Герцен, Науменко 2010, ил. 8: 2; Науменко, Душенко 2017, рис. 7: 3; 20: 3; 26: 1, 2; 29: 1—5; 31: 3, 5)

Таким образом, ранняя художественная османская керамика встречается в археологических комплексах типов I.1 (субструкции архитектурных сооружений) и II.1—3 (генетически разнообразных культурных отложениях), большинство которых соотносится с узко датированными хроноиндикаторами или хронологическими реперами. Наибольшее число документированных находок зафиксировано на территории замка Фуна, в слоях, сформировавшихся с 1459 по 1475 г. включительно и на Мангупе, в комплексах третьей

четверти XV в. В то же время на городище в Алуште, где исследовано около половины площади памятника с более чем полусотней закрытых комплексов со слоями пожара 1475 г., находки оттоманской керамики в синхронных отложениях крайне редки. Это может свидетельствовать о том, что в конце третьей четверти XV в. она ещё не была широко распространена в Крыму и являлась, скорее всего, своего рода предметом роскоши, присущим в первую очередь элитарным комплексам, в том числе связанным с владельцами Мангупа / Феодоро. В Готию османская посуда могла поставляться через торговый порт феодоритов Каламиту, который, судя по свидетельствам письменных источников, регулярно посещали турецкие купцы (см. напр.: Мыц 2009, с. 356).

В последней четверти XV — начале XVI вв. «милетская» посуда становится более массовой в широком обиходе, что подтверждается значительным числом обломков таких сосудов на мусорных свалках в селении Алушта и наличием фрагментированного кувшина у периферийного храма на г. Аю-Даг. Находки «милетской» посуды в комплексах второй половины XV — начала XVI вв. типичны также для Азака (яма с монетой предположительно Менгли Гирея, 1506—1514 гг., см.: Гусач 2006, с. 314) и памятников на территории Болгарии (яма с монетами 1451—1512 гг. в Софии, см.: Guionova 2015, p. 683).

Таким образом, приведённые данные свидетельствуют о том, что на территории Крыма *Miletus Wares* появляются около середины XV в.⁷³, возможно уже после захвата Константинополя османами в 1453 г. Контекст находок в бывшей столице Византии не противоречит данному предположению. Здесь они в изобилии представлены в ранних османских слоях, начиная с 1460—1470 гг.⁷⁴ (Hayes 1992, p. 238). Вероятность импорта MW в Крым и Северное Причерноморье в конце XIV и даже в начале XV вв. чрезвычайно мала, находки её в отложениях соответствующего времени неизвестны (Волков 1993, с. 120; Гусач 2006, с. 300—322).

Период окончательного выхода «милетской» керамики из обращения в Крыму может быть датирован концом третьей — началом четвертой четвертей XVI в., что, в то же время, не определяет дату завершения её производства. О. Асланапа относит окон-

⁷³ Это не определяет дату начала её производства, которая всё ещё требует уточнения.

⁷⁴ Исходя из общего исторического фона, Дж. Хейс также предполагает появление здесь «милетской» керамики не ранее 1453 г. (Hayes 1992, p. 238).

чание изготовления Miletus Ware к 1480—1490 гг. (Aslanapa 1971a, p. 215) или концу XV в. (Aslanapa, Yetkin, Altun 1989, p. 26). Дж. Хейс, на основании стратиграфических наблюдений при раскопках в Сарачане (район Фатих в Стамбуле), предполагает окончание производства этой керамики около 1520 г. По его мнению параллельно уже могли изготавливаться «Blue-and-white Wares» из силикатных формовочных масс (Hayes 1992, p. 238), что подтверждается и наблюдениями Дж. Роджерса, датирующего начало выпуска новой группы художественной керамики в Изнике рубежом XV—XVI вв. (Rogers 1983, p. 9, 95, 100, 113, fig. 8—11).

В любом случае, производство MW не продолжалось дольше первой четверти XVI в. (минимум — конец XV в. или рубеж XV—XVI вв., максимум — вторая половина первой четверти XVI в.). Это позволяет ориентировочно оценить длительность периода выхода керамических сосудов из обращения в Крыму после прекращения их изготовления в Анатолии: по минимальным расчётам — 30 ± 5 лет, по максимальным — 50 ± 5 лет.

5.2.2. Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью

Происхождение этой керамики, известной в англоязычной литературе как Turquoise Glazed Wares, также принято связывать с Анатолией (см. напр.: Burlot et al. 2018, p. 429; Guionova 2015, p. 685). Однако, в отличие от MW, она немногочисленна в археологических комплексах Крыма XV в. Одна полная форма чаши происходит из раскопок замка Фуна (рис. 122: 6), где она найдена в заполнении выгребной ямы гарнизонного туалета последнего строительного периода укрепления (Тесленко 2021). Сосуд полусферической формы, со слегка отогнутым наружу, скруглённым венчиком, на поддоне средней высоты, выполненном в технике кольцевого налёпа, практически полностью восстановлен из 11 обломков. Черепок плотный, жёлто-красный. В формовочной массе заметна примесь разнородного песка и отдельные мелкие золотистые блёстки (слюда?). Поверхность чаши, за исключением поддона, сплошь покрыта глухой бирюзовой глазурью по белому ангобному грунту. В центре поля отчётливо видны отпечатки треногой разделительной подставки. На внутренней стороне дна, близко к его оси, по обожжённой глине острием прочерчено граффити в виде пучка из четырёх тонких линий. Ещё одна схожая по форме красноглиняная чаша «под моно-

хромной синей глазурью» найдена Р. Ч. Лепером в 1912 г. в верхней части заполнения ямы, предшествовавшей строению Н в южной части дворцового комплекса на Мангупе (Науменко, Душенко 2017, с. 224, рис. 7: 2). По мнению исследователей памятника, яма была засыпана не позднее 1462 г. (Науменко, Душенко 2017, с. 222—223). Происхождение изделия они предположительно соотносят с Византией (Науменко, Душенко 2017, с. 224).

В то же время, по морфологическим характеристикам оба сосуда подобны продукции Изника. Как уже упоминалось, этот центр более известен своими изделиями с росписью кобальтом (Miletus Ware), но помимо MW в нём изготавливалась и неорнаментированная красноглиняная керамика с бирюзовой поливой (Hayes 1992, p. 256; Aslanapa 1989, p. 283). Признаки производства Turquoise Glazed Wares отмечены также в районе Пергама и Эфеса (район совр. г. Сельджук, провинция Измир) (Vroom 2005b, p. 30—31; Burlot et al. 2018, p. 429). Следовательно вероятность того, что чаши, найденные в Крыму, были изготовлены в одном из гончарных центров Западной Анатолии, довольно высока. Однако определить конкретную мастерскую без дополнительных исследований затруднительно.

Близкая аналогия происходит из комплекса османского времени, исследованного на месте римского амфитеатра в столице Болгарии Софии. Чаша обнаружена в контексте с монетами 1421—1444 гг. и другими красноглиняными сосудами закрытой и открытой формы под бирюзовой глазурью, которые также предположительно соотнесены с анатолийским импортом (Guionova 2015, p. 685, fig. 3: 7). Дата находок примерно согласуется с хронологической позицией крымских чаш, оказавшихся на свалке до 1462 (Мангуп) и между 1459 и 1475 гг. (Фуна).

5.3. ИСПАНСКАЯ КЕРАМИКА С ОЛОВЯННОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Изучение «испано-мавританских фаянсов» началось во второй четверти XIX в., когда они впервые были выделены в отдельную группу хранителем Музея керамики в Севре (коммуна в юго-западных предместьях Парижа) (Кубе 1940, с. 30). Наибольшее внимание исследователей привлекала красочно декорированная керамика с росписью люстром. С тех пор издано большое количество фундаментальных трудов, статей и каталогов выставок, посвящённых исследованию раз-

личных аспектов формирования и развития испанской керамики с оловянной глазурью как с росписью люстром, кобальтом и люстром, так и только кобальтом (лит. см., напр.: Кубе 1923, с. 43—53; Кубе 1940, с. 29—34; González Martí 1944; Cossío, Pijoán 1991, p. 561—572; Martí 1994; Ray 1999, p. 402—408; Coll Conesa 2009a; 2009b). Собраны и проанализированы письменные источники, содержащие разнообразную информацию об этих изделиях, включая технологию их производства (Sarre 1903; De Osma 1906—1908; Olivar 1950; 1952; Cossío, Pijoán 1991, p. 572). В научный оборот введены результаты более чем столетней практики археологических исследований гончарных мастерских, изготавливавших керамику с оловянной глазурью в различных регионах Испании, в том числе округе Валенсия (обзор лит. см. напр.: Gutiérrez 2000, p. 24—27; Coll Conesa 2009a, p. 58—64; 2009b). Также предприняты попытки унифицировать терминологический аппарат, используемый при её описании. В настоящее время по отношению к этой керамике в научной литературе встречаются разные названия. Среди них — Hispano-Moresquo Ware, ispano-moresche (исп.), gyticomorisco (исп.), Spanish tin-glazed wares, испано-мавританская керамика и тому подобные. Испанский исследователь Альберто Гарсиа Поррас, специально уделивший внимание анализу проблемы терминологии, пришёл к выводу, что ни одно из подобных названий не является достаточно консолидирующим для обозначения позднесредневековой испанской поливной керамики, поступавшей на широкий рынок. Как альтернативу, в качестве обобщающего термина, он предложил использовать «La cerámica esmaltada española bajomedieval» (с исп. — испанская поливная керамика позднего средневековья), а уже при более детальной характеристике — наименования с привязкой к конкретному региону производства — «La cerámica nazarí» (с исп. — керамика назари⁷⁵) или «La cerámica bajomedieval valenciana» (с исп. — позднесредневековая валенсийская керамика) и далее классифицировать изделия по технике, стилю декора, пр. (García Porrás 2000, p. 1—5). В то же время, на наш взгляд, в качестве альтернативных вариантов обобщающего названия, передающих суть предмета исследования, можно также применять дефиниции

⁷⁵ Разновидность керамики с росписью люстром, которая происходит из города Малага (Испания), на территории Королевства династии Назари в Гранаде, известного также как Султанат Гранада или Эмират Гранада (1238—1492).

«испанская майолика» (тем более, что этимология слова «майолика» непосредственно связана с испанским люстром) или «Spanish tin-glazed earthenware» (англ. — испанская керамика с оловянной глазурью). Вместе с тем, вполне приемлемы и названия «испано-мавританская керамика» или ИМК, «испано-мавританский фаянс», «испанский люстр» (для изделий с росписью люстром), которые уже используются в русскоязычной специальной литературе (Коваль 1998, с. 124—127; 2010, с. 103).

Популярность красочно декорированной испанской керамики способствовала её широкому распространению на международном рынке, охватывающем Западную и Восточную Европу, Балканы, Малую Азию и Ближний Восток (см. напр.: Berti, Tongiorgi 1986; Hurst 1986; Nepoti 1986; Carru 1995; Ray 1999, p. 58—60; Cossío, Pijoán 1991, p. 561; François 1999, p. 82—83; Vroom 2005b, p. 23; Garsía Porrás 2012; Guionova 2015, p. 683). Существенную роль в этом процессе в позднесредневековый период играли итальянские негоцианты, преимущественно генуэзцы, которые были особенно активны в южных районах Иберийского полуострова, организовав здесь разветвлённую торговую сеть (см. напр.: García Porrás 2000; García Porrás, Fábregas García 2010). С последней трети XIV в. и в особенности в первой половине и около середины XV в., по-видимому благодаря именно их деятельности, испанская поливная керамика с кобальтовой и люстровой росписью становится одной из основных статей дальнего керамического импорта в Крым (Тесленко 2004; Teslenko 2009; Гинькут 2016; Тесленко, Майко 2019b). Со второй половины XV в. с ней конкурировали только турецкие Miletus Wares. Но даже в этот период в керамических комплексах отдельных памятников Крыма люстровая и бело-голубая иберийская посуда с оловянной глазурью составляет около половины поливного импорта (Teslenko 2018). Практически вся она происходила из валенсийских мастерских. Детальный анализ значительной части таких находок из Крыма был представлен в публикациях автора 2004 и 2009 гг. (Тесленко 2004; Teslenko 2009). Однако в течение последующего десятилетия объем информации об испанской столовой керамике из Северного Причерноморья, включая Крым, значительно возрос (см. напр.: Гинькут 2016; Кравченко 2017, с. 545—548, рис. 5; 6; Зенюк, Масловский 2018, с. 216, рис. 8: 4; Тесленко, Майко 2019b; Ginkut *forthcoming*). Новые материалы позволяют существенно дополнить сведения о мор-

фологических типах и декоративных сериях испанской столовой посуды, задействованной в коммерческих операциях в регионе, а также детализировать информацию об объёмах торговли этой керамикой в Крыму и времени её поступления.

Топография и контекст находок. В настоящее время испанская глазурованная керамика отмечена в 8 средневековых населённых пунктах Крыма. Безусловно в дальнейшем эта база данных будет пополняться как благодаря новым находкам, так и за счёт изучения старых собраний. К тому же по сию пору далеко не все материалы раскопок даже ключевых памятников позднесредневекового Крыма введены в научный оборот. Так из центра генуэзских владений Каффы / Феодосии наиболее полно опубликована лишь коллекция испанской керамики, собранная А. Л. Бертье-Делагардом при строительстве порта в Феодосии в 1890-х гг. (хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины). Находки происходят из культурного слоя средневекового города, уничтоженного земляными работами на Карантинном холме. По сведениям А. А. Кравченко коллекция включает «около десяти фрагментов, в том числе четыре полуцелых сосуда» (Кравченко 1991, с. 116). Рисунки восьми из них опубликованы Э. Р. фон Штерном (Штерн 1906, табл. IX: 87—93, 98), фотографии шести изделий приведены в статье А. А. Кравченко (Кравченко 1991, с. 116—117, рис. 4: 1—5; 5: 4). Это тарелки и чаши на кольцевых поддонах, относящиеся к ранней валенсийской керамике типа Пула (рис. 125: 5—10). Упомянуты также один небольшой обломок стенки чашки из раскопок армянской церкви св. Стефана (работы 1981 г.) в контексте с находками второй половины XV в. (Айбабина, Бочаров 1997, с. 217, табл. 6: 13) и несколько фрагментов открытых сосудов из заполнения ямы с монетами 1360—1380 гг. (работы 1991—1992 гг.), сопоставимых с этой же группой (Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, рис. 3: 2, 3). Остальные находки, вероятно, ждут своего часа в собрании Феодосийского музея.

Более полно опубликованы материалы из раскопок крепости Чембало в Балаклаве. Здесь за последние десятилетия исследований найдено две полные формы и более трёх десятков фрагментов ИМК, анализу большинства из которых уделила внимание Н. В. Гинькут (Гинькут 2001, с. 58, рис. 3: 6; 2016; Ginkut *forthcoming*)⁷⁶. По наблюдениям

⁷⁶ Наиболее полно эти находки представлены в постерном докладе Н. В. Гинькут на XII международном конгрессе АИСЕМЗ, проходившем в Афинах в 2018 г.

Натальи Витальевны испанская поливная керамика с оловянной глазурью занимает второе место по численности среди привозной керамики, поступавшей в Чембало на протяжении более ста лет, уступая лишь посуде из византийских центров. Однако импорт последней прекратился к началу XV в., в то время как пик поставок ИМК приходится на первую половину — третью четверть XV в. (Гинькут 2016, с. 40).

Один фрагмент миски (рис. 125: 4) удалось обнаружить среди материалов раскопок в районе цитадели Гурзуфского укрепления, проводившихся под руководством О. И. Домбровского в 1960-е гг. (Домбровский 1974, с. 12).

Собрание ИМК из крепости в Алуште включает один фрагментированный кувшин и обломки одиннадцати открытых сосудов, в основном небольших полусферических чашек (рис. 125: 1; 126: 12, 15—17, 20; 127: 1, 5, 7, 22; 128: 2). Большинство из них найдено в слоях, связанных с жилищно-хозяйственной застройкой XIV—XV вв., 2 фрагмента происходят из отложений XV—XVI вв., 1 обломок — из зольника XVIII—XIX вв. и 1 — случайная находка (Тесленко 2004, с. 269—270, 482—486; рис. 1: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 14, 16; 2: 4; 4: 1, 4, 6).

Среди материалов из раскопок Фуны идентифицировано десять образцов испанской поливной керамики: целые и фрагментированные блюда, тарелки, чаши, чашки, обломки стенок кувшина (рис. 126: 6, 9, 14; 127: 8, 20, 25, 26; 128: 1, 4, 5). Подавляющее большинство находок, в том числе все реконструируемые формы, происходит из отложений, связанных с благоустройством, функционированием и гибелью строений замка заключительного этапа его существования — 1459—1475 гг. (Тесленко 2004, с. 470, 486—492, рис. 1—4; Тесленко 2016а, с. 644, рис. 7: г—д).

Из раскопок и разведок на территории средневекового Судака в настоящее время учтены четыре десятка фрагментированных сосудов испанской керамики с оловянной глазурью: 19 предметов найдены на территории средневековой крепости; два изделия — на участке посада к западу от крепости; 19 — в портовой части городища (рис. 125: 1, 2; 126: 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 19; 127: 2—4, 6, 9—17; 19, 21, 24; 128: 3). Подавляющее большинство находок происходит из культурных отложений, датирующихся довольно широко, что вряд ли позволит уточнить хронологию ИМК (Тесленко, Майко 2019b, с. 280—281).

Из находок в Старом Крыму недавно опубликовано 6 чаш ИМК с росписью кобальтом

и люстром (из них 4 — группы Пула) и два обломка кувшинов с остатками только кобальтового рисунка (Тесленко, Сейдалиева 2016, с. 104, 150—151, № 131, 132; Сейдалиева 2020, с. 363—364, рис. 8). Представленный контекст находок также не позволяет уточнить их датировку.

О находках ИМК на территории Керчи и её окрестностей также известно пока крайне мало. В каталоге испанской керамики из коллекции музея Виктории и Альберта (Лондон, Великобритания) представлена небольшая чашка, найденная в могиле в Керчи (Ray 1999, р. 63, No 128). Кроме того, по свидетельству профессора М. Роджерса, ему довелось видеть большое количество фрагментов изделий с росписью люстром в этом регионе (Ray 1999, р. 63).

Равным образом довольно скудна информация об испанской люстровой керамике из Херсонеса. Верхняя дата слоёв разрушения этого города ограничивается третьей четвертью XIV в. В этой связи отсутствие ИМК среди многочисленного импорта можно объяснить не торговой конкуренцией Херсона с генуэзцами, как считает В. Ю. Коваль (Коваль 1998, 124), а тем, что экспорт испанской керамики с росписью люстром в первой — третьей четверти XIV в. ещё не стал столь массовым явлением, как в конце XIV—XV вв.

Несмотря на то, что данные о находках ИМК на территории Крыма представлены неравномерно, даже по имеющимся сведениям очевидно, что испанская поливная посуда поставлялась в Крым, в особенности его прибрежную часть, в значительных количествах. Причём она пользовалась спросом как в довольно крупных торговых центрах, к числу которых принадлежат Каффа, Судак и Чембало, так и в небольших городках, таких как средневековая Алушта или Гурзуф. Вдобавок она была неотъемлемой частью элитарных комплексов резиденций вельмож, например, замка Фуна⁷⁷.

Хронология ИМК в настоящее время разработана довольно детально. Поэтому с одной стороны наличие иберийской посуды в археологических комплексах способствует уточнению их датировки. С другой — узко датированные контексты, такие как в Фунском замке, позволят уточнить хронологическую позицию отдельных декоративных серий ИМК.

Морфологическая характеристика. Испанская посуда с оловянной глазурью

⁷⁷ В этой связи удивительно отсутствие упоминаний о находках ИМК на Мангупе, в частности в дворцовом комплексе. Возможно эти находки ещё не опубликованы.

изготовлена на гончарном круге путём вытягивания из комка глины по донно-ёмкостной программе (РФК-7). Формовочные массы пластичные, достаточно однородные, с естественными примесями незначительного количества обломочного известняка, кварцевого песка, железистых частиц. Черепок мелкопористый. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной, иногда двух- или трёхслойный (с прослойкой другого тона). Обожжённый черепок светло-жёлтый, розовато-жёлтый, светло-оранжевый. На плоских днищах сосудов видны следы срезания нитью. Днища плоские, вогнутые или на кольцевых поддонах. Последние вырезаны из монолитного цилиндра, сформованного одновременно с корпусом. Стенки сосудов закрытой формы снаружи тщательно заглажены, с внутренней стороны видны отчётливые следы ротации. Полива белая, опаковая. Подглазурная роспись выполнена синей (кобальтовой) краской, надглазурная — золотистым с красно-коричневым оттенком люстром. Преобладают изделия с росписью кобальтом и люстром, менее распространена посуда, украшенная только люстром или только кобальтом.

Видовой состав включает сосуды закрытой и открытой формы (рис. 124).

Сосуды закрытой формы встречаются редко, представлены одноручными *кувшинами* двух типов.

Тип 1.1. *Тулово сферическое, горло высокое, цилиндрическое, со специально смоделированным сливом открытого типа.* Венчик не выражен, край скруглён. Ручка крепится под венчиком и в верхней части тулова. Днище на кольцевом поддоне (рис. 124: 1.1).

Тип 1.2. *Тулово сферическое.* Горло средней высоты, близко к цилиндрическому, слегка расширено кверху, оформлено сливом в виде защипа (не сохранился). Ручка в сечении овальная, крепится к середине горла и тулова (рис. 124: 1.2). Дно утрачено.

В коллекции также присутствуют два обломка днищ на небольшом закрытом поддоне (рис. 127: 25, 26), конфигурация верхней части корпуса этих кувшинов не ясна.

Ассортимент сосудов открытой формы более разнообразен, включает 4 вида изделий как на кольцевых поддонах, так и с вогнутыми днищами без поддонов. Поскольку донные части более чем у половины представленных образцов утрачены, учесть этот признак возможно не всегда.

Блюда. Корпус в виде широкого перевернутого конуса. Борт горизонтальный либо условно горизонтальный.

Тип 2.1. *На кольцевом поддоне. Борт в одной плоскости со стенками, край приподнят кверху* (рис. 124: 2.1А, 2.1В).

Тип 2.2. *На кольцевом поддоне. Борт горизонтально отогнут наружу, край скруглён* (рис. 124: 2.2А, 2.2В).

Тип 2.3. *С вогнутым днищем. Край борта отклонён наружу, скруглён* (рис. 124: 2.3).

Тарелки. Корпус в виде сферического сегмента, борт отогнут наружу, условно горизонтальный.

Тип 3.1. *На кольцевом поддоне* (рис. 124: 3.1А, 3.1В, 3.1С).

Тип 3.2. *На вогнутом днище* (рис. 124: 3.2).

Чашки. Глубокие сосуды с ориентированной вертикально верхней частью корпуса, диаметр венчика которых превышает 12,0 см — наиболее массовая категория находок ИМК. Представлены тремя основными типами изделий с вариантами.

Тип 4.1. *На кольцевом поддоне, трёх вариантов: с полусферическим корпусом, борт не выражен, край скруглён; с условно вертикальным высоким бортом, прямым или чуть выпуклым, отделённым от корпуса небольшим сглаженным ребром, край скруглён; с низким бортом, обозначенным снаружи небольшим ребром, край слегка отогнут наружу, скруглён* (рис. 124: 4.1А, 4.1В, 4.1С).

Тип 4.2. *На вогнутом днище с полуэллипсоидальным корпусом и скруглённым краем, без борта* (рис. 124: 4.2).

Тип 4.3. *На вогнутом днище, с полусферическим корпусом и горизонтальными ручками-ушками* (рис. 124: 4.3).

Чашки. Глубокие сосуды с ориентированной вертикально верхней частью корпуса. По форме аналогичны чашам, но с диаметром венчика менее 12,0 см. Конфигурация поддона представленных вариантов не ясна. По особенностям абриса верхней части выделено два варианта (рис. 124: 5.1А, 5.1В).

Детальная хронология по типам затруднительна, отметим только, что вогнутые днища более характерны для изделий не ранее XV в. (Lerma et al. 1986).

Декоративные стили, хронология, пространство. Испанская посуда с оловянной глазурью из Крыма представлена тремя хронологическими группами изделий валенсийских мастерских — ранней (около середины XIV — начала XV вв.), зрелой (вторая — третья четверть XV в.) и поздней (последняя четверть / конец XV—XVI вв.)⁷⁸. Кроме того,

⁷⁸ О разделении испанской керамики с оловянной глазурью на хронологические, технологические и стилистические группы см. напр.: (Hurst 1986, p. 347—348; Coll Conesa 2009b).

в её составе выделяются три технологические группы: изделия, в украшении которых использовался только кобальт (*Loza valenciana azul* [исп.]), сосуды с росписью кобальтом и люстром или только люстром (*Loza valenciana dorada y azul*, *Losa valenciana dorada* [исп.]).

Изделия, в украшении которых использовался люстр, как в сочетании с кобальтом, так и самостоятельно, наиболее многочисленны. Начало производства такой керамики в округе Валенсии под влиянием или при непосредственном участии мастеров из Малаги, или же вследствие прямых контактов с Коронай Арагона и Ближним Востоком, относят к первой четверти XIV в. По крайней мере, в 1325 г. золочёная продукция Манисеса уже отмечена в коммерческих операциях (Blake 1986; Ray 1999, p. 50; Coll Conesa 2009b, p. 74). Крупными центрами керамического производства в округе Валенсия были города Манисес, Патерна, Валенсия, Мислата и Джебарте. В первых трёх пунктах найдены многочисленные остатки производства, два последних известны пока лишь из письменных источников (см. напр.: Olivar 1961, p. 116; Ray 1999, p. 50; Gutiérrez 2000, p. 24—27; Coll Conesa 2009a).

Первая хронологическая группа. В составе ранних изделий, относящихся к XIV в., выделяют несколько стилистических групп. В материалах из Крыма представлена одна из них — Пула или *Loza valenciana dorada del grupo Pula*, LVDP [исп.] (рис. 125), получившая своё название от места находки большой партии керамики при строительстве дороги в местечке Пула на юге Сардинии в 1897 г. (Blake 1986, p. 366—367)⁷⁹. На основании археометрических исследований она соотнесена с продукцией валенсийских мастерских (Blake et al. 1992, p. 209—210, fig. 3). Для изделий характерно использование геометрических схем декора с растительными мотивами в технике резерважа, который мог быть выполнен кобальтом и люстром или только люстром (Coll Conesa 2009b, p. 75—76). В Крыму находки такой керамики известны в Феодосии, Балаклаве, Гурзуфе, Алуште, Судаке и Старом Крыму (Штерн 1906, с. 80—83, табл. IX: № 87—89, 91, 98; Кравченко 1991, с. 116—117, рис. 4: 1—5; 5: 4; Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, рис. 3: 2—3; Гинькут 2001, с. 58, рис. 3: 6; Тесленко, Майко 2019b; Тесленко, Сейдалиева 2016, с. 104, 150—151, № 131, 132; Сейдалиева 2020, с. 363—364, рис. 8: 1—4). Они представлены двумя типа-

⁷⁹ Историографию исследования группы Пула см. напр.: (García Porras 2000).

ми кувшинов⁸⁰ и тремя типами с вариантами сосудов открытой формы (рис. 124: Д).

Хронологическая позиция LVDP определяется временем между 1330-ми и 1380-ми или 1420 гг. (Blake 1986, p. 372—374; Berti, Tongiorgi 1985, p. 13—22). Детальный археологический контекст находок из Крыма известен лишь в нескольких случаях. Это яма с монетами 1360—1380 гг. на территории Феодосии (Сазанов, Иващенко 1994, с. 180) и слои с монетами не ранее середины XIV в. из раскопок «Консульской церкви» крепости Чембало (Гинькут 2001, с. 53). В соседнем Азаке, что в устье Дона, наиболее ранние находки изделий в стиле Пула происходят из комплексов, датированных монетами хана Узбека 1336—1337 гг. (Кравченко 2017, с. 547, рис. 5: 4), а наиболее поздние обнаружены в заполнении ямы предположительно первой четверти XV в. (Зенюк, Масловский 2018, с. 216, рис. 8: 4). Таким образом, период возможного появления и бытования этой посуды в Северном Причерноморье и Крыму определяется в рамках второй четверти XIV — начала XV вв. Что не противоречит предложенной датировке для группы Пула в целом, но и не уточняет её.

География распространения изделий типа Пула обширна, включает юг Франции, Италию, Нидерланды, Северную Африку, Египет, Сирию, Турцию, Балканы и Восточную Европу где они преимущественно происходят из слоёв XIV в. (см. напр.: François 1999, p. 83—84, fig. 18, pl. 9: 177—182, 184, 185, 187; Ray 1999, p. 51; Hurst 1986; García Porras, Fábregas García 2006, p. 30; Guionova 2015, p. 683; Коваль 2010, с. 103, цв. ил. 38: 7; 39: 1; Кравченко 2017, с. 545—548, рис. 5: 3—11).

К ранней группе, возможно, принадлежат ещё две чаши из Судака, центральная часть которых украшена кобальтовыми розетками, выполненными в разной манере (рис. 127: 14, 15). Оба изображения близки к орнаментальным мотивам изделий Малаги и Пулы (см. напр.: Blake 1986, p. 376, pl. 4: 20; 11: 2, 8; 14: 2; 18: 14; Blake et al. 1982, pl. 3). Однако отсутствие остатков люстровой росписи⁸¹ не позволяет с уверенностью соотнести их с какой-либо группой. Тем не менее, метка на днище одной из чаш и морфологические особенности профиля другой находят параллели

⁸⁰ Кувшины типа 1.1 встречаются чаще, тип 1.2 — менее распространён (Berti, Tongiorgi 1986; Blake 1986). При этом достаточно близкую аналогию форме и декору сосуда из Алушты (рис. 125: 1) удалось найти среди продукции Патерны, датированной первой половиной XIV в. (Mesquida García 1995, p. 101).

⁸¹ В данном случае, она, вероятно, не сохранилась.

в ИМК конца XIV — начала XV вв. Контекст находок обеих чаш не позволяет уточнить их датировку (Тесленко, Майко 2019b, с. 288—289, каталог 1.5 и 1.6).

Вторая хронологическая группа наиболее многочисленна. Она объединяет изделия различных стилей классической валенсийской майолики (*Loza valenciana dorada y azul clásica* или LVDC [исп.]). В материалах из Крыма она представлена не менее чем десятком стилистических серий двух декоративных блоков: с росписью кобальтом и люстром (*Loza valenciana dorada y azul — LVDA*) и только люстром (*Loza valenciana dorada — LVD*).

Посуда с росписью кобальтом и люстром — LVDA (рис. 126; 127: 16, 17, 19, 20—22)⁸².

Серия «кольца с дисками» или «цветочные диски» («*anillos con discos*» [исп.]; «*disc-flowers*» [англ.]). Основной элемент декоративной композиции здесь образуют стилизованные цветы из трёх и более круглых лепестков в окружении крупных точек, которые могут быть нанесены как люстром, так и кобальтом. Эта серия наиболее часто встречается среди находок ИМК на территории Крыма. Она представлена сосудами открытой формы типов 3.2, 4.2, 4.3 и вероятно 5.1B (рис. 126: 10—15, 20; 127: 7, 20)⁸³. Днища (где они сохранились) — вогнутые. Круг аналогий довольно широкий. Кроме самой Испании серия известна в Италии (Пиза, Сицилия), Нидерландах, Египте, на юго-востоке Франции (Hurst 1982, fig. 2; Berti, Tongiorgi 1986, p. 325, 328, pl. VI: 6—10, fig. 3: 12; 4: 1, 2; Carru 1995, p. 62, 69, 70, 72, nos. 87, 144, 145, 156, 157, fig. 14; 15; Ray 1999, p. 72; François 1999, fig. 18: 188—189; Coll Conesa 2017, p. 41), в Северном Причерноморье (Белгород-Днестровский, Азак) (Кравченко 1986, рис. 39: 3; Кравченко 2017, с. 548, рис. 6: 5, 7, 8). Изделия датируются преимущественно первой половиной XV в. (Berti, Tongiorgi 1986, p. 325, 328; Carru 1995, p. 62, 69, 70; Ray 1999, p. 72, 77, № 149—151, 161; Lerma et al. 1986, p. 203, fig. 16). В регионе Авиньон (Франция) и в замке Фуна (Крым) они происходят из комплексов 1470-х гг. (Carru 1995, p. 72; Тесленко 2004, с. 476).

Серия «параллели и спирали» («*parallels and spirals*» [англ.], «*paralelas con espirales*» [исп.]) встречается гораздо реже. С уверен-

⁸² На некоторых изделиях люстровая роспись не сохранилась.

⁸³ На экземпляре, изображённом на рис. 127: 7, роспись кобальтом не прослежена, возможно она была на участках декоративного поля, которые остались за границами найденного фрагмента.

ностью с ней можно соотнести чашу из Керчи, опубликованную Энтони Реем (Ray 1999, p. 63, № 128) и, вероятно, фрагмент стенки полусферической чашки из Судака (рис. 126: 5). Среди мотивов декора последней отчетливо различимы 4 концентрические окружности и орнаментальный пояс из панелей, заполненных густой вертикальной штриховкой в комбинации с двумя пересекающимися линиями в сочетании с точками, характерные для этой серии. Остальные детали рисунка не ясны. Аналогии известны на Средиземноморском побережье и в Приазовье (Berti, Tongiorgi 1986, p. 325, tav. V: 10—13, fig. 3: 6; Carru 1995, p. 62, 63, nos. 63, 90; François 1999, p. 84, pl. 10: 205—209; Ray 1999, p. 62—63, nos. 127, 128; Кравченко 2017, рис. 5: 2), датируются первой половиной XV в. (Ray 1999, p. 62—63; Carru 1995, p. 33—34, 63) или концом XIV — началом XV вв. (François 1999, p. 84).

Преимущественно к первой половине XV в. принято относить также ИМК, украшенную в «персидском стиле» («persian style» [англ.], «estilo persa» [исп.]). В Крыму находки таких экземпляров также нечасты. Фрагмент небольшой тарелки с горизонтальным бортом (тип 3.1А) происходит из раскопок укрепления Фуна (рис. 126: 18). Он найден в слое разрушения одного из помещений крепости, связываемого с событиями 1475 г. Верхняя часть внутренней поверхности корпуса украшена поясом из повторяющегося каллиграфического мотива «alafia», означающего в арабском мире пожелание здоровья и счастья (Кубе 1923, с. 52; Ray 1999, p. 401). Полная надпись такого содержания известна на ранних изделиях мавританских мастеров, однако с течением времени она превращается в стереотипную формулу, получившую название псевдоарабской. В таком варианте этот декоративный мотив широко используется в украшении изделий первой половины XV в. (Кубе 1923, с. 51—52; Ray 1999, p. 65—68; Coll Conesa 2009b, p. 83—84). Алехандра Гутьеррес предлагает для него более широкую датировку с верхней границей вплоть до конца XV в., однако без аргументации (Gutiérrez 2020, p. 38, fig. 2.20a).

Серия «корона» («crown pattern» [англ.] или «coronas combinadas con ramitas de helecho» [исп.] — корона в сочетании с листьями папоротника). Для неё характерно использование в качестве основного элемента декора стилизованного изображения короны Арагона, выполненного кобальтом, обычно в сочетании с люстровым растительным орнаментом, густо заполняющим фон (Berti, Tongiorgi 1986, tav. 10: 1, 2; Ray 1999, p. 79, N 164—167). В

Крыму ИМК этой серии найдены в Судаке (рис. 126: 3, 4), в замке Фуна (рис. 126: 9) и крепости Чембало / Балаклава (Гинькут 2016, с. 40)⁸⁴. Представлены чашами типа 4.1А (рис. 126: 3, 4) и блюдом (рис. 126: 9), тип которого из-за отсутствия профильных частей определить сложно. Большое количество изделий этого стиля кроме Испании (см. напр.: González Martí 1944, pl. XIV: a) найдено на территории Италии (Berti, Tongiorgi 1985, pl. X) и юго-востока Франции (Carru 1995, p. 54—56, 69, fig. 15; p. 62, nos. 84, 85). Отдельные фрагменты известны в Нидерландах (Hurst 1982, nos. 28—32).

Серия датируется 1430-ми гг. — серединой XV в. (Berti, Tongiorgi 1986, p. 331; Carru 1995, p. 58, 69). Фрагмент поля блюда из замка Фуна происходит из заполнения ямы на первом этаже казармы третьего строительного периода, т. е. третьей четверти XV в. (Мыц, Кирилко 1990, с. 21—22). Контекст остальных крымских находок не позволяет уточнить их хронологическую позицию.

Серия «сетка и голубые розетки» («retículas y rosetas azules» [исп.]), для которой характерны изображения розеток из четырёх трёхлопастных листов в круге в сочетании с панелями из полос линейной и сетчатой штриховки (Coll Conesa 2009b, p. 89, fig. 179; 2017, fig. 11). К ней относится блюдо типа 2.3 из Балаклавы (рис. 126: 1), найденное в одном из жилых строений в слое пожара, соотносимого с событиями 1475 г. (Адаксина и др. 2018, с. 19—23). Сосуды разных типов с аналогичным декором находят также на юго-востоке Франции (Авиньон) и в Хорватии, на Сицилии, где они датированы первой половиной XV в. (Carru 1995, p. 33, 68, nos. 129; Bradara 2012, fig. 6; Cilia Platamone, Fiorilla 1997, p. 476, fig. 4). Между тем, испанский исследователь Хайме Кой Конеса (Jaume Coll Conesa) на основании аналогий из комплексов 1440-х гг. — второй половины XV в. склонен относить эту серию к середине — второй половине XV в. (Coll Conesa 2009b, p. 89). В пользу более поздней даты свидетельствуют изображения аналогичных розеток в сочетании с панелями из листьев чертополоха

⁸⁴ На одной чаше из Судака люстровая роспись не видна (рис. 126: 4). Поскольку полива на данном экземпляре плохой сохранности, не исключено, что надглазурная роспись не сохранилась. В то же время возможно, что изделие вообще относится к бело-голубой (Loza azul) разновидности ИМК. Изображения короны, выполненные без использования растительного декора и люстровой росписи также известны (см. напр.: Amouric et al. 1999, p. 44—46, fig. 90, 91, 44). Однако доказать или опровергнуть это в данном случае сложно.

и сетчатой штриховки, известные среди материалов из мастерских Патерны (Masquida García 2005, fig. 15). Также с ней согласуется и контекст находки блюда из Чембало.

Серия «бриония» («brionia» [исп.] или «бриония и лист петрушки» («the bryony and parsley leaf» [англ.]) (Ray 1999, p. 73, fig. 152—160; 162; Coll Conesa 2009b, p. 86; 2017, fig. 8). Как отмечает Х. Кой Конеса, из-за схожести конфигурации листовой пластинки подобные изображения могут отождествлять с более поздней серией «лист петрушки» («hojas de perejil» [исп.]⁸⁵). Исследователь отмечает также наличие множества вариантов подобного рисунка (Coll Conesa 2009b, p. 86). Среди крымских материалов идентифицировано два фрагмента стенок небольших чаш этой серии: из Судака, где она найдена без привязки к определённому контексту (рис. 126: 19) и Чембало / Балаклавы, где обломок обнаружен в слое с материалом XV в. (*Ginkut forthcoming*). На лицевой поверхности сосудов сохранились остатки растительного декора в виде побегов с тройчатыми рассечёнными листьями и шестилепесткового цветка в обрамлении тонкого завитка. Керамика этой серии была одной из наиболее массовых среди изделий испанских мастерских со второй четверти и до 1470-х гг. или даже конца XV в. (Ray 1999, p. 73—76; Carru 1995, p. 55; Lerma et al. 1986, fig. 16; Coll Conesa 2009b, p. 86). Она в значительных объёмах экспортировалась за пределы Испании. Находки известны в Италии (Тоскана, Сицилия), на западном побережье Адриатики, на юго-востоке Франции, в Бельгии, Египте, Нидерландах и Британии (Berti, Tongiorgi 1986, p. 331—334, tav. 9: 1—9, fig. 5; Bradara 2012, fig. 6; Carru 1995, p. 55, 58, fig. 14, p. 62, n. 86; Cilia Platamone, Fiorilla 1997, p. 478, fig. 6; De Groote 2012, fig. 2: 3; Francovich, Gelichi 1986, fig. 4: 3, tav. IV: 7, 8; François 1999, pl. 9: 194; Ray 1999, p. 73). Одна полная форма чаши происходит из Азака (Кравченко 2017, рис. 6: 1). Во второй половине XV в. стиль копировался в итальянской майоличной росписи (Ray 1999, p. 73).

Серия «с центральным медальоном и трилистниками» («con medallón central y trifolios» [исп.] (см. напр.: González Ballesteros 2015, p. 524, fig. 17). Полная форма тарелки с та-

⁸⁵ Бриония — род растений семейства тыквенные, вьющаяся лиана с травянистым стеблем; петрушка — травянистое растение из семейства зонтичных. В натуре листовые пластины этих растений не очень похожи. Однако рисунок передаёт трёхлопастную конфигурацию и рассечённый край обоих листов несколько схематично, что приводит к двусмысленности трактовки их изображений.

ким декором происходит из слоя нивелировочной засыпи XVI в. у башни Барнабо Грилло крепости Чембало / Балаклава (рис. 126: 2; Адаксина и др. 2004, рис. 82). Фрагмент поля и дно с венчиком ещё двух тарелок найдены в Судаке, в перемещённых отложениях (рис. 126: 7, 8)⁸⁶. Центральная часть лицевой поверхности изделий оконтурена парой концентрических кругов, выше которых расположены крупные букеты из трёх исходящих из одной точки стеблей. Один из боковых побегов завершается горизонтально ориентированным удлинённым листом или бутонном. Центральный стебель на тарелке из Чембало увенчан округлым бутонном, а второй боковой завершается перистолопастным листом, изображённым в профиль. Также встречаются комбинации с двумя трёхлопастными удлинёнными листьями по бокам и пятилепестковым цветком по центру. Подобные изображения известны в украшении сосудов открытой формы (чаш, тарелок, блюд) как самостоятельно (Francovich, Gelichi 1986, fig. 4: 4, tav. VIII: 32; Carru 1995, p. 70, nos. 143), так и в комбинации с флористической люстровой росписью, в частности, выполненной в стиле «disc-flower» и пр. (Ray 1999, p. 64—65, nos. 32, 33; Carru 1995, p. 59, fig. 14; p. 69, 70, nos. 144, 145; Masquida García 2005, fig. 19). Аналогии происходят из Испании, в том числе мастерских Патерны (Masquida García 2005, fig. 19; González Ballesteros 2015, p. 524, fig. 17), а также Италии, региона Тоскана (Francovich, Gelichi 1986, h. 303, fig. 4: 4, tav. VIII: 32; Berti, Tongiorgi 1986, tav. 6: 2, 3, 7, fig. 3: 11, 12), юго-востока Франции (Carru 1995, p. 58—59, 69, 70, fig. 14, nos. 143—145), Греции (François 1995, pl. 20: c) и Египта (Ray 1999, p. 64—65, nos. 32, 33). Хронологическая позиция определяется в рамках первой половины XV в. (Ray 1999, p. 65; Carru 1995, p. 58—59, 69, 70; Berti, Tongiorgi 1986, p. 325, 328).

Изделия с росписью только люстром (рис. 127: 1—13). Серия «пальметты в круге» («las palmetas en círculos» или «palma abierta y círculos» [исп.]). Для неё характерно изображение ряда стилизованных веерных листьев пальмы в круге на лицевой поверхности стенок сосудов открытой формы (см. напр.: Coll Conesa 2009b, p. 92, fig. 188). Один обломок верхней части корпуса чаши типа 4.1В происходит из Судака (рис. 127: 6), где он найден в слое с материалом XIII—XV вв. на

⁸⁶ Возможно, к этой же серии относится фрагмент борта тарелки на рис. 127: 19, однако из-за плохой сохранности изображения утверждать это не представляется возможным.

участке между башнями Лукини ди Фиески ди Лаванья и Безымянной № 3 (Тесленко, Майко 2019b, с. 294). Ещё один мелкий фрагмент края чашки найден в Чембало (*Ginkut forthcoming*). Близкие аналогии кроме Испании (Coll Conesa 2009b, fig. 188; González Ballesteros 2015, p. 525—526, fig. 18), известны в Италии — в Пизе и на Сардинии (Berti, Tongiorgi 1986, p. 340, nav. 7: 1, 2, fig. 4: 4), на юго-востоке Франции в Авиньоне (Carru 1995, p. 59, fig. 14, p. 61, 69, nos. 78, 79, 134, 135), преимущественно в комплексах первой половины XV в. (Carru 1995, p. 59, 61, 69). Х. Кой Конеса отмечает, что подобный мотив использовался в течение всего XV в., хронологическая позиция изделий может уточняться по морфологическим особенностям днищ и венчиков (Coll Conesa 2009b, p. 92).

Серия «листья чертополоха» или «лист чертополоха и сетка» («hojas de cardo», «hoja de cardo y retículas» [исп.], «the thistle-leaf pattern» [англ.]). Здесь поле сосудов разделено на секторы, поочередно заполненные композициями из листьев этого представителя семейства астровых и полосами сетчатой штриховки (рис. 127: 2; 13). В центре часто располагалось изображение геральдического щита с растительным или иным мотивом в гербовом поле (см. напр.: Coll Conesa 2009b, p. 89—90, fig. 183; González Ballesteros 2015, p. 525—526, fig. 18). Остатки щитов сохранились, например, на чашах из Судака (рис. 127: 13; Тесленко, Майко 2019b, с. 292, 294, рис. 2: 6; 3: 5) и блюде из Чембало / Балаклавы (Адаксина и др. 2018, с. 51, № 27). Крымские находки этой серии представлены типами 2.3 и 4.2. В Судаке они происходят из контекстов второй половины XV в. и конца XV—XVI вв. (Тесленко, Майко 2019b, с. 289—290, 292, 294). Чембальское блюдо найдено в слое пожара 1475 г. одного из жилищ в комплексе с другим испанским блюдом серии «сетка и голубые розетки», а также сосудом группы Miletus Ware (Адаксина и др. 2018, с. 18—21, 51, № 27). В валенсийской майолике, в частности мастерских Патерны, такая декоративная схема получает распространение во второй половине XV в. (Lerma et al. 1986, p. 201, fig. 16; Masquida García 2005, fig. 14—15). Изделия пользовались коммерческим успехом, их находки известны в Италии (Berti, Tongiorgi 1986, pl. VIII: nos. 7, 8), Египте (François 1999, pl. 9: 192), Британии (Ray 1999, p. 88) и Северном Причерноморье (Кравченко 1986, рис. 38: 4, 7). Этот стиль, возможно, стал одним из первых имитируемых гончарами Каталонии, а позже — Севильи (Ray 1999, p. 88). Контекст крымских

находок не противоречит предложенной датировке. В более схематичном исполнении мотив листа чертополоха продолжает использоваться в декоре испанской майолики на протяжении первой половины XVI в. (Coll Conesa 2009b, p. 89—90, fig. 183; Carru 1995, p. 67, nos. 120, p. 74, nos. 174, 175).

В серии с декором «цепь» («encadenat») главным элементом росписи является мотив, напоминающий «сельджукскую цепь», в сочетании с полосами или панелями густой сетчатой штриховки. Сам термин неоднократно упоминается в документах середины XV в., опубликованных Гильермо Хоакин де Осма (Guillermo Joaquín de Osma), с указанием названия, цены и качества изделий (Van de Put 1938, p. 57). Среди крымских находок она представлена фрагментом верхней части корпуса с венчиком чаши полусферической формы типа 4.1А или 4.2 (рис. 127: 1). Изделие найдено в заполнении сливного колодца, пристроенного к западному участку куртины последней линии обороны крепости в Алуште, т. е. в контексте, сформировавшемся не ранее 1460-х гг. (Тесленко 2004, с. 482). Роспись нанесена на внутреннюю и внешнюю поверхности сосуда. На лицевой поверхности полосы цепи сочетаются с треугольниками, заштрихованными густой сеткой. Снаружи корпус украшен замкнутыми по обводу линиями различной толщины, прерывающимися в верхней части панелями из пяти вертикальных штрихов.

Эта серия также была распространена довольно широко. Помимо Испании, её находки известны в Италии, Греции и Египте. Раритетные экземпляры с геральдической символикой хранятся в частных коллекциях и музейных собраниях (Van de Put 1938, pl. III: 243—1853; Berti, Tongiorgi 1985, tav. VIII: 1—4; François 1995, pl. 19: d, e; 20: a, b; fig. 77: с. 444; François 1999, Pl. 9: 191; Ray 1999, p. 77—78; González Ballesteros 2015, fig. 17).

Остальные изделия этой хронологической группы, как LVDA, так и LVD из-за фрагментарности или плохой сохранности люстровой росписи пока сложно соотнести с какими-то конкретными декоративными сериями (рис. 127: 5, 8, 11, 12, 16, 17, 19—22).

К третьей хронологической группе относятся сосуды с росписью только люстром (LVD). Это 2 чаши с вогнутым дном и горизонтальными ручками-ушками (тип 4.3), украшенные «нотным» орнаментом («solfas» [исп.]⁸⁷, состоящим из мелких завитков и

⁸⁷ Или «классическая серия в ювелирном стиле», исп.: *Sería Clásica del estilo orfebre* (Coll Conesa 2017, p. 41; González Ballesteros 2015, p. 527—528, fig. 19).

вертикальных штрихов (англ. вариант названия: «dot-and-stalk» — точки и стебли) и вероятно, ручки от ещё двух подобных сосудов из Судака⁸⁸ (рис. 127: 3, 4, 9, 10). Как принято считать, этот мелкий беглый рисунок подражал орнаменту на тканях или являлся очень схематизированным изображением виноградных побегов (Ray 1999, p. 91). Обычно в центр композиции помещались геральдические, анималистические или флористические изображения (Ray 1999, p. 92; Carru 1995, p. 73—75; Coll Conesa 2017, p. 41, fig. 12). На одной из судакских чаш в центральном круге видны остатки рисунка, напоминающего цветочный бутон, однако плохая сохранность люстровой краски не позволяет его восстановить (рис. 127: 3).

Изделия с таким декором производились в мастерских Манисеса и Патерны в конце XV — начале XVI вв. (Masquida García 2005, p. 15; Coll Conesa 2009b, p. 125). Отдельные экземпляры представлены в коллекции музея Виктории и Альберта (Лондон), а также среди материалов раскопок на юго-востоке Франции, в комплексах последней трети XV — начала XVI вв. и 1530—1540 гг. (Ray 1999, p. 91; Carru 1995, p. 67, 73—75). Хронологическая позиция серии в целом определяется в рамках последней четверти XV — первой половины XVI вв. (Carru 1995, p. 67, 73—75; Ray 1999, p. 91—93; Coll Conesa 2009b, p. 125, fig. 227; González Ballesteros 2015, p. 527—528, fig. 19). Очевидно, что чаши попали в Судак уже после османского завоевания Крыма в 1475 г., чему не противоречит и контекст находки: три из четырёх предметов (рис. 127: 4, 9, 10) обнаружены на полу строения, функционировавшего в раннеосманский период (последняя четверть XV—XVI вв.) в портовой части городища (Тесленко, Майко 2019b, с. 285, 292—294)⁸⁹.

Изделия, в украшении которых использовался только кобальт (Loza valenciana azul, LVA [исп.]). Бело-голубая керамика производилась в мастерских Валенсии (Манисес, Патерна, Валенсия) на протяжении XIV—XV вв., некоторые декоративные серии выпускались вплоть до начала XVI в. (Coll Conesa 2009a, p. 18—22; 2009b, p. 76—77; García Porrás et al. 2012, p. 425). Это более

⁸⁸ Ручки морфологически очень близки к сосуду полной формы этой серии (рис. 127: 4) и происходят из одного с ним контекста.

⁸⁹ Ещё одна фрагментированная чаша найдена М. А. Фронджуро в 1966 г. в заполнение жилого дома портовой части городища (раскоп III). Детальный археологический контекст не ясен (Тесленко, Майко 2019b, с. 292—293).

дешёвая и, соответственно, рассчитанная на более широкий спрос посуда. Однако в Крыму она составляет меньшинство — около 10—11 % находок испанской керамики с оловянной глазурью. На территории полуострова LVA представлена тремя хорошо известными декоративными группами: схематической (loza valenciana esquemática, LVAE), простой (loza valenciana azul simple, LVAS) и сложной (loza valenciana azul compleja, LVAC).

Со схематической группой (LVAE) видимо можно соотнести рисунки на трёх чашах типов 4.1A, 4.1B и 4.2 из Судака (рис. 127: 18, 23, 24). По условиям находки допустимо уточнить хронологическую позицию двух из них (рис. 127: 18, 23). Одна чаша (рис. 127: 18) происходит из нивелировочной засыпи под полом строения раннеосманского периода в портовой части городища и, соответственно, оказалась в культурном слое не позднее последней четверти XV в., что определяет верхнюю временную границу её бытования. Вторая (рис. 127: 23) найдена на полу этой же постройки, в одном контексте с серией «solfas», что позволяет определить период её использования не ранее последней четверти XV—XVI вв. Третья чаша (рис. 127: 24) обнаружена в перемещённых отложениях с материалом XIV—XVII вв. и может быть датирована в рамках хронологической позиции, предложенной для аналогичных изделий группы в целом, т. е. не ранее середины XIV и не позднее конца XV вв. (Coll Conesa 2009a, p. 20, fig. 18).

К простой группе (LVAS) относится днище чаши на кольцевом поддоне, украшенное исходящими из центра многочисленными радиальными линиями (рис. 128: 4). Скорее всего это фрагмент радиального орнамента геометрической декоративной серии (LVASG), датируемой XV в. (см. напр.: Coll Conesa 2009a, p. 18, fig. 13). Контекст находки — нивелировочная подсыпка третьего строительного периода во дворе № 2 замка Фуна — фиксирует её оседание в культурном слое не позже конца 1450-х гг., что определяет и верхнюю дату её бытования.

Сложная группа (LVAC) представлена тремя чашами типа 4.1A—C и блюдом типа 2.1B из раскопок Судака, Алушты и Фуны (рис. 128: 1—3, 5). Чаша из Судака украшена рисунком, практически в деталях воспроизводящим композицию с листьями чертополоха и полосами сетчатой штриховки (рис. 128: 3), которая известна в люстровом исполнении на сосудах второй половины XV в. упомянутой выше серии «hoja de cardo y retículas». Так что судакский экземпляр LVAC, вероят-

но, следует датировать этим же временем⁹⁰. Контекст находки — нижний слой нивелировочной подсыпки под полом строения, функционировавшего в раннеосманский период (последняя четверть XV—XVI вв.), не противоречит предложенной дате (Тесленко, Майко 2019b, с. 291—292).

Ещё две чаши из Алушты и Фуны (тип 4.1А и 4.1С), подобные по дизайну⁹¹ (рис. 128: 1, 2), находят близкие аналогии в бело-голубой валенсийской керамике с геометрическим декором — «*loza valenciana azul compleja con decoración geométrica*» (LVACG) или «*loza azul clásica*» (LAC), конца XIV — начала XV вв. (Carru 1995, p. 63, nos. 91; Coll Conesa 2009b, p. 78; Lerma et al. 1986, p. 190, 194, fig. 11: 2). Фунская чаша полностью восстановлена. Она полусферической формы, с вертикальным, слегка зауженным к краю венчиком, на низком, углублённом изнутри поддоне (рис. 128: 1). Морфология вполне типична для этой декоративной группы в период с середины XIV и примерно по конец первой четверти XV вв. (Lerma et al. 1986, p. 187, fig. 3: 3). Рисунок, покрывающий лицевую поверхность изделия, состоит из трёх концентрических орнаментальных зон. В центре помещена пальметта в обрамлении четырёх равных сегментов с вертикальной штриховкой, дополненной небольшим завитком (мотив «*paralelas y espirales*» — параллели и спирали). Следующую зону заполняет пояс из расположенных зигзагообразно пальметт. Под венчиком нанесена полоса сложного орнамента из дуг, завитков и прямых линий, известного как «*orla de peces*» — рыба окантовка. Исследователи испанской керамики отмечают, что мотив «*paralelas y espirales*» использовался непродолжительное время — преимущественно в первой половине XV в. (Gutiérrez 2000, p. 38, fig. 2: 20a; Ray 1999, p. 62—64). В то же время *orla de peces* встречается в разных вариациях с последней четверти XIV до конца XV в. и, как считается, являлся плодом подражания декору на китайском фарфоре династии Мин (1368—1644) (Gutiérrez 2000, p. 38, fig. 2: 20a; Coll Conesa 2009a, p. 19). Ряд из пальметт более характерен для классических экземпляров LVAC (Coll Conesa 2009a, fig. 1; 3). Все три элемента декора использовались как в продукции Патерны, так и Манизеса (Ray

1999, p. 62; Francovich, Gelichi 1981, tav. IV, 2—4; fig. 3; Coll Conesa 2009a). Наиболее близкие аналогии фунской чаше: из Манизеса (Валенсия, Испания), где датируются третьей четвертью XIV в. (García Pórras et al. 2012, 425, fig. 1; 4, 3); из Авиньона (юго-восток Франции), где найдены в комплексе 1410-х гг. (Carru 1995, p. 63, N 91); из провинции Тоскана (Италия), где атрибутированы как продукция Патерны и датированы XIV в. по аналогиям из Прованса (Francovich, Gelichi 1981, p. 301, tav. IV, 2—4; fig. 3). Экземпляры майолики с аналогичными орнаментальными мотивами, но в иных комбинациях, представлены в Национальном музее керамики и изобразительного искусства Гонсалеса Марти в Валенсии и Музее керамики Манизеса, Испания (Coll Conesa 2009a, fig. 1; 3; 14; 16; 2009b, fig. 146; 147). Таким образом, сочетание элементов декора на этой чаше в совокупности с её морфологическими особенностями и в соответствии с найденными аналогиями позволяют определить время её производства не позже первой четверти XV в. (1410—1420-х гг.?). Однако контекст находки чаши — заполнение выгребной ямы гарнизонного туалета третьего строительного периода крепости (1459—1475 гг.), указывает на время её археологизации не ранее третьей четверти XV в. (Тесленко 2021). Соответственно продолжительность использования сосуда может быть определена периодом не менее 35—50 лет. Это, в свою очередь, может свидетельствовать как об определённой ценности предмета для его обладателя, так и о существенном запаздывании товара, доставляемого в Крым.

К серии LVACG, вероятно, принадлежит и блюдо из Фуны (рис. 128: 5). Его декор также демонстрирует некую эклектику, объединяя элементы орнаментов, присущие различным декоративным стилям. Орнаментальный пояс, украшающий борт, представляет собой вариацию упомянутых выше мотивов «рыбьей окантовки» («*orla de peces*»). Четыре стилизованных пальмовых листа, заполняющие поле, больше походят на элементы, присущие группе Пула (см. напр.: Blake 1986, pl. 2: 11, 12; François 1999, p. 83—84, pl. 9: 186; Ray 1999, p. 50—52, nos. 107). То же самое можно отметить и на счёт центральной розетки, аналогии которой известны среди орнаментальных мотивов продукции Малаги и ранней валенсийской керамики (см. напр.: Blake 1986, p. 376, pl. 4: 20; 11: 2, 8; 14: 2; 18: 14; Blake et al. 1982, pl. 3). Подобное смешение стилей само по себе характерно для испано-мавританской керамики XV в. (Ray 1999,

⁹⁰ Копирование элементов лостровой росписи характерно для бело-голубой валенсийской майолики XV в. (Lerma et al. 1986, p. 194; Coll Conesa 2009b, p. 77, 92—93).

⁹¹ Ранее эти чаши и блюдо из Фуны (рис. 128: 5) были ошибочно причислены к изделиям с лостровой росписью (Тесленко 2004, с. 474—475, рис. 2: 2; 3; 4; 6; Teslenko 2009).

р. 58—60). Контекст находки блюда — слой пожара 1475 г. комплекса, сформировавшегося не ранее конца 1450-х гг. (Тесленко 2020а, с. 35) — определяет хронологическую позицию данного изделия в рамках третьей четверти XV в.

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том, что испанская майолика, как с росписью люстром, так и бело-голубая, стабильно поставлялась в Крым начиная примерно с середины — второй половины XIV в. до третьей четверти XV в. Основная масса находок относится к классическому стилю периода расцвета керамического производства в округе Валенсия и приходится на XV в., время, когда валенсийский люстр уверенно доминировал на международных рынках. В Крыму представлены практически все декоративные стили зрелой валенсийской керамики. Особый интерес представляют несколько поздних экземпляров с «нотным» декором из Судака. Несомненно, эти изделия оказались здесь уже после подчинения полуострова Османами в 1475 г. Вместе с тем, для раннеосманского периода отмечено также поступление в Крым итальянской майолики, входившей в моду с конца XV в. (Тесленко 2008; Гинькут 2019; Тесленко, Майко 2020а). Оба эти факта связаны, скорее всего, с коммерческой деятельностью итальянцев. Следовательно, есть основания полагать, что бывшие хозяева крымского побережья какое-то время после завоевания Крыма османами всё ещё имели доступ на местные рынки. Однако, как показывают недавние исследования, примерно к концу XVI в. их интерес к этому региону угас (Тесленко, Алядинова 2019).

5.4. КИТАЙСКИЙ СЕЛАДОН

Китайский импорт в комплексах Крыма XV в. представлен селадонем. Другие группы керамических изделий из Поднебесной среди археологических материалов здесь пока не отмечены.

Селадон («southern celadon», «Lung-ch'uan celadon», Longquan Ware др.) — вид фарфоровых изделий из светло-серой формовочной массы с поливой светло-зелёного цвета, похожего на зелёные оттенки нефрита. Появился в Китае в период Пяти династий (907—960 гг.) и изготавливался там вплоть до XVII в. Цвета глазури варьируют от почти белого и голубого до зелёного. Наиболее известные оттенки в диапазоне от бледно-зелёного до насыщенного тёмно-зелёного. В эпоху

династии Сун (960—1279 гг.) селадоны производились в нескольких районах на севере и юге Китая, а также в Корее (X—XV вв.) и материковой Юго-Восточной Азии (с XIII в.)⁹². Однако одними из лучших среди них признаны изделия мастерских Лунцюань (городской уезд округа Лишуй, провинция Чжэцзян в юго-восточной части Китая). К ним применимы названия «Люнцюань-яо» или «Лунцюань цинцэ». Последнее в переводе с китайского означает «Лунцюаньский зеленоватый фарфор». Именно Лунцюань-яо были наиболее распространены за пределами Поднебесной. Расцвет производства этих мастерских приходится на XIII—XVI вв. (Кверфельд 1947, с. 27; Коваль 2017с, с. 94—95).

Термин «селадон» происходит из Западной Европы, где к XVI в. китайские Люнцюань-яо становятся особо популярны. По одной из версий его возводят к имени героя популярного французского романа «Астрея» (1610 г., автор Оноре д'Юрфе) — пастуха Селадона, который украшал свою одежду светло-зелёными лентами (François 1999, p. 203). Как отмечает В. Ю. Коваль, в данном случае возможен и обратный вектор заимствования. Более вероятным, на его взгляд, выглядит происхождение этого термина от арабского «селдун», означающего «твёрдый». Однако «этимологического исследования этой версии не проводилось» (Коваль 2017с, с. 93).

В XIII—XV вв. селадон экспортировался в Восточную и Юго-Восточную Азию, Индию, Анатолию, на Ближний Восток и север Африки (François 1999, p. 29—30, fig. 34: 356—358, 360—364, 368; Avissar, Stern 2005, p. 78; Vroom 2005b, p. 19—21; Stern 2012, p. 91). Его широкому распространению во многом способствовало оживление левантийской торговли в эпоху крестовых походов и последующая активность венецианцев и генуэзцев в Черноморском бассейне.

В Восточную Европу эта группа китайского импорта проникает с приходом монголов и образованием Золотой Орды (Коваль 2010, с. 134—136, ил. 53—55; 2017b, с. 758—760; Radionova, Frenkel' 2018). На золотоордынских памятниках находки селадона известны повсеместно (Довженко 1961, с. 192; Кравченко 1986, с. 95; Тихомолова 1991; 2002, с. 243—247, рис. 3; 4; Фёдоров-Давыдов 1994, с. 220; Полубояринова 2003, с. 155—164; Гудименко 2005, с. 178—182; Масловский 2006b, с. 432—434; Обухов, Волков 2007, с. 20; Кравченко 2017, с. 540—542, рис. 1; 2), в том числе и в

⁹² Более детально об этом, а также о распространении селадона и его имитациях см. напр.: Коваль 2017с; Radionova, Frenkel' 2018, p. 61—69.

Крыму. 7 фрагментов чаш и блюд происходят из раскопок в Старом Крыму (средневековый Солхат) и его окрестностях, на поселениях Бокаташ II и Кринички (Сейдалиева 2020, с. 362—363, 369); 6 обломков найдены в слоях середины — второй половины XIV в. в Судакской крепости (Баранов 2004, с. 535, рис. 9: 5; Майко 2020а, с. 129, рис. 2: 7, 8).

В XV в., несмотря на распад государства монголов, импорт селадона на полуостров, видимо, не прекращается. Однако его доля в привозной керамике этого периода составляет менее 1 % (рис. 132). Наиболее представительная коллекция происходит из Мангупского городища. Её образует чуть более десятка мелких обломков из раскопок княжеского дворца, одна целая полусферическая чашка из слоя пожара 1475 г. на цитадели городища (рис. 129: 1) (Герцен, Науменко 2005, с. 263, рис. 19: 7; 2009, с. 412, рис. 9: 2; 2016b, с. 46) и один фрагмент сосуда из отвала Р. Х. Лепера на базилике (Тиханова 1953, с. 344). Кроме того, два обломка стенок сосуда открытой формы происходят из раскопок зольника раннеосманского времени в районе башни Орта-Куле Алуштинской крепости (рис. 129: 3; Мыц 2002, с. 154). Фрагменты венчика и днища блюд обнаружены в заполнении ямы на территории ханского дворца в Бахчисарае (рис. 129: 2; Коваль, Волошинов 2005, с. 457—458, рис. 2). Все предметы из светло-серой формовочной массы с толстым слоем нежно-зелёной глазури хорошего качества, изготовлены в технике отливки в форме. Видовой состав находок включает чашки и блюда. Чаши оформлены продольными канелюрами, имитирующими лепестки лотоса (рис. 129: 1, 3).

Период археологизации предметов из Алушты и Мангупа определяется условиями их находки. Это соответственно конец XV — XVI вв., а также вторая — третья и третья четверти XV в. Хронологическая позиция блюда из Бахчисарае предложена ориентировочно в рамках XV—XVI вв. (Коваль, Волошинов 2005, с. 459). Широкая датировка различных типов селадона не позволяет использовать их в качестве хроноиндикаторов для комплексов XV в., однако поставки их в Крым в этот период вполне реальны.

5.5. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАШИНА

Кашином называют поливные изделия, изготовленные из кремнезёмистых масс с добавлением глины (soft-paste wares, fritwares, quartz-frit ware, stonepaste, faience, kashi).

Слово «кашин» происходит от названия иранского города Кашана, славившегося соответствующей ремесленной продукцией. Благодаря письменным источникам и многочисленным лабораторным исследованиям хорошо известны рецепты приготовления формовочного сырья и глазурей этой керамики⁹³ (лит. см. напр.: Avissar, Stern 2005, p. 25; Коваль 2005b, с. 75—80; Кубанкин и др. 2018). Появившись за много веков до н. э. в Египте, силикатные массы, в качестве материала для поливной посуды и архитектурного декора, получают широкое распространение с XII в., когда их производство было налажено в Сирии и Иране (Porter, Watson 1987; François 1999, p. 23—24; Avissar, Stern 2005, p. 25). В XIII в. эта технология осваивается в Средней Азии, с XIV в. — в Золотой Орде (см. напр.: Булатов 1968, с. 108; Скоробогатова 1983; Федоров-Давыдов, Булатов 1989; Федоров-Давыдов 1994, с. 78—124; Коваль 2005b, с. 75; Кузнецова 2015, с. 171—177; Егоров, Пигарев 2017 и др.), с конца XV — начала XVI вв. начинает широко применяться на территории Турции (см. напр.: Atasoy, Raby 1989; Rogers 1983, p. 9, 95, 100, 113).

В Восточной Европе в XIV в. наибольшее распространение получили изделия золотоордынских мастерских Поволжья. Кроме центральных и западных территорий Улуг Улуса (Абызова 1981; Кравченко 1986, с. 93—94, рис. 36; Тихомолова 2002, с. 239—243; Масловский 2006а, с. 420—429; Козырь, Боровик 2017, с. 347—349), они встречаются на сопредельных русских землях и проникают вплоть до Балкан (Коваль 2010, с. 38, 40, 69—74, 91—101, ил. 9; 20—24; 32—37; Chakarov, Rabovyanov 2017, p. 328—331, fig. 2—4). Кашинная поливная посуда из Поволжья хорошо известна также в Крыму, где преобладает среди восточного импорта в отложениях XIV в. (Айбабина 1991а, с. 92—95; Баранов 2004, с. 534, рис. 7: 1; 26: 1; Майко 2020а, с. 128—129, рис. 1: 6, 8, 10, 13; Сейдалиева 2020, с. 361—362, 369, рис. 1—3). Считается, что военно-политические катаклизмы в Орде в конце XIV в.⁹⁴ приводят к разорению многих гончарных центров, в том числе производивших кашин. Посему, примерно с рубежа XIV—XV вв. прекращается его импорт (см. напр.: Булатов 1968; Федоров-Давыдов 1994).

⁹³ Хотя по мнению некоторых исследователей, незначительный процент глины в формовочной массе кашина «не позволяет в полной мере считать его керамикой» (Кубанкин и др. 2018, с. 93).

⁹⁴ Общий обзор работ по этой проблематике см. напр.: (Недашковский 2010).

Тем не менее, в комплексах Крыма XV в. находки золотоордынского кашина хоть и редко, но всё ещё встречаются. Динамику оседания изделий этой группы в слоях XV в. можно проследить на примере материалов раскопок крепости Фуна (1423—1475 гг.). Все найденные здесь сосуды открытой формы, с двухсторонним покрытием поливой, изготовлены в матрицах. По способу оформления поверхности они подразделяются на 2 отдела.

С бирюзовой поливой без дополнительного декора. Представлена четырьмя обломками не менее чем двух чашек (рис. 129: 16—18)⁹⁵. Черепок рыхлый, светло-серый (3) или розовый (1). Полива плотная, opakовая, хорошего качества. Бирюзовый цвет глазури достигался добавлением окисла меди (Коваль 2005b, с. 78). Два фрагмента найдены в слое пожара двора № 1, один происходит из нивелировочной подсыпки этого же двора, один — из заполнения ямы в гарнизонной казарме (рис. 11: помещение X).

С полихромной росписью на белом фоне, рельефной моделировкой поверхности и бесцветной поливой. Этот блок включает 22 обломка от 4—5 однотипных полусферических чашек с отогнутым наружу венчиком со скруглённым или слегка вытянутым краем (рис. 129: 4—9). Формовочная масса рыхлая, светло-серая или с лёгким розовым оттенком. В росписи использованы синяя, бирюзовая, чёрная краски. Среди элементов орнамента — стилизованные изображения лепестков лотоса снаружи чаш; ряды точек по краю венчика; пояс сетчатой штриховки вдоль венчика; стилизованные изображения ныряющих рыб, эпиграфический и сложный растительный орнаменты внутри сосудов. Обломки, в том числе от одной частично реконструируемой формы (рис. 129: 4), происходят из нивелировочных подсыпок дворов № 1—3 (17), слоя пожара во дворе № 1 (1), а также слоя пожара в донжоне (4 обломка от одной частично реконструированной чашки, рис. 129: 5). Таким образом очевидно, что большинство фрагментов золотоордынских кашинных сосудов из Фунской крепости осело в культурных слоях типа П.2 и П.3 во второй трети XV в. (до 1459 г.) при этом фрагменты чашки из донжона залежали *in situ* в слое пожара 1475 г. (тип П.1) и носили явные следы пребывания в огне.

Формовочная масса, способ оформления внешней поверхности, глазури, манера и мотивы декора изделий обоих блоков находят

⁹⁵ Три из них обнаружены в музейной коллекции, один — упомянут в отчётной документации (Тесленко 2020а, с. 35).

близкие аналогии среди продукции мастерских Улуг Улуса (см. напр.: Булатов 1968; Кравченко 1986, с. 93—94, рис. 36; Скоробогатова 1983, с. 93—100; Федоров-Давыдов 1994, с. 79—88; Айбабина 1991а, с. 92—95; Коваль 2005b; 2010, с. 90—101, ил. 32—37; Масловский 2006а, с. 420—429, рис. 47 и др.), что не позволяет усомниться в их соответствующей атрибуции.

Фрагменты аналогичных кашинных сосудов известны в комплексах третьей четверти XV в. и на Мангупе (рис. 129: 10—15; Герцен, Науменко 2016b, с. 44—45, рис. 17—23). Однако это преимущественно отдельные мелкие обломки, которые современные авторы исследований памятника склонны соотносить с золотоордынским периодом его истории (Науменко 2020, с. 237—238).

В то же время, на Фуне присутствуют две частично реконструируемые чашки, что значительно повышает вероятность их использования жителями замка. Нельзя полностью исключать возможность перемещения черепков из заполнения построек, предшествовавших возведению крепостных сооружений в процессе земляных работ. Однако при исследовании этих комплексов кашинная керамика обнаружена не была, а из поселения у крепости, существовавшего в XIV—XV вв., происходит всего один мелкий фрагмент подобного сосуда (Тесленко 2016b, с. 144, цвет. вст. 4: 8). Следовательно, в данном случае наиболее вероятно, что обе чашки были в составе используемой в замке столовой посуды. Наличие «антикварных» изделий в керамическом комплексе можно расценивать как один из признаков высокого социального статуса его владельцев, а также как своеобразный маркер одного из направлений их политических контактов. Особая значимость предметов на то время могла заключаться в том числе и в их раритетности. На период археологизации одной из чашек (из слоя подсыпки) было более полстолетия, второй (из слоя пожара 1475 г.) — не менее трёх четвертей века. Как хронологические индикаторы в данном контексте они не могут быть использованы.

Отдельный блок составляют изделия с *глазурью нежно-зелёного цвета или псевдоселадон* (Seladon Imitation). Они также известны среди материалов раскопок Фуны, Мангупа и Бахчисарая.

На Фуне найден один обломок верхней части небольшой чашки со слегка отогнутым наружу, скошенным вовнутрь венчиком, диаметр — около 9,0—9,5 см (рис. 129: 19). Формовочная масса плотная, светло-серая, с

лёгким розовым оттенком. Глазурь хорошего качества, с мелким, едва заметным цеком. Фрагмент происходит из нивелировочной подсыпки двора № 1 (отложения типа П.3), соответственно оказался в культурном слое не позднее 1459 г. (рис. 11).

Наиболее представительная коллекция находок собрана на Мангупе. Она насчитывает около 100 фрагментов и 5 реконструируемых сосудов открытой формы (Якобсон 1953, с. 394, 400, 414; Герцен, Науменко 2016b, с. 48—49, рис. 24—28; Найменко, Душенко 2017, с. 215; рис. 27: 9—15; 28: 2—8). Это глубокие, тонкостенные чаши с покатыми стенками, на невысоких кольцевых поддонах, из качественного довольно плотного сырья светло-серого либо розовато-серого цвета, подобного фунской находке (рис. 129: 20, 21). Корпус оформлен сглаженными продольными канелюрами. По особенностям конфигурации профиля выделяются два типа изделий: с прямым, расположенным в одной плоскости со стенками, венчиком (рис. 129: 21) и с плавно отогнутым наружу краем (рис. 129: 20). Диаметр венчиков — 17,0—19,0 см. Глазурь покрывает всю поверхность изделий, включая внутреннюю часть поддона. По замечанию исследователей столицы Феодоро, находки псевдоселадона здесь характерны «для комплексов третьей четверти XV в... или горизонтов, образование которых связано с событиями 1475 г.»⁹⁶ (Найменко, Душенко 2017, с. 215; рис. 27: 9—15; 28: 2—8).

Из уже упомянутой ямы на территории ханского дворца в Бахчисарае происходит одна крупная чаша (диаметр венчика — 43,0 см), форма которой наполовину восстановлена (Коваль, Волошинов 2005, с. 457—459, рис. 1). По технологическим и морфологическим признакам она отличается от фунской и мангупских находок. Чаша изготовлена из твёрдого белого кашина в форме сферического сегмента, оснащена низким кольцевым поддоном, покрыта с обеих сторон, включая днище, светло-зелёной полупрозрачной глазурью. Профиль венчика усложнён валикообразным выступом снаружи. Поверхность украшена прочерченным декором в виде растительного орнамента внутри и зигзага на внешней поверхности стенок. Центр изделия дополнен дисковидным неорнаментированным выступом (Коваль, Волошинов 2005, рис. 1). На внешней поверхности дна, также покрытой глазурью, отмечены отпечатки 5-ногой разделительной подставки, изготовленной из красной гли-

ны (Коваль, Волошинов 2005, с. 457—458). На сосудах из Мангупа следы подставок отсутствуют. То есть надо полагать, что при их обжиге использовался иной печной припас. Путём сравнительного анализа и логических умозаключений хронологическая позиция бахчисарайской чаши определена ориентировочно в рамках XV—XVI вв. (Коваль, Волошинов 2005, с. 459). Точные аналогии сосуду не найдены, археологический контекст не даёт оснований для детализации датировки, что в свою очередь не позволяет говорить о синхронности этого изделия с фунскими и мангупскими находками. Вполне вероятно, что чаша происходит из другого производственного центра⁹⁷ и могла поступить в Крым, например, в раннеосманское время.

Вопрос происхождения псевдоселадона из комплексов XV в. также пока не решён. Как известно, изготовление кашинных имитаций селадона, как и других видов продукции из силикатных масс, было развито в золотоордынских городах Поволжья в XIV в. и так же, как и другой поливной керамики, прекращается к концу этого столетия (см. напр.: Булатов 1968, с. 108—109; Федоров-Давыдов, Булатов 1989, с. 199; Коваль 2010, с. 40; Егоров, Пигарев 2017). Однако по ряду признаков (более качественное сырьё и глазурь, иная конфигурация профиля, сплошное покрытие глазурью внешней поверхности, включая внутреннюю часть поддона), фунская и мангупские находки не соответствуют продукции золотоордынских мастерских. Более того, они массово зафиксированы в комплексах середины — третьей четверти XV в., когда золотоордынское производство уже не существовало. В то же время, на территории Египта, Сирии и Ирана производство псевдоселадона непрерывно развивается на протяжении XIV—XV — XVIII вв. (Porter, Watson 1987, p. 199; Atasoy, Raby 1989, p. 125; François 1999, p. 29—30). Поэтому уместно будет предположить, что в генуэзско-феодоритский период на территорию Крыма он поступал из Ближнего Востока. С одной стороны, его поставки на Мангуп, как и Милетской посуды, могли осуществлять, например, османские купцы через порт Каламита. По крайней мере, в самой Анатолии находки ближневосточного псевдоселадона хорошо известны (Vroom 2005b, p. 21). С другой стороны, эта группа импорта как и киприотская керамика, о ко-

⁹⁷ По мнению авторов публикации, высокое качество кашина сближает «данное изделие... с продукцией Ирана, однако исключать египетское его происхождение также нельзя» (Коваль, Волошинов 2005, с. 459).

⁹⁶ Отложения типов П.2 и П.1.

торой речь пойдёт ниже, могла поставляться в Крым генуэзцами. В это время (по крайней мере до 1464, а то и до 1473 или даже 1489 гг., когда остров был выкуплен венецианцами у династии Лузиньянов, правившей здесь с 1192 г.) они имели значительное влияние на Кипре, признававшем с 1426/7 г. сюзеренитет Мамлюков (см. напр.: Близнюк 2007; Coureas 2016). Соответственно могли напрямую возить как кипрские, так и сиро-египетские товары в свои крымские фактории.

Таким образом очевидно, что кашинные изделия золотоордынских центров, прекративших существование в конце XIV в., продолжают использоваться на территории Крыма в первой половине — середине XV в., становясь в это время раритетной составляющей элитарных комплексов. Отдельные экземпляры, в частности красочные кашинные чашки, окончательно выходят из оборота только к концу третьей четверти этого столетия. В то же время, большинство псевдоселадона завезено, скорее всего, из Египта, Сирии или Ирана (?) около середины — третьей четверти XV в. Эта посуда пока маркирует преимущественно элитарные комплексы феодоритской знати. Для более точного определения происхождения и детализации её хронологической позиции необходимы дополнительные исследования.

5.6. КЕРАМИКА КИПРИОТСКОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА

В керамических комплексах Крыма XV в. встречаются изделия, происхождение которых определить с уверенностью пока не удалось, однако культурный ареал их происхождения более или менее ясен. К числу таковых относится группа сосудов открытой формы из раскопок Мангупа (рис. 130: 1, 2, 3, 8). Для них характерна непластичная песчаная формовочная масса с включением мелких крупиц рыхлого минерала красно-коричневого цвета, образующая после обжига рыхлый черепок, слабо окрашенный в розовато-бежевый или бежевый цвет на изломе и более насыщенный красновато-коричневый у внешней поверхности. В их составе выделяется два декоративных блока.

1. С подглазурной росписью белым ангобом (*Slip-Painted Ware*). В материалах Мангупа этот блок представлен пока одним видом изделий — чашками в форме перевёрнутого усечённого конуса с резким, выделенным небольшим ребром, переходом ко дну и низким кольцевым поддоном (рис. 130: 1, 2, 4; Мыц 1991а, рис. 44; Герцен, Науменко 2010, с. 408,

рис. 8: 3, 5; цв. фото 4—5; Науменко, Душенко 2017, с. 210, рис. 19: 1, 2). Венчик ориентирован вертикально, специально не выражен, край скруглён или слегка заужен. Роспись ангобом нанесена с внешней стороны корпуса в виде крупных точек, рядов чешуек с точками внутри, а также кругов и полтора-витковых спиралей, дополненных точками, подцвечена мазками зелёной краски. Внутренняя поверхность и край венчика сплошь покрыты белым ангобом без дополнительного декора. Полива светлая, зеленовато-жёлтая, нанесена с двух сторон изделия, за исключением поддона. Подобные сосуды периодически находят на участке дворца как в отложениях типа П.1—2 (Мыц 1991а, с. 100; Герцен, Науменко 2010, с. 408—412), так и типа П.4 (Науменко, Душенко 2017, с. 210).

2. С орнаментом в технике сграффито и резерважа с подцветкой зелёной и коричневой красками под слабо окрашенной в зеленовато-жёлтый цвет глазурью (*Polychrome Sgraffito and Shampleve Ware*). Этот блок представлен пока единственной чашей с прямым условно вертикальным бортом на высоком, расширенном книзу поддоне с усложнённым профилем (рис. 130: 8). Внутренняя поверхность украшена сложной пятилепестковой розеткой, выполненной в технике резерважа и сграффито. Внешняя поверхность борта оформлена зигзагом из парных линий, дополненным мелкими спиральями в каждом изгибе. Вся декоративная композиция подцвечена расплывчатыми пятнами зелёной и коричневой красок и покрыта прозрачной глазурью, слабо окрашенной в зеленовато-жёлтый цвет (Герцен, Науменко 2010, с. 408, рис. 8: 1, цв. фото 3).

На основании находки двух полных форм чаш первого блока и чаши второго блока в заполнении ямы 1458/1459—1475 гг. их хронологическая позиция определена в рамках третьей четверти XV в. (Герцен, Науменко 2010, с. 412).

Кроме Мангупа, аналогичные по форме и близкие по декору чашки с росписью белым ангобом известны среди материалов из раскопок крепости Чембало в Балаклаве (рис. 130: 5, 6) (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005, рис. 102: 26, п. 436). Кроме того, здесь также найдены блюда, лицевая поверхность которых украшена в подобной технике (рис. 130: 3, 7)⁹⁸

⁹⁸ Блюда двух морфологических типов: с широким, прямым, условно горизонтальным бортом, плавно переходящим к стенкам и скруглённым краем (рис. 130: 3); без специально профилированного борта, со слегка приподнятым кверху венчиком (рис. 130: 7).

(Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 72: 61; 2005, рис. 102: п. 437). Эти изделия происходят из перемещённых отложений (тип П.3), образовавшихся не ранее середины XV в. (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, с. 64; 2005, с. 45—46). Черепок сосудов охарактеризован авторами публикации как плотный, на изломе красновато-коричневого цвета. В тесте отмечены примеси дресвы и крупиц извести (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, с. 64; 2005, с. 45—46). Следовательно, по описанию их формовочная масса отличается от мангупских экземпляров. Не исключено, что чембальские находки происходят из иных, хотя и культурно родственных, мастерских⁹⁹.

Оба блока находят параллели в керамике византийско-киприотского круга. Близкие мотивы росписи белым ангобом в виде различных спиралей и кругов в сочетании с точками получают распространение в керамическом производстве на территории Греции и на Кипре в XI—XV вв. (Papanikola-Bakirtzi 1996, pl. II—V; Papanikola-Bakirtzi et al. 1999, p. 53—57; Vroom 2005a, p. 80—81, 124—125). Эта техника сохраняется в традиционной греческой керамике на протяжении поствизантийского и новоэллинистического периодов, доживая вплоть до настоящего времени (Vroom 2005a, p. 186—187, 190—191; Papanikola-Bakirtzi et al. 1999, p. 53). Конические чаши практически аналогичной мангупским находкам формы с подобной манерой и элементами росписи внешней поверхности известны среди киприотской керамики XIII в. (Böhlendorf-Arslan 2014, p. 80—81, fig. 2: 5). Морфологические особенности чаши второго блока, манера и элементы декора внешней поверхности её борта также весьма близки к киприотской керамике (см. напр.: Papanikola-Bakirtzi 1996, pl. XXX; L; XLIII; LXX). Однако конфигурация профиля поддона более характерна для продукции византийской столичной школы (см. напр.: Waksman 2012, fig. 2). Наиболее близкая аналогия чаше с полихромным сграффито обнаружена среди материалов раскопок, проводимых в районе Большого дворца Константинополя (Great Palace, Palatium Magnum) на месте бывшей тюрьмы Султанахмет в 2000 г. (Стамбул, Турция). Однако контекст находки и соответственно её хронологическая позиция, как и место производства, остались неясны (Sehrazat Denker et al. 2011, p. 65, n. 107). Не исключено, что в данном случае сосуд может

быть местного (константинопольского?) производства. По мнению В. Böhlendorf-Arslan, как расписанные ангобом изделия, так и чаша с полихромным сграффито вполне типичны для киприотской керамики, однако более раннего времени, что, в то же время, не исключает возможности их длительного (вплоть до XV в.) производства¹⁰⁰. Судя по контексту находок этих изделий в Крыму, их поступление на полуостров наиболее вероятно около середины или третьей четверти XV в. Возможно также, что они происходят из одной или нескольких близкородственных мастерских, находившихся под влиянием гончарного ремесла Кипра и центральных районов Византии и функционировавших, по крайней мере, в первой половине — середине (?) XV в.

В завершение отметим, что в комплексах XV в. Крыма встречаются иные разновидности продукции византийских столичных мастерских. Так в одной из ям на участке мангупского дворца, засыпанной между 1453 и 1462 гг.¹⁰¹ найдены крупные обломки днищ двух византийских сосудов семьи «Elaborate Incised Ware» (EIW) с монограммой «ПРДМ» — «Продром», греч. «Προδρόμου»¹⁰² (рис. 130: 8, 9; Науменко, Душенко 2017, с. 224—226, рис. 6: 2; 37: 1). В целом византийские EIW получают распространение на территории Крыма во второй половине XIV в. (историографию см. напр.: Тесленко 2018b, с. 459—460). В XV в. они, видимо, являлись уже своеобразным раритетом, как и кашинная керамика золотоордынских центров. Ценность отдельных экземпляров, в частности с монограммой имени Иоанна Крестителя, могла быть обусловлена особым почитанием Предтечи в среде местных христиан. Поэтому возможность использования или даже ввоза отдельных экземпляров таких изделий в Крым в первой половине XV в., например, из столицы Византии или мест паломничества¹⁰³, исключать нельзя, что собственно

¹⁰⁰ Благодарю Dr. habil. В. Böhlendorf-Arslan за консультацию.

¹⁰¹ Верхняя дата засыпи ямы определяется на основании комплекса керамики из её верхнего слоя, включающего изделия с монограммой «ТХ» и «Милетскую» посуду, появившуюся в Крыму около середины XV в., а также находки монеты первого правителя Крымского ханства Хаджи Гирея (1441—1466) 1453 г. выпуска и временем строительства перекрывающего её помещения Н — 1462 г. (Науменко, Душенко 2017, с. 224).

¹⁰² Эта монограмма означает полную каноническую формулу «Святой Иоанн Предтеча». Более детально о её трактовке см. напр. (Sengalevich 2016; Гинькут 2020, с. 231—233).

¹⁰³ Детальнее об этом см. (Гинькут 2020, с. 232—234).

⁹⁹ Более обоснованные выводы можно будет предложить после сравнения мангупских и чембальских находок в натуре, чего автору монографии осуществить не довелось.

подтверждается наблюдениями авторов раскопок Мангупа (Науменко, Душенко 2017, с. 225). К тому же, изготовление чаш с монограммой «ПРДМ» в одной из мастерских Константинополя доказано археометрическими исследованиями (Teslenko, Waksman, Ginkut *forthcoming*). В то же время точная дата прекращения производства группы EIW в Константинополе пока не ясна. Не исключено, что оно могли продолжаться до османского завоевания 1453 г., но в более скромных, по сравнению с XIV в., масштабах.

Таким образом, завершая характеристику импортной поливной посуды из археологических комплексов Крыма XV в. можно выделить основные тенденции в коммерческих операциях с керамикой, а также обозначить определяющие направлений ввоза гончарной продукции (рис. 146).

Изменения в импорте гончарных изделий в XV в. связаны в первую очередь с частичной сменой поставщиков. С рубежа XIV—XV вв. прекращается ввоз керамики золотоордынских центров, которые перестают существовать. Отдельные экземпляры парадной посуды с Поволжья задерживаются в элитарных комплексах вплоть до второй половины XV в., однако это уже раритеты, в какой-то мере отражающие культурные и эстетические предпочтения их хозяев. В то же время китайский селадон, хоть и в меньшем количестве, но всё же продолжает поступать в Крым, несмотря на изменение торговых маршрутов, вызванное катаклизмами в Орде. Его в разы превосходят ближневосточные имитации (Иран, Сирия, Египет?), которые наверняка были более привлекательными по цене и логистике доставки, но не слишком отличались по внешнему виду в глазах неискущённого потребителя.

К началу XV в. в основном завершается ввоз византийской керамики, хотя незначительное число изделий, судя по материалам раскопок Мангупа, могло ещё поступать в первой половине этого столетия. Вместо того, примерно с середины XV в. начинаются коммерческие поставки посуды османских центров, производимой преимущественно в той же местности, что и византийская, но уже в другой этнокультурной среде. Около середины — третьей четверти XV в. в Крыму появля-

ются изделия киприотского культурного круга, чьё точное происхождение ещё предстоит выяснить. Испанский импорт стабильно поступает в Крым со второй половины — последней четверти XIV и до конца третьей четверти XV вв., а также несколько позднее. Однако после османского завоевания полуострова это явление, судя по находкам в Судаке, было уже скорее единичным, чем массовым.

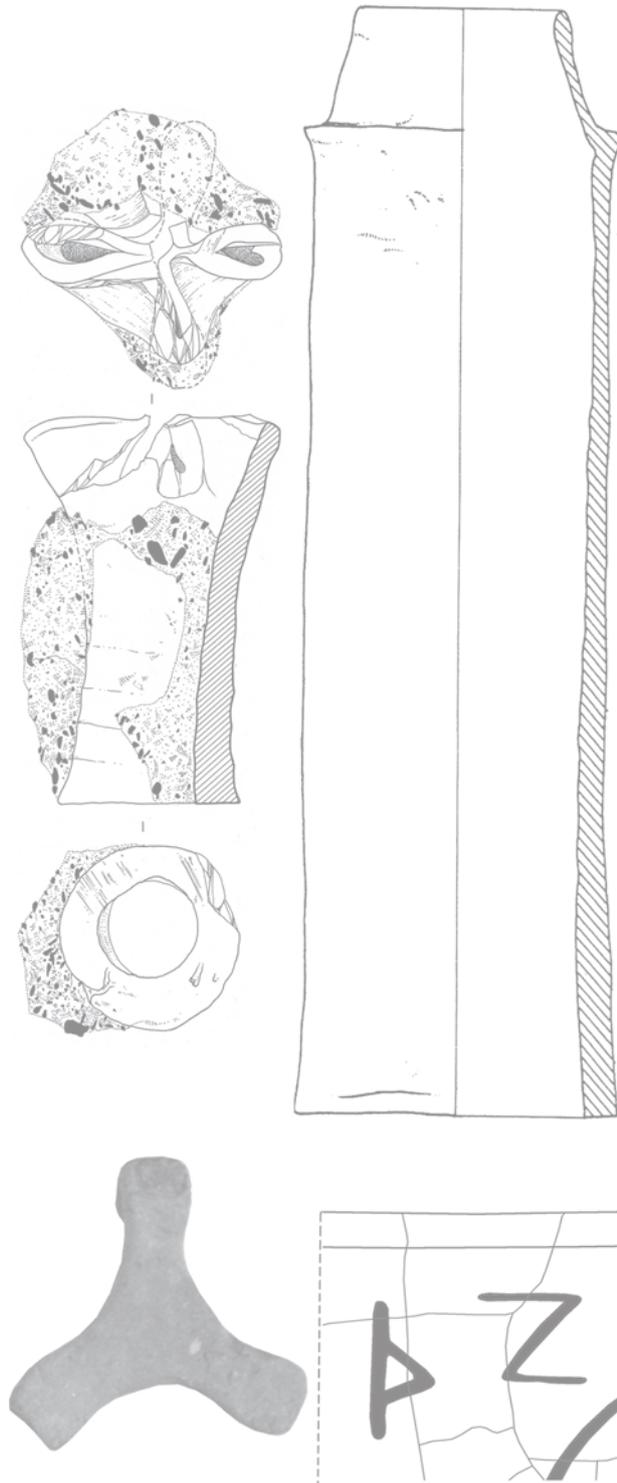
Главенствующая роль в транссредиземноморских и черноморских перевозках принадлежит в этот период генуэзцам¹⁰⁴. С третьей четверти XV в. более заметной становится, вероятно, коммерческая активность османских купцов.

Что касается хронологических особенностей керамического импорта, наблюдения, в общих чертах, следующие. Турецкая поливная посуда группы Miletus Ware выступает надёжным хронологическим индикатором, маркирующим комплексы середины — второй половины XV в. Перспективными в этом плане могут быть ближневосточный псевдоселадон и серия с росписью белым ангобом киприотского круга. Однако их хронологическая атрибуция требует дополнительного изучения. Испанская бело-голубая и люстровая керамика благодаря хорошо разработанной периодизации стилей декора также может быть использована для детальных датировок в пределах одной — двух четвертей столетия периода с конца XIV, рубежа XIV—XV вв. и до рубежа XV—XVI вв. Остальные группы привозной посуды не могут пока привлекаться для уточнения хронологии археологических комплексов.

¹⁰⁴ В этой связи любопытно отметить, что собственно итальянская керамика в комплексах первой — третьей четверти XV в. пока не встречена. Отдельные мелкие фрагменты изделий, датированных преимущественно концом XIII—XIV вв., найдены лишь в перемещённых отложениях с материалом XIV—XV вв. на крепости Чембало (Гинькут 2019, с. 174—175), что не позволяет с уверенностью определить период их поступления и использования в Крыму. Скорее всего, изделия итальянских мастерских не представляли для генуэзцев коммерческого интереса ни в XIV, ни в XV вв. и находились здесь преимущественно в качестве личного имущества «итальянских колонистов и их потомков» (Гинькут 2019, с. 184). В османский период ситуация изменяется. Детальнее об этом см. (Тесленко 2008; Тесленко, Алядинова 2019; Тесленко, Майко 2020а).

ГЛАВА 6

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ, АРХИТЕКТУРНАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА

В археологических комплексах Крыма XV в. осветительные приборы, различные категории архитектурной и специальной технологической керамики встречаются значительно реже, чем тара и посуда. Количество посвящённых им публикаций и упоминаний в отчётной документации также невелико. Однако без систематизации даже незначительного количества этого материала представление о бытовой культуре населения Крыма XV в. будет неполным.

6.1. ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ

Осветительные приборы рассматриваемого периода представлены масляными светильниками и подсвечниками двух групп — ЮЗК и ЮВК.

Группа ЮЗК объединяет изделия трёх видов: светильники-свечники, масляные светильники и подвесные светильники (рис. 131).

Светильник-свечник обнаружен пока в единственном экземпляре (рис. 131: 1). Он состоит из площадки-подставки (воскосборника) со специально смоделированным сливом в виде прогиба венчика, цилиндрического держателя свечи, установленного в центре площадки и ручки, прикреплённой под углом 90° по отношению к линии слива (рис. 9: 5). Диаметр площадки — около 16 см, высота — 4,6 см, диаметр держателя свечи — 6,8 см. Расположение верхнего крепления ручки неясно. Вероятно, площадка-воскосборник могла выполнять также функцию масляного светильника. Смоделированный слив удобен для укладки фитиля. Таким образом, осветительный прибор мог использоваться как для свечей, так и для масла. Конструкция светильника-свечника отличается от основной массы осветительных приборов, распространённых на территории Таврики в рассматриваемый период (см. напр.: Айбабина, Бочаров 1998, с. 195—208). Принцип его устройства близок ранневизантийским светильникам-свечникам, найденным в Херсонесе (Сорочан 1999, с. 106—107, рис. 1), а также находит аналогии среди керамических ламп золотоордынского времени из Укека (Масловский 2019b, рис. 6: 18).

Масляные светильники. Представляют собой небольшие плоскодонные площадки с отчётливо выраженным плечиком и плавно отогнутым наружу, скруглённым или уплотнённым венчиком, оформленным небольшим сливом. Могли быть дополнены одной ручкой (рис. 131: 7, 8, 9). Подобные масляные лампы хорошо известны на древнерусских памятниках (Сергеева 1995, с. 79—80), в Сар-

келе (Плетнева 1959, с. 218, рис. 7; 8), а также среди керамической продукции золотоордынского Азака (Масловский 2006а, с. 331, рис. 352: 4, 5).

Подвесные светильники. К этому виду изделий отнесены плоскодонные низкие сосуды с прямыми, вертикальными или слегка отклонёнными наружу стенками и ручками-ушками (рис. 131: 2—6). Венчик сосудов не выражен, край скруглён. Днище без специальной профилировки. Ручки (от 2 до 4 штук) представляют собой полукруглые уплощённые налепы со сквозным отверстием, проделанным по сырой глине круглым в сечении стержнем. По способу крепления ручек выделено два типа изделий.

Тип 1. *С вертикальными ручками* (рис. 131: 2, 4, 5).

Тип 2. *С горизонтальными ручками* (рис. 131: 3, 6).

Украшалась внешняя поверхность борта и днище сосудов с использованием трёх технических приёмов: черчение заострённым стержнем в виде горизонтальных линий и волны (рис. 131: 5); насечка по окружности сосуда в месте перехода днища к стенкам (рис. 131: 6); роспись белым ангобом в виде наклонных в одну сторону или пересекающихся линий (рис. 131: 2, 4).

Декорирование внешней поверхности стенок и дна сосудов указывает на то, что именно эти их части были открыты для обозрения, вероятно они подвешивались не ниже уровня глаз. Возможно, эти изделия использовались для установки в них осветительных приборов (например, масляных светильников). Не исключено, что они подвешивались перед домашним алтарём. находки подвесных светильников кроме городища в Алуште происходят из раскопок храма с могильником на южной окраине с. Малый Маяк (рис. 131: 6). Также автору приходилось видеть подобный сосуд в фондах музея Судакская крепость. Аналогии изделиям за пределами Крыма отыскать пока не удалось.

Группа ЮВК более массовая. По морфологическим признакам выделяется два вида осветительных приборов — масляные светильники и подсвечники. Все они изготовлены на гончарном круге. Характеристики сырья и обожжённого черепка такие же, как и для других разрядов этой группы. Для покрытия использована зелёная, реже жёлтая полива.

Наиболее полно опубликованы коллекции таких артефактов из раскопок Каффы / Феодосии, а также Керчи и её окрестностей. Каталог изделий из комплексов XV—XVII вв. Каффы составлен Е. А. Айбабиной и С. Г. Бо-

чаровым (1998, с. 199—206, рис. 2: 3; 3; 4; 5). Коллекция из собрания Керченского историко-культурного заповедника, в составе которой 6 светильников-плошек XV в., опубликована Е. Д. Артёменко и А. Л. Жёлтиковой (2014, с. 147—148, 154—156, рис. 1).

Масляные светильники представлены двумя типами изделий.

Тип 1. *Изделия в виде полусферических или полуэллипсоидных чашек с плоским дном и специальной пальцевой деформацией венчика* для установки фитиля (рис. 132: 1—4). Глазурь покрывает внутреннюю поверхность изделий. Дополнительный декор отсутствует.

Светильники подобной формы с незначительными вариациями (например, с одной ручкой) распространяются в Причерноморско-Средиземноморском регионе с XIII—XV вв. Кроме Крыма находки их известны в Белгороде-Днестровском и Азове, где они представлены как изделиями местных мастеровских, так и импортной продукцией группы ЮВК (Кравченко 1986, с. 77, рис. 30: 3; Волков 1992а, табл. 2: 12; Белинский, Масловский 1998, с. 210, рис. 15: 8—11; 2005, рис. 4: 5; Масловский 2019b, с. 222, рис. 12: 4), а также в Малой Азии и на Ближнем Востоке (Avizar, Shtern 2005, p. 128, fig. 53: 5; Acara Eser, Erciyas 2019, p. 149), на Балканах (Георгиева 1974, с. 46, обр. 33), Пиренейском и Апеннинском полуостровах (Arcifa, Lesnes 1997, fig. 2: 27; Gomez Martinez 1997, fig. 9: 70; Sogliani 1997, p. 171) и других регионах Западной Европы (Vallauri, Leenhardt 1997, p. 482, fig. 6). Какие либо существенные различия между изделиями из комплексов XIV и XV вв. выявить пока не удалось, из-за чего разработка детальной хронологии светильников этого типа пока затруднительна.

Тип 2. *Светильники-плошки без пальцевой деформации венчика.* Это сосуды небольших размеров (максимальный диаметр не более 8,5 см) с низкими стенками, широким устьем и плоским дном. Остатки копоти на краю ёмкостей позволяют с высокой вероятностью предположить использование этих плошек в качестве масляных светильников. В археологических комплексах XV в. они встречаются редко, известны в двух вариантах (рис. 132: 5—7).

2А — с близким к биконическому туловом и плавно отогнутым наружу уплощённым венчиком (рис. 132: 5, 6). По форме подобны неполивающим плошкам группы ЮЗК. находки происходят из слоя пожара во дворе 1 крепости Фуна и заполнения помещения XV в. (№ 3) на восточном склоне Карантинного

холма в Феодосии (Айбабина, Бочаров 1997а, с. 16—18, рис. 11: 4).

2В — с вертикальными стенками и слегка отогнутым наружу скруглённым венчиком (рис. 132: 7). Обнаружен при исследовании хозяйственной площадки у помещения XV в. (№ 3) на восточном склоне Карантинного холма в Феодосии (Айбабина, Бочаров 1997а, с. 16—18, рис. 10: 10). Аналогичный светильник хранится в коллекции Керченского историко-культурного заповедника, контекст находки не ясен (Артёменко, Жёлтикова 2014, с. 154—155, рис. 1: 6).

Подсвечники представлены изделиями одного типа с незначительными вариациями. Основные конструктивные элементы — высокая коническая пустотелая ножка, дисковидный воскосборник в центральной части изделия и держатель свечи (рис. 9: 3, 4; 133). Глазурь покрывает внешнюю поверхность подсвечника и внутреннюю сторону ёмкости для свечи. Внешняя поверхность держателя оформлена горизонтальным рифлением. Высота изделий — до 12 см.

В рассматриваемый период подсвечники за пределами генуэзской колонии встречаются гораздо реже светильников и круг аналогий их значительно уже (Айбабина, Бочаров 1998, с. 203). Вероятно, для освещения в быту жителей Крыма и населения Причерноморско-Средиземноморского региона в целом, свечи использовались реже, чем масло или же для их установки применяли иные приспособления. Е. А. Айбабина и С. Г. Бочаров выделяют три морфологических особенности подсвечников, имеющие хронологическое значение: оформление внешней поверхности держателя свечи рифлением; диаметр чашечки держателя от 1,4 до 1,8 см; дисковидный воскосборник с подтреугольным в сечении краем (Айбабина, Бочаров 1998, с. 203). Однако эти предположения требуют дополнительных материалов для их проверки.

6.2. АРХИТЕКТУРНАЯ КЕРАМИКА

Сведения об архитектурной керамике Крыма XV в. немногочисленны. На сегодняшний день в составе этого раздела выделяется три категории изделий: функциональная (черепица, голосники), декоративно-функциональная (плинфа, изразцы) и декоративная (керамические элементы архитектурного декора).

Черепица. Больше всего сведений о позднесредневековой черепице происходит с Мангупского городища и его окрестностей.

Авторы исследований памятника отмечают, что доминирующим видом керамических кровельных материалов в слоях и комплексах XIV — третьей четверти XV вв. является красноглиняная ангобированная черепица. Это керамиды и калиптеры, сформованные из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц и покрытые «светлым ангобом» (Герцен, Науменко 2010, с. 401; Науменко, Душенко 2017, с. 206). По данным из раскопок цитадели и дворцового комплекса Мангупа, любезно предоставленным В. Е. Науменко¹⁰⁵, удалось уточнить количественные, морфологические и параметрические характеристики изделий (рис. 134; 135). Как отмечает исследователь, в составе кровельных материалов абсолютно преобладают керамиды. Они преимущественно прямоугольной формы с хорошо выраженным коленчатым изгибом (рис. 134: 3—9), реже без него (рис. 134: 1, 2). В большинстве случаев лицевая поверхность изделий оформлена водосливными валиками. Средние размеры керамид — 40,0—42,0 × 35,0—37,0 см. Боковой бортик высокий (4,0—4,5 см), чаще всего трапецевидной формы. Верхний бортик низкий (до 1,0 см), подпрямоугольный. Водосливные валики возвышаются над полом на 0,2—0,5 см. Т. е. очевидно, что форма этих изделий близка кровельным материалам предшествующего периода. Некоторые экземпляры дополнены рельефными метками преимущественно в виде греческих литер (рис. 134: 1, 4, 6; 135: 2)¹⁰⁶. Изредка встречаются зооморфные и антропоморфные (рис. 134: 2) изображения. Калиптеры количественно уступают керамидам, составляя не более 5—10 % от общего числа находок строительной керамики. Полдесятка полностью и частично реконструированных экземпляров происходят из «черепичного завала» к востоку от помещения «В» в центральной части дворца (рис. 135: 1, 3—7). По мнению В. Е. Науменко комплекс находок может быть датирован временем около 1475 г. Состав формовочной массы и ангобное покрытие калиптеров аналогичны керамидам. Изделия равномерной ширины, прямоугольные в плане, с небольшим уступом у одного из торцов, в сечении образуют невысокую дугу. Размеры полной формы — около 48,0 × 26,0 см.

А. Г. Герцен и В. Е. Науменко указывают, что подобная черепица абсолютно преобла-

¹⁰⁵ Благодарю Валерия Евгеньевича за эти ценные сведения и разрешение на их публикацию.

¹⁰⁶ На керамидах дворцового комплекса наиболее часто фиксируется литера «Ф» (Науменко, Душенко 2017, с. 219, рис. 30: 4, 5).

дает среди кровельных материалов городища XIV — третьей четверти XV вв., встречаясь в изобилии при раскопках светских и церковных построек¹⁰⁷, и может составлять до 97 % керамических находок в слоях разрушения XV в. (Герцен и др. 2006, с. 380; Герцен, Науменко 2009, с. 394; Герцен, Науменко 2010, с. 401; Науменко, Душенко 2017, с. 215, табл. 5). Следовательно, вероятность её использования в кровле зданий «феодоритского» времени на Мангупе очень высока. Между тем, на других синхронных памятниках Крыма, в том числе в приграничном замке мангупских князей на Фуне, подобное изобилие керамических кровельных материалов в слоях XV в. не отмечено.

Не так давно в окрестностях Мангупа, на склонах г. Илька, были выявлены крупные гончарные мастерские (Илька 1—3), одна из которых функционировала, по мнению исследователей, с VIII—X до XV вв. Среди продукции мастерской преобладала черепица (см. напр.: Моисеев 2012, с. 46—48; Смекалова и др. 2020). Причём в XIII в. ею, по видимому, снабжались и соседние населённые пункты, например, городище на плато Эски-Кермен (Завадская 2017; Завадская, Кулькова, Смекалова 2020). Однако в XV в. это производство, вероятно, было ориентировано большей частью на обеспечение потребностей столицы княжества Феодоро, динамично застраиваемой во второй — третьей четверти этого столетия. В то же время, несмотря на большое количество кровельных материалов на Мангупе в слоях и комплексах XV в., к настоящему времени их полноценный анализ не предпринимался. Посему типолого-хронологическая классификация черепицы XIV—XV вв. представляется одним из перспективных направлений будущих исследований.

Голосники. Сведения об этих керамических конструктивных элементах в строениях XV в. весьма скудны. Чуть ли не единственное упоминание голосников этого времени содержится в отчёте В. Л. Мыца о раскопках надвратной церкви Фунской крепости в 1980 г. Описывая слой разрушения здания исследователь отмечает: «У апсиды храма, в слое завала, найдены обломки двух коричневоглиняных горшков-голосников» (Мыц 1980, с. 7). В Приложении 1 к отчёту эти находки описаны под № 2 и 3 как «горшка-голосника коричневоглиняного обломки стенок, венчика и дна», соответственно 3 и 33 фрагмента (Мыц 1980, с. 21). Сами голосники не были

¹⁰⁷ В частности, крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупского плато (Якобсон 1953, с. 401, рис. 14: а; Мыц 1990, с. 229, рис. 5: 13—19).

переданы в музейный фонд и по этой причине не могут быть изучены более детально. Также отсутствуют какие-либо их изображения. Т. е. на сегодняшний день приходится констатировать лишь их возможное использование в позднесредневековой культовой архитектуре Крыма, однако технологическая и морфологическая характеристика, хронология и происхождение этих сосудов остаются пока неясны.

Плинфа. Пожалуй единственным на сегодняшний день специальным исследованием этого разряда архитектурной керамики является работа Д. А. Моисеева, посвящённая анализу плинфы из раскопок Мангупского городища (Моисеев 2013). Наиболее представительная коллекция керамических плиток происходит из раскопок княжеского дворца (рис. 136). Здесь в ходе работ 2009 г. в слоях, связанных со строительством, функционированием и разрушением дворца, было найдено 317 фрагментов плинфы, в том числе 30 целых и реконструируемых форм (Моисеев 2013, с. 185, рис. 4: 5—31). Исследователь объединяет все изделия в одну подгруппу группы 1. Ей присущ плотный, песчанистый черепок красного цвета, иногда с неплотным покрытием светлым ангобом, а также «примеси извести, шамота, железистых частиц, мелкого кварцевого песка» в формовочной массе. По наблюдениям Д. А. Моисеева, этот материал также однороден морфологически, что позволило отнести его к одному (третьему) типу плинфы Мангупского городища (Моисеев 2013, с. 185—186). Это квадратные либо прямоугольные плитки (11,4—13,6 × 11,5—12,5 × 2,6—3,7 см), которые изготавливались в матрице без дна. Технологический процесс включал следующие этапы: «После формовки заготовка делилась минимум на 9 прямоугольных или квадратных частей. Разделение заготовки производилось с помощью надпила, который, в основном, делался на глубину не более 2,3 см, после чего заготовка ломалась на необходимое количество плинф. Край получался “рваным”, неровным. Размер матрицы был не менее 1,33 × 1,33 византийского фута¹⁰⁸» (Моисеев 2013, с. 187). Хронологическая позиция плинфы определяется временем строительства и функционирования дворцового комплекса — 1425—1475 гг. (Моисеев 2013, с. 186).

Информация о плинфе из синхронных памятников содержится также в работах В. Л. Мыца и В. П. Кирилко. Так В. Л. Мыц в своём отчёте о раскопках укрепления Фуна

¹⁰⁸ 1 фут — около 320 мм (Hornblower, Spawforth, Eidinow 2012, p. 917).

в 1981 г. упоминает о находках в слое разрушения надвратной церкви восьми целых экземпляров плитки (размер 25,0 × 19,0 × 3,0 см) (Мыц 1981, с. 7). Однако ни рисунков, ни детального описания находок в отчёте не приводит. Судьба самих предметов в настоящее время неизвестна.

В публикации материалов из раскопок укрепления Чобан-Куле 1992—1993 гг. В. П. Кирилко и В. Л. Мыц в слое разрушения донжона отмечают «многочисленные фрагменты» и «обломки одной почти целой» плитки, использование которой авторы связывают с завершением строительства донжона (Кирилко, Мыц 2004, с. 212). Здесь же приводится детальное описание изделий: «Плитка прямоугольная, с неровно заглаженной поверхностью граней. Её размеры — 23,5 × 16,5 × 2,5—3,0 см. Толщина остальных изделий... колеблется в пределах 2,3—3,6 см. Черепок на изломе плотный, красного цвета. Отдельные экземпляры внутри пережжены до серого и чёрного цветов... тесто содержит известковую крошку и дресву» (Кирилко, Мыц 2004, с. 212). Рисунки и фотографии плитки в публикации отсутствуют. Авторы статьи приводят сведения об аналогичной плитке, использовавшейся при возведении стрельчатого купола верхнего этажа Чоргунской башни и сводчатого перекрытия «целого ряда цистерн крепости Чембало», обустройство которых связывают со строительной деятельностью гунуэзцев во второй половине XV в. (Кирилко, Мыц 2004, с. 212). Несколько обломков красноглиняной плитки и черепицы найдены также при обследовании руин храма, возведённого не ранее XIV—XV вв. в урочище Ай-Андрей в Южной части Горного Крыма на одном из восточных отрогов г. Демерджи (Лысенко, Тесленко 2018, с. 316, рис. 16: 1—4, 6—11, цв. вст. 2: 1—3, 6). Наиболее вероятно, что эти артефакты синхронны сооружению храма. Однако их более точная датировка пока затруднительна.

Таким образом очевидно, что в XV в. плитка использовалась при строительстве монументальных сооружений как феодоритами, так и гунуэзцами. Более детальная характеристика этого разряда архитектурной керамики, как и локализация места её производства остаются всё ещё актуальными.

Изразцы. Изразцы — разновидность архитектурно-декоративной керамики, использующейся изначально для увеличения теплоотдачи отопительных сооружений. На памятниках Крыма XV в. встречаются крайне редко. К такого рода находкам относятся обломки пяти изразцов из слоя пожара

1475 г. внутри донжона крепости Фуна (Кирилко 2005а, с. 218). Форма одного из них полностью реконструирована (рис. 137). Все изразцы одинаковые — горшкособразные, открытого типа, без лицевых пластин, не декорированные, изготовлены на этапе РФК-7. На днище фиксируются следы срезания нитью. Глина с большим количеством песка. Черепок неравномерного окраса — от красно-коричневого до тёмно-коричневого цветов, местами пережжён до серого, возможно, из-за вторичного пребывания в огне. По основным технологическим характеристикам могут быть отнесены к группе ЮЗК. Форма корпуса усечённоконическая, дно плоское, устье квадратное, смоделировано при помощи шаблона. Край утолщён, горизонтально срезан, с небольшим выступом вовнутрь. Высота изделия — 18,0 см, размер устья — 14,6 × 14,6 см, диаметр дна — 8,4 см (Кирилко 2005а, с. 218). В. П. Кирилко проводит экскурс в историю изразцов, отмечая, что в материальной культуре Европы они известны ещё с римского времени. В средневековье возрождение традиции их производства относят к XII—XIII вв. и связывают с немецкими гончарами (Левко 1981, с. 9; Виноградская 1998, с. 265; Кушнеревич 2003, с. 139). Вплоть до XVIII в. изразцы разных типов довольно широко использовались в быту жителей центральноевропейских государств, существовавших на территориях нынешних Австрии, Германии, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Молдовы, Латвии, Эстонии, Литвы, Беларуси, России, Украины (Смирнов 1956, с. 75—87; Левко 1981, с. 5—16; Виноградская 1998, с. 265—272; Кушнеревич 2003, с. 138—149). Горшковидные изразцы с квадратным устьем, подобные обнаруженным на Фуне, были распространены в центрально- и восточноевропейских землях в конце XIV—XV вв. (Виноградская 1998, с. 266; Кушнеревич 2003, с. 141). Происхождение фунских находок точно не выяснено. По визуально определяемому составу формовочной массы и цвету обожжённого черепка они близки изделиям местной группы ЮЗК (Тесленко 2014). Идеи изготовления таких изразцов либо же и они сами могли быть заимствованы из Молдавского государства, поддерживавшего тесные контакты с Мангупским княжеством. Там в это время горшковидные изразцы были в широком употреблении (Смирнов 1956, с. 77—80).

В описях к отчётной документации о раскопках крепости Фуна в 1990 и 1991 гг. упоминаются также 3 фрагмента красноглиняных поливных изразцов из слоя пожара

1475 г. и выравнивающей подсыпки дворов № 1 и 3. Один из них с прочерченным орнаментом (Мыц, Кирилко 1990, с. 38; 1991, с. 39; Тесленко 2020а, с. 35, 37). Сами предметы в фондовых коллекциях обнаружить не удалось, соответственно детальная характеристика их невозможна.

Керамические элементы архитектурного декора. Эта категория декоративной керамики представлена двумя видами изделий, которые встречаются довольно редко. Один из них — трубки с четырехлепестковыми розетками на конце, которые использовались для украшения фасадов храмов (рис. 138). На Южном берегу Крыма они отмечены в двух церковных зданиях, возведённых в XIV в. на поляне Ай-Констант (северо-восточный склон г. Аю-Даг, пгт Партенит) и на Алуштинском могильнике (восточный склон Крепостной горки, г. Алушта; Лысенко, Тесленко 2002, с. 71—73, 79—80, рис. 1: 26; 2; 6; Кирилко 2020, с. 71—72). Скорее всего, керамические розетки украшали постройки до их капитального ремонта, который предположительно мог произойти в конце первой четверти XV в. (Лысенко, Тесленко 2002, с. 70; Кирилко 2020, с. 71). Изделия относятся к одной технологической группе и обладают сходными морфологическими признаками. Они изготовлены на гончарном круге из песчанистой формовочной массы с включением дресвы рыхлого минерала красно-коричневого цвета и крупиц извести. На внутренней поверхности хорошо заметны следы ротации. Подобные изделия, но другой технологической группы и несколько иной конфигурации, характерны для церковных построек Херсонеса, Болгарии и северо-востока Малой Азии, где появляются, возможно, несколько ранее (лит. см.: Лысенко, Тесленко 2002, с. 71; Яшавева и др. 2011, с. 335, 622—623, № 401—403; Acara Eser, Erciyas, 2019, fig. 3).

Ко второму виду, с некоторой долей условности, могут быть отнесены упомянутые в предыдущей главе (5.1) поливные тарелки на высоких монолитных биконических ножках группы ЮВК типа 11.1 (рис. 92). Однако, как уже было отмечено, их находки *in situ* в кладках зданий не зафиксированы.

6.3. СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА

Данные по специально-технологической керамике из археологических комплексов Крыма XV в. также немногочисленны. Удалось собрать некоторые сведения по эле-

ментам инженерных коммуникаций (водопроводные трубы) и отопительных систем (дымоходы), а также технологическим элементам производственных систем, таким как печной припас¹⁰⁹.

Водопроводные трубы. К настоящему времени системы керамических водопроводов XIV—XV вв. зафиксированы на территории Каффы, Чембало (Бочаров 2000, с. 17—19; Адаксина и др. 2005, с. 19, 21) и Солдайи (Майко, Джанов 2015, с. 195—196), а также в Солхате / Старом Крыму (Крамаровский 2016b, с. 107—114). Более того, из письменных источников известно, что в Солдае и Каффе были учреждены должности смотрителей за водопроводами (Столяренко 2010, с. 91).

Система водоснабжения Каффы детально описана (Бочаров 2000, с. 17—19). Водопроводы разделены на магистральные, подводившие основную массу воды к городской черте и водопроводные сети, распределявшие воду в городских кварталах. С. Г. Бочаров определяет трассы четырнадцати магистральных водопроводов, самый длинный из которых составлял ок. 3450 м, а самый короткий — около 610 м. Магистральные водопроводы, по наблюдениям исследователя, выкладывались из керамических труб трёх основных размеров (Бочаров 2000, с. 18). Параметры их не уточняются. Устроенная генуэзцами система водоснабжения эксплуатировалась здесь на протяжении шести веков, вплоть до 1888 г. (Бочаров 2000, с. 19).

В Чембало открыта часть водовода, проложенного на участке главных крепостных ворот (Адаксина и др. 2005, с. 19), а также в общих чертах описана система водоснабжения с локализацией водосборных цистерн (Столяренко 2010, с. 91). Реконструированы керамические трубы двух размеров (Адаксина и др. 2005, с. 55, рис. 96). Все трубы морфологически однообразны — цилиндрической формы с незначительным раструбом устья, усеченно-конической втулкой и кольцевым манжетовидным выступом (рис. 139). Изготовлены на гончарном круге. Черепок плотный, красно-коричневый. Тесто с включениями дресвы (Адаксина и др. 2005, с. 55). Водопроводные трубы подобной формы использовались в Чембало и в османское время (Адаксина и др. 2004, с. 45, рис. 61).

В Судаке и его окрестностях в разные годы выявлено около десятка линий средневеко-

¹⁰⁹ В работе не рассматривается керамика, используемая при различных производственных процессах — прясла, керамические льячки и пр. Её исследованию планируется уделить внимание в будущем.

вых керамических водопроводов с каптажами, в том числе ведущих в крепость. Один из них функционировал вплоть до 1930-х гг. (Майко, Джанов 2015, с. 195—196, рис. 106, 107).

Исследователь Старого Крыма М. Г. Крамаровский отмечает, что «водоводы из керамических труб в культурном слое городища встречаются достаточно часто. Последние три из них обнаружены нами в сезоне 2016 г. на отрезке более 20 м в северо-восточном секторе городища на глубине до 2 м от современной дневной поверхности. Стыки отдельных секций (колен), составляющих водовод, скреплены известковым раствором; сохранность подавляющего большинства секций (колен) близка к идеальной» (Крамаровский 2016b, с. 111). В качестве иллюстрации автор приводит фотографию трёх секций водовода, не уделяя внимания их характеристике (Крамаровский 2016b, рис. 142). Средневековые водоводы здесь, видимо, как и в других упомянутых выше городах, функционировали довольно продолжительное время. По крайней мере, на карте 1783 г. отмечено местоположение 12 фонтанных устройств (Крамаровский 2016b, с. 108).

Следует также упомянуть о находках фрагментов керамических труб на крепости Фуна в слое пожара и выравнивающей подсыпки двора № 1 (Тесленко 2020a, с. 35, 37). Все они переотложены. Судить об их возможном использовании по прямому назначению в системе водоснабжения укрепления сложно. Также пока нет информации о наличии каких-либо водопроводных коммуникаций в столице княжества Феодоро. Возможно проблема водоснабжения здесь решалась по иному.

Таким образом очевидно, что керамические водоводы составляли часть инженерных коммуникаций крупных городов побережья и столицы Крымского улуса — Солхата. Все они, будучи обустроенными в средневековье, функционировали довольно продолжительное время, из-за чего использовать элементы инженерных коммуникаций в детальной хронологии памятников нельзя.

Дымоходы. Две керамические трубы от дымохода (с закопчённой внутренней поверхностью) найдены при раскопках донжона крепости Фуна. Одна из труб происходит из слоя разрушения, вторая — из слоя пожара этого строения (Кирилко 2005a, с. 218—219). Корпус изделий в форме усечённого конуса, с незначительным раструбом и кольцевым манжетовидным выступом для фиксации крепления (рис. 140). Размеры: длина — около 50,0 см, диаметр — 14,0—18,0 см. В

средневековье подобные изделия нередко использовались в качестве оголовка для завершения дымовых каналов в выведенных на крышу печных трубах (Кирилко 2005a, с. 218). Вероятно, вместе с обнаруженными здесь же горшкообразными изразцами, они составляли элементы одной отопительной системы и, возможно, также относятся к группе ЮЗК. Однако, сами предметы в музейных коллекциях и фондах научных учреждений отыскать не удалось, детальное описание находок в отчётной документации также отсутствует. Посему с уверенностью определить их принадлежность к определённой технологической группе керамики не представляется возможным. Другие аналогичные находки в Крыму известны на территории крепости Чембало¹¹⁰, но они ещё не введены в научный оборот.

Печной припас. Печной припас, использовавшийся в производстве поливной посуды на территории Крыма как в XIV, так и в XV вв., представлен треножными подставками, предназначенными для разделения поливных сосудов при установке их в горн. Они найдены на полуострове практически повсеместно, где фиксируются следы производства поливной керамики. В XIV в. здесь в различных производственных центрах использовалось три вида подставок (Тесленко 2018a, с. 12—14, 21, 28—29; рис. 4; 6: 1; 9; 14: II). Однако в XV в. остаётся лишь наиболее распространённый из них — уплощённые трёхлучевые изделия, снабжённые пирамидальными ножками, направленными в одну сторону (рис. 141). Подставки изготовлены вручную на плоской поверхности, лишены дополнительных украшений. На большинстве изделий отмечены пятна прозрачной поливы жёлтого и зелёного цветов. Судя по направлению потеков глазури на ножках, можно заключить, что сосуды в горне чаще всего устанавливались основанием вверх.

Треножные подставки — довольно распространённый вид печного припаса. Наиболее употребляемые термины для обозначения этих приспособлений в трудах по среднеазиатской и золотоордынской керамике — «сепая», в англоязычной литературе — «tripod stilts», в украиноязычной — «рачки». Первые два указывают на количество опорных точек изделия (буквально «треножник»), последнее основано на ассоциативном восприятии формы предмета. Способ разделения сосудов в горне при помощи треножных подставок из-

¹¹⁰ Выражаю благодарность С. В. Дьячкову, проводящему раскопки на территории крепости Чембало, за устную консультацию.

вестен на Ближнем Востоке ещё с III тыс. до н. э. (Куфтин 1950, с. 277). На Дальнем Востоке (в Китае) они использовались в первые века новой эры (Morgan 1942, p. 22). В X—XIII вв. треноги во множестве встречаются среди разнообразных вспомогательных приспособлений для обжига поливной посуды в керамических мастерских Средней Азии (Лунина 1962, с. 238, рис. 10; 1968, с. 223, рис. 2; Альбаум 1969, с. 263; Архаров 1969, с. 302—303; Шишкина 1986, с. 43, рис. 16: 9), Кавказа (Мицишвили 1979, табл. LX: 1; Якобсон 1959, с. 186), а позже — золотоордынских городов (Кравченко 1986, рис. 23: 16; Полевой 1969, с. 92, 140; Федоров-Давыдов, Булатов 1989, с. 228). С начала XIII в. они использовались в Византии (Paranikola-Bakirtzi 1999, p. 21—22; Waage 1933, p. 327—328, fig. 21: c), а с появлением производства поливной керамики в Крыму — местными гончарами (Тесленко 2018а). Изготавливались разделительные подставки, очевидно, в тех же мастерских, что и поливная посуда. Какие-либо типологические различия между триподами одного вида XIV и XV вв. выявить не удалось. По материалам из раскопок Чембало Н. В. Гинькут выделяет три стандарта размера подставок, используемых в местном поливном производстве (рис. 139: 13—15). Расстояние между ножками минимального из них составляет 4,0—5,0 см, среднего — 6,0—6,5 см, максимального — 7,0—8,0 см, высота колеблется от 1,2 до 2,5 см. Также исследовательница отмечает три варианта формы триподов, присутствующие всем трём стандартам (Гинькут 2014а, с. 313—314).

Таким образом, подводя итог исследованию осветительных приборов, а также различных категорий архитектурной и специальной технологической керамики Крыма XV в. отметим, что ассортимент этих изделий невелик.

Осветительные приборы представлены двумя группами (ЮЗК и ЮБК), тремя видами и тремя типами изделий, датирующихся в рамках XIV—XV вв. Детализация этой даты пока затруднительна.

Архитектурная керамика к настоящему времени изучена слабо. О керамических кровельных материалах XV в. наибольшее количество сведений собрано по материалам

Мангупа, однако и здесь они пока весьма неполные, что не позволяет получить исчерпывающее представление об их типологическом составе и технологических особенностях. Более или менее уверенно можно говорить лишь о следовании прежним традициям в этом производстве и, возможно, об его узколокальном характере. Сведения о голосниках весьма отрывочны и не позволяют составить представление ни о самих предметах, ни об особенностях их использования. Больше информации собрано о плинфе, изразцах и элементах архитектурного декора. Очевидно, что плинфа в XV в. применялась довольно широко при строительстве монументальных сооружений как генуэзцами, так и феодоритами. В то же время, специальное внимание уделялось пока лишь одному комплексу XV в. из раскопок дворца на Мангупе, следовательно, дальнейшее изучение этого разряда декоративно-функциональной керамики весьма перспективно. Печные изразцы, фасадные декоративные розетки и керамические дымоходы не получили широкого распространения в Крыму в XV в. Первые из них только появляются в третьей четверти этого столетия, чему, вероятно, способствовали тесные контакты княжества Феодоро с Молдавским государством. Вторые, скорее всего, перестают использоваться в местной церковной архитектуре и убираются с фасадов зданий, подвергшихся ремонту, в первой четверти XV в. Керамические дымоходы в целом синхронны изразцам и возможно составляли с ними элементы одной отопительной системы, по крайней мере, в донжоне замка Фуна.

Элементы инженерных устройств, такие как водопроводные трубы, представлены более разнообразно. Однако их массовое использование зафиксировано лишь в крупных городских центрах побережья и в Солхате, а типологическая вариабельность пока ещё не исследована.

Больше всего внимания уделено печному припасу, задействованному при обжиге поливной посуды. В комплексах Крыма XV в. он представлен одним видом треножных подставок, который появляется на полуострове синхронно с началом производства здесь глазурованной керамики ещё в конце XIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические комплексы Крыма XV в. демонстрируют значительное количество и богатый ассортимент керамических изделий в обиходе населения полуострова. Большинство в них представлено продукцией местного гончарства, которое в этот период переживало подъём, насыщая своим товаром рынки в Крыму и за его пределами. Привозная керамика составляла небольшую часть этих ансамблей, будучи при этом довольно разнообразной. Однако до недавнего времени представления как о местном керамическом производстве XV в., так и о керамическом импорте в этот период оставались весьма расплывчатыми. Совершенствование методов работы с массовым материалом, в частности разработка универсальных методических подходов, в совокупности с накоплением качественно новых данных, а также возросший интерес к керамологической тематике и, как следствие, появление исследований более высокого уровня в последние десятилетия XX — начале XXI вв., предоставили новые возможности для изучения крымского гончарного производства и товарооборота. Появился шанс детального исследования вещевых комплексов в рамках узких хронологических периодов, охватывающих отдельные этапы крымской истории. Так впервые, на основании данных из более чем полусотни позднесредневековых памятников полуострова, удалось выявить специфику керамических ансамблей в весьма примечательную для него эпоху, ознаменовавшуюся становлением и существованием трёх государственных образований — Гёнуэзской Газарии, так называемого княжества Феодоро и Крымского ханства. Досконально, насколько это позволяли исходные данные и исследовательские возможности автора, было изучено местное гончарство, керамический импорт, его закономерности и особенности, торговые операции с керамикой, а также предложена детальная хронология керамических комплексов XV в.

Установлено, что в это время в обиходе населения полуострова пребывало не менее 14 групп керамических изделий различного происхождения¹¹¹. Три из них — Юго-Западный Крым (ЮЗК), Юго-Восточный Крым (ЮВК) и Северное Причерноморье (группа 1 или СП) — являются продуктами местного гончарства, остальные представляют собой импорт из отдалённых регионов (рис. 142—144).

Местное керамическое производство. На территории Крыма в XV в. абсолютно доминировали две традиции керамического произ-

¹¹¹ Осталась неучтённой в этом смысле архитектурная керамика (черепица, плинфа, голосники) и некоторые элементы инженерных коммуникаций (водопроводные трубы), распределение которой по конкретным группам пока затруднительно.

водства, характеризующиеся высоким уровнем развития гончарных технологий (РФК-7). Для одной из них присуще изготовление исключительно неполивной керамики из насыщенных песчанистыми примесями глин, дающих после обжига черепок от красно-коричневого до темно-коричневого цветов, иногда с серой прослойкой. Соответствующие гончарные центры всё ещё не выявлены, однако по ряду косвенных признаков (в основном, по географии находок их продукции) они предположительно локализованы на территории Юго-Западного Крыма. Керамика ЮЗК представлена широким ассортиментом неглазурованных изделий четырёх или пяти категорий: крупногабаритная тара — пифосы двух типов; посуда — среднегабаритная тара и кухонно-столовая утварь — 6 видов и более десятка типов с вариантами сосудов закрытой и открытой формы, а также крышки; осветительные приборы — светильники-свечники, масляные и подвесные светильники; архитектурная декоративно-функциональная керамика — изразцы и, возможно, специально-технологическое оборудование — трубы для дымоходов. Для декоративного оформления бытовых изделий использованы техники черчения, оттиск пальца или предмета с округлой рабочей поверхностью, насечка, налп в виде конусов и валика, оттиск многорядной гребёнки и роспись белым ангобом. Традиция изготовления керамики ЮЗК в дошедшем до XV в. виде сформировалась на территории Крыма примерно к началу XIV в. Основу её, скорее всего, составили навыки местных гончаров в совокупности с технологическими и стилистическими новшествами, привнесёнными из территорий с более прогрессивным гончарным производством. Их истоки ещё предстоит уточнить. Однако некоторые параллели в морфологии и декоре сосудов позволяют рассматривать Балканы как один из возможных регионов-источников подобных инфильтраций. Эволюция типов группы ЮЗК в рамках XIV—XV вв. также требует дальнейшего изучения. Между тем уже сейчас очевидно, что данное керамическое производство практически полностью обеспечивало широкий спектр потребностей местного населения в разнообразной керамической утвари. Изделия группы ЮЗК абсолютно доминируют в комплексах Крыма XV в., составляя не менее 90—95 % неполивной керамики (рис. 142). Кроме того, часть посуды, преимущественно закрытой формы, вывозилась за пределы Крыма в качестве товара, вещей, сопровождающих владельца или тары для экспортируемых продуктов (рис. 145).

Для другой гончарной традиции, оформившейся в предшествующий период в Юго-Вос-

точном Крыму (группа ЮВК), присуще производство как неполивной, так и поливной керамики из хорошо очищенных глин с отдельными включениями частиц известняка и часто с незначительной примесью шамота, приобретающих после обжига красный или жёлто-красный цвет с вариациями оттенков. В XV в. эта группа была представлена четырьмя категориями изделий: посуда — среднегабаритная тара, кухонно-столовая и санитарно-гигиеническая; осветительные приборы — подсвечники, масляные светильники; элементы инженерных коммуникаций — водопроводные трубы и технологические элементы производственных систем — печной припас. Неполивные сосуды этой группы в комплексах XV в. малочисленны, не превышают 1—2 % бытовой неполивной керамики и представлены преимущественно сосудами закрытой формы — кувшинами (рис. 142). Поливная кухонно-столовая посуда насчитывает не менее 12 видов, около 30 типов сосудов открытой и закрытой формы, 2 типа крышек. Это изделия без дополнительных украшений и с разнообразным графическим декором, используемым как самостоятельно, так и в сочетании с росписью двумя (зелёная, коричневая) или тремя (зелёная, коричневая, пурпурно-коричневая) минеральными красками под слабо окрашенной в жёлтый или зеленовато-жёлтый цвет глазурью.

Традиция производства поливной керамики была абсолютно новой для средневекового Крыма. Её появление здесь связано с развитием крупных городских центров на юго-востоке полуострова в последней трети XIII — начале XIV вв. Среди них первостепенное значение в этом смысле имели вновь появившиеся столица Крымского улуса Золотой Орды Солхат (Старый Крым) и генуэзская фактория Каффа (Феодосия), а также подконтрольная монголам некогда византийская Сугдея (Солдайя, Судак). Рост этих городов способствовал притоку сюда ремесленников — носителей новых прогрессивных гончарных технологий. Анализ имеющихся данных позволяет предполагать несколько волн миграций мастеров-керамистов из центральных и западных областей Анатолии, Закавказья, восточных областей Малой Азии и Хорезма, а также из Балканского региона и, возможно, Константинополя. Наиболее существенное влияние на формирование популярного в XV в. полихромного стиля в местной керамике оказали, вероятно, мигранты из Западной Анатолии и Северной Сирии, переселившиеся во второй половине XIV в. в относительно благополучный Крым из-за военных конфликтов на родине.

В силу различных социально-политических и экономических причин, к XV в. крупные гончарные мастерские, специализировавшиеся на производстве поливной посуды, оказались сконцентрированы преимущественно в генуэзских владениях юго-западного и юго-восточного побережья полуострова. По крайней мере, яркие свидетельства такого производства в XV в. зафиксированы пока лишь в Чембало и Каффе. Последняя лидировала в этом ремесле ещё со второй половины — конца XIV в. Отчасти поэтому, а также из-за того, что каффинские гончарные мастерские второй половины XIV—XV вв. были обнаружены одними из первых, местная красочная керамическая продукция получила в научной литературе название керамика «каффинского круга» или «каффинского стиля». Возможно, что в XV в. изготовление такой поливной посуды практиковалось также в столице феодоритов на Мангупе и в генуэзской Солдае. Однако для уверенных выводов об этом пока недостаточно данных. Безусловно, вопрос о количестве гончарных центров в Крыму XV в., чья продукция сейчас объединяется в группу ЮВК, требует дальнейшего исследования с привлечением, помимо прочего, физико-химических методов.

В то же время, детализация хронологии отдельных составляющих группы ЮВК оказалась вполне осуществимой. В этом плане определяющее значение имеют элементы орнамента в сочетании с техникой декора, особенности использования цветовой гаммы в подкраске графического изображения, а также манера исполнения элементов рисунка и виды монограмм. На основании анализа этих элементов выделено 8 хронологических серий этой керамики, позволяющих корректировать датировки комплексов в рамках четверти столетия (рис. 143).

Третья группа местных керамических изделий, получившая условное название «Северное Причерноморье» (СП), представлена исключительно крупногабаритной домашней тарой — пифосами группы 1 (рис. 142). Эти сосуды массово появляются в Крыму примерно со второй половины VIII—IX вв. В то время они изготавливались в местных мастерских в юго-восточной и юго-западной частях полуострова. Период их эксплуатации к XV в. мог достигать 500—600 лет. Возможно, в отдельных районах Крыма традиция изготовления именно таких сосудов могла сохраняться довольно долго. Какие либо данные о производстве их в XV в. пока не обнаружены, однако факт их использования местными жителями в это время неоспорим.

Керамический импорт и торговые операции с керамикой. Импорт из отдалённых

регионов включает 11 неравнозначных по представительности групп (рис. 142; 144). В целом они составляли незначительную часть керамики Крыма XV в. Даже в элитарных комплексах, таких как жилая башня Орта-Куле на Алуштинском городище, княжеский замок на Фуне или дворец феодоритов на Мангупе, доля привозных гончарных изделий не превышала в среднем 8 %. Это обстоятельство позволяет предположить, что большинство ввозимой, по крайней мере столовой посуды, было рассчитано на удовлетворение узкого круга потребителей, готовых за неё платить на фоне изобилия местной довольно качественной и более дешёвой поливной посуды. Скорее всего, в данном случае импорт был ориентирован на представителей состоятельной части местного общества с более высокими эстетическими запросами, подчёркивающими их особый социальный статус.

В составе керамического импорта определено две группы пифосов, две группы неполивной (рис. 142) и 7 — глазурированной посуды (рис. 144). Наиболее многочисленные его группы поступали в Крым преимущественно в результате торговых операций: кухонные сосуды группы ГРВ — до 5—10 % неполивной керамики в комплексах середины — второй половины XV в.; испанская майолика — в целом более 40 % поливного импорта XV в.; османская красноглиняная посуда преимущественно с росписью кобальтом — Miletus Ware, реже с бирюзовой глазурью — около 50 % поливного импорта третьей четверти XV в. Меньшее распространение получили ближневосточный псевдоселадон, китайский селадон, который помимо прочего мог входить в состав особо ценимых даров, и сосуды с подглазурной росписью белым ангобом киприотского круга — соответственно до 1 и 3 %. Золотоордынский кашин и византийские чаши с монограммами единичны. При этом в XV в. они были уже своего рода раритетами и представляют интерес в плане наблюдений за периодом бытования отдельных групп особо ценимых керамических предметов. Хотя производство поливной посуды, в частности с монограммами святых, в столице Византии в первой половине XV в. и ввоз её, например, в качестве своего рода святынь с мест паломничества, вполне допустимы.

Довольно редко встречаются также пифосы группы 2. Происхождение их не ясно. Наличие этих сосудов в комплексах можно объяснить либо длительной (более столетия) эксплуатацией в хозяйстве (например, на Алуштинском городище), либо поступлением в качестве попутного груза или специального заказа (Чобан-Куле) и т. п. В любом случае, очень маловеро-

ятно, что они были задействованы в качестве транспортировочной тары при регулярных поставках каких-либо продуктов и что ещё менее вероятно — как самостоятельный товар.

В единичных экземплярах обнаружены тарный кувшин с крышкой группы Фуна, чьё происхождение установить не удалось, и валенсийские пифосы. Эти сосуды, скорее всего, тоже поступали не регулярно и могли быть либо специальным подарком, либо личным имуществом, перемещённым вместе со своим владельцем.

Изменения в керамическом импорте в XV в., по сравнению с предшествующим столетием, во многом связаны с частичной сменой поставщиков и некоторых торговых маршрутов (рис. 146). На восточном направлении с рубежа XIV—XV вв. прекращаются поставки керамики золотоордынских центров, которые в конце XIV в. перестают существовать. В то же время, с территории Китая в Крым продолжает поступать селадон, хотя и в меньшем количестве, чем прежде. Это обстоятельство, скорее всего, также связано с нарушением торговых маршрутов, пролежавших через золотоордынские территории. Посему в XV в. селадон, вероятно, доставлялся иным путём.

Между тем, примерно с середины XV в. заметно увеличивается доля ближневосточных имитаций Лунцзоань-яо — псевдоселадона, который привлекал торговцев, скорее всего, более низкой по сравнению с оригиналом ценой и относительной близостью доставки, а также керамики киприотского круга преимущественно с росписью белым ангобом. Интересен тот факт, что подобная посуда производилась на Кипре с XIII в., изделия киприотских мастерских известны среди материалов из “Новосветского” кораблекрушения, однако в XIV в. её импорт в Крым замечен не был.

К началу XV в. в основном прекращаются поставки столовой византийской посуды (за исключением разве что упомянутых выше случаев). Это, вероятно, связано с османскими завоеваниями и общим глубоким кризисом империи Ромеев, приведшим, видимо, к упадку традиционного гончарного производства и нарушению прежних торговых связей. Вместо того, около середины XV в., надо полагать уже после завоевания османами окрестностей Константинополя, а затем и самой столицы Византии, начинается импорт османской поливной и неполивной посуды (Miletus Ware и ГРВ), производимой на бывших византийских землях, но уже в другой этнокультурной среде.

Поступление керамики киприотского круга и псевдоселадона, скорее всего, маркирует оживление восточносредиземноморского векто-

ра торговли генуэзцев, имевших в это время существенное влияние на Кипре — важнейшем транзитном торговом центре этого региона. К тому же остров с 1426/7 г. находился в вассальной зависимости от Мамлюкского султаната, на территории которого, собственно, и производился псевдоселадон. Поставки его из Ирана, враждебного как Мамлюкам, так и Османам, по крайней мере через Восточное Средиземноморье, на наш взгляд, маловероятны. Поэтому логично предположить, что в Крыму в XV в. преобладают изделия именно из мамлюкских владений (Сирия, Египет), хотя, безусловно, этот вопрос требует дальнейшего изучения. MW и ГРВ также могли закупаться генуэзцами на пути следования из Кипра в Крым в портах османской Анатолии или Константинополя (Kostantiniye). С другой стороны, участие османских купцов в поставке своей керамики в Крым также вполне реально.

На западном направлении примерно с последней трети XIV и до конца третьей четверти XV вв. стабильным остаётся ввоз испанской майолики, которая практически вся происходила из мастерских округа Валенсия. Причём в первой половине — середине XV в. она вообще становится пожалуй основной статьёй дальнего керамического импорта в Крым. Во второй половине XV в. с ней конкурировали только турецкие Miletus Wares. В материалах Крыма иберийская поливная посуда представлена изделиями трёх декоративных блоков: с росписью кобальтом и люстром, только люстром и только кобальтом, в целом образующих около полутора десятков стилистических серий, имеющих также хронологическую специфику. Однако нужно учитывать, что некоторые экземпляры (например, чаша с Фуны) могли находиться в обращении довольно долго и по этой причине вряд ли подходят для узкой датировки комплексов сами по себе. Скорее контекст находки может уточнять датировку изделий и период их использования. Основными поставщиками испанской майолики в Крым, безусловно, были генуэзцы, организовавшие в южных районах Иберийского полуострова разветвлённую торговую сеть.

Таким образом, очевидно, что генуэзцам принадлежала главенствующая роль в транссредиземноморских и черноморских перевозках на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом интересно, что собственно итальянский импорт в комплексах первой-третьей четвертей XV в. пока не встречен. Незначительные поступления итальянской керамики в Крым отмечены только для второй половины XIII—XIV и конца XV—XVII вв. В первом случае это было, скорее всего, преимущественно

личное имущество итальянских «колонистов». В османское время итальянская майолика, по-видимому, оказалась задействованной в коммерческих операциях и, возможно, привозилась в качестве особых подарков. В то же время, в исследуемый период наблюдается явный интерес генуэзцев к ввозу небольшого количества иной дорогостоящей керамики в Крым и массовому распространению местных изделий «каффинского круга» по всему Азово-Причерноморскому региону (рис. 145). Очевидно, региональная торговля гончарными изделиями собственной фактории была гораздо выгоднее, чем доставка их из метрополии. Интерес же лигурийцев к «экзотической» керамике, скорее всего, подогревался возросшим на неё спросом в самом Крыму, который, судя по археологическим данным, довольно ярко проявлялся в среде местной элиты. Номенклатура товара в данном случае, вероятно, во многом диктовалась оптимальной логистикой его поставок на полуостров, приносящей максимальную выгоду. Итальянская керамика в этом плане скорее всего проигрывала.

Участие османских купцов в торговле с Крымом, по крайней мере с 1450-х гг., также вполне реально и подтверждается письменными свидетельствами. Однако вплоть до 1475 г. их роль, вероятно, не была здесь определяющей.

Хронология керамических комплексов. В рамках XV в. удалось определить характерные особенности керамических комплексов для четырёх хронологических периодов (рис. 142—144).

I. Рубеж XIV—XV — первая четверть XV вв. В керамических ансамблях этого времени часть находок составляют изделия, характерные для второй половины XIV в.: поливные сосуды группы ЮВК с графическим орнаментом, выполненным широким и тонким резцами под монохромной жёлто-коричневой или зелёной поливой, поливные сосуды с подцветкой графического рисунка пятнами трёх минеральных красителей (III.A), византийский импорт группы «Elaborate Incised Ware», испано-мавританская керамика стиля «Пула» («Pula style»). Возможно также появление единичных экземпляров ранних серий бело-голубой испанской майолики. Основная масса поливных изделий, распространённых в прежнем столетии, в первой четверти XV в. постепенно выходит из оборота. В более поздних контекстах находки их редки, фрагментарны и, скорее всего, перемещены из более ранних слоёв. Стабильной составляющей остаются неполивные изделия группы ЮЗК, а также следующие отделы и серии группы ЮВК: поливные сосуды с монохромной глазурью (I.1, 2), чаши с монограмма-

ми имени «Михаил» (II.1); местные дериваты «Elaborate Incised Ware» (II.2a); чаши с внешней двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка и монохромной зелёной или насыщенной жёлто-коричневой / коричневой поливой внутри (III.B); с двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка под светло-жёлтой или зеленовато-жёлтой кроющей поливой (III.C, D).

II. Конец первой — вторая четверть XV в. Характерными компонентами керамического ансамбля являются столовые сосуды группы ЮВК с гравировкой широким и тонким резцом под слабо окрашенной в жёлтый или зеленовато-жёлтый цвет глазурью, с преобладанием растительно-геометрических элементов орнамента, так называемые дериваты EIW, а также с антропоморфными и зооморфными мотивами (II.2a); с двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка (III.B, C и D); с монохромной и двухцветной глазурью БДД (I.1, 2); с гравировкой линией одной толщины в том числе чаши с монограммами имени «Михаил» (II.1). В единичных фрагментах представлены глазурированные сосуды с подцветкой графического рисунка пятнами трёх минеральных красителей (III.A). Появляются изделия с монограммами из двух литер — «ТХ», увеличивается количество испанского люстра росписью в стиле «цветочные диски» («anillos con discos»), возможно присутствие серий «параллели и спирали» («paralelas con espirales»), «с центральным медальоном и трилистниками» («con medallón central y trifolios»), «персидский стиль» («estilo persa»), «цепь» («encadenat»), «корона» («coronas combinadas con ramitas de helecho»), «пальметты в круге» («las palmetas en círculos») и др., а также некоторых серий бело-голубой испанской майолики (LVASG и LVACG). Последние в данном контексте (если отталкиваться от предлагаемой западными коллегами датировки) уже несколько «запаздывают» однако примеров появления их ранее среди крымских материалов пока нет.

III. Середина — третья четверть XV в. Основными хроноиндикаторами здесь выступают импортные неполивные сосуды группы ГРВ (типы 1.1, 2.1); столовые сосуды группы Miletus Ware; испанский люстр с декором в стиле «лист чертополоха» («hojas de cardo») и валенсийские пифосы (тип II по классификации базилики Санта Мария в Алектанте), а также, видимо, керамика киприотского круга, ближневосточный псевдоселадон, местная поливная посуда, украшенная гравировкой широким и тонким резцом с преобладанием растительных элементов орнамента (II.2b). Наличие в комплексе посуды с монограммами представителей династии

правителей Готии, читаемыми как «Исаак» и «Александр» и / или с изображениями голубей в специфической манере позволяет сузить дату до конца 1450-х — 1470-х гг. Другой массовый материал представлен поливными изделиями ЮБК с монохромной и двухцветной глазурью БДД (I.1, 2); с двухцветной (зелёной и коричневой) подцветкой графического рисунка (Ш.С, D); с гравировкой линией одной толщины под монохромной поливкой (Ш.1, значительно реже остальных). Продолжает встречаться посуда с монограммами «ТХ», китайский селадон; зафиксированы также испанская люстровая майолика в стиле «цветочные диски», «персидский стиль», «цепь», «корона», «сетка и голубые розетки» («*retículas y rosetas azules*»), «бриония» («*brionia*»), отдельные серии бело-голубой керамики (LVAE и LVACG), в том числе «хронологические шлейфы» (разновидности LVACG); отмечены реконструируемые экземпляры неполивных сосудов закрытой формы группы ЮБК. Поливные изделия, украшенные гравировкой широким и тонким резцом с преобладанием растительно-геометрических элементов орнамента (Ш.2а) выходят из оборота. Стабильной массовой составляющей на всех трёх этапах остаются неполивные изделия группы ЮЗК.

IV. Четвёртая четверть XV — начало XVI вв. В этот период полностью выходят из оборота неполивные сосуды группы ЮЗК и поливная посуда группы ЮБК, распространённая в третьей четверти XV в. Примерно до конца XV в. продолжается импорт *Miletus Ware*, который затем замещается другими группами османской столовой посуды. В более широком ассортименте поступают неполивные сосуды группы ГРВ, в составе которых становится возможным проследить эволюционные изменения формы. Массово и разнообразно представлены также неполивные сосуды ЮБК. Кроме того, появляются новые серии и группы импортной поливной посуды (единичные экземпляры испанского люстра «нотной» серии («*solfas*»), итальянская майолика эпохи Ренессанса, толстостенная красноглиняная керамика с бихромной расцветкой и др.), меняется внешний облик местных изделий. В целом керамический комплекс османского периода Крыма значительно отличается от предшествующей эпохи. Его детальное исследование заслуживает отдельного внимания.

Кроме того, уточнение процентного соотношения различных групп и серий керамики в комплексах XV в. также требует дополнительных исследований. Чему в немалой степени будут способствовать как дальнейшие публикации уже добытых раскопками, так и вновь обретаемых материалов, главным условием первичной обработки которых станет

детальный учёт керамических артефактов по единообразной методике, например, апробированной в настоящей работе.

В то же время, на основе результатов принятого исследования уже сейчас становится возможным конкретизировать хронологию отдельных ранее исследованных памятников и археологических комплексов, например, городища Днепропольское 2 (замок Иличе), объектов молдавского периода Белгород-Днестровской крепости, заполнения ямы на территории гончарной мастерской в Судаче, верхних слоёв Баклинского городища, Учан-Су исара, других памятников Южного Крыма, исследованных в 1960—1980-е гг., археологических объектов Северо-Западного, Восточного и Южного Причерноморья и др., а также избежать широких датировок в дальнейшем.

В завершение отметим, что в XV в. Крым несомненно оставался мощным центром гончарного ремесла, в особенности специализировавшегося на изготовлении глазурованной керамики, равные которому в Причерноморском регионе для этого времени пока не известны. Средоточием коммерческого производства и торговли поливной посудой здесь была генуэзская Каффа. Завоевание османами столицы Византии в 1453 г., вероятно, ещё более усилили её региональное значение, по крайней мере, в масштабах Циркумпонтийского ареала. Также с середины XV в., вероятно уже после катастрофических для Ромеев событий, стало заметно оживление потоков керамического импорта с Восточного Средиземноморья и Западной Анатолии. Это, в свою очередь, свидетельствует как о росте внимания генуэзцев к восточно-средиземноморскому направлению торговли, в котором Кипр, скорее всего, играл ключевую роль, так и об увеличении спроса на престижную импортную керамику среди «молодых» крымских элит, а также, возможно, попутном стремлении генуэзцев урегулировать отношения с новыми хозяевами Черноморских проливов. Вместе с тем, как демонстрируют дальнейшие события, эти усилия принесли лишь временные плоды. Даже установившиеся с 1454 г. подданнические отношения Каффы с Портой ненадолго отсрочили гибель генуэзских факторий Крыма. В течение мая—декабря 1475 г. генуэзские и феодоритские владения на полуострове были захвачены войсками османского султана Мехмеда II Фатиха. Это событие маркируется многочисленными пожарами в городах и селениях Южного и Юго-Западного Крыма, а более поздние культурные остатки фиксируют разительные перемены в керамических комплексах, свидетельствующие об исчезновении гончарных традиций прежних времён.

Резюме

І. Б. ТЕСЛЕНКО

КЕРАМІКА КРИМУ XV століття

Науковий інтерес до пізньосередньовічної кераміки Криму виник на межі XIX—XX ст. Однак до 1980—1990-х рр. уявлення щодо хронології і типології керамічних комплексів пізньовізантійського і ранньоосманського періодів залишалися вкрай невиразними. Датування пам'яток і окремих артефактів в межах двох чи трьох століть вважалося цілком прийнятним. Проте масштабні і більш якісні дослідження кінця XX — початку XXI ст. в різних галузях історичної науки дозволили конкретизувати погляди на історію і археологію Криму XIV—XV століть. XV століття було виділене у окрему епоху, відзначену становленням і співіснуванням на теренах півострова трьох державних утворень — Генуезької Газарії, так званого князівства Феодоро і Кримського ханства, розвиток яких відбувався на тлі зникнення решток Візантійської імперії, поступової дезінтеграції Улуг Улусу та зростаючого впливу молодого Османського держави, що посилілися після падіння Константинополя в 1453 р. Усі ці складні соціально-політичні процеси знайшли відображення в матеріальній культурі мешканців півострова, зокрема кераміці XV ст., яку дослідники почали досить успішно вирізняти серед пізньосередньовічних гончарних виробів. Однак її інформаційний потенціал тривалий час не використовувався повною мірою. Залишалися невивченим асортимент керамічних виробів, а також зміни в ньому, обумовлені різними внутрішніми та зовнішніми чинниками. Також не було єдиних підходів до системного аналізу керамічних колекцій, що значно ускладнювало роботу з масовим матеріалом і вносило плутанину на етапі його первинної обробки. Тож необхідність сучасних досліджень в означених напрямках обумовила актуальність цієї праці. Її головна мета полягає в створенні уніфікованої типолого-хронологічної класифікації кераміки Криму XV ст. для подальшого використання цієї категорії знахідок в розробці хронології археологічних комплексів Північного Причорномор'я, виявлення закономірностей розвитку місцевого гончарства і торговельних зв'язків, реконструкції культурно-історичних процесів на теренах Криму і суміжних земель та вивчення економіки регіону в XV ст.

Цій меті відповідає низка завдань, послідовному розв'язанню яких підпорядкована структура роботи, що складається з вступу, шести розділів, висновків, ілюстрацій, списку використаних джерел і літератури.

У **першому розділі** узагальнено 120-річний досвід вивчення пізньосередньовічної кераміки Криму, який з огляду на динаміку накопичення джерельної бази та її інтерпретації, поділено на три етапи: кінець XIX — перша чверть XX ст.; друга чверть XX ст. — 1970-ті рр.; 1980-ті рр. — теперішній час. Надано оцінку праць попередників та сучасників, означено ключові досягнення археологічних та керамологічних штудій для кожного з етапів, запропоновано їх критичний аналіз.

Основу джерельної бази дослідження склали переважно археологічні матеріали, багато з яких вперше вводяться до наукового обігу.

У **другому розділі** викладено методичні засади та головні принципи класифікації, адаптовані до об'єкта дослідження, а також запропоновано хронологію археологічних комплексів в межах XV ст. Проаналізовано дані понад півсотні археологічних об'єктів, зосереджених переважно в Південно-Західній, Південній і Південно-Східній частинах Криму (рис. 1). Виділено понад сотню вузько датованих археологічних комплексів різних типів, що репрезентують 12 хронологічних інтервалів з рубежу XIV—XV ст. до останньої чверті XV — початку XVI ст. Саме вони стали основою для деталізації хронології керамічних знахідок.

Окрім традиційних методів історико-археологічних досліджень, для вивчення керамічних виробів

залучено ще й археометричні методи. Останнє стало можливим завдяки співпраці з Лабораторією археології та археометрії Національного центру наукових досліджень Франції в м. Ліон та особисто з докторкою С. Й. Вакман. Результати цієї співпраці мають неабияку наукову цінність, оскільки вперше вдалося достеменно локалізувати деякі гончарні осередки, які постачали свою продукцію до Криму, а також визначитися з мінералогічним і хімічним складом сировини місцевих гончарень.

Наступні розділи монографії присвячені різним категоріям керамічних виробів з комплексів Криму XV століття.

У розділі 3 детально проаналізовано великогабаритну тару — піфоси. Охарактеризовано чотири групи посудин: дві — місцевого виробництва (рис. 13—17; 20—25; 28; 29; 30: 1), що репрезентують дві різні локальні гончарні традиції; дві — імпорту (рис. 18; 30: 2). На підставі аналізу археологічного матеріалу визначено хронологічні межі їх побутування (рис. 142). Важливим є висновок про тривале використання у господарствах піфосів трьох з цих груп, що унеможливило залучення їх для детальної хронології археологічних комплексів. Цікавою є атрибуція рідкісної для Криму валенсійської групи піфосів (рис. 30: 2), незнаної тут раніше, яка, окрім своєї екзотичності, може бути ще й датованою ознакою для комплексів другої половини XV ст.

У розділі 4 надається характеристика неглазурованого кухонно-столового посуду, серед якого також виділено дві групи місцевого походження та дві групи імпорту (рис. 142). Пропонується детальна типологія та розглядаються хронологічно значущі особливості кожної з них.

Значна увага приділяється групі Південно-Західного Криму — найбільш масовій серед місцевих виробів (рис. 36—60). В її складі 6 видів і понад десяток типів з варіантами посудин переважно закритої, а також відкритої форми і кришок до них. Аналіз виробів групи дозволив простежити особливості розвитку однієї з традицій місцевого гончарства протягом близько двох століть.

Деяко несподіваною виявилася мізерна кількість та одноманітність неполив'яних виробів ще однієї місцевої групи — ПСК (Південно-Східний Крим, рис. 61), яка була більш представницькою протягом XIV ст., а згодом і у ранньоосманський час.

Водночас серед неполив'яного посуду вдалося виокремити й одну з груп масового імпорту, так звану ГРВ (горщиків з рейкоподібними вінцями, рис. 62—65), що з'являється лише у середині XV ст. та ймовірно має малоазійське коріння. Вона може слугувати надійним хронологічним індикатором для визначення археологічних комплексів, утворених не раніше середини — третьої чверті цього століття. Причини популярності цих кухонних горщиків полягали, мабуть, у якомусь особливих утилітарних властивостях, що прийшлися до вподоби місцевому люду.

Ще одна довізна група репрезентована лише одним глеком з кришкою з донжону замку Фуна (рис. 66), через що й отримала свою назву. Її походження наразі невідоме. Найімовірніше цей глек потрапив сюди як особиста річ або як тара з якимось особливим вмістом, що, можливо, був дарунком для володаря замку.

Розділ 5 присвячений глазурованому посуду. Виділено його 8 груп. Серед них найбільш численною та різноманітною є група кераміки Південно-Східний Крим (рис. 67—115), найпотужнішим центром виробництва та експорту якої в XV ст. залишалася Кафа. Принаймні кераміка так званого «кафінського кола» або «кафінського стилю» абсо-

лютно домінує на всіх пам'ятках Криму і в значній кількості вивозилася за межі півострова. Водночас монополія Кафи не виключає існування інших майстерень. Невелика гончарня з більш скромними масштабами виробництва відома, наприклад, в Чембало (Балаклаві). Наявність подібного ремесла в Мангулі та Судаку також була цілком можливою, але його існування досі не доведено.

Асортимент виробів групи ПСК налічує близько 12 видів, 30 типів посудин відкритої та закритої форми, 2 типи кришок. Особливості декоративного оздоблення дозволили визначити в її складі щонайменше 8 хронологічних серій (рис. 143), які в поєднанні з іншими елементами керамічного ансамблю можуть бути використані для більш чіткого датування археологічних комплексів. Окрім того, проаналізовано витoki технологічних та стилістичних традицій виробництва полив'яного посуду в Криму.

Інші 7 груп глазурованих виробів є довізними (рис. 144). З-поміж них найбільш представницькій османський червоноглиняний посуд з розписом кобальтом (Miletus Ware, рис. 117—123) — близько 50 % полив'яного імпорту третьої чверті XV ст. та іспанська майоліка (рис. 124—128) — більше 40 % полив'яного імпорту XV ст. Менш поширені близькосхідний псевдоселадон (рис. 129: 19—21), китайський селадон (рис. 129: 1—3) і посудини кіпротського кола (рис. 130: 1—8) — відповідно до 1 % та 3 %.

Більшість представників трьох перших та останньої із згаданих груп мають вузькі межі побутування та можуть бути використані для деталізації хронології археологічних комплексів, в яких вони зустрічаються. Ще дві довізні групи — золотоординський кашин (рис. 129: 4—18) та візантійські чаші з монограмами (рис. 130: 9; 10) є здебільшого раритетами з минулого століття.

В розділі 6 надається характеристика освітлювальних приладів (рис. 131—133), архітектурної та технологічної кераміки (рис. 134—141), що доповнюють перелік керамічного начиння та обладнання населення Криму XV ст. Їх детальна хронологія є завданням на майбутнє.

Завершують роботу **висновки**, де наведено підсумки дослідження. Серед них є такі.

1. У XV ст. у побуті населення півострову перебувало не менш ніж 14 груп керамічних виробів різного походження. Три з них — Південно-Західний Крим (ПЗК), Південно-Східний Крим (ПСК) і Північне Причорномор'я (група 1 або ПП) — були продуктами місцевого гончарства, інші — довізними з віддалених регіонів (рис. 142—144).

2. У місцевому керамічному виробництві абсолютну домінували дві традиції з досить високим рівнем розвитку гончарних технологій. Одній з них (група ПЗК) було притаманне виготовлення виключно неполив'яної кераміки з насичених піщанистих домішками глин, що набували після випалу червоно-коричневого чи темно-коричневого кольорів, іноді з сірим прошарком. Відповідні гончарні осередки все ще не виявлені, однак низка непрямих ознак вказує на Південно-Західний Крим як можливий регіон їх локалізації. Асортимент керамічної продукції досить різноманітний. Він охоплює чотири або п'ять категорій виробів: великогабаритна тара — піфоси двох типів; посуд — середньогабаритні глеки і кухонно-столове начиння; освітлювальні прилади — світильники-свічки, каганці і підвісні світильники; архітектурна декоративно-функціональна кераміка — кахлі і, можливо, спеціально-технологічне обладнання — труби для димарів. В оздобленні використані техніки гравіювання, відбиток пальця або предмета з округлою робочою поверхнею, насічка,

наліпи у вигляді конусів і валика, відбиток густої гребінки і розпис білим ангобом. Традиція виготовлення такої кераміки сформувалася в Криму приблизно на початок XIV ст. Основу її, вочевидь, склали навички місцевих гончарів в сукупності з привнесеними ззовні більш прогресивними технологічними і стилістичними нововведеннями. Їх витoki ще належить з'ясувати. Однак деякі паралелі в морфології і декорі посудин дозволяють розглядати Балкани серед можливих регіонів-джерел подібних інфільтрацій. Еволюція типів групи ПЗК в межах XIV—XV ст. також потребує подальшого вивчення. Водночас вже зараз очевидно, що це керамічне виробництво практично повністю забезпечувало широкий спектр потреб місцевого населення. Вироби групи ПЗК абсолютно домінують в комплексах Криму XV ст., складаючи не менше 90—95 % неполив'яної кераміки. Окрім того, частина посуду, переважно закритої форми, вивозилася за межі Криму як товар, речі, що супроводжують власника, чи тара для експортних продуктів.

Для іншої гончарної традиції, яка сформувалася в попередній період в Південно-Східному Криму (група ПСК), притаманне виробництво неполив'яної і полив'яної кераміки з добре очищених глин з окремими домішками часток вапняку і шамоту, яка набувала після випалу червоного чи жовто-червоного кольору різних відтінків. У XV ст. ця група налічувала чотири категорії виробів: різноманітний побутовий посуд — середньогабаритні глеки, кухонно-столові і санітарно-гігієнічні посудини; освітлювальні прилади — свічники, каганці; елементи інженерних комунікацій — водопровідні труби; технологічні елементи виробничих систем — пічний припас. Неглазуровані посудини цієї групи в комплексах XV ст. поодинокі, складають до 1—2 % побутової неполив'яної кераміки і репрезентовані переважно глечиками. Полив'яні вироби найбільш різноманітні за типологічним складом та оздобленням. Серед них є екземпляри з монохромною чи двокольоровою поливою без додаткових прикрас, так і з різноманітним графічним декором, застосованим як самостійно, так і в поєднанні з розписом двома (зелена, коричнева) або трьома (зелена, коричнева, пурпурово-коричнева) мінеральними фарбами під слабо забарвленою в жовтий або зеленкувато-жовтий колір глазур'ю. Саме вони були найпоширенішими в усьому Причорноморському регіоні (рис. 145).

Виробництво полив'яної кераміки було абсолютно новим ремеслом для середньовічного Криму. Його поява тут пов'язана з розвитком міських центрів на південному сході півострова в останній третині XIII — на початку XIV ст. Серед них першочергове значення мали новоявлені столиця Кримського улусу Джучидської держави Солхат (Старий Крим) і генуезька факторія Кафа (Феодосія), а також підконтрольна монголам колишня візантійська Сутдея (Солдайя, Судак). Зростання цих міст сприяло притоку сюди ремісників, включно з гончарями, що зналися на виготовленні глазурованої кераміки. Аналіз наявних даних дозволяє припускати кілька хвиль міграцій майстрів-керамістів з центральних і західних областей Анатолії, Закавказзя, східних регіонів Малої Азії і Хорезма, а також з Балкан і, можливо, Константинополя. Найбільш істотний вплив на формування популярного в XV ст. поліхромного стилю в місцевій кераміці мали, ймовірно, мігранти саме із Західної Анатолії та Північної Сирії, що переселялися у другій половині XIV ст. у відносно спокійний Крим. На початок XV ст., через різні соціально-політичні і економічні чинники, великі майстерні з виробництва полив'яної кераміки зосередилися пере-

важно в генуезьких володіннях південно-західного і південно-східного узбережжя півострова. Принаймні, яскраві свідчення такого виробництва в XV ст. зафіксовані поки що лише в Чембало і Кафі. Остання домінувала в цьому ремеслі, а місцева барвіста керамічна продукція отримала в науковій літературі назву кераміка «кафинського кола» або «кафинського стилю». Проте питання кількості гончарних осередків Криму XV ст., чия продукція зараз об'єднується у групу ПСК, потребує подальшого дослідження. Водночас, деталізація хронології окремих складових групи ПСК виявилася цілком реальною. На підставі аналізу елементів орнаменту в поєднанні з технікою декору та кольоровою гамою підфарбовування графічного зображення, а також манери виконання елементів малюнку і видів монограм, виділено 8 хронологічних серій цієї групи, що дозволяють корегувати датування комплексів в межах чверті століття (рис. 143).

Третя група місцевих керамічних виробів, що отримала назву Північне Причорномор'я (ПП чи група 1), в комплексах XV ст. репрезентована виключно великогабаритною домашньою тарою — піфосами (рис. 142). Ці посудини масово з'являються в Криму близько другої половини VIII—IX ст. Тоді вони виготовлялися в майстернях південно-східної і південно-західної частин півострова. Будь-які свідчення їх виробництва в XV ст. наразі невідомі, однак факт їх використання місцевими жителями в цей час поза сумнівом.

3. Імпорт з віддалених регіонів охоплює 11 груп керамічних виробів: дві групи піфосів, дві групи неполив'яного (рис. 142) і 7 — глазурованого посуду (рис. 144). В цілому вони склали незначну частину кераміки Криму XV ст. і навіть в елітарних комплексах не перевищували в середньому 8 %. Мабуть більшість довізної продукції, принаймні столової кераміки, була розрахована на задоволення потреби досить вузького кола споживачів, здатних за неї платити на тлі достатньої кількості місцевого доволі якісного і дешевшого полив'яного посуду. Найімовірніше, цей товар був орієнтований на представників заможної частини місцевої громади з вищими естетичними запитами, що підкреслювали їх особливий соціальний статус.

4. Зміни в керамічному імпорті на цей час, у порівнянні з попереднім століттям, пов'язані головним чином з частковою зміною постачальників і торгових маршрутів (рис. 146). Наприклад, з рубежу XIV—XV ст. припиняється ввезення кераміки золотоординських центрів, які в кінці XIV ст. занепали. Водночас, з території Китаю в Крим продовжує надходити селадон, хоча й у порівняно меншій кількості, що теж, ймовірно, пов'язане з порушенням торговельних шляхів на теренах держави Джучидів.

Приблизно з середини XV ст. помітно збільшується частка близькосхідних імітацій Лунцюань-яо — псевдоселадону, який вірогідно привертав увагу купців нижчою в порівнянні з оригіналом ціною і логістикою доставки, а також кіпріотської кераміки переважно з розписом білим ангобом. Обидві ці групи, вочевидь, маркують поживлення східносередземноморського вектора торгівлі генуезців, які мали на цей час істотний вплив на Кіпрі — найважливішому транзитному торговому осередку регіону. До того ж острів з 1426/7 р. перебував у васальній залежності від мамлюкського султанату, на території якого, власне, і виготовлявся псевдоселадон. Надходження його до Криму з Ірану, ворожого як мамлюкам, так і Османам, принаймні через Східне Середземномор'я, на нашу думку є малоімовірним, хоча, безумовно, це питання потребує подальшого вивчення. *Miletus*

Ware і ГРВ також могли закуповуватися генуезцями на шляху з Кіпру до Криму в портах османської Анатолії або Константинополя.

На західному напрямку приблизно з останньої третини XIV і до кінця третьої чверті XV ст. стабільним залишається ввезення іспанської майоліки з майстерень округу Валенсія. До того ж в першій половині — середині XV ст. вона взагалі абсолютно домінує серед довізної кераміки в Криму. У другій половині XV ст. з нею конкурували лише османські Miletus Wares. Головними постачальниками іспанської майоліки в Крим, безумовно, були генуезці, які організували в південних районах Іберійського півострова розгалужену торговельну мережу.

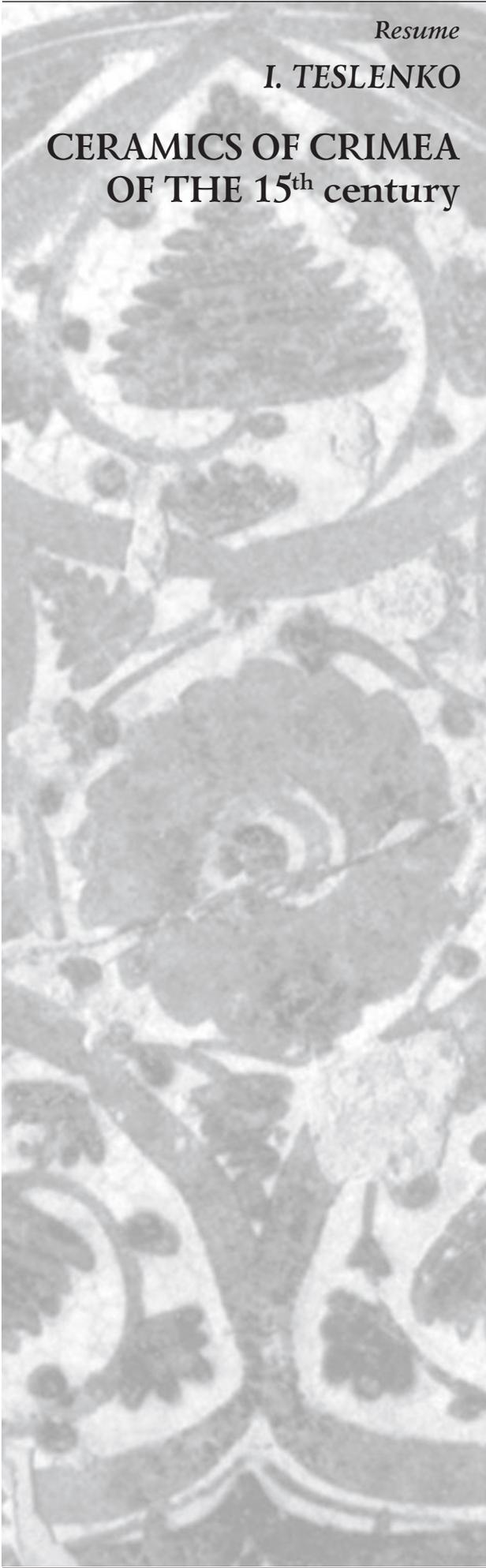
5. У першій — третій чвертях XV ст. **провідна роль в транссередземноморських і чорноморських перевезеннях належала, вочевидь, генуезцям.** Цікаво, що власне італійський посуд в комплексах цього періоду наразі невідомий. Незначні надходження італійської кераміки в Крим відзначені лише для другої половини XIII—XIV і кінця XV—XVII ст. У першому випадку це було, ймовірно, переважно особисте майно італійських «колоністів». У османський час італійська майоліка радше була товаром на продаж, а в окремих випадках — ще й ексклюзивним подарунком. Водночас, в досліджуваній період спостерігається зацікавленість генуезців у поширенні місцевих виробів «кафинського кола» по всьому Причорноморському регіону (рис. 145). Вочевидь, регіональна торгівля гончарними виробами власної факторії була набагато вигіднішою, а ніж ввезення їх з метрополії. Інтерес лігурійців до деяких різновидів «заморської» кераміки найімовірніше підігравався зростаючим попитом на неї серед місцевої еліти Криму. Участь османських купців в торгівлі з Кримом, принаймні з 1450-х рр., також є цілком реальною і підтверджується письмовими свідченнями. Однак аж до 1475 року їх роль, напевне, не була тут визначальною.

6. Окреслено **характерні особливості керамічних комплексів для чотирьох хронологічних періодів** в межах XV ст.: рубіж XIV—XV — перша чверть XV ст.; кінець першої — друга чверть XV ст.; середина — третя чверть XV ст.; четверта чверть XV ст. — початок XVI ст. Це вже зараз дозволяє уточнювати хронологію окремих вже досліджених

пам'яток та комплексів, а також уникнути широких датувань в майбутньому.

Насамкінець відзначимо, що в XV ст. Крим без сумнівів залишався чи не найпотужнішим центром гончарного ремесла, зокрема полив'яного, в Причорноморському регіоні. Навіть приблизні аналоги йому тут наразі невідомі. Головним осередком комерційного виробництва і торгівлі полив'яним посудом в Криму була генуезька Кафа. Завоювання османами Константинополя в 1453 р. найшвидше ще більше посилює її регіональне значення, принаймні, в межах циркумпонтійського ареалу. З середини XV ст., вочевидь вже після катастрофічних для РOMEїв подій, стало помітним поживлення надходжень кераміки зі Східного Середземномор'я і Західної Анатолії. Це може свідчити як про зростання уваги генуезців до східно-середземноморського напрямку торгівлі, в якому Кіпр, ймовірно, відігравав провідну роль, так і про збільшення попиту на престижну довізну кераміку серед «молодих» кримських еліт, а також, можливо, прагнення генуезців врегулювати відносини з новими господарями Чорноморських проток. Проте підкорення Криму і інших причорноморських земель Османами стало лишень питанням часу. Через 22 роки після падіння Константинополя, протягом травня—грудня 1475 р. генуезькі і феодоритські володіння на півострові були захоплені військами Мехмеда II Фатіха. Ця подія маркується численними пожежами в містах і селищах Південного і Південно-Західного Криму, а більш пізні культурні залишки фіксують різкі зміни в керамічних комплексах, які свідчать про зникнення попередніх гончарних традицій.

В цілому, в монографії наведено підсумки багаторічного вивчення автором кераміки Криму XV ст., результати якого, сподіваємося, стануть у нагоді як для польової археологічної практики при первинній обробці керамічних матеріалів, так і для подальшої їх хронологічної і культурної атрибуції, зокрема в музейних зібраннях при складанні наукових каталогів, баз даних, підготовці експозицій і виставок. Водночас, низка спостережень і висновків є важливими для формування об'єктивних уявлень про побутову культуру, декоративно-прикладне мистецтво, торговельно-економічні та соціально-культурні зв'язки населення Криму XV ст., і Середземноморсько-Причорноморського регіону взагалі.

Resume

I. TESLENKO

CERAMICS OF CRIMEA OF THE 15th century

Scientific interest in the late medieval ceramics of the Crimea arose at the turn of the 19th—20th centuries. But until the 1980—1990s, knowledge about the chronology and typology of ceramic complexes of the late Byzantine and early Ottoman periods remained rather meager. The dating of sites and artifacts within two or three centuries was considered quite acceptable. However, more extensive and qualitative research of the late 20th — early 21st century in various branches of historical science allowed to concretize views on the history and archeology of the Crimea of the 14th—15th centuries.

The 15th century was highlighted as a separate epoch marked by the development and coexistence of three state formations on the territory of the peninsula: the Genoese Gazaria, the so-called principality of Theodoro, and the Crimean Khanate. Their growth took place simultaneously with the disappearance of the Byzantine Empire remnants, the gradual disintegration of the Ulug Ulus (Ulus of Juchi) and the spreading influence of the young Ottoman state, which intensified after the fall of Constantinople in 1453. All these socio-political processes were reflected in the material culture of the inhabitants of the peninsula, particularly in the ceramic of the 15th century, which researchers began to distinguish among the late medieval pottery. At the same time, its information potential has not been fully used for a long time. Range of ceramics, as well as its changes due to various internal and external factors remained unstudied. Moreover, there were no uniform approaches to the systematic analysis of ceramic collections, which significantly complicated the work with the bulk of materials at the stage of its primary processing. So the necessity for modern research in these areas has defined the relevance of this study. That way, the creation of a unified typological and chronological classification of Crimean ceramics of the 15th became among the main goals of this work. By so doing we could provide data for the chronology of archaeological sites, for the study of local pottery manufacturing and trade, as well as for the reconstruction of historical processes in Crimea and surrounding lands in the 15th century. The structure of this monograph is subordinated to the number of tasks, which are aimed at reaching this goal. It consists of an introduction, 6 chapters, a conclusion, a bibliography, and a block of illustrations.

The first chapter summarizes the 120-year experience of studying of the late medieval Crimean ceramics. Based on the evolution of the sources accumulation and their interpretation, it is divided into three stages: the end of the 19th — first quarter of the 20th century; second quarter of the 20th century — 1970s; 1980s — current. The critical review of the works of previous and modern researchers as well as analysis of scientific achievement in this field for each of these stages are offered there.

The methodological approaches and main principles of classification, adapted to the object of study, together with a chronology of archaeological contexts within the 15th century outlines **in the second chapter**. More than fifty archeological sites data mainly from the Southwestern, Southern and Southeastern parts of the Crimea were analyzed (fig. 1). More than a hundred well-dated archeological complexes of different types, which represented 12 chronological intervals from the turn of the 14th—15th centuries to the last quarter of 15th — early 16th century have formed the basis for the detailed chronology of ceramic finds.

It became possible due to the collaboration with the Archeology and Archaeometry Laboratory of the French National Centre of Scientific Research in Lyon (Laboratoire Archéologie et Archéométrie, Maison de l'Orient et de la Méditerranée, CNRS UMR 5138) and Dr. HdR. S. Y. Waksman.

The next chapters of the monograph are devoted to different categories of ceramic products from the Crimean sites of the 15th century.

Chapter 3 analyzes the large storage containers — pithoi. Four groups of vessels are characterized. Two of them are Crimean and represent local pottery traditions (fig. 13—17; 20—25; 28; 29; 30: 1); two others are imported ones (fig. 18; 30: 2). These groups of vessels have different periods of a lifetime (fig. 142). The long-term used of pithoi of the 1—3 groups, which were quite widespread in the local households of the 15th centuries, makes it impossible to include them into a detailed chronology of archaeological contexts. At the same time the fourth group, which could be attributed as a Valencian production (fig. 30: 2), is very rare in Crimea but can be a chronological indicator for the assemblages of the second half of the 15th century.

Other unglazed pottery, which also includes two groups of local origin and two groups of imports, are represented in **chapter 4** (fig. 142). A detailed typology and chronology of each group are considered there. Special attention is paid to the South-Western Crimea group of the local pottery (SWC). It was the most numerous, used during the 14th—15th centuries and consisted of 6 main types and more than a dozen subtypes and variants of vessels, mostly closed, as well as open shapes and lids for them (fig. 36—60). The analysis of these wares makes it possible to trace the peculiarities of the development of one of the local pottery traditions for almost two centuries. Nevertheless the detailed chronology for the different types of this group was not realized at this stage of the study due to a rather long term of circulation of those types.

The small number of unglazed vessels of another local pottery group named South-Eastern Crimea or SEC was quite unexpected. Unglazed SEC wares were more varied during the 14th century and then in the early Ottoman time, but in the assemblages of the 15th century they are represented mainly by single finds of small and large jugs fixed in the contexts of the second part of this century (fig. 61).

At the same time, one of the groups of coarse wares probably imported from Asia Minor — the so-called Pots with rail-shaped rims or PRR, was sufficiently numerous (fig. 62—65). It appeared near the middle of the 15th century and so can be a reliable chronological indicator for highlighting archaeological contexts formed not earlier than the middle — the third quarter of this century. The reasons for the popularity of these kitchen pots possibly layered in some special utilitarian properties that the local people liked.

Another imported group of the coarse pottery is represented only by one big jug with a lid from the donjon of Funa castle (fig. 66). Its origin is unknown yet. Most likely, this jug came here as a personal belonging or as a container with some special content, which could have been presented to the owner of the castle.

Chapter 5 devotes to the analysis of glazed ceramics. They are represented by 8 groups of different origin. The local South-Eastern Crimea group of ceramics (SEC) is the most numerous and diverse among them (fig. 67—115). Genoese Caffa remained the main center of manufacturing and export of SEC in the 15th century. Either way, the pottery of the so-called “Caffa style” absolutely dominates in Crimea and was exported in large quantities to the surrounding lands. At the same time, Caffa’s monopoly does not exclude the existence of similar workshops in the other sites. For instance, a smaller one is known in Chembalo (Balaklava). Such kind of a craft was quite possibly also in Mangup and Sudak, but it has not been proven yet. The range of SEC group wares includes about 12 types, 30 subtypes of open and closed shapes vessels, and 2 types of lids. At least 8 chronological series, which can be used for a clearer dating of ceramic assemblages, are identified

in the SEC group through decorative features (fig. 143). In addition, the origins of technological and stylistic traditions of glazed pottery production in Crimea are analyzed also.

The other 7 groups of glazed ceramics are imported (fig. 144). Ottoman red clay vessels with cobalt painting so-called Miletus Ware (fig. 117—123), which equals at least 50 % of the glazed imports of the third quarter of the 15th century as well as Spanish tin-glazed wares (figs. 124—128), which equals not less than 40 % of glazed imports of the 15th century, are the most representative among them. Middle Eastern pseudoseladon (fig. 129: 19—21), Chinese celadon (fig. 129: 1—3), and Cypriot style ware wares (fig. 130: 1—8) are less common and could equal about respectively 1 % and 3 % in the 15th century assemblages.

Most of the wares of the first three and the last of these groups are dated quite definitely, so they can be used to clarify the chronology of the archaeological contexts. Two another imported groups — the Golden Horde Soft-Paste Ware (fig. 129: 4—18) and Byzantine bowls with monograms (fig. 130: 9; 10) are mostly rarities from the previous century.

Descriptions of lighting appliances (fig. 131—133), architectural and technological ceramics (fig. 134—141), which supplement the list of ceramic utensils of the Crimean inhabitants in the 15th century, are proposed in the **chapter 6**. Their detailed chronology is the task for future research.

The results of the study are summarized in the **conclusion**. The main outcomes are as follows.

1. At least 14 groups of ceramics of various origins were used in the everyday life of local population of Crimea in the 15th century. Three of them — South-Western Crimea (SWC), South-Eastern Crimea (SEC) and the Northern Black Sea Coast groups — are local, others are imported ones (fig. 142—144).

2. Two pottery traditions characterized by a rather high technological level dominated in the local ceramic production. The manufacture of only unglazed wares from sandy clays, which turned red-brown or dark brown after firing, was inherent for one of them (SWC group). The workshops associated with this tradition have not been discovered yet, but a number of indirect signs point to the South-Western Crimea as a possible region of their localization. The range of ceramics corresponding to this tradition is quite diverse. It includes four or five categories of products: large household storage containers — pithos of two types; utensils for everyday use — medium-sized jugs, kitchen and table wares; lighting appliances — candlesticks, oil and pendant lamps; architectural ceramics — tiles and, possibly, special technological equipment — pipes for chimneys. Drawing techniques, a fingerprint, notching, sticking in the shape of cones and a roller, a thick comb imprint and painting with a white engobe were used for the decoration. This ceramic tradition was formed in the Crimea around the beginning of the 14th century. It was obviously based on the skills of local potters combined with more progressive technological and stylistic innovations coming from outside. Their origins still need to be clarified. However, some parallels in the morphology and decoration of the vessels make it possible to consider the Balkans among the possible sources of such infiltrations. The evolution of the types of the SWC group within the 14th—15th centuries also needs further study. Nevertheless, it is already clear that this ceramic production almost completely satisfied diverse needs of the local population in the ordinary ceramic utensils. Pottery of SWC group equals at least 90—95 % of unglazed ceramics in the assemblages of the 15th century. In addition, some of the vessels, mostly

closed shapes were moved outside the Crimea as goods, personal belongings, or containers for exported products. In any case they have been found on the different sites of Northern Black Sea area.

Another pottery tradition, which was formed in the previous period in the South-Eastern Crimea (SEC group), is characterized by diversity of glazed ceramics and rarity of unglazed ones. The clay is well refined with rare inclusion of limestone and chamotte. The shard is red or yellow-red in various shades. In the 15th century this group included four categories of wares: various household utensils — medium-sized jugs, kitchen, table and hygienic vessels; lighting appliances — candlesticks, lamps; elements of engineering communications — water pipes; technological ceramics — tripod stilts for firing. Unglazed vessels of this group make up only 1–2 % of household unglazed ceramics in the assemblages of the 15th century and are represented mainly by jugs. By contrast with them, the glazed wares are very diverse in shapes and decoration. There are exemplars with monochrome or bicolor glaze without any ornamentation, as well as with a variety of sgraffito decorations both monochrome and painted with two (green, brown) or three (green, brown, purple-brown) colors under a slightly yellow or greenish-yellow glaze. They were the most common in the Black Sea region (fig. 145).

The glazed pottery production was an absolutely new craft for the medieval Crimea. Its appearance there is associated with the development of urban centers in the southeast of the peninsula in the last third of the 13th — early of the 14th centuries. Solkhat (Staryi Krym), which became a capital of the Crimean Ulus of the Golden Horde and the Genoese trading post Caffa (Feodosia), as well as the former Byzantine Sugdeya (Soldaya, Sudak) controlled by the Mongols, were the most important among them. The growth of these cities contributed to the influx of artisans, including potters, who specialized in the glazed pottery production. Analysis of the available data suggests several waves of potters' migration from the central and western parts of Anatolia, Transcaucasia, the eastern regions of Asia Minor and Khorezm, as well as from the Balkans and, possibly, Constantinople. The migrants from Western Anatolia and Northern Syria, who moved in the second half of the 14th century to the relatively calm Crimea, have had the most significant impact on the development of the polychrome style in local ceramic that become very popular in the 15th century. Due to various socio-political and economic factors, large glazed pottery workshops were concentrated mainly in the Genoese possessions of the southwestern and southeastern coasts of the peninsula by the beginning of the 15th century. Either way, convincing evidence of glazed pottery production in the 15th century has been found only in Chembalo and Caffa so far. However, the problem of the quantity of the pottery workshops in the 15th century, whose products are combined now into the SEC group, need further research. At the same time, the clearing of the chronology of some components of the SEC group is quite possible. 8 chronological series have been identified based on the analysis of the ornamental elements in combination with the decor technique and the colors of polychrome paintings, together with the creative manner for drawing elements and types of monograms. Now it is possible to use them for the date correction of the archaeological contexts within a quarter of a century (fig. 143).

The third group of local ceramics, so-called Northern Black Sea, NBS or group 1 is represented only by big storage containers (pithoi) in the contexts of the 15th century (fig. 142). These vessels were widespread

in the Crimea from the second half of the 8th—9th centuries, when they have been manufactured in the big workshops of the southeastern and southwestern part of the peninsula. Any evidence of their production there in the 15th century is still unknown, but the fact of their use by the local inhabitants at this time is undoubted. Due to such a long period of existence of NBS group of vessels, it cannot be the chronological indicator for archaeological contexts.

3. Imported wares accounts for 11 groups: two groups of pithoi, two — unglazed vessels (fig. 142) and 7 — glazed tablewares (fig. 144). In general, they constituted an insignificant part of the 15th century Crimean ceramics, and even in the elite complexes did not exceed on average 8 %. Apparently, most imported ceramics, at least tablewares, were intended for a very limited number of consumers who would like to pay for it amid a sufficient number of local high-quality and cheap glazed utensils. Most likely, primarily wealthy representatives of the local community with higher aesthetic demands, which emphasized their special social position, bought these goods.

4. Changes in ceramic imports, which have been occurred at the turn of 14th—15th centuries and later, are associated mainly with a partial change in suppliers and trade routes (fig. 146). For instance, the import of ceramics from the Golden Horde centres, which fell into decay at the end of the 14th century, was completely stopped. But celadon continues to flow from the territory of China to Crimea, although in smaller quantities than earlier, which is also probably due to the disruption of trade routes in the territory of the Jochids State. The share of pseudoceladon from the Middle East, which attracted the attention of merchants with a lower price and delivery logistics in comparison with the original, as well as Cypriot style ceramics predominantly painted with white engobe, noticeably increased from about the middle of the 15th century. Both of these groups apparently mark the revitalization of the Eastern Mediterranean direction of the Genoese trade. As known, Ligurians had a significant influence in Cyprus, which was the most important transit commercial centre of the region at that time. In addition, the island was in vassalage to the Mamluk sultanate from 1426/7, where pseudoceladon have been manufactured. Its import into the Crimea from Iran, hostile to both the Mamluks and the Ottomans, through the Eastern Mediterranean seems unlikely but this question definitely needs further study.

Miletus Ware and PRR appeared in Crimea not earlier than the middle of the 15th century. They could also be purchased by the Genoese in the ports of Ottoman Anatolia or Constantinople (Konstantiniyye) on the way from Cyprus to Crimea. At the same time, the participation of Ottoman merchants in this trade is also possible.

The import of Spanish majolica from the Valencia workshops remained stable in the western direction from about the last third of the 14th to the end of the third quarter of the 15th century. It absolutely dominates among the imported ceramics in Crimea in the first half — middle of the 15th century. Only the Ottoman Miletus Wares competed with it in the second half of the 15th century. The Genoese, who organized an extensive trade network in the southern regions of the Iberian Peninsula, were undoubtedly the key suppliers of Spanish glazed wares to Crimea.

5. So the leading role in the trans-Mediterranean and Black Sea pottery trade obviously belonged to the Genoese in the first — third quarters of the 15th century. It is interesting that the actual Italian wares are still unknown in the contexts of this period. Insignifi-

cant amount of Italian ceramics in the Crimea is noted only for the second half of the 13th–14th and for the end of the 15th–17th centuries. Perhaps, it was mainly the personal belonging of the Italian “colonists” in the first case. In the Ottoman times it was rather goods for the sale, and occasionally also an exclusive gift. At the same time, the interest of the Genoese in the distribution of Crimean glazed pottery of the “Caffa style” throughout the Black Sea region was clearly expressed during the period under study (fig. 145). Evidently, the regional commerce with pottery from their own trading posts was much more profitable than importing them from the metropolis. The interest of the Ligurians in the merchandising with some groups of imported ceramics was most likely fuelled by the growing demand for these goods among the local Crimean elite. The participation of Ottoman merchants in trade with the Crimea, at least since the 1450s, was also quite possible and is confirmed by historical records. However, their role was not dominant there until 1475.

6. The specific features of ceramic assemblages for the four chronological periods within the 15th century were determined: the turn of the 14th–15th — the first quarter of the 15th centuries; the second quarter of the 15th century; the middle — third quarter of the 15th century; fourth quarter of the 15th — early 16th centuries. It allows to clarify the chronology of certain studied sites already now, as well as to avoid wide dating in the future.

Finally, it is worth emphasizing once again the important place of Crimean glazed pottery manufacturing in the Black Sea region in the 15th century, which did not have even approximate synchronous analogues there, at least known now. The main centre of commercial production and trade of glazed tablewares in the Crimea was the Genoese Caffa. The Ottomans’ conquest of Constantinople in 1453 probably further enhanced its regional importance. The increasing of pottery export from the Eastern Mediterranean and Western Anatolia became noticeable from the middle of the 15th century also. This may indicate both the growing attention of Genoese to the eastern Mediterranean trade, largely related to the disruption of previous trade routs through Mongols steppe, as well as perhaps the attempts of Ligurians to establish a partnership with the new owners of the Black Sea Straits so on. Nevertheless, the conquest of Crimea and other Black Sea lands by the Ottomans was only a matter of time. During May–December 1475, 22 years after the fall of Constantinople, the Genoese and Theodoros possessions on the peninsula were captured by the troops of Mehmed II Fatih. Numerous fires in the cities of Southern and South-Western Crimea mark this event. Later cultural remains fixed the significant changes in ceramic assemblages, which indicate the previous pottery traditions loss and disruption of trade communication.

Thus the results of the long-term study of Crimean ceramics of the 15th century are presented in the monograph. They hopefully will be useful both for field ar-

chaeological practice in the primary processing of ceramic materials, and for their subsequent chronological and cultural attribution, in particular in museum collections, for compiling of catalogs, databases, exhibitions development and exhibitions. At the same time, some observations and conclusions are important for the refill of knowledge about everyday life, arts and crafts, trade, and socio-cultural relations of both the population of the Crimea and the Black Sea region in the 15th century.

Acknowledgments. I owe an enormous debt of gratitude to all those, who contributed to the creation of this book. I would first like to thank Drs. V. Myts, S. Adaksina, and V. Kirilko, who are the authors of the medieval site excavations in Alushta, Funar and Choban-Kule and who kindly gave me materials for research and publication, as well as to Dr. V. Naumenko, who shared unpublished data on architectural ceramics from excavation in Mangup with me, and to A. Dzh-anov and Dr. V. Mayko, who got me acquainted with materials of excavations in Sudak.

The special thanks addressed to S. Syomin, who patiently and carefully drew the most of ceramics, to A. Chekanovskiy, the author of the main volume of photographs presented in the book, to A. Lysenko, who rendered priceless assistance in editing of the text, as well as to Dr. S. Kavertsev, whose efforts have contributed to the determination of the vessels volumes based on method developed by him.

I would particularly like to single out the team of the Archeology and Archaeometry Laboratory of the French National Centre of Scientific Research in Lyon (Laboratoire Archéologie et Archéométrie, Maison de l’Orient et de la Méditerranée, CNRS UMR 5138) and especially Dr. HdR. S.Y. Waksman. Our long-term collaboration led to fruitful results, thanks to chemical analysis, which helped identifying the origin of some of the groups of ceramics considered in this study. Moreover, I would like to acknowledge the financial support to our research projects of the Ukrainian Ministry of Education and Science, the French Ministry of Europe and Foreign Affairs, the French Ministry of Higher Education, Research and Innovation, as well as the Foundation “Maison des Sciences de l’Homme”; of France.

I would like to extend my sincere thanks to my colleagues Prof. Dr. B. Böhlendorf-Arslan, Prof. Dr. F. Yenişehirlioğlu, Prof. Dr. N. Özkul Findik, Dr. F. Inanan, Prof. Dr. S. Gelichi, and Dr. V. Koval. Their advices were very useful for attribution of some groups of imported ceramics and their distribution area.

And finally, I would like to express my sincere gratitude to Dr. E. Veremeychik, Dr. L. Chmil, N. Ginkut, G. Guionova, M. Kvitnitskiy, E. Parshina, Drs. C. Belyaeva, L. Vinogradskaya, Profs. Drs. S. Pivovarov, A. Motsia, and G. Ivakin (who sadly left this realm), for valuable advices, critical comments, detailed reviews, fruitful discussions, professional assistance, and friendly support that undoubtedly contribute to improvement of this book, as well as to S. Gorbanenko, who prepared it for edition.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта основных археологических объектов Крыма XIV—XV вв., на которых производились раскопки или шурфовки.

Рис. 8, 9. Параметрические характеристики и основные формы сосудов, крышек и осветительных приборов.

Рис. 10, 11. Городище в Алуште и крепость Фуна, планы.

Рис. 12—30; 32. Пифосы, найденные на территории Крыма.

Рис. 31. Абхазия, с. Джгерда, старинный способ хранения вина.

Рис. 33—35. Процесс производства пифосов в Мессении (юго-западный Пелопоннес, Греция) и на Кипре, по этнографическим данным.

Рис. 36—43. Двуручные тарные кувшины группы Юго-Западный Крым.

Рис. 44—58. Кухонно-столовая посуда группы Юго-Западный Крым.

Рис. 59, 60. Крышки группы Юго-Западный Крым.

Рис. 61. Неполивные кувшины группы Юго-Восточный Крым.

Рис. 62—65. Сосуды группы Горшков с рельсовидным венчиком.

Рис. 66. Изделия группы Фуна.

Рис. 67—73. Поливная посуда группы Юго-Восточный Крым. Сосуды закрытой формы.

Рис. 74—115. Поливная посуда группы Юго-Восточный Крым. Сосуды открытой формы и крышки.

Рис. 116. Сосуды с полихромным орнаментом сграффито из Крыма и Анатолии.

Рис. 117—123. Османская керамика группы Miletus Ware.

Рис. 124—128. Испанская керамика с оловянной глазурью.

Рис. 129. Китайский селадон, золотоордынский кашин и ближневосточный псевдоселадон.

Рис. 130. Керамика киприотского и византийского круга.

Рис. 131. Осветительные приборы группы Юго-Западный Крым.

Рис. 132, 133. Осветительные приборы группы Юго-Восточный Крым.

Рис. 134—136. Черепица и плинфа.

Рис. 137. Изразец группы Юго-Западный Крым.

Рис. 138. Керамические элементы архитектурного декора.

Рис. 139. Водопроводные трубы.

Рис. 140. Керамические конструкции дымохода.

Рис. 141. Печной припас.

Рис. 142—144. Хронологические таблицы керамики Крыма XV в.

Рис. 145, 146. Экспорт и импорт керамических изделий, схематические карты.

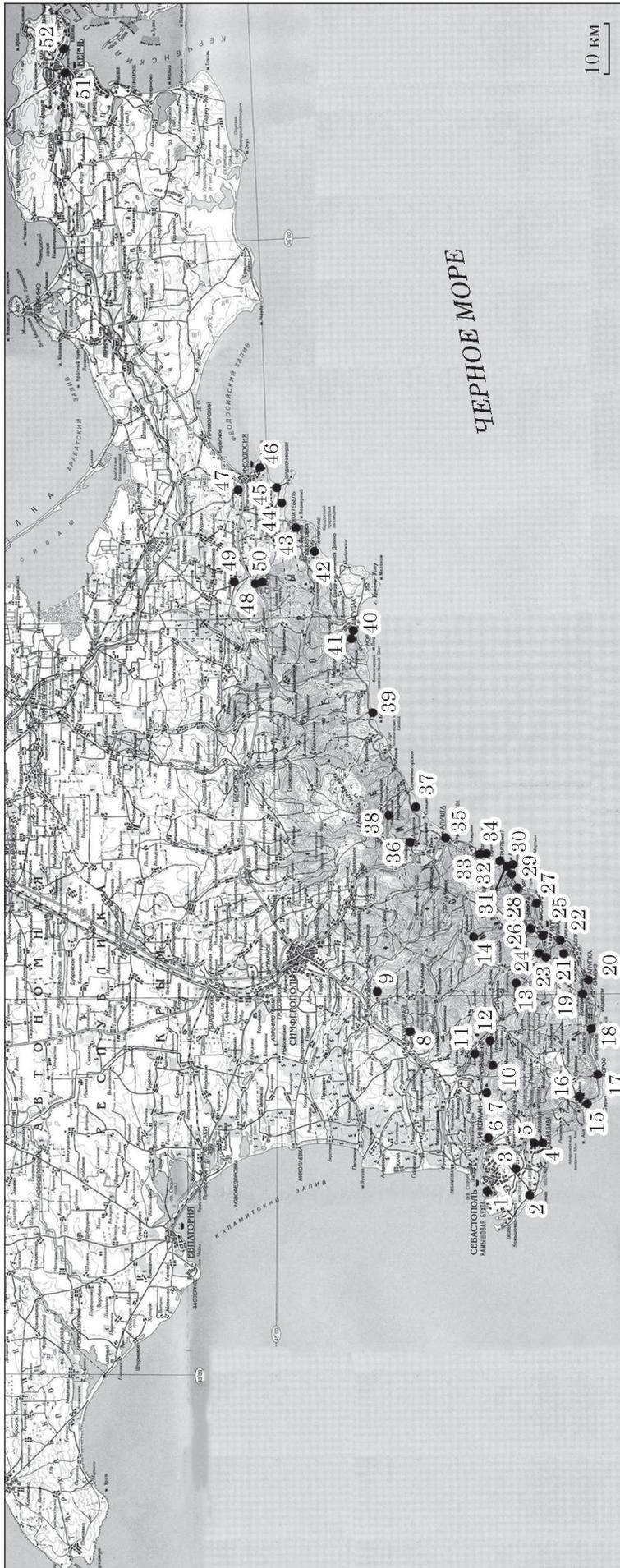

Рис. 1. Карта основных археологических объектов Крыма XIV—XV вв., на которых производились раскопки или шурфовки: 1 — Херсонес; 2 — мыс Виноградный; 3 — Сарандинакина балка; 4 — Балаклава / Чембало; 5 — Мыс Кадьяковка / Кадьякой; 6 — Инкерман / Каламита; 7 — Кыз-Куле / Черкес-Кермен; 8 — Чуфут-Кале; 9 — Бакла; 10 — Мангуп; 11 — Сюйрень; 12 — Пампук-Кая; 13 — Бойка; 14 — Керменчик; 15 — Ласпи; 16 — Ласпнская яйла, храм; 17 — Форос; 18 — Бекегово / Кучук-Кой; 19 — Голубой залив; 20 — Симеиз; 21 — г. Хачла-Каясы у Верхней Ореанда; 22 — Верхняя Ореанда; 23 — Учансу-Исар; 24 — поселение под г. Ставри-Кая; 25 — Ялта; 26 — Массандра; 27 — Никита; 28 — Гурзуф; 29 — Аю-Даг 1; 30 — Аю-Даг 2; 31 — Аю-Даг 3; 32 — Партеит; 33 — Малый Маяк 1 (г. Ай-Тодор); 34 — Малый Маяк 2; 35 — Алушта; 36 — Фуна; 37 — Соте-ра; 38 — Генеральское, храм Ай-Андрий; 39 — Чобан-Куле; 40 — Сулак / Судея / Солдайя; 41 — г. Перчем у Судака; 42 — Кордон-Оба; 43 — Тепсень; 44 — бухта Тихая, Кучук-Яншарская долина, поселение; 45 — Двужорная долина, армянский монастырь; 46 — Феодосия / Каффа; 47 — поселение в пойме р. Байбуга; 48 — Старый Крым / Солхат; 49 — Кринички II; 50 — Бокаташ II; 51 — Керчь; 52 — Мирмекий.

Fig. 1. Crimea; major sites of the 14th–15th centuries mentioned in the text, which were subjects of archaeological study: 1 — Chersonesos; 2 — Cape Vinogradny; 3 — Sarandinakina beam; 4 — Balaklava / Chembalo; 5 — Kadykovka / Kadykoy; 6 — Inkerman / Kalamita; 7 — Kyz-Kule / Cherkes-Kermen; 8 — Chufut-Kale; 9 — Bakla; 10 — Mangup; 11 — Siuyren; 12 — Rampuk-Kaya; 13 — Boyka; 14 — Ker-menchik; 15 — Laspi; 16 — Laspynskaya yayla, a church; 17 — Foros; 18 — Beke-tovo / Kuchuk-Koy; 19 — Goluboy Zaliv; 20 — Simeiz; 21 — Khachla-Kayasy mount near Verhniaya Oreanda; 22 — Verhniaya Oreanda; 23 — Uchansu-Isar; 24 — a settlement at the foot of the Stavri-Kaya mount; 25 — Yalta; 26 — Massandra; 27 — Nikita; 28 — Gurzuf; 29 — Ayu-Dag 1; 30 — Ayu-Dag 2; 31 — Ayu-Dag 3; 32 — Partenit; 33 — Malyi Mayak 1 (Ay-Todor); 34 — Malyi Mayak 2; 35 — Alushta; 36 — Funa; 37 — Sotera; 38 — General'skoe, Ay-Andriy church; 39 — Choban-Kule; 40 — Sudak / Sugdeya / Soldaya; 41 — Perchem mount near Sudak; 42 — Cordon-Oba; 43 — Tepsen; 44 — Tikhaya bay, Kuchuk-Yanisharskaya valley, settlement; 45 — Dvuzhorknaya valley, Armenian monastery; 46 — Feodosia / Kaffa; 47 — set-tlement in the floodplain of the river Baybuga; 48 — Staryi Krym / Solhat; 49 — Krimchki II; 50 — Bokatash II; 51 — Kerch; 52 — Mirmekiy.

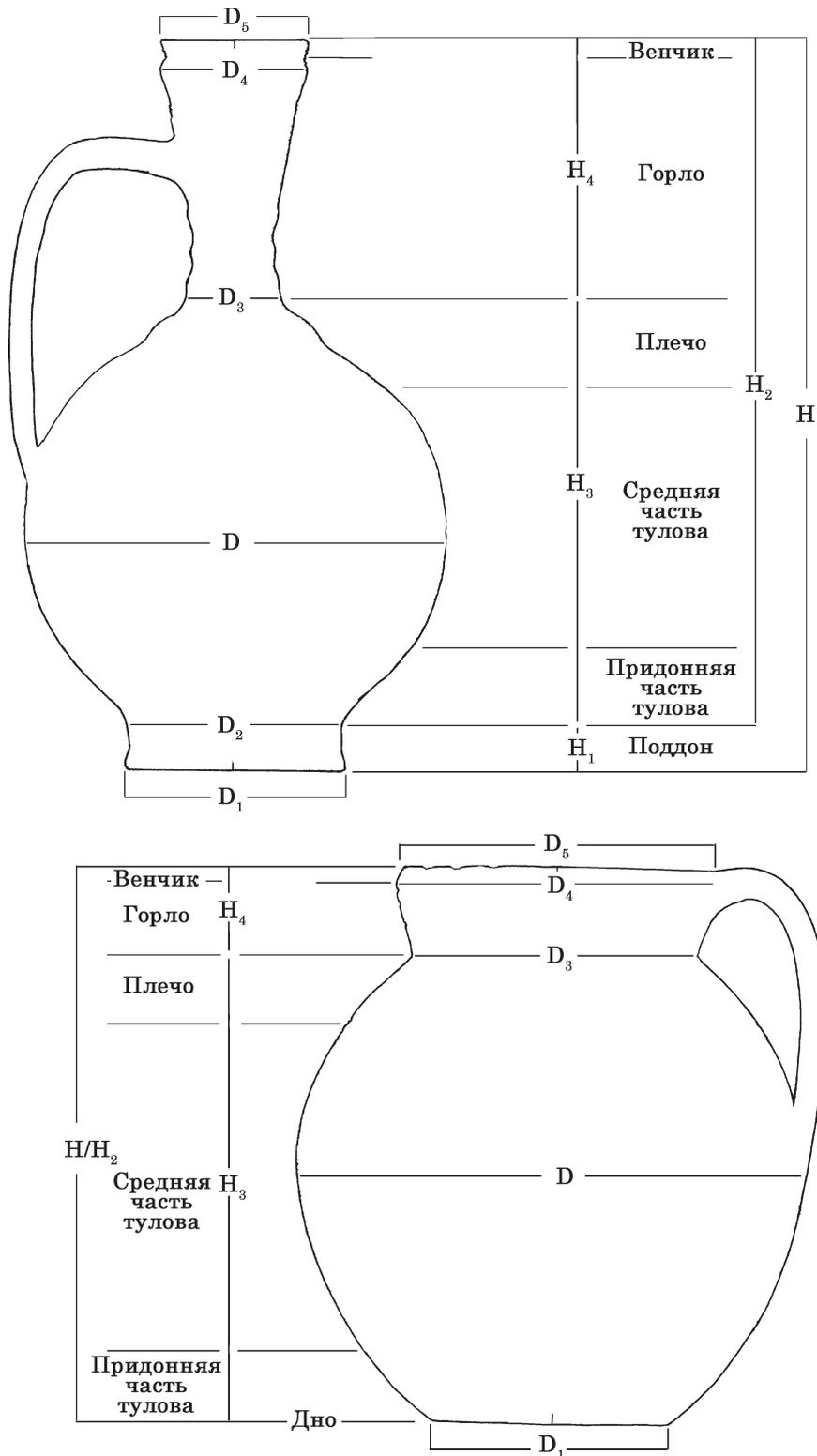

Рис. 2. Параметрические характеристики сосудов закрытой формы.

Fig. 2. Closed shapes vessels, parametric characteristics.

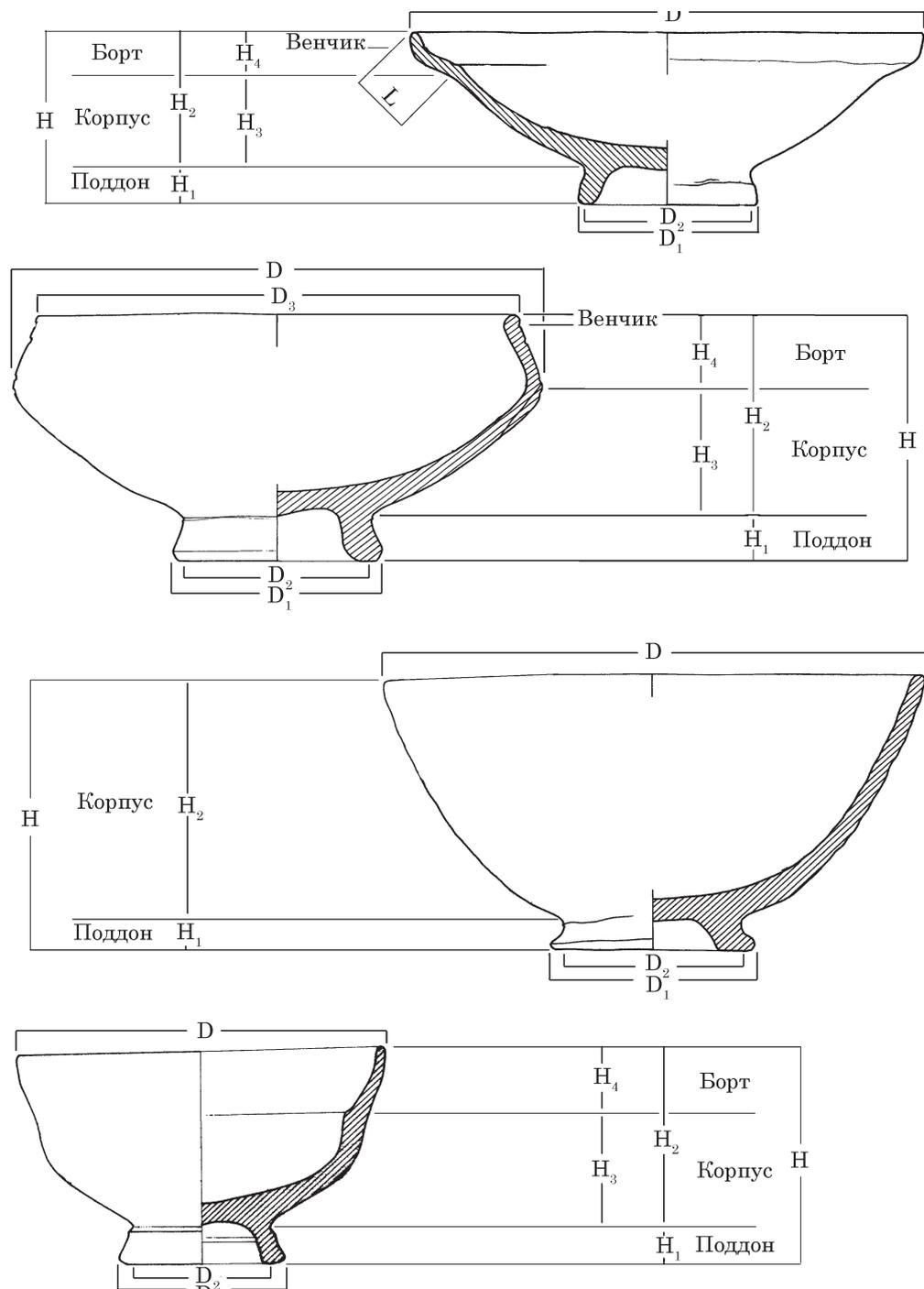

Рис. 3. Параметрические характеристики сосудов открытой формы.

Fig. 3. Open shapes vessels, parametric characteristics.

Основные формы тулова
сосудов закрытой формы

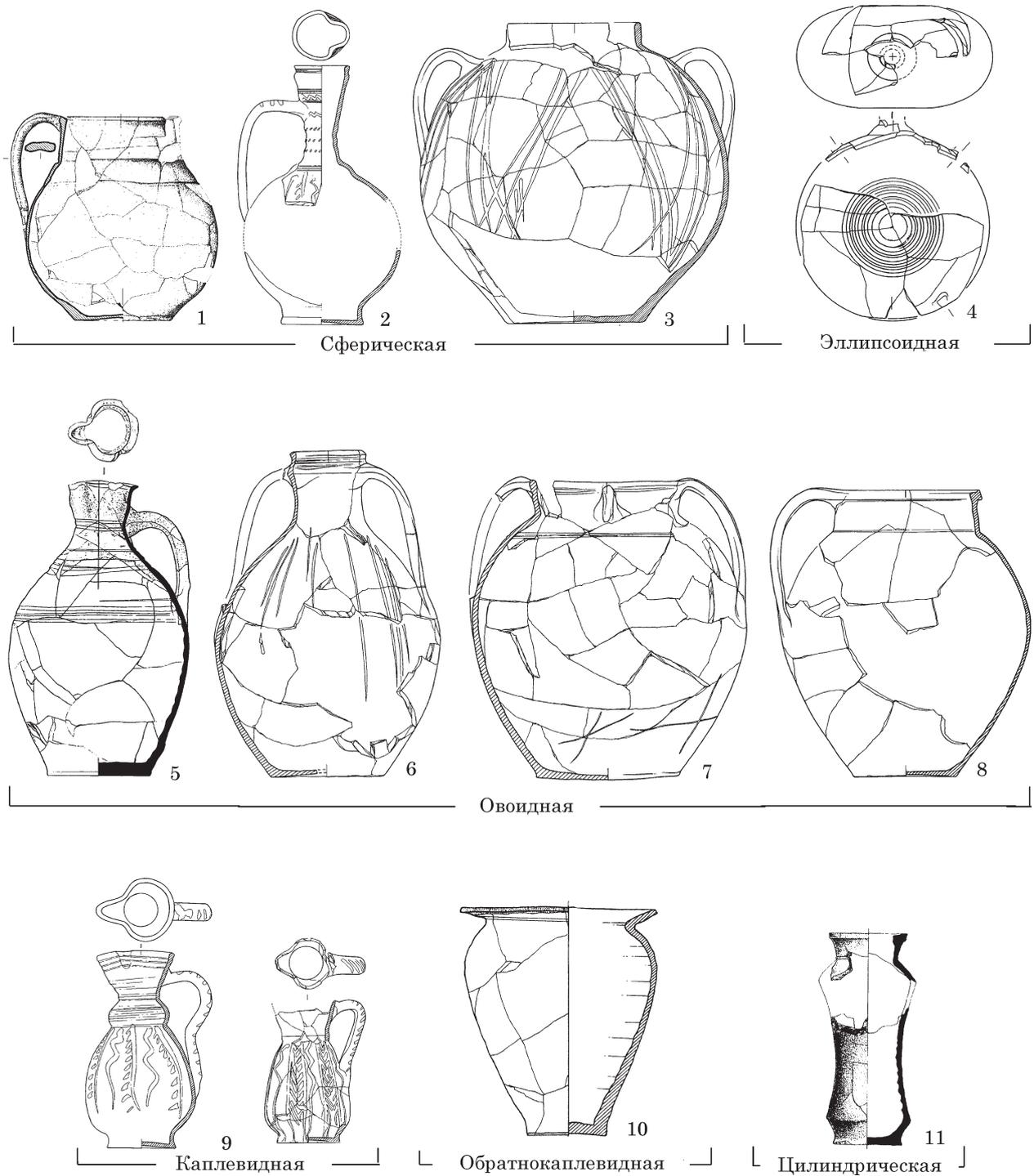

Рис. 4. Варианты формы тулова закрытых сосудов.

Fig. 4. Closed shapes vessels, configurations of the bodies.

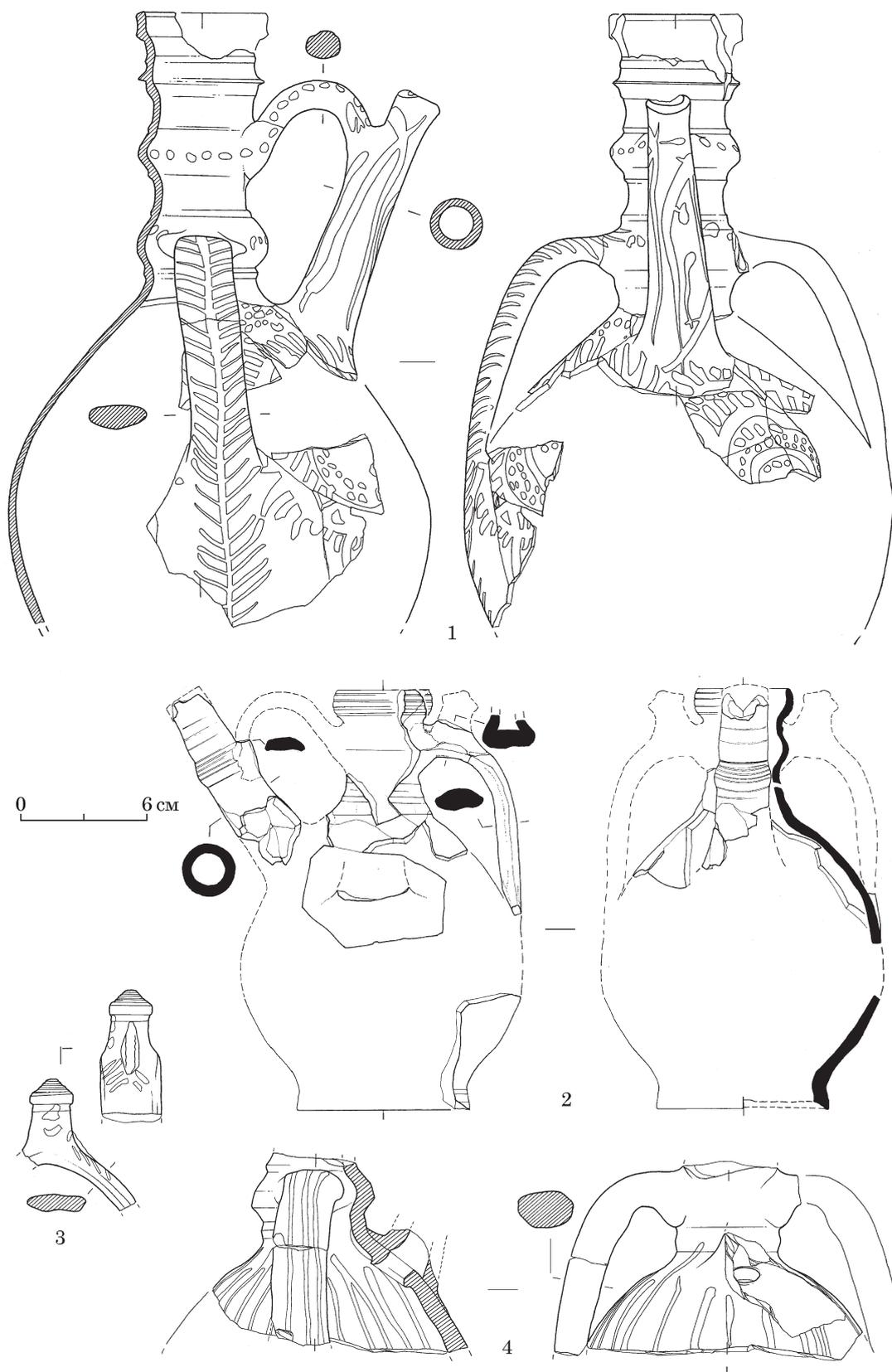

Рис. 5. Варианты формы горла и слива закрытых сосудов.

Fig. 5. Closed shapes vessels, configurations of the necks and spouts.

Рис. 6. Варианты ручек сосудов закрытой (I) и открытой (II) формы.

Fig. 6. Closed (I) and open (II) shapes vessels, configurations of the handles.

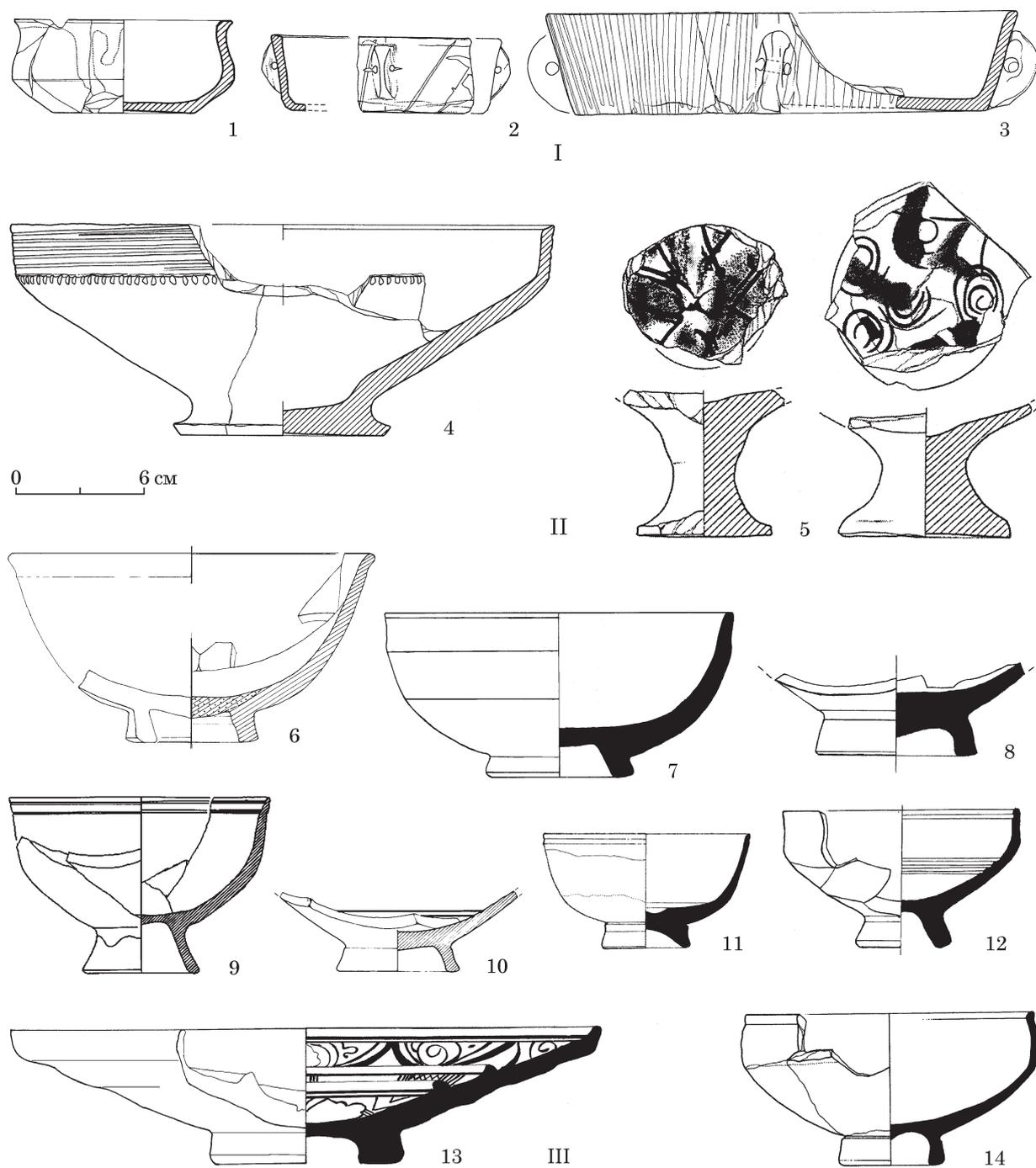

Рис. 7. Варианты формы корпуса и поддонов открытых сосудов.

Fig. 7. Open shapes vessels, configurations of the bodies and bottoms.

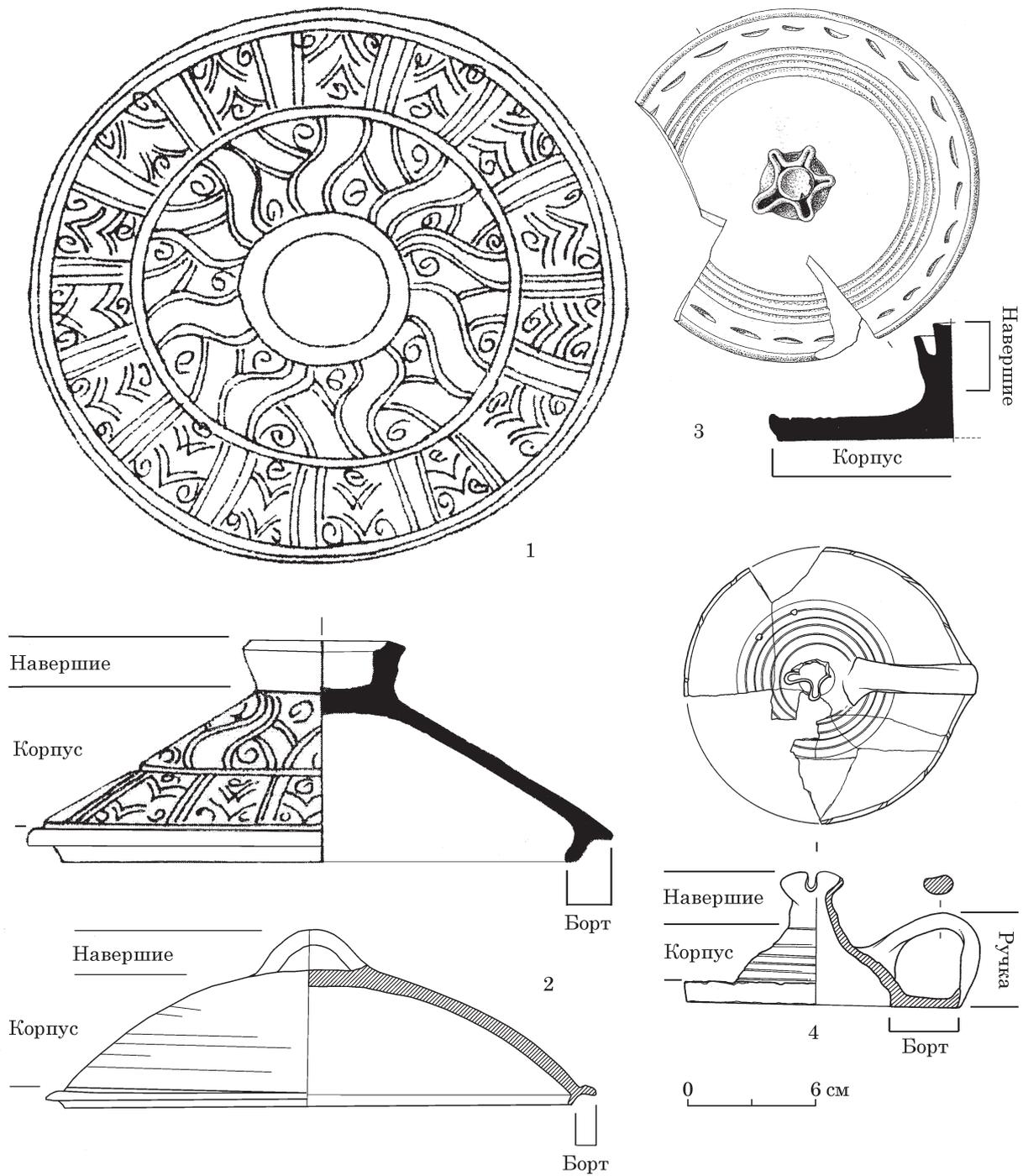

Рис. 8. Форма крышек и их составные части.

Fig. 8. Lids, shapes and components.

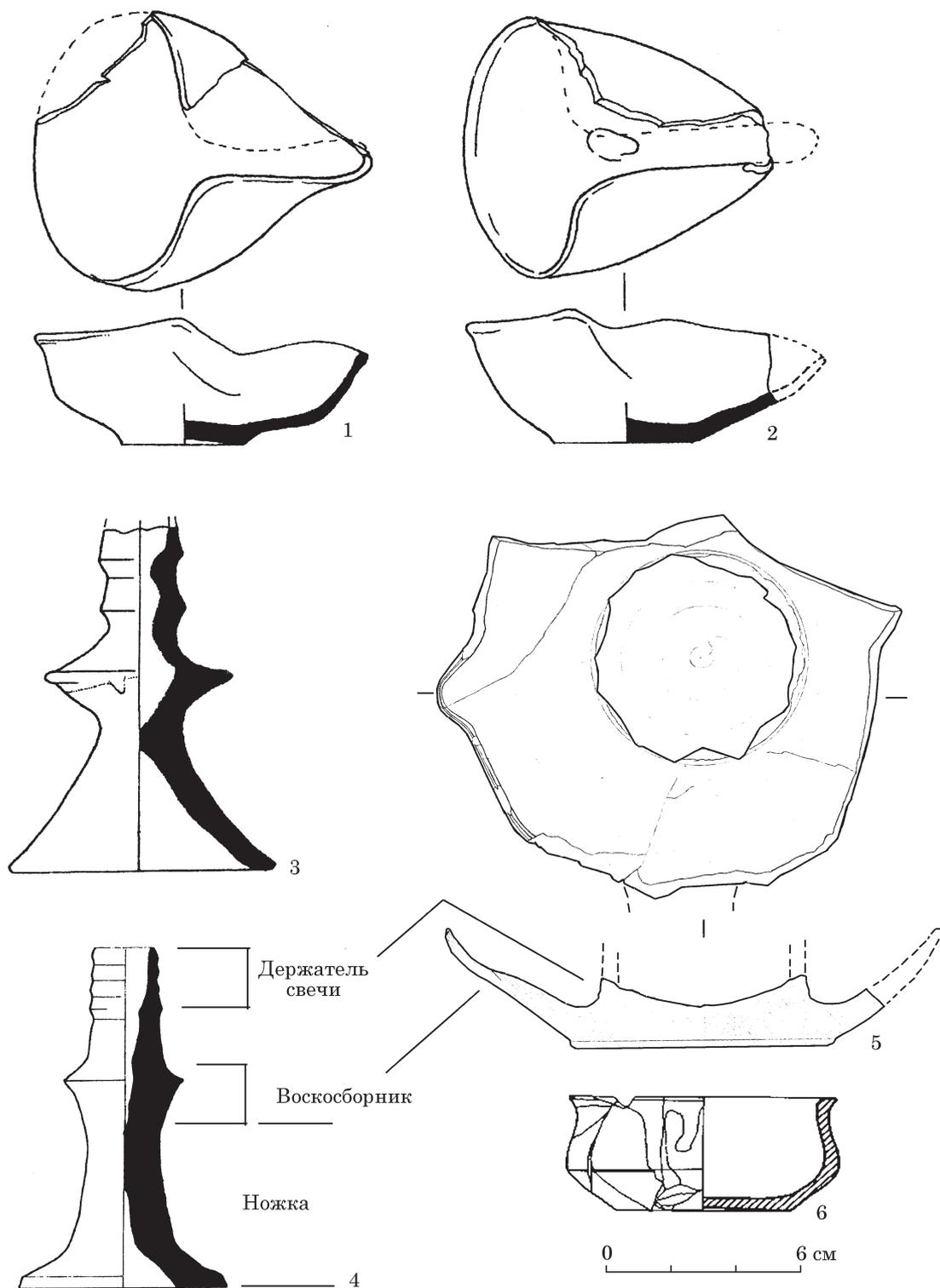

Рис. 9. Форма светильников и подсвечников и их составные части.

Fig. 9. Oil lamps and candlesticks; shapes and components.

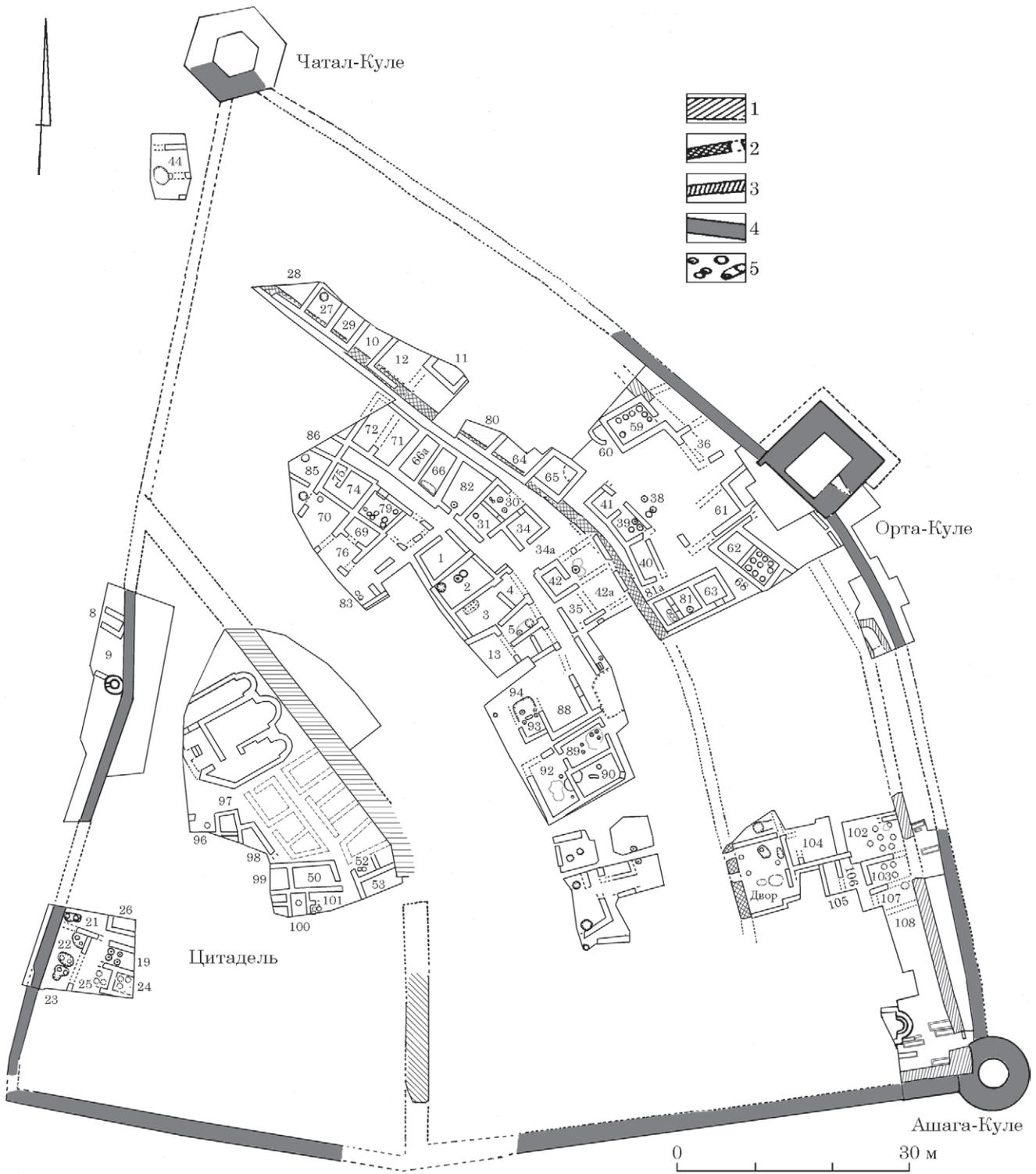

Рис. 10. Алушта, укрепление на вершине «Крепостного холма» (Алуштинская крепость). План застройки XIV—XV вв. 1 — первая линия обороны (VI в.); 2 — вторая линия обороны (X в.); 3 — третья линия обороны (не позднее 20-х гг. XV в.); 4 — последняя линия обороны (60-е гг. XV в.); 5 — пифосы и пифосные ямы; 1—108 — жилищно-хозяйственные объекты.

Fig. 10. Alushta, fortress at the top of the “Fortress Hill”. Schematic plan of an excavated area; buildings of the 14th—15th centuries. 1 — fortress wall of the 6th century; 2 — fortress wall of the 10th century; 3 — fortress wall built before 20s of the 15th century; 4 — the last line of the fortifications, 1460s; 5 — pithoi and pits for them; 1—108 — dwellings.

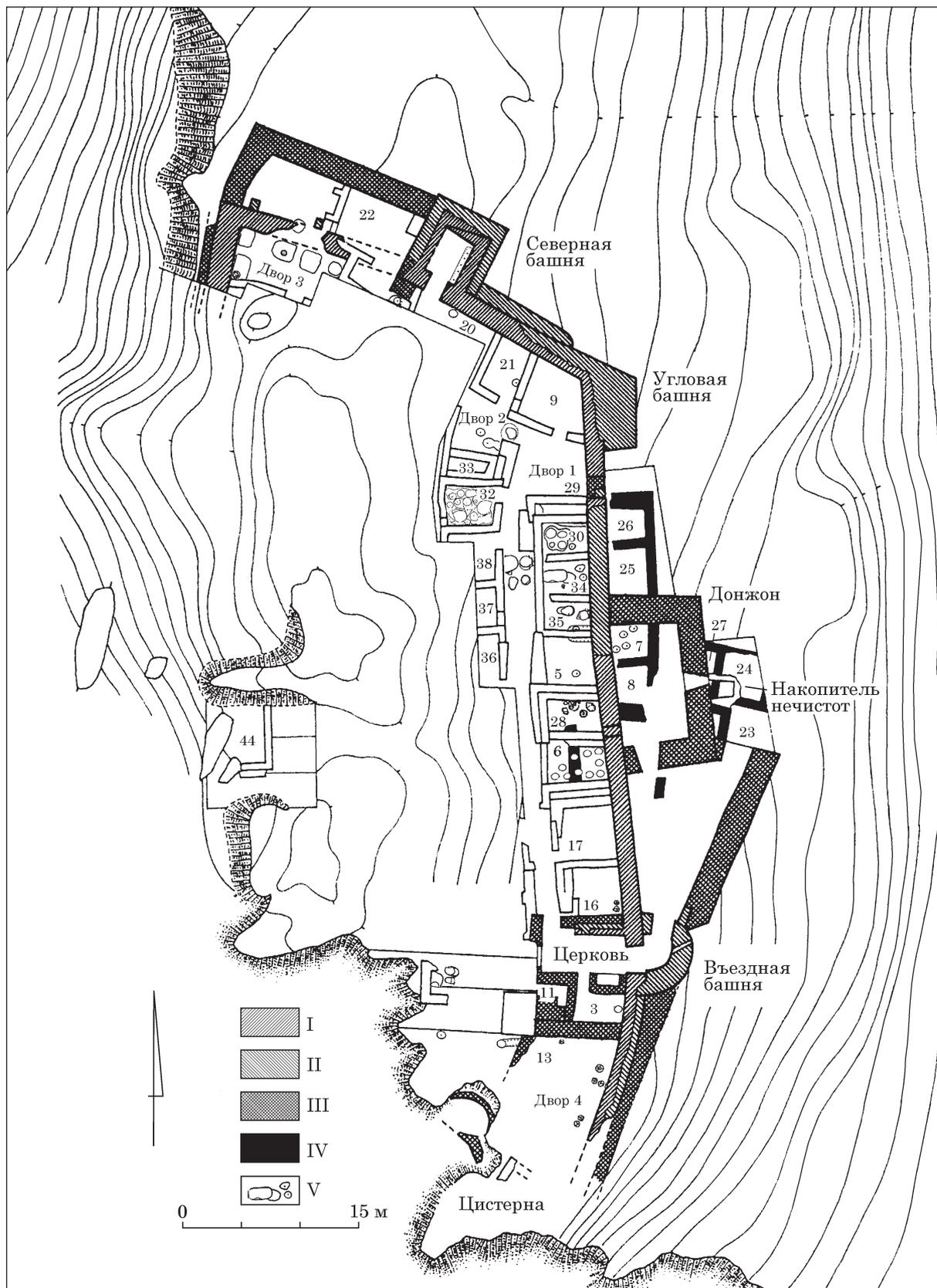

Рис. 11. Замок Фуна, XV в., план, по (Кирилко 2005а, с. 46, рис. 38). I — 1423 г.; II — вторая четверть XV в.; III — 1459—1475 гг.; IV — строения, предшествовавшие возведению крепости в XV в.; V — пифосы и пифосные ямы. Внутрикрепостная застройка: 9 — кордегардия; 10 — казарма; 33 — туалет; 5, 6... 44 — хозяйственные и жилые постройки.

Fig. 11. Funa castle, 15th century, schematic plan, after (Kirilko 2005a). I — 1423; II — second quarter of the 15th century; III — 1459—1475; IV — dwellings preceded the construction of the fortress in the 15th century; V — pithoi and pits for them. Buildings inside the fortress: 9 — guardhouse; 10 — barracks; 33 — toilet; 5, 6... 44 — dwellings.

1

2

3

4

Рис. 12. Пифосы, найденные в конце XIX — начале XX вв. на территории Крыма: 1 — крестьянин из окрестностей Бахчисарая с пифосом, по (Марков 1884); 2 — средневековый пифос и позднеэллинистическая амфора, найденные в окрестностях Симеиза, с их владельцем Н. Н. Богдановым, по (Кузьменко 1913); 3 — пифос в саду имения Кучук-Ламбат, по (Репников 1909); 4 — пифос в парке имения «Харакс», открытка 1926 г. из фондов ЯИЛМ.

Fig. 12. Pythoi, which were found on the territory of Crimea at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. 1 — a peasant from the vicinity of Bakhchisaray with pithos, after (Markov 1884); 2 — medieval pithos and late hellenistic amphora found in the vicinity of Simeiz with their owner N. N. Bogdanov, after (Kuz'menko 1913); 3 — pithos in the garden of the Kuchuk-Lambat estate, after (Repnikov 1909); 4 — pithos in the park of the "Kharaks" estate, postcard from 1926, collection of Yalta Historical and Literary Museum.

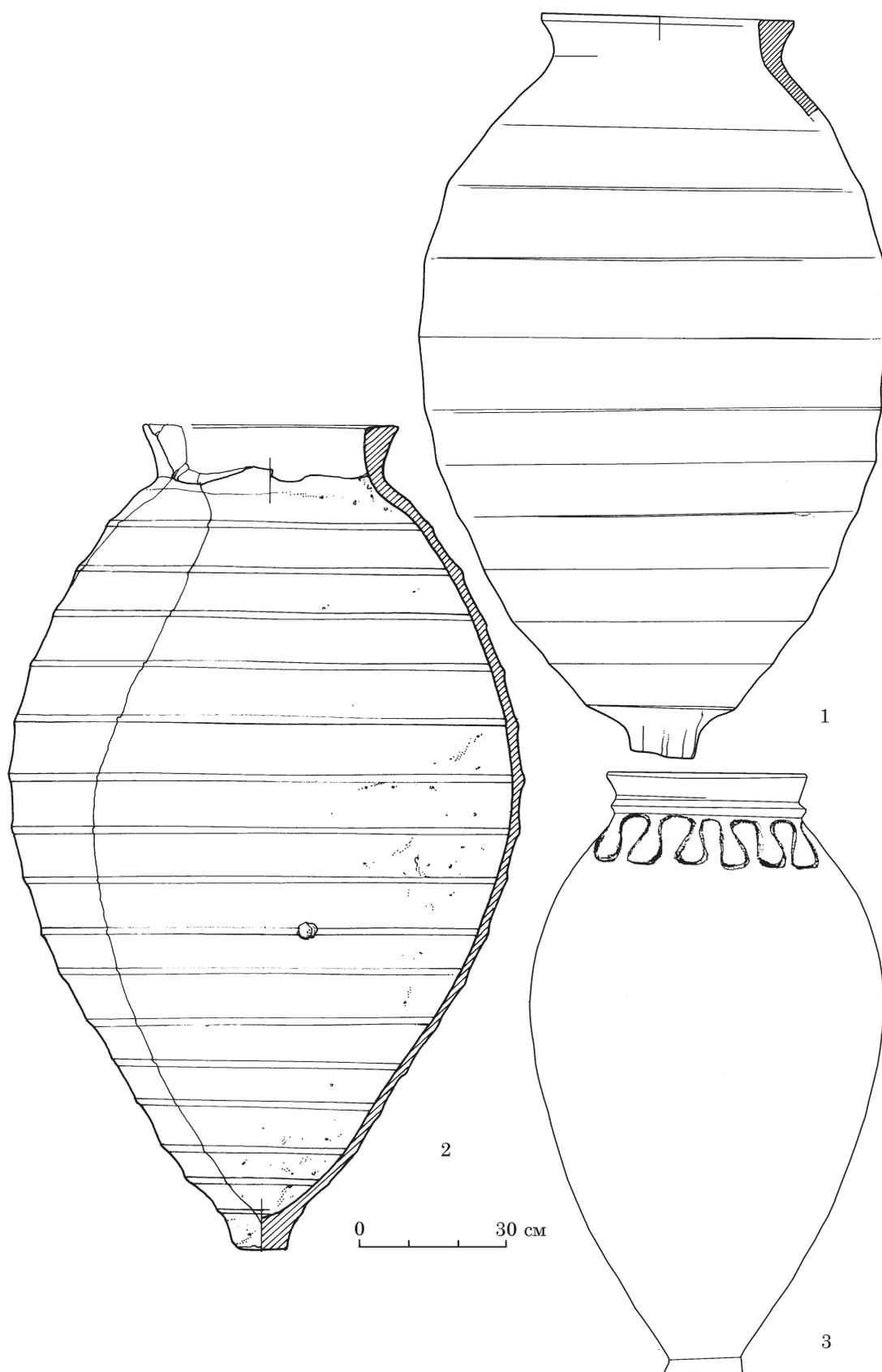

Рис. 13. Пифосы группы 1 из раскопок Алуштинской крепости. **Fig. 13.** Pithoi of group 1 from Alushta fortress.

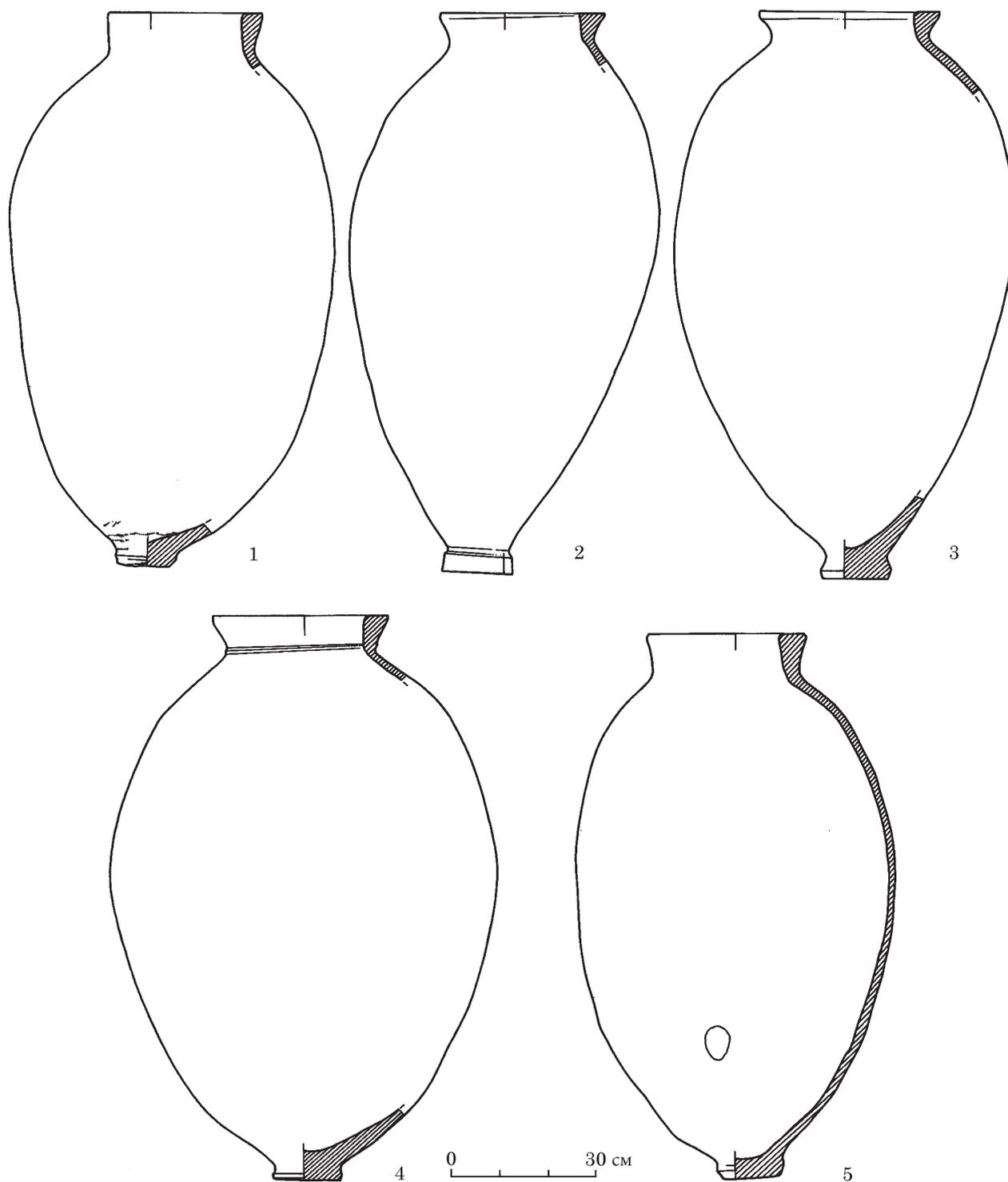

Рис. 14. Пифосы группы 1 из раскопок Алуштинской крепости.

Fig. 14. Pithoi of group 1 from Alushta fortress.

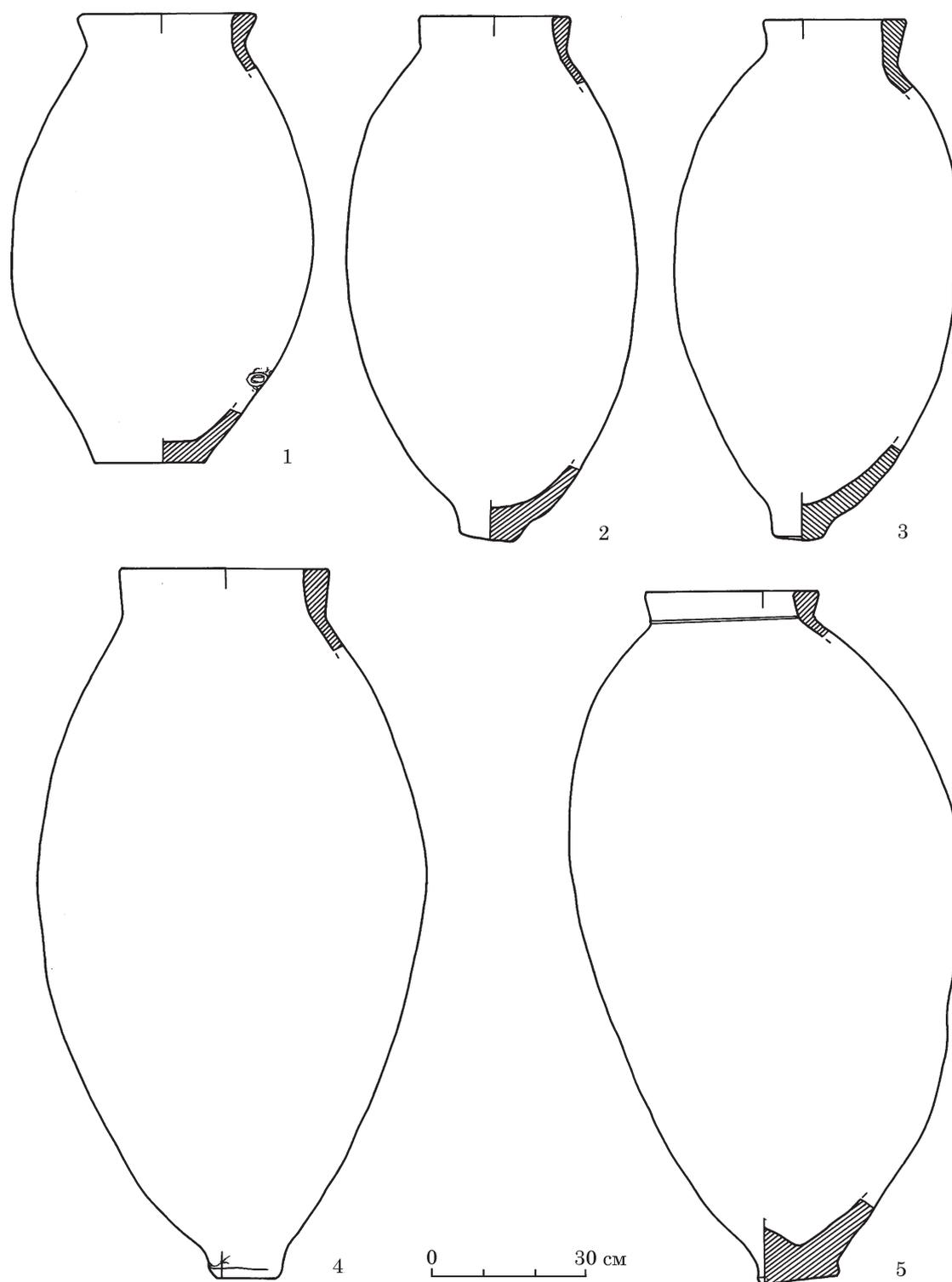

Рис. 15. Пифосы группы 1 из раскопок Алуштинской крепости. **Fig. 15.** Pithoi of group 1 from Alushta fortress.

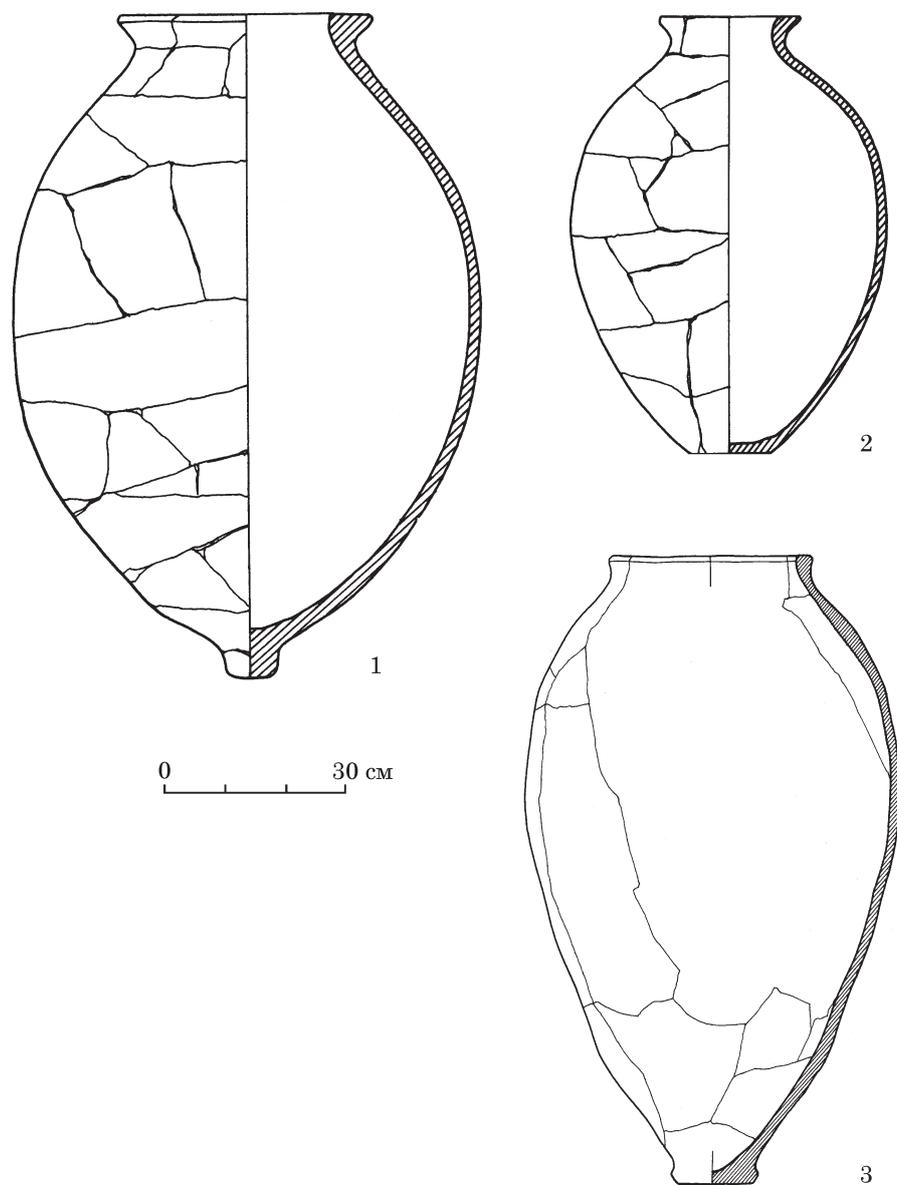

Рис. 16. Пифосы группы 1 из раскопок замка Фуна, по (Мыц 1983, рис. 85; 2009, рис. 340).

Fig. 16. Pithoi of group 1 from Funa castle, after (Myts 1983, fig. 85; 2009, fig. 340).

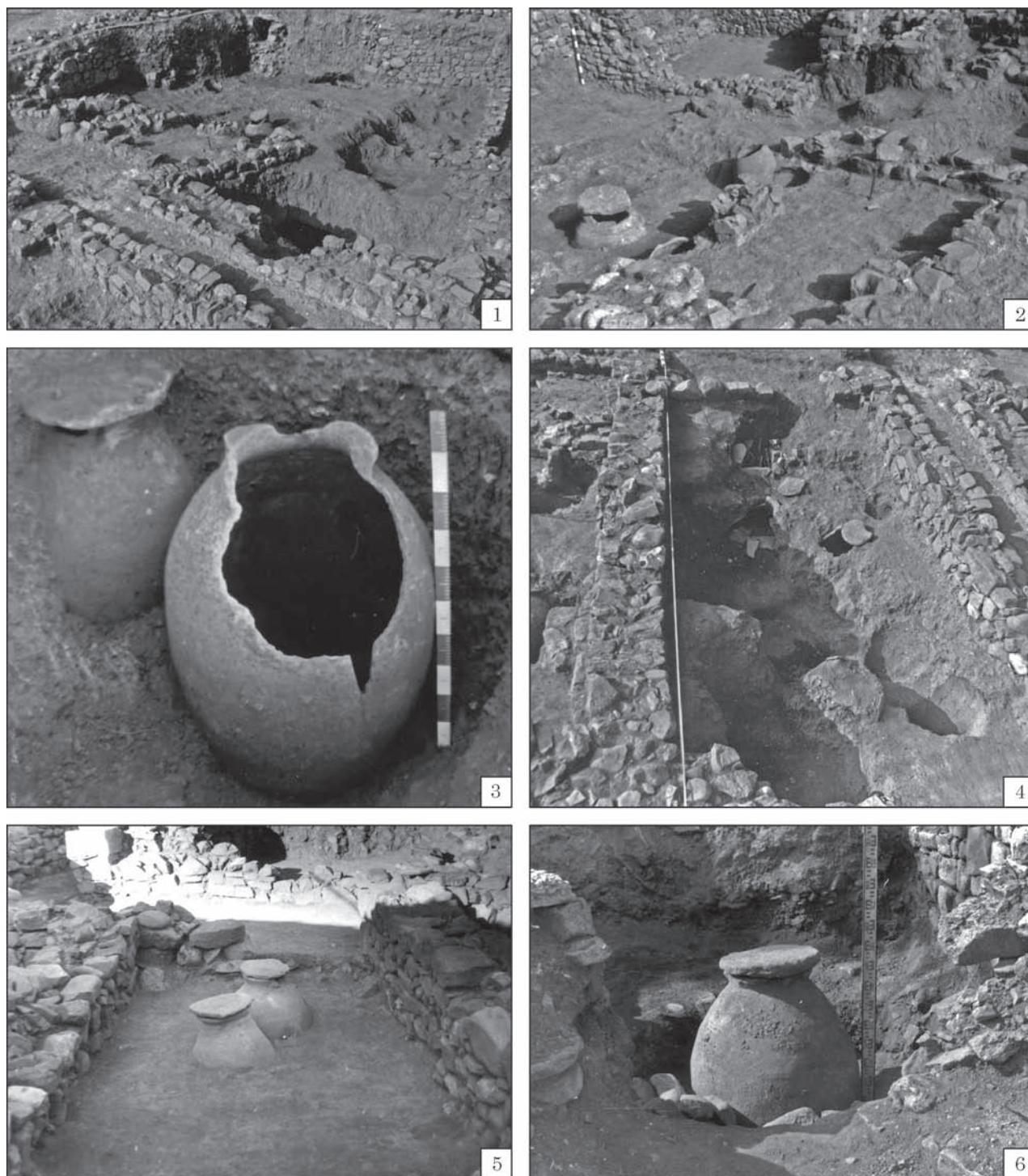

Рис. 17. Пифосы группы 1 из раскопок Алуштинской крепости. Фото сосудов in situ: 1, 2 — помещение 94, по (Мыц 1989b, рис. 68; 69); 3 — помещение 83, по (Мыц 1988b, рис. 52); 4 — помещение 89, по (Мыц 1989b, рис. 72); 5 — помещение 52, по (Мыц 1987b, рис. 83); 6 — помещение 100, по (Мыц, Адаксина 1992, рис. 27).

Fig. 17. Pithoi of group 1 from Alushta fortress: 1, 2 — dwelling 94, after (Myts 1989b, fig. 68; 69); 3 — dwelling 83, after (Myts 1988b, fig. 52); 4 — dwelling 89, after (Myts 1989b, fig. 72); 5 — dwelling 52, after (Myts 1987b, fig. 83); 6 — dwelling 100, after (Myts, Adaksina 1992, fig. 27).

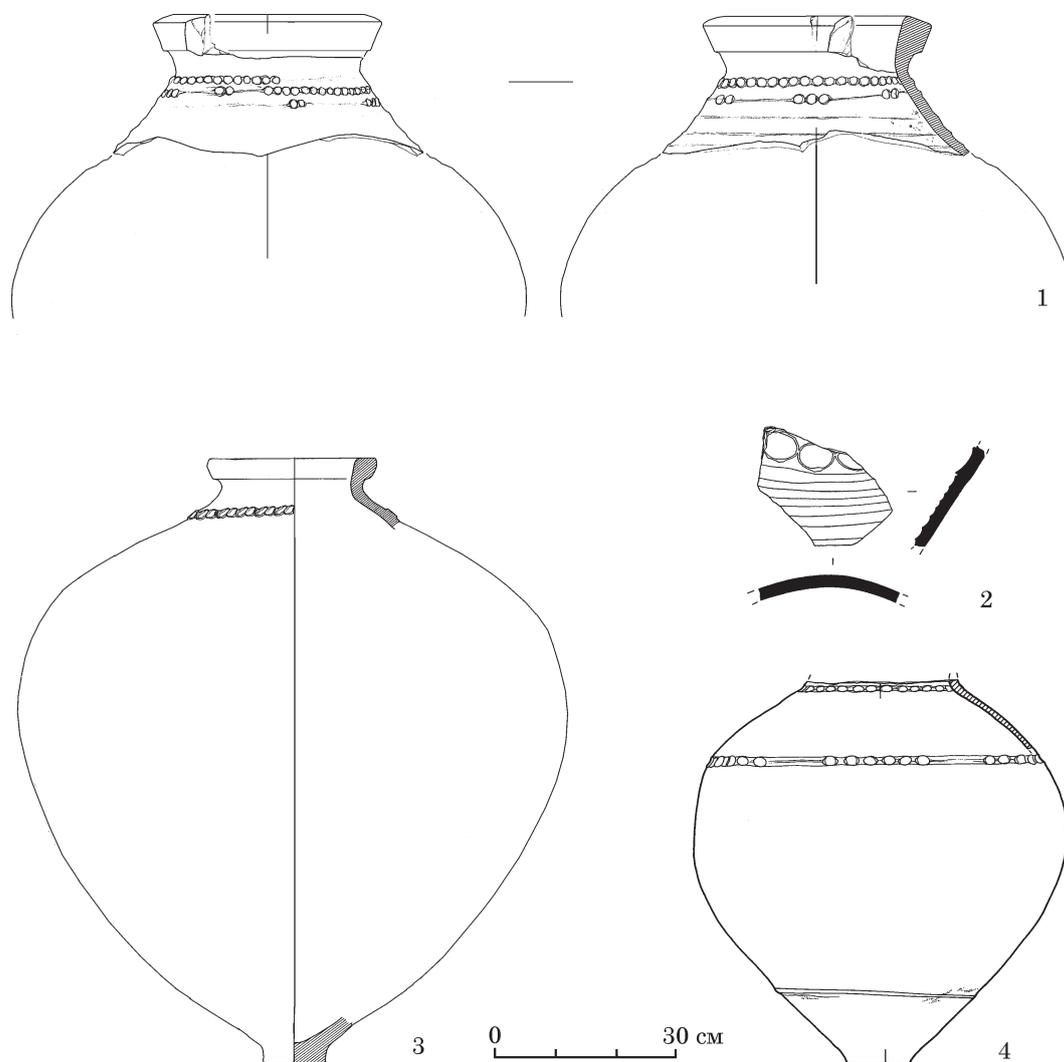

Рис. 18. Пифосы группы 2 (1, 2) и группы 3 (3, 4): 1, 3, 4 — из раскопок Алуштинской крепости; 2 — из раскопок укрепления Чобан-Куле, по (Кирилко, Мыц 2004, рис. 22: 6).

Fig. 18. Pithoi of group 2 (1, 2) and group 3 (3, 4): 1, 3, 4 — from Alushta fortress; 2 — from the Choban-Kule fortress, after (Kirilko, Myts 2004, fig. 22: 6).

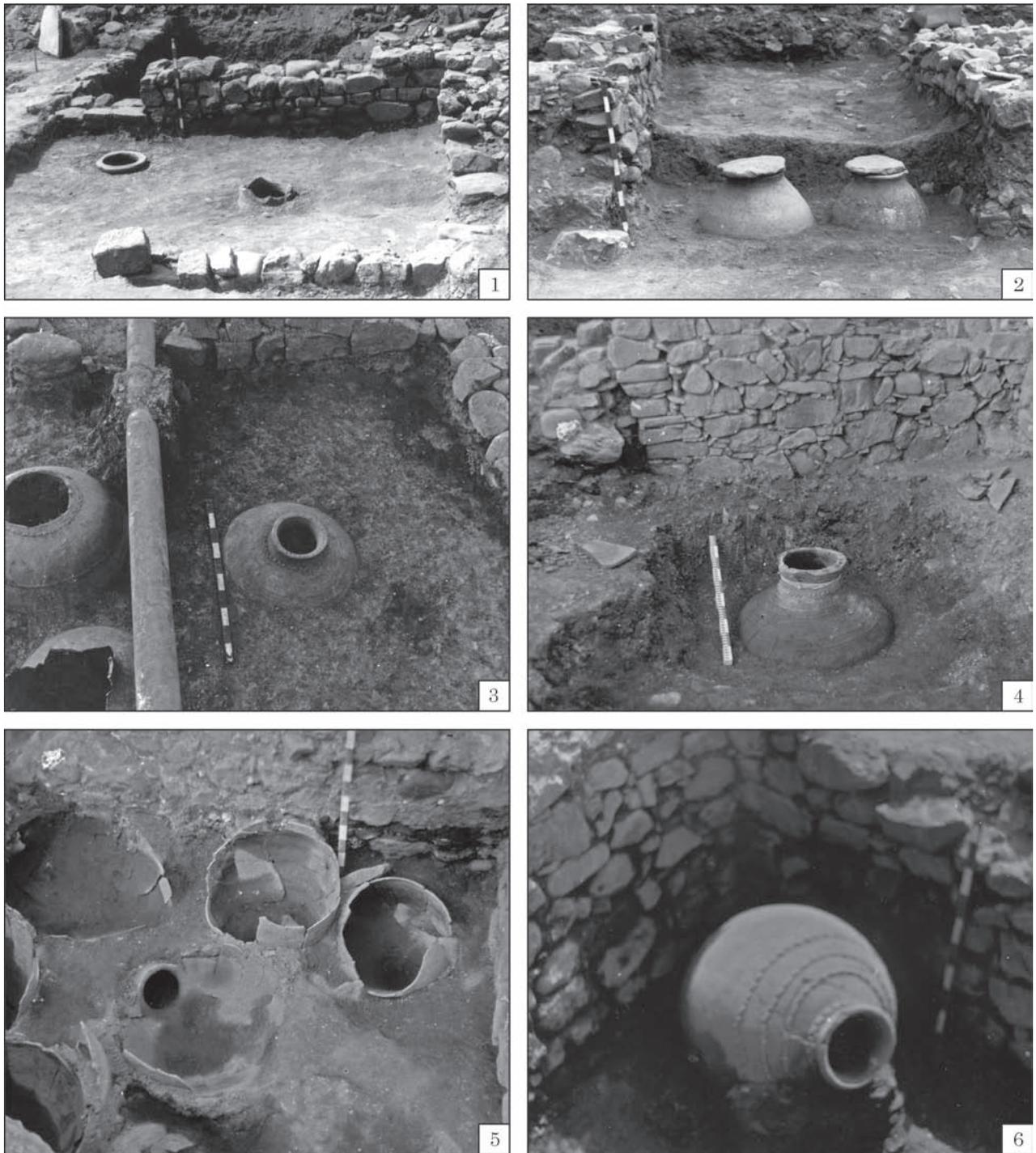

Рис. 19. Пифосы групп 1 (1, 2), 2 (4) и 3 (3, 5, 6) из раскопок Алуштинской крепости. Фото сосудов in situ: 1 — помещение 30, по (Мыц 1986b, рис. 15); 2 — помещение 19, по (Мыц 1985а, рис. 11); 3 — помещение 39, по (Мыц 1986b, рис. 38); 4 — помещение 82, по (Мыц 1988b, рис. 20); 5 — помещение 68, по (Мыц 1988b, рис. 58); 6 — помещение 59, по (Мыц 1988b, рис. 55).

Fig. 19. Pythoi of groups 1 (1, 2), 2 (4) and 3 (3, 5, 6) from the Alushta fortress: 1 — dwelling 30, after (Myts 1986b, Fig. 15); 2 — dwelling 19, after (Myts 1985a, fig. 11); 3 — dwelling 39, after (Myts 1986b, fig. 38); 4 — dwelling 82, after (Myts 1988b, fig. 20); 5 — dwelling 68, after (Myts 1988b, fig. 58); 6 — dwelling 59, after (Myts 1988b, fig. 55).

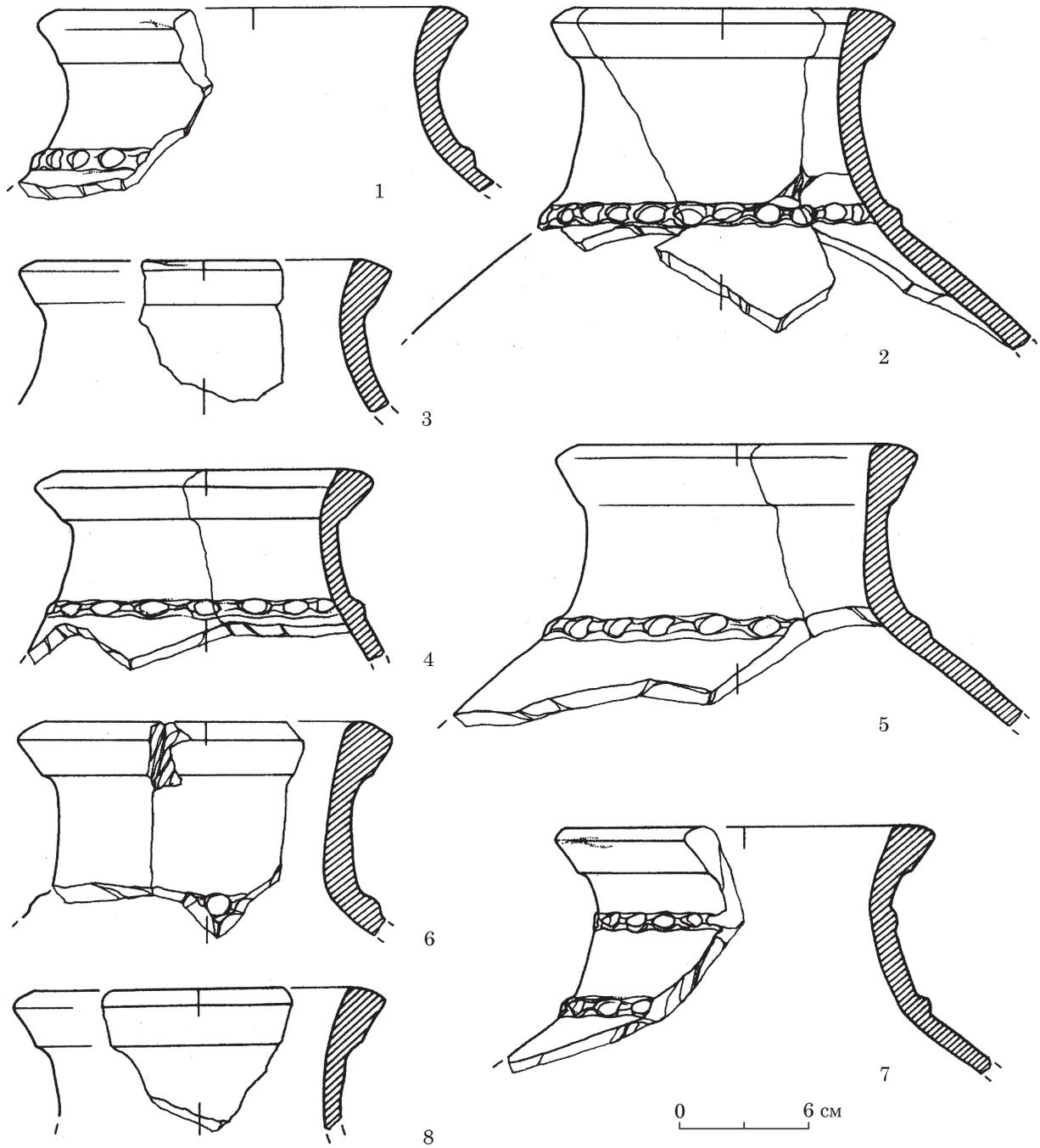

Рис. 20. Пифосы группы 3 (тип 1) из раскопок Алуштинской крепости (1—3, 5, 6, 8) и замка Фуна (4, 7).

Fig. 20. Pithoi of group 3 (type 1) from Alushta fortress (1—3, 5, 6, 8) and Funa castle (4, 7).

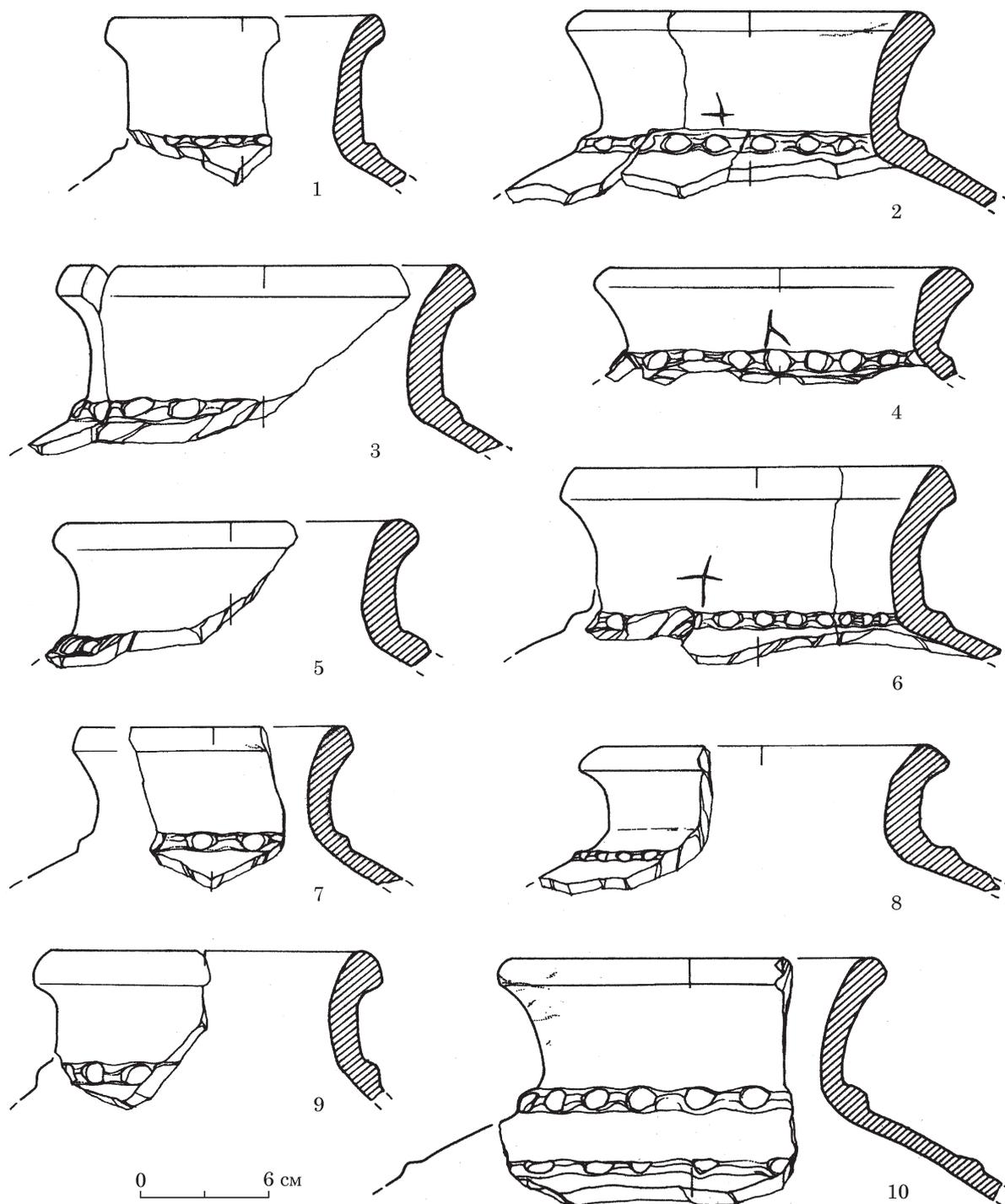

Рис. 21. Пифосы группы 3 (тип 2) из раскопок Алуштинской крепости.

Fig. 21. Pithoi of group 3 (type 2) from Alushta fortress.

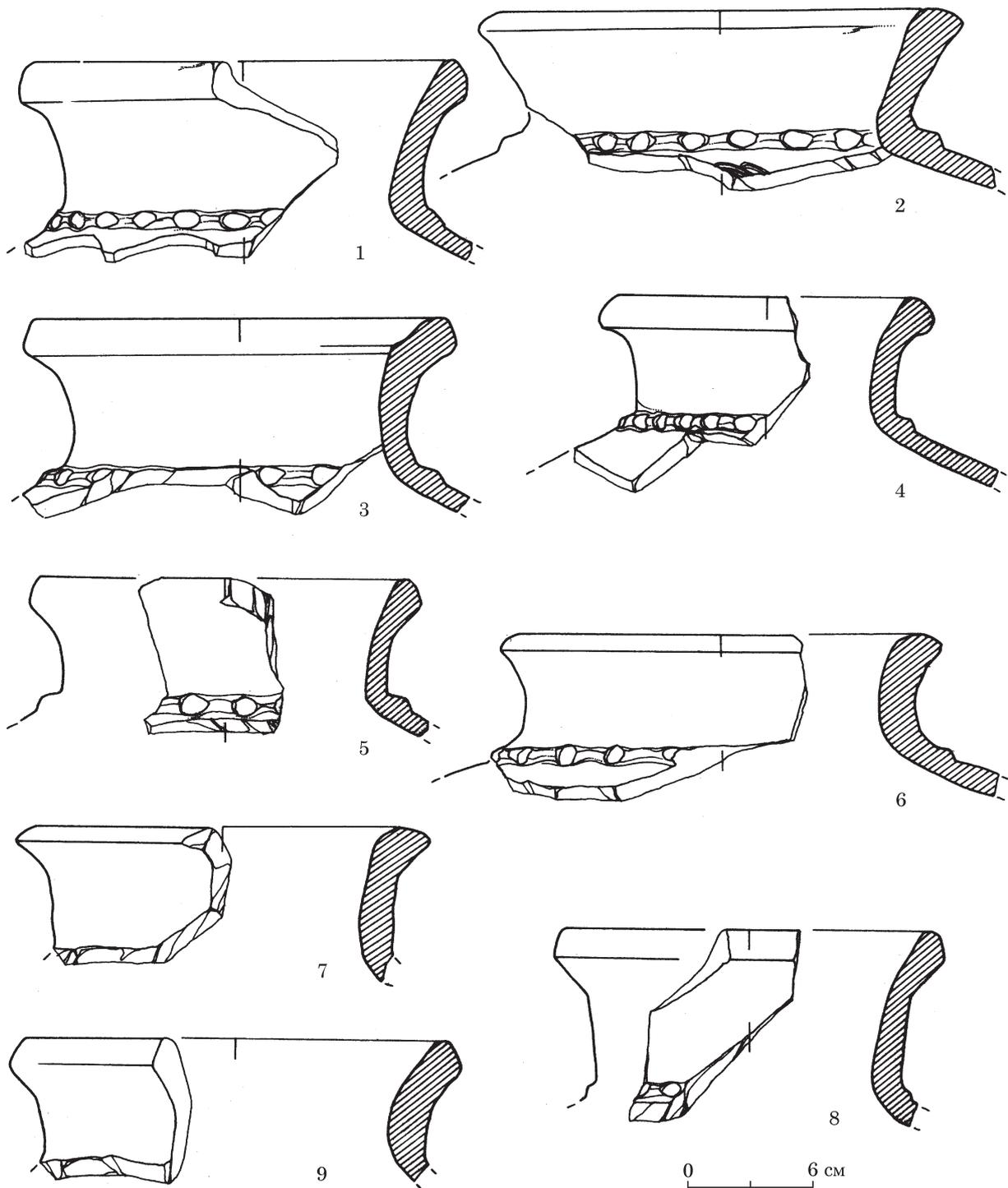

Рис. 22. Пифосы группы 3 (тип 2) из раскопок Алуштинской крепости.

Fig. 22. Pithoi of group 3 (type 2) from Alushta fortress.

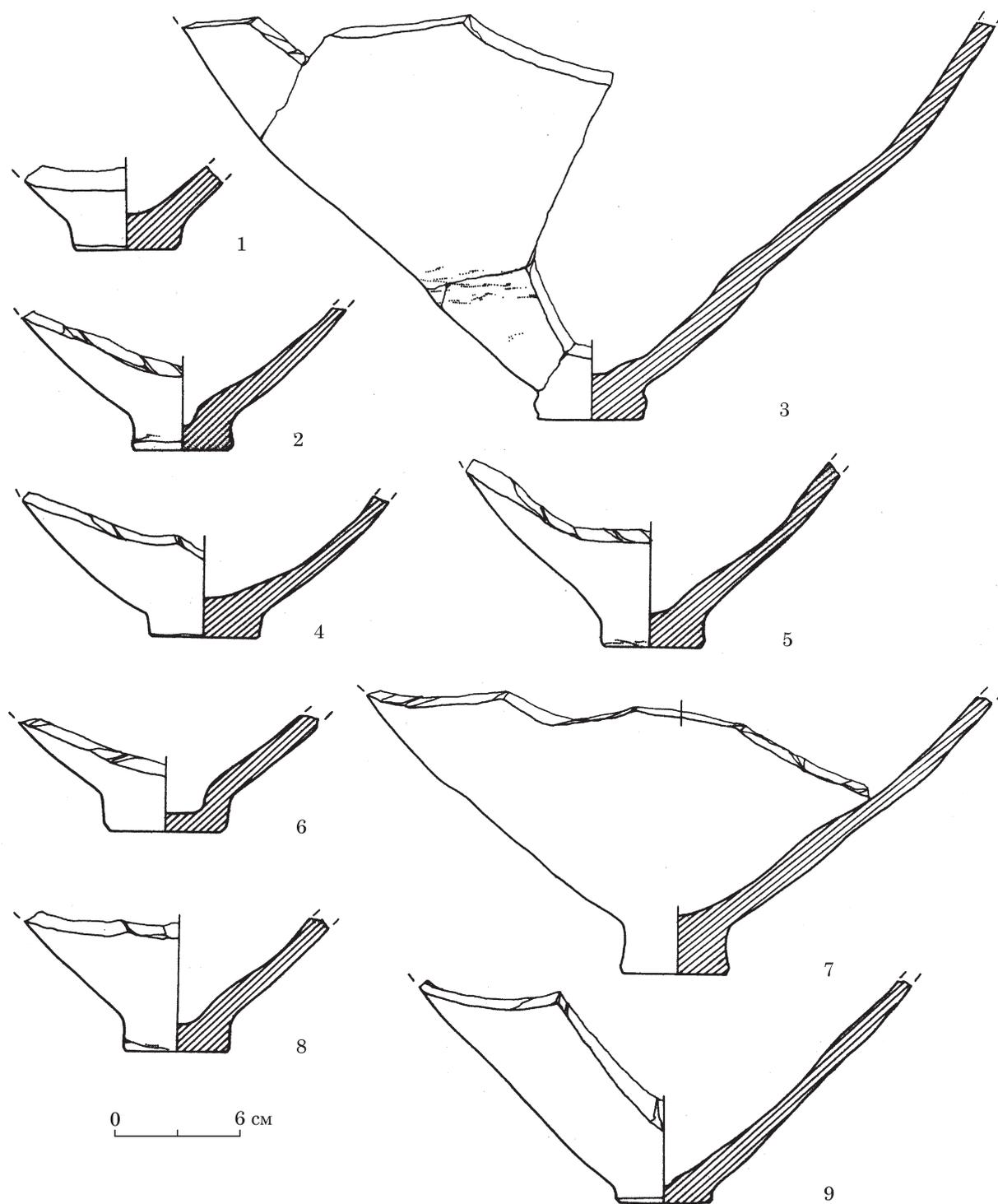

Рис. 23. Пифосы группы 3 из раскопок Алуштинской крепости.

Fig. 23. Pithoi of group 3 from Alushta fortress.

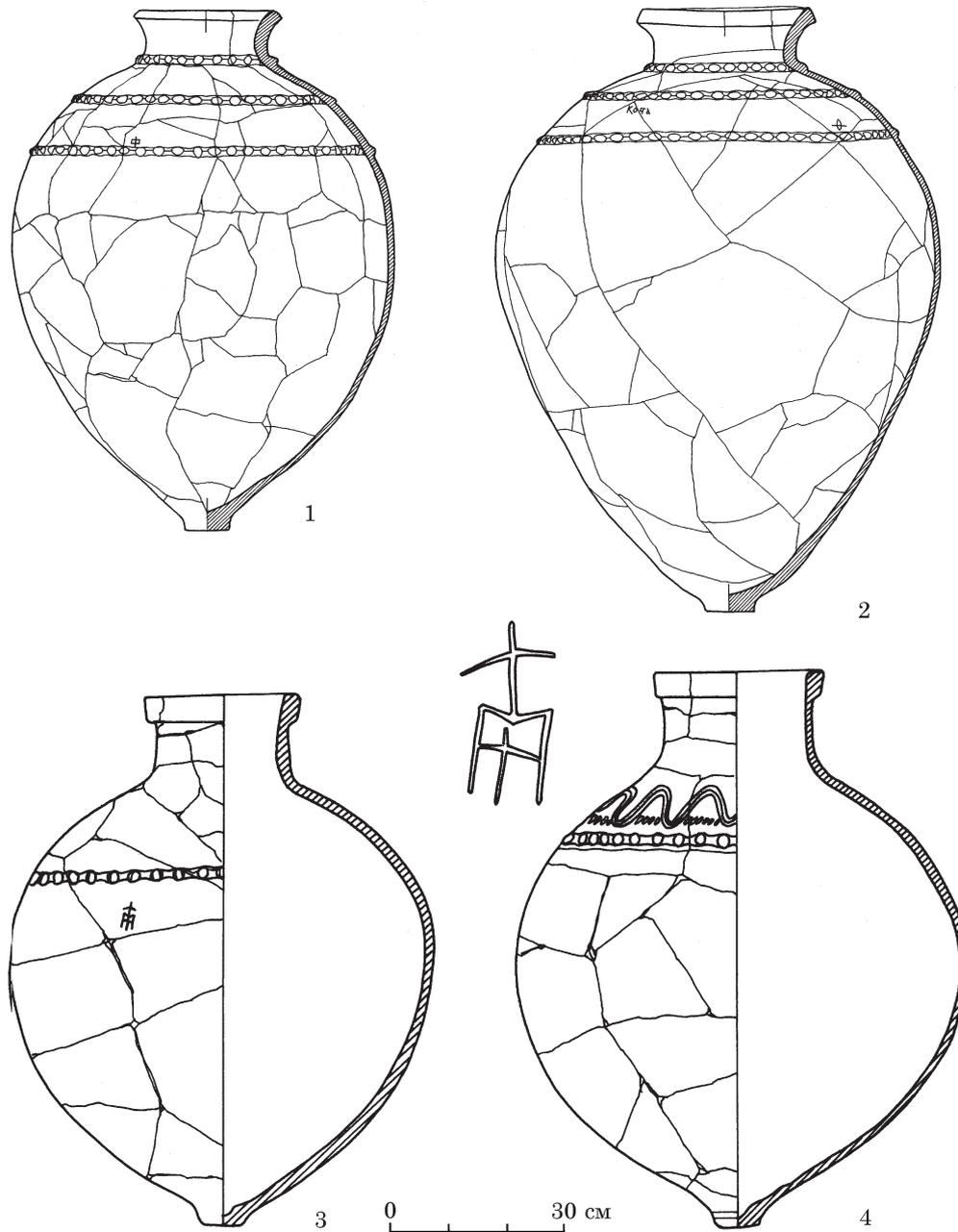

Рис. 24. Пифосы группы 3 из раскопок замка Фуна: 1, 2 — тип 2, по (Мыц 2009, рис. 340; 342); 3, 4 — тип 1, по (Мыц 1982, рис. 85).

Fig. 24. Pithoi of group 3 from Funa castle: 1, 2 — type 2, after (Myts 2009, fig. 340; 342); 3, 4 — type 1, after (Myts 1982, fig. 85).

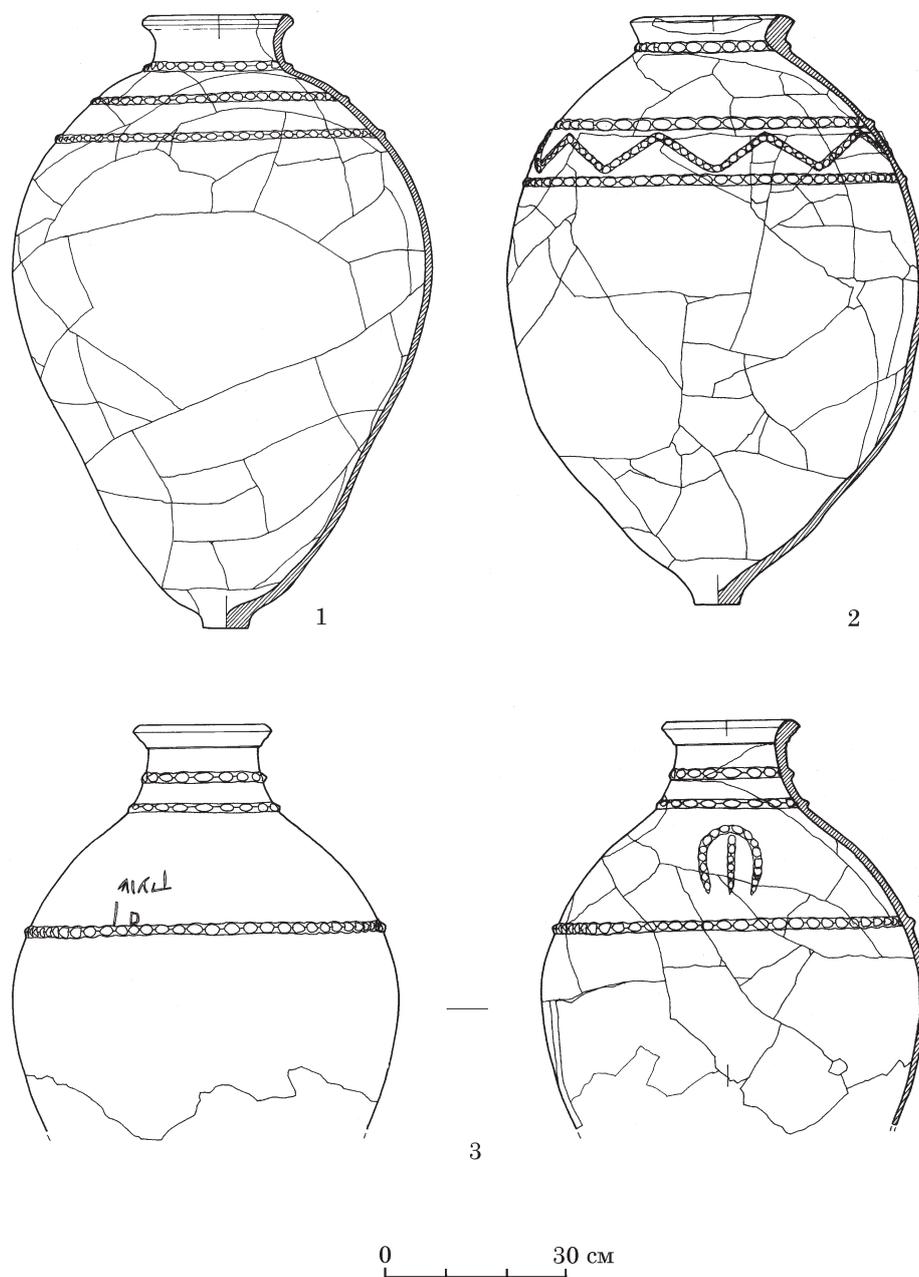

Рис. 25. Пифосы группы 3 из раскопок замка Фуна: 1, 2 — тип 2; 3 — тип 1, по (Мыц 2009, рис. 341; 342).

Fig. 25. Pithoi of group 3 from Funa castle: 1, 2 — type 2; 3 — type 1, after (Myts 2009, fig. 341; 342).

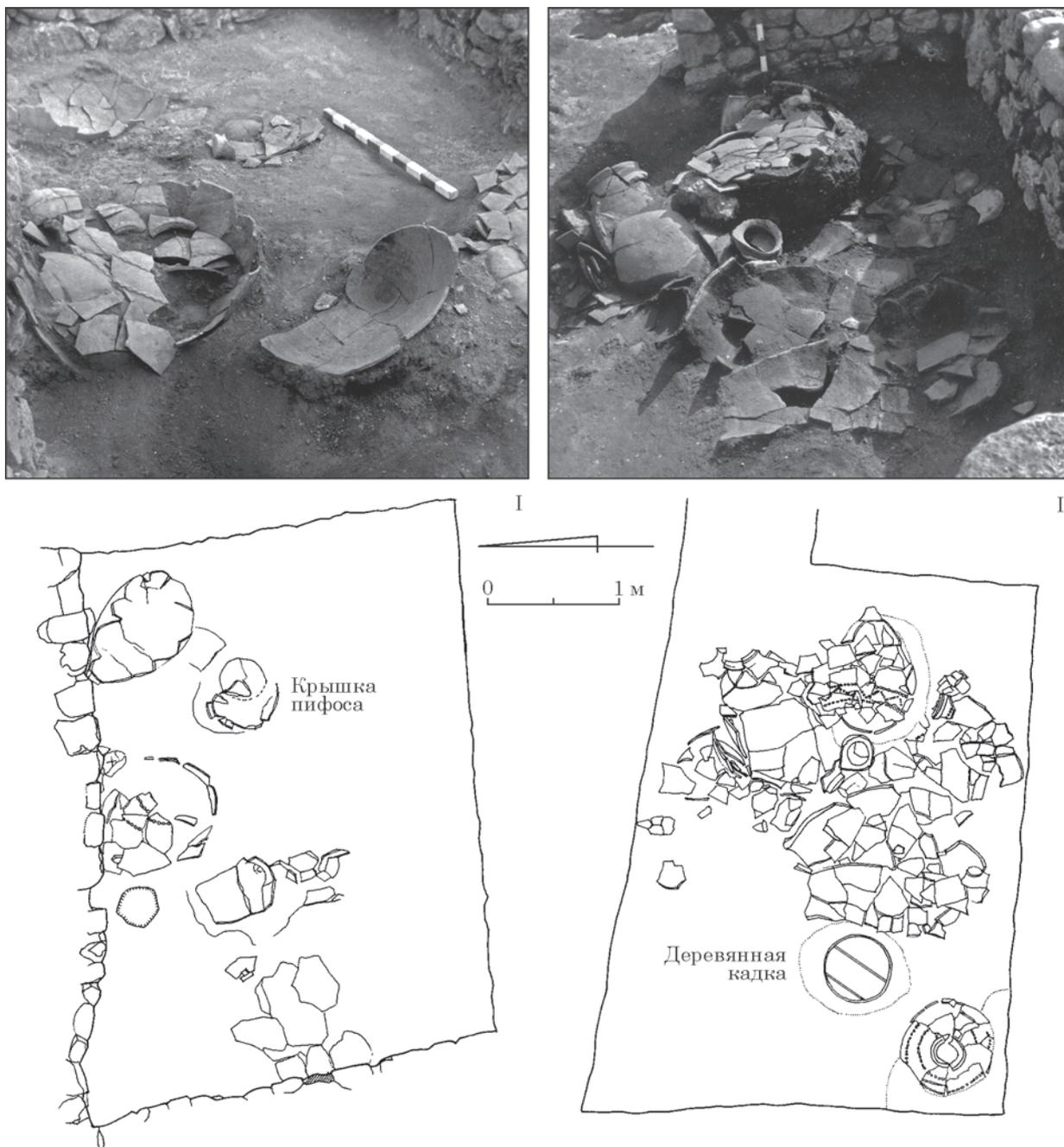

Рис. 26. Замок Фуна. Строения 28 (I) и 32 (II) с фрагментированными пифосами группы 3 на полу. Фото, план, по (Мыц, Кирилко 1990, рис. 42; 47; 53; 55).

Fig. 26. Funa Castle. Dwellings 28 (I) and 32 (II) with fragmented pithoi of group 3 on the floor. Photo and plan, after (Myts, Kirilko 1990, fig. 42; 47; 53; 55).

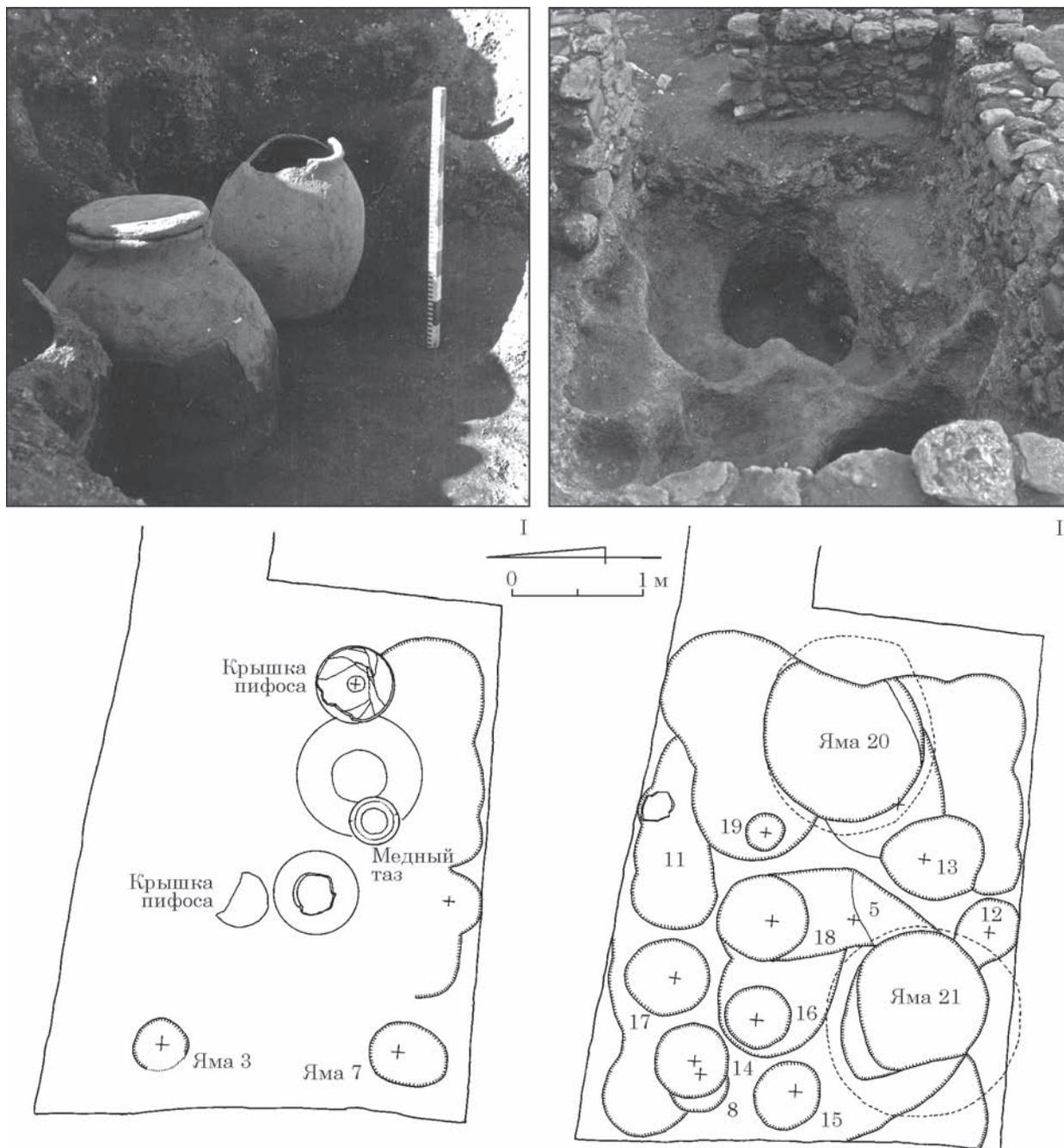

Рис. 27. Замок Фуна. Строеие 32: I — пифосы группы 1; II — пифосные ямы, по (Мыц, Кирилко 1990, рис. 43; 44; 48; 52).

Fig. 27. Funa Castle. Dwelling 32: I — pithoi of group 1; II — pithoi pits, after (Myts, Kirilko 1990, fig. 43; 44; 48; 52).

Рис. 28. Обломки пифосов с рельефным орнаментом: 1, 2, 4—9 — группа 3; 3 — группа 1

Fig. 28. Fragments of pithoi with relief decoration: 1, 2, 4—9 — group 3; 3 — group 1.

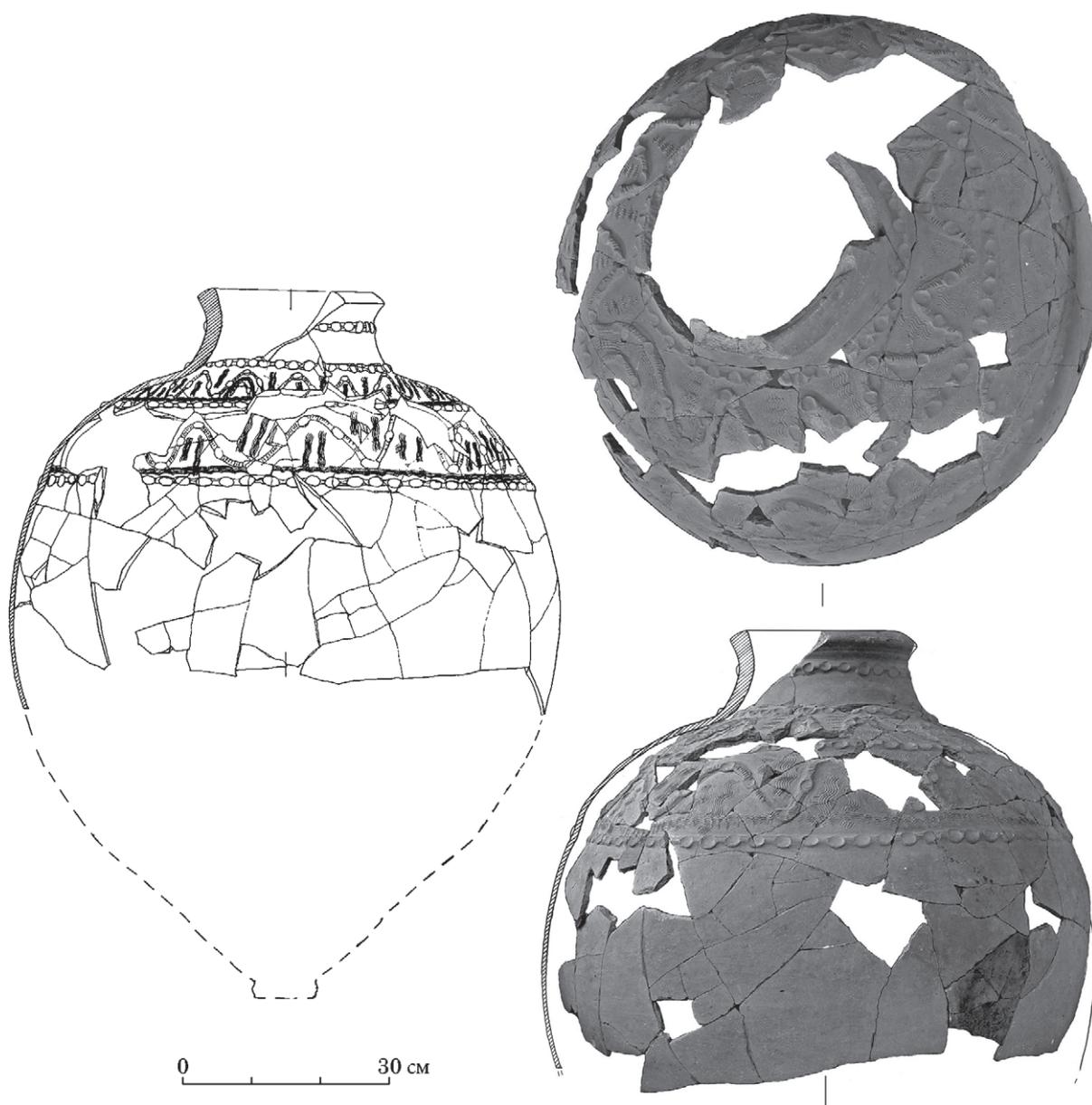

Рис. 29. Пифос группы 3 из винодельческого комплекса у юго-восточной окраины с. Изобильное.

Fig. 29. Pithos of group 3 from a wine-making complex on the southeastern outskirts of Isobil'noe village, Alushta region.

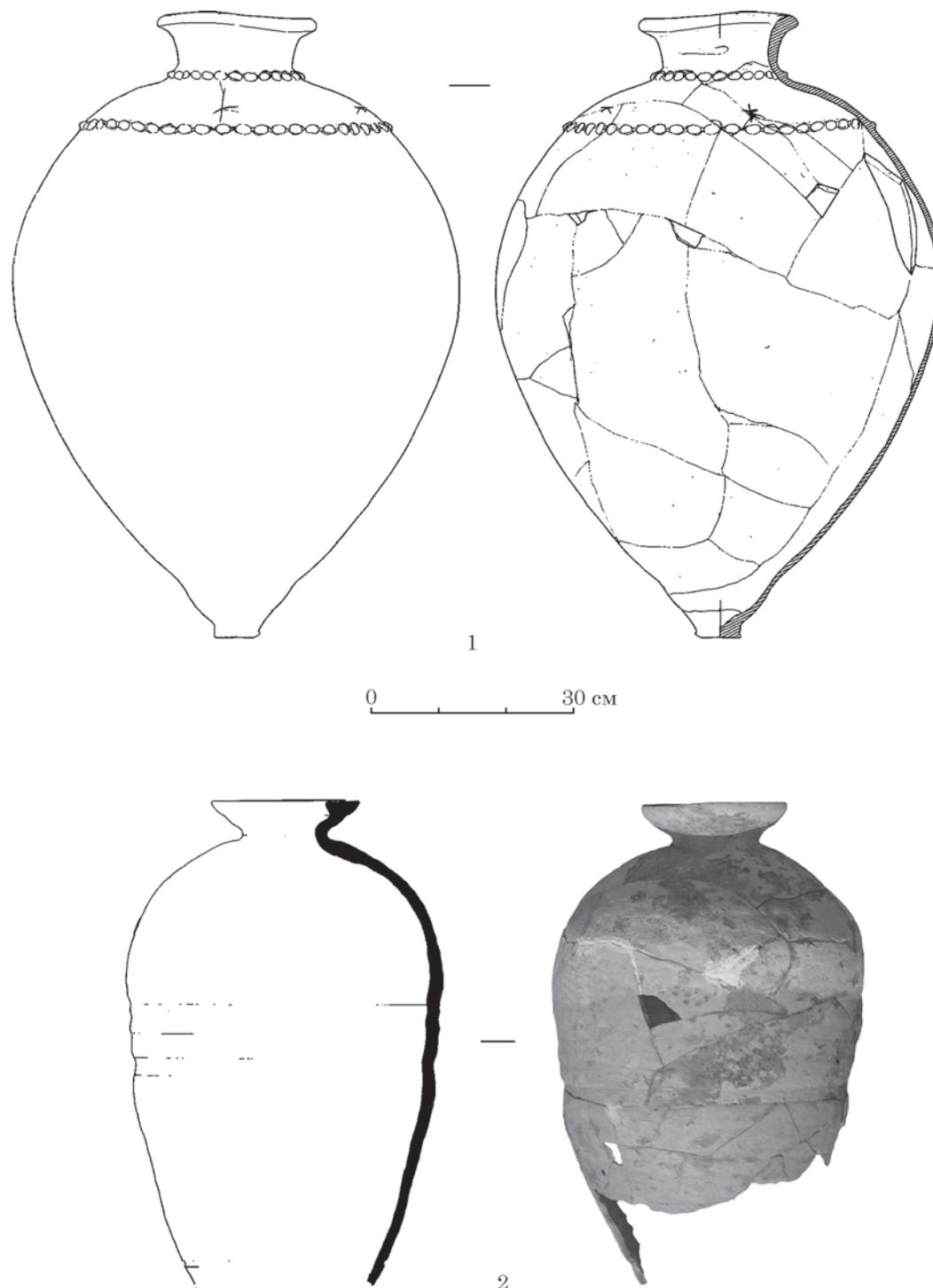

Рис. 30. Пифос группы 3 из винодельческого комплекса у юго-восточной окраины с. Изобильное (1) и пифос группы 4 (2) из Судака.

Fig. 30. Pithos of group 3 from a wine-making complex on the southeastern outskirts of Isobil'noe village, Alush-ta region (1) and pithos of group 4 (2) from Sudak.

Рис. 31. Абхазия, с. Джгерда, старинный способ хранения вина, по (Акаба 1955, рис. 3).

Fig. 31. Abkhazia, village Dzhgerda, a traditional way of storing wine, after (Akaba 1955, fig. 3).

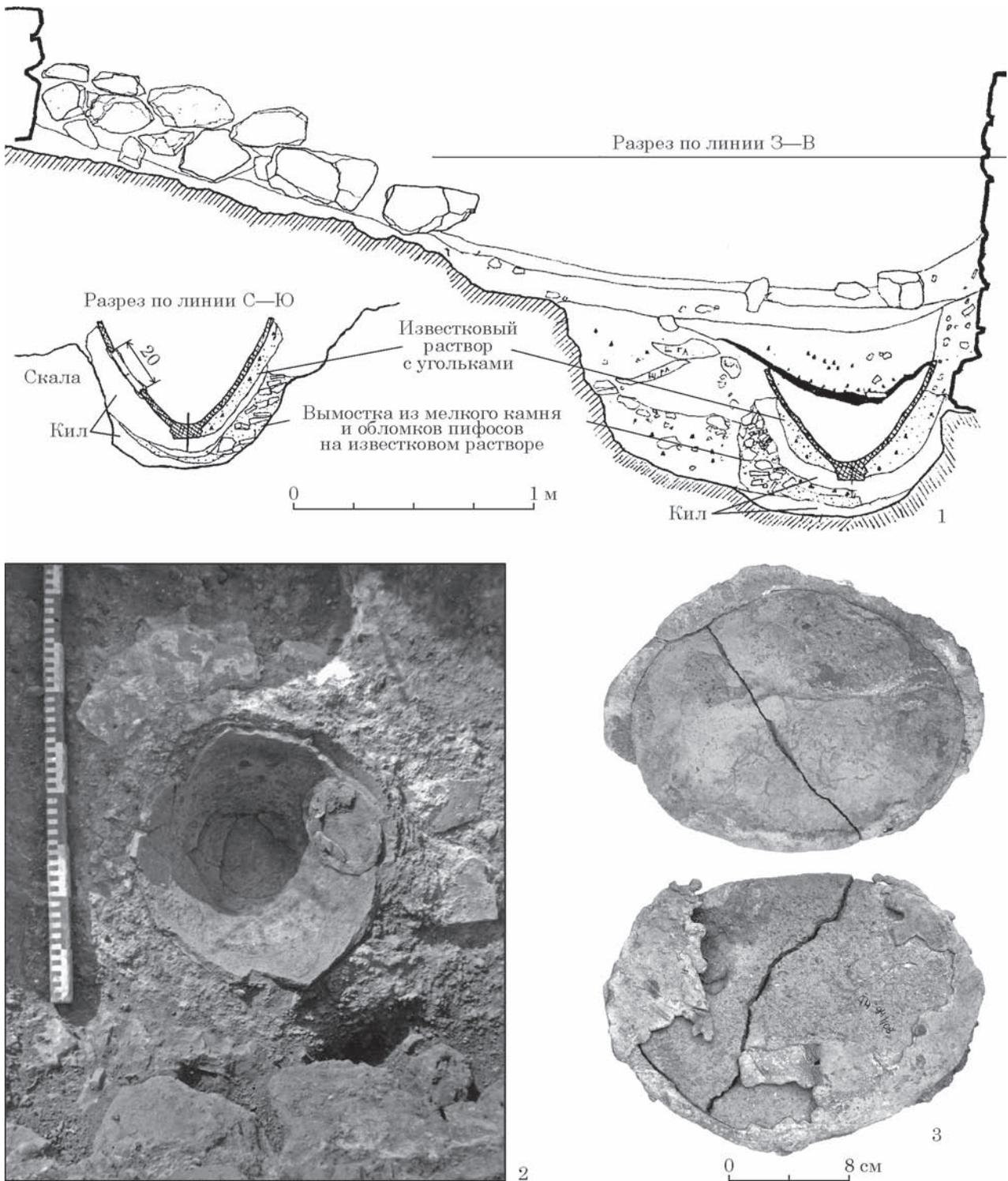

Рис. 32. Замок Фуна. Донная часть пифоса с ремонтом, укрепленная вымосткой из камня и обломков стенок пифосов, килем и известковым раствором: 1 — разрезы по линиям запад—восток и север—юг; 2 — фото, вид сверху, по (Мыц, Кирилко 1995, рис. 31; 32); 3 — заплатка с остатками заливки свинцом.

Fig. 32. Funa Castle. The bottom of the pithos with repairs, reinforced with a stone and fragments of the pithoi walls, keel and mortar: 1 — stratigraphical sections; 2 — photo, top view, after (Myts, Kirilko 1995, fig. 31; 32); 3 — a patch with the remains of the lead.

Рис. 33. Способы формовки пифосов: 1—4 — без использования гончарного круга, Мессения, юго-западный Пелопоннес, Греция, 1960 г., по (Hampe, Winter 1962, Taf. 19); 5, 6 — на гончарном круге, о-в Крит, Греция, 1960 г., по (Hampe, Winter 1962, Taf. 17).

Fig. 33. Methods of making pithoi: 1—4 — without using a potter's wheel, Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960, after (Hampe, Winter 1962, Taf. 19); 5, 6 — with a potter's wheel, Crete Island, 1960, after (Hampe, Winter 1962, Taf. 17).

Рис. 34. Горны для обжига пифосов, Мессения, 1960 г., по (Hampe, Winter 1962, Taf. 20, 21).

Fig. 34. Kilns for firing of pithoi, Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960, after (Hampe, Winter 1962, Taf. 20, 21).

Рис. 35. Печь для обжига пифосов на Кипре, завершающие этапы производства сосудов, 1961 г.: 1 — замуровывание загруженной гончарной печи; 2 — извлечение пифосов из горячей печи; 3—5 — смоление сосудов; 6 — ритуальное обдымливание пифоса, по (Hampe, Winter 1962, Taf. 41; 37).

Fig. 35. Kilns for firing of pithoi in Cyprus, the final stages of vessel production, 1961: 1 — bricking up the loaded pottery kiln; 2 — extraction of pithos from a hot kiln; 3—5 — resinification of vessels; 6 — ritual smoking of pithos, after (Hampe, Winter 1962, Taf. 41; 37).

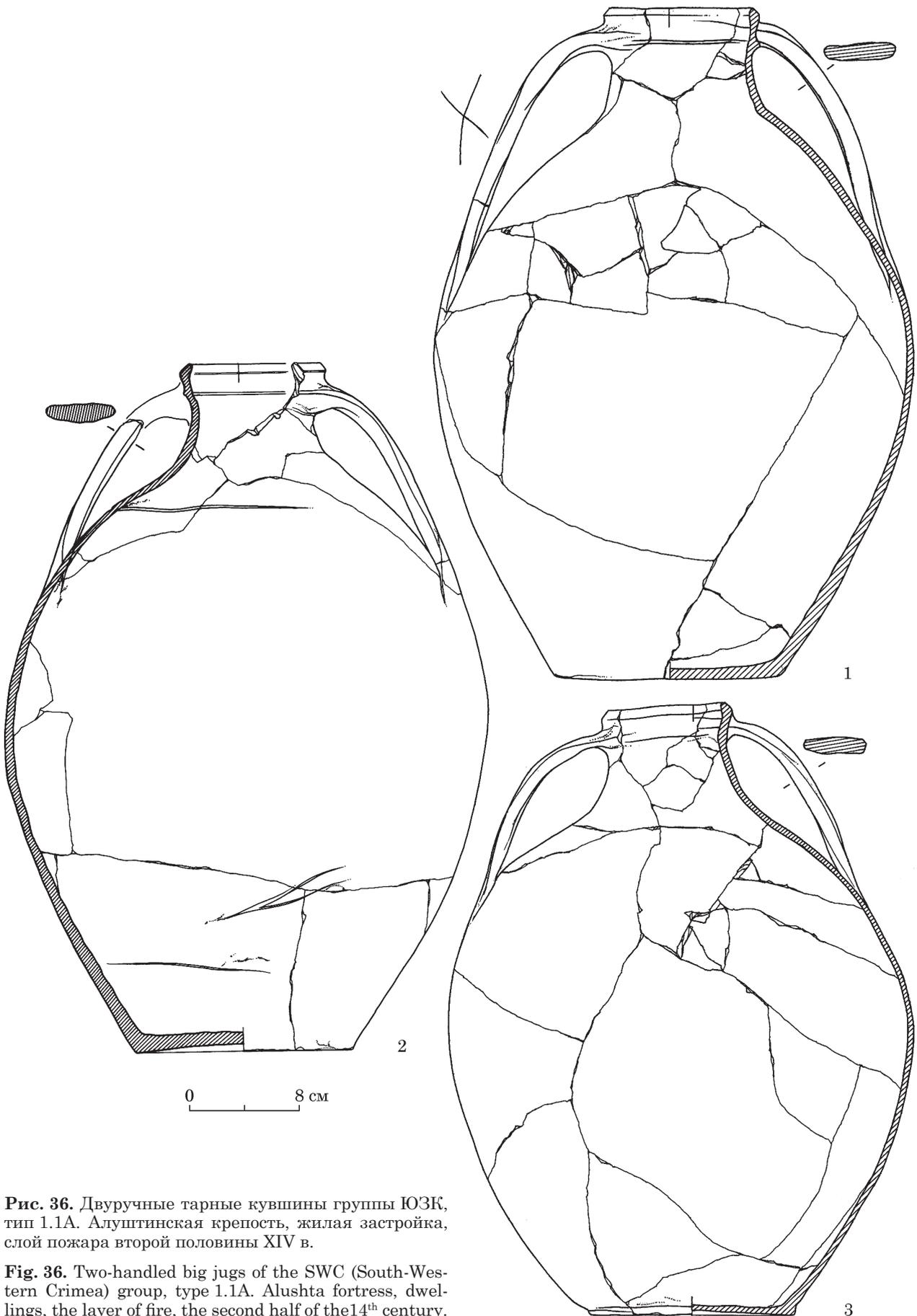

Рис. 36. Двуручные гарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1А. Алуштинская крепость, жилая застройка, слой пожара второй половины XIV в.

Fig. 36. Two-handled big jugs of the SWC (South-Western Crimea) group, type 1.1A. Alushta fortress, dwellings, the layer of fire, the second half of the 14th century.

Рис. 37. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1А. Алуштинская крепость, жилая застройка, слой пожара второй половины XIV в.

Fig. 37. Two-handled big jugs of the SWC group, type 1.1A. Alushta fortress, dwellings, the layer of fire, the second half of the 14th century.

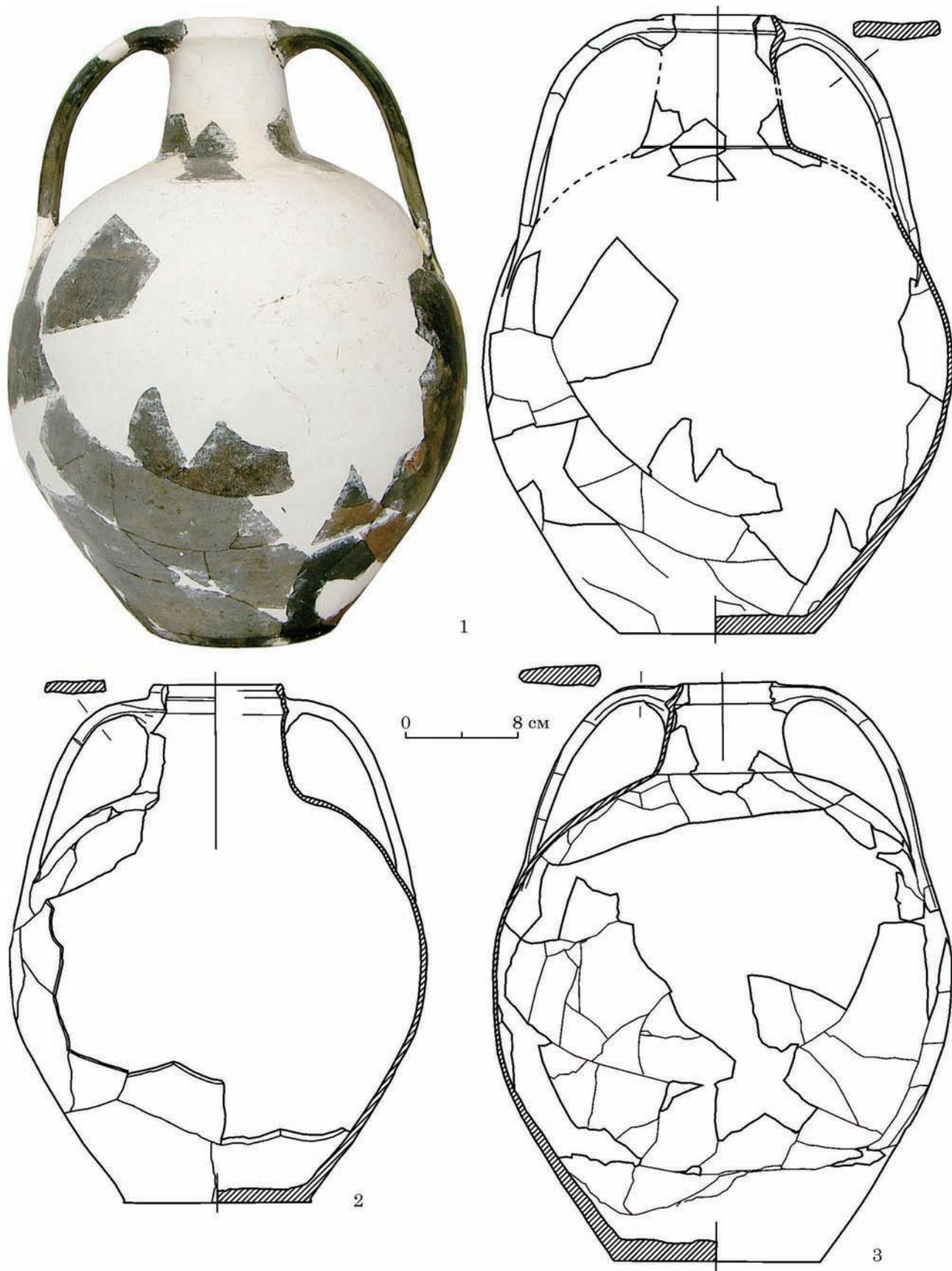

Рис. 38. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1В. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, слой пожара 1475 г.

Fig. 38. Two-handed big jugs of the SWC group, type 1.1B. Alushta fortress, Orta-Kule tower, the layer of fire of 1475.

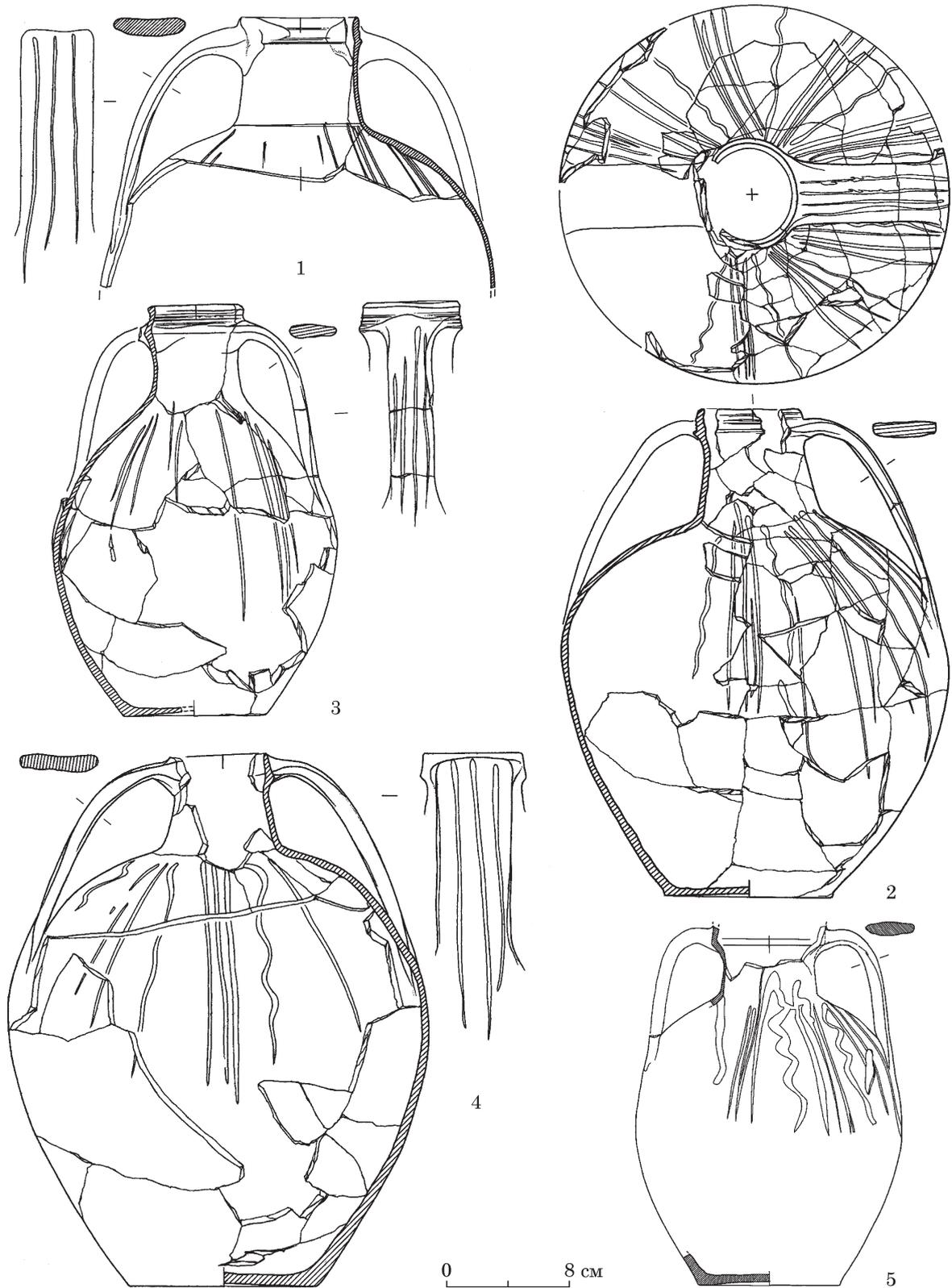

Рис. 39. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1В. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием (1) и разрушением (4, 5) построек, слой пожара 1475 г. (2, 3).

Fig. 39. Two-handed big jugs of the SWC group, type 1.1B. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning (1) and destruction (4, 5) of buildings; the layer of fire of 1475 (2, 3).

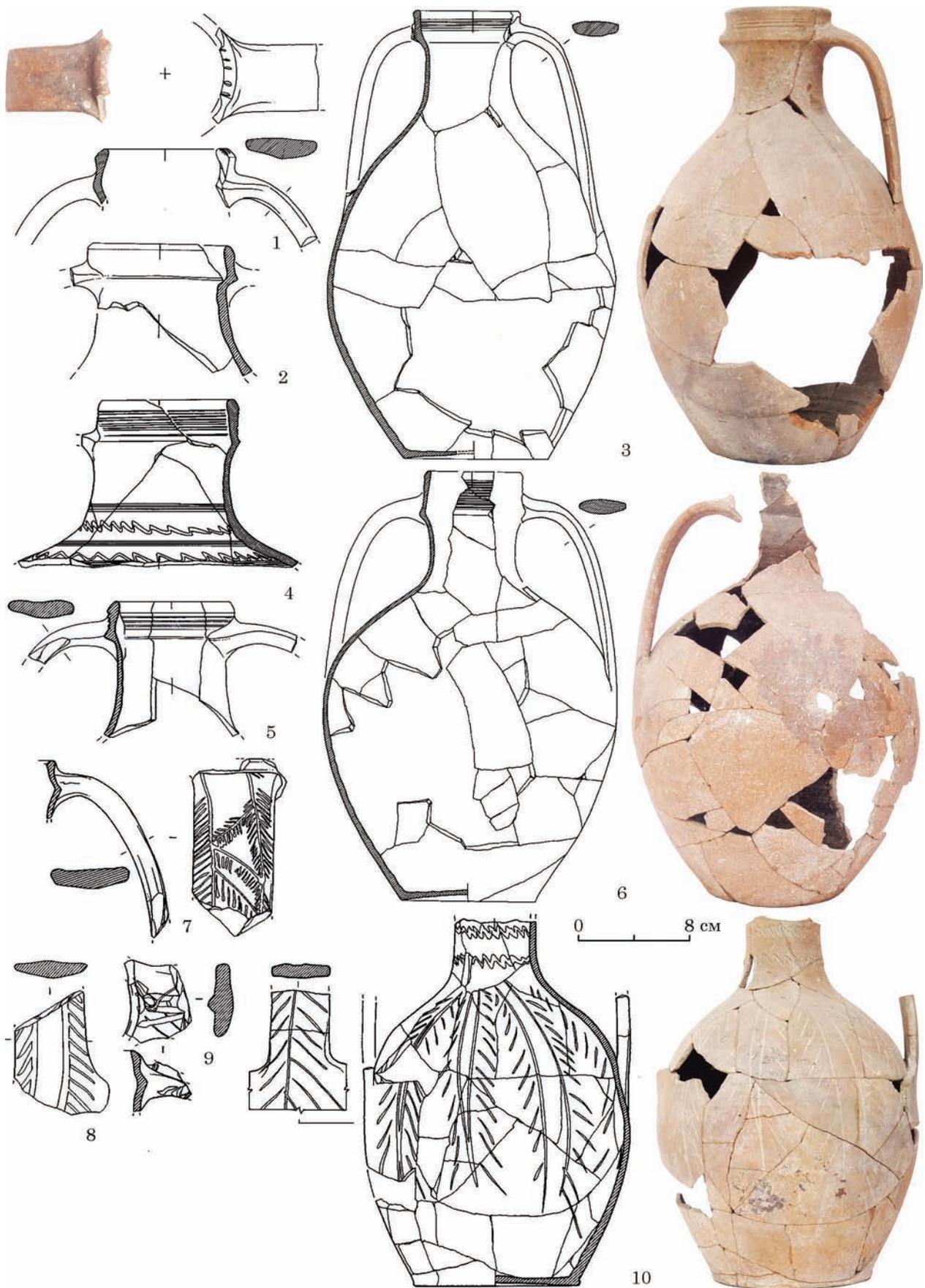

Рис. 40. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1В. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 2, 7) и прихрамового некрополя у башни Ашага-Куле (10), слой пожара 1475 г. (3); перемещённые артефакты (8, 9).

Fig. 40. Two-handled big jugs of the SWC group, type 1.1B. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of dwellings (1, 2, 7) and of the temple necropolis near the Ashaga-Kule tower (10); the layer of fire of 1475 (3); redeposited artifacts (8, 9).

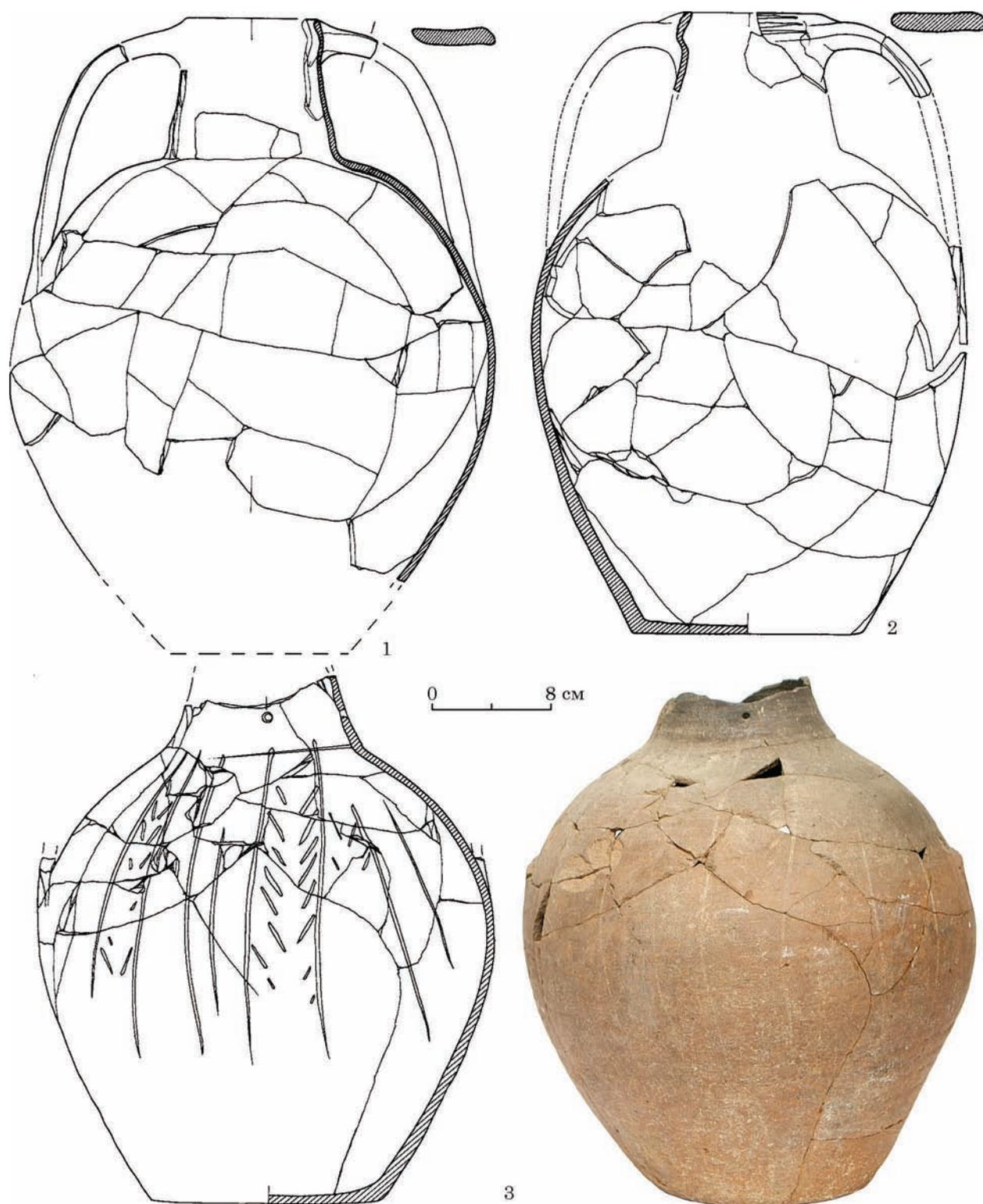

Рис. 41. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1В. Крепость Фуна, строения третьей четверти XV в.: заполнение хозяйственной ямы (2), слой пожара 1475 г. (1, 3).

Fig. 41. Two-handed big jugs of the SWC group, type 1.1B. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: filling of a utility pit (2); the layer of fire of 1475 (1, 3).

Рис. 42. Двуручные тарные кувшины группы ЮЗК, тип 1.1В. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: заполнение сантехнического сооружения (2); слой пожара 1475 г. (1, 4, 9). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 6). Крепость Чембало, перемещённые отложения (5, 7, 8).

Fig. 42. Two-handled big jugs of the SWC group, type 1.1B. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: filling of a cesspool (2); the layer of fire of 1475 (1, 4, 9). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of dwellings (3, 6). Chembalo fortress, redeposited sediments (5, 7, 8).

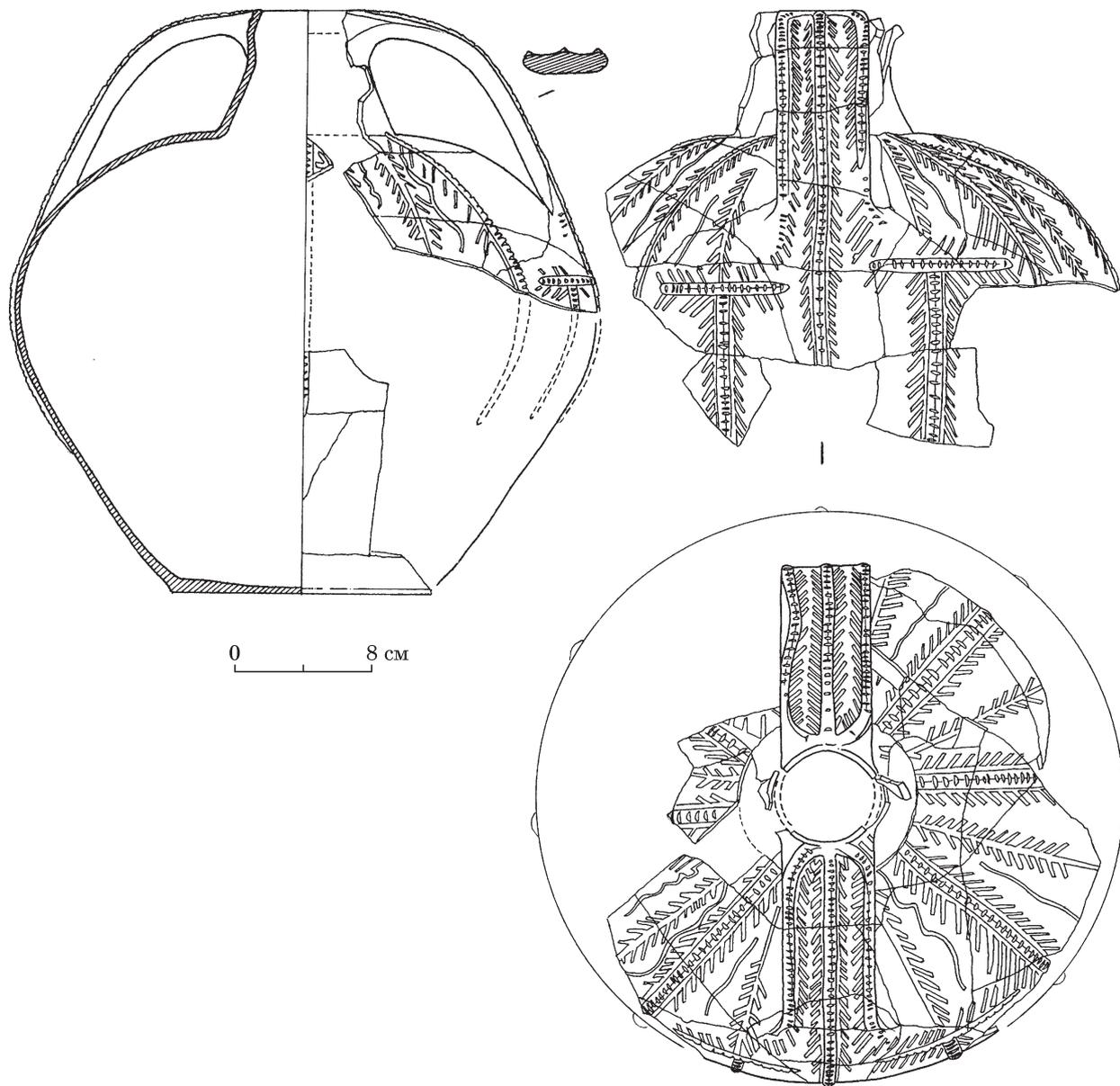

Рис. 43. Двуручный гарный кувшин группы ЮЗК, тип 1.1С. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: двор № 2, слой пожара 1475 г.

Fig. 43. Two-handled big jugs of the SWC group, type 1.1С. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: the courtyard 2, the layer of fire of 1475.

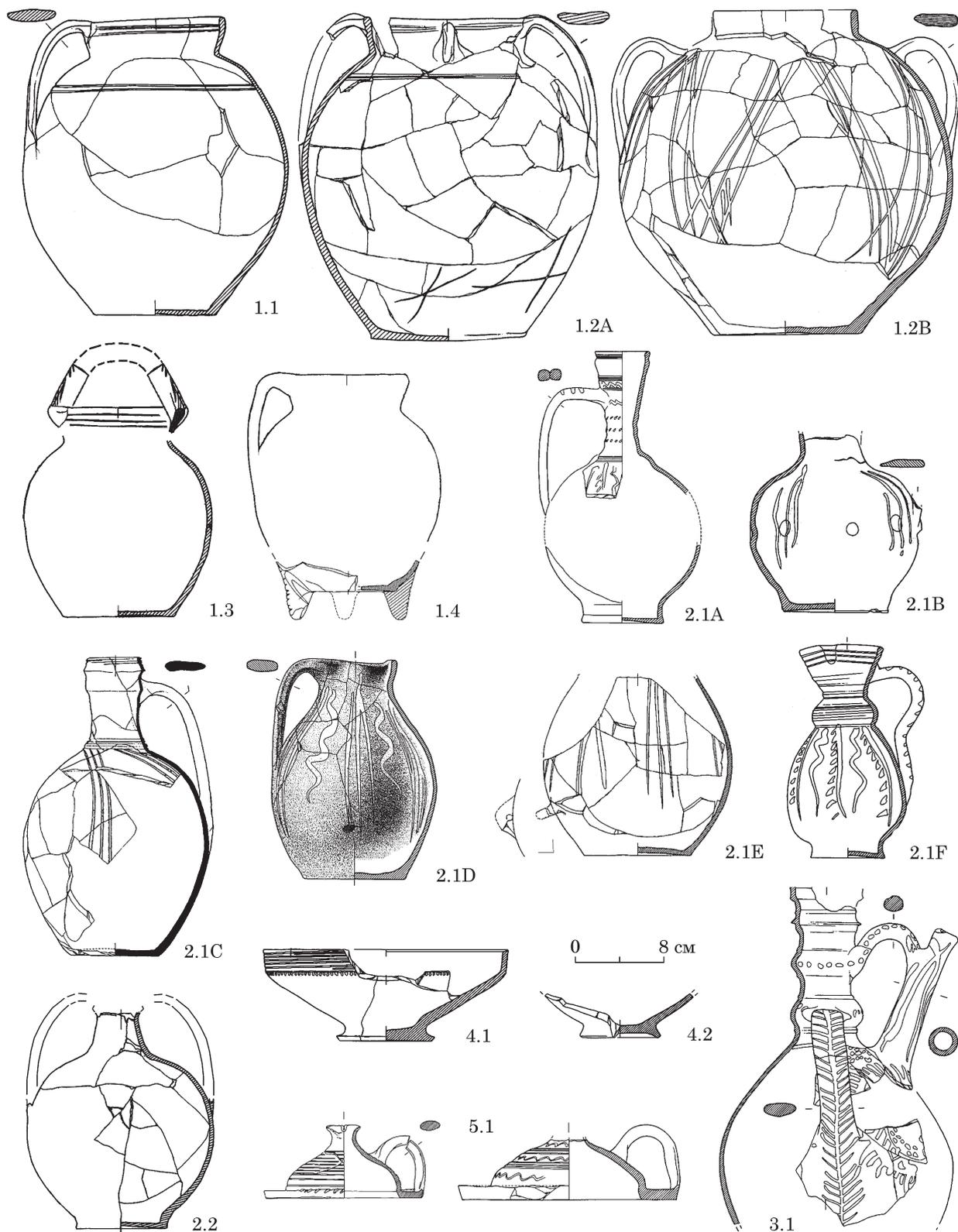

Рис. 44. Кухонно-столовая посуда группы ЮЗК, типы и варианты.

Fig. 44. Kitchen and table wares of the SWC group. Types and variants.

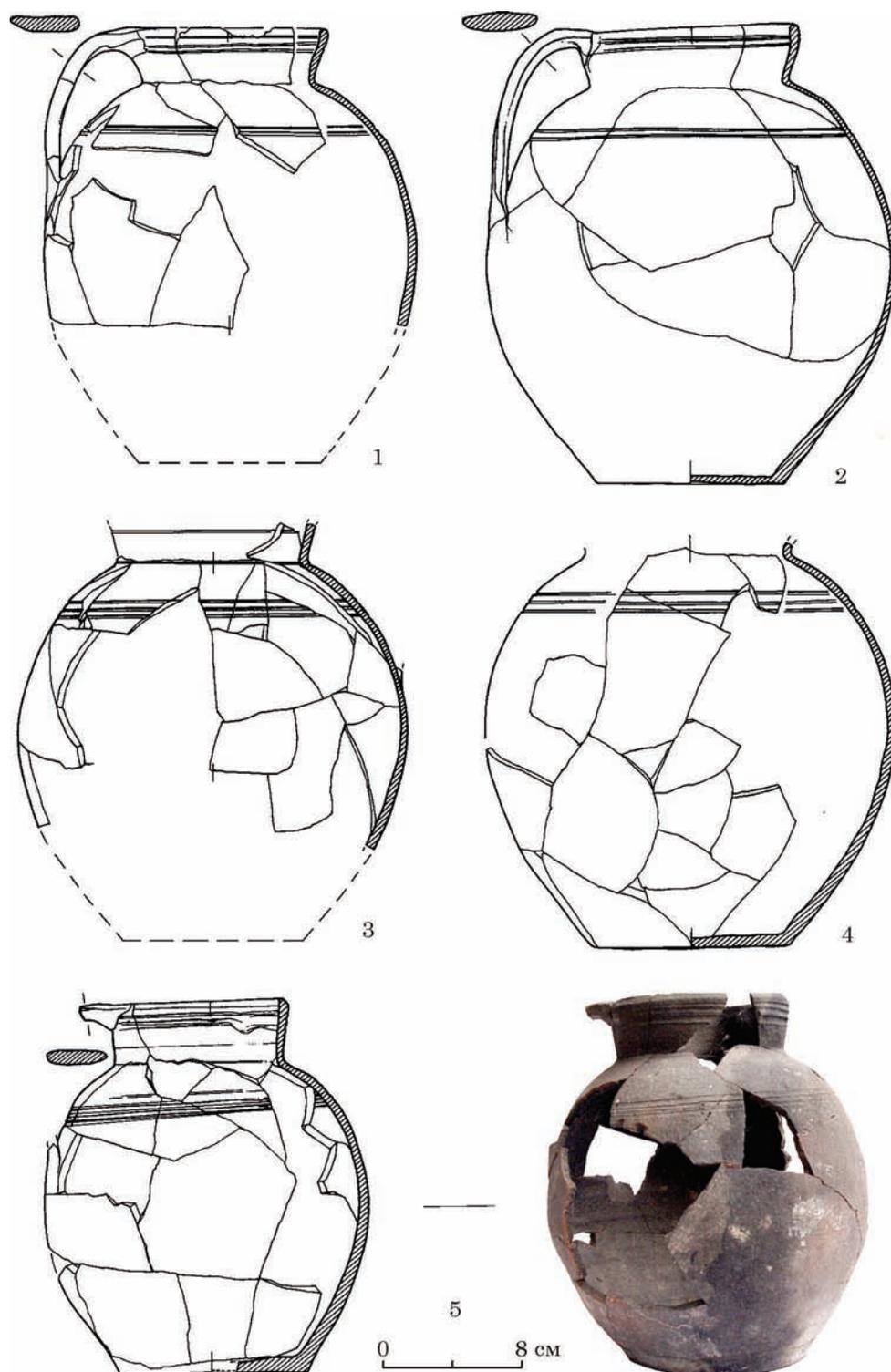

Рис. 45. Горшки группы ЮЗК, тип 1.1А. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: заполнение сантехнического сооружения (2); заполнение хозяйственной ямы (5); двор № 1, слой пожара 1475 г. (1, 3, 4).

Fig. 45. Pots of the SWC group, type 1.1A. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: filling of a cesspool (2); filling the household pit (5); the courtyard 1, the layer of fire of 1475 (1, 3, 4).

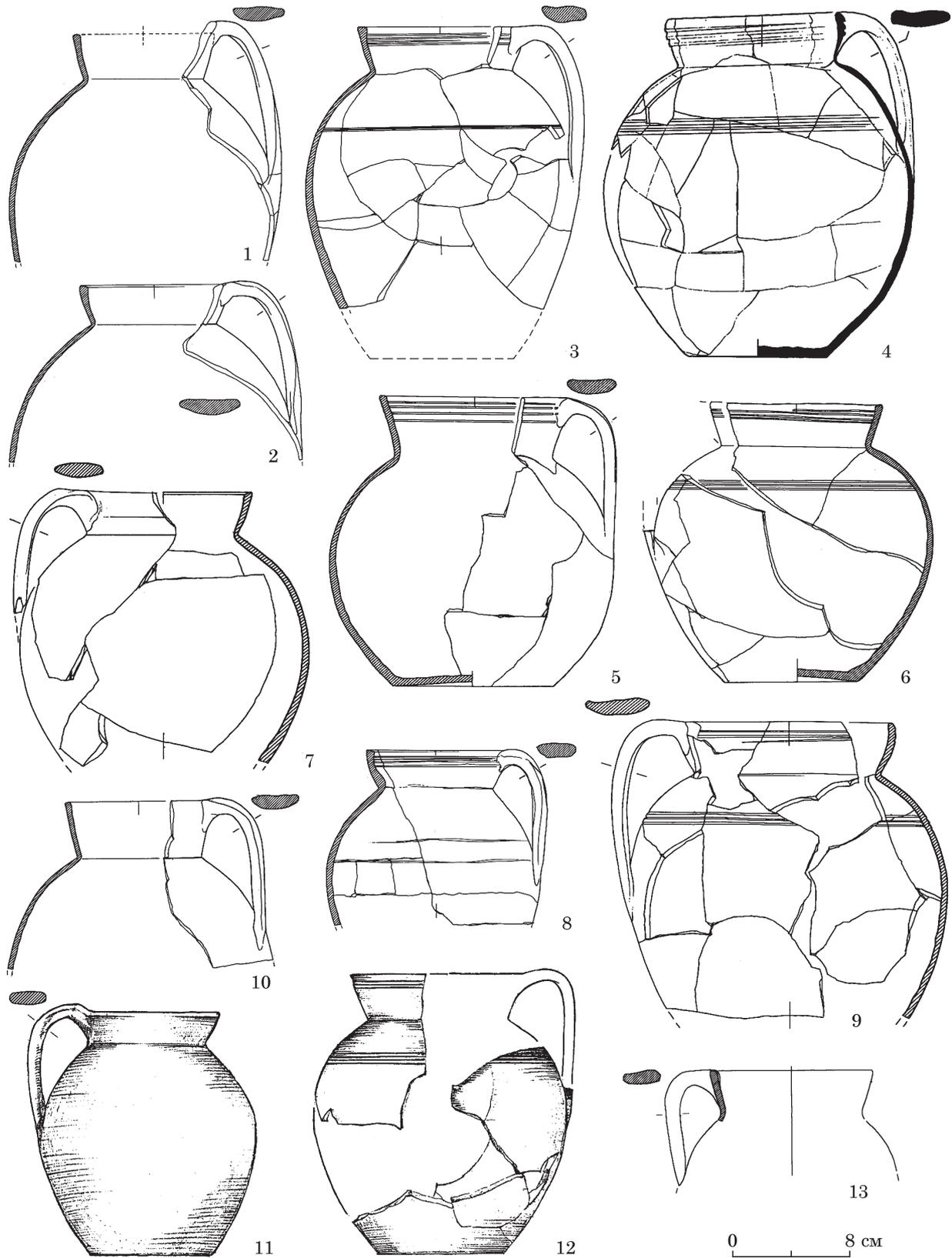

Рис. 46. Горшки группы ЮЗК, тип 1.1А. Алуштинская крепость, башня Ашага-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием башни (4) и жилищно-хозяйственных комплексов (1—3, 5—12). Поселение Ласпи, подъяемый материал (13).

Fig. 46. Pots of the SWC group, type 1.1A. Alushta fortress, Ashaga-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of the tower (4) and dwellings (1—3, 5—12). Laspi settlement, redeposited artifacts (13).

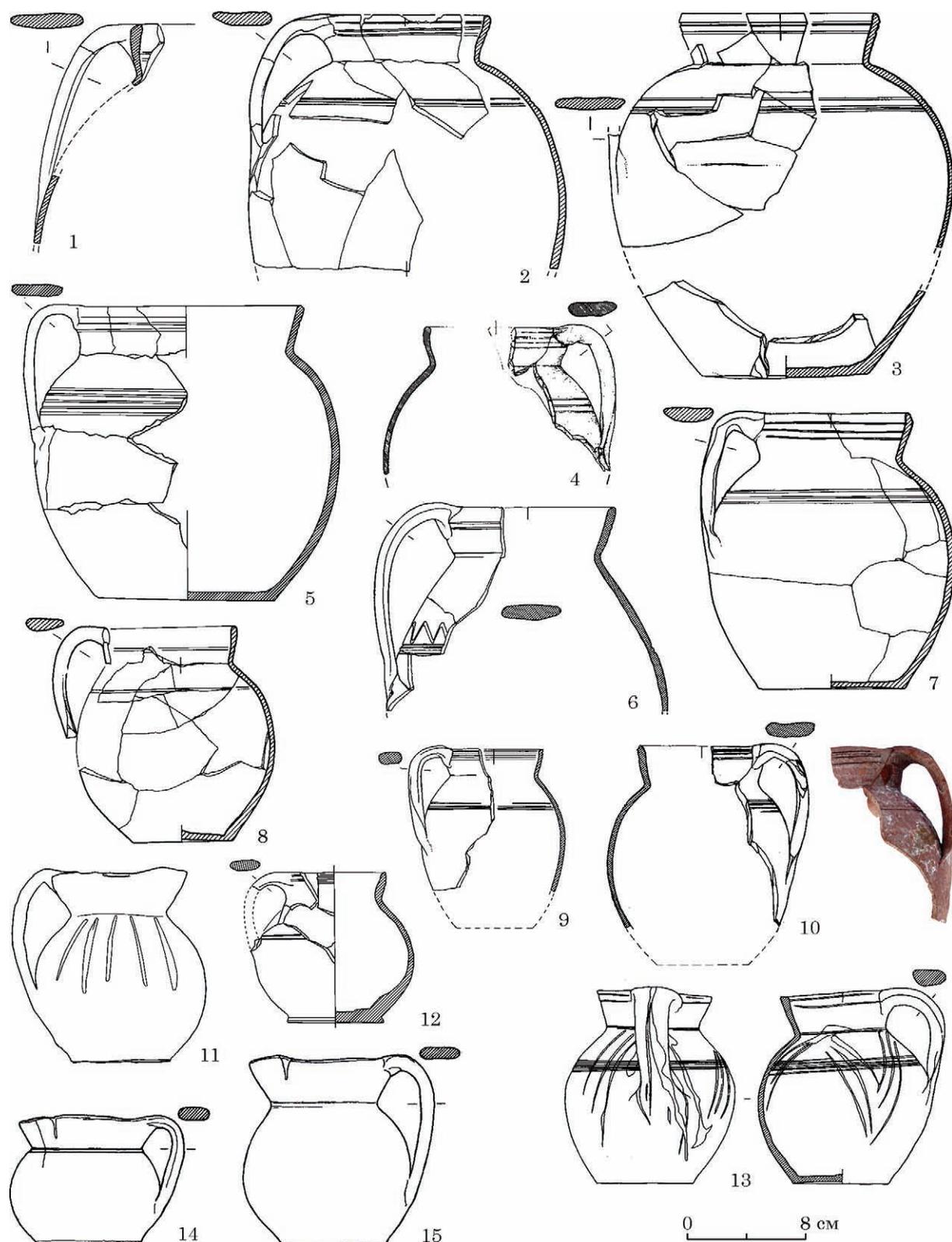

Рис. 47. Горшки группы ЮЗК, тип 1.1А. Крепость Фуна, башня-донжон (5, 13), застройка третьей четверти XV в. (1—4, 6—10, 12): слой пожара 1475 г. Прихрамовые некрополи Фуны, погребальный инвентарь (11, 14, 15), по (Когонашвили, Махнёва 1971; Когонашвили, Махнёва 1974).

Fig. 47. Pots of the SWC group, type 1.1A. Funa fortress, donjon (5, 13), dwellings of the third quarter of the 15th century (1—4, 6—10, 12): the layer of fire of 1475. Funa's temple necropolises, burial items (11, 14, 15), after (Kogonashvili, Makhneva 1971; Kogonashvili, Makhneva 1974).

Рис. 48. Горшки группы ЮЗК: типы 1.1А (1—13); 1.3 (14); 1.4 (15). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2—4, 6—9, 11) и прихрамового некрополя у башни Ашага-Куле (10), слой пожара 1475 г. (5, 13); случайные находки (14, 15). Укрепление на г. Ай-Тодор в Малом Маяке (1).

Fig. 48. Pots of the SWC group: types 1.1A (1—13); 1.3 (14); 1.4 (15). Alushta fortress, buildings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of dwellings (2—4, 6—9, 11) and the temple necropolis near the Ashaga-Kule tower (10), the layer of fire of 1475 (5, 13); redeposited artifacts (14, 15). Malyi Mayak village, fortification on the Ai-Todor mount (1).

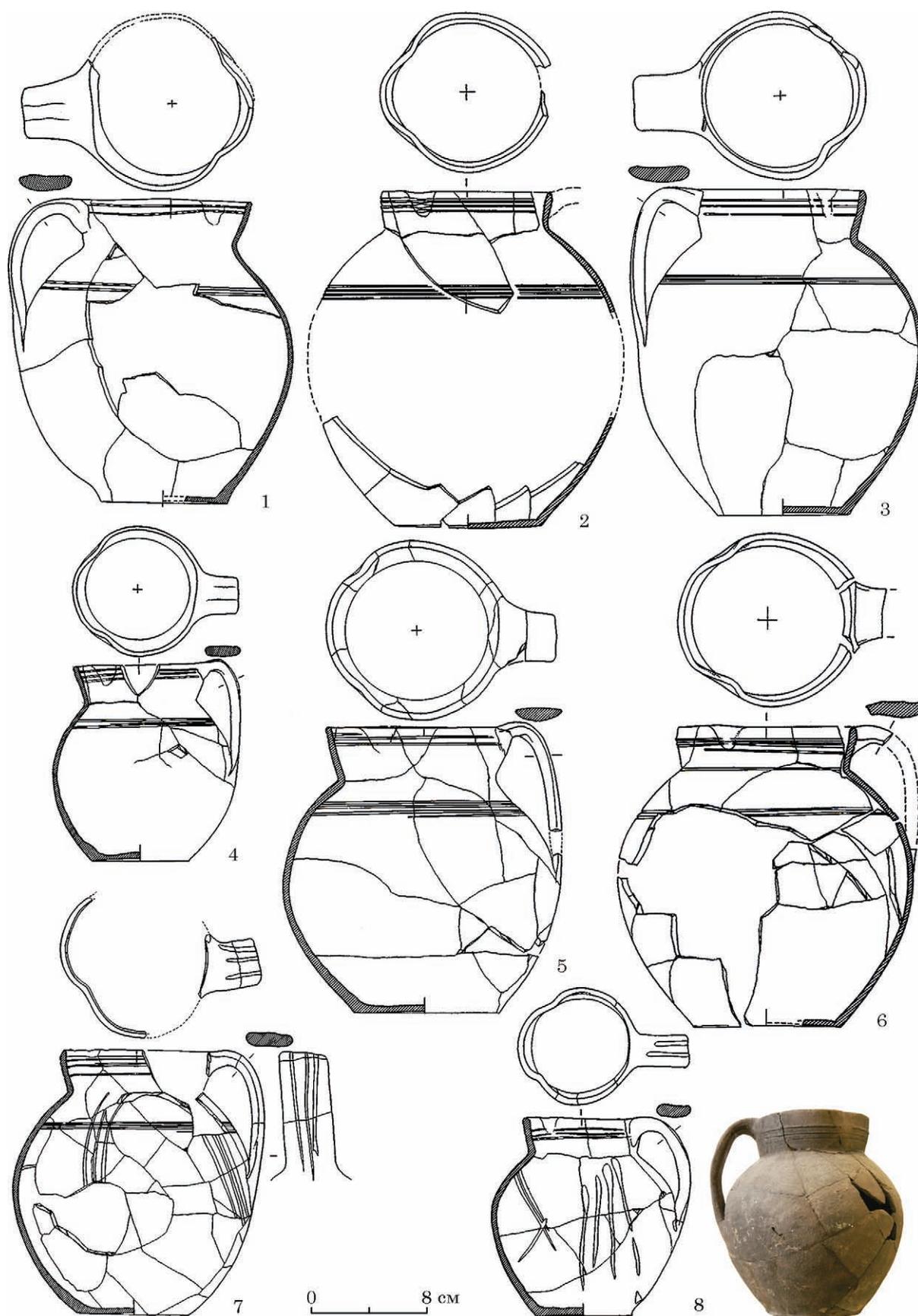

Рис. 49. Горшки группы ЮЗК, тип 1.1В. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: двор № 1, слой пожара 1475 г. (2, 6, 8). Алуштинская крепость, башня Ашага-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 3—5) и башни (7).

Fig. 49. Pots of the SWC group, type 1.1B. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: the courtyard 1, the layer of fire of 1475 (2, 6, 8). Alush-ta fortress, Ashaga-Kule tower, buildings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of dwellings (1, 3—5) and tower (7).

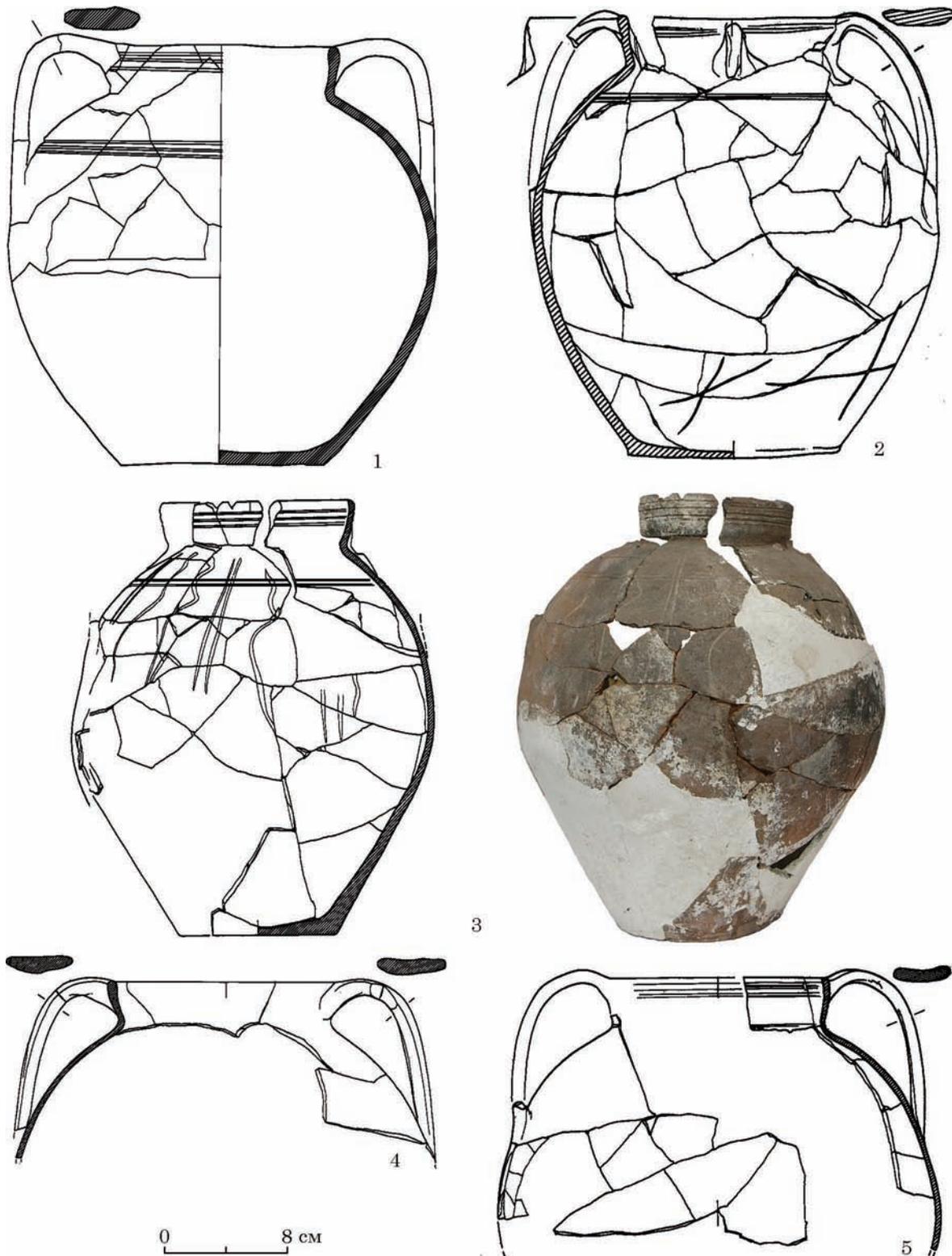

Рис. 50. Горшки группы ЮЗК, тип 1.2А. Крепость Фуна, башня-донжон (1), застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (3, 5). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (2); застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (4).

Fig. 50. Pots of the SWC group, type 1.2A. Funa fortress, donjon (1), dwellings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (3, 5). Alushta fortress, Orta-Kule tower: layer of fire of 1475 (2); dwellings of the second half of the 14th—15th centuries, layers associated with their functioning (4).

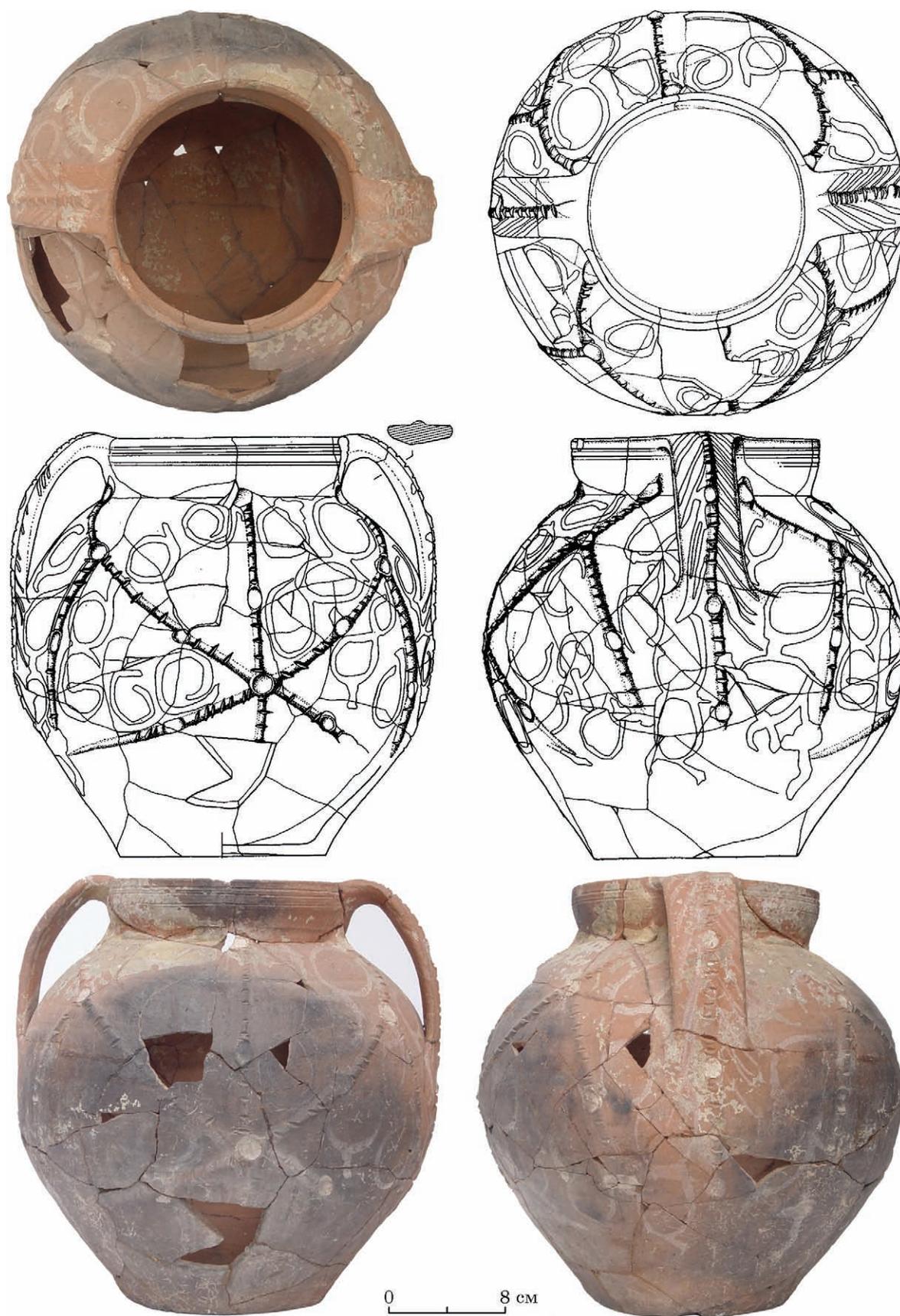

Рис. 51. Горшок группы ЮЗК, тип 1.2А. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слой пожара 1475 г.

Fig. 51. Pot of the SWC group, type 1.2A. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries, the layer of fire of 1475.

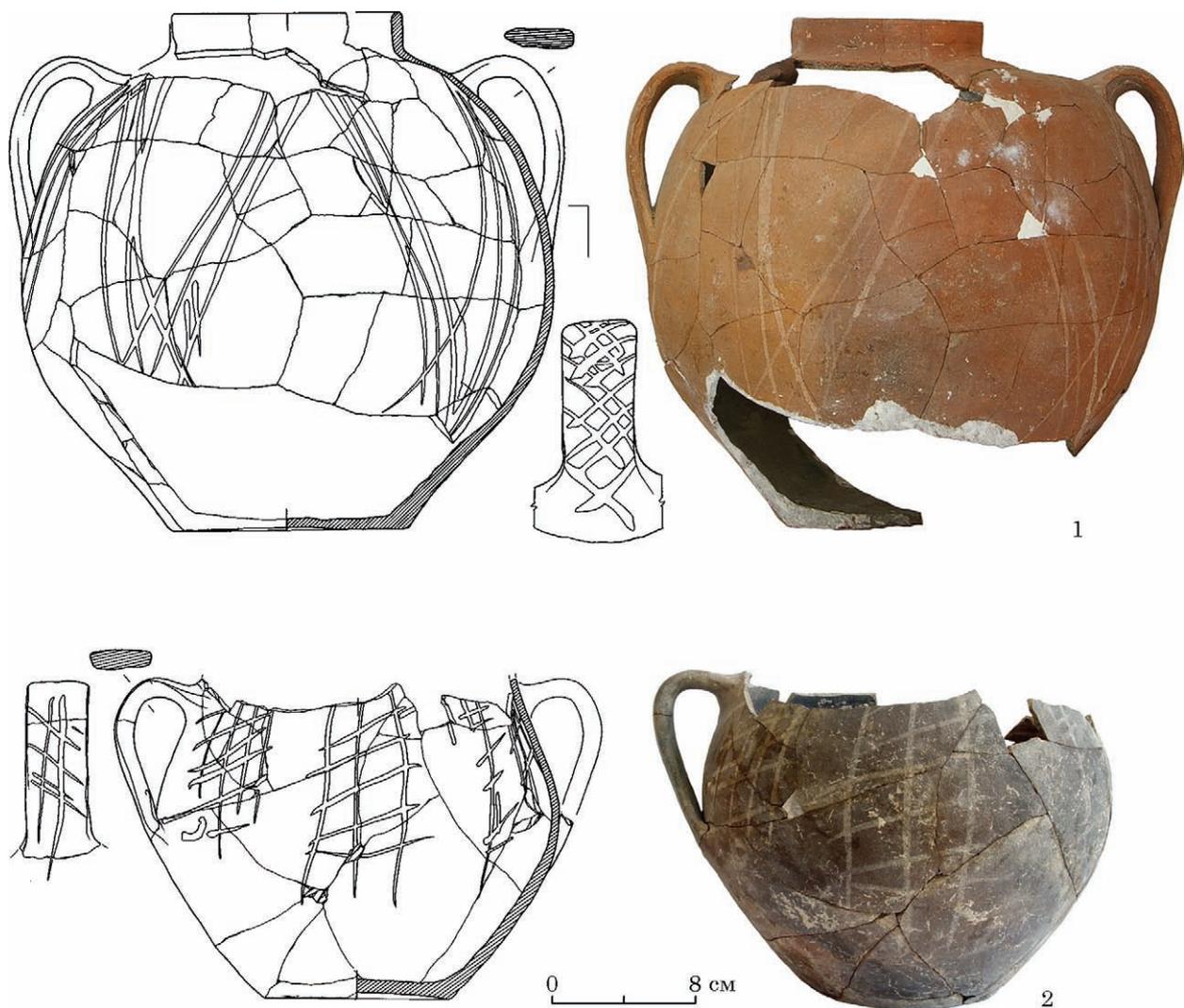

Рис. 52. Горшки группы ЮЗК, тип 1.2В. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов.

Fig. 52. Pots of the SWC group, type 1.2B. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries, layers associated with their functioning.

Рис. 53. Кувшины группы ЮЗК, тип 2.1А. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов.

Fig. 53. Jugs of the SWC group, type 2.1A. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries, layers associated with their functioning and destruction.

Рис. 54. Кувшины группы ЮЗК: типы 2.1А (1—11); 2.1F (12, 13). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (5, 12, 13), слой пожара 1475 г. (6, 11). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка во дворе № 1 (2, 3); слой пожара 1475 г. (4, 7—10). Прихрамовые некрополи Фуны, погребальный инвентарь (1), по (Айбабина 1991b).

Fig. 54. Jugs of the SWC group: types 2.1A (1—11); 2.1F (12, 13). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (5, 12, 13); the layer of fire of 1475 (6, 11). Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: levelling layer in the courtyard 1 (2, 3); the layer of fire of 1475 (4, 7—10). Funa's temple necropolises, burial items (1), after (Aybabina 1991b).

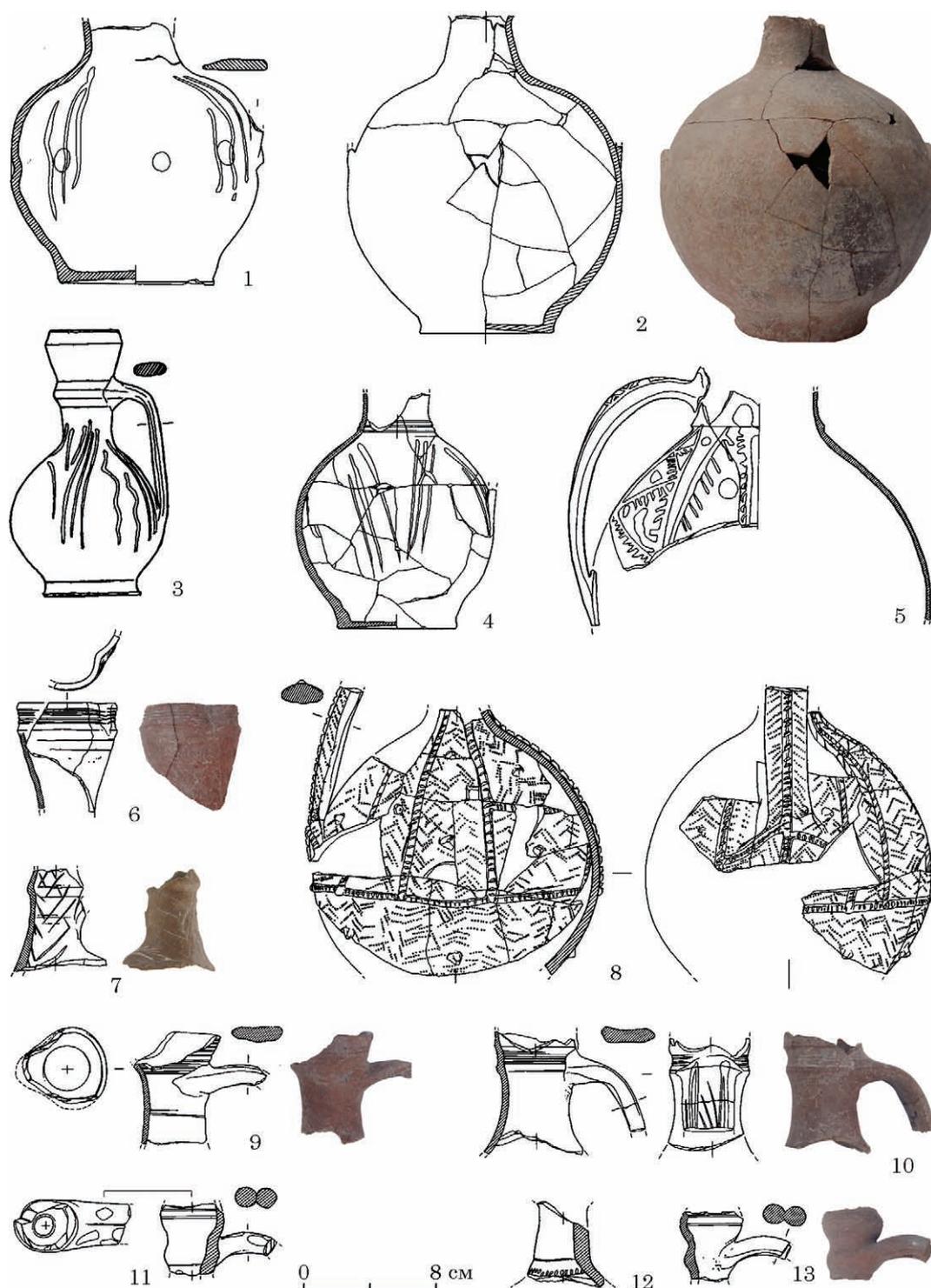

Рис. 55. Кувшины группы ЮЗК, тип 2.1В. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (1, 7, 8), слой пожара 1475 г. (2). Крепость Фуна, башня-донжон (5), застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (6, 9, 11—13), слой пожара 1475 г. (5, 4, 10). Прихрамовые некрополи Фуны, погребальный инвентарь (3), по (Когонашвили, Махнёва 1971, с. 73).

Fig. 55. Jugs of the SWC group, type 2.1B. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (1, 7, 8); the layer of fire of 1475 (2). Funa fortress, donjon (5), dwellings of the third quarter of the 15th century: layers associated with their functioning (6, 9, 11—13); the layer of fire of 1475 (5, 4, 10). Funa's temple necropolises, burial items (3), after (Kogonashvili, Makhneva 1971, p. 73).

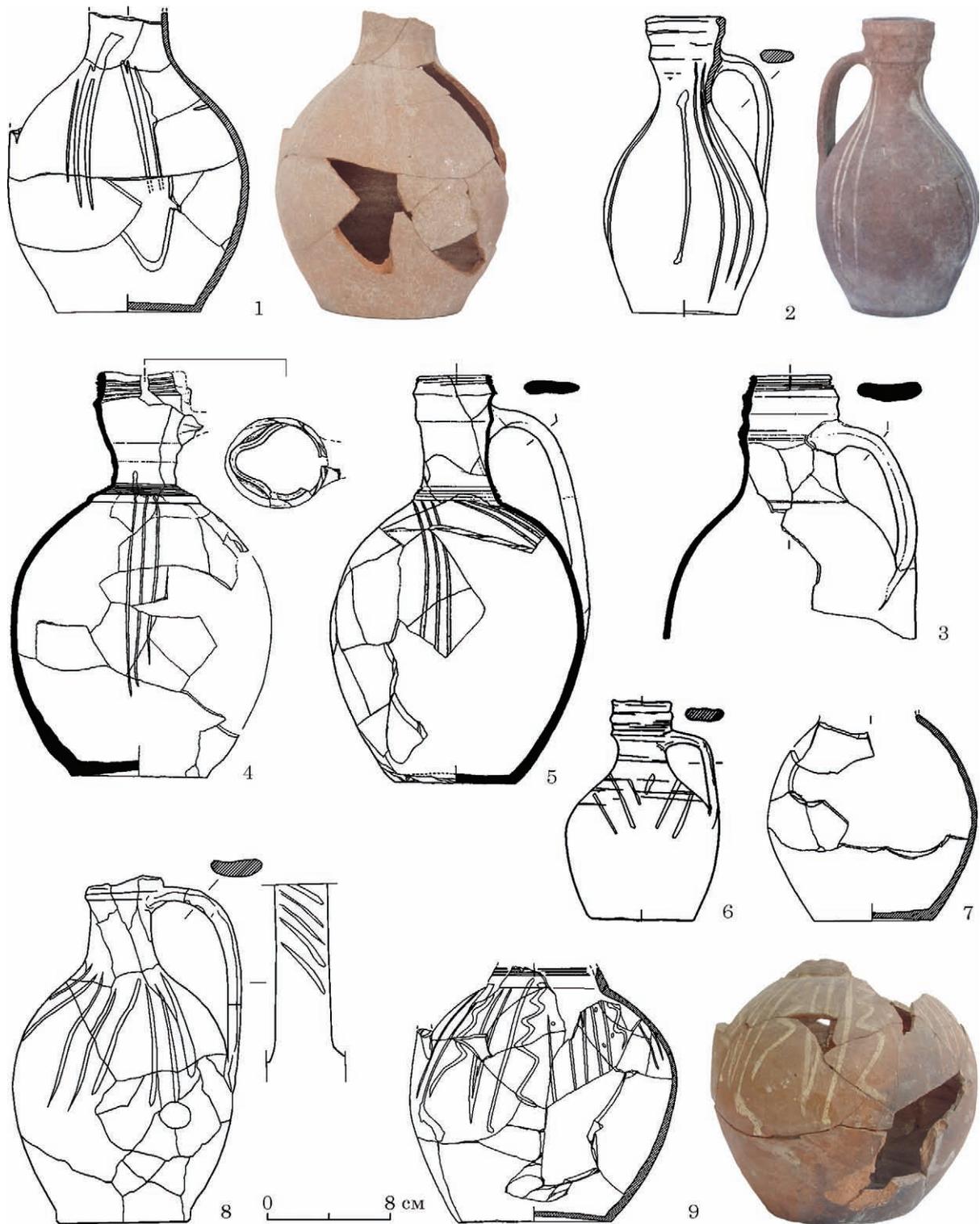

Рис. 56. Кувшины группы ЮЗК, тип 2.1С. Алуштинская крепость, башня Ашага-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием башни (3—5) и жилищно-хозяйственных комплексов (1, 2, 7, 9). Крепость Фуна, башня-донжон (5): слой пожара 1475 г. (8). Прихрамовые некрополи Фуны, погребальный инвентарь (6), по (Когонашвили, Махнёва 1974).

Fig. 56. Jugs of the SWC group, type 2.1C. Alushta fortress, Ashaga-Kule tower, buildings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with the functioning of the tower (3—5) and dwellings (1, 2, 7, 9). Funa fortress, donjon (5): the layer of fire of 1475 (8). Funa's temple necropolises, burial items (6), after (Kogonashvili, Makhneva 1974).

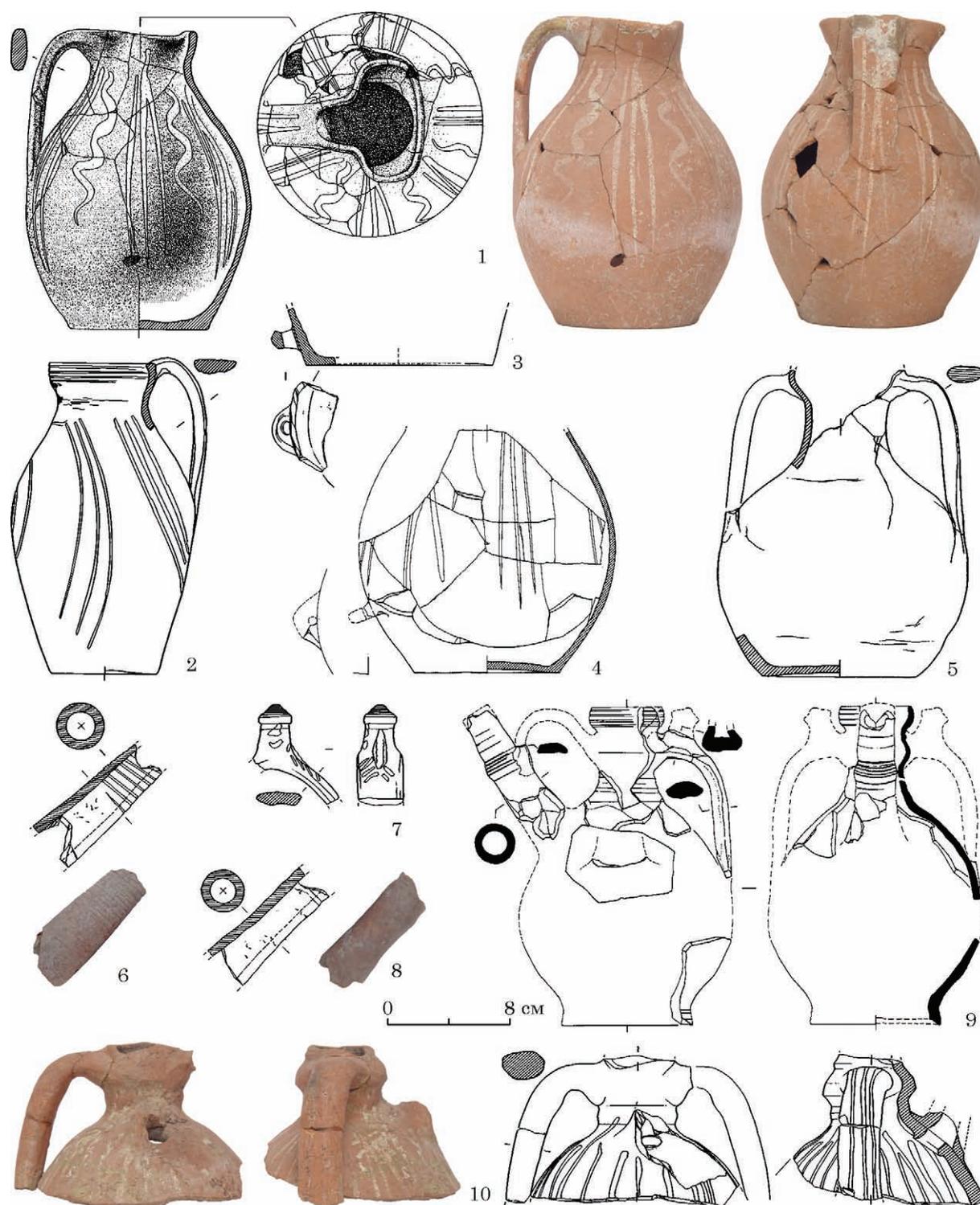

Рис. 57. Кувшины группы ЮЗК: типы 2.1D (1, 2); 2.1E (3, 4); 2.2 (5); 3.1 (6—10). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием (2, 4, 5, 10) и разрушением (1) жилищно-хозяйственных комплексов. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 6—8). Храм с некрополем в с. Малый Маяк: подъёмный материал (9).

Fig. 57. Jugs of the SWC group: types 2.1D (1, 2); 2.1E (3, 4); 2.2 (5); 3.1 (6—10). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2, 4, 5, 10) and destruction (1). Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: layers associated with their functioning (3, 6—8). Malyi Mayak village, a temple with a necropolis: redeposited artifacts (9).

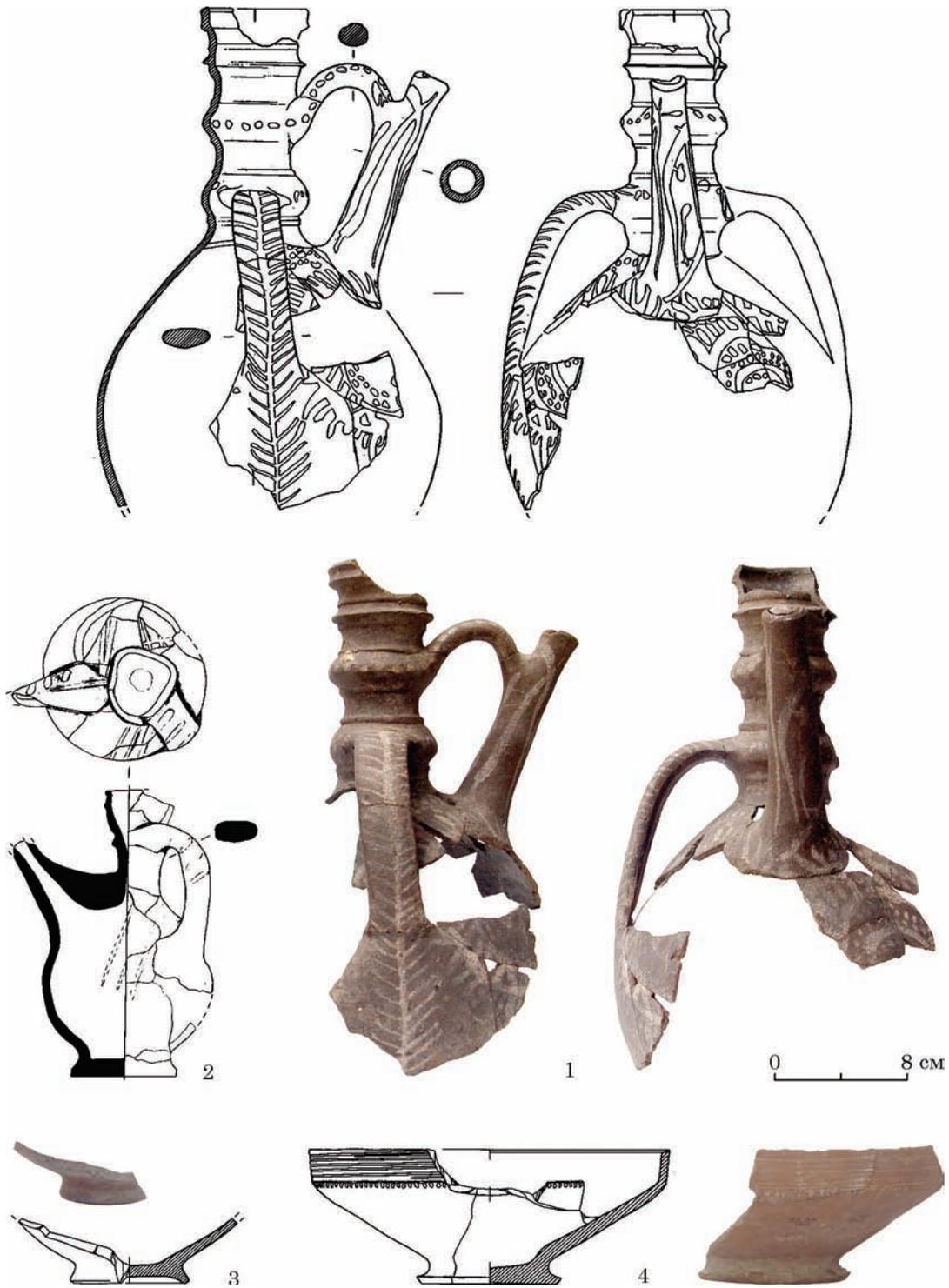

Рис. 58. Группа ЮЗК: 1, 2 — кувшины, тип 3.1; 3, 4 — сосуды открытой формы, типы 4.1 (4) и 4.2 (3). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв., слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 3, 4). Мангуп, княжеский дворец, археологический комплекс третьей четверти XV в. (2), по (Герцен, Науменко 2010, ил. 10: 1).

Fig. 58. SWC group: 1, 2 — jugs, type 3.1; 3, 4 — open shapes vessels, types 4.1 (4) and 4.2 (3). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (1, 3, 4). Mangup, princely palace, archaeological complex of the third quarter of the 15th century. (2), after (Herzen, Naumenko 2010, ill. 10: 1).

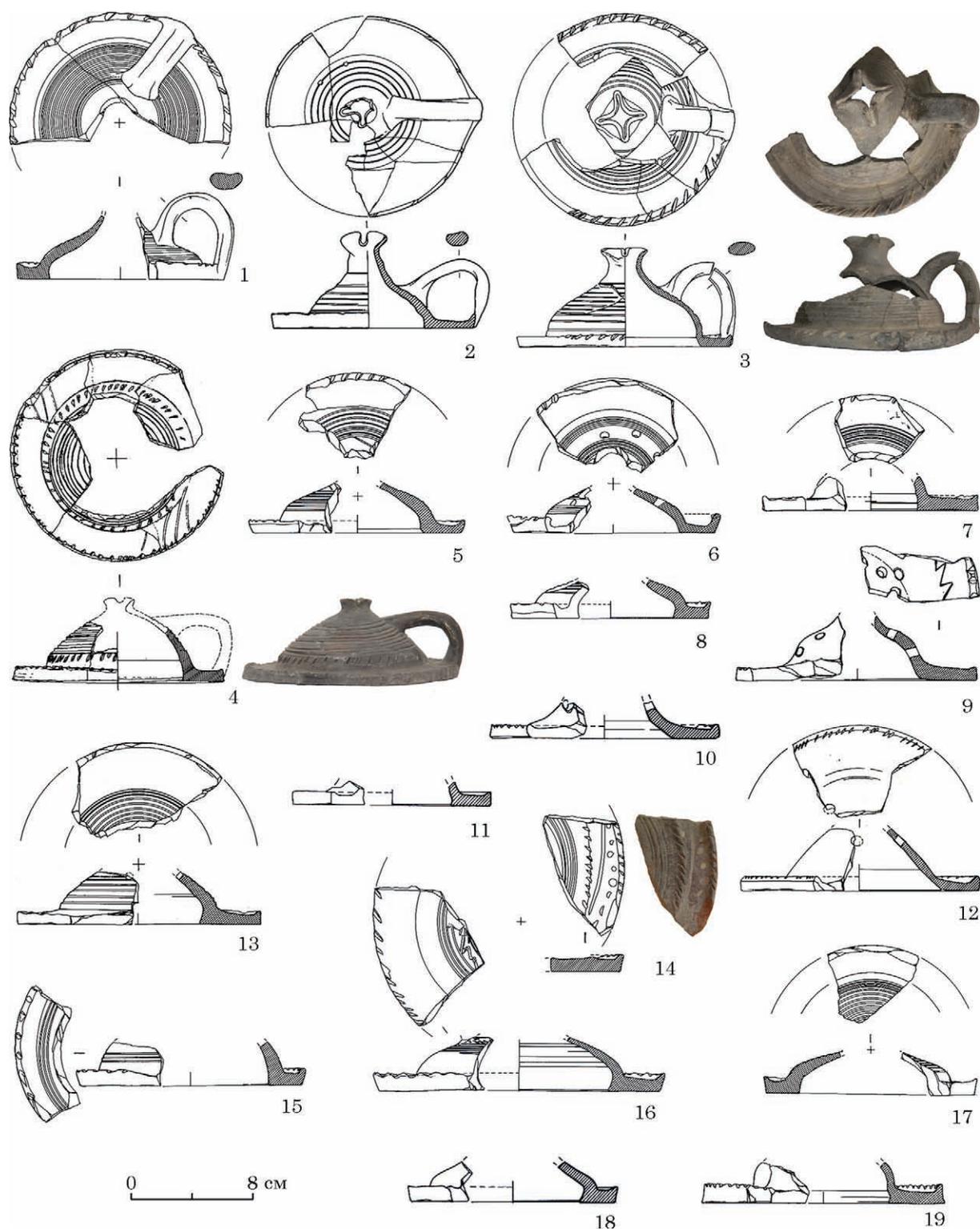

Рис. 59. Крышки группы ЮЗК, тип 5.1. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле (4), застройка второй половины XIV—XV вв. (1—3, 5—16, 18): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1—3, 5—14, 18), слой пожара 1475 г. (4, 15, 16). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочные подсыпки (17, 19).

Fig. 59. Lids of the SWC group, type 5.1. Alushta fortress, Orta-Kule tower (4), buildings of the second half of the 14th—15th centuries (1—3, 5—16, 18): layers associated with the functioning of dwellings (1—3, 5—14, 18), the layer of fire of 1475 (4, 15, 16). Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: leveling layers (17, 19).

Рис. 60. Крышки группы ЮЗК, тип 5.1. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (2—4, 6, 7, 9—11, 13, 14, 16, 17, 19). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 5); нивелировочные подсыпки (12, 18); слой пожара 1475 г. (8, 15).

Fig. 60. Lids of the SWC group, type 5.1. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (2—4, 6, 7, 9—11, 13, 14, 16, 17, 19). Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: layers associated with their functioning (1, 5); levelling layers (12, 18); the layer of fire of 1475 (8, 15).

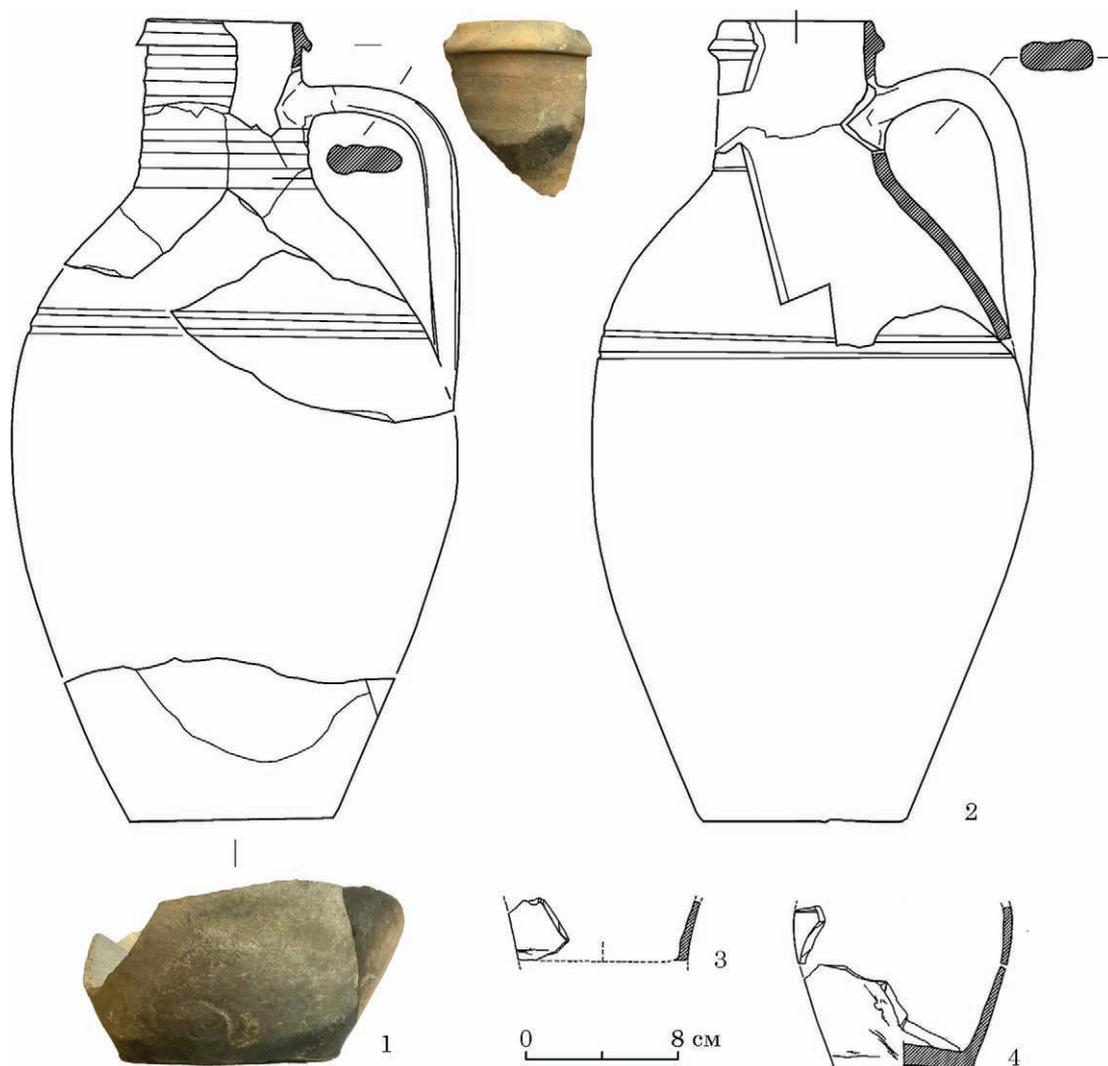

Рис. 61. Кувшины группы ЮБК, тип 1.1. Крепость Фуна, башня-донжон: слой пожара 1475 г. (1, 2), по (Мыц 1988а, рис. 6). Посад крепости Алустон, застройка: слой пожара 1475 г. (3, 4).

Fig. 61. Jugs of the SEC (South-Eastern Crimea) group, type 1.1. Funa fortress, donjon: the layer of fire of 1475 (1, 2), after (Myts 1988a, fig. 6). Dwellings around the Aluston fortress (posad): the layer of fire of 1475 (3, 4).

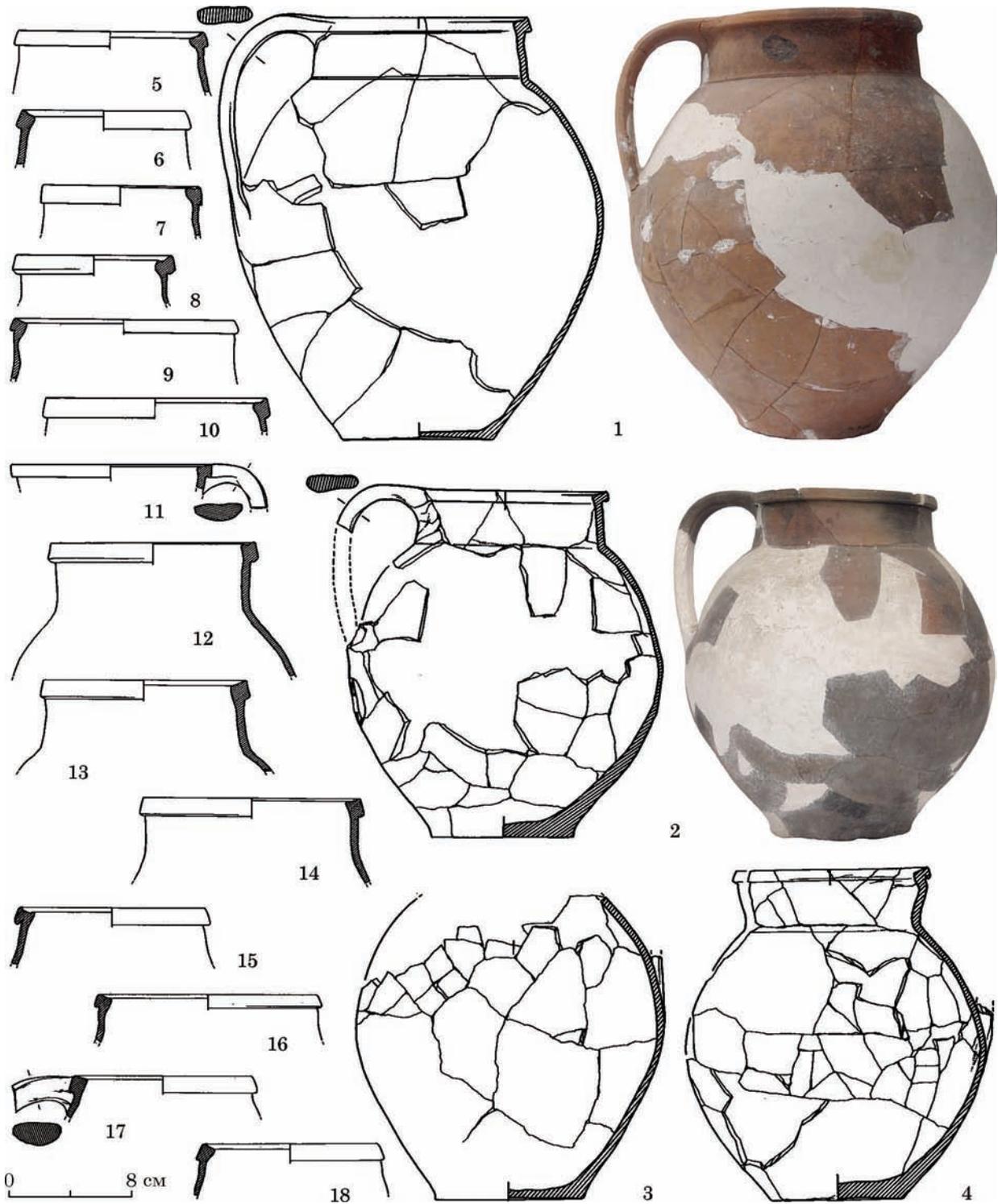

Рис. 62. Горшки группы ГРВ, тип 1.1. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (2), слой разрушения и зольник (5—18). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: двор № 1, слой пожара 1475 г. (1). Укрепление Чобан-Куле: слои, связанные со строительством и функционированием комплекса (4). Городище Чуфут-Кале, сосуд с кладом монет (3).

Fig. 62. Pots of the RSR (rail-shaped rims) group, type 1.1. Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (2), layers of destruction and rubbish dump (5—18). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the courtyard 1, the layer of fire of 1475 (1). Choban-Kule fortress: layers associated with the construction and functioning of the complex (4). Chufut-Kale settlement, a vessel with a treasure of coins (3).

Рис. 63. Горшки группы ГРВ, тип 1.1. Крепость Фуна, водосборная цистерна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 3, 8); заполнение ямы в цистерне (6), слой пожара 1475 г. (1, 4, 5). Укрепление Чобан-Куле: слои, связанные со строительством и функционированием комплекса (7).

Fig. 63. Pots of the RSR group, type 1.1. Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (2, 3, 8); sediments from a pit in a cistern for water (6); the layer of fire of 1475 (1, 4, 5). Choban-Kule fortress: layers associated with the construction and functioning (7).

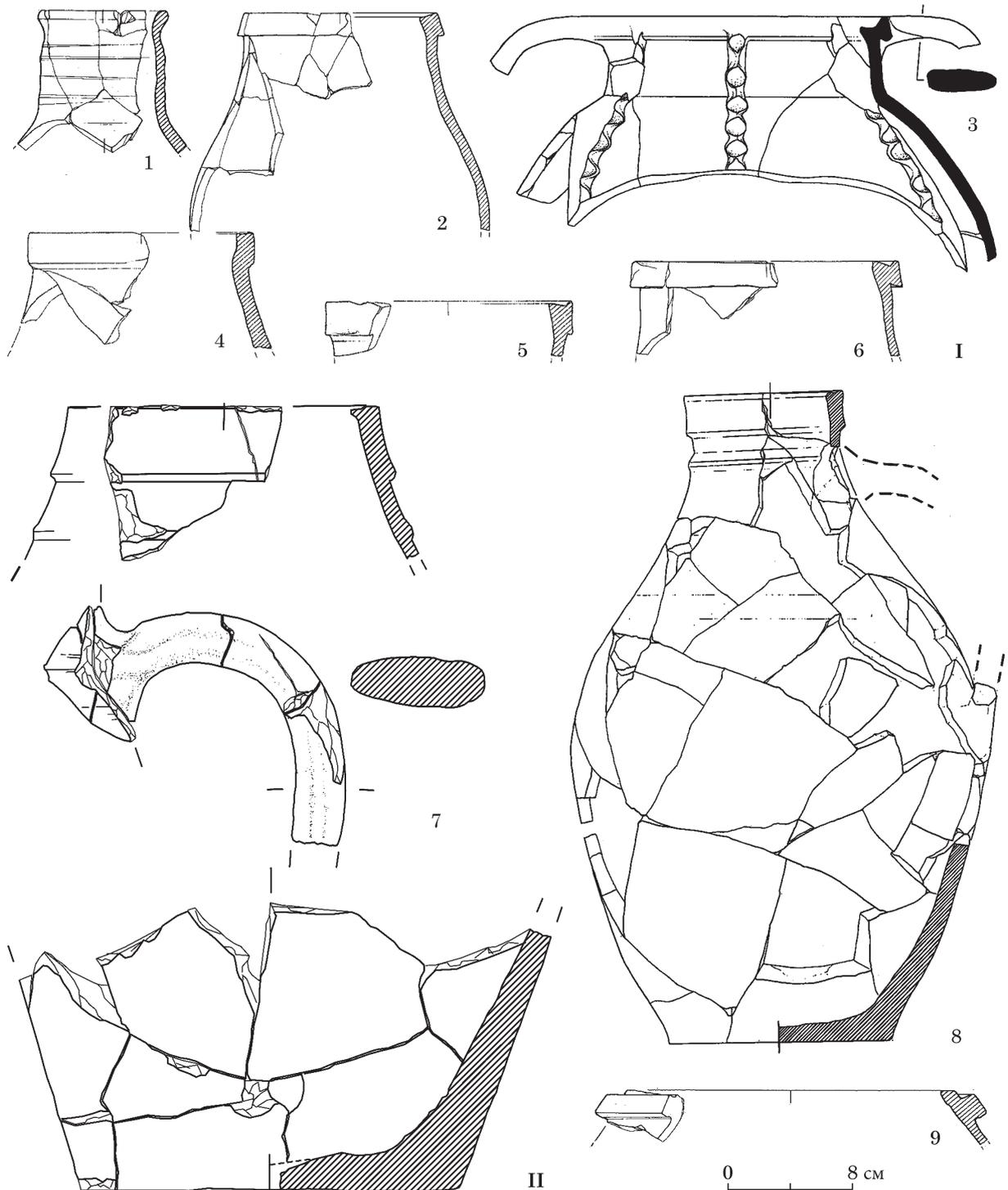

Рис. 64. Сосуды группы ГРВ: XV в., типы 1.1 (2, 4—6), 1.2 (3) и 2.1 (1); XVII—XVIII вв. (7—9). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: зольник (3). Алушта, Нижняя мечеть: слой, отражающий начальный этап функционирования комплекса (7). Храм с некрополем в с. Малый Маяк: отложения, связанные с функционированием некрополя (1—6, 9). Храм с некрополем на северо-восточном склоне г. Аю-Даг: слой разрушения (8).

Fig. 64. Vessels of the RSR group: the 15th century, types 1.1 (2, 4—6), 1.2 (3) and 2.1 (1); the 17th—18th centuries (7—9). Alushta fortress, Orta-Kule tower: a rubbish dump on the ruins (3). Alushta, Lower Mosque: a layer associated with the initial period of its functioning (7). Malyi Mayak village, a temple with a necropolis: sediments associated with the functioning of the necropolis (1—6, 9). Ayu-Dag mount, northeastern slope, a temple with a necropolis: layers of destruction (8).

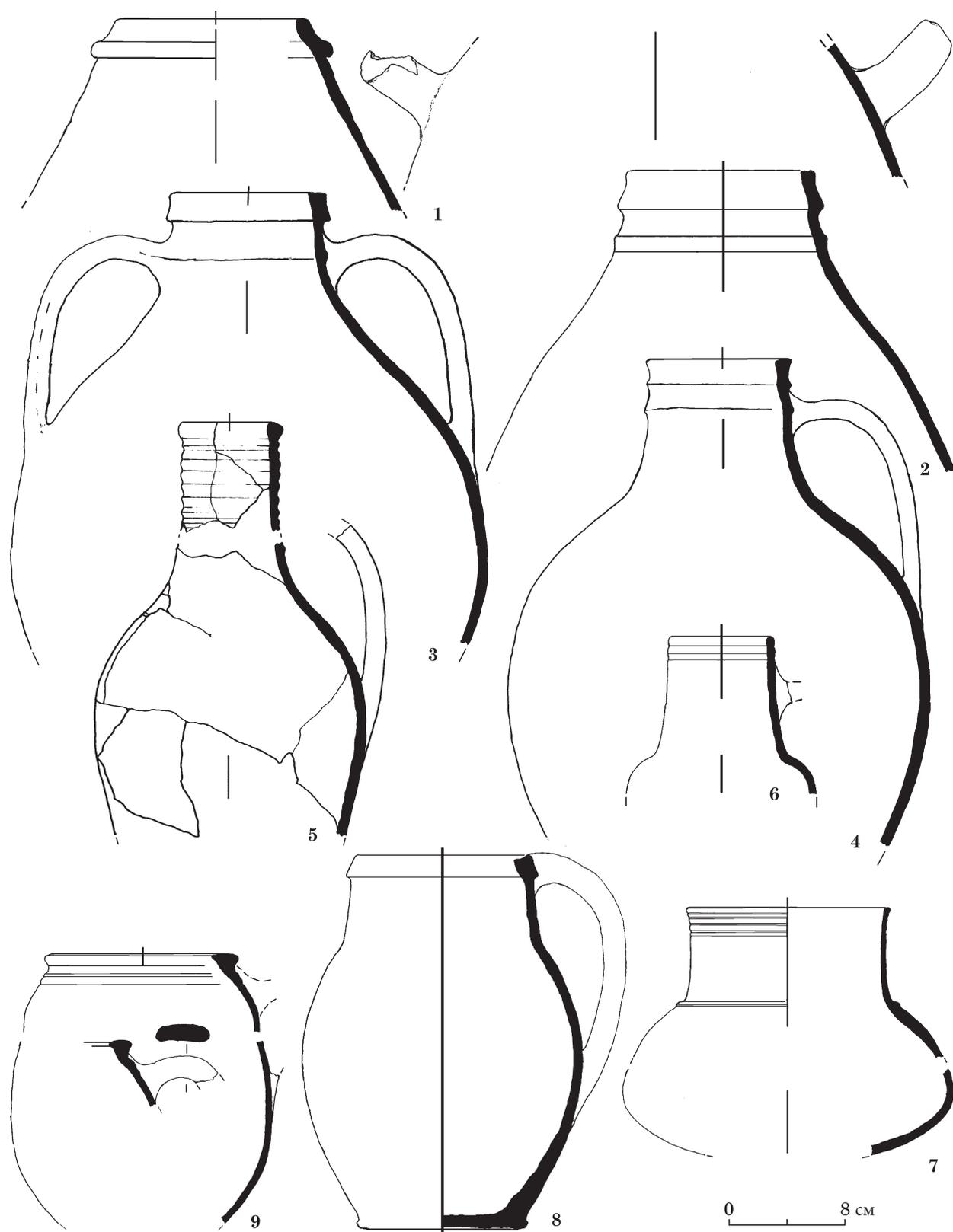

Рис. 65. Основные виды и типы сосудов группы ГРВ рубежа XV/XVI—XVII вв., по материалам из раскопок в портовой части Сугдеи, по (Алядинова 2012, с. 249—256, рис. 3—5).

Fig. 65. The main types of RSR group vessels at the turn of the 15th/16th—17th centuries, based on materials from excavations in the harbor area of Sugdeya, after (Alyadinova 2012, p. 249—256, fig. 3—5).

Рис. 66. Изделия группы Фуна, типы 1.1 (2) и 2.1 (1).
Крепость Фуна, башня-донжон: слой пожара 1475 г.

Fig. 66. Funa group wares, types 1.1 (2) and 2.1 (1).
Funa fortress, donjon: the layer of fire of 1475.

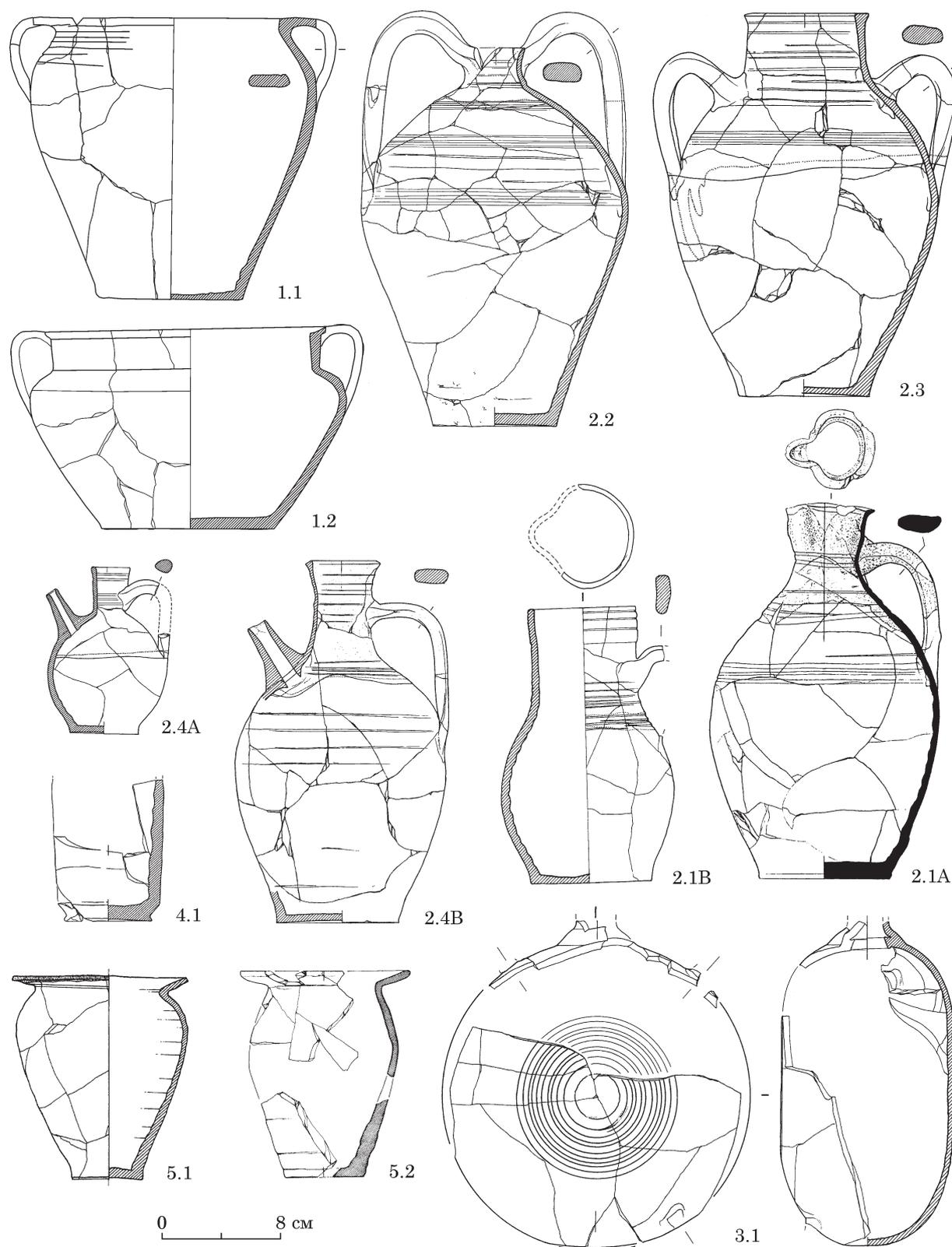

Рис. 67. Поливная посуда группы ЮБК. Основные типы сосудов закрытой формы.

Fig. 67. Glazed wares of the SEC (Southeast Crimea) group. The main types of closed shapes vessels.

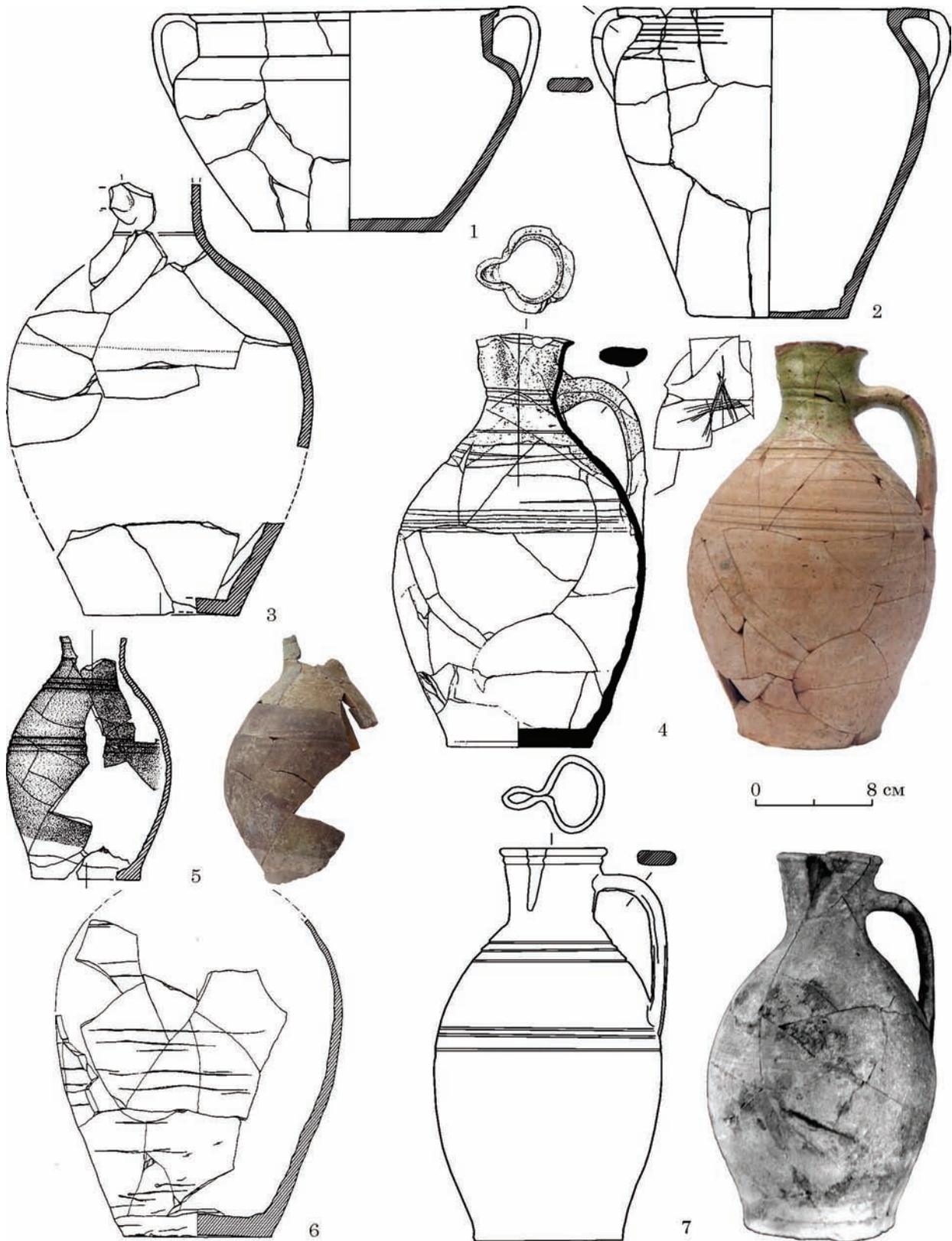

Рис. 68. Горшки и кувшины группы ЮБК: типы 1.1 (2); 1.2 (1); 2.1А (3—7). Алуштинская крепость, башня Ашага-Куле: слой, связанный с функционированием башни (4). Крепость Фуна, башня-донжон (1, 2, 7), застройка третьей четверти XV в. (3, 5, 6): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 5), слой пожара 1475 г. (1, 2, 5—7).

Fig. 68. Pots and jugs of the SEC group: types 1.1 (2); 1.2 (1); 2.1A (3—7). Alushta fortress, Ashaga-Kule tower: a layer associated with its functioning (4). Funa fortress, donjon (1, 2, 7), buildings of the third quarter of the 15th century (3, 5, 6): layers associated with the functioning of dwellings (3, 5); the layer of fire of 1475 (1, 2, 5—7).

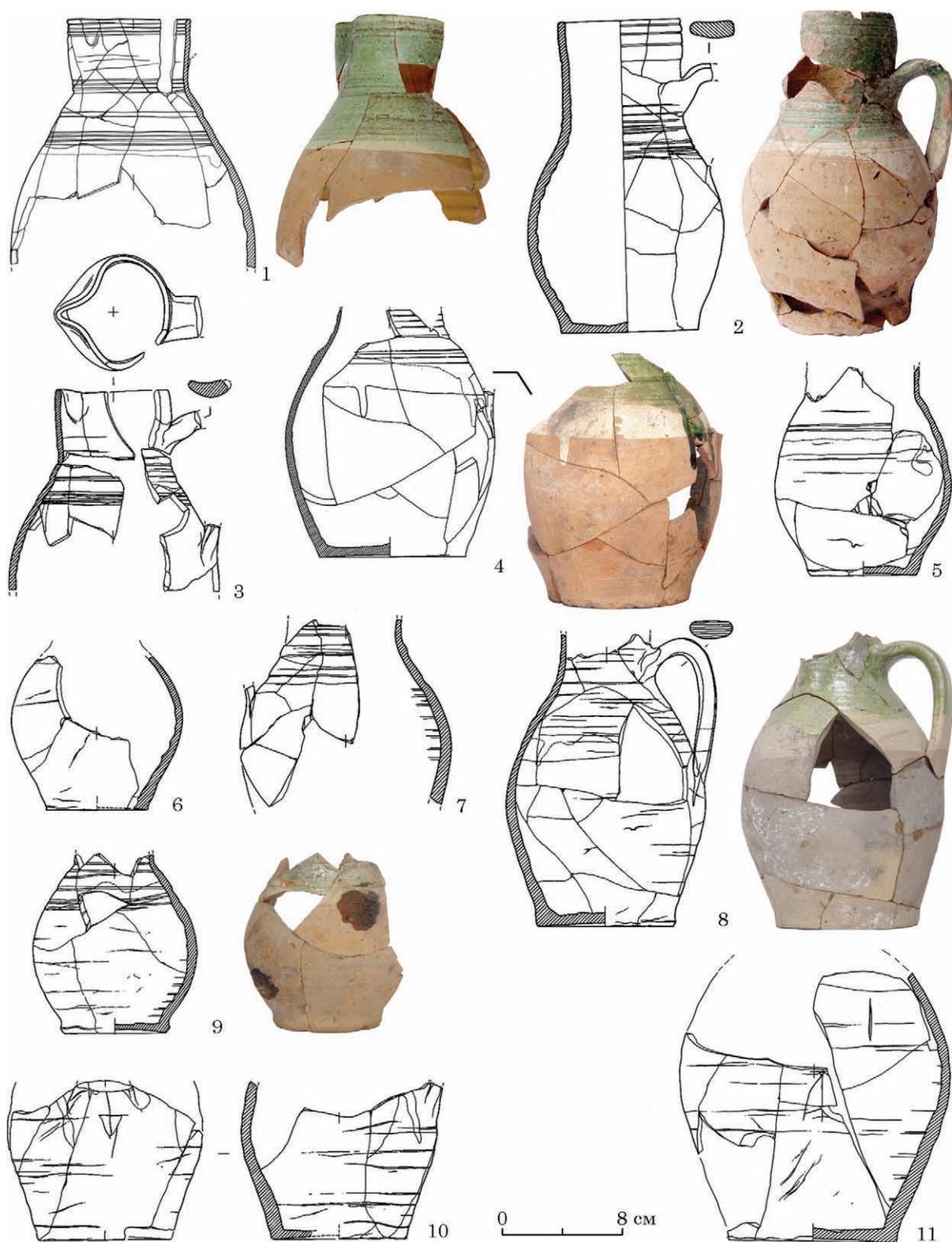

Рис. 69. Кувшины группы ЮБК, тип 1.2. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г.

Fig. 69. Jugs of the SEC group, type 1.2. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475.

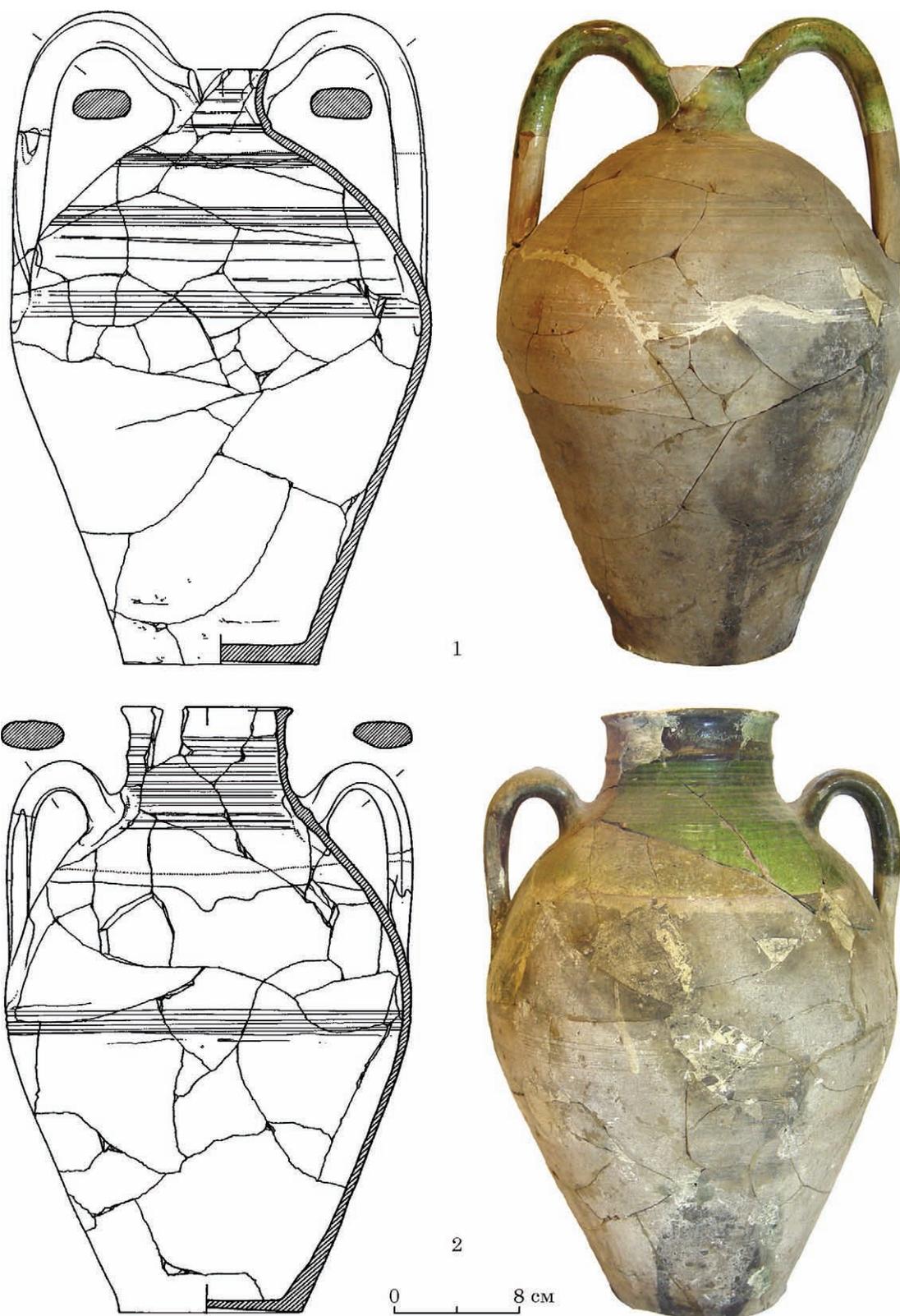

Рис. 70. Кувшины группы ЮБК: типы 2.2 (1); 2.3 (2).
Крепость Фуна, башня-донжон: слой пожара 1475 г.

Fig. 70. Jugs of the SEC group: types 2.2 (1); 2.3 (2).
Funa fortress, donjon: the layer of fire of 1475.

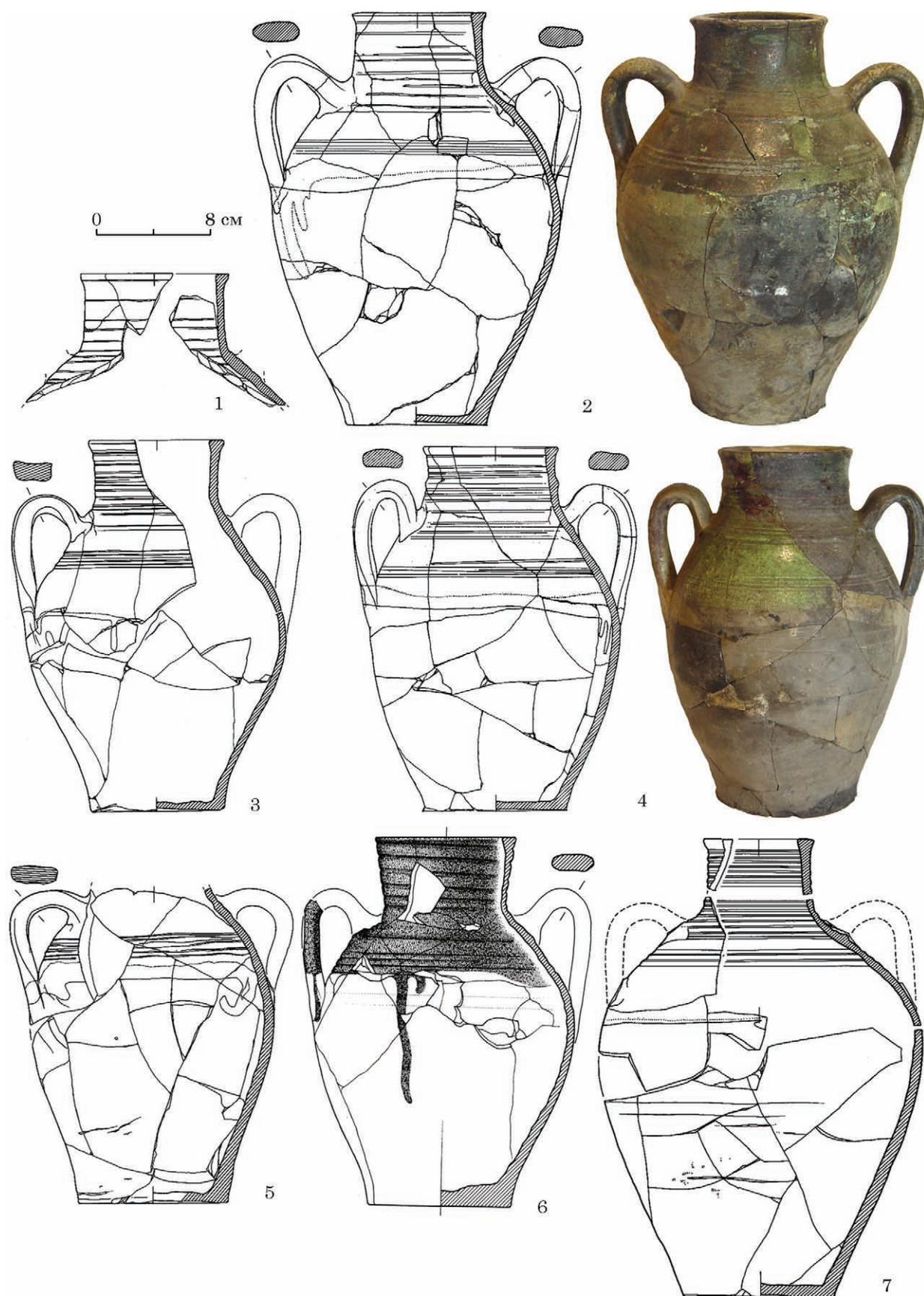

Рис. 71. Кувшины группы ЮБК, тип 2.3. Крепость Фуна, башня-донжон (2, 4), застройка третьей четверти XV в. (1, 3, 5—7): слой пожара 1475 г.

Fig. 71. Jugs of the SEC group, type 2.3. Funa fortress, donjon (2, 4), dwellings of the third quarter of the 15th century (1, 3, 5—7): the layer of fire of 1475.

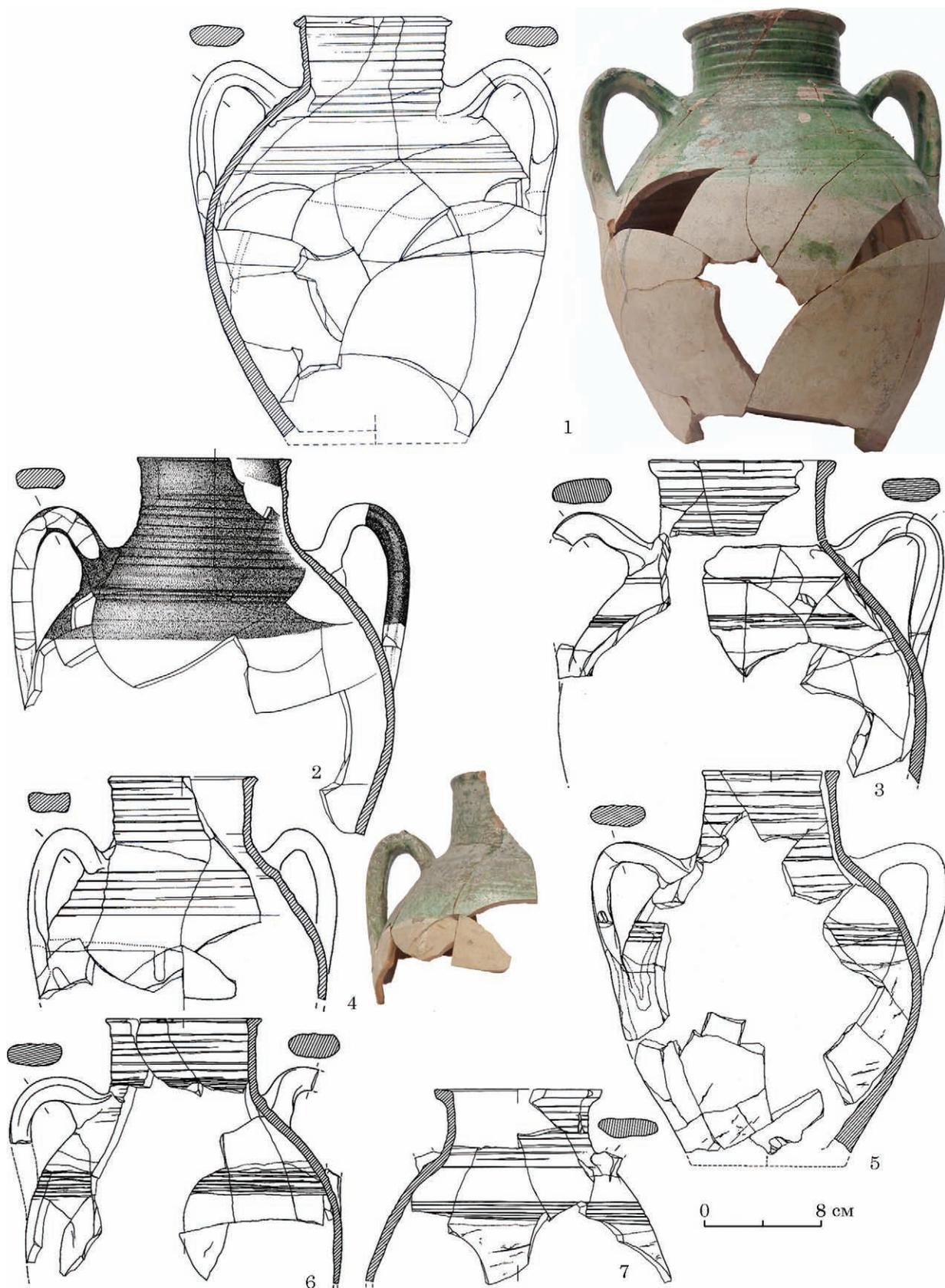

Рис. 72. Кувшины группы ЮВК, тип 2.3. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г.

Fig. 72. Jugs of the SEC group, type 2.3. Funa fortress, dwellings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475.

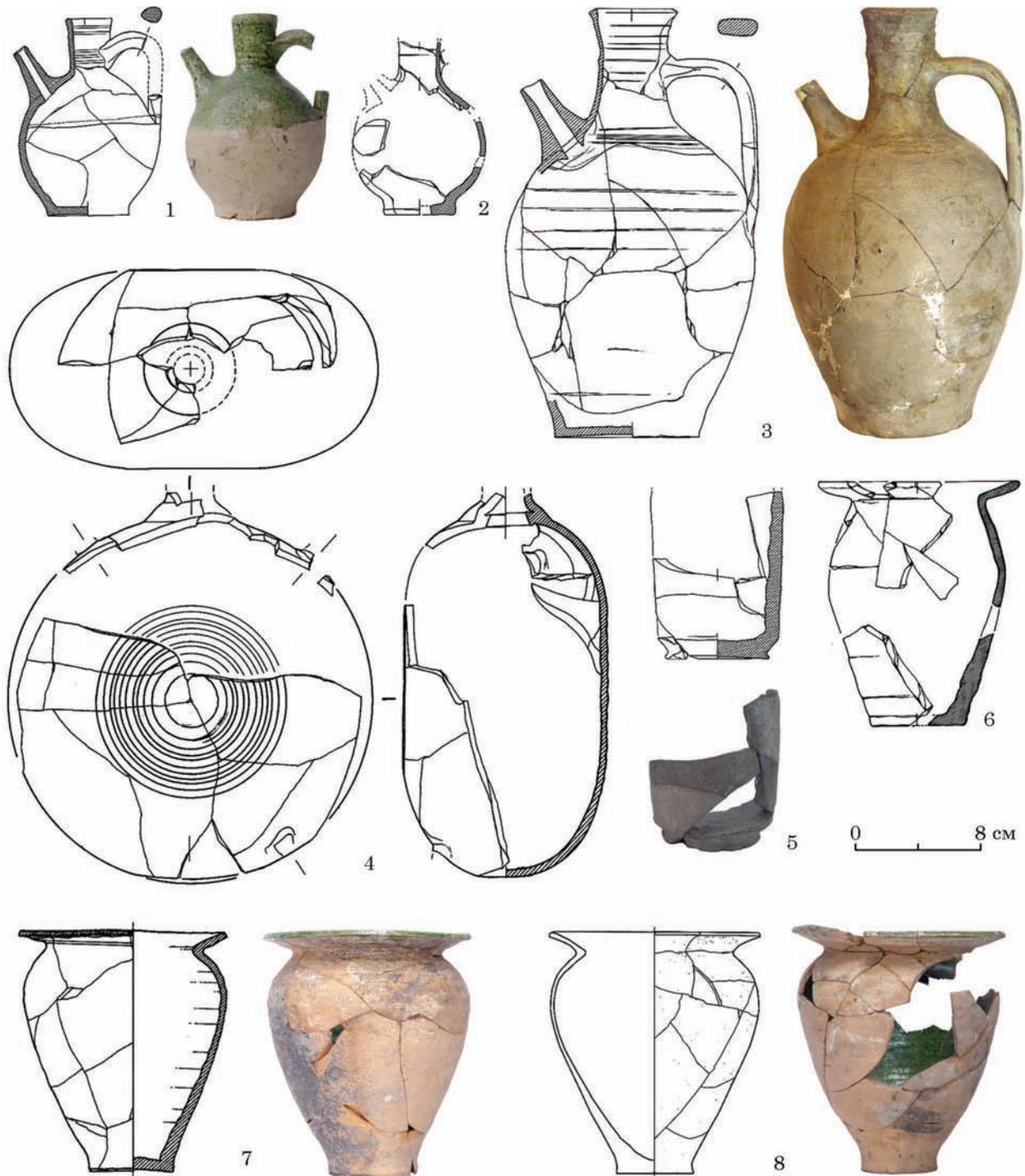

Рис. 73. Сосуды группы ЮБК: типы 2.4 (1—3); 3.1 (4); 4.1 (5); 5.1—2 (6—8). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 6). Посад Алуштинской крепости, застройка: слой пожара 1475 г. (2). Крепость Фуна, башня-донжон (3), застройка третьей четверти XV в. (4, 5, 7, 8): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (4), слой пожара 1475 г. (3, 5, 7, 8).

Fig. 73. Vessels of the SEC group: types 2.4 (1—3); 3.1 (4); 4.1 (5); 5.1—2 (6—8). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (1, 6). Posad of Alushta fortress, the layer of fire of 1475 (2). Funa fortress, donjon (3), buildings of the third quarter of the 15th century (4, 5, 7, 8): layers associated with the functioning of dwellings (4); the layer of fire of 1475 (3, 5, 7, 8).

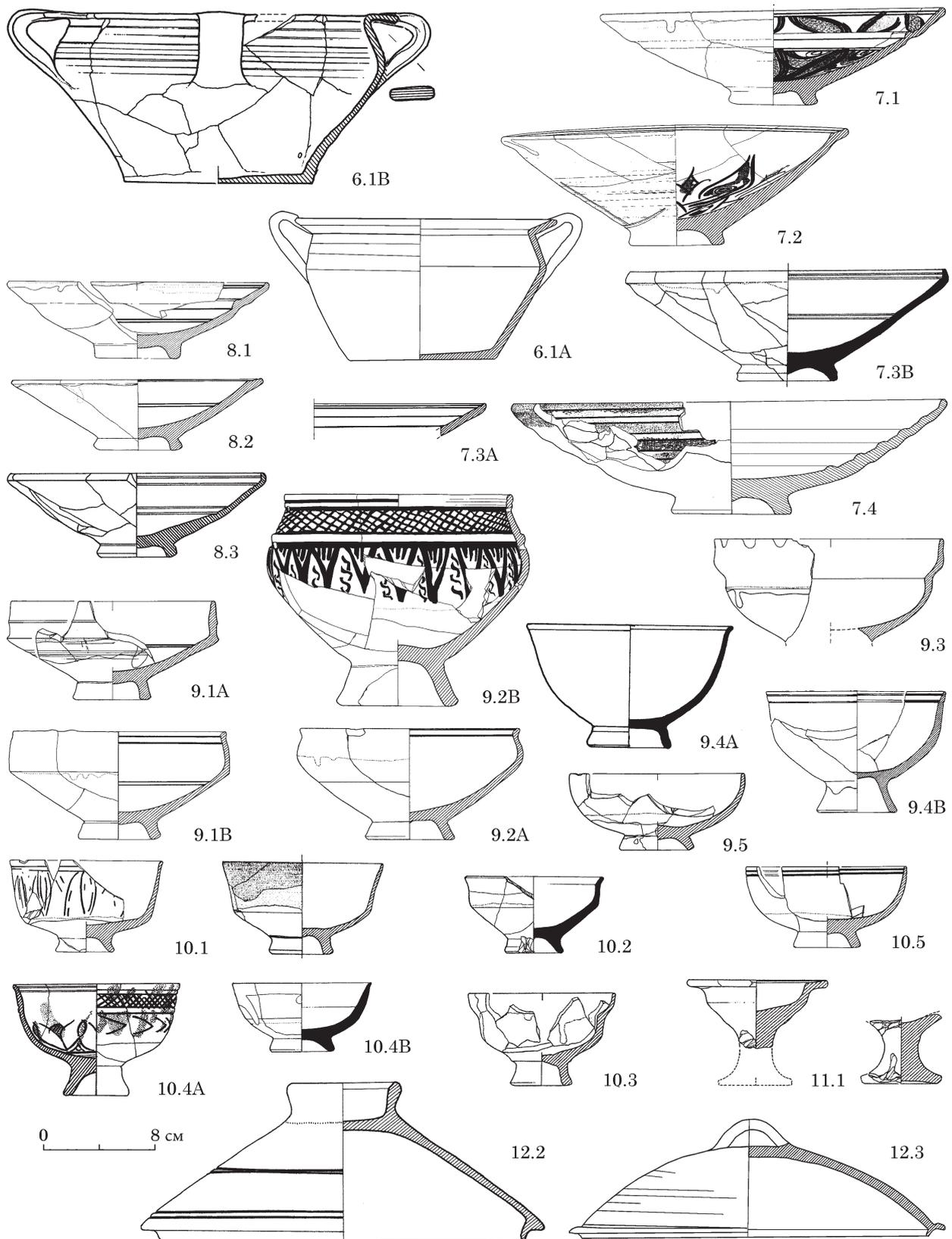

Рис. 74. Поливная посуда группы ЮБК. Типы сосудов открытой формы и крышек.

Fig. 74. Glazed wares of the SEC group. Types of open shapes vessels and lids.

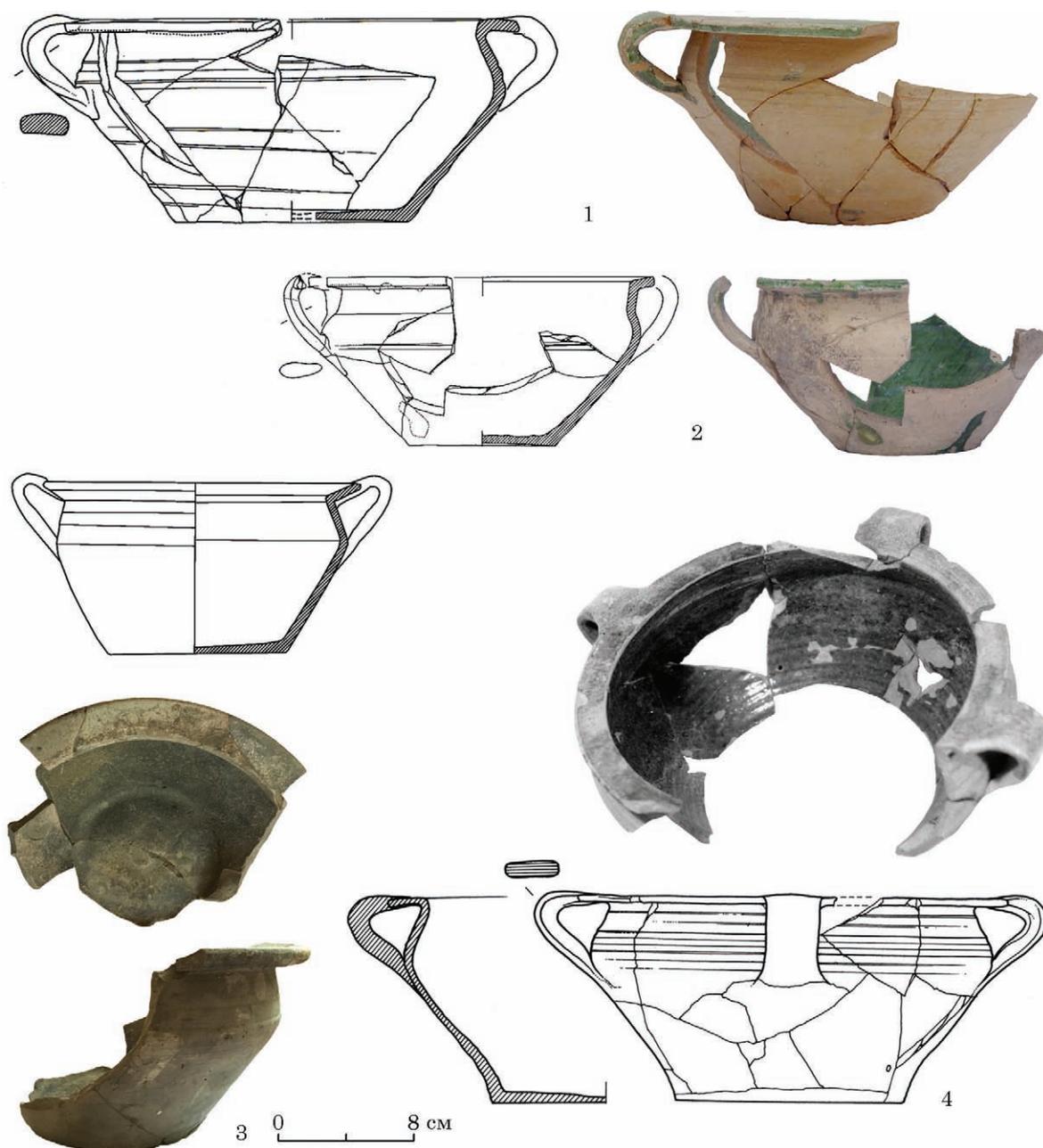

Рис. 75. Миски с ручками группы ЮВК, отдел I, тип 6.1А, В. Крепость Фуна, башня-донжон (3), застройка третьей четверти XV в. (1, 4): слой пожара 1475 г. Алуштинская крепость, застройка XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2).

Fig. 75. Bowls with handles, group SEC, section I, type 6.1A, B. Funa fortress, donjon (3), buildings of the third quarter of the 15th century (1, 4): the layer of fire of 1475. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2).

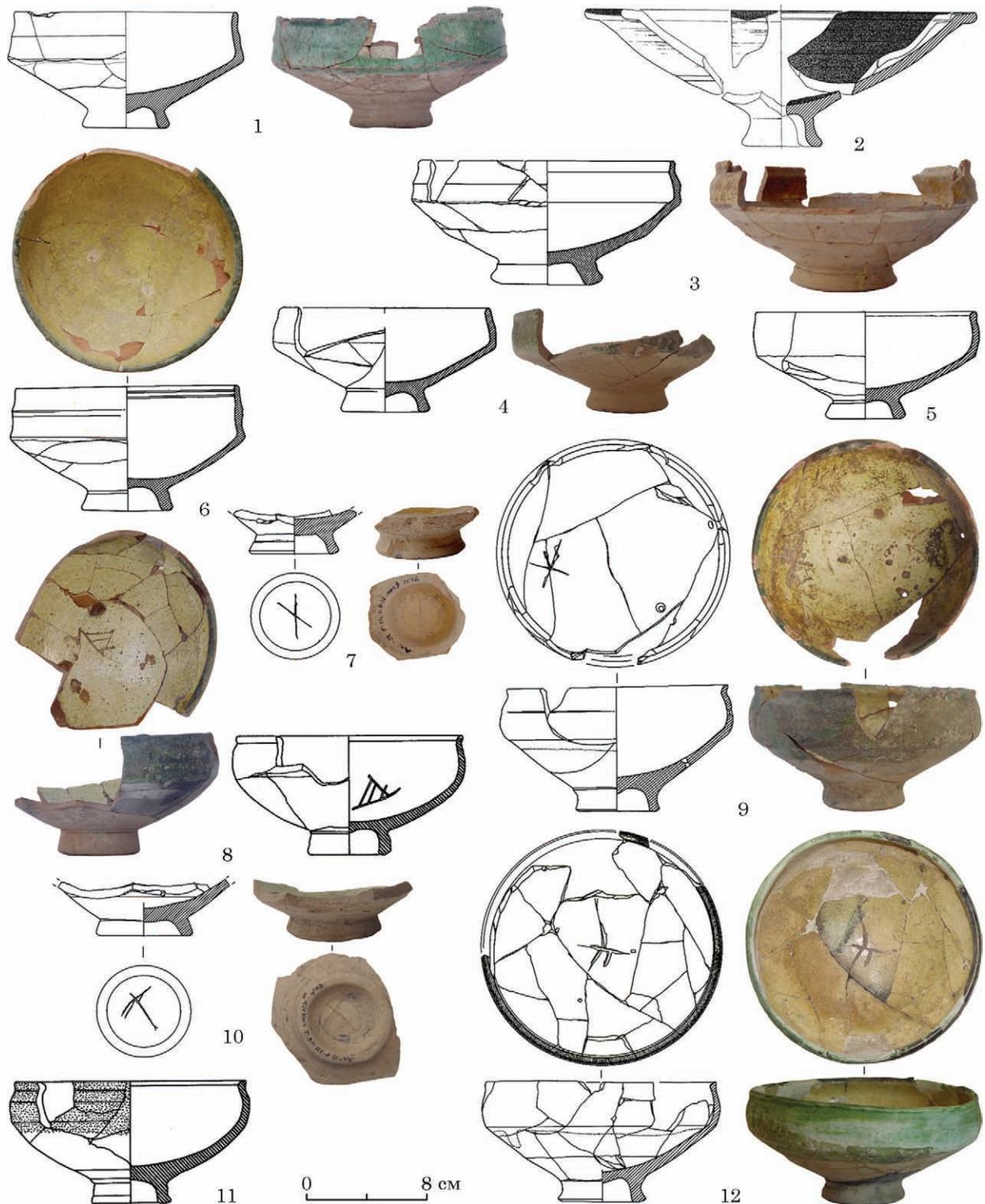

Рис. 76. Блюдо и чаши группы ЮБК, отдел I: типы 7.2 (2); 9.1А–В (1, 3–6); 9.2А (7–12). Алуштинская крепость, башни Ашага-Куле (1) и Орта-Куле (8, 11), застройка второй половины XIV–XV вв. (3, 4, 7, 10): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (4, 7, 10) и башни (1), слой пожара 1475 г. (3, 8, 11). Крепость Фуна, башня-донжон (12), застройка третьей четверти XV в. (2, 5, 6, 9): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (5, 6), слой пожара 1475 г. (2, 9, 12).

Fig. 76. Dish and bowls of the SEC group, section I: types 7.2 (2); 9.1A–B (1, 3–6); 9.2A (7–12). Alushta fortress, Ashaga-Kule (1) and Orta-Kule (8, 11) towers, dwellings of the second half of the 14th–15th centuries (3, 4, 7, 10): layers associated with their functioning (1, 4, 7, 10); the layer of fire of 1475 (3, 8, 11). Funa fortress, donjon (12), buildings of the third quarter of the 15th century (2, 5, 6, 9): layers associated with the functioning of dwellings (5, 6); the layer of fire of 1475 (2, 9, 12).

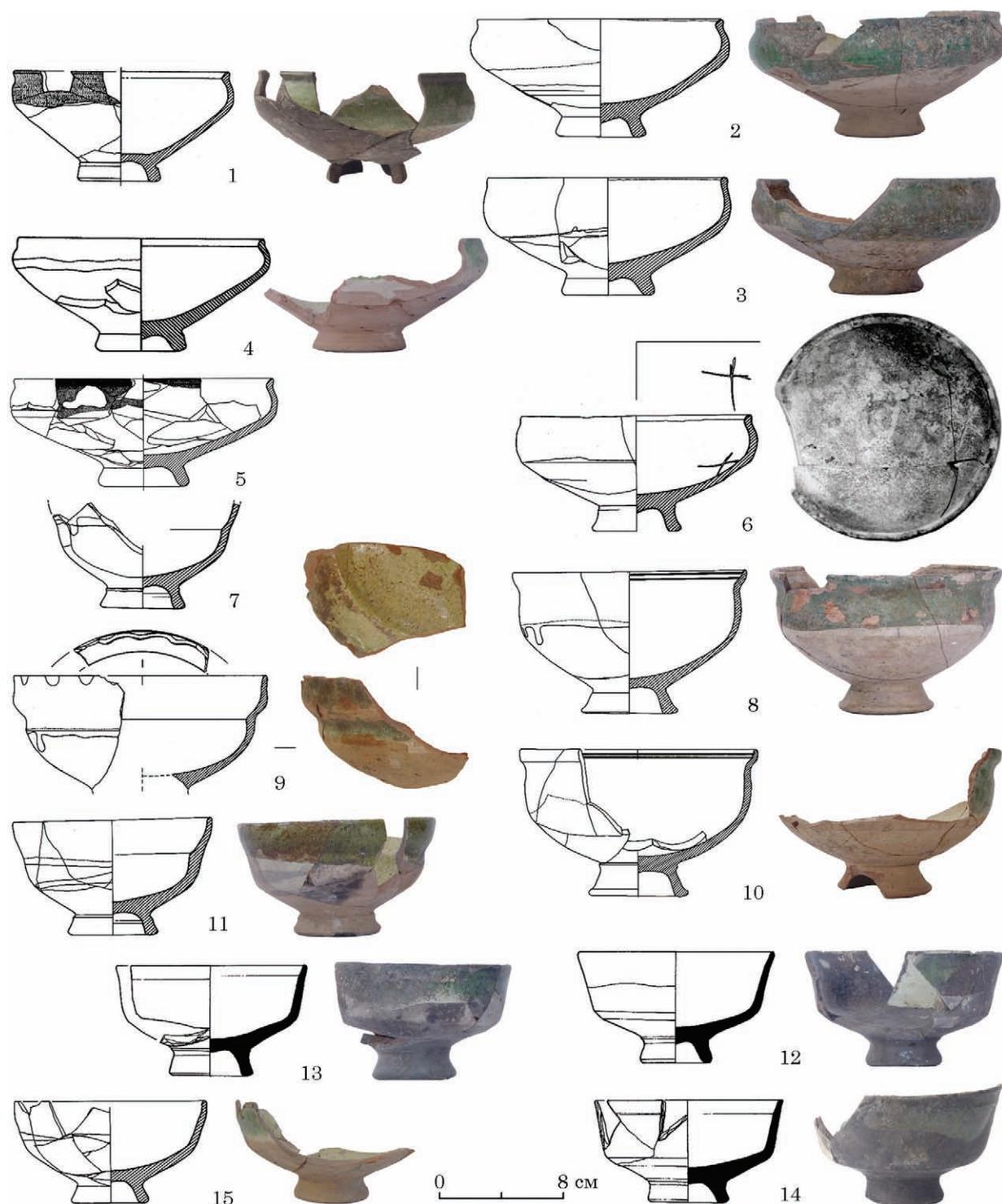

Рис. 77. Чаши и чашки группы ЮВК, отдел I: типы 9.2 (1—6); 9.3 (8—10); 10.1 (12—15); 10.3 (7, 11). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (12—14), зольник (4). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 6, 8, 9), нивелировочная подсыпка двора № 2 (10), слой пожара 1475 г. (1, 2, 5, 7, 11), слой разрушения (15).

Fig. 77. Bowls and cups of the SEC group, section I: types 9.2 (1—6); 9.3 (8—10); 10.1 (12—15); 10.3 (7, 11). Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (12—14); rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (4). Funa fortress buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (3, 6, 8, 9); levelling layers in the courtyard 2 (10); the layer of fire of 1475 (1, 2, 5, 7, 11); layers of destruction (15).

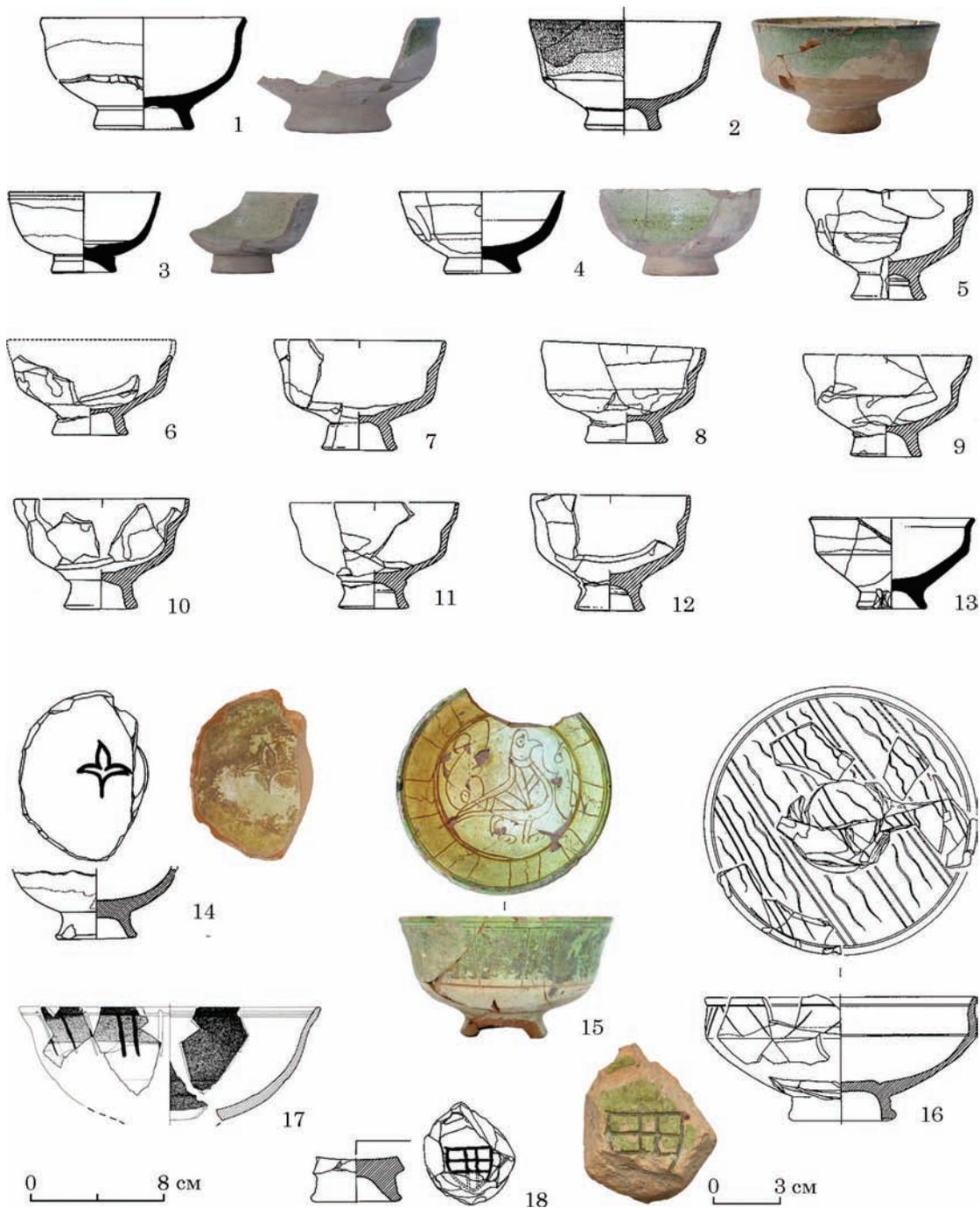

Рис. 78. Сосуды открытой формы группы ЮВК. I — чашки, отдел I: типы 10.1 (2); 10.2 (13); 10.3 (5—12); 10.4B (1, 3, 4). II — чаши и чашки, отдел II.1: типы 9.2A (16); 9.4 (17); 10.1 (15); 10.4A (14). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (14, 15); башня Орта-Куле: зольник на руинах башни (1, 3, 4, 13). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (2, 17), слой разрушения (18). Крепость Чембалло, район двухапсидного храма (16) и барбакан башни Барнабо Грилло (5—12): слой пожара 1475 г., по (Адаксина, Кирилло, Мыц 2004, рис. 80; 2005, рис. 141: 1).

Fig. 78. Open vessels of the SEC group. I — cups, section I: types 10.1 (2); 10.2 (13); 10.3 (5—12); 10.4B (1, 3, 4). II — bowls and cups, section II.1: types 9.2A (16); 9.4 (17); 10.1 (15); 10.4A (14). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries (3, 4, 7, 10): layers associated with their functioning (14, 15); Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries on its ruins (1, 3, 4, 13). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (2, 17); the layer of destruction (18). The Chembalo fortress, the area of the two-apse temple (16) and the barbican of the Barnabo Grillo tower (5—12): the layer of fire of 1475, after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 80; 2005, fig. 141: 1).

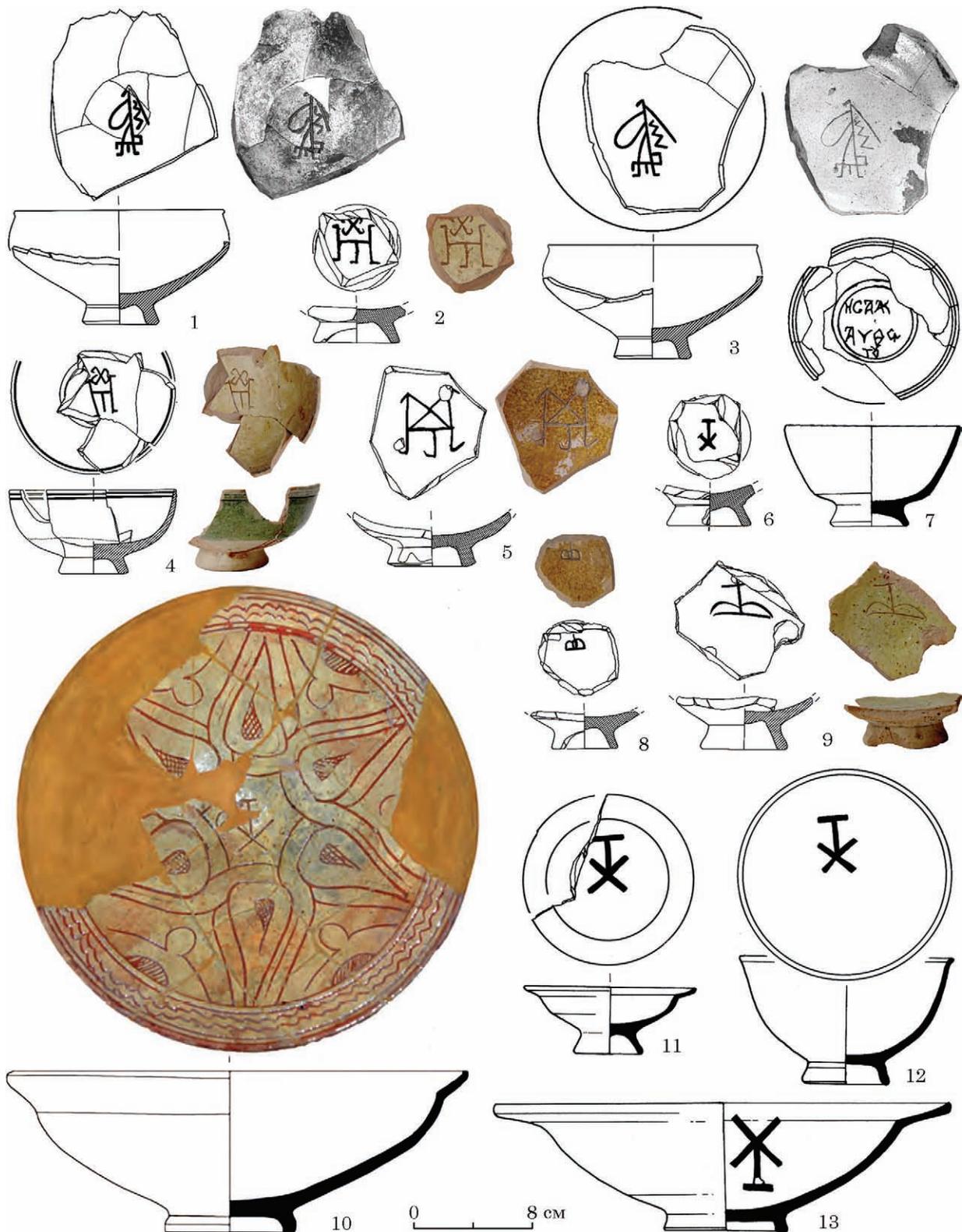

Рис. 80. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел II.1: типы 7.1 (10, 12); 8.1 (11); 9.2А (1, 3); 9.4А (12); 10.1 (7); 10.5 (4). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв., слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (2, 4—6, 8, 9). Крепость Фуна, башня-донжон, слой пожара 1475 г. (1, 3). Городище Мангуп, княжеский дворец, заполнение ямы № 34 в северо-западном углу помещения «Н», не позднее 1462 г. (10—13), по (Науменко, Душенко 2017, рис. 5: 3; Мыц 2005, рис. 5: 6).

Fig. 80. Open vessels of the SEC group, section II.1: types 7.1 (10, 12); 8.1 (11); 9.2A (1, 3); 9.4A (12); 10.1 (7); 10.5 (4). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2, 4—6, 8, 9). Funa fortress, donjon, the layer of fire of 1475 (1, 3). Mangup, princely palace, the pit 34, dated back no later than 1462 (10—13), after (Naumenko, Dushenko 2017, fig. 5: 3; Myts 2005, fig. 5: 6).

Рис. 81. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел II.2а: типы 7.1 (1); 8.1 (3, 4); 8.3 (2); 9.3 (5—8). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (2); случайная находка (6). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочные подсыпки (4, 7—10). Гродище Мангуп, княжеский дворец: слой пожара 1475 г. (3), по (Мыц 2005, рис. 5: 1). Крепость Чембало, район двухапсидного храма (5); башня Барнабо Грилло, слой пожара 1434 г. (1), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 102; 2005, рис. 141: 2).

Fig. 81. Open vessels of the SEC group, section II.2a: types 7.1 (1); 8.1 (3, 4); 8.3 (2); 9.3 (5—8). Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (2); re-deposited find (6). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (4, 7—10). Mangup, princely palace: the layer of fire of 1475 (3), after (Myts 2005, fig. 5: 1). Chembalo fortress: the area of the two-apse temple (5); Barnabo Grillo tower, the layer of fire of 1434 (1), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2003, fig. 102; 2005, fig. 141: 2).

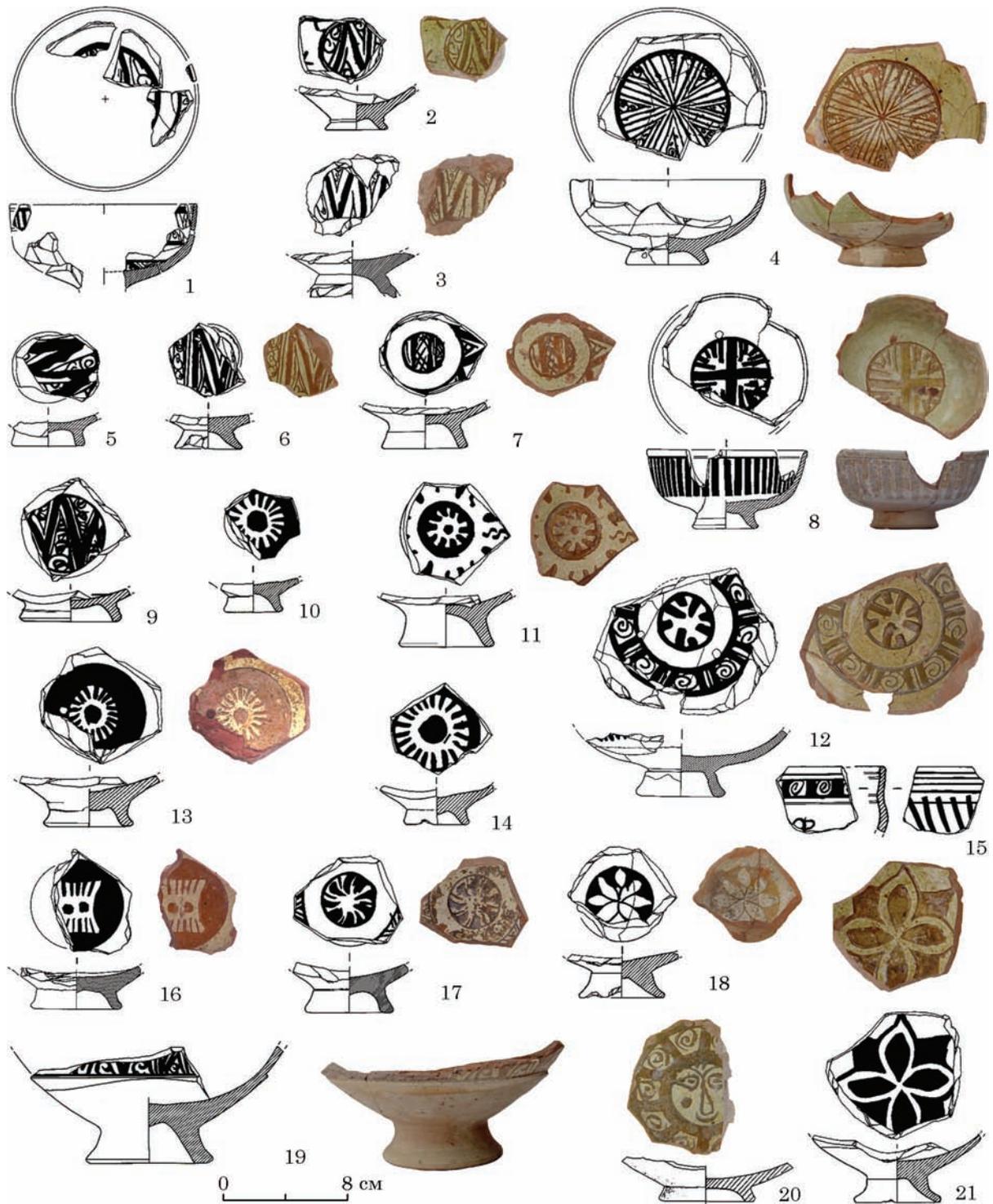

Рис. 82. Сосуды открытой формы группы ЮБК, отдел II.2a: типы 9.3 (15); 9.5 (4); 10.5 (1, 8). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (2—4, 6—9, 11—13, 15, 17—21). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (16). Храм с некрополем в с. Малый Маяк: отложения, связанные с функционированием некрополя (1). Крепость Чембало, район башни Барнабо Грилло: яма № 3 (5, 10), перемещенные отложения XVIII в. (14), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 98: 12; 2004, рис. 64: 44; 2005, рис. 117: 61).

Fig. 82. Open vessels of the SEC group, section II.2a: types 9.3 (15); 9.5 (4); 10.5 (1, 8). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2—4, 6—9, 11—13, 15, 17—21). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (16). Temple with a necropolis in the Malyi Mayak village: sediments associated with their functioning (1). Cembalo fortress, Barnabo Grillo tower area: pit 3 (5, 10); redeposited sediments (14), after (Adak-sina, Kirilko, Myts 2003, fig. 98: 12; 2004, fig. 64: 44; 2005, fig. 117: 61).

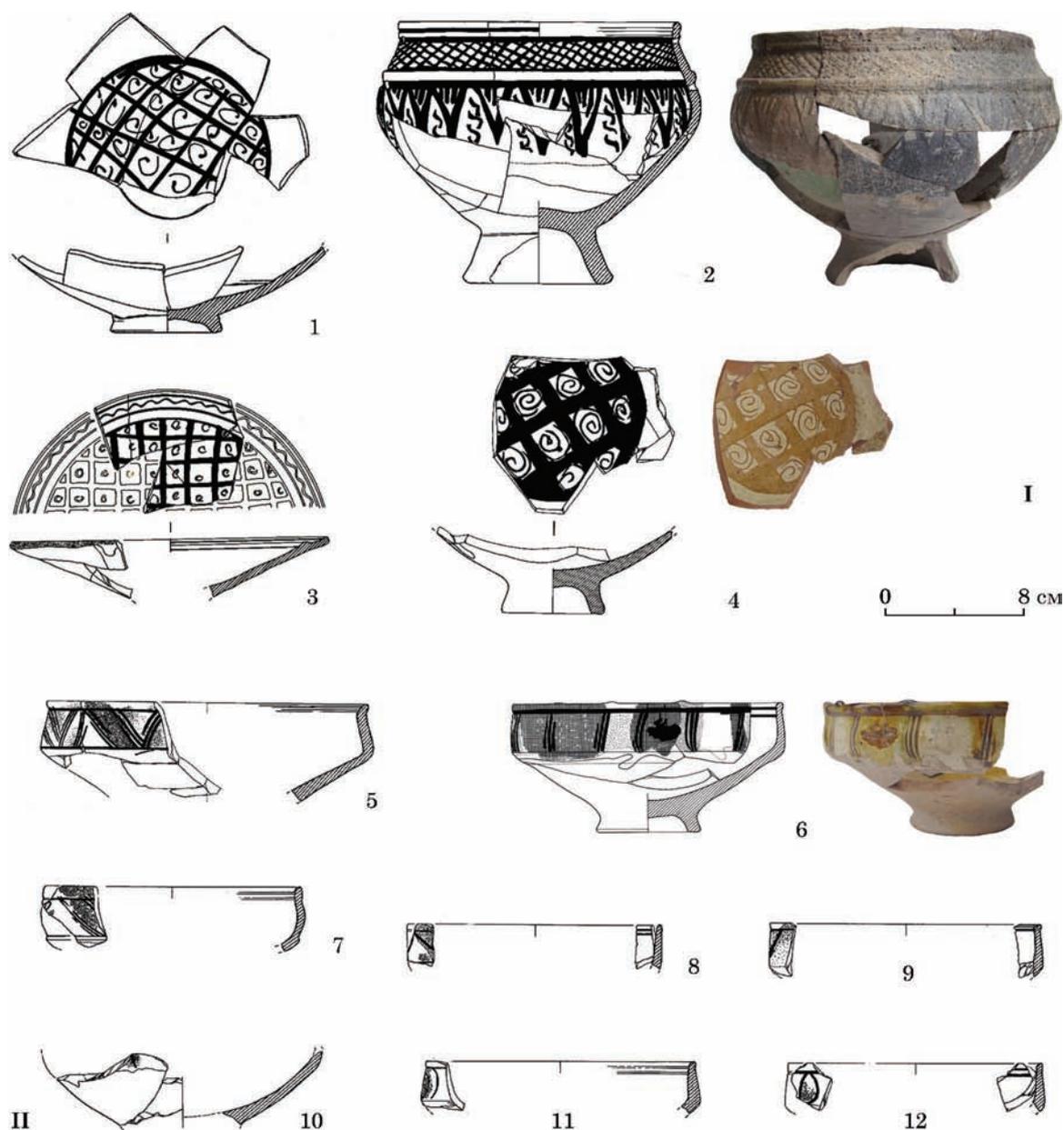

Рис. 83. Сосуды открытой формы группы ЮВК. I — отдел II.2а, типы 7.2 (3); 9.2В (2). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (6), слой пожара 1475 г. (2). Крепость Чембало, район башни Барнабо Грилло: перемещенные отложения (1, 3), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003, рис. 94; 2004, рис. 71). II — отделы III.1, III.3, серия В, типы 9.1В, 9.2А. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 3, 6). Храм с некрополем в с. Малый Маяк: отложения, связанные с функционированием некрополя (5, 7—12).

Fig. 83. Open vessels of the SEC group. I — section II.2a, types 7.2 (3); 9.2B (2). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (6); the layer of fire of 1475 (2). Cembalo fortress, Barnabo Grillo tower area: redeposited sediments (1, 3), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2003: fig. 94; 2004, fig. 71). II — sections III.1, III.3, series B, types 9.1B, 9.2A. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2, 3, 6). Temple with a necropolis in the Malyi Mayak village: sediments associated with the functioning of the necropolis (5, 7—12).

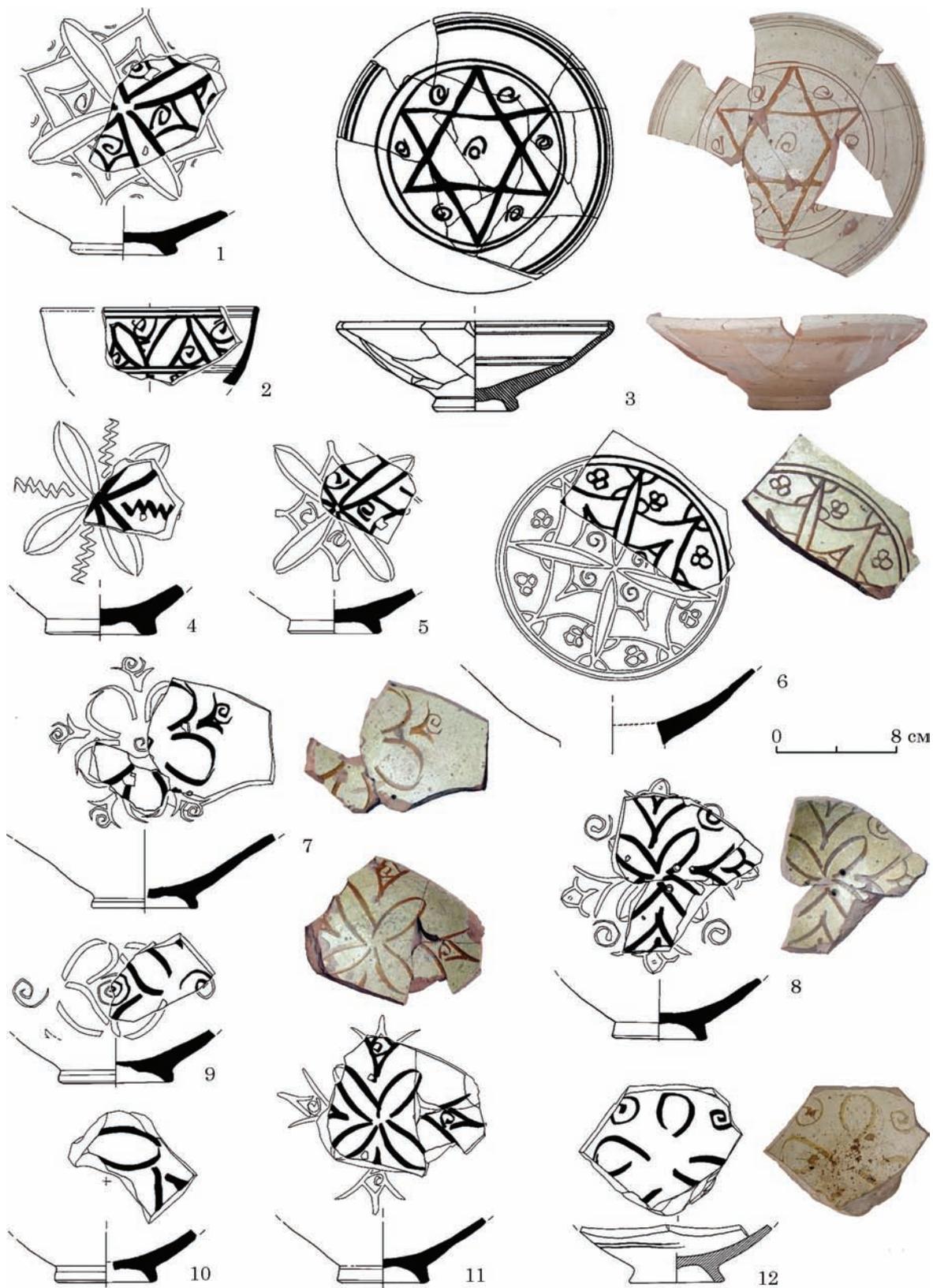

Рис. 84. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел II.2b: типы 7.3 (3); 10.4 (2). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой разрушения, зольник.

Fig. 84. Open vessels of the SEC group, section II.2b: types 7.3 (3); 10.4 (2). Alushta fortress, Orta-Kule tower: layers of destruction and rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries.

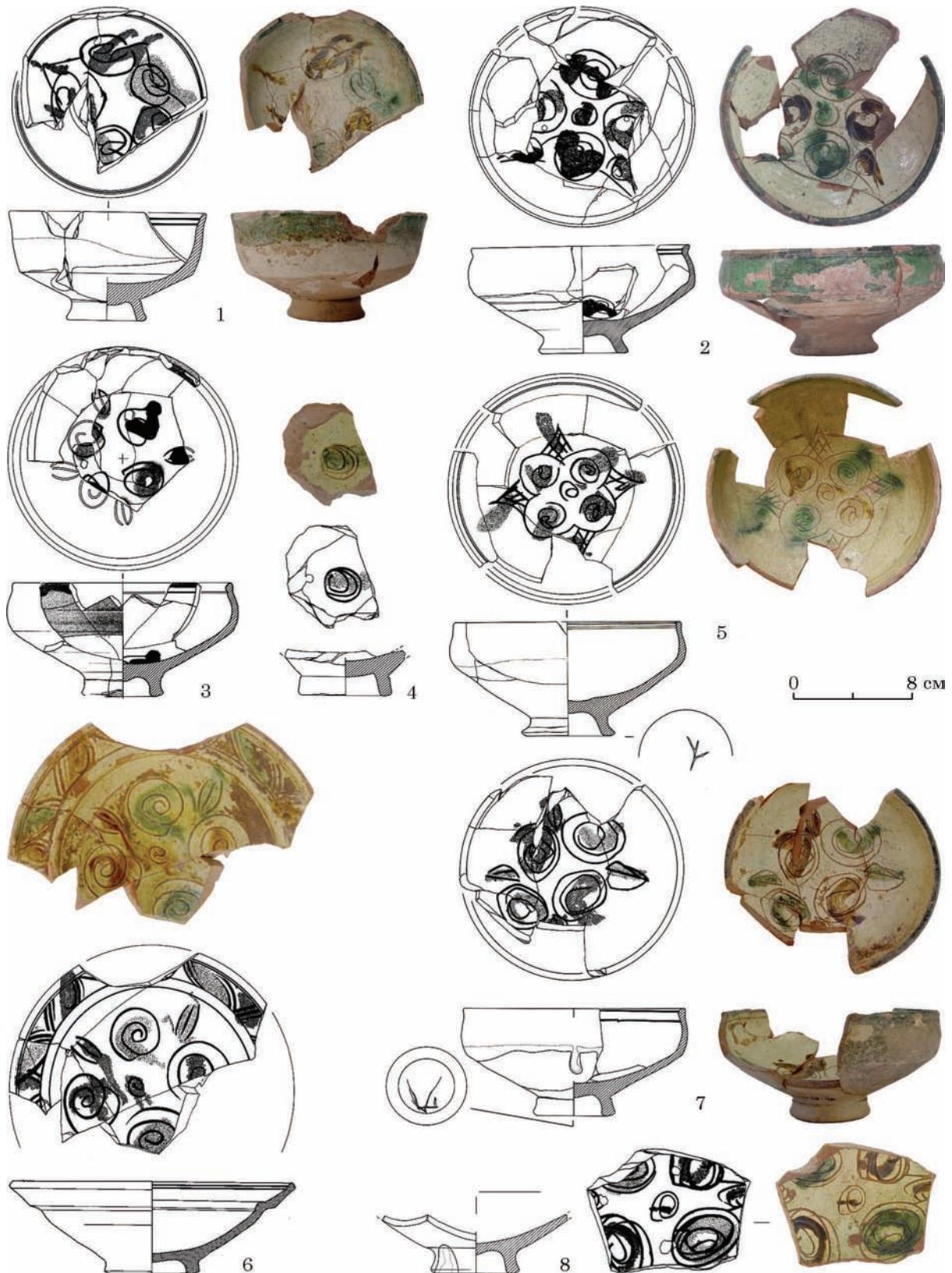

Рис. 85. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 8.1 (6); 9.2A (2, 3, 5, 7); 10.1 (1). Алуштинская крепость, башня Ашага-Куле (2), застройка второй половины XIV—XV вв. (1, 6): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1), слой пожара 1475 г. (2, 6). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (4, 5), нивелировочная подсыпка (7), слой пожара 1475 г. (8). Поселение у крепости Фуна: слой пожара 1475 г. (3).

Fig. 85. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 8.1 (6); 9.2A (2, 3, 5, 7); 10.1 (1). Alushta fortress, Ashaga-Kule tower (2), dwellings of the second half of the 14th—15th centuries (1, 6): layers associated with their functioning (1), the layer of fire of 1475 (2, 6). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (4, 5), levelling layers (7); the layer of fire of 1475 (8). Settlement near the Funa fortress: the layer of fire of 1475 (3).

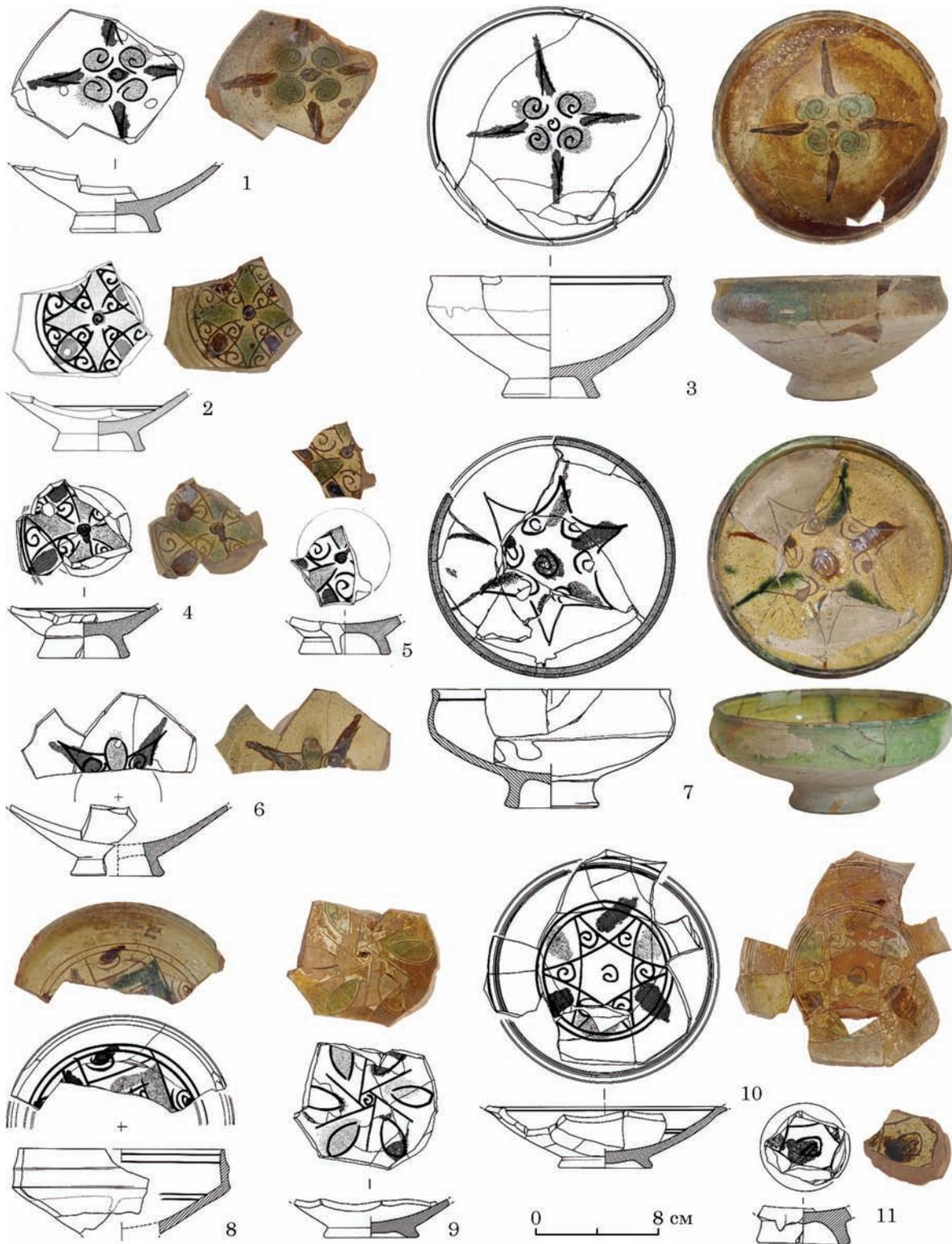

Рис. 86. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 8.2 (10); 9.1A (8); 9.2A (3, 7). Крепость Фуна, башня-донжон (7), застройка третьей четверти XV в. (1—6, 8—11): заполнение выгребной ямы (3), нивелировочные подсыпки (1, 2, 4—6, 8—11), слой пожара 1475 г. (7).

Fig. 86. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 8.2 (10); 9.1A (8); 9.2A (3, 7). Funa fortress, donjon (7), buildings of the third quarter of the 15th century (1—6, 8—11): filling of the cesspool (3); levelling layers (1, 2, 4—6, 8—11); the layer of fire of 1475 (7).

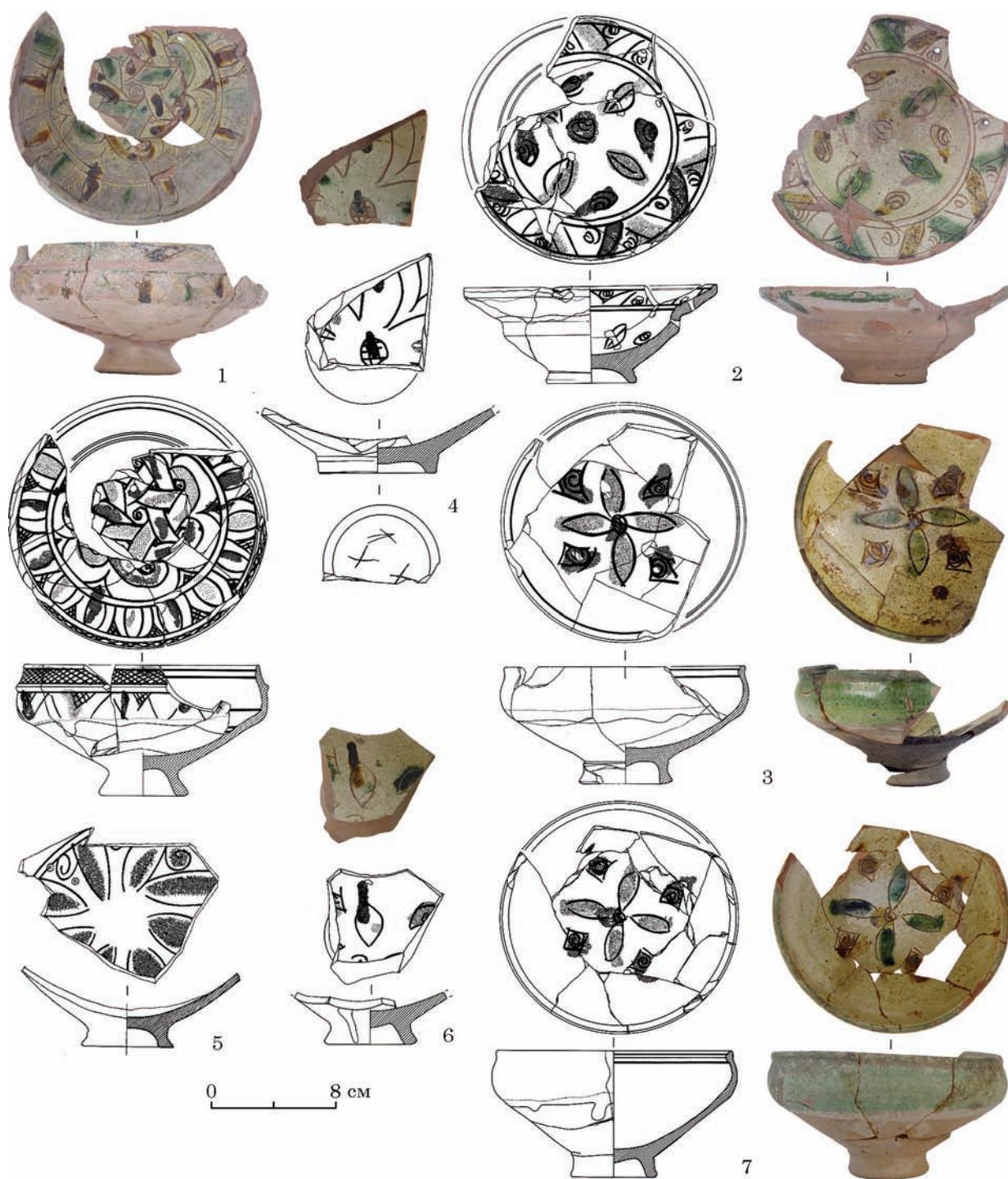

Рис. 87. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 8.1 (2); 9.2A (1, 3, 7). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (6), перемещённые артефакты (2, 4). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (1, 3, 7); застройка второй четверти XV в.: слой пожара второй трети XV в. (5), по (Кирилко 2005, рис. 44: 3).

Fig. 87. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 8.1 (2); 9.2A (1, 3, 7). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (6), redeposited artefacts (2, 4). Funa fortress, buildings of the second and the third quarter of the 15th century: the layers of the fire of the second third of the 15th century (5) and of 1475 (1, 3, 7). 5 — after (Kirilko 2005, fig. 44: 3).

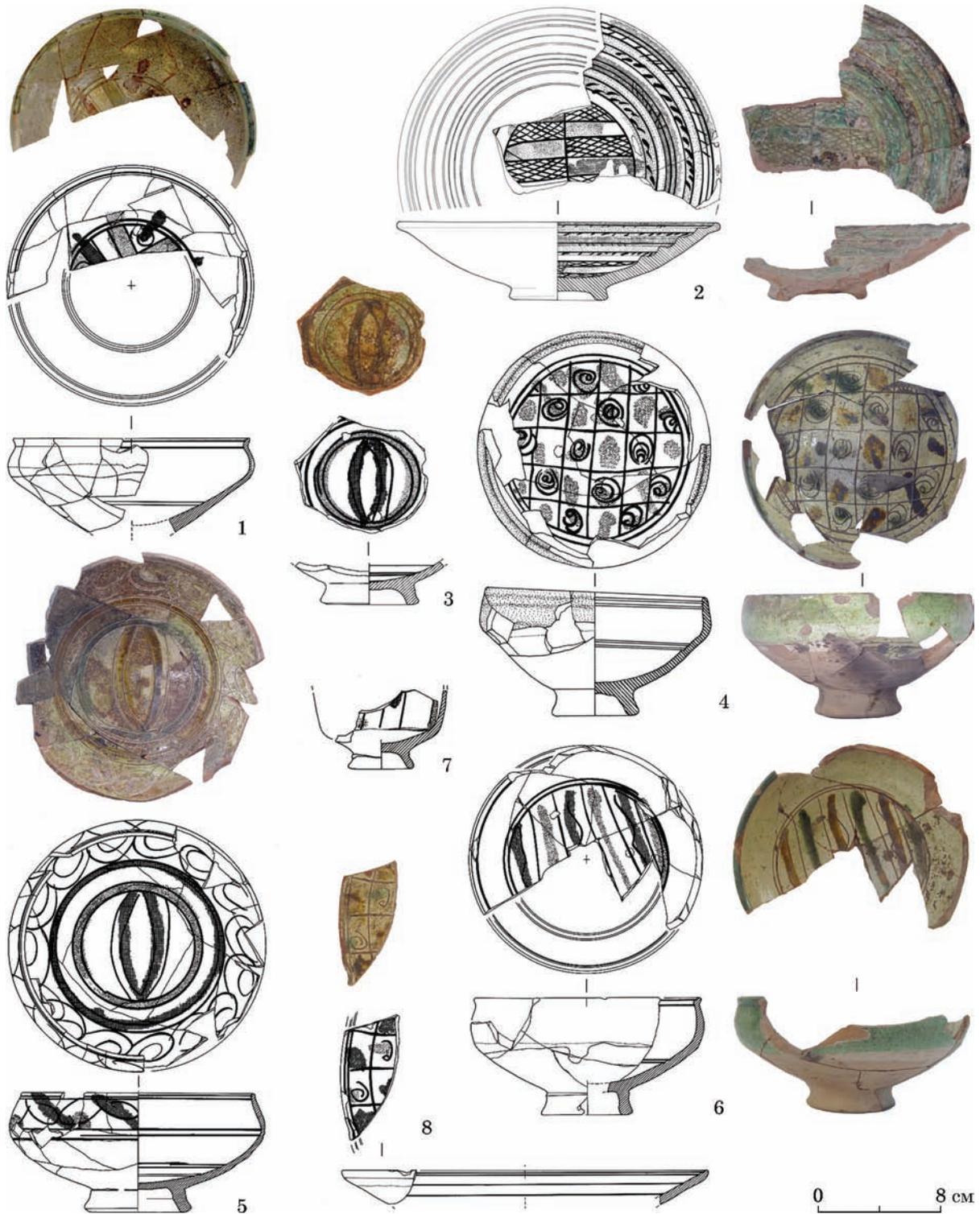

Рис. 88. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 7.4 (2); 7.3А (8); 9.1В (4); 9.2А (1, 5, 6); 10.1 (7). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле (4, 5), застройка второй половины XIV—XV вв. (2): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2), слой пожара 1475 г. (4, 5). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (1, 3, 6, 8). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло (7), валганг: перемещенные отложения, по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 77).

Fig. 88. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 7.4 (2); 7.3A (8); 9.1B (4); 9.2A (1, 5, 6); 10.1 (7). Alushta fortress, Orta-Kule tower (4, 5), dwellings of the second half of the 14th—15th centuries (2): layers associated with their functioning (2); the layer of fire of 1475 (4, 5). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (1, 3, 6, 8). Cembalo fortress, barbican of Barnabo Grillo Tower: redeposited sediments (7), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 77).

Рис. 89. Сосуды открытой формы группы ЮБК, отдел III.1, серия D: типы 8.1 (4); 9.1Б (1); 9.2А (2, 3, 5—8). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле (3, 5—8), застройка второй половины XIV—XV вв. (1, 2): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 2), слой пожара 1475 г. (3), зольник (5—8).

Fig. 89. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 8.1 (4); 9.1B (1); 9.2A (2, 3, 5—8). Alushita fortress, Orta-Kule tower (3, 5—8), dwellings of the second half of the 14th—15th centuries (1, 2): layers associated with their functioning (1, 2); the layer of fire of 1475 (3); rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (5—8).

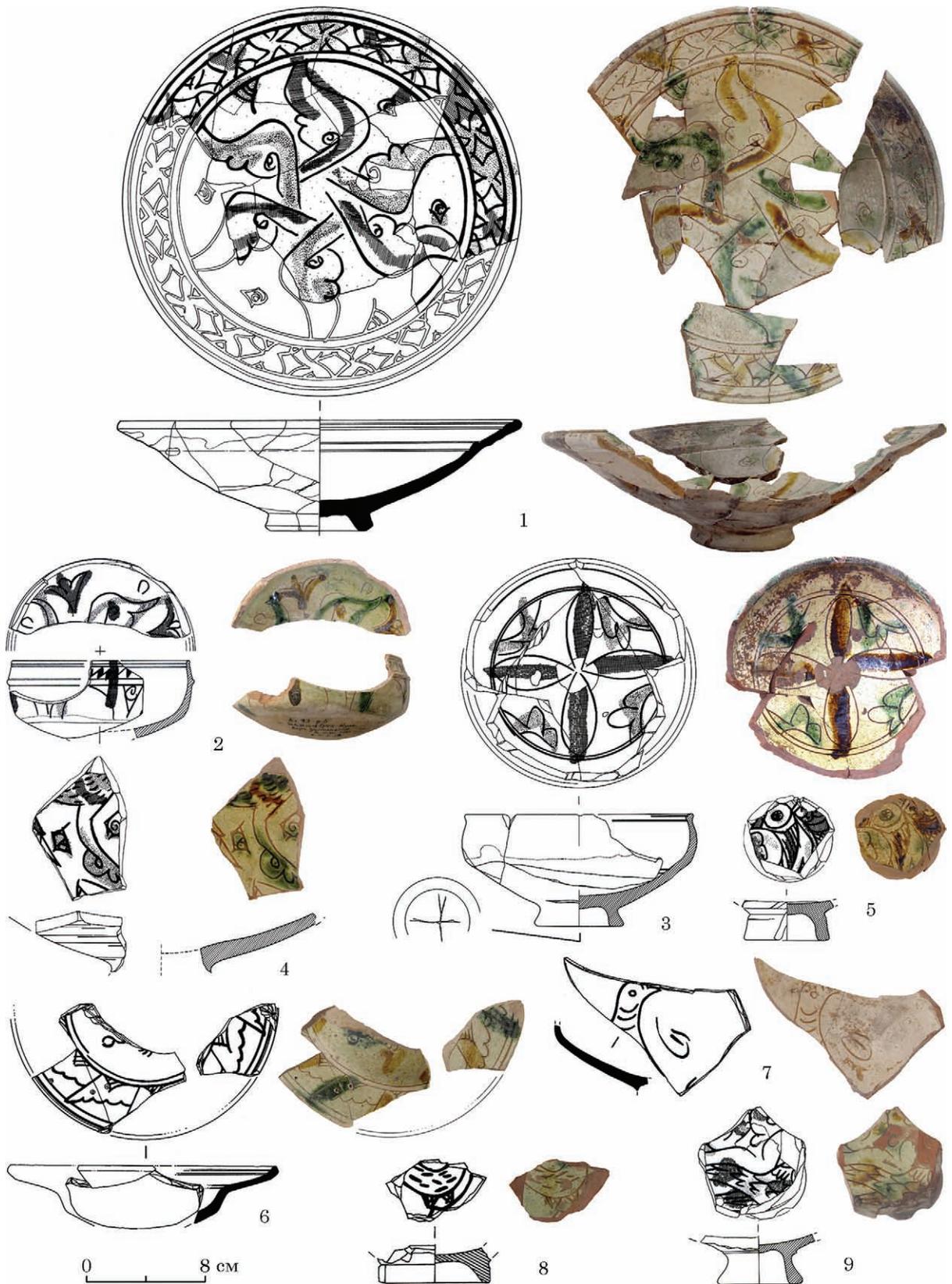

Рис. 90. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 7.1 (1); 8.1 (6); 9.2A (3); 10.5 (2). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (1), зольник (2, 6—9). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка (4), слой пожара 1475 г. (3, 5).

Fig. 90. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 7.1 (1); 8.1 (6); 9.2A (3); 10.5 (2). Alush-ta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (1); rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (2, 6—9). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (4); the layer of fire of 1475 (3, 5).

Рис. 91. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.1, серия D: типы 8.1 (5), 10.4А (3). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (8); слой разрушения башни (3), зольник на руинах башни (1). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка (4, 6, 7), слой пожара 1475 г. (5), слой разрушения (2).

Fig. 91. Open vessels of the SEC group, section III.1, series D: types 8.1 (5), 10.4A (3). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (8); Orta-Kule tower: layers of destruction (3) and rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (1). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (4, 6, 7); the layers of the fire of 1475 (5) and destruction (2).

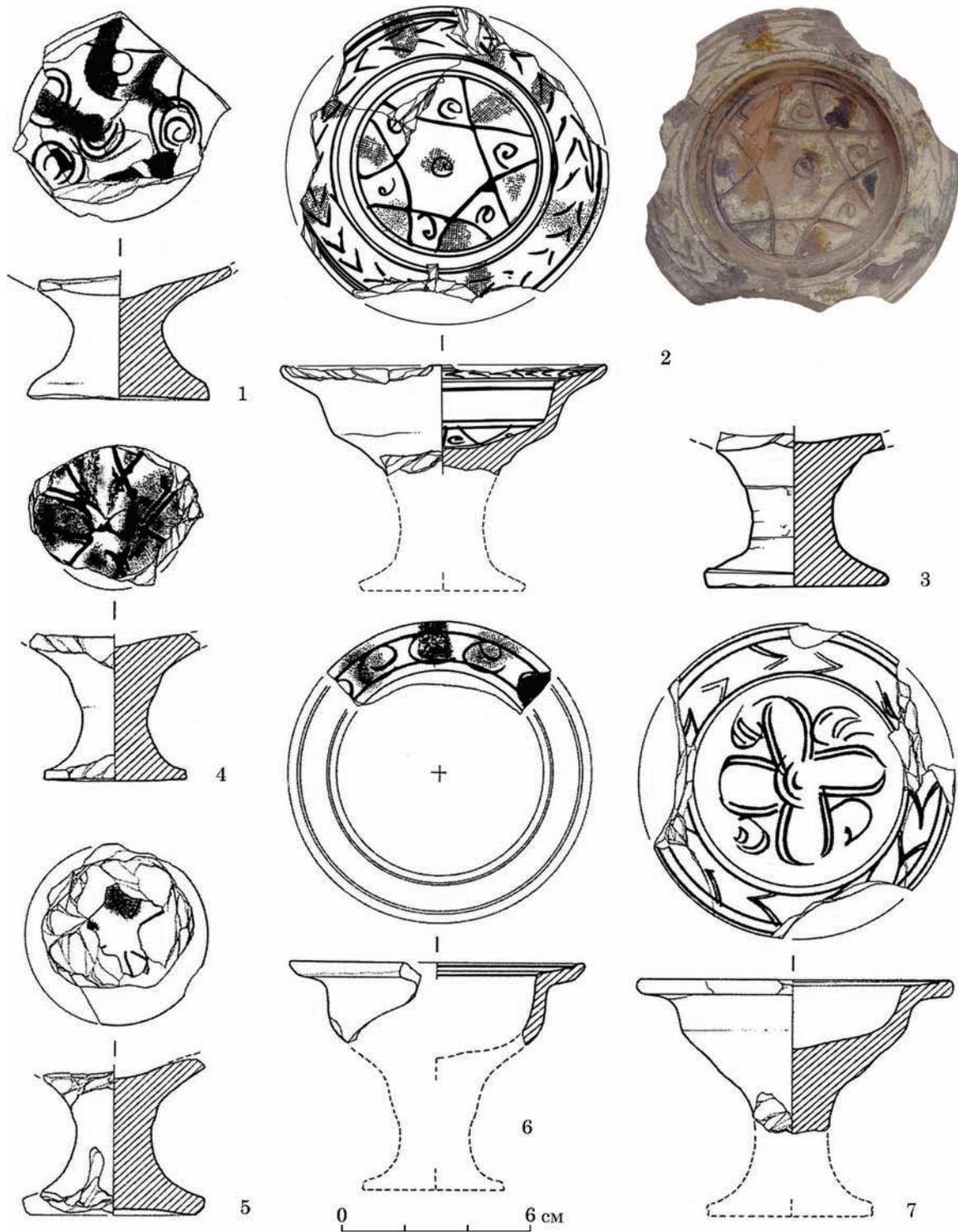

Рис. 92. Сосуды открытой формы группы ЮВК, тип 11.1, отделы I.1 (3); III.1 (1, 2, 4–6); III.3 (7). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3), слой пожара 1475 г. (2). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло, перемещённые отложения (1, 4–7), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 76).

Fig. 92. Open vessels of the SEC group, type 11.1, sections I.1 (3); III.1 (1, 2, 4–6); III.3 (7). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (3), layers of the fire of 1475 (2). Cembalo fortress, barbican of Barnabo Grillo tower, redeposited sediments (1, 4–7), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 76).

Рис. 93. Сосуды открытой формы группы ЮБК, отдел III.2, серия D: типы 7.1 (1—3); 9.2A (4). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: зольник (4). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (1—3).

Fig. 93. Open vessels of the SEC group, section III.2, series D: types 7.1 (1—3); 9.2A (4). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (4). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire in 1475 (1—3).

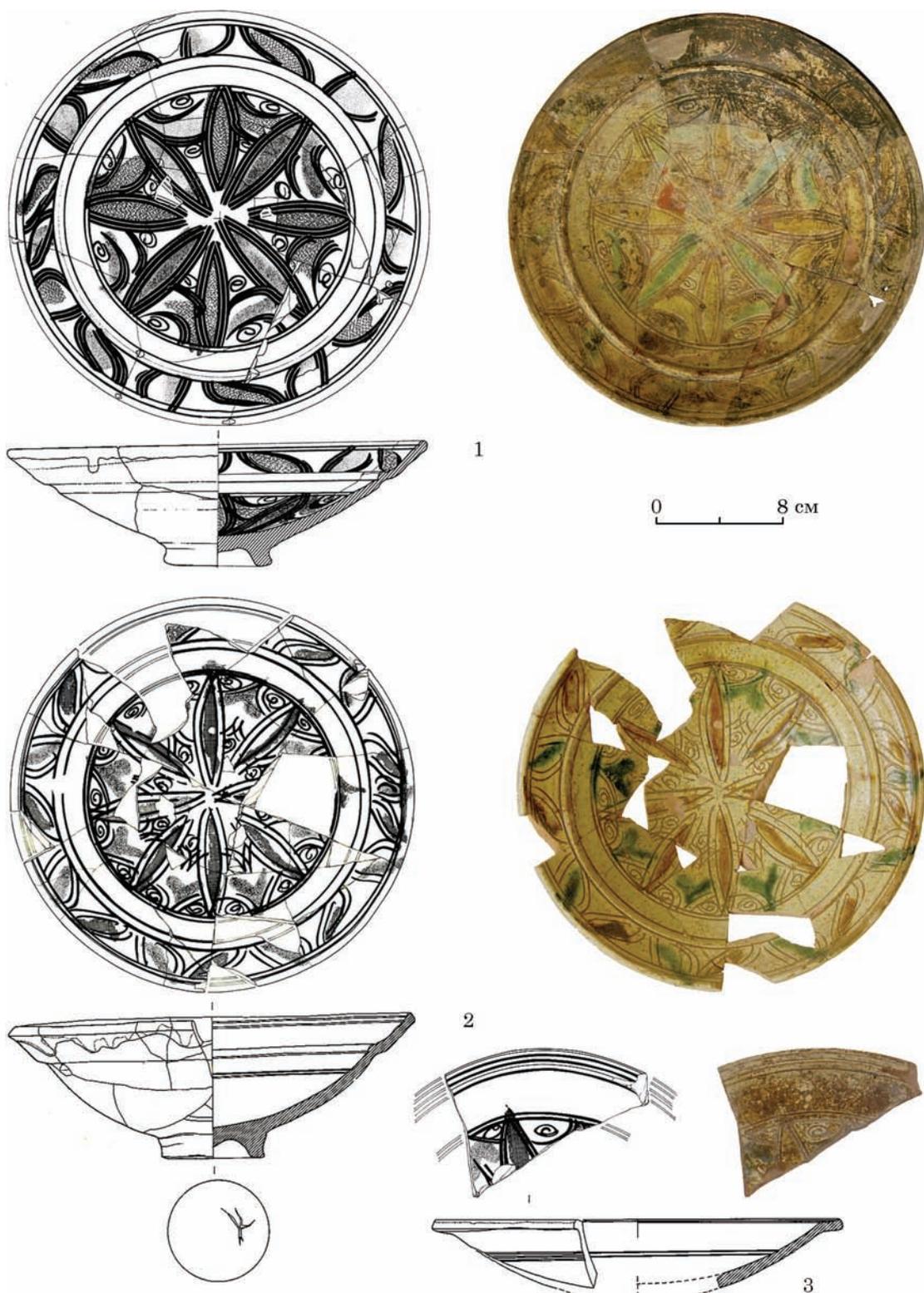

Рис. 94. Блюда группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (1, 2); 7.2 (3). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка (3), слой пожара 1475 г. (1, 2).

Fig. 94. Dishes of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (1, 2); 7.2 (3). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (3); the layers of the fire of 1475 (1, 2).

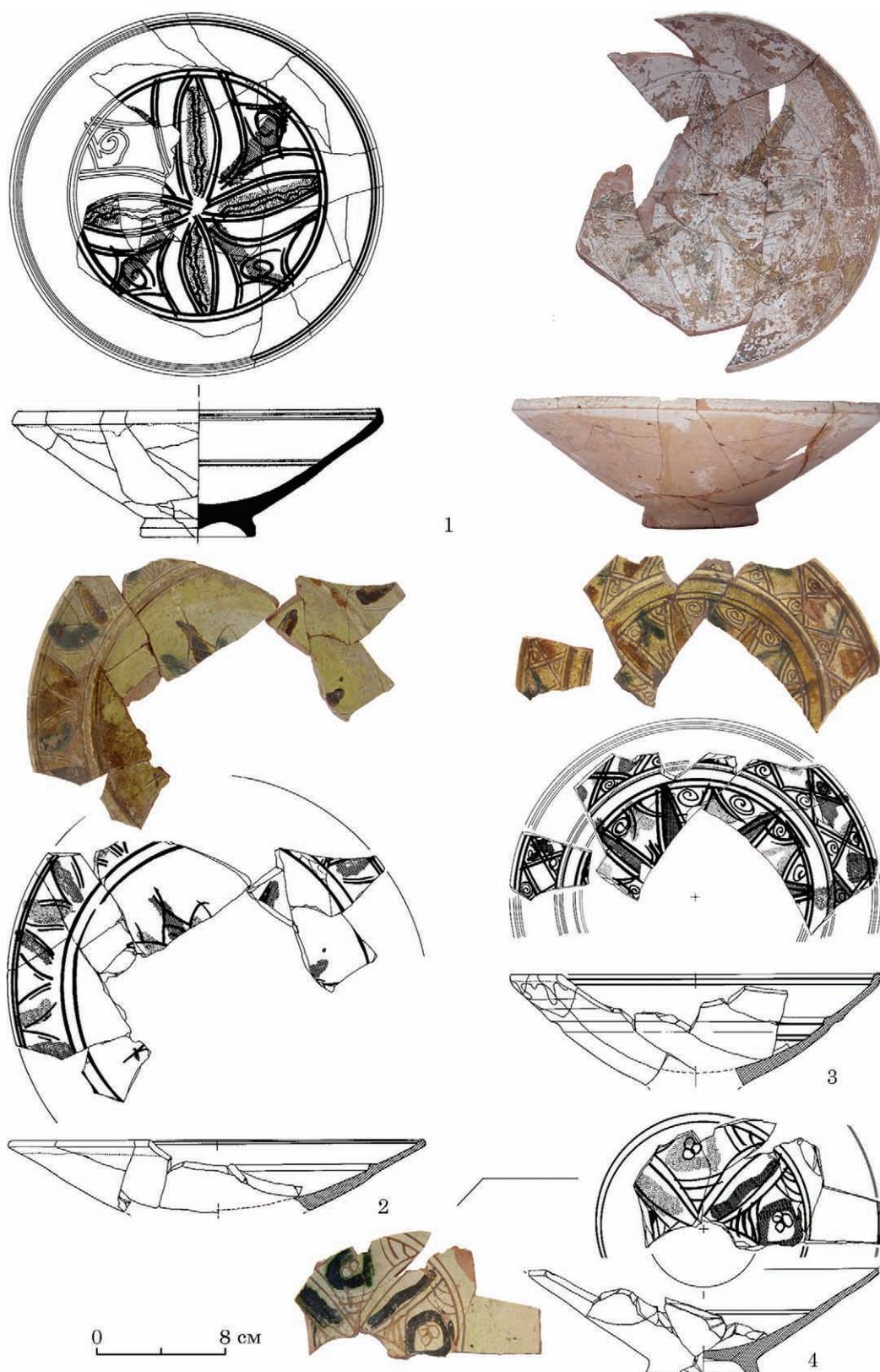

Рис. 95. Блюда группы ЮБК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (2, 3); 7.3В (3). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, зольник (1, 4). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка (2), слой пожара 1475 г. (3).

Fig. 95. Dishes of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (2, 3); 7.3B (3). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (1, 4). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (2); the layers of the fire of 1475 (3).

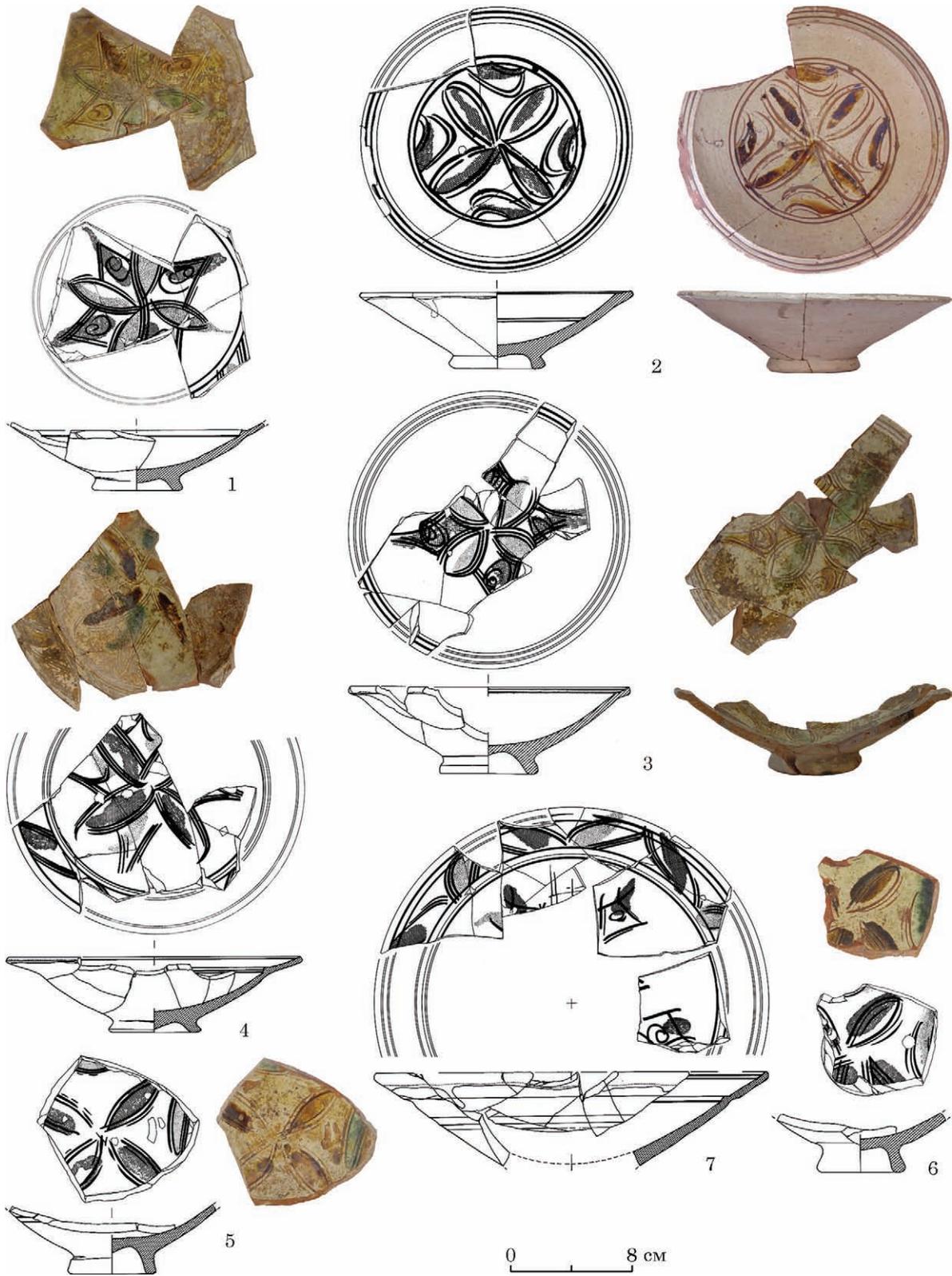

Рис. 96. Блюда и тарелки группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (7); 8.1 (1, 4); 8.2 (2, 3). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (5); нивелировочные подсыпки (3, 4, 6, 7), слой пожара 1475 г. (1, 2).

Fig. 96. Dishes and plates of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (7); 8.1 (1, 4); 8.2 (2, 3). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (5); levelling layers (3, 4, 6, 7); the layers of the fire of 1475 (1, 2).

Рис. 97. Чаши группы ЮБК, отдел III.3, серия D, тип 9.2А. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 2, 3); нивелировочные подсыпки (6), слой пожара 1475 г. (4, 5, 7).

Fig. 97. Bowls of the SEC group, section III.3, series D, type 9.2A. Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (1, 2, 3); levelling layers (6); the layers of the fire of 1475 (4, 5, 7).

Рис. 98. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 9.2А (1—6); 9.3 (9); 10.3 (7). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (9), слой пожара 1475 г. (5). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 3, 8), слой пожара 1475 г. (1, 4, 6). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло: перемещённые отложения (7), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 77).

Fig. 98. Open vessels of the SEC group, section III.3, series D: types 9.2A (1—6); 9.3 (9); 10.3 (7). Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (9); the layer of fire of 1475 (5). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (2, 3, 8); the layer of fire of 1475 (1, 4, 6). Cembalo fortress, barbican of the Barnabo Grillo tower: redeposited sediments (7), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 77).

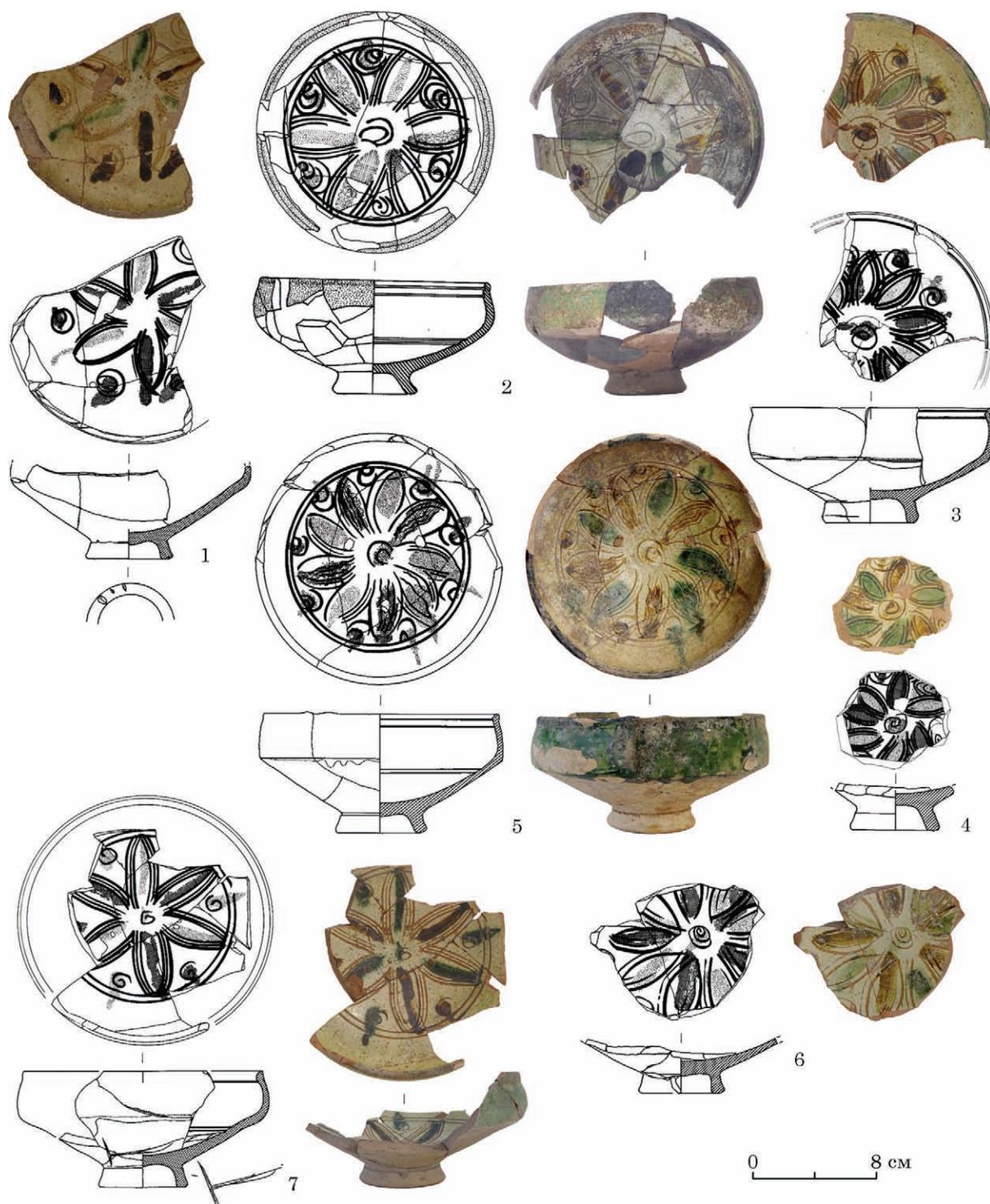

Рис. 99. Чаши группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 9.1В (5) 9.2А (1—3, 7). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, слой пожара (2). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (3—6), нивелировочная подсыпка (7), слой пожара 1475 г. (1).

Fig. 99. Bowls of the SEC group, section III.3, series D: types 9.1B (5) 9.2A (1—3, 7). Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (2). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (3—6); levelling layers (7); the layer of fire of 1475 (1).

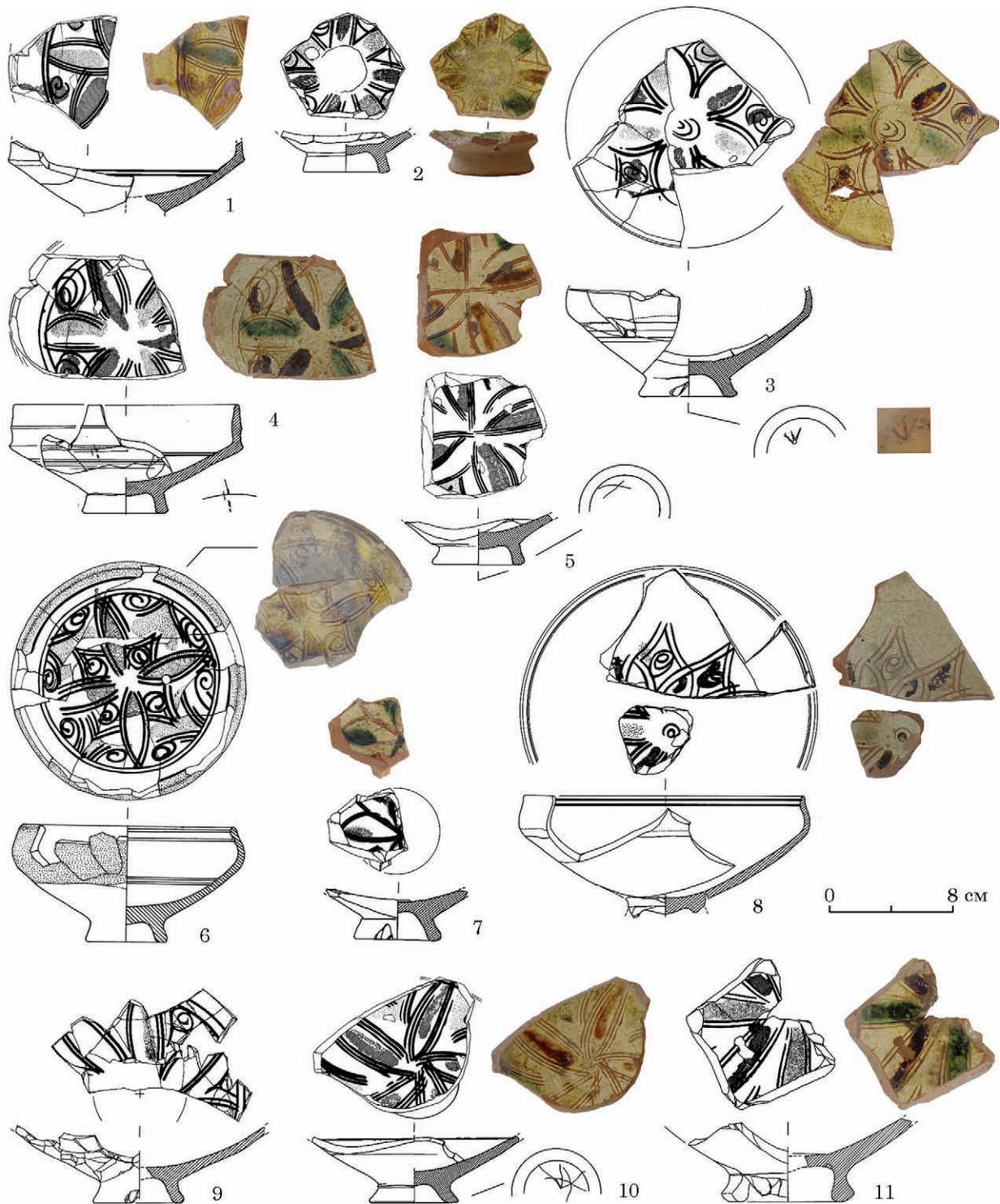

Рис. 100. Чаши группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 9.1A (1, 4) 9.2A (3, 6, 8). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (6). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 8), нивелировочные подсыпки (7, 10, 11), слой пожара 1475 г. (1—5). Храм с некрополем в с. Малый Маяк: отложения, связанные с функционированием некрополя (9).

Fig. 100. Bowls of the SEC group, section III.3, series D: types 9.1A (1, 4) 9.2A (3, 6, 8). Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (6). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (2, 8); levelling layers (7, 10, 11); the layer of fire of 1475 (1—5). Malyi Mayak village, a temple with a necropolis: sediments associated with the functioning of the necropolis (9).

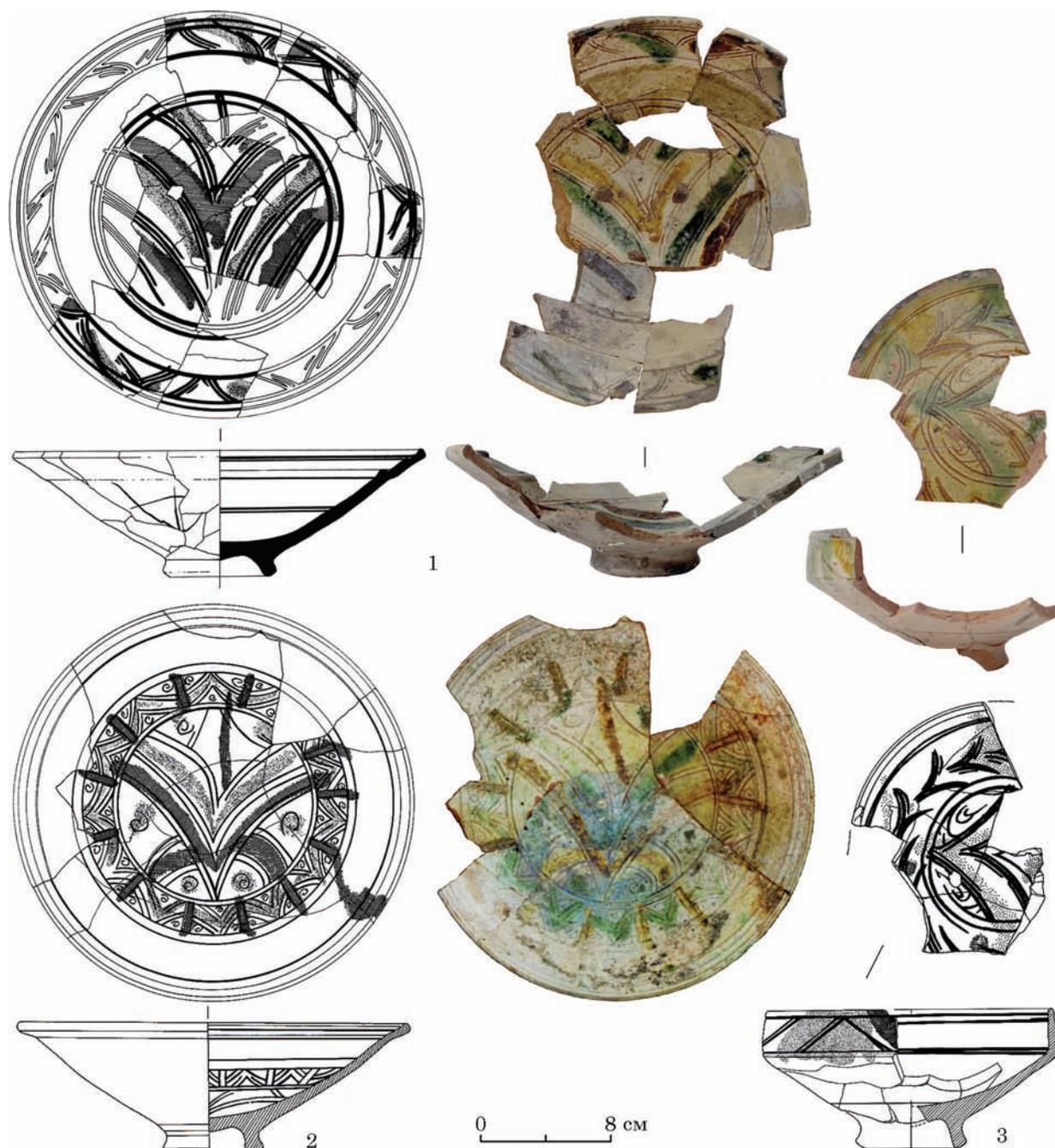

Рис. 101. Блюда и чаша группы ЮБК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (1); 7.2 (2); 9.1B (3). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле (1), застройка второй половины XIV—XV вв. (2, 3): слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3), слой пожара 1475 г. (1, 2).

Fig. 101. Dishes and bowl of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (1); 7.2 (2); 9.1B (3). Alushta fortress, Orta-Kule tower (1), dwellings of the second half of the 14th—15th centuries (2, 3): layers associated with their functioning (3), the layer of fire of 1475 (1, 2).

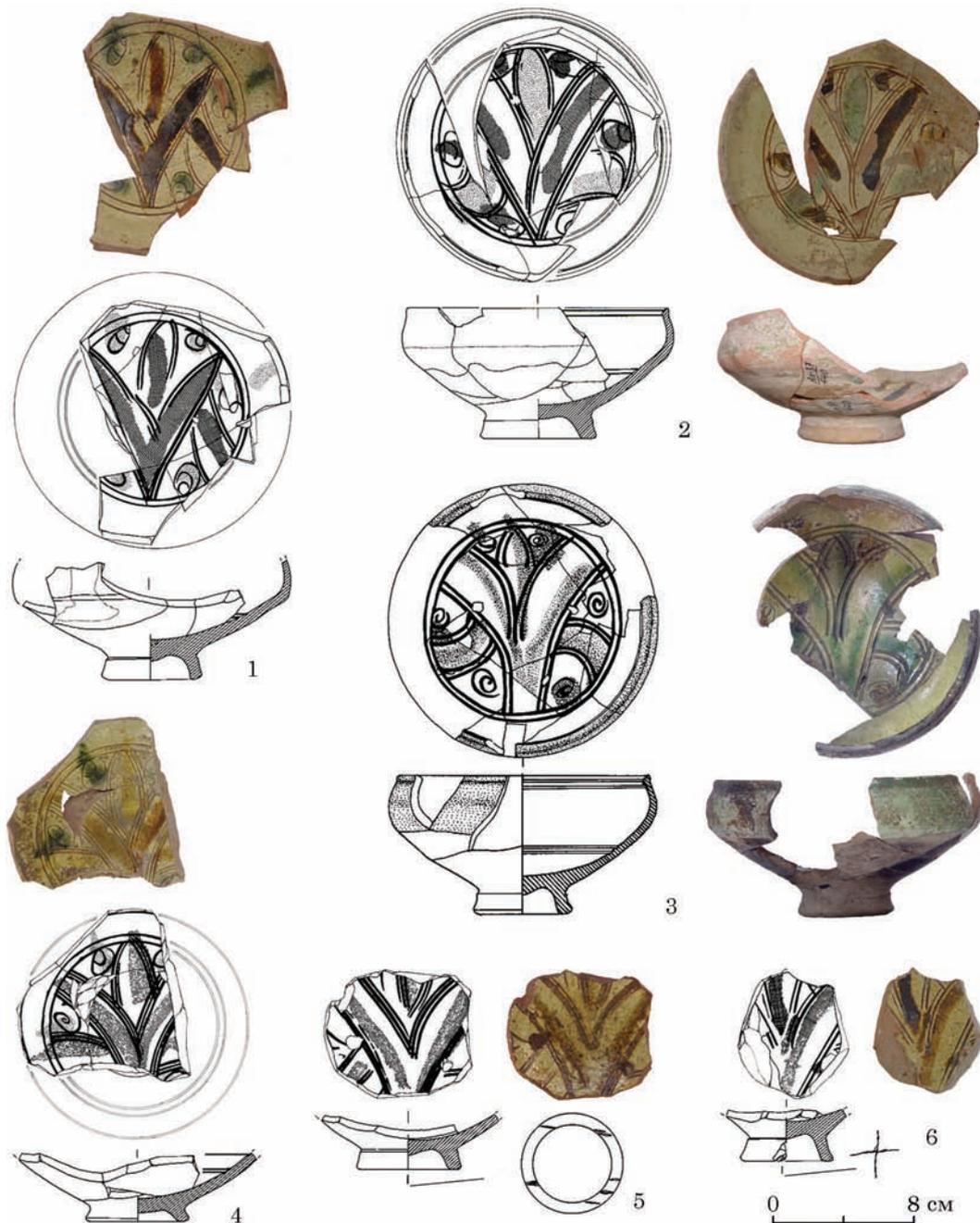

Рис. 102. Чаши группы ЮБК, отдел III.3, серия D: тип 9.2А. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2), слой пожара 1475 г. (3). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (6), нивелировочные подсыпки (5), слой пожара 1475 г. (1, 4).

Fig. 102. Bowls of the SEC group, section III.3, series D: type 9.2A. Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2); the layer of fire of 1475 (3). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (6); levelling layers (5); the layer of fire of 1475 (1, 4).

Рис. 103. Блюда группы ЮВК, отдел III.3, серия D: тип 7.1. Крепость Фуна, донжон: слой пожара 1475 г.

Fig. 103. Dishes of the SEC group, section III.3, series D: type 7.1. Funa fortress, donjon: the layer of fire of 1475.

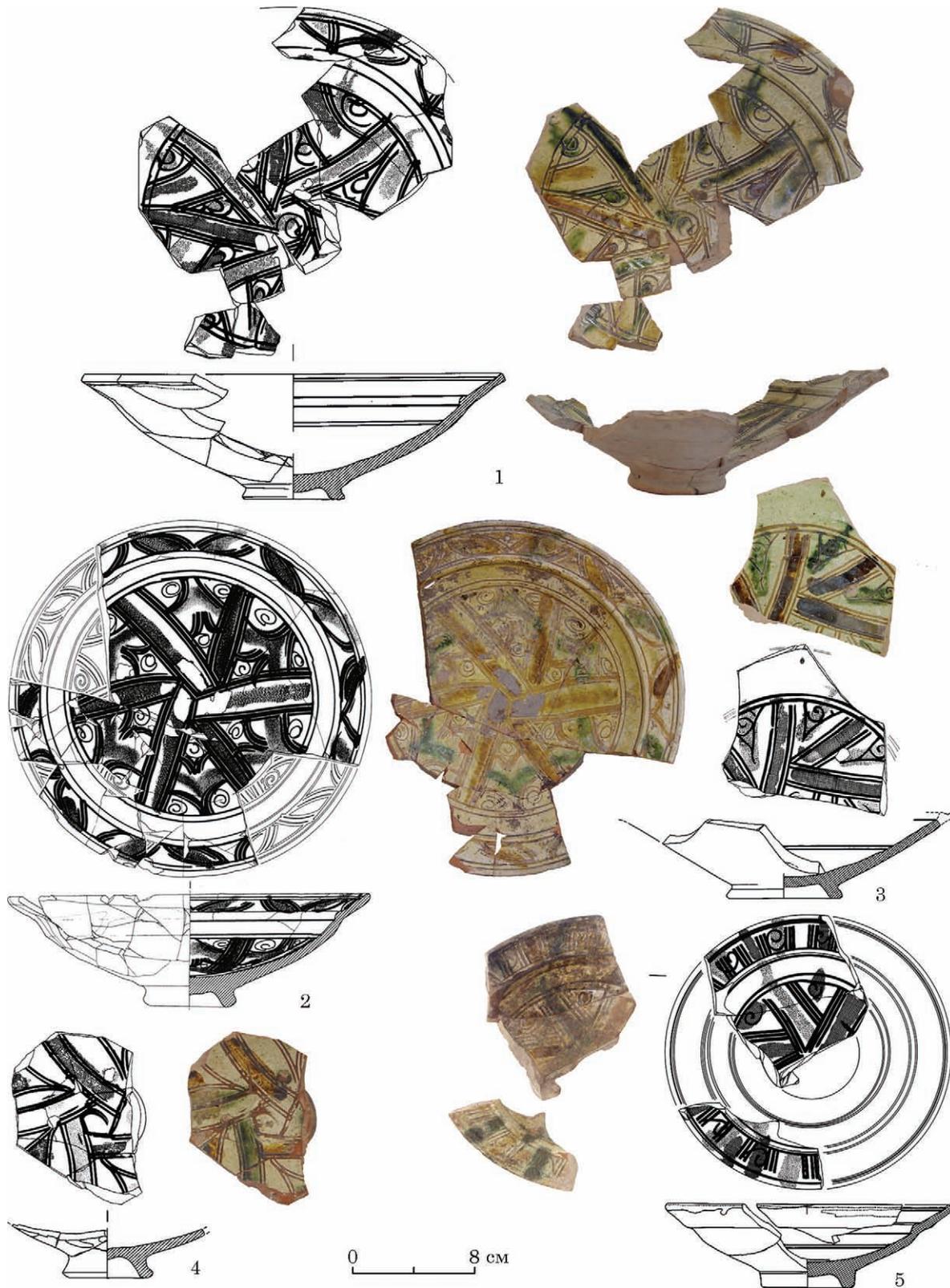

Рис. 104. Блюда и тарелка группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (1—3); 8.1 (5). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (3), нивелировочная подсыпка (1), слой пожара 1475 г. (2, 4, 5).

Fig. 104. Dishes and plate of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (1—3); 8.1 (5). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (3); levelling layers (1); the layer of fire of 1475 (2, 4, 5).

Рис. 105. Чаши группы ЮВК, отдел III.3, серия D: тип 9.2А. Алуштинская крепость, башня Орга-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 4), слой пожара 1475 г. (7). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2), нивелировочная подсыпка (1), слой пожара 1475 г. (5, 6, 8).

Fig. 105. Bowls of the SEC group, section III.3, series D: type 9.2A. Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (3, 4); the layer of fire of 1475 (7). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (2); levelling layers (1); the layer of fire of 1475 (5, 6, 8).

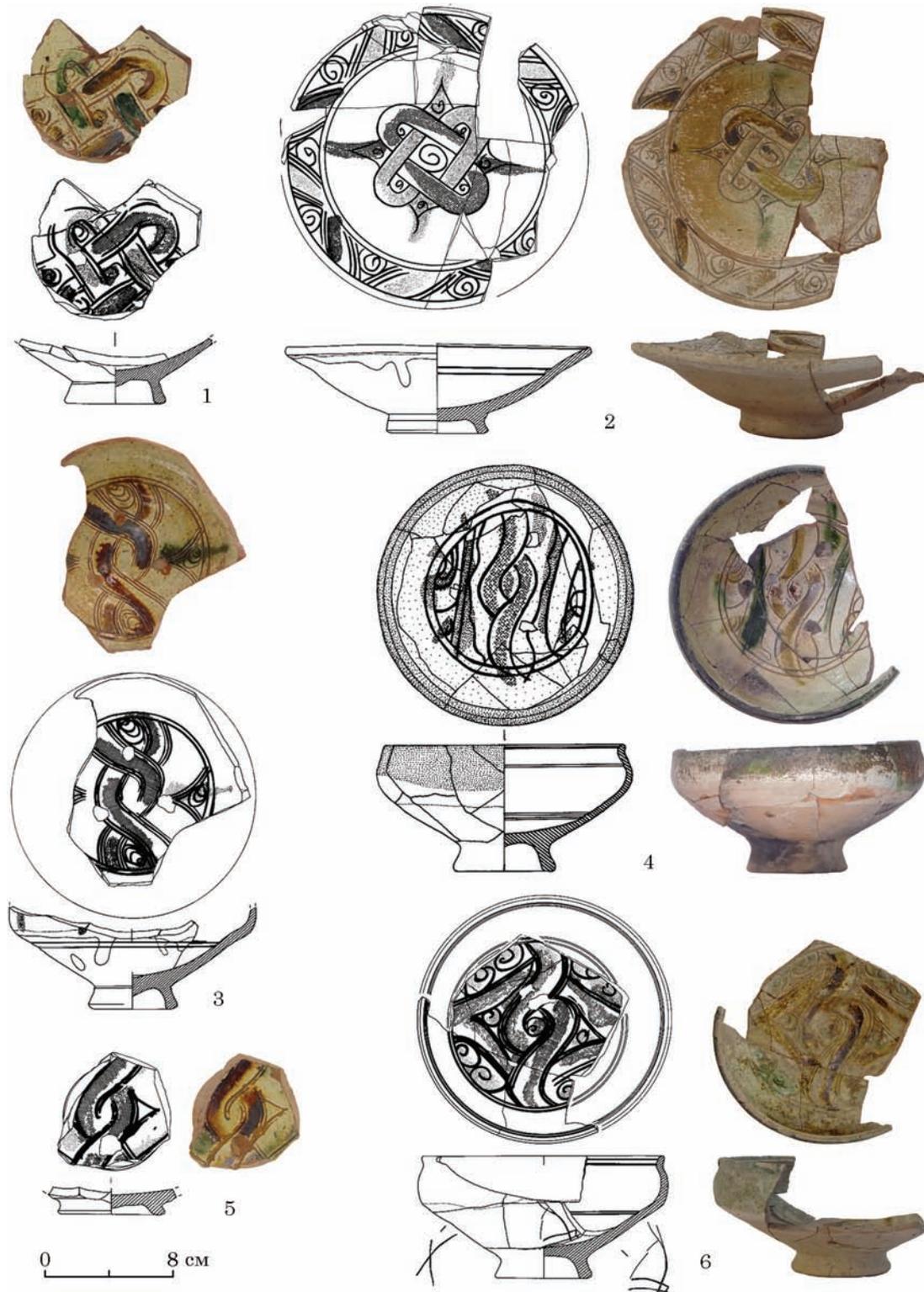

Рис. 106. Тарелка и чаши группы ЮБК, отдел III.3, серия D: типы 8.1 (2); 9.2A (3, 4, 6). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 г. (4). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 3), нивелировочная подсыпка (2), слой пожара 1475 г. (5, 6).

Fig. 106. Plates and bowls of the SEC group, section III.3, series D: types 8.1 (2); 9.2A (3, 4, 6). Alush-ta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475 (4). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (1, 3); levelling layers (2); the layer of fire of 1475 (5, 6).

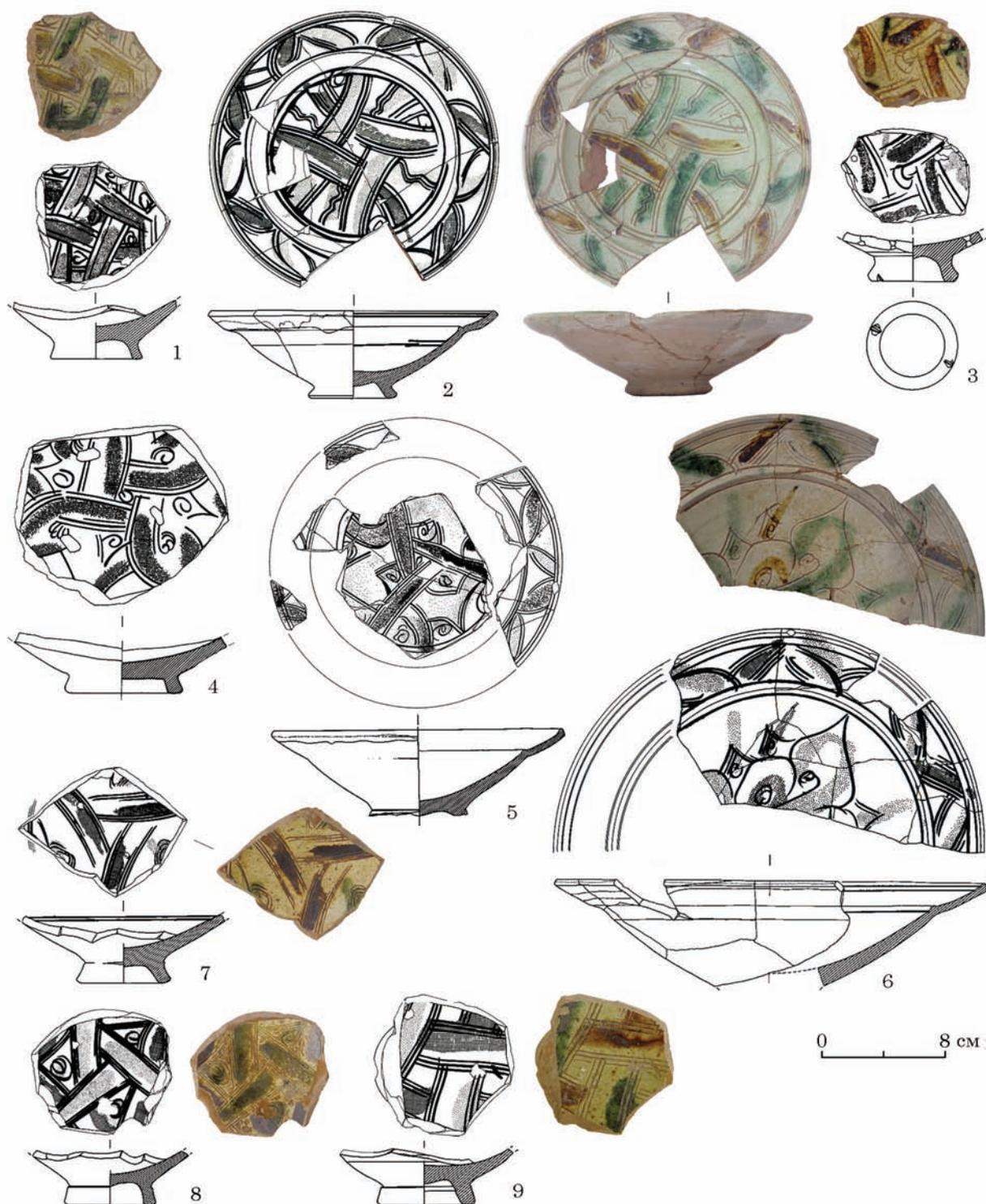

Рис. 107. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (6); 8.1 (2, 5). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 6, 9). Крепость Фуна, застройка второй (4) и третьей (1, 3, 7, 8) четвертей XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1, 7), слой пожара второй трети XV в. (4), слой пожара 1475 г. (3, 8). 4 — по (Кирилко 2005, рис. 44: 1). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло, перемещённые отложения (5), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005, рис. 101).

Fig. 107. Open vessels of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (6); 8.1 (2, 5). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2, 6, 9). Funa fortress, buildings of the second (4) and third (1, 3, 7, 8) quarters of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (1, 7); the layers of the fire of the second third of the 15th century (4) and of 1475 (3, 8). 4 — after (Kirilko 2005, fig. 44: 1). Chembalo fortress, barbican of Barnabo Grillo tower: redeposited sediments (5), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2005, fig. 101).

Рис. 108. Сосуды открытой формы группы ЮБК, отдел III.3, серия D: типы 8.1 (3); 9.2A (1, 2, 4). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 5). Крепость Фуна, застройка второй (1) и третьей (2, 4, 6) четвертей XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (6), нивелировочная подсыпка (2), слой пожара второй трети XV в. (1), слой пожара 1475 г. (4). 1 — по (Кирилко 2005а, рис. 44: 2).

Fig. 108. Open vessels of the SEC group, section III.3, series D: types 8.1 (3); 9.2A (1, 2, 4). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (3, 5). Funa fortress, buildings of the second (1) and third (2, 4, 6) quarters of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (6); levelling layers (2); the layers of the fire of the second third of the 15th century (1) and of 1475 (4). 1 — after (Kirilko 2005, fig. 44: 2).

Рис. 109. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.3, серия D: типы 8.1 (1, 2); 9.1B (5); 9.2A (3, 4, 6). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 7). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (1, 4, 6, 8). Крепость Чембало, район башни Барнабо Грилло: заполнение ямы № 1 (3, 5), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 99; 100).

Fig. 109. Open vessels of the SEC group, section III.3, series D: types 8.1 (1, 2); 9.1B (5); 9.2A (3, 4, 6). Alush-ta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (2, 7). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (1, 4, 6, 8). Chembalo fortress, Barnabo Grillo tower area: the pit 1, after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 99; 100).

Рис. 110. Чаши группы ЮБК, отдел III.3, серия D: тип 9.2А. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, зольник (6); застройка второй половины XIV—XV вв., слой разрушения (7). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3), нивелировочные подсыпки (2, 4, 5).

Fig. 110. Bowls of the SEC group, section III.3, series D: type 9.2A. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers of destruction (7); Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries on its ruins (6). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (3), leveling layers (2, 4, 5).

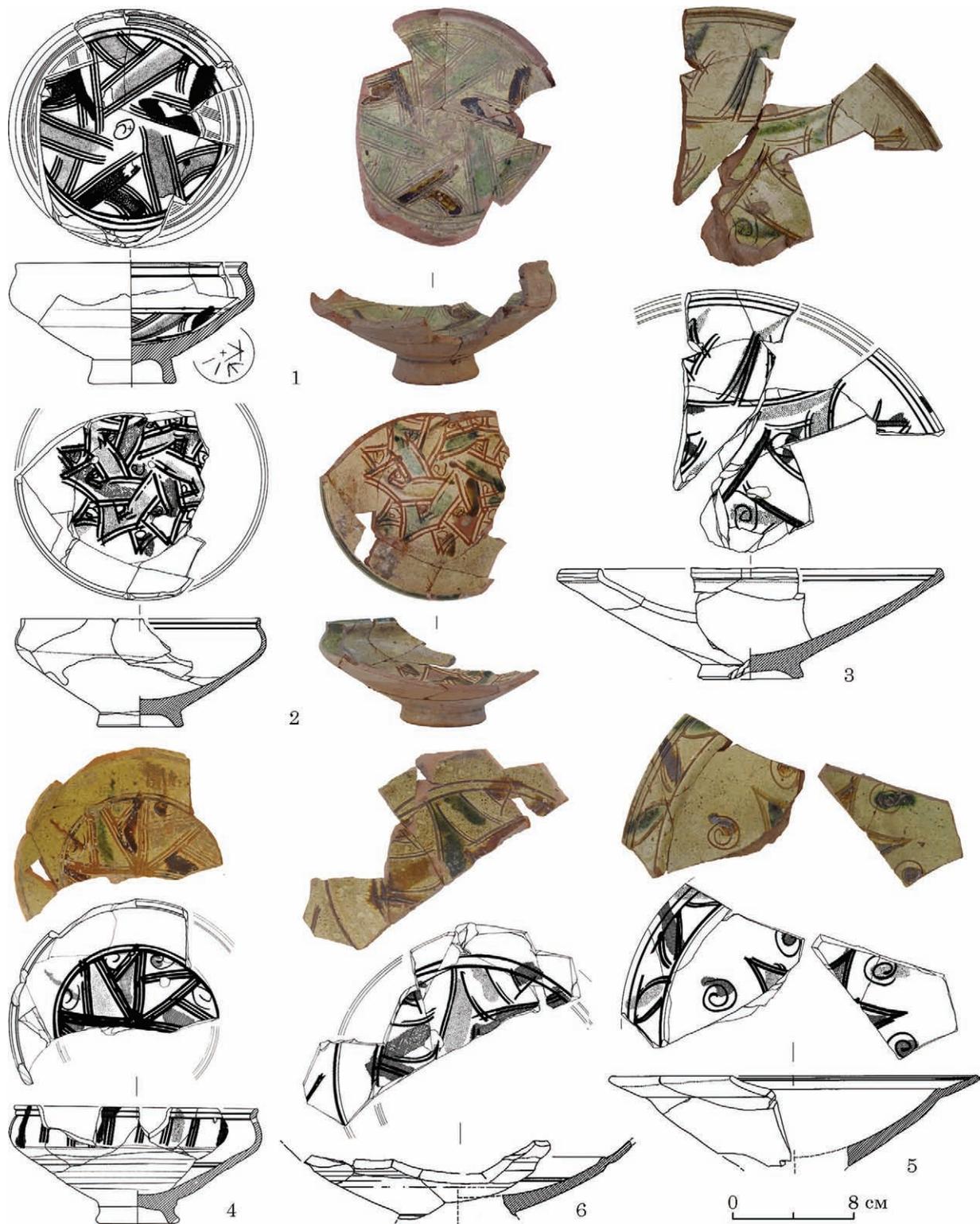

Рис. 111. Блюда и чаши группы ЮБК, отдел III.3, серия D: типы 7.1 (5, 6); 7.3 (3); 9.2A (1, 2, 4). Алуштинская крепость, башня Орга-Куле, зольник (3). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (4), нивелировочные подсыпки (1, 5), слой пожара 1475 г. (2, 6).

Fig. 111. Dishes and bowls of the SEC group, section III.3, series D: types 7.1 (5, 6); 7.3 (3); 9.2A (1, 2, 4). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries on its ruins (3). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (4); levelling layers (1, 5); the layer of fire of 1475 (2, 6).

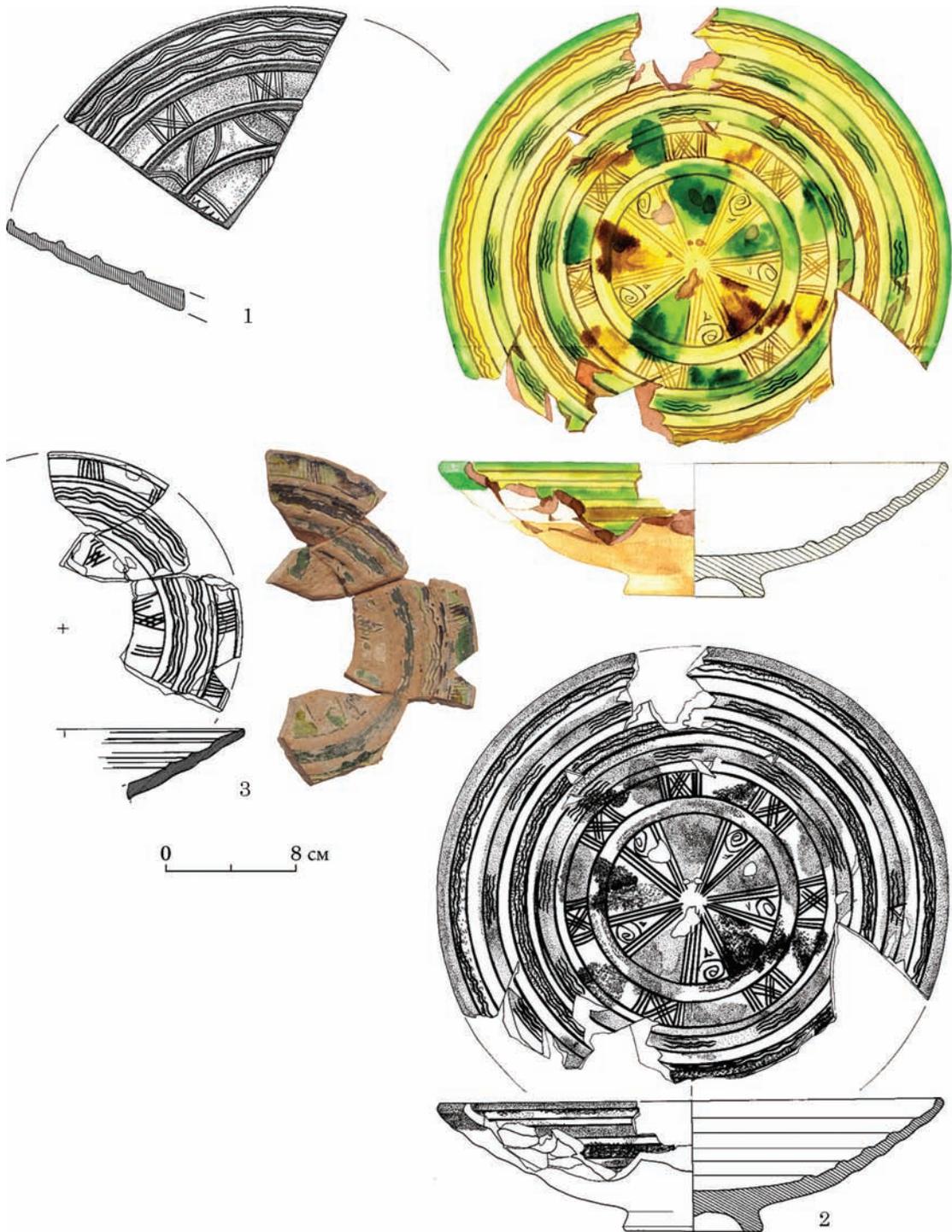

Рис. 112. Блюда группы ЮБК, отдел III.3, серия D: тип 7.4. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (1), слой пожара 1475 г. (3). Крепость Фуна, водосборная цистерна, заполнение (2).

Fig. 112. Dishes of the SEC group, section III.3, series D: type 7.4. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (1); the layer of fire of 1475 (3). Funa fortress, a water cistern (2).

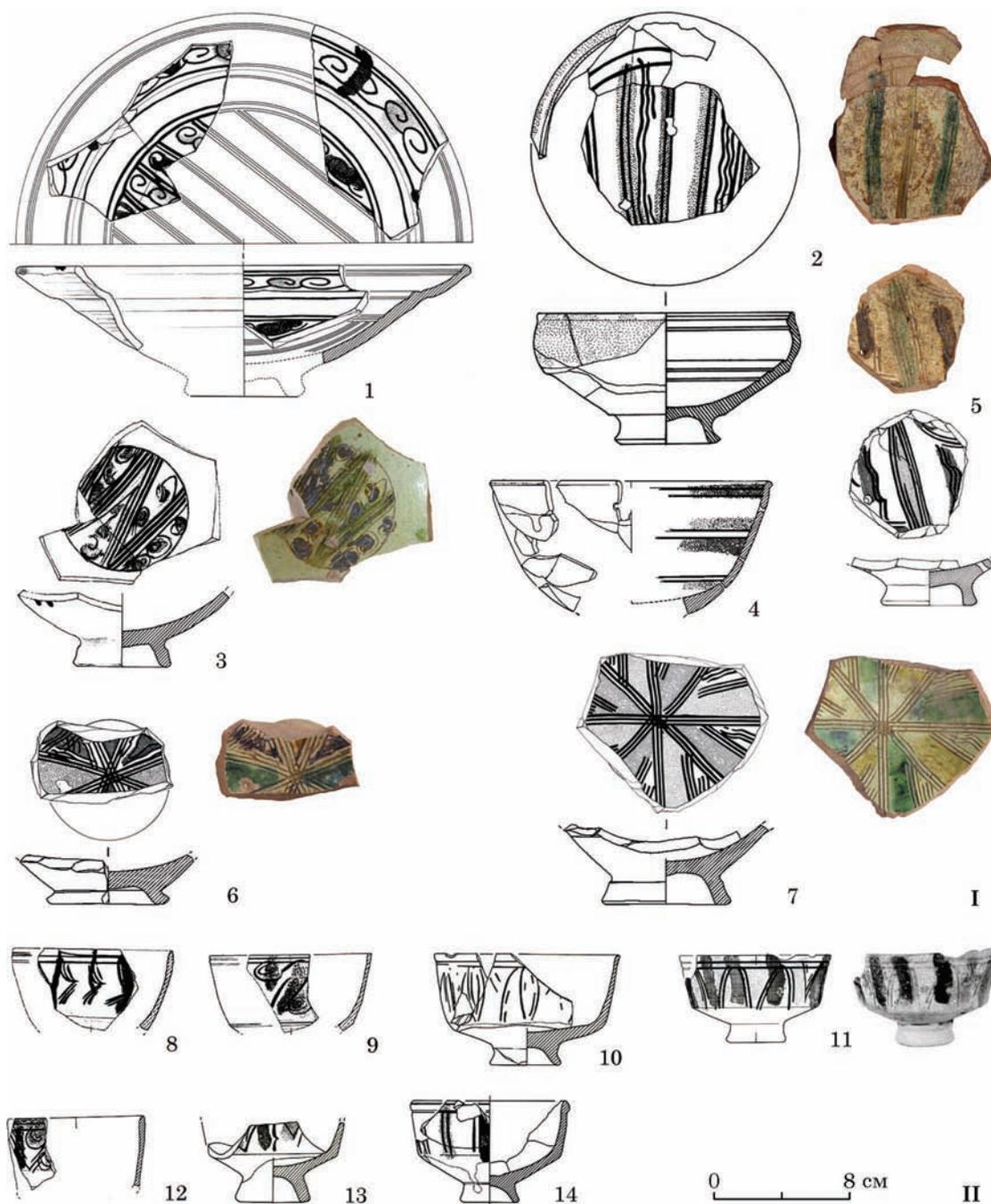

Рис. 113. Сосуды открытой формы группы ЮВК, отдел III.3, серия С (8—14) и D (1—7): типы 7.1 (1); 9.2А (2); 9.4А (4); 10.1 (8—14). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3, 6, 7), зольник на руинах башни (2, 4). Крепость Фуна, водосборная цистерна, застройка третьей четверти XV в.: заполнение ямы в цистерне (1), нивелировочная подсыпка (5), слой пожара 1475 г. (11). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло: перемещённые отложения (8—9, 12—14), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 69: 30; 70: 33; 79: 28; 2005, рис. 106: 24; 119: 86).

Fig. 113. Open vessels of the SEC group, section III.3, series C (8—14) and D (1—7): types 7.1 (1); 9.2A (2); 9.4A (4); 10.1 (8—14). Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (3, 6, 7); rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries on the ruins of the tower (2, 4). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century, a water cistern: a pit in the cistern (1); levelling layers (5); the layer of fire of 1475 (11). Cembalo fortress, barbican of Barnabo Grillo tower: redeposited sediments (8—9, 12—14), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 69: 30; 70: 33; 79: 28; 2005, fig. 106: 24; 119: 86).

Рис. 114. Глубокая миска с крышкой группы ЮБК, отдел III.3, серия С: типы 9.2В (2) и 12.2 (1). Крепость Фуна, башня донжон и двор № 1: слой пожара 1475 г.

Fig. 114. Deep bowl with a lid of the SEC group, section III.3, series C: types 9.2B (2) and 12.2 (1). Funa Fortress, donjon and the courtyard 1: the layer of fire of 1475.

Рис. 115. Блюда группы ЮБК, отдел III.3, серия D: тип 7.1. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, слой пожара 1475 г.

Fig. 115. Dishes of the SEC group, section III.3, series D: type 7.1. Alushta fortress, Orta-Kule tower: the layer of fire of 1475

Рис. 116. Сосуды с полихромным орнаментом сграффито из Крыма и Анатолии, параллели в орнаменте: 1—3, 5, 10, 11 — группа ЮБК. Замок Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои второй половины XV в. (1—2); слой пожара 1475 г. (11). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (10); слой пожара 1475 г. (3). Аю-Даг, поселение XIV—XV вв. у западного подножья (5), по (Тесленко 2018а, рис. 34: 9). 4, 6—9 — изделия малоазиатских центров: блюдо семьи St. Symeon Ware из Милета (4), по (Böhlendorf-Arslan 2004: taf. 148); Милет, заготовки под покрытие поливой (6, 8), по (Waksman et al. 2015, fig. 2); Сельджук / Эфес, раскопки на участке храма Артемиды (7, 9), по (Vroom, Findik 2015: pl. 31; Waksman 2014, fig. 3).

Fig. 116. Wares with polychrome sgraffito from Crimea and Anatolia, parallels in decoration: 1—3, 5, 10, 11 — the SEC group. Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (1—2); the layer of fire of 1475 (11). Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (10); the layer of fire of 1475 (3). Ayu-Dag settlement of the 14th—15th centuries at the western foot (5), after (Teslenko 2018a, fig. 34: 9). 4, 6—9 — production of Asia Minor pottery centers: Miletus, the Port St. Symeon Ware (4), after (Böhlendorf-Arslan 2004: taf. 148); Miletus, biscuit-fired sherd (6, 8), after (Waksman et al. 2015, fig. 2); Seljuk / Ephesus, Artemis temple, Polychrome sgraffito wares (7, 9), after (Vroom, Findik 2015, pl. 31; Waksman 2014, fig. 3).

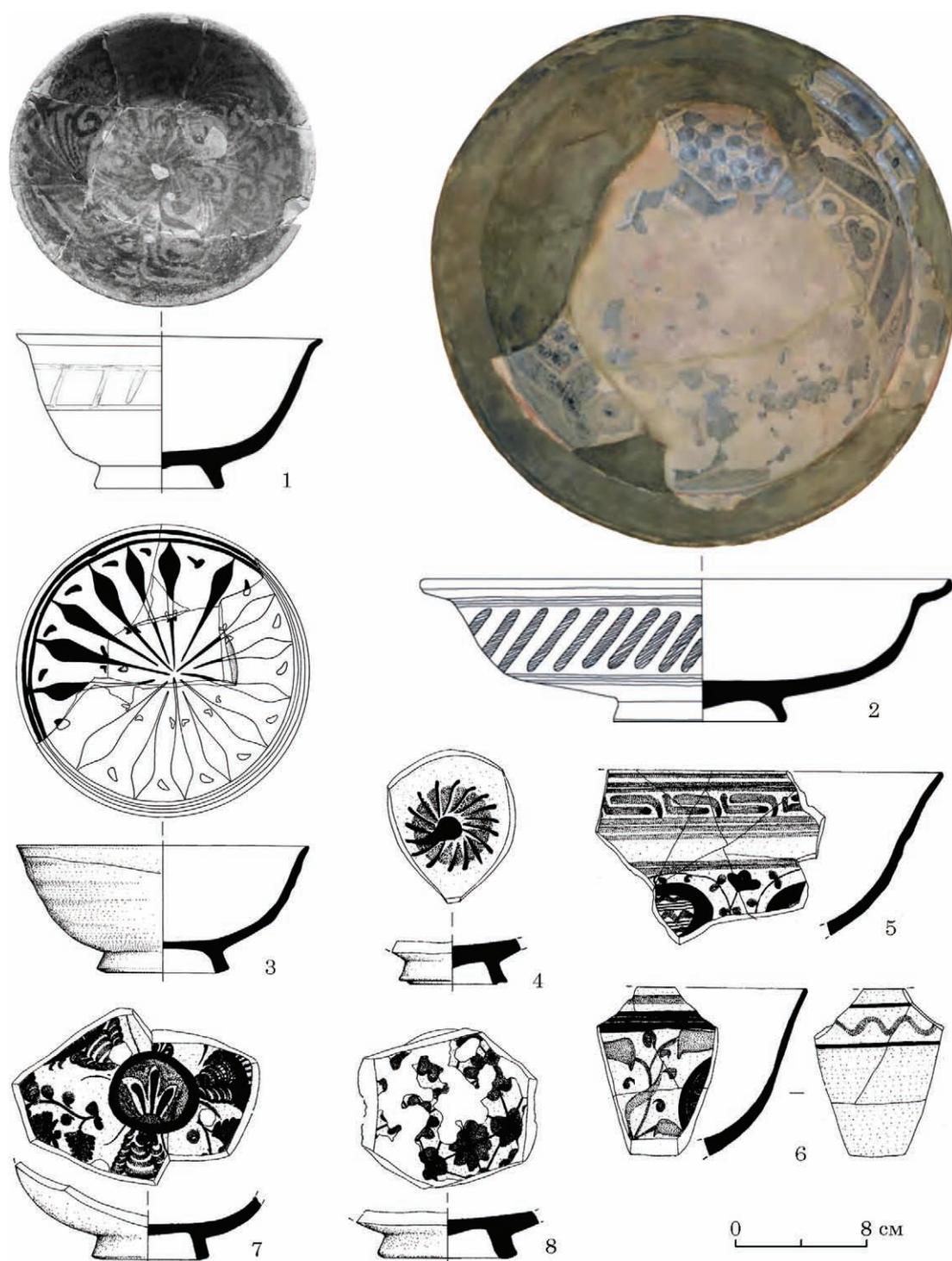

Рис. 117. Miletus Ware, блюдо и чаши: типы 1.2 (2); 2.1 (1, 3, 7); 2.2 (5, 6). Городище Мангуп, цитадель (3—8), княжеский дворец (1, 2): яма № 29, заполнение (1), яма № 34, заполнение (2), по (Герцен, Науменко 2005, рис. 18—20; 2010, с. 407, ил. 8: 2; Науменко, Душенко 2017, рис. 7: 3).

Fig. 117. Miletus Ware, dish and bowls: types 1.2 (2); 2.1 (1, 3, 7); 2.2 (5, 6). Mangup settlement, citadel (3—8), princely palace (1, 2): the pit 29 (1), the pit 34 (2), after (Herzen, Naumenko 2005, fig. 18—20; 2010, p. 407, ill. 8: 2; Naumenko, Dushenko 2017, fig. 7: 3).

Рис. 118. Miletus Ware, блюда и чаши: типы 1.2 (1, 4); 2.1 (2, 3). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: зольник (1—3). Инкерман, крепость Каламита: шурф в районе башни V (4).

Fig. 118. Miletus Ware, plates and bowls: types 1.2 (1, 4); 2.1 (2, 3). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (1—3). Inkerman, Kalamita fortress: a pit in the area of tower V (4).

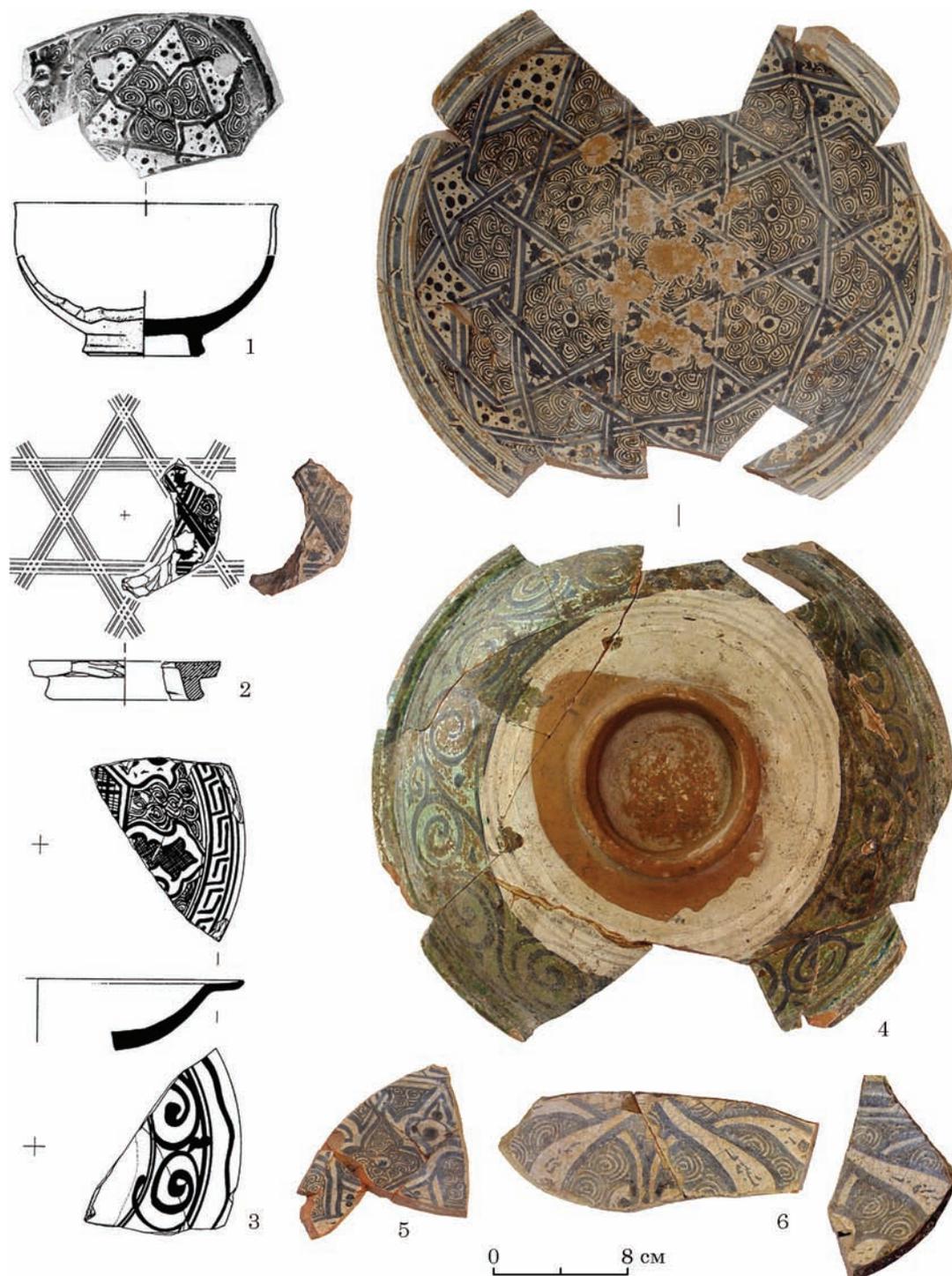

Рис. 119. Miletus Ware, блюда и чаши группы: типы 1.2 (3, 4); 2.1 (2, 5). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: зольник (3). Крепость Фуна, башня донжон (1), застройка третьей четверти XV в. (2, 4—6): слой пожара 1475 г.

Fig. 119. Miletus Ware, plates and bowls: types 1.2 (3, 4); 2.1 (2, 5). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (3). Funa castle, donjon (1), buildings of the third quarter of the 15th century (2, 4—6): the layer of fire of 1475.

Рис. 120. Miletus Ware, блюда и чаши: типы 1.2 (1, 3); 2.2 (2). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (3), слой пожара 1475 г. (1, 2).

Fig. 120. Miletus Ware, plates and bowls: types 1.2 (1, 3); 2.2 (2). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (3); the layer of fire of 1475 (1, 2).

Рис. 121. Miletus Ware, блюдо и чаша: типы 1.2 (2); 2.2 (1). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г.

Fig. 121. Miletus Ware, plates and bowls: types 1.2 (1, 3); 2.2 (1). Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475.

Рис. 122. Miletus Ware, сосуды открытой формы: типы 1.2 (1); 2.1 (6); 2.2 (2); 3.1 (4, 5). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (6), нивелировочные подсыпки (3, 4, 5), слой пожара 1475 г. (1, 2).

Fig. 122. Miletus Ware, open shapes vessels: types 1.2 (1); 2.1 (6); 2.2 (2); 3.1 (4, 5). Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (6); levelling layers (3, 4, 5); the layer of fire of 1475 (1, 2).

Рис. 123. Miletus Ware, сосуды открытой и закрытой формы. Алуштинская крепость, башня Орта-Куле, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (4, 8, 10, 18), зольник на руинах башни (1—3, 5—7, 9, 11—14). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: нивелировочная подсыпка (16, 19), слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (15), слой пожара 1475 г. (20). Крепость Чембало, район башни Барнабо Грилло, перемещённые отложения (7), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005, рис. 118: 4).

Fig. 123. Miletus Ware, open and closed shapes vessels. Alushta fortress, Orta-Kule tower, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (4, 8, 10, 18); rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (1—3, 5—7, 9, 11—14). Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: levelling layers (16, 19); layers associated with the functioning of dwellings (15); the layer of fire of 1475 (20). Chembalo fortress, area of the Barnabo Grillo tower, redeposited sediments (7), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2005, fig. 118: 4).

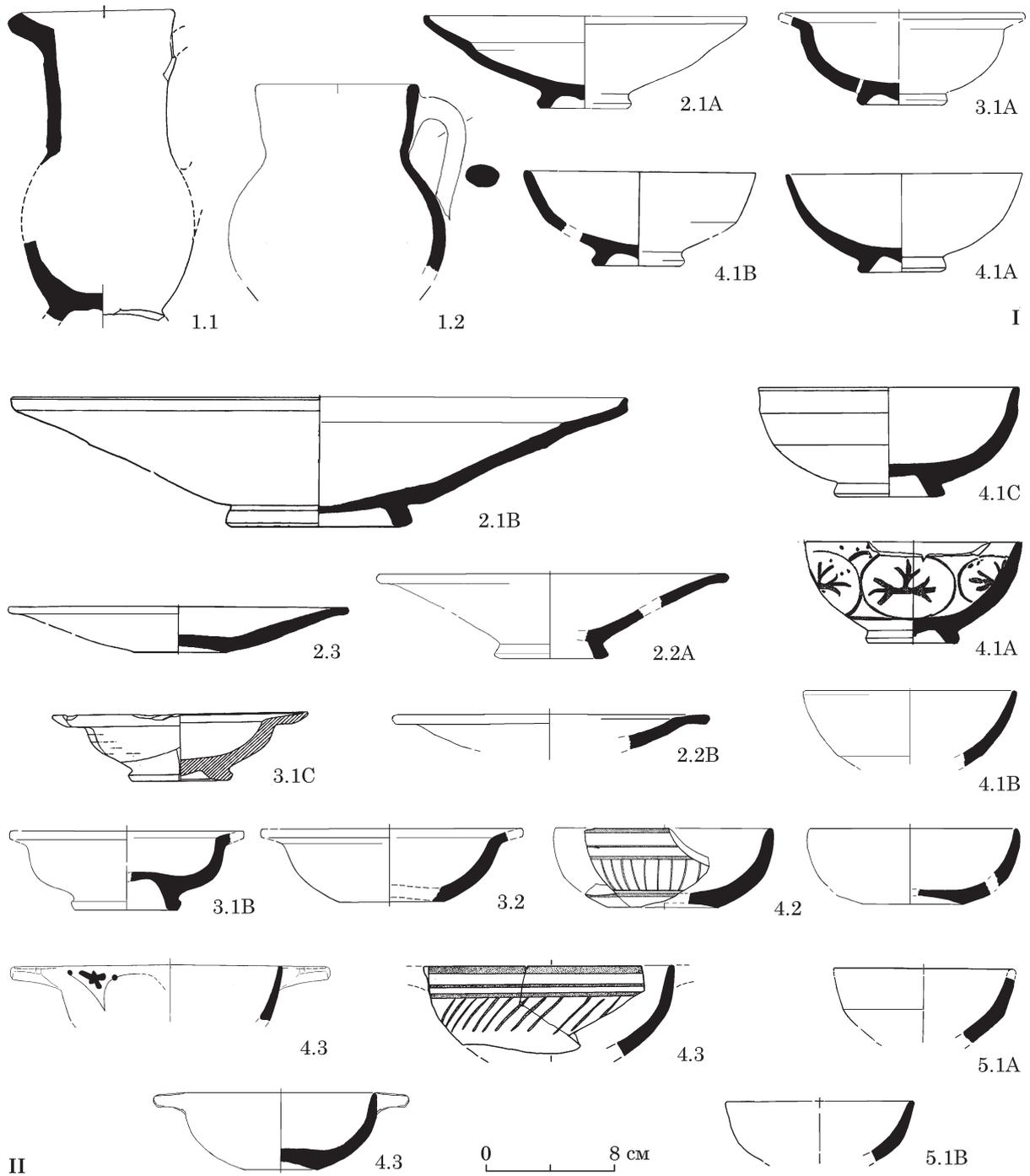

Рис. 124. Испанская керамика с оловянной глазурью. Типы сосудов закрытой и открытой формы: I — первая хронологическая группа; II — вторая и третья хронологические группы.

Fig. 124. Spanish tin-glazed wares. Types of closed and open shapes vessels: I — the first chronological group; II — the second and the third chronological groups.

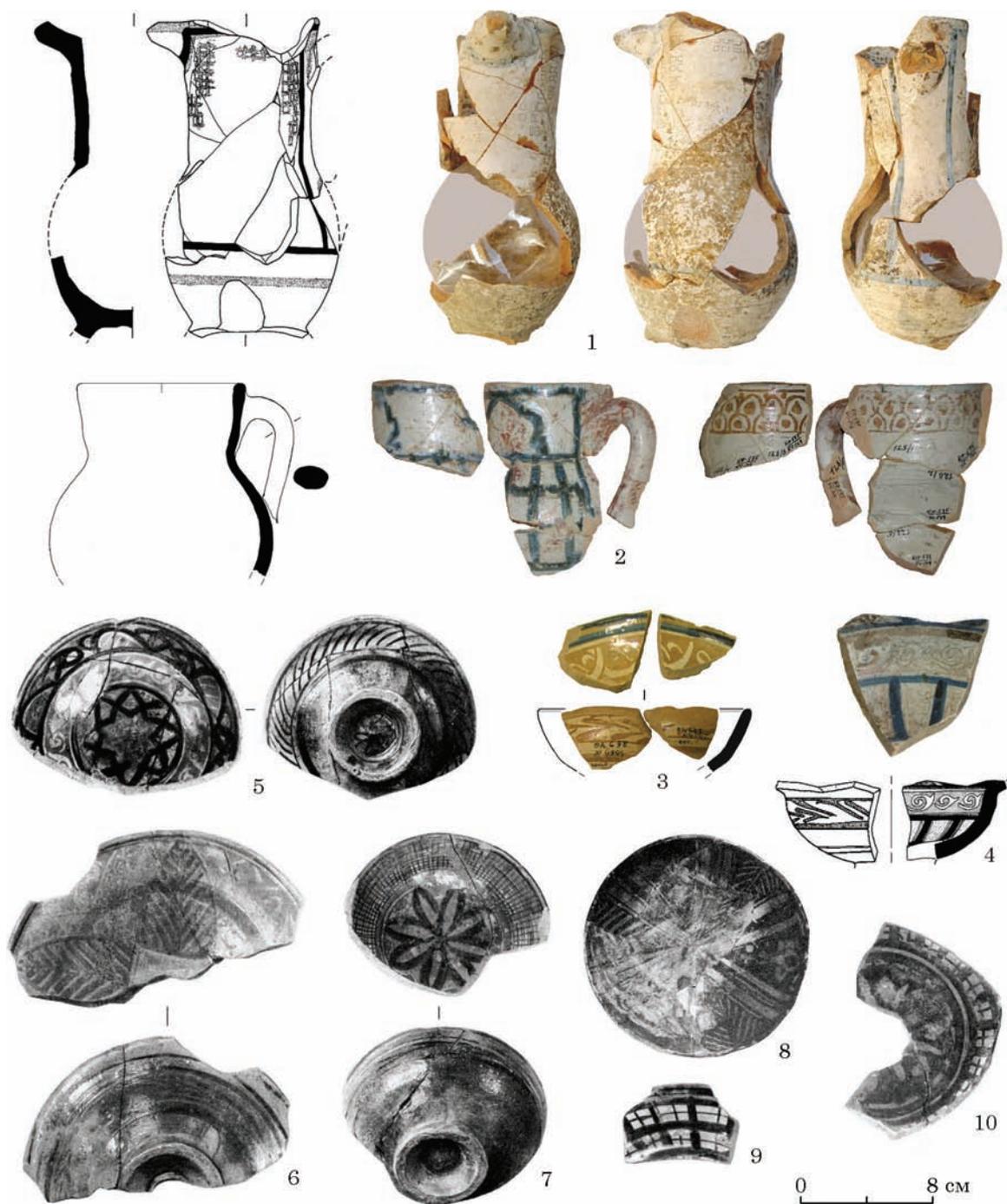

Рис. 125. Испанская керамика с оловянной глазурью, роспись кобальтом и люстром. Первая хронологическая группа, стиль Пула, сосуды закрытой (1, 2) и открытой (3—10) формы. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (1). Судак, район барбакана (1) и подковообразная башня (2), контекст не ясен, по (Тесленко, Майко 2019b). Гурзуф, раскопки на цитадели, контекст не ясен (4). Феодосия / Каффа, подъемный материал 1890-х гг., по (Кравченко 1991, с. 116—117, рис. 4: 1—5; 5: 4).

Fig. 125. Spanish tin-glazed wares with cobalt and lustre painting. The first chronological group, Pula style, vessels of closed (1, 2) and open (3—10) shapes. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (1). Sudak, barbican area (1) and a horse-shoe-shaped tower (2), the context is not clear, after (Teslenko, Maiko 2019b). Gurzuf, citadel, the context is not clear (4). Feodosia / Caffa, redeposited finds, after (Kravchenko 1991, p. 116—117, fig. 4: 1—5; 5: 4).

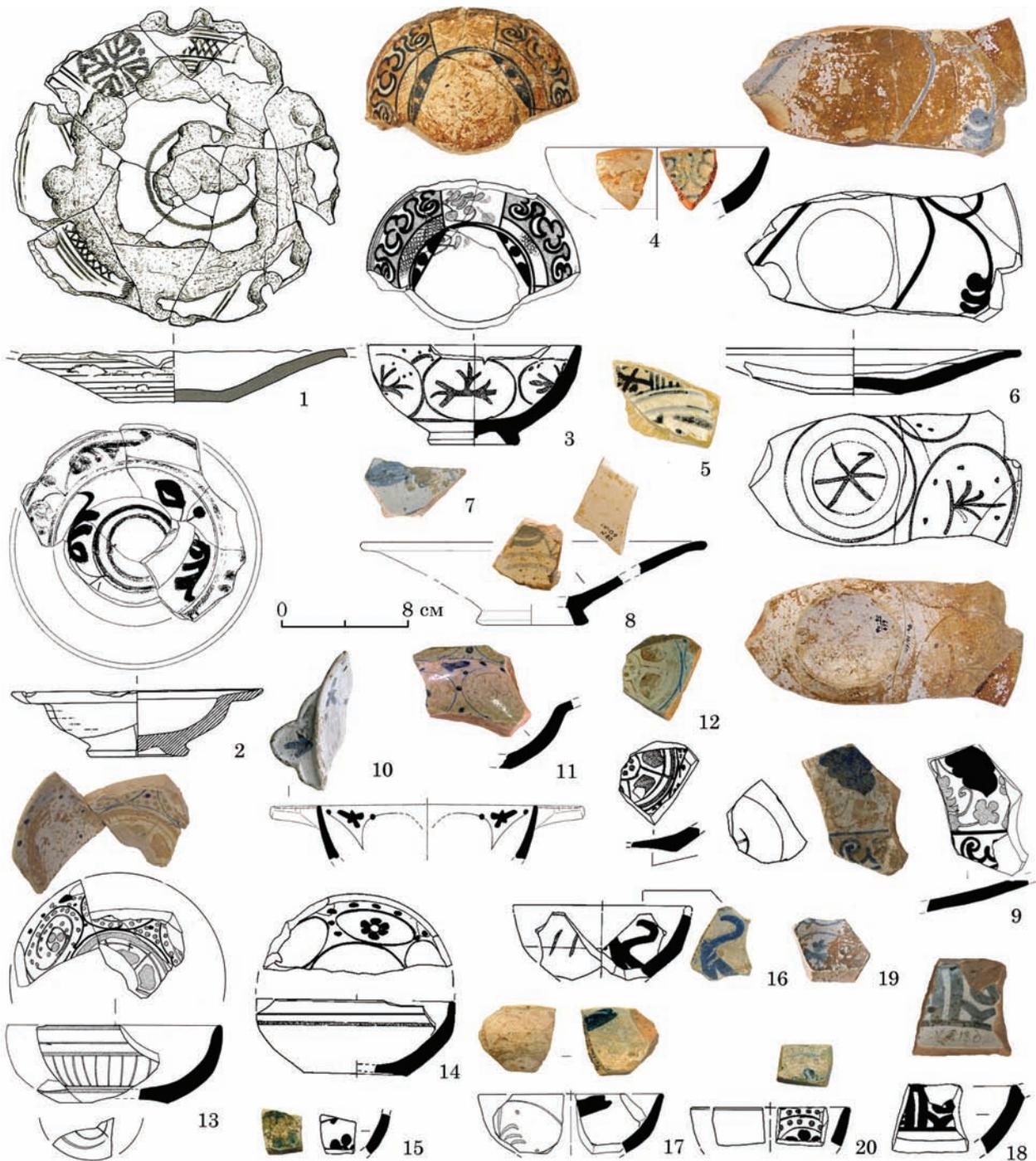

Рис. 126. Испанская керамика с оловянной глазурью, роспись кобальтом и люстром. Вторая хронологическая группа. Сосуды открытой формы. Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло: нивелировочная засыпь XVI в. (2); жилищно-хозяйственный комплекс, слой пожара 1475 г. (1), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 82; Адаксина и др. 2018, с. 19—23, рис. 57). Судак: крепость, квартал 1 (13), казарма (3), контекст не ясен; портовый район, перемещённые отложения и слой с материалом второй половины XV—XVI вв. (4, 5; 8, 10); безымянная башня № 6, уровень пола постройки с камином (11); подъёмный материал 1950—1960-х гг. (7, 19); (Тесленко, Майко 2019b). Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (12, 16, 20), перемещённые отложения (15); башня Орта-Куле: зольник (17). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слои, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (9, 18); двор № 1 (6) и северная башня (14), слой пожара 1475 г.

Fig. 126. Spanish tin-glazed wares with cobalt and lustre painting. The second chronological group. Open vessels. Chembalo fortress, barbican of the Barnabo Grillo tower: levelling layers of the 16th century. (2); dwellings, the layer of fire of 1475 (1), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 82; Adaksina et al. 2018, pp. 19—23, fig. 57). Sudak: fortress, quarter 1 (13), barracks (3), the context is not clear; port area, redeposited sediments and layers with material from the second half of the 15th—16th centuries. (4, 5; 8, 10); tower 6, floor level of the building with a fireplace (11); redeposited material (7, 19) (Teslenko, Maiko 2019b). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (12, 16, 20), redeposited sediments (15); Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (17). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: layers associated with the functioning of dwellings (9, 18); the courtyard 1 (6) and the northern tower (14), the layer of fire of 1475.

Рис. 127. Испанская керамика с оловянной глазурью: роспись лустром (1—11, 13); кобальтом (18, 23, 24); кобальтом и лустром (12, 14—17, 19—22); без следов росписи (25, 26). Вторая (1, 2, 5—8, 11—26) и третья (3, 4, 9, 10) хронологические группы. Сосуды открытой и закрытой формы. Алуштинская крепость, застройка второй половины XIV—XV вв.: слой, связанные с функционированием и разрушением жилищно-хозяйственных комплексов (1, 22); заполнение водостока в куртине последней линии обороны 1460-х гг. (5); слой с монетой 1420—1430-х гг. у башни Ашага-Куле (7). Судак: посад 2, гончарная мастерская, заполнение ямы с материалом второй половины XV в. (2); портовый район, жилищно-хозяйственная застройка генуэзского и раннеосманского времени (3, 4, 9—12; 18; 23); застройка между башнями Лукини ди Фьески ди Лаванья и Безымянной № 3, слой с материалом XIII—XV вв. (6, 13); башня Паскуале Джудичи, слой с материалом XV—XVIII вв. (14); территория крепости, застройка генуэзского времени у храма Девы Марии (16, 17, 19); подвѐмный материал (15, 21); посад, перемещѐнные отложения с материалом XIV—XVII вв. (24), по (Тесленко, Майко 2019b). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: заполнение въгребной ямы (8); двор № 1, слой пожара 1475 г. (25, 26); двор № 3, яма № 23 (20).

Fig. 127. Spanish tin-glazed wares: with lustre painting (1—11, 13); with cobalt painting (18, 23, 24); with cobalt and lustre painting (12, 14—17, 19—22); without traces of painting (25, 26). The second (1, 2, 5—8, 11—26) and the third (3, 4, 9, 10) chronological groups. Open and closed shapes vessels. Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning (1, 22); filling the drain in the fortress wall of the 1460s (5); Ashaga-Kule tower area, the layer with a coin of the 1420s—1430s (7). Sudak fortress: posad 2, pottery workshop, a pit with material of the second half of the 15th century (2); the harbor area, dwellings of the Genoese and early Ottoman times (3, 4, 9—12; 18; 23); buildings between the towers of Lucini di Fiesci di Lavanya and nameless 3, the layer with material of the 13th—15th centuries (6, 13); Pasquale Giudici tower, the layer with material of the 15th—18th centuries (14); Church of the Virgin Mary area, dwellings of the Genoese time (16, 17, 19); redeposited finds (15, 21); redeposited sediments with material of the 14th—17th centuries (24), after (Teslenko, Maiko 2019b). Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: filling the cesspool (8); the courtyard 1, the layer of fire of 1475 (25, 26); the courtyard 1, pit 23 (20).

Рис. 128. Испанская керамика с оловянной глазурью и росписью кобальтом. Вторая хронологическая группа, сосуды открытой формы. Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: заполнение выгребной ямы (1); нивелировочные подсыпки (4); двор № 2, слой пожара 1475 г. (5). Алуштинская крепость, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (2). Судак: портовый район, жилищно-хозяйственная застройка, нивелировочная засыпь под полом строений раннеосманского времени (3), по (Тесленко, Майко 2019b).

Fig. 128. Spanish tin-glazed wares with cobalt painting. The second chronological group. Open shapes vessels. Funa fortress, buildings of the third quarter of the 15th century: the cesspool (1); levelling layers (4); the courtyard 1, the layer of fire of 1475 (5). Alushta fortress, dwellings of the second half of the 14th—15th centuries: layers associated with their functioning and destruction (2). Sudak: the harbor area, dwellings, the levelling layer under the floor of buildings of the early Ottoman period (3), after (Teslenko, Maiko 2019b).

Рис. 129. Селадон (1—3), золотоордынский кашин (4—18) и ближневосточный псевдоселадон (19—21). Городище Мангуп, цитадель и княжеский дворец (1, 10—15, 20, 21), по (Герцен, Науменко 2005, рис. 19: 7; 2016b, с. 44—46, 49, рис. 17; 18; 21; 23; 24; 28; 29). Бахчисарай, дворец: заполнение хозяйственной ямы (2), по (Коваль, Волошинов 2005, рис. 1). Алуштинская крепость, башня Орта-Куле: зольник конца XV—XVI вв. (3). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: дворы № 1 и 3 выравнивающая подсыпка (4, 6, 7, 9, 16, 19); дворы № 1 и 2, яма № 7 в казарме, донжон, слой пожара 1475 г. (8, 17, 18, 5).

Fig. 129. Celadon (1—3), Golden Horde kashin (4—18) and Middle Eastern pseudo-celadon (19—21). Mangup, citadel and princely palace (1, 10—15, 20, 21), after (Herzen, Naumenko 2005, fig. 19: 7; 2016b, pp. 44—46, 49, fig. 17; 18; 21; 23; 24; 28; 29). Bakhchisaray, palace: a pit (2), after (Koval, Voloshinov 2005, fig. 1). Alushta fortress, Orta-Kule tower: rubbish dump of the end of the 15th—16th centuries (3). Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: the courtyards 1 and 3, levelling layers (4, 6, 7, 9, 16, 19); the courtyards 1 and 2, pit 7 in the barracks, donjon, the layer of fire of 1475 (8, 17, 18, 5).

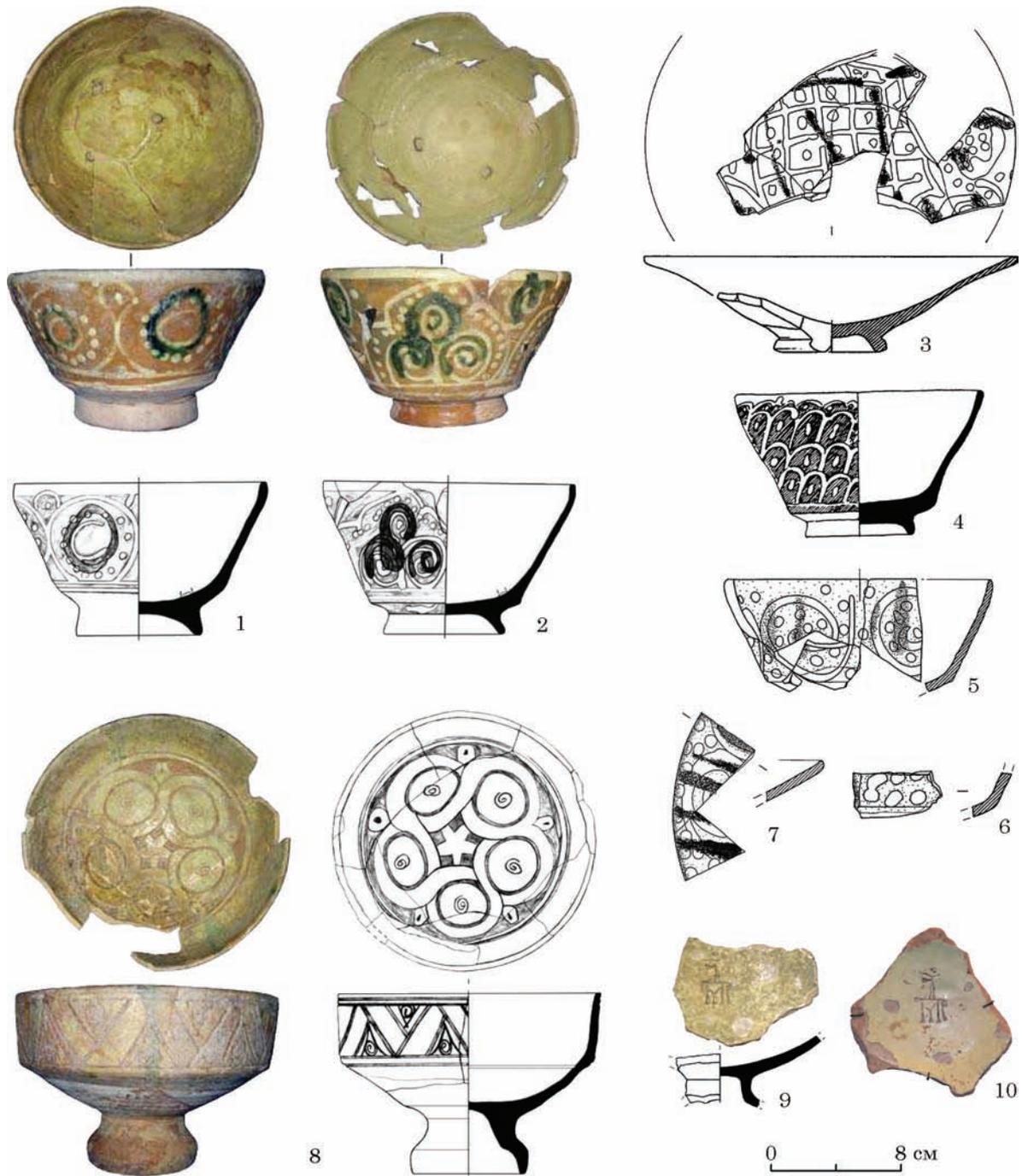

Рис. 130. Керамика киприотского (1—8) и византийского (9, 10) круга. Мангуп, княжеский дворец: яма № 29, заполнение (1, 2, 4, 8), яма № 34, заполнение (9, 10), по (Герцен, Науменко 2010, с. 411, 407, ил. 8; Мыц 1991а, рис. 44; Науменко, Душенко 2017, рис. 6: 2; 37: 1). Крепость Чембало, барбакан башни Барнабо Грилло, выравнивающие подсыпки (3, 5, 6, 7), по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 72: 61; 2005, рис. 102).

Fig. 130. Cypriot style (1—8) and Byzantine (9, 10) ceramics. Mangup, princely palace: the pit 29 (1, 2, 4, 8), the pit 34 (9, 10), after (Herzen, Naumenko 2010, p. 411, 407, ill. 8; Myts 1991a, fig. 44; Naumenko, Dushenko 2017, fig. 6: 2; 37: 1). Chembalo fortress, barbican of the Barnabo Grillo tower, levelling layers (3, 5, 6, 7), after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 72: 61; 2005, fig. 102).

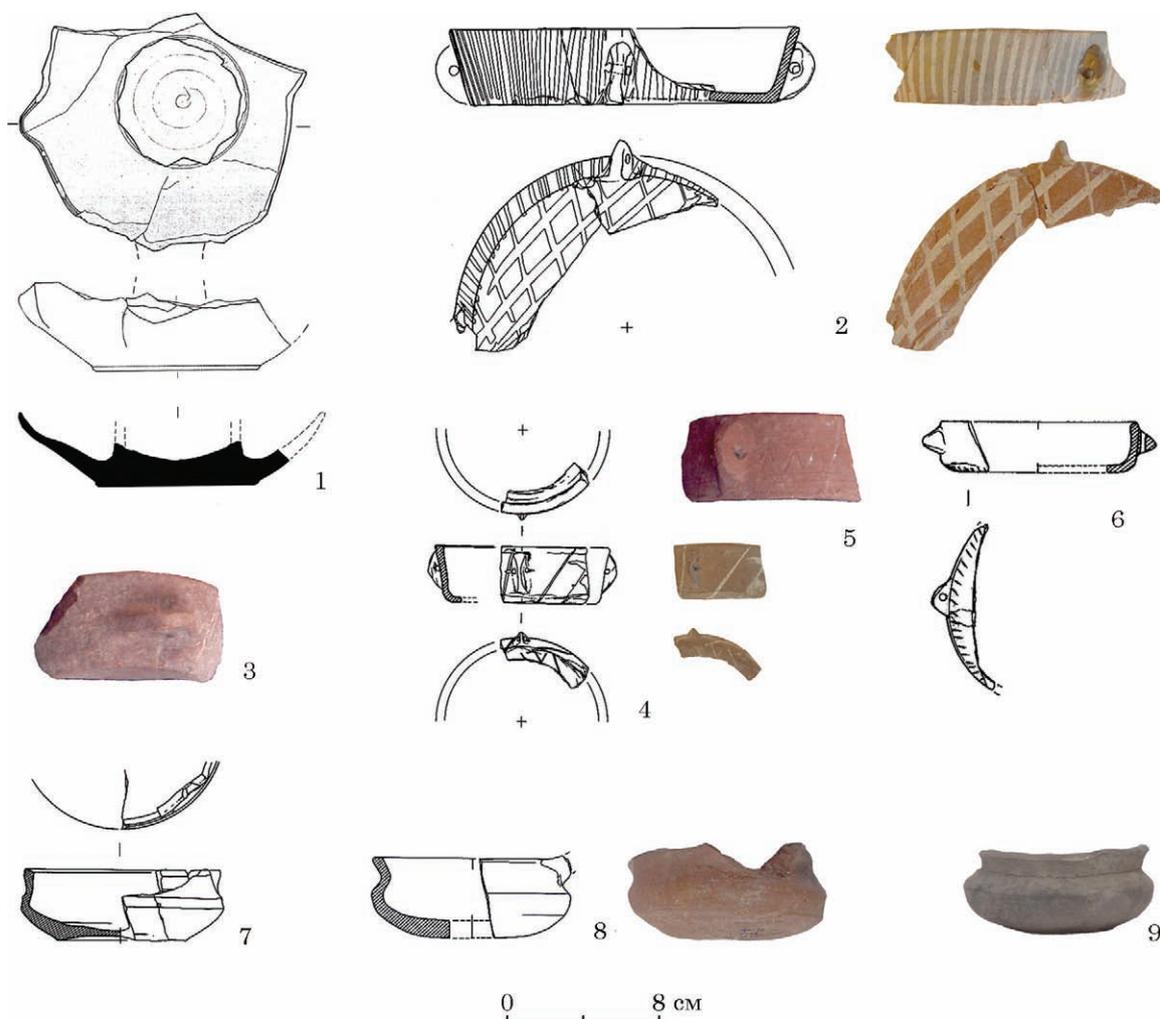

Рис. 131. Осветительные приборы группы ЮЗК: 1 — светильник-свечник; 2—6 — подвесные светильники; 7—9 — масляные светильники. Алуштинская крепость: район башни Ашага-Куле, отложения первой половины XV в. (1); слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов XIV—XV вв. (2, 8, 9); случайные находки (3, 5). С. Малый Маяк, храм с некрополем: подъемный материал (6). Г. Аю-Даг, храм с некрополем на северо-восточном склоне: слой № 11 (7).

Fig. 131. Lighting devices of the SWC group: 1 — candle-lamp; 2—6 — pendant lamps; 7—9 — oil lamps. Alushta fortress: the Ashaga-Kule tower area, deposits of the first half of the 15th century (1); layers associated with the functioning of dwellings of the 14th—15th centuries (2, 8, 9); redeposited finds (3, 5). Malyi Mayak village, a temple with a necropolis: redeposited find (6). Ayu-Dag mount, a temple with a necropolis on the northeastern slope: layer 11 (7).

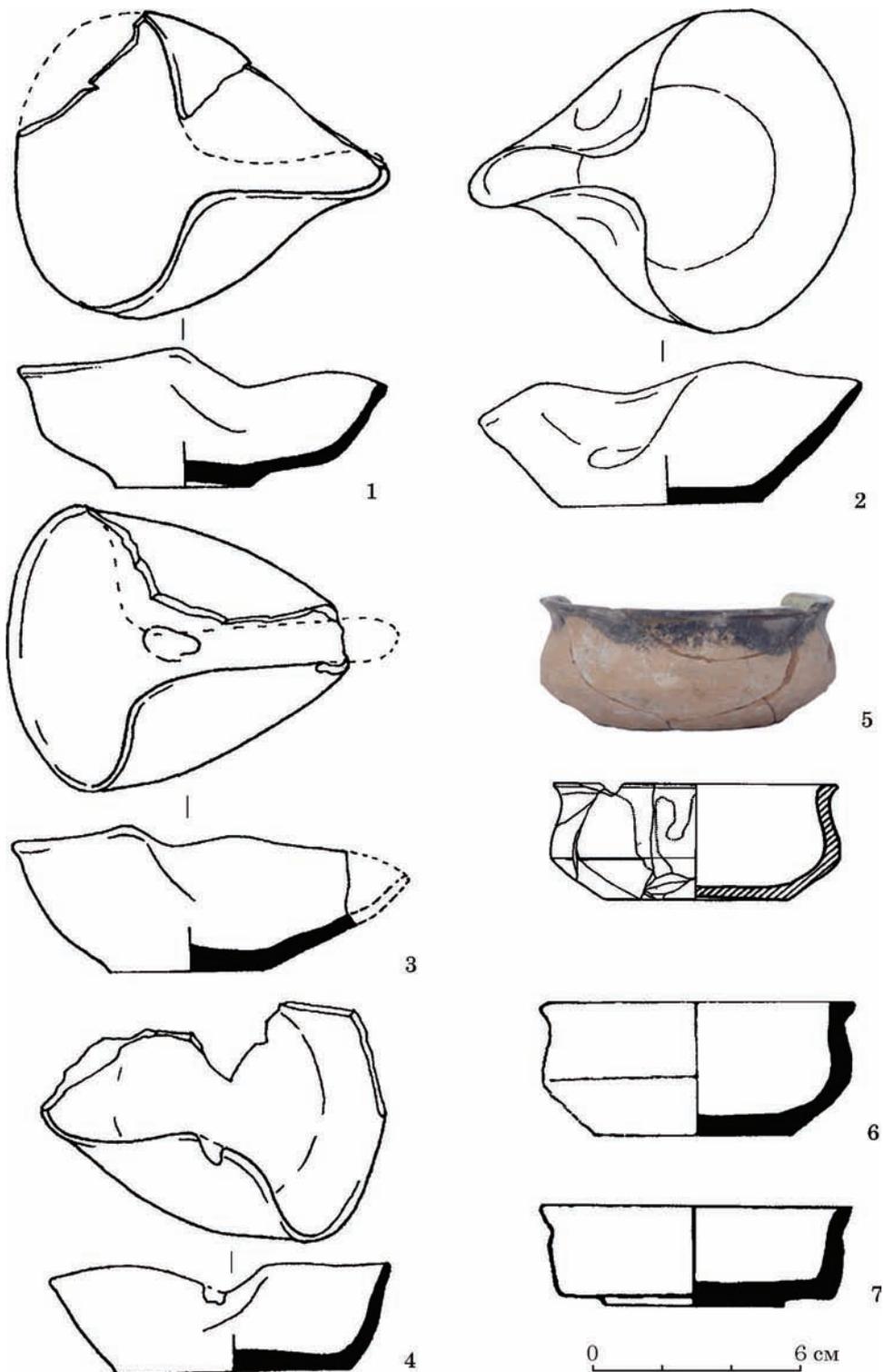

Рис. 132. Масляные светильники группы ЮБК: 1—4 — тип 1, с пальцевой деформацией венчика; 5—7 — тип 2, без пальцевой деформации венчика, варианты 2А (5, 6) и 2В (7). Городище Каффа, археологические комплексы XV в. (1—4, 6, 7), по (Айбабина, Бочаров 1997а, рис. 10: 10; 11: 4; 1998, рис. 4; 5). Крепость Фуна, застройка третьей четверти XV в.: слой пожара 1475 г. (5).

Fig. 132. Oil lamps of the SEC group: 1—4 — type 1, with finger deformation of the rim; 5—7 — type 2, without finger deformation of the rim, variants 2A (5, 6) and 2B (7). Caffa, archaeological complexes of the 15th century (1—4, 6, 7), after (Aibabina, Bocharov 1997a, fig. 10: 10; 11: 4; 1998, fig. 4; 5). Funa castle, buildings of the third quarter of the 15th century: the layer of fire of 1475 (5).

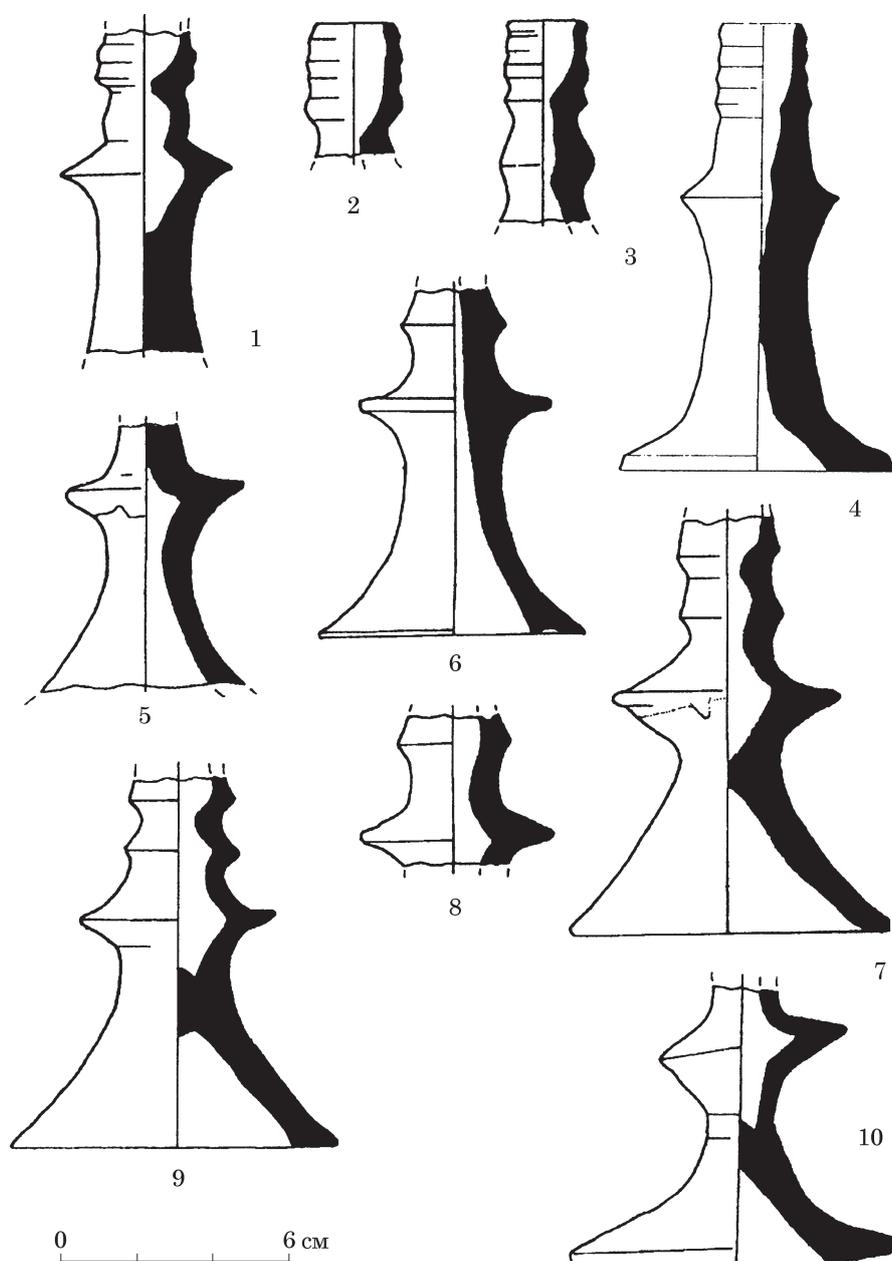

Рис. 133. Подсвечники группы ЮБК. Городище Каффа, археологические комплексы XV в., по (Айбабина, Бочаров 1998, рис. 2; 3).

Fig. 133. Candlesticks of the SEC group. Caffa, archaeological complexes of the 15th century, after (Aibabina, Bocharov 1998, fig. 2; 3).

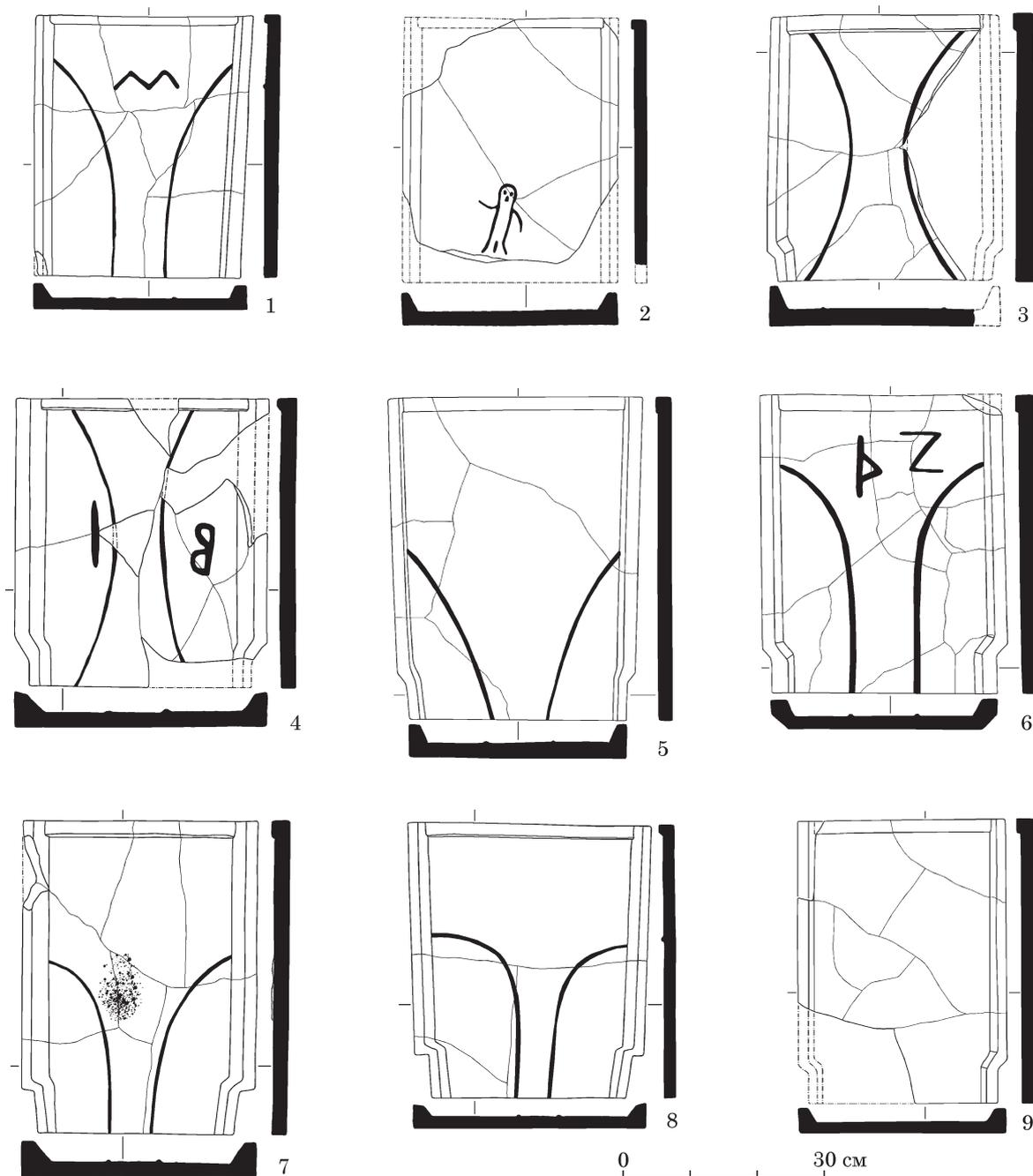

Рис. 134. Черепица из археологических комплексов XV в. Городище Мангуп, основные типы керамид из раскопок на цитадели: 1, 4, 7, 8 — раскоп IX, 1995 г., участок 1, слой 3; 2, 3, 5, 6, 9 — раскоп XI, 1997 г., слой 5.

Fig. 134. Roof tiles from the archaeological sites of the 15th century. Mangup, main types of ceramidas from excavations at the citadel: 1, 4, 7, 8 — area IX, 1995, loci 1, layer 3; 2, 3, 5, 6, 9 — area XI, 1997, layer 5.

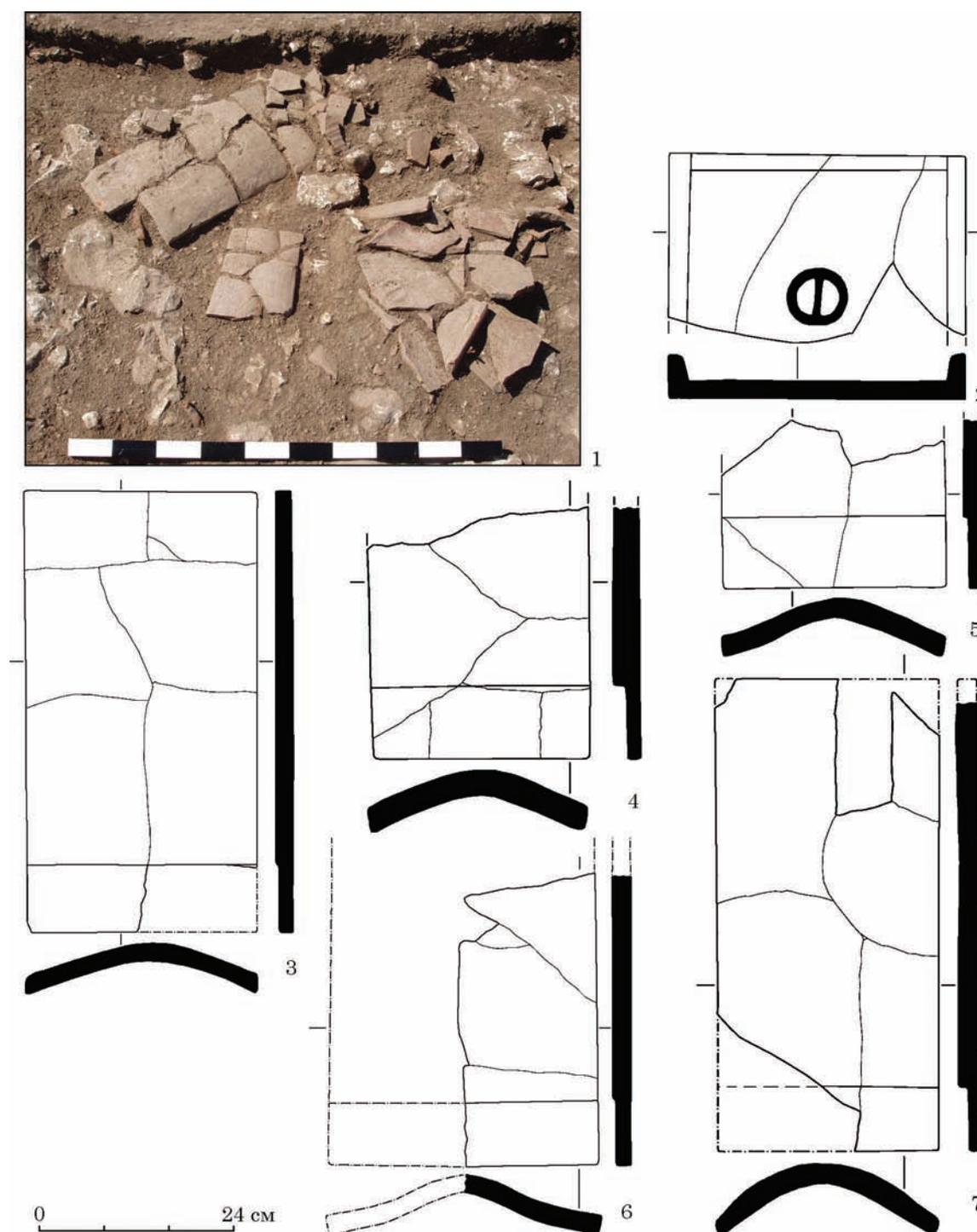

Рис. 135. Черепица из археологических комплексов XV в. Городище Мангуп, княжеский дворец, центральный участок, раскопки 2006 г.: слой 5, черепичный завал к востоку от помещения В. 1 — фото черепицы in situ; 2 — фрагмент керамики с меткой; 3—7 — калиптеры.

Fig. 135. Roof tiles from archaeological sites of the 15th century. Mangup, princely palace, central area, excavations 2006: layer 5, accumulation of roof tiles to the east from room B. 1 — tiles in situ, photo; 2 — a fragment of a roof tile with a mark; 3—7 — calipteras.

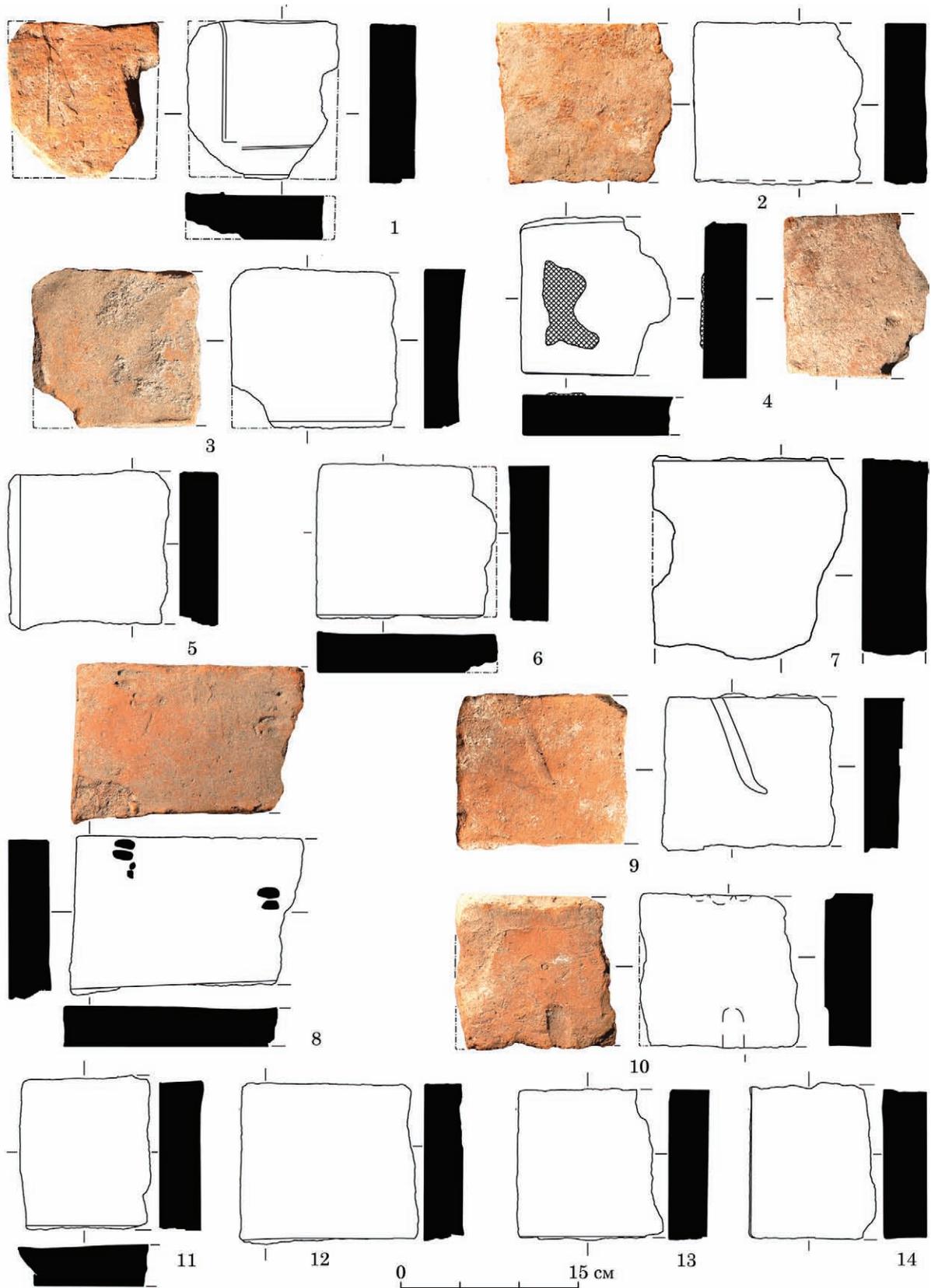

Рис. 136. Плинта из археологических комплексов XV в. Городище Мангуп, дворец, центральный участок, раскопки 2009 г., участок к востоку от помещения F: уровни полов, датированные около 1425—1450 гг. (слой 6) и 1450—1475 гг. (слой 7).

Fig. 136. Plinth from the archaeological sites of the 15th century. Mangup site, princely palace, central area, excavations 2009, loci to the east of room F: levels dated back around 1425—1450 (layer 6) and 1450—1475 (layer 7)

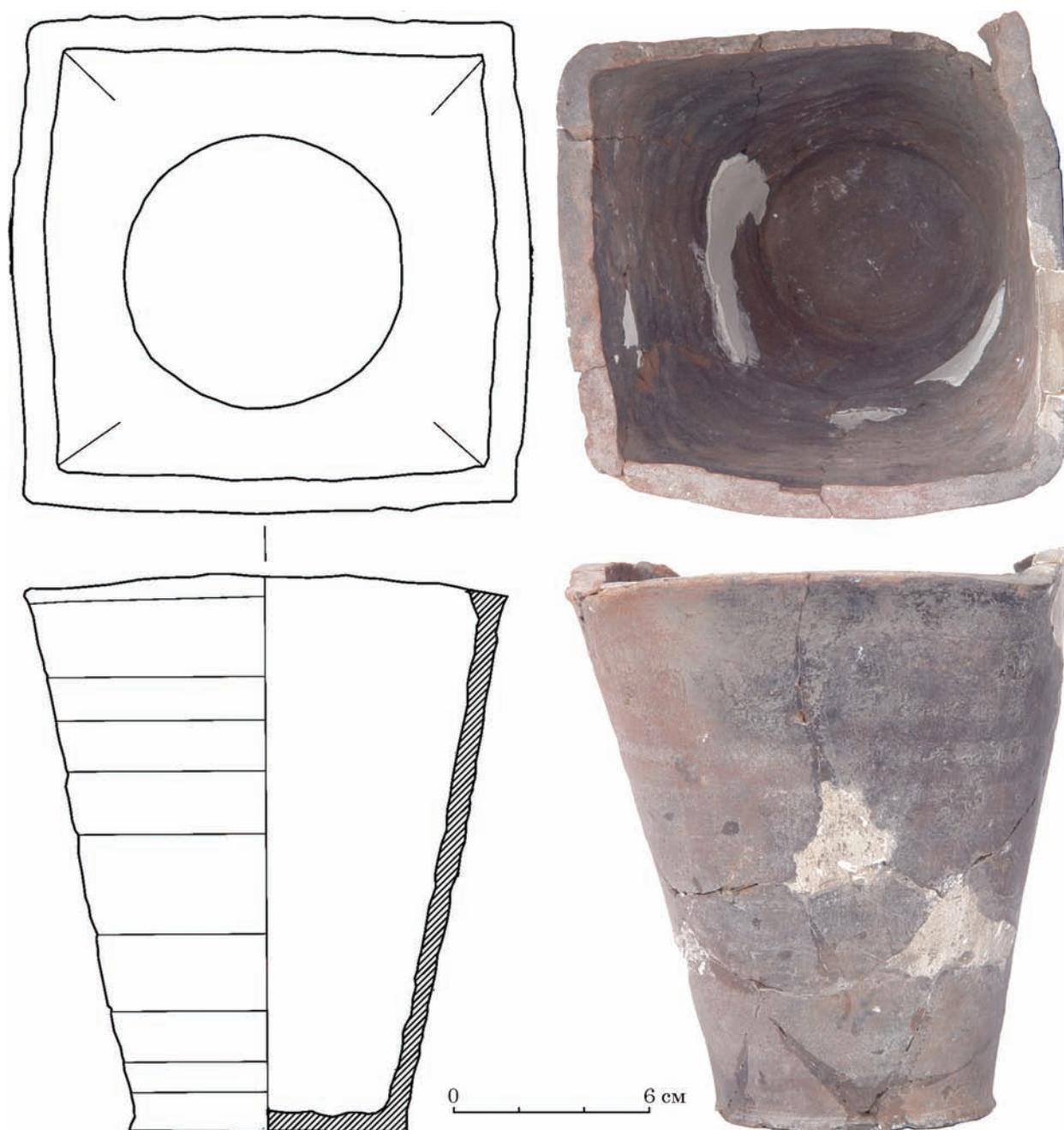

Рис. 137. Горшкообразный изразец группы ЮЗК. Крепость Фуна, башня донжон: слой пожара 1475 г.

Fig. 137. Pot-shaped tile of the SWC group. Funa fortress, donjon: the layer of fire of 1475.

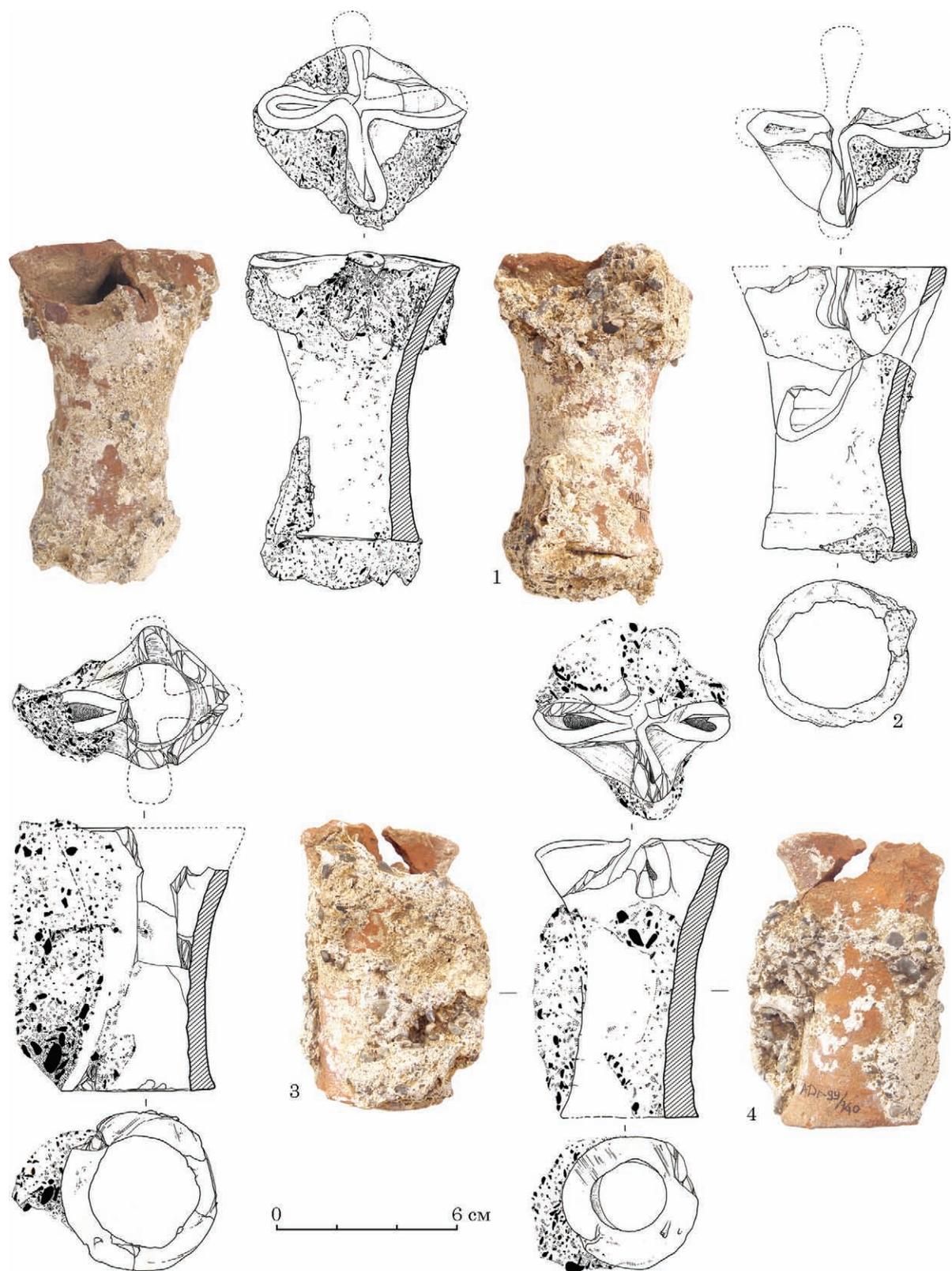

Рис. 138. Керамические элементы архитектурного декора, г. Аю-Даг, северо-восточный склон, храм на поляне Ай-Констант.

Fig. 138. Ceramic elements of architectural decor, Ayu-Dag mount, northeastern slope, a temple in the glade of Ay-Constant.

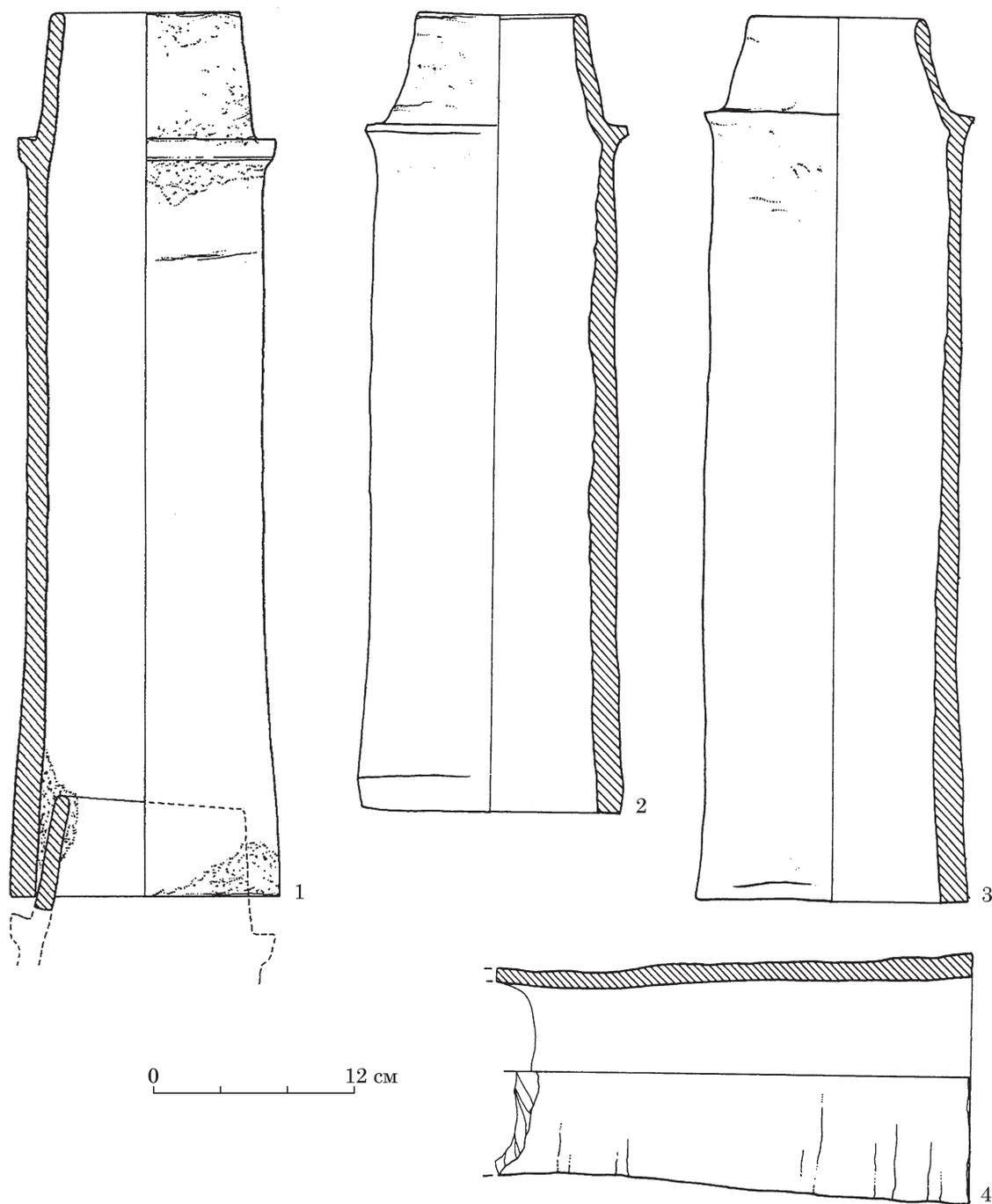

Рис. 139. Водопроводные трубы генуэзского (2—4) и османского (1) периодов. Крепость Чембало, по (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004, рис. 61; 2005, рис. 96).

Fig. 139. Water pipes of the Genoese (2—4) and Ottoman (1) periods. Chembalo fortress, after (Adaksina, Kirilko, Myts 2004, fig. 61; 2005, fig. 96).

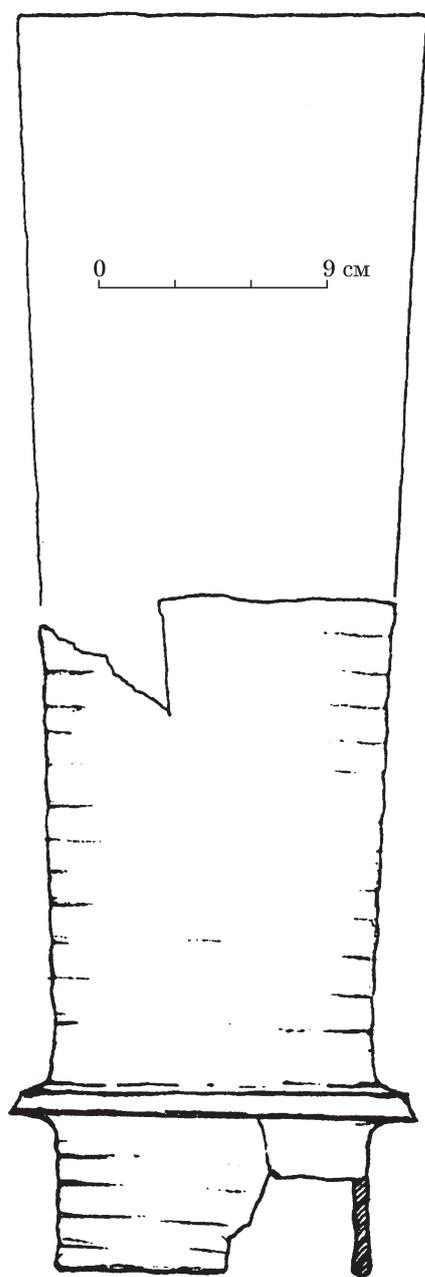

Рис. 140. Керамические трубы от дымохода. Замок Фуна, донжон, по (Кирилко 2005, рис. 168).

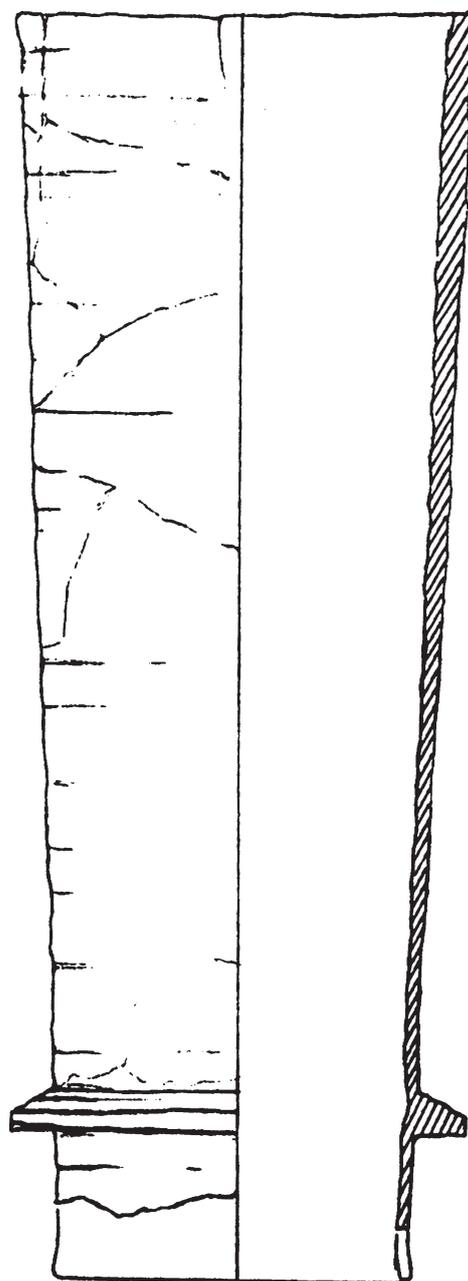

Fig. 140. Ceramic pipes from the chimney. Funa castle, donjon, after (Kirilko 2005, fig. 168).

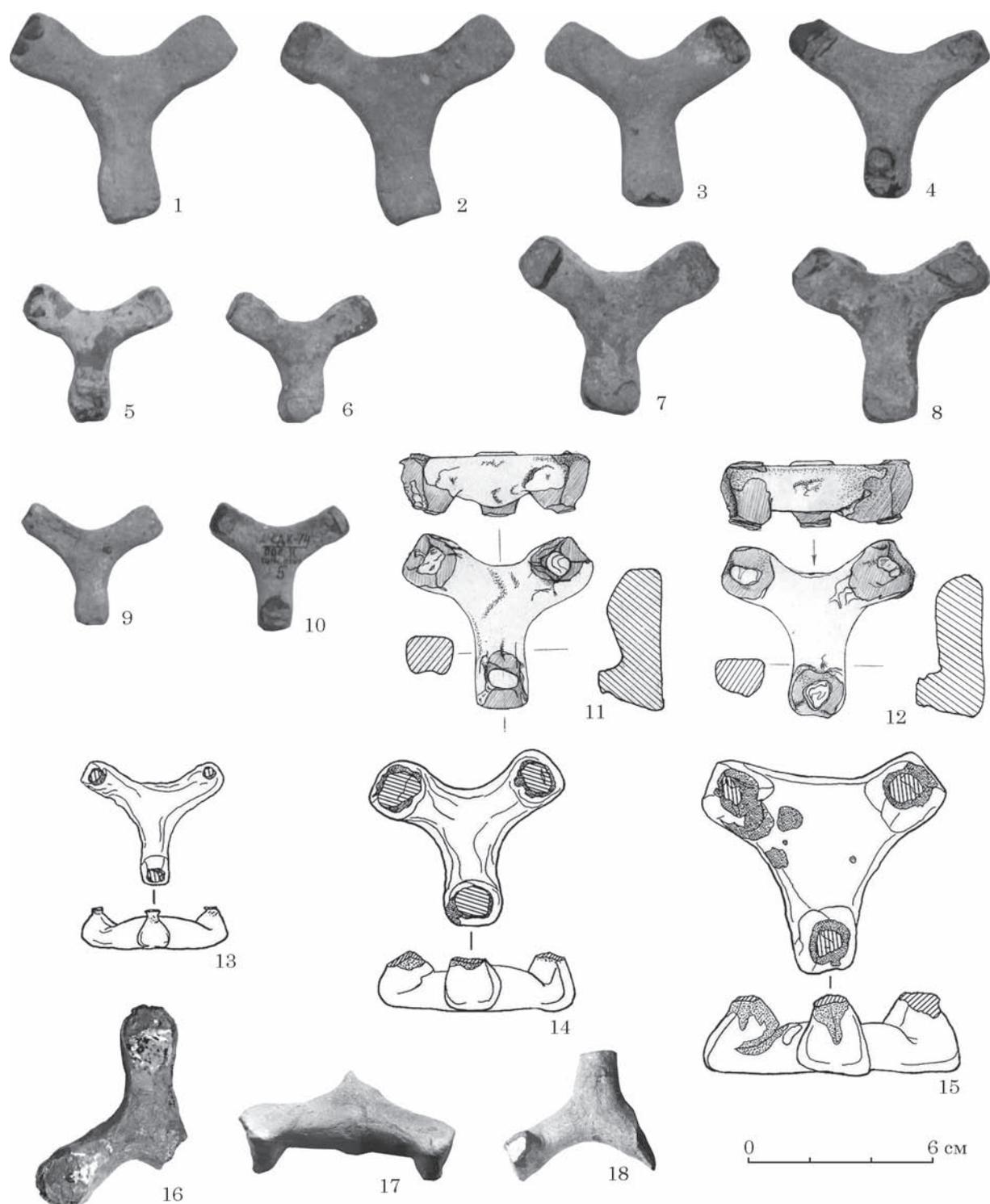

Рис. 141. Печной припас, использовавшийся в производстве поливной посуды на территории Крыма в XIV—XV вв.: 1—12 — Солдайя / Судак; 13—15 — Чембало / Балаклава; 16—18 — Каффа / Феодосия, по (Тесленко 2018а).

Fig. 141. Tripod stilts used in the glazed pottery manufacturing on the territory of Crimea in the 14th—15th centuries: 1—12 — Soldaya / Sudak; 13—15 — Chembalo / Balaklava; 16—18 — Caffa / Feodosia, after (Teslenko 2018a).

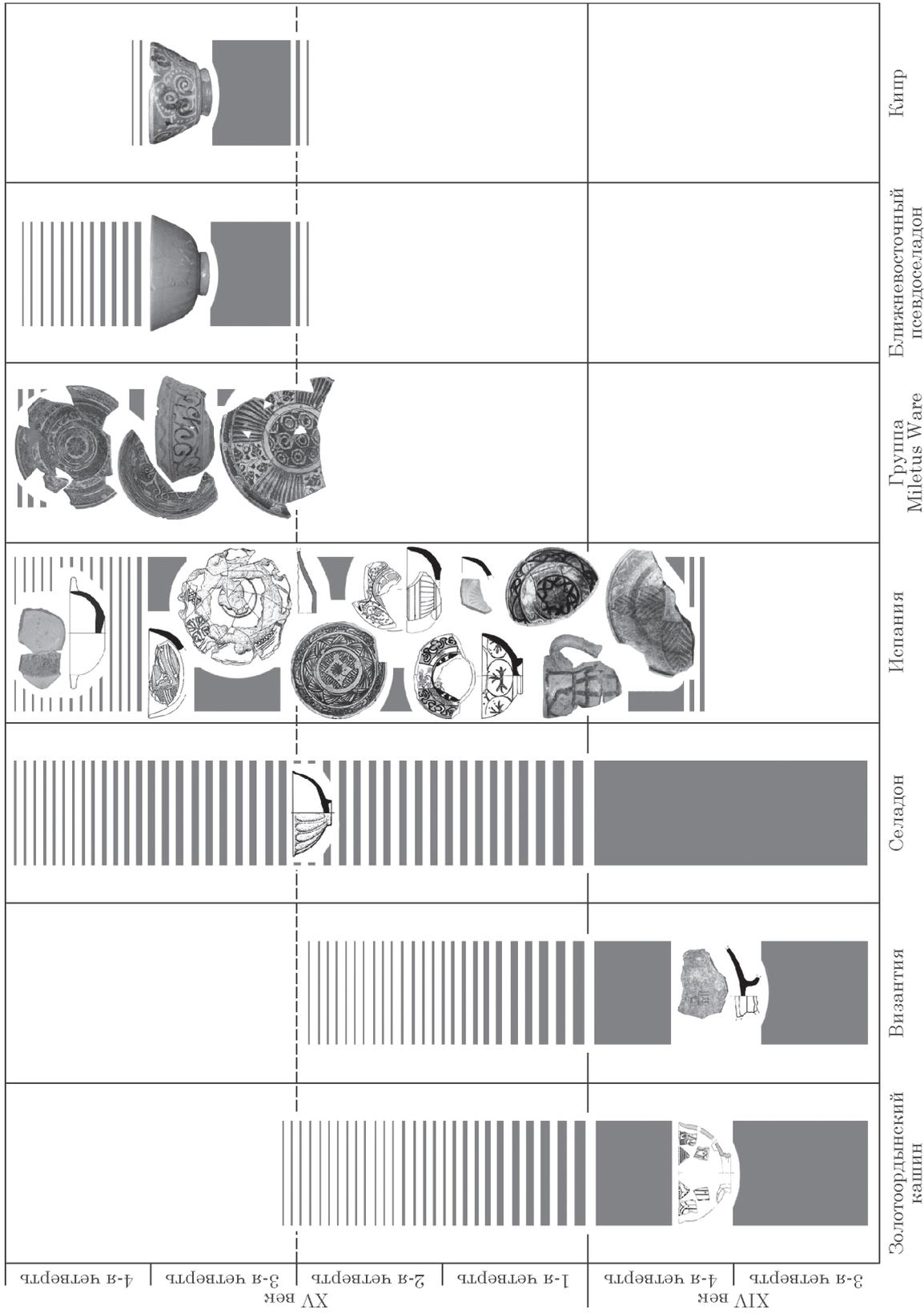

Рис. 144. Хронология групп импортной поливной керамики. Fig. 144. Chronology of imported glazed ceramics groups.

Рис. 145. Экспорт керамики крымского производства в XV в.: а — направления экспорта, схематическая карта; б, с — группы экспорта (б — ЮБК; с — ЮЗК). В основе — карта бассейна Черного моря с названиями населенных пунктов по генуэзским и венецианским документам середины XV в., по (Джанов 2019, рис. 6).

Fig. 145. Ceramics export from Crimean in the 15th century: a — directions of export, schematic map; b, c — exported groups of pottery (b — SEC; c — SWC). It is based on a map of the Black Sea basin with the names of sites according to Genoese and Venetian documents of the middle of the 15th century, after (Dzhanov 2019, fig. 6).

Рис. 146. Основные группы керамического импорта в Крым в XV в.: а — основные направления импорта поливной керамики, схематическая карта; б—г — группы импорта: б — Miletus Ware, западная Анатолия; с — керамика с оловянной глазурью, Испания; д — изделия киприотского круга, Кипр (?); е — селадон, Китай; ф — псевдоселадон, Сирия или Египет (?); г — группа горшков с рельсовидным венчиком, Малая Азия (?).

Fig. 146. Major groups of ceramic imports to Crimea in the 15th century: а — main directions of glazed ceramics imports, schematic map; б — г — imported groups: б — Miletus Ware, western Anatolia; с — ceramics with tin glaze, Spain; д — Cypriot style ceramics; е — celadon, China; ф — pseudo-celadon, Syria or Egypt (?); г — a group of pots with a rail-shaped rim, Asia Minor (?).

ЛИТЕРАТУРА

Абызова, Е. Н., Бырня, П. П., Нудельман, А. А. 1981. *Древности Старого Орхья (золотоордынский период)*. Кишинев: Штиинца.

Абызова, Е. Н. 1981. Кашинный сосуд из Старого Орхья. *Советская археология*, 2, с. 296—298.

Адаксина, С. Б. 1995. Сюжет на блюде из Алустана. *Эрмитажные чтения 1986—1994 годов*. Санкт-Петербург, с. 188—192.

Адаксина, С. Б. 1998. Изображения животных и птиц на средневековой керамике Крыма. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 5—7.

Адаксина, С. Б. 2002. *Монастырский комплекс X—XVI вв. на горе Аю-Даг*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П., Мыц, В. Л. 2003. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П., Мыц В. Л. 2004. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П., Мыц В. Л. 2005. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году*. Санкт-Петербург, Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П., Мыц, В. Л. 2006. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году*. Санкт-Петербург, Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л. 2007. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году*. Санкт-Петербург, Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л. 2008. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году*. Санкт-Петербург, Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л., Смекалова, Т. Н. 1991. *Пифосы средневекового Алустана*. Научный архив КФ ИА НАН Украины, рукописный фонд, № 280.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л., Ушаков, С. В. 2010. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008—2009 годах*. Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л., Ушаков, С. В. 2011. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 году*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л., Ушаков, С. В. 2012. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л., Ушаков, С. В. 2014. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012—2013 гг.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л. 2015а. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л. 2015б. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345—1475 гг.). *Таврические студии. Исторические науки*, 7, с. 12—18.

Адаксина, С. Б., Мыц, В. Л. 2016. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости*

- Чембало (г. Балаклава) в 2015 г. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Адаксина, С. Б., Алексеенко, Н. А., Гинькут, Н. В., Мыц, В. Л. 2018. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г.* Санкт-Петербург; Севастополь: Государственный Эрмитаж.
- Айбабин, А. И. 2003. Города и степи Крыма в XIII—XIV вв. по археологическим свидетельствам. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, X, с. 277—306.
- Айбабин, А. И. 2014а. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен. *Античная древность и средние века*, 42, с. 215—227.
- Айбабин, А. И. 2014б. Поливная керамика из слоёв разрушения на плато Эски-Кермен. В: *Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов.* Севастополь, с. 8—11.
- Айбабин, А. И. 2014с. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIX, с. 240—277.
- Айбабин, А. И. 2018. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIII, с. 278—305.
- Айбабин, А. И., Хайрединова, Э. А. 2019. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIV, с. 250—276.
- Айбабин, А. И., Хайрединова, Э. А. 2020. Город на плато Эски-Кермен в XIV в. В: *Херсонес Фемата. Империя и полис. Материалы XII научной конференции (Севастополь — Балаклава 25—29 мая, 2020 г.)*. Севастополь, с. 25—30.
- Айбабина, Е. А. 1988. Оборонительные сооружения Каффы. В: Бииков, С. Н. (ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 67—81.
- Айбабина, Е. А. 1991а. Кашинная керамика из Каффы. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, II, с. 92—96.
- Айбабина, Е. А. 1991б. Двухапсидный храм близ крепости Фуна. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 194—205.
- Айбабина, Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.
- Айбабина, Е. А. 2005. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 229—246.
- Айбабина, Е. А., Бочаров, С. Г. 1994. Работы Феодосийской экспедиции. *Археологические исследования в Крыму 1993 года*, с. 17—21.
- Айбабина, Е. А., Бочаров, С. Г. 1997а. Раскопки в Феодосии. *Археологические исследования в Крыму 1994 года*, с. 16—18.
- Айбабина, Е. А., Бочаров, С. Г. 1997б. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы. *Византийский временник*, 57, с. 211—233.
- Айбабина, Е. А., Бочаров, С. Г. 1998. Керамические подсвечники и светильники XV—XVIII вв. из Кафы. *Херсонесский сборник*, IX, с. 195—208.
- Айбабина, Е. А., Бочаров, С. Г. 2002. Греческие православные церкви средневековой Каффы. В: Юрочкин, В. Ю. (ред.). *Православные древности Таврики: сборник материалов по церковной археологии*. Киев: Стилос, с. 159—168.
- Акаба, Л. Х. 1955. Абхазы очамчирского района. В: Косвен, М. О. (ред.). *Кавказский этнографический сборник*. Москва: АН СССР, с. 49—112.
- Акунова, Л. Ф. Крапивин, В. А. 1984. *Технология производства и декорирования художественных керамических изделий*. Москва: Высшая школа.
- Алексеенко, Н. А. 1996. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии. *Херсонесский сборник*, VII, с. 187—191.
- Алексеенко, Н. А. 1999. Находки монет на территории гетуэзской крепости Чембало. *Херсонесский сборник*, X, с. 371—378.
- Алексеенко, Н. А., Гинькут, Н. В., Дьячков, С. В., Столяренко, Е. Н. 2015. Археологической экспедиции Чембало 15 лет. В: Посохов, С. И., Сорочан, С. Б. (ред.). *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы*. Харьков: НТМТ, с. 150—162.
- Алядинова, Д. Ю. 2012. Неглазурованная керамика поднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008—2010 гг. *Археологический альманах*, 28: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака, с. 247—257.
- Алядинова, Д. Ю. 2015. Керамика османского периода из раскопок Партенита. *Археологический альманах*, 33: Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной, с. 451—481.
- Алядинова, Д. Ю., Тесленко, И. Б. 2015. Некоторые древности османского периода из селения Алушта. В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Terra Alustiana MMXI, сборник научных трудов по материалам X научной конференции посвященной 110-летию города Алушты и 1460-летию со времени основания крепости*. Симферополь: Антиква, с. 157—199.
- Алядинова, Д. Ю., Тесленко, И. Б., Майко, В. В. 2015. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.). *Археологический альманах*, 33: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной, с. 482—511.
- Алядинова, Д., Тесленко, И. 2019. Турецкий напівфаянс та італійська майоліка із османського Партеніту. *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*, 28, с. 472—480.
- Альбаум, Л. И. 1969. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI веках. *Афрасиаб*, 1, с. 34—51.
- Антонова, И. А., Даниленко, В. Н., Ивашута, Л. П., Кадеев, В. И., Романчук, А. И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса. *Античная древность и средние века*, 7, с. 81—101.
- Аракелен, Б. И., Караханян, Г. О. 1962. *Гарни. Результаты раскопок 1949—1956 гг. (средние века)*. Археологические раскопки в Армении, 10. Ереван: АН Армянской ССР.
- Армарчук, Е. А., Дмитриев, А. В. 2017. Поливная посуда XIII—XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдинов, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 499—512.
- Артеменко, Е. Д. 2006. Італійська колонія Воспоро (XII—XV ст.). *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини*, 3 (I): До 180-річчя Керченського музею старожитностей, с. 73—80.
- Артеменко, Е. Д., Желтикова, А. Л. 2014. Гончарные светильники и подсвечники XIV—XVIII вв. из фондов Керченского заповедника. *Научный сборник Керченского заповедника*, IV, с. 144—174.
- Архаров, И. 1969. К истории керамического производства на городище Афрасиаб. *Афрасиаб*, 1, с. 52—68.

- Бабенчиков, В. П. 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. В: Домбровский, О. И. (ред.). *История и археология средневекового Крыма*. Москва: АН СССР, с. 88—146.
- Баранов, И. А. 1971. Археологическая разведка на территории Суйренского укрепления в Крыму. *Археологічні пам'ятки України 1968*, 3, с. 88—92.
- Баранов, И. А. 1988. Главные ворота средневековой Солдаи. В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 81—97.
- Баранов, И. А. 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 101—121.
- Баранов, И. А. 1998. Поливная керамика XIV в. из Судака. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 21—24.
- Баранов, И. А. 2004. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости. В: Куковальская, Н. М. (ред.). *Судейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, с. 524—559.
- Баранов, И. А., Майко, В. В. 1998. Комплекс поливной керамики XIV в. из раскопок храма Девы Марии в Судее. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 24—28.
- Баранов, И. А., Тур, В. Г. 1997. Средневековый монастырь на г. Перчем. *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*, с. 46—50.
- Баранов, И. А., Майко, В. В. 2001. Комплекс амфор XIII—XIV вв. из Судеи. В: Паршина, О. О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Стилос, с. 198—201.
- Баранов, И. А., Тур, В. Г. 1997. Средневековый монастырь на г. Перчем. *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*, с. 46—50.
- Барсамов, Н. С. 1929. Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 года. *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*, III (60), с. 165—169.
- Белинский, И. В., Масловский, А. Н. 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995—1997 гг.*, 15, с. 179—252.
- Белинский, И. В., Масловский, А. Н. 2005. Импортная поливная керамика Азака. В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 160—177.
- Белинский, И. В., Масловский, А. Н. 2007. Три закрытых комплекса из раскопок средневекового Азака. В: Гугуев, Ю. К. (ред.). *Средневековые древности Дона*. II. Москва; Иерусалим: Гешарим, с. 325—344.
- Бельй, А. В., Волошинов, А. А., Карлов, С. В. 2005. Поливная керамика золотоордынского времени из района Ески-Юрта. В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 183—189.
- Беляева, С. А., Филалко, Е. Е. 2008. Аккерманская керамика сграффито (по материалам раскопок 2004 г.). *Российская археология*, 2, с. 62—70.
- Бертъе-Делагард, В. П. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*, 57, с. 1—134.
- Близнюк, С. В. 2007. Дипломатические отношения Кипра и Генуи 1375—1480 гг. по данным генуэзских юридических документов: ASG, *Diversorum Communis Janue. Византийский временник*, 66 (91), с. 208—222.
- Бобринский, А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Богданова, Н. М. 1991. Херсонес в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. *Причерноморье в средние века*, 1, с. 8—172.
- Богуславский, Г. С. 2002. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996—1998 гг.). В: Roman, P., Kryzickij, S. (eds.). *Tyras — Cetatea Albă / Belhorod-Dnistros'kyj. I: Săpături 1996—1999*. Bucurest, с. 265—268, табл. 1.
- Боданинский, У. А. 1935. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. *Известия Государственной академии истории материальной культуры*, 117, с. 81—87.
- Бочаров, С. Г. 1997. Бронзолитейная мастерская XV в. в Каффе. В: *V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. (Київ, 22—24 квітня 1997 р.)*. Наукові матеріали. Київ: КДУ, с. 283—285.
- Бочаров, С. Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.). *Причерноморье в средние века*, 3, с. 82—166.
- Бочаров, С. Г. 1999. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы. *Stratum plus*, 6, с. 130—136.
- Бочаров, С. Г. 2000. *Историческая топография Каффы, конец XIII — 1774 г. Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения*: Автореферат канд. ист. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Бочаров, С. Г. 2001. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Керченский полуостров). В: Иваненко, П. И. (ред.). *175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции*. Керчь: Рэг-Тайм, с. 157—161.
- Бочаров, С. Г. 2005. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 306—323.
- Бочаров, С. Г. 2007. Рубеж XIII—XIV вв., по материалам керамического комплекса Посидима (Коктебель). В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: Международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 12—17.
- Бочаров, С. Г. 2009. Предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учан-Су. В: Бочаров, С. Г., Кожокару, В. М. (ред.). *Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье*. Симферополь: Таврия, с. 108—143.
- Бочаров, С. Г. 2011. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Кампанья Каффы). В: Васильев, Д. В., Зеленев, Ю. А., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова*. Казань: Институт истории АН РТ, с. 137—145.
- Бочаров, С. Г. 2015а. Генуэзский замок Калиера. В: Бочаров, С. Г., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum plus, с. 47—98.
- Бочаров, С. Г. 2015b. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356—1382 гг. *Stratum plus*, 6, с. 303—315.

- Бочаров, С. Г. 2015с. Средневековое селение Посидима (Коктебель, Крым). *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*, 3, с. 123—126.
- Бочаров, С. Г. 2016а. Историческая география Генуэзской Газарии 1275—1475 гг. В: Бочаров, С. Г., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова*. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum plus, с. 263—268.
- Бочаров, С. Г. 2016b. Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII — первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики). *Stratum plus*, 5, с. 125—131.
- Бочаров, С. Г. 2017а. Поселение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII—XIV вв.). В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 409—446.
- Бочаров, С. Г. 2017b. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове. *Поволжская археология*, 4, с. 81—98.
- Бочаров, С. Г. 2018. Нововыявленное селение XIII—XV вв. Керченского полуострова (предварительное сообщение по материалам исследований 2018 г.). *Поволжская археология*, 4 (26), с. 71—83.
- Бочаров, С. Г., Коваль, В. Ю., Масловский, А. Н., Ситдииков, А. Г., Френкель, Я. В. 2013. Использование естественнонаучных методов в изучении средневековой поливной керамики (на примере средневековой посуды Юго-Восточного Крыма). В: Тишкин, А. А. (ред.). *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. Барнаул: Алтайский университет, с. 50—53.
- Бочаров, С. Г., Масловский, А. Н. 2012. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII — конец XIV вв.). *Поволжская археология*, 1, с. 20—36.
- Бочаров, С. Г., Масловский, А. Н. 2015. Наиболее массовые типы поливных импортов Крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. *Поволжская археология*, 4, с. 189—201.
- Бочаров, С. Г., Масловский, А. Н. 2016. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда). *Археология евразийских степей*, 23: Материалы первого Маджарского археологического форума (Пятигорск — Буденовск 2012), с. 20—42.
- Бочкарев, В. С. (ред.). *Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник*. Москва: Наука, 1990.
- Булатов, Н. М. 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. *Советская археология*, 4, с. 95—109.
- Булгаков, В. В. 2005. Глазури северопричерноморской поливной керамики XIII—XV вв. (Предварительные результаты). В: Бочаров, С. Г., Мьц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* 1. Киев: Стилос, с. 359—378.
- Бураков, А. В. 1991. Поливный посуд з городища Дніпровське 2. *Археологія*, 4, с. 105—109.
- Бутягин, А. М., Виноградов, Ю. А., Чистов, Д. Е. 2000. Раскопки городища Мирмекий в 1999 г. В: *Отчётная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1999 год. Тезисы докладов*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 23—25.
- Бутягин, А. М. 2004. Пять лет работ Мирмекийской экспедиции. *Боспорские чтения*, V: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы, с. 48—53.
- Бутягин, А. М., Виноградов, Ю. А. 2006. История и археология древнего Мирмекия. В: *Мирмекий в свете новых археологических исследований: кат. выст.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 4—51.
- Вахонеев, В. В. 2007. Средневековая крепость Пондико в Восточном Крыму. *Просемінарій. Медієвістика, історія церкви, науки та культури*, 6, с. 5—22.
- Веймарн, Е. В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана. *Археологічні пам'ятки України*, 13, с. 5—17.
- Веймарн, Е. В. 1968. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. В: Домбровский, О. И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 45—82.
- Виноградов, Ю. А., Джанов, А. В. 2004. Греческие надписи Сугдеи. *Сугдейский сборник*, 1, с. 402—424.
- Виноградов, Ю. А. 2010. Городище Мирмекий. В: Тункина, И. В. (сост., ред.). *Дюбрюкс II. Собрание сочинений: в 2 т.* 1: Тексты. Санкт-Петербург: Коло, с. 445—453.
- Виноградов, Ю. А. 2006. Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований. *Боспорские исследования*, 13, с. 16—30.
- Виноградська, Л. І. 1998. До історії розвитку калюярства в Україні у XIV—XVII вв. В: Моця, О. П. (ред.). *Історія Русі-України: історико-археологічний збірник*. Київ: ІА НАН України, с. 265—272.
- Винокуров, Н. И. 1999. *Виноделие античного Боспора*. Москва (б. и.), 192 с.
- Волков, И. В. 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака. В: Федоров-Давыдов, Г. А. (ред.). *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках*. Ростов-на-Дону: РГУ, с. 85—100.
- Волков, И. В. 1992а. *Керамика Азова XIV—XVIII вв. (классификация и датировка)*: Автореферат канд. ист. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Волков, И. В. 1992b. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор. *Донские древности*, 1, с. 143—157.
- Волков, И. В. 1993. Ещё раз о керамике с росписью кобальтом из Белгорода-Днестровского. В: Охотников, С. Б. (ред.). *Древности Причерноморья. Краткие сообщения Одесского Археологического общества*. Одесса, с. 119—121.
- Волков, И. В. 2001. Трапезундские керамические клейма из Азова. В: Паршина, О. О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Стилос, с. 202—215.
- Волков, И. В. 2002. Гончары и историограф. *Рубикон: сборник научных работ молодых ученых*, 15, с. 106—134.
- Волков, И. В. 2003. Поселения Приазовья в XII—XIII веках. В: Макаров, Н. А., Чернепов, А. В. (ред.). *Русь в XIII в.: Древности темного времени*. Москва: Наука, с. 108—130.
- Волков, И. В. 2004. Химическая посуда в золотоордынских городах. В: *125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования*. 1. Казань: Казанский государственный университет, с. 137—160.
- Волков, И. В. 2005а. Поливная керамика комплекса Кабарди. В: Бочаров, С. Г., Мьц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* 1. Киев: Стилос, с. 122—159.
- Волков, И. В. 2005b. Крепость Лютик — Сед-Ислам. В: Бочаров, С. Г., Мьц, В. Л. (ред.). *Поливная*

керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. I. Киев: Стилос, с. 482—492.

Волков, И. В. 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.*, 21, с. 473—497.

Волков, И. В. 2007а. Поливная керамика Маджара. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 33—42.

Волков, И. В. 2007б. Поливная керамика могильника Чёрный Ерик 1. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 26—32.

Волков, И. В. 2016. Керамика золотоордынского города Маджара. *Археология евразийских степей*, 23: Материалы первого Маджарского археологического форума (Пятигорск — Буденовск 2012), с. 139—222.

Волков, И. В., Губайдуллин, А. М. 2012. Редкие группы керамического импорта в Болгарах. *Поволжская археология*, 1, с. 190—203.

Воронин, Ю. С., Даниленко, В. Н., Кутайсов, В. А., Михайловский, Е. В., Мыц, В. Л., Петрова, Э. Б. 1979. Работы в Бахчисарайском районе. *Археологические открытия 1978 г.*, с. 313—315.

Воронин, Ю. С., Майко, В. В., Кутайсов, В. А. 2014. Археологические раскопки Сюйренского укрепления 1978—1979 гг. Раскоп I. *История и археология Крыма*, I, с. 458—479.

Гаврилов, А. В., Майко, В. В. 2014. *Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым)*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Гайдукевич, В. Ф. 1952. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 25, с. 135—220.

Галенко, А. 2005. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. I*. Киев: Стилос, с. 493—506.

Генинг, В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. *Советская археология*, 1, с. 114—135.

Геопоники... 1960. *Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в.* (пер. и ком. Е. Э. Лишниц). Москва; Ленинград: Наука.

Георгиева, С. 1974. Керамика от дворца на Царевец. В: Чахърова, М. (ред.). *Царевград Търнов: Дворецът на българските царе през Втората българска държава*. 2: Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани. София: БАН, с. 7—186.

Герцен, А. Г. 2017. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXII, с. 12—45.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. I*. Киев: Стилос, с. 257—287.

Герцен, А. Г., Землякова, А. Ю., Науменко, В. Е., Смокотина, А. В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XII, с. 371—494.

Герцен, А. Г., Землякова, А. Ю., Науменко, В. Е., Смокотина, А. В. 2007. Археологические исследо-

вания в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI—XVIII вв.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIII, с. 233—298.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2009. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XV, с. 389—431.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2010. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища. *Труды Государственного Эрмитажа*, LI: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906—1984), с. 387—419.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2015. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст. *Боспорские чтения*, XVI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум, с. 88—100.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е., Душенко, А. А., Корзюк, Д. В., Лавров, В. В., Смекалова, Т. Н., Шведчикова, Т. Ю., Чудин, А. В. 2015. Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского городища и его округи (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.). *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*, т. 1 (67), № 2, с. 3—28.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2016а. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму. *Золотоордынская цивилизация*, 9, с. 247—258.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2016б. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины — второй половины XIV в. (обзор археологических источников). В: Сейдалиев, Э. И. (ред.). *Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи, каталог выставки*. Симферополь: Тарпан, с. 36—49.

Герцен, А. Г., Науменко, В. Е., Душенко, А. А. 2018. Княжеский дворец мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006—2017 гг. (предварительное сообщение). В: Алексеенко, Н. А. (ред.). *Херсонсо Фегата: империя и полис. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь — Балаклава 28 мая — 1 июня 2018 г.) Материалы научной конференции*. Севастополь; Симферополь, с. 53—58.

Гинькут, Н. В. 2001. Поливная керамика XIV—XV вв. из раскопок «Консульской церкви» Чембало. В: Бабинов, Ю. А. (ред.). *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: сборник научных трудов*. Севастополь: Вебер, с. 53—60.

Гинькут, Н. В. 2005а. Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики. In: Solomon, F. (ed.). *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași: Trinitas, с. 495—512.

Гинькут, Н. В. 2005б. Изображение птиц на поливной керамике крепости Чембало: техника, декор, символика. В: Бабинов, Ю. А. (ред.). *Символ в религии и философии*. Севастополь: Арефьев, с. 19—36.

Гинькут, Н. В. 2005с. Поливная керамика византийского круга из раскопок «Консульской церкви» генуэзской крепости Чембало. *Херсонесский сборник*, XIV, 99—120.

- Гинькут, Н. В. 2011а. Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало. *Херсонесский сборник*, XVI, с. 57—64.
- Гинькут, Н. В. 2011б. Изображения и монограммы святых на керамике Херсона и Чембало в поздне-византийский период. В: *Херсонес — город святого Климента. VI Международная конференция по церковной археологии (Севастополь, 12—18 сентября 2011 г.). Тезисы докладов и сообщений*. Севастополь: Арефьев, с. 13—14.
- Гинькут, Н. В. 2012а. Монограммы на поливной посуде местного производства из раскопок крепости Чембало и близлежащей округи. В: *IV Международный Византийский Семинар Херсонес Океана: империя и полис (Севастополь 31.05. — 05.06.2012). Тезисы докладов и сообщений*. Севастополь: Арефьев, с. 14—15.
- Гинькут, Н. В. 2012б. Группа поливных кувшинов и чаш XIV в. с элементами христианской символики из раскопок византийского Херсона и генуэзской крепости Чембало. В: *XIV Международная конференция по религиоведению. «Человек в мире религиозных представлений» (Херсонес, 27—31.05.12)*. Севастополь: Арефьев, с. 22—23.
- Гинькут, Н. В. 2013. Византийская поливная керамика Чембало (Крым). В: Степаненко, В. П., Юрченко, А. Г. (ред.). *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского*. Москва: Марджани, с. 441—459.
- Гинькут, Н. В. 2014а. Производство поливной керамики в крепости Чембало во второй половине XIV — середине XV вв. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIX, с. 311—344.
- Гинькут, Н. В. 2014б. Редкая группа поливных чаш XIV — начала XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало. В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов*. Севастополь, с. 36—40.
- Гинькут, Н. В. 2014с. Византийская поливная керамика и её имитации из раскопок генуэзской крепости Чембало. В: *VI Византийский семинар Херсонес Океана: империя и полис (Севастополь, 2—6 июня 2014 г.). Тезисы докладов и сообщений*. Севастополь: Арефьев, с. 20—21.
- Гинькут, Н. В. 2015. Поливные сосуды для питья XIV—XV столетий из раскопок крепости Чембало. В: *VII Международный Византийский семинар Херсонес Океана: империя и полис (Севастополь, 1—5 июня 2015 г.). Материалы научной конференции*. Севастополь: Арефьев, с. 39.
- Гинькут, Н. В. 2016. Поливная лостровая керамика Испании из раскопок генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: *Херсонес Океана: империя и полис. Материалы научной конференции. VIII-й Международный Византийский Семинар (Севастополь — Херсонес 30.05 — 04.06.2016)*. Севастополь, с. 39—41.
- Гинькут, Н. В. 2017. Поливная керамика с изображением человека из раскопок генуэзской крепости Чембало. В: *Херсонес Океана: империя и полис. Материалы научной конференции. IX Международный Византийский семинар*. Севастополь, с. 44—47.
- Гинькут, Н. В. 2019. Итальянская поливная керамика генуэзского и османского времени с территории консульства Чембало. *Античная древность и средние века*, 47, с. 170—194.
- Гинькут, Н. В. 2020. Византийские поливные сосуды XIV в. с монограммами из раскопок Херсона и крепости Чембало. *Античная древность и средние века*, 48, с. 225—253.
- Гинькут, Н. В., Колесник, Е. В. 2019. Ближневосточная керамика с голубой поливой из раскопок Г. Д. Белова на северном берегу Херсонесского городища. В: Васильев, Д. А. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. 2. Москва: Пробел 2000, с. 6—10.
- Гинькут, Н., Яшаева, Т. 2014. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К. Э. Гриневича в балке Бермана. В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов*. Севастополь, с. 40—43.
- Голофаст, Л. А. 2008. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIV, с. 345—384.
- Голофаст, Л. А. 2009. Градостроительный облик Херсона в XIII веке. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XV, с. 275—377.
- Голофаст, Л. А., Мاستыкова, А. В. 2018. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIII, с. 359—395.
- Голофаст, Л. А., Рыжов, С. Н. 2003. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, X, с. 182—260.
- Голофаст, Л. А., Романчук, А. И., Рыжов, С. Н. 1991. *Византийский Херсон: Каталог выставки*. Москва: Наука.
- Гончаров, Е. Ю. 2011. «Стремявидная» тамга — тамга Берке? (Джендский вклад в нумизматику Крыма). *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методик*, 18: Актуальні проблеми нумизматики у системі спеціальних галузей історичної науки, с. 58—65.
- Гордеев, А. Ю. 2014. *Топонимия побережья Черно-го и Азовского морей на картах-портоланах XIV—XVII веков*. Киев: Academia.edu.
- Громенко, С. В. 2015. Тимур, Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность. *Золотоордынское обозрение*, 3, с. 43—51.
- Гудименко, И. В. 2005. Китайский фарфор и глазурованная китайская керамика из раскопок золотоордынского Азака. В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 178—182.
- Гукин, В. Д., Джанов, А. В. 2013. Новые находки керамики византийского круга из раскопок портовой части средневековой Сугдеи в 2010—2011 годах. *Труды Государственного Эрмитажа*, 69: Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906—1984), с. 30—39.
- Гусач, И. Р. 2006. Керамика с росписью в стиле «Милет» из турецкого Азака. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.*, 22, с. 300—320.
- Даниленко, В. Н. 1991. Из истории прикладного искусства средневекового Херсона. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 46—64.
- Даниленко, В. Н. 1996. Белоглиняная поливная керамика Херсонеса. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, V, с. 135—145.
- Даниленко, В. Н., Романчук, А. И. 1969. Поливная керамика Мангупа. *Античная древность и средние века*, 6, с. 116—138.

- Дергачева, Л. В., Зеленко, С. М. 2008. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет. *Сугдейский сборник*, III, с. 425—439.
- Джанов, А. В. 1998. Гончарные печи XIV—XV вв. на посаде Сугдеи. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 82—89.
- Джанов, А. В. 2006. Судакская крепость. Двести лет исследований. В: Кулаковская, Н. М., Плешков, В. Н. (ред.). *Е. Ч. Скржинская. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика*. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика, с. 322—358.
- Джанов, А. В., Якушечкин, А. В. 2018. Новые данные к биографии Хаджи-Гирея. В: Скрынникова, Т. Д., Султанов, Т. И., Зайцев, И. В. *Тюркологический сборник 2015—2016: Тюркский мир Евразии*. Москва: Восточная литература, с. 57—100.
- Джанов, О. 2019а. Кафа — місто на кордоні «Імперії Татар». *Наш Крим*, IV, с. 82—131.
- Джанов, А. В. 2019b. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454—1456 гг. (по данным книг массарии Каффы). *Сугдейский збірник*, 2 (VIII), с. 70—373.
- Джанов, О. 2020. Фрагмент бухгалтерської книги казначейства Кафи 1472—1473 pp. з кодексу ASG, San Giorgio, Sala 34, 590, № 1228. *Ucrainica Mediaevalia*, 2/3, с. 281—312.
- Диатроптов, П. Д. 1999. Пифосы городища Беляус с граффити. *Археологія*, 1, с. 177—183.
- Дмитриев, А. В. 1982. Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей. В: *Конференция по археологии Северного Кавказа, XII Крупновские чтения: тезисы докладов*. Москва, с. 73—74.
- Дмитриенко, В. Н., Масловский, А. Н. 2006. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.*, 22, с. 231—257.
- Довженок, В. Й. 1961. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя. *Археологічні пам'ятки України*, X, с. 184—187.
- Домбровский, О. И. 1968а. Средневековые памятники Бойки. В: Домбровский, О. И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 83—96.
- Домбровский, О. И. 1968b. Средневековый храм в Массандре. *Археологические исследования на Украине в 1967 г.*, с. 70—74.
- Домбровский, О. И. 1974. Средневековые поселения и «Исарь» Крымского Южного бережья. В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 5—56.
- Дьячков, С. В. 2004. Консульская церковь крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: Мьщ В. Л. (ред.). «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: *Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена)*. Киев: Стило, с. 246—255.
- Дьячков, С. В. 2005. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000—2005 гг. *Древности — 2005*, с. 212—227.
- Егоров, В. Л., Пигарев, Е. М. 2017. Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды — Сарае. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 717—724.
- Ельников, М. В. 2017. Строительная кашинная керамика городища Конские Воды. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 363—386.
- Ельников, М. В., Тихомолова, И. Р. 2017. Тисненая керамика городища Большие Кучугуры. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 353—362.
- Завадская, И. А. 2008. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003—2005 гг.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIV, с. 291—315.
- Завадская, И. А. 2010. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров юго-западного Крыма. *Труды Государственного Эрмитажа*, 53, с. 254.
- Завадская, И. А. 2015. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XX, с. 213—232.
- Завадская, И. А. 2016. Проблемы и перспективы в изучении черепицы византийского Крыма. В: *Хероново Оеята: империя и полис. Материалы VIII научной конференции (Севастополь — Балаклава 30 мая — 4 июня 2016 г.)*. Севастополь, с. 44—47.
- Завадская, И. А. 2017. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXII, с. 158—184.
- Завадская, И. А. 2019а. Строительная керамика как хроноиндикатор (по материалам раскопок средневекового квартала на городище Эски-Кермена). В: Хайрединова, Э. А. (ред.). *Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина*. Симферополь: Антиква, с. 49—52.
- Завадская, И. А. 2019b. Предварительные итоги и перспективы изучения кровельного материала средневекового жилого квартала на Эски-Кермене. *Боспорские чтения*, XX: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции, с. 201—215.
- Завадская, И. А., Голофаст, Л. А. 2018. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIII, с. 305—358.
- Завадская, И. А., Кулькова, М. А., Смекалова, Т. Н. 2020. Предварительные результаты петрографического исследования средневековой черепицы из Эски-Кермена и Ильки 2. В: *Хероново Оеята: империя и полис. Материалы VIII научной конференции (Севастополь — Балаклава 25—29 мая 2020 г.)*. Севастополь: Колорит, с. 113—115.
- Зажигина, Л. Ю. 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея. *Историко-археологический альманах*, 2, с. 117—119.
- Залесская, В. Н. (сост.) 1985. *Византийская белоглиняная расписная керамика IX—XII вв.* Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Ленинград.
- Залесская, В. Н. 1993. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье. *Преслав*, 4, с. 368—376.
- Залесская, В. Н. 2011. *Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX—XV веков*. Каталог коллекции. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Залесская, В. Н. 2014. Византийская поливная керамика в литургическом контексте. В: *Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как*

источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов, Севастополь, 5—8 сентября 2014 г. Севастополь, с. 47—50.

Залеская, В. Н., Калашник, Ю. П. 1992. XX квартал Херсонеса по данным археологии и вещественных памятников. *Археология*, 3, с. 69—82.

Залеская, В. Н., Крамаровский, М. Г. 1990. *Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII—XIV веков*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Зеест, И. Б., Якобсон, А. Л. 1965. Раскопки в Керчи в 1963 г. *Краткие сообщения Института археологии*, 104, с. 62—69.

Зеленко, С. М. 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997—1999 гг. *Vita Antiqua*, 2, с. 223—234.

Зеленко, С. М. 2008. *Подводная археология Крыма*. Киев: Стилос.

Зеленко, С., Тимошенко, М. 2011. Торговые отношения между Анатолийским регионом и Таврикой в Поздневизантийский период. *Археология і давня історія України*, 6, с. 121—126.

Зеленко, С., Морозова, Я. 2012. Редкие товары и тарная керамика в морской торговле 13 века в бассейне Черного моря. В: Гендлек, Л., Кшизовский, Т., Михальский, М. (ред.). *Regiones euxinum spectantes. Культурные, этнические и религиозные отношения на протяжении веков*. Krakow: Uniwersytet Papieski Jana Pawła II, с. 187—202.

Зеленко, С. М., Морозова, Я. И., Тимошенко, М. Е. 2015. Клейма на амфорах с кораблекрушения XIII в. возле Судака (Крым). *Археологический альманах*, 33: Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной, с. 427—476.

Зеленко, С. М., Тесленко, И. Б., Ваксман, С. Й. 2012. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (морфологическая типология и лабораторные исследования). В: Гладких, М. И. (ред.). *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття)*. Київ: Чальцев, с. 129—148.

Зенюк, И. Д., Масловский, А. Н. 2018. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в г. Азове. *Поволжская археология*, 2 (24), с. 204—221.

Зильманович, И. Д., Крамаровский, М. Г. 1992. Солхат — Крым: Ремесленная мастерская на объекте XII. В: *Отчётная археологическая сессия. Краткие тезисы докладов. Июнь 1992 года*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 7—8.

Золотарев, М. И., Коробков, Д. Ю., Ушаков, С. В. 1998. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса. *Херсонесский сборник*, IX, с. 182—194.

Золотая... 2005. *Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Славия.

Золотая... 2019. *Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки*. Москва: Фонд Марджани.

Иванина, О. А. 1999. Византийское блюдо из Керчи. *Археология и история Боспора*, III, с. 213—218.

Иванов, А. В., Савеля, О. Я., Филиппенко, А. А. 1998. Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 108—112.

Ивашуга, Л. П. 1975. Неполиванная керамика поздневизантийского Херсона (по материалам раскопок портового квартала). *Античная древность и средние века*, 11, с. 15—21.

Каменецкий, И. С. 1993. *Городища донских меот-тов: вопросы датировки*. Москва: Авто.

Карашевич, И. В. 2010. Середньовічні матеріали із розкопок Білгород-Дністровської експедиції 1946—1947, 1949—1950 рр. *Археологія і давня історія України*, 3, с. 129—135.

Кверфельдт, Э. Д. 1947. *Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Кирилко, В. П. 1995. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое в 1995 г.* Научный архив КФ ИА НАН Украины, спр. 445, п. 795.

Кирилко, В. П. 2005а. *Крепостной ансамбль Фуны 1423—1475 гг.* Киев: Стилос.

Кирилко, В. П. 2005b. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 349—358.

Кирилко, В. П. 2007. Фунская супница. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 53—56.

Кирилко, В. П. 2014. Крепостные сооружения средневековой Алушты. *Stratum plus*, 6, с. 177—234.

Кирилко, В. П. 2019. Каменная летопись Каламиты-Инкермана. *Stratum plus*, 6, с. 263—294.

Кирилко, В. П. 2020. Храм Алуштинского могильника. В: Майко, В. В., Яшаева, Т. Ю. (ред.). *Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «Святовладимирские чтения»*. Севастополь: Телескоп, с. 70—87.

Кирилко, В. П., Мыц, В. Л. 2004. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992—1993 гг.). В: Мыц, В. Л. (ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена)*. Киев: Стилос, с. 205—245.

Коваль, В. Ю. 1997а. Испанская люстровая керамика в Москве. *Российская археология*, 1, с. 169—175.

Коваль, В. Ю. 1997b. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Ч. I. Фаянсы и полуфаянсы. *Российская археология*, 2, с. 104—122.

Коваль, В. Ю. 1997с. *Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX—XVIII вв.)*: Автореферат канд. истор. наук. Москва.

Коваль, В. Ю. 1997d. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии. *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*, 2, с. 207—212.

Коваль, В. Ю. 1998. Средневековая керамика Испании и Италии в Восточной Европе. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 124—127.

Коваль, В. Ю. 2002а. Керамика Восточного Крыма в средневековой Руси. В: *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: материалы научной конференции (Судак, 16—22 сентября 2002 г.)*. Киев; Судак: Академперіодика, с. 127—128.

Коваль, В. Ю. 2002b. Заметки о керамическом импорте средневековой Сугдеи. В: *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: материалы научной конференции (Судак, 16—22 сентября 2002 г.)*. Киев; Судак: Академперіодика, с. 129—131.

- Коваль, В. Ю. 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X—XIII вв.). Макаров, Н. А., Чернецов, А. В. (ред.). *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. Москва: Наука, с. 340—360.
- Коваль, В. Ю. 2005а. Византийские амфоры в Юго-Западной Руси. *Краткие сообщения Института археологии*, 218, с. 85—97.
- Коваль, В. Ю. 2005b. Кашинная керамика в Золотой Орде. *Российская археология*, 2, с. 75—86.
- Коваль, В. Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси IX—XVII вв.* Москва: Наука.
- Коваль, В. Ю. 2014. О новейшем «открытии» византийских глазурованных кувшинов в Италии второй половины XIII века. В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов*. Севастополь, с. 60—62.
- Коваль, В. Ю. 2016. Испанская керамика в средневековом Болгаре. *Поволжская археология*, 4 (18), с. 99—124.
- Коваль, В. Ю. 2017а. Глазури причерноморских средневековых посудных майолик: химический состав по данным спектрального анализа. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 725—738.
- Коваль, В. Ю. 2017b. Импортная глазурованная керамика Московского Кремля. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 739—763.
- Коваль, В. Ю. 2017с. Привозились ли в Европу корейские селадоны? В: Коваль, В. Ю. (ред.). *От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю. Ю. Моргунова*. Москва: ИА РАН, с. 93—100.
- Коваль, В. Ю. 2019а. Археологические раскопки поселения Чокрак-Найман 1. В: Внуков, С. Ю., Шаров, О. В. (ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг.* 2. Москва: ИА РАН, с. 87—93.
- Коваль, В. Ю. 2019b. Импортная амфорная тара. *Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского*, 3, с. 204—215.
- Коваль, В. Ю., Волопинов, А. А. 2005. Псевдоселадон из Бахчисарая. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 457—461.
- Когонашвили, К. К., Махнёва, О. А. 1974. Средневековая Фуна. В: С. Н. Бибииков (ред.). *Феодалная Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 111—123.
- Когонашвили, К. К., Махнёва, О. А. 1971. *Алустон и Фуна*. Симферополь: Крым.
- Козлов, А. Ф., Майко, В. В., Полканов, Ю. А., Шуттов, Ю. И. 2003. Кырк-Ерский клад близ южных ворот городища Джугфт (Чуфут)-Кале. *Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр.*, с. 120—123.
- Козырь, И. А., Боровик, Т. Д. 2017. Поливная керамика Торговицкого археологического комплекса периода Золотой Орды. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII вв.* 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 335—352.
- Колпаков, Е. М. 1991. *Теория археологической классификации*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Кондараки, В. Х. 1875. *Универсальное описание Крыма*. 5. Санкт-Петербург: Типография В. Веллинга.
- Косцюшко-Валюжиничъ, К. К. 1901. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическомъ въ 1899 году (съ 1 табл. и 55 рис.). *История и археология Крыма*, 1, с. 1—55.
- Косцюшко-Валюжиничъ, К. К. 1902. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическомъ въ 1900 году (съ 3 табл. и 40 рис.). *История и археология Крыма*, 2, с. 1—39.
- Кравченко, А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре*. Киев: Наукова думка.
- Кравченко, А. А. 1991. Импортная поливная керамика XIII—XIV вв. из Каффы. В: Ванчугов, В. П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, с. 111—120.
- Кравченко, Э. Е. 2005. Средневековая поливная керамика Среднего Подонцовья. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 415—430.
- Крамаровский, М. Г. 1980. Клад серебряныхъ платежныхъ слитковъ из Старого Крыма и золотоордынские сумы. *Сообщения Государственного Эрмитажа*, XLV, с. 68—72.
- Крамаровский, М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: Смирнова, Г. И. (ред.). *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 141—157.
- Крамаровский, М. Г. 1991а. Гончарные печи Солхата. К итогам полевого сезона 1990 г. В: *Отчётная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1990 год. Краткие тезисы докладов научной конференции*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 19—23.
- Крамаровский, М. Г. 1991b. Чаша со сценой пира из Солхата. В: Микляев, А. М. (ред.). *Древние памятники культуры на территории СССР*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 69—91.
- Крамаровский, М. Г. 1994. Исследование средневекового Солхата. *Археологические исследования в Крыму 1993 г.*, с. 163—166.
- Крамаровский, М. Г. 1996. Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья. В: *Византия и византийские традиции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 96—116.
- Крамаровский, М. Г. 1997. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы). *Татарская археология*, 1, с. 105—110.
- Крамаровский, М. Г. 2000. Византийская и сельджукская керамика с орнаментом сграффито с темой вина и веселья кон. XII — первой пол. XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии). *Античная древность и средние века*, 31, с. 233—250.
- Крамаровский, М. Г. 2003. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, X, с. 506—532.
- Крамаровский, М. Г. 2009. Редкая сельджукская (?) лампа XII — начала XIII в. из пригорода Солхата. *Античная древность и средние века*, 39: К 60-летию доктора исторических наук, профессора В. П. Степаненко, с. 301—313.
- Крамаровский, М. Г. 2012. *Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Крамаровский, М. 2016а. Крым и Рум в XIII—XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата). *Золотоордынское обозрение*, 1, с. 55—88.
- Крамаровский, М. 2016b. Вода в средневековом Солхате. В: Сейдалиев, Э. И. (ред.). *Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды:*

- наследие исчезнувшей империи, каталог выставки. Симферополь: Тарпан, с. 107—114.
- Крамаровский, М. 2019. Рах Mongolica и чингисидская глобализация. В: *Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки*. Москва: Фонд Марджани, с. 15—57.
- Крамаровский, М. Г., Зильманович, И. Д. 1993. Работы на городище средневекового Солхата в Крыму в 1992 году. В: *Отчётная археологическая сессия [за 1992 г.]. Май 1993 г. Тезисы докладов*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 21—22.
- Крамаровский, М. Г., Зильманович, И. Д., Хаврин, С. Л., Френкель, Я. В. 1997. Работы Золотоордынской (старокрымской) археологической экспедиции. *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*, с. 157—159.
- Крамаровский, М. Г., Гукин, В. Д. 2002. *Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований)*. *Материалы Старокрымской археологической экспедиции*. I: Раскопки в Старом Крыму в 1998—2000 гг. Санкт-Петербург.
- Крамаровский, М. Г., Гукин, В. Д. 2003. Работы золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в сельской округе Солхата (исследование памятника Бокаташ II в 2002 г.). В: *Отчётная археологическая сессия за 2002 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 44—49.
- Крамаровский, М. Г., Гукин, В. Д. 2004. *Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001—2003 гг.)*. *Материалы Старокрымской археологической экспедиции*. II. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Крамаровский, М. Г., Гукин, В. Д. 2006. *Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.)*. *Материалы Старокрымской археологической экспедиции*. III. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Крамаровский, М. Г., Гукин, В. Д. 2007. *Отчёт об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 г.*. *Материалы Старокрымской археологической экспедиции*. IV. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Крамаровский, М. Г., Науменко, В. Е., Сейдалиев, Э. И. 2014. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.). В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.)*. Тезисы докладов. Севастополь, с. 64—69.
- Кубе, А. Н. 1926. Глиняные черепки, найденные на южном берегу Крыма в имении Ласпи. *Сообщения Государственной академии истории материальной культуры*, 1, с. 246—257.
- Кубе, А. Н. 1940. *Испано-мавританская керамика*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кубе, А. Н. 1923. *История фаянса*. Берлин: Государственное издательство РСФСР.
- Кубанкин, Д. А., Масловский, А. Н. 2013. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения). *Поволжская археология*, 3, с. 130—155.
- Кубанкин, Д. А., Калашникова, А. Л., Локис, А. В., Шелепов, Д. А. 2018. К вопросу о технологии производства кашинной посуды и специфики её изготовления на Селитренном городище. *Археология евразийских степей*, 4, с. 93—97.
- Кузнецова, О. В. 2015. Поливная керамика Сарайчика. Бочаров, С. Г., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Крымская Газария и Золотая Орда*. Кишнев: Stratum plus, с. 167—179.
- Кузьменко, В. М. 1913. *Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма*. Москва: Товарищество скоропечатни А. Левенсон, с. 48—49.
- Курочкина, С. А. 2012. Альбарелло нижневолжских столиц Улуса Джучи. *Поволжская археология*, 1, с. 78—93.
- Куфтин, Б. А. 1950. *Материалы к археологии Колхиды*. II: Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов. Тбилиси: Техника да шрома.
- Кушнеревич, А. Н. 2003. Готические изразцы Великого княжества Литовского XIV—XV веков. В: Гордин, А. М., Иоаннисян, О. М. (ред.). *Архитектурно-археологический семинар «Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы»: материалы науч. заседания (Санкт-Петербург, 14—15 мая 2002 г.)*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 138—149.
- Левко, О. Н. 1981. *Витебские изразцы*. Минск: Наука и техника.
- Лепер, Р. Х. 1913. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. *История и археология Крыма*, 47, с. 73—79.
- Лепер, Р. Х., Моисеев, Л. А. 1918. Раскопки на Мангупе. *Отчёт археологической комиссии 1913—1915 гг.* Петроград, с. 72—84.
- Лисициан, С. Д. 1955. Очерки этнографии дореволюционной Армении. *Кавказский этнографический сборник*, I, с. 182—264.
- Лисова, Н. Ф. 2012. *Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Серия «Археология евразийских степей», 15. Казань: Институт истории АН РТ.
- Ломакин, Д. А. 2016. «Работы по исследованию золотоордынского периода в Крыму не могут быть начаты, чтобы не быть законченными»: к новейшей истории исследования сельской периферии средневекового поселения Солхат. *Альманах Пространство и Время, Электронное научное издание*, 12 (1).
- Лунина, С. Б. 1962. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. *Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции*, XI, с. 217—417.
- Лунина, С. Б. 1968. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV веках. *Советская археология*, 2, с. 220—232.
- Лысенко, А. В., Тесленко, И. Б. 2002. Античные и средневековые памятники г. Аю-Даг. В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, с. 59—88.
- Лысенко, А. В., Тесленко, И. Б. 2018. Средневековый храм в урочище Ай-Андрей у с. Генеральское (бывш. Улу-Узень) в Крыму. *История и археология Крыма*, VIII, с. 310—327.
- Майко, В. В. 2008. Средневековая Посидима. Штрихи к археологическому портрету. *Сугдейский сборник*, III, с. 466—480.
- Майко, В. В. 2012. Стратиграфические исследования на участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. *Сугдейский сборник*, V, с. 363—393.
- Майко, В. В. 2013а. Закрытый комплекс первой половины XIII в. в портовой части средневековой Сугдеи. В: Алексеенко, Н. А. (ред.). *Херсонес Фемиата империя и полис. Сборник научных трудов*. Севастополь: Арефьев, с. 69—90.
- Майко, В. В. 2013б. Закрытый комплекс середины XIII в. из раскопок в портовой части средневековой Сугдеи. В: Ганкевич, В. Ю., Непомнящий, А. А. (ред.). *Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы*

VI Международной научной конференции (Новый Свет, 6—7 октября 2012 г.). Симферополь; Новый Свет, с. 185—194.

Майко, В. В. 2017. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925—1931 гг. В: Вишняцкий, Л. Б. (ред.). *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноэццев*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 232—271.

Майко, В. В. 2019а. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIV, с. 288—311.

Майко, В. В. 2019б. Византийские кувшины «Палеологовского стиля» из Судака. Типология, орнаментация, хронология. *Донские древности*, 12: Азак и мир вокруг него: материалы международной научной конференции (Азов, 14—18 октября 2019 г.), с. 148—152.

Майко, В. В. 2020а. Экономические связи Сугдеи с Поволжьем и Средней Азией. В: Васильев, А. Д. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6—10 октября 2020 г.)*. 1. Москва: ИВРАН, с. 127—131.

Майко, В. В. 2020б. Византийские импортные подглазурные монограммы средневековой Сугдеи. *Античная древность и средние века*, 48, с. 212—224.

Майко, В. В., Джанов, В. В. 2015. *Археологические памятники Судакского региона Республики Крым*. Симферополь: Ариал.

Майко, В. В., Колтухов, С. Г. 2018. Исследования христианского храма у подножия горы Килиса-Кая в 2017 г. *История и археология Крыма*, VIII, с. 86—89.

Майсурадзе, З. П. 1954. *Грузинская художественная керамика XI—XIII веков*. Тбилиси: АН Грузинской ССР.

Макарова, Т. И. 1963. Поливная керамика Таманского городища. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. Москва: АН СССР, с. 73—95, рис. 1—9, Приложения.

Макарова, Т. И. 1965. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи). *Краткие сообщения Института археологии*, 104, с. 70—76.

Макарова, Т. И. 1967. *Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси*. Свод археологических источников, Е 1—38. Москва; Ленинград: Наука.

Макарова, Т. И. 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 121—147.

Макарова, Т. И. 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, VI, с. 344—393.

Макарова, Т. И. 2003. Боспор-Корчев. В: Макарова, Т. И., Плетнева, С. А. (ред.). *Крым, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья*. Москва: Наука, с. 68—74.

Маликов, В. М. 1951. *Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя*. Научный архив КФ ИА НАН Украины, рукописный фонд (27.01.1951).

Маркевич, А. 1889. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*, 8, с. 108—113.

Марков, Е. Л. 1884. *Очерки Крыма*. Санкт-Петербург; Москва: Издание Т-ва М. О. Вольф, 593 с.

Масловский, А. Н. 2006а. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году*, 21, с. 308—472.

Масловский, А. Н. 2006б. О времени возникновения Азака. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году*, 22, с. 257—295.

Масловский, А. Н. 2007. Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 86—87.

Масловский, А. Н. 2008. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака. *Стени Европы в эпоху средневековья*, 6, с. 93—124.

Масловский, А. Н. 2009. Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсутское) (вторая половина XIII в.). *Вестник Южного научного центра*, 5 (3), с. 59—68.

Масловский, А. Н. 2010. Об одной группе византийской поливной керамики конца XIII — 1-й половины XIV в. из раскопок золотоордынского Азака. *Стени Европы в эпоху средневековья*, 8: Золотоордынское время, с. 231—252.

Масловский, А. Н. 2012а. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII — первой половине XIV в. *Филология и культура*, 1 (27), с. 192—196.

Масловский, А. Н. 2012б. Поливная керамика местного производства в золотоордынском Азаке. *Стени Европы в эпоху средневековья*, 11: Золотоордынское время, с. 7—72.

Масловский, А. Н. 2012с. Изменение объемов и состава импортов в керамическом комплексе золотоордынского Азака, как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды. *Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки*, 2 (168), с. 42—46.

Масловский, А. Н. 2012d. *Керамический комплекс низовьев Дона в XI—XV вв.: типология и хронология*. Автореферат канд. истор. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.

Масловский, А. Н. 2017. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдинов, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 455—490.

Масловский, А. Н. 2019а. Керамика производства Юго-Восточного Крыма как маркер торговых путей на территории Золотой Орды. В: Васильев, Д. А. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. 2. Москва: Пробел 2000, с. 183—185.

Масловский, А. Н. 2019б. Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общее и частности. В: Ткачук, М. Е., Атанасов, Г. Г. (ред.). *В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Русева*. Кишинев: Stratum plus, с. 209—236.

Масловский, А. Н., Белинский, И. В. 2007. Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака. *Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона*, 2, с. 325—344.

Махнёва, О. А. 1968. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого Залива. *Археоло-*

- гические исследования на Украине в 1967 г., с. 53—57.
- Меньшиков, М. Ю., Волошинов, А. А., Гинькут, Н. В., Лесная, Е. С. 2019. Керамический комплекс золотоордынского поселения Кырк-Азизлер. Предварительный обзор. В: Васильев, Д. А. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. 2. Москва: Пробел 2000, с. 87—93.
- Миллер, Ю. 1972. *Художественная керамика Турции*. Ленинград: Аврора.
- Мицишвили, М. Н. 1976. *Из истории производства грузинской поливной керамики (XI—XVIII вв.)*. Тбилиси: Ганатлеба.
- Мицишвили, М. Н. 1979. *Производство поливной керамики в средневековом Тбилиси IX—XIII вв.* (на груз. языке). Тбилиси: Мецниереба.
- Моисеев, Д. А. 2011. Археологический комплекс строительной керамики IX—X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп). *Древности*, 10, с. 172—190.
- Моисеев, Д. А. 2012. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (г. Илька): предварительные результаты. В: *I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай 3—7 сентября 2012 г.)*. Бахчисарай: Антиква, с. 46—48.
- Моисеев, Д. А. 2013. Средневековая плинфа Мангупского городища. *Древности*, 12, с. 179—192.
- Моисеев, Д. А. 2014. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XIX, с. 278—310.
- Моисеев, Д. А. 2018. Строительная керамика из раскопок «пещерного города» Эски-Кермен в 1936—1937 гг: каталог предметов из фондов Бахчисарайского музея-заповедника. *Археологія і давня історія України*, 4 (29), с. 165—225.
- Моисеев, Л. А. 1918. Раскопки в Мангупе. *Отчёт археологической комиссии за 1913—1915 годы*. Петроград, с. 72—84.
- Морозова, Я. И., Зеленко, С. М. 2012. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море. В: Гладких, М. И. (ред.). *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття)*. Бібліотека Vita antīqua. Київ: Чальцев, с. 83—86.
- Морозова, Я. И., Тимошенко, М. Е., Зеленко, С. М. 2016. *Византийская белоглиняная керамика из раскопок корабля XIII века (каталог находок)*. 1. Феодосия: Арт Лайф.
- Мыц, В. Л. 1980. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистого в 1980 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1980/10п.
- Мыц, В. Л. 1981. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1981 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1981/3д.
- Мыц, В. Л. 1982. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1982/25д.
- Мыц, В. Л. 1983. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г.* Науковий архів КФ ІА НАН України, спр. 170, п. 371.
- Мыц, В. Л. 1984а. *Отчёт об археологических исследованиях средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1984 году*. Науковий архів КФ ІА НАН України, спр. 231, п. 504.
- Мыц, В. Л. 1984б. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г.* Науковий архів КФ ІА НАН України, спр. 232, п. 506.
- Мыц, В. Л. 1985а. *Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1985/12в.
- Мыц, В. Л. 1985б. Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фуны. В: *Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения»: тезисы докл.* Тбилиси: Мецниереба, с. 52—54.
- Мыц, В. Л. 1986а. Раскопки крепости Алустон. *Археологические открытия 1984 г.*, с. 278—279.
- Мыц, В. Л. 1986б. *Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1986/25.
- Мыц, В. Л. 1987а. Средневековое укрепление Иаср-Кая. *Советская археология*, 2, с. 228—245.
- Мыц, В. Л. 1987б. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1987/27.
- Мыц, В. Л. 1988а. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 97—115.
- Мыц, В. Л. 1988б. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1988/30.
- Мыц, В. Л. 1989а. Основные этапы развития средневековой Алушты. В: *Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР*. Киев: Наукова думка, с. 151—152.
- Мыц, В. Л. 1989б. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1989 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1989/32.
- Мыц, В. Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *Советская археология*, 1, с. 224—242.
- Мыц, В. Л. 1991а. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка, 164 с.
- Мыц, В. Л. 1991б. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV—XV вв. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 179—193.
- Мыц, В. Л. 1997а. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. В: *Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6—11 июня 1997 г.)*. Тезисы докладов. Симферополь, с. 65—67.
- Мыц, В. Л. 1997б. Ранний этап строительства крепости Алустон. *Византийский Временник*, 57 (82), с. 187—203.
- Мыц, В. Л. 1999. SOMMO в денежном обращении генуэзской Газарии (по материалам Алуштинского клада 1990 г.). *Херсонесский сборник*, X, с. 379—398.
- Мыц, В. Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50—70-е гг. XV в. В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, с. 139—189.
- Мыц, В. Л. 2005. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV—XV вв. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стило, с. 288—305.
- Мыц, В. Л. 2007. Поливная керамика XIV в., как хронологический индикатор политических событий средневекового Крыма. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 88—89.
- Мыц, В. Л. 2009. *Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.

- Мыц, В. Л. 2015. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции. В: Бочаров, С. Г., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Геңуэзская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum plus, с. 99—123.
- Мыц, В. Л. 2016. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. *Stratum plus*, 6, с. 69—106.
- Мыц, В. Л., Адаксина, С. Б. 1990. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1990/216.
- Мыц, В. Л., Адаксина, С. Б. 1991. *Отчёт об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1991/11.
- Мыц, В. Л., Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П. 1992. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1992/119.
- Мыц, В. Л., Адаксина, С. Б., Кирилко, В. П., Лысенко, А. В., Семин, С. В., Тесленко, И. Б. 1993. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1993/157.
- Мыц, В. Л., Кирилко, В. П. 1990. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г.* Наук. архив КФ ИА НАН України, с. 281, п. 573.
- Мыц, В. Л., Кирилко, В. П. 1991. *Отчёт об археологических исследованиях укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г.* Наук. архив КФ ИА НАН України, с. 312, п. 603.
- Мыц, В. Л., Кирилко, В. П. 1994. *Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистого в 1994 г.* Наук. архив КФ ИА НАН України, с. 345, п. 680.
- Мыц, В. Л., Семин, С. В. 1994. *Отчёт об архитектурно-археологических предвостановочных исследованиях средневекового укрепления Алустон в 1994 г. (участок башни Орта-Куле)*. Наук. архив КФ ИА НАН України, с. 346, п. 681.
- Мыц, В. Л., Лысенко, А. В., Семин, С. В., Тесленко, И. Б. 1997. *Исследования крепости Алустон. Археологические исследования в Крыму, 1994 год*, с. 205—210.
- Науменко, В. Е. (сост.) 2017. Избранная библиография по истории Мангупа. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, XXII*, с. 46—53.
- Науменко, В. Е. 2020. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период. В: Миргалеев, И. М. (ред.). *Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. Материалы VI Международного золотоордынского форума и круглого стола*. Казань: Исламская книга, с. 232—249.
- Науменко, В. Е., Душенко, А. А. 2014. Византийская глазурованная керамика из раскопок дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп) по материалам исследований 2006—2010 гг. В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.) Тезисы докладов*. Севастополь, с. 93—95.
- Науменко, В. Е., Душенко, А. А. 2015. Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры. *Боспорские чтения, XVI: Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*, с. 243—250.
- Науменко, В. Е., Душенко, А. А. 2017. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, XXII*, с. 187—238.
- Науменко, В. Е., Пономарев, Л. Ю. 2015. К изучению исторической топографии средневековой Керчи: византийская каменная икона из «Нового Карантина». *Античная древность и средние века*, 43, с. 275—288.
- Науменко, В. Е., Сейдалиев, Э. И., Сейдалиева, Д. Э. 2017. Штампованная керамика Золотой Орды: История изучения. *Золотоордынская цивилизация*, 10, с. 203—210.
- Недашковский, Л. Ф. 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. Москва: Восточная литература.
- Обухов, Ю. Д., Волков, И. В. 2007. Китайская керамика Маджара. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, с. 20—25.
- Отчёт... 1918. *Отчёт археологической комиссии за 1913—1915 годы*. Петроград: Девятая государственная типография.
- Панина, Э. Л., Волков, И. В. 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов. В: Алпаткина, Т. В. (ред.). *Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. Государственный музей Востока, Москва, 14—16 декабря 2000 г.* Москва: Пересвет, с. 89—91.
- Паршина, Е. А. 1968а. Средневековые памятники на побережье от Голубого Залива до Ялты. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, II, с. 57—64.
- Паршина, Е. А. 1968b. Средневековый храм в Ореанде. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, II, с. 65—70.
- Паршина, Е. А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.). В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 56—94.
- Паршина, Е. А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 36—59.
- Паршина, Е. А. 1991. Торжище в Партенитах. В: Толочко, П. П. (ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 64—100.
- Паршина, Е. А. 2002а. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985—1988 гг.). В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, с. 89—109.
- Паршина, Е. А. 2002b. Средневековое поселение в урочище Сотера. В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, с. 117—131.
- Паршина, Е. А. 2015. «Дом священника» на театральной улице Херсонеса. *Археологический альманах*, 33: Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной, с. 17—38.
- Паршина, Е. А., Созник, В. В. 2012. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985—1988 гг.). В: Гладких, М. И. (ред.). *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття)*. Бібліотека Vita antiqua. Київ: Чальцев, с. 7—42.
- Паршина, Е. А., Тесленко, И. Б., Зеленко, С. М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII—X вв. В:

- Паршина, О. О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Стило, с. 52—81.
- Петерс, Б. Г., Айбабина, Е. А., Катюшин, Е. А. 1976. Раскопки Феодосийской экспедиции. *Археологические открытия 1975 г.*, с. 377—379.
- Пиотровский, М. Б. (ред.). 2008. *От Китая до Европы. Искусство исламского мира*: каталог выставки. Санкт-Петербург: Чистый лист.
- Плетнева, С. А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. Москва: АН СССР, с. 5—72.
- Полевой, П. П. 1964. Поливная керамика из раскопок гонимого района на поселении XIV в. у с. Костешты. *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев, с. 166—181.
- Полевой, П. П. 1969. *Городское гонимое Прото-Днестровья в XIV веке. По материалам раскопок гонимого квартала на поселении Костешты*. Кишинев: АН МССР.
- Полубояринова, М. Д. 2003. Китайский селадон из Болгара. *Российская археология*, 2, с. 155—164.
- Пустовалов, С. Ж. 1982а. О некоторых методах формализованной обработки керамики. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Теория и методы археологических исследований: сб. науч. трудов*. Киев: Наукова думка, с. 196—210.
- Пустовалов, С. Ж. 1982b. Первая система описания керамики в отечественной археологии (к 80-летию выхода в свет). В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Методологические и методические вопросы археологии*. Киев: Наукова думка, с. 218—227.
- Пьянков, А. В. 2007. Поливной кувшин из погребения знатного адыга у х. Суповского в Адыгее. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II Международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.). Тезисы конференции*. Ялта, с. 94—97.
- Рабинович, А., Седикова, Л. В., Хеннеберг, Р. 2009. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XV, с. 196—274.
- Рапопорт, И. В. 1971. *Художественная керамика средневекового Ирана*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Репников, Н. И. 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма в Байдарской долине. *Известия ИАК*, 30, с. 99—126.
- Репников, Н. И. 1941. Городище Эски-Кермен. В: Гольмстен, В. В. (ред.). *Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчёты и сведения*. Москва; Ленинград: АН СССР, с. 279—280.
- Романчук, А. И. 1982. Материалы к истории Херсона XIV—XV вв. В: Сюзюмов, М. Я. (ред.). *Античная древность и средние века*, 19: Византия и её провинция, с. 89—114.
- Романчук, А. И. 1986. *Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография*. Красноярск: Красноярский университет.
- Романчук, А. И. 1994. Раскопки в портовом квартале 2 Херсонесского городища. *Археологические исследования в Крыму 1993 г.*, с. 227—230.
- Романчук, А. И. 1995. Херсон XIV в. — город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища). В: Могаричев, Ю. М., Храпунов, И. Н. (ред.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, с. 152—157.
- Романчук, А. И. 1996. Два сюжета из истории Херсонеса или проблема традиционных датировок археологических источников. В: Литаврин, Г. Г. (ред.). *Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византинистов*. Москва: Наука, с. 234—244.
- Романчук, А. И. 1997а. Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсониты. В: Мещеряков, В. Ф. (ред.). *Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева*. Харьков: Бизнес Информ, с. 272—289.
- Романчук, А. И. 1997b. Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища. *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*, с. 232—235.
- Романчук, А. И. 1999. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. *Античная древность и средние века*, 30, с. 187—202.
- Романчук, А. И. 2000. *Очерки истории и археологии византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ, 266 с., 120 рис.
- Романчук, А. И. 2002. Блюда с изображением конных и пеших воинов из раскопок в Херсонесе (сосуды типа «Zeuxippos Ware»). *Античная древность и средние века*, 33, с. 128—138.
- Романчук, А. И. 2003а. *Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук, А. И. 2003b. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, X, с. 261—276.
- Романчук, А. И. 2004. *Строительные материалы византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук, А. И. 2017. Содружество трёх научных центров — раскопки в Портовом районе Херсонеса. *Laurea*, II: Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы, с. 161—171.
- Романчук, А. И., Перевозчиков, В. И. 1990. Глазурованная керамика из Азова (херсонско-азакские параллели в орнаментике). В: Поляковская, М. А. (ред.). *Античная древность и средние века: Византия и сопредельный мир*. Свердловск: УрГУ, с. 94—136.
- Романчук, А. И., Сазанов, А. В., Седикова, Л. В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Рыжов, С. Г. 1985. Раскопки девятого квартала Херсонеса. *Археологические открытия 1983 г.*, с. 340—349.
- Рыжов, С. Г. 1986. Раскопки в северном районе Херсонеса. *Археологические открытия 1984 г.*, с. 299—300.
- Рыжов, С. Г. 1999. Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (постоялый двор). *Древности 1997—1998 гг.*, с. 168—180.
- Рыжов, С. Г., Голофаст, Л. А. 2000. Поливная керамика из раскопок квартала XА северного района Херсона. *Античная древность и средние века*, 31, с. 251—407.
- Рудаков, В. Е. 1975. Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.). *Античная древность и средние века*, 12, с. 20—30.
- Русев, Н. Д. 2015. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье. В: Бочаров, С. Г., Ситдикова, А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum plus, с. 19—38.
- Сазанов, А. В., Ченцова, В. Г. 1993. Дискуссионные вопросы истории Херсона в XIII в.: археологические данные и письменные источники. В: *Научные чте-*

ния, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова (21—23 сентября 1993 г.): тезисы докладов. Екатеринбург: УрГУ, с. 47—49.

Сазанов, А. В. 1998. Хронология слоев средневековой Керчи. *Проблемы истории, филологии, культуры*, V, с. 50—88.

Сазанов, А. В. 2005. К вопросу о комплексе XIV в. из портового района Херсонеса. *Причерноморье в средние века*, VI, с. 195—213.

Сазанов, А. В., Иващенко, Ю. Ф. 1994. Исследования средневековой Каффы в 1991—1992 гг. В: Паромов, Я. М. (ред.). *Боспорский сборник*. Москва: Фарсал, с. 179—186.

Сазанов, А. В., Иващенко, Ю. Ф. 1995. Хронология слоев генуэзской Каффы. *Причерноморье в средние века*, 2, с. 117—130.

Седикова, Л. В. 2014. Поливная керамика из усадьбы 1 Южного района Херсонеса. В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.)*. Тезисы докладов. Севастополь, с. 106—107.

Седикова, Л. В. 2018. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIII, с. 402—458.

Седикова, Л. В. 2019. Поливная полихромная керамика с орнаментом сграффити из Херсонеса. В: Васильев Д. А. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. 1. Москва: Пробел 2000, с. 242—245.

Сейдалиев, Э. И. 2019. Золотоордынское поселение Старый фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIV, с. 363—368.

Сейдалиев, Э. И., Сейдалиева, Д. Э. 2017. Торговые связи Крыма и Хорезма (о некоторых керамических находках Солхатского городища). *Золотоордынская цивилизация*, 10, с. 211—218.

Сейдалиев, Э. И., Сейдалиева, Д. Э. 2018. Керамика как индикатор инноваций в традиционной кочевнической культуре Золотой Орды (на примере находок с поселения «Старый Фонтан»). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIII, с. 499—509.

Сейдалиева, Д. Э. 2019. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIV, с. 335—362.

Сейдалиева, Д. Э. 2020. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей округи (по материалам исследований 1978—2019 гг.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIV, с. 259—390.

Сёмин, С. В. 1998. Поливные белоглиняные сосуды второй половины XIII — первой половины XIV в. из Алустона. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 179—181.

Сергеева, М. 1995. Керамічні світильники та свічники XI—XVIII століть з Київщини. *Українське гончарство: Національний культурологічний щорічник*. За рік 1994, 2, с. 77—92.

Скобелев, Ю. М. 1974. Археологические разведки на г. Крестовой в Верхней Ореанде. В: Бибииков, С. Н.

(ред.). *Феодалная Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 108—111.

Скоробогатова, Т. В. 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики. *Советская археология*, 4, с. 92—108.

Смекалова, Т. Н., Науменко, В. Е., Кулькова, М. А., Завадская, И. А., Беван, Б. В. 2020. Естественнонаучные методы в изучении раннесредневекового керамического центра Илька 2 в Горном Крыму и его продукции. *Краткие сообщения института археологии*, 258, с. 326—399.

Смирнов, Г. Д. 1956. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхея. *Известия Молдавского филиала Академии наук СССР*, 4 (21), с. 75—87.

Сорочан, С. Б. 1999. Светильник и свеча в ранней Византии или две эпохи осветительных приборов. *Древности 1997—1998*, с. 101—114.

Сосногорова, М. 1880. *Путеводитель по Крыму*. Одесса: тип. Л. Нитче.

Столяренко, Е. Н. 2010. Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало. В: *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII международной конференции (Харьков, 28—29 октября 2010 г.)*. Харьков: НТМТ.

Талис, Д. Л. 1969. Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг. *Краткие сообщения Института археологии*, 120, с. 57—63.

Талис, Д. Л. 1971. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена. В: Орешников, С. М. (ред.). *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. Москва: Советская Россия, с. 250—262.

Талис, Д. Л. 1972. Сюреньская крепость. *Византийский временник*, 33, с. 218—229.

Талис, Д. Л. 1976. Поливная керамика Баклинского городища. *Советская археология*, 4, с. 63—87.

Талис, Д. Л. 1977. Городище Тепе-Кермен. *Краткие сообщения Института археологии*, 148, с. 98—104.

Талис, Д. Л. 1980. Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма. История и культура Евразии по археологическим данным. *Труды Государственного исторического музея*, 51, с. 101—106.

Телиженко, С. А., Тесленко, И. Б., Лысенко, А. В. 2010. Исследования на посаде крепости Алустон в 2009 г. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 425—428.

Тесленко, И. Б. 1998. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффити в крепости Алустон в XIV в. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 182—184.

Тесленко, И. Б. 2000. Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. вблизи Судака (Крым). В: Тодоров, П. (ред.). *Българите в Северното Причерноморие. Исследвания и материали*. Том седми. Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, с. 153—168.

Тесленко, И. Б. 2001а. Фрагмент поливного блюда XV в. с изображением Спасителя из раскопок крепости Алустон. В: Бабинов, Ю. А. (ред.). *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе*. Севастополь: Вебер, с. 61—65.

Тесленко, И. Б. 2001б. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон. В: Паршина, О. О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Стило, с. 123—129.

- Тесленко, И. Б. 2003а. Об одной группе поливных сосудов второй половины XV в. из раскопок крепости Алустон. *Херсонесский сборник*, XII, с. 328—336.
- Тесленко, И. Б. 2003б. Кілька зображень кораблів на середньовічному посуді з Криму. *Український керамологічний журнал*, 1, с. 55—61.
- Тесленко, И. Б. 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму. В: Куковальская, Н. М. (ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, с. 467—494.
- Тесленко, И. Б. 2005а. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым). В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стілос, с. 324—348.
- Тесленко, И. Б. 2005б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии). В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стілос, с. 385—410.
- Тесленко, И. Б. 2008. Итальянская майолика в Крыму периода турецкого владычества. *Российская археология*, 2, с. 116—122.
- Тесленко, И. Б. 2010а. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I: Типология, распространение, происхождение. *Древности*, 9, с. 216—234.
- Тесленко, И. Б. 2010б. Господарська керамічна тара Таврики XV ст. *Праці центру пам'яткознавства*, 17, с. 95—106.
- Тесленко, И. Б. 2011а. *Кераміка Таврики XV століття*: Автореферат канд. іст. наук. Київ.
- Тесленко, И. Б. 2011б. Хронологія однієї групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. *Археологія*, 4, с. 60—68.
- Тесленко, И. Б. 2012а. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II. Хронология. *Древности*, 11, с. 223—236.
- Тесленко, И. Б. 2012б. Кераміка из раскопок христианского храма в с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат, южный берег Крыма). *Археологический альманах*, 28: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака, с. 225—246.
- Тесленко, И. Б. 2014а. Одна из гонимых традиций Таврики XIV—XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма). *История и археология Крыма*, 1, с. 495—512, 541—560.
- Тесленко, И. Б. 2014б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым). В: *Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5—8 сентября 2014 г.)*. Тезисы докладов. Севастополь, 109—115.
- Тесленко, И. Б. 2015а. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв. В: Бочаров, С. Г. (ред.). *Крымская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum plus, с. 125—163.
- Тесленко, И. Б. 2015б. Одна из групп неполливной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция. *История и археология Крыма*, II, с. 428—436, 636, 637.
- Тесленко, И. Б. 2016а. Кераміка замка Фуна (Крым), краткая характеристика комплекса. В: Борисов, Б. Д. (ред.). *Великотърновският университет «Св. св. Кирил и Методий» и Българската археология*. 2: Проф. д-р Борис Борисов ученици и приятели. Велико Търново: ИВИС, с. 641—654.
- Тесленко, И. Б. 2016б. Кераміка Фуны «золотоордынського времени» (анализ материалов из комплексов, предшествовавших строительству феодоритской крепости). *История и археология Крыма*, IV, с. 97—100, 132—157.
- Тесленко, И. Б. 2016с. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до Османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*, VIII, с. 92—158.
- Тесленко, И. Б. 2017. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынського периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым). В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдииков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, с. 387—407.
- Тесленко, И. Б. 2018а. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу. *Археологія і давня історія України*, 4 (29), с. 7—83.
- Тесленко, И. Б. 2018б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости и этнографии Таврики, XXIII, с. 467—506.
- Тесленко, И. Б. 2018с. Керамический комплекс поселения золотоордынського времени в долине р. Артек. *Археология евразийских степей*, 4: Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г. А. Федорова-Давыдова, с. 180—186.
- Тесленко, И. Б. 2019. Поливная керамика золотоордынського времени из раскопок Партенита. *Донские древности*, 12: Азак и мир вокруг него: материалы международной научной конференции (Азов, 14—18 октября 2019 г.), с. 199—204.
- Тесленко, И. Б. 2020а. Керамічні комплекси третьої чверті XV ст. замку Фуна: начиння «гарнізонної кухні». *Археологія і давня історія України*, 1 (34), с. 31—67.
- Тесленко, И. Б. 2020б. Византийський полив'яний посуд XIII ст. в Криму (короткий огляд). *Археологія і давня історія України*, 2 (35), 395—404.
- Тесленко, И. Б. 2020с. Кераміка Эски-Кермена эпохи посткатастрофы. В: Алексеев, Н. А. (ред.). *Херсонес Феодата: империя и полис. Материалы XII научной конференции (Севастополь — Балаклава 25—29 мая, 2020 г.)*. Севастополь, с. 249—254.
- Тесленко, И. Б. 2020d. Керамические маркеры миграций в Крыму последней трети XIII—XIV вв. (по материалам местного гонимства). *Stratum plus*, 6, с. 153—176.
- Тесленко, И. Б. 2021. Керамические комплексы замка Фуна: коллекция посуды из выгребных ям. *Древности*, 18, в печати.
- Тесленко, И. Б., Александрова, И. А. 2019. Кераміка византийского круга палеологовского времени из раскопок городища Партениты. В: *Херсонес Феодата: империя и полис. Материалы XI научной конференции (Севастополь — Балаклава 3—7 июня 2019 г.)*. Севастополь, с. 193—198.
- Тесленко, И. Б., Александрова, И. А. 2020. Погребения с керамикой у храма Алуштинского могильника (материалы раскопок 1950—1951 гг. из собрания АИМК). В: Яшаева, Т. Ю. (ред.). *Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX Международной научной конференции по Церковной археологии, 21—25 сентября 2020 г., Севастополь*, с. 142—148.
- Тесленко, И. Б., Алядинова, Д. Ю. 2019. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV—XVI вв.). *Stratum plus*, 6, с. 295—320.

- Тесленко, И. Б., Лысенко, А. В. 2004. Средневековый христианский храм в с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыщ, В. Л. (ред.). *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. Киев: Стилос, с. 260—296.
- Тесленко, И. Б., Лысенко, А. В. 2015. Нижняя мечеть в г. Алушта (итоги историко-археологических исследований). В: Рудницкая, В. Г., Тесленко, И. Б. (ред.). *Terra Alustiana MMXI, сборник научных трудов по материалам X научной конференции посвященной 110-летию города Алушты и 1460-летию со времени основания крепости*. Симферополь: Антиква, с. 234—278.
- Тесленко, И. Б., Лысенко, А. В. 2019. Дом ремесленника на посаде Алуштинского городища (по материалам раскопок 2009 г.). *История и археология Крыма*, IX, с. 198—228.
- Тесленко, И. Б., Лысенко, А. В., Майко, В. В., Семин, С. В. 2017. Новое поселение XIV—XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым). *История и археология Крыма*, V, с. 192—233.
- Тесленко, И. Б., Майко, В. В. 2019а. «Elaborate Incised Ware» византийского круга из Судака и его окрестностей. В: *Херсонсо Фьрата: империя и полис. Материалы XI научной конференции (Севастополь — Балаклава 3—7 июня 2019 г.)*. Севастополь, с. 199—208.
- Тесленко, И. Б., Майко, В. В. 2019б. Испанская керамика с росписью кобальтом и люстром из раскопок в Судаче. *История и археология Крыма*, X, с. 279—310.
- Тесленко, И. Б., Майко, В. В. 2020а. Итальянская майолика османского Судака. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXV, с. 402—426.
- Тесленко, И. Б., Майко, В. В. 2020б. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006—2010 гг.). *История и археология Крыма*, XII, с. 291—311.
- Тесленко, И. Б., Паршина, Е. А., Александрова, И. А. 2019. Крымская поливная керамика XIV—XV вв. из раскопок в Партените (1985—1988 гг.). *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XXIV, с. 312—334.
- Тесленко, И. Б., Паршина, Е. А., Александрова, И. А. 2020. Археологические комплексы и керамические находки XII—XIII вв. из раскопок средневекового Партенита (по материалам исследований 1985—1988 гг.). *История и археология Крыма*, XII, с. 269—290.
- Тесленко, И. Б., Сейдалиева, Д. Э. 2016. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII — начала XV вв. В: Сейдалиев, Э. И. (ред.). *Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи, каталог выставки*. Симферополь: Тарпан, с. 85—105, 133—151.
- Тесленко, И. Б., Семин, С. В. 1998. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 г.* Научовий архів КФ ІА НАН України, спр. 581, п. 959.
- Тесленко, И. Б., Семин, С. В., Лысенко, А. В. 1999. *Отчёт о раскопках христианского храма на северо-восточном склоне горы Аю-Даг (пгт Партенит) и участка на западном склоне Крепостной горки, за пределами оборонительных рубежей крепости Алустон (г. Алушта) в 1999 г.* Научовий архів КФ ІА НАН України, спр. 627, п. 1027.
- Тимошенко, М., Зеленко, С. 2012. Торговые отношения между Анатолийским регионом и Таврикой в Поздневизантийский период. В: Гладких, М. И. (ред.). *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття)*. Бібліотека Vita antiqua. Київ: Чальцев, с. 113—120.
- Тиханова, М. А. 1953. Базилика. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 34, с. 334—389.
- Тихомолова, И. Р. 1991. Китайские селадоны городища Большие Кучугуры. В: *Международные связи в средневековой Европе: тезисы научных докладов и сообщений всесоюзного научного семинара (Запорожье, 25—27 апреля 1991 г.)*. Запорожье, с. 18—19.
- Тихомолова, И. Р. 2002. Фарфор и фаянс в керамических комплексах городища Большие Кучугуры. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, X, с. 239—251.
- Тихомолова, И. Р., Попандопуло, З. Х. 2005. Альбарелло городища Большие Кучугуры. В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причорноморья X—XVIII вв.* 1. Киев: Стилос, с. 190—194.
- Толстой, С. П. (ред.). 1962. *Народы Кавказа. Этнографические очерки*. 2. Серия Народы мира. Москва: АН СССР.
- Тур, В. Г. 1997. Археологические исследования средневекового монастыря на г. Перчем. *Археология Крыма*, 1, с. 117—125.
- Тур, В. Г. 2008. Археологические исследования центрального квартала в Судакской крепости. В: Петрова, Э. Б. (ред.). *Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко*. Симферополь, с. 352—361.
- Турова, Н. П. 2014. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялта. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*, 6, с. 93—173.
- Ушаков, С. В. 2005. Поливная керамики из комплексов XIII в. Северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11). В: Бочаров, С. Г., Мыщ, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причорноморья X—XVIII вв.* 1. Киев: Стилос, с. 70—92.
- Федоров-Давыдов, Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов, Г. А., Булатов, Н. М. 1989. Керамические мастерские Селитренного городища. В: Смирнов, К. А. (ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, с. 33—248.
- Фирсов, Л. В. 1990. *Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма*. Новосибирск: Наука.
- Фронджуло, М. А. 1961. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). *Археологія*, XII, с. 168—182.
- Фронджуло, М. А. 1968. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг. В: Домбровский, О. И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 99—132.
- Фронджуло, М. А. 1974. Раскопки в Судаче. В: Бибииков, С. Н. (ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, с. 139—150.
- Хайрединова, Э. А. 2018. Раскопки на плато Эски-Кермен в 2017 г. *История и археология Крыма*, VIII, с. 155—158.
- Хохлов, А. Н., Мелькова, В. Р. 2019. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму. В: Внуков, С. Ю., Шаров, О. В. (ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг.*: в 2-х т. 2. Москва: ИА РАН, с. 71—85.

- Хрушкова, Л. Г. 1998. *Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии*. Москва: Наука.
- Цапенков, М. П. 1953. *Архитектура Болгарии*. Москва: Гос. издательство литературы по строительству и архитектуре.
- Цветков, Б. 1989. Керамика. В: Нешева, В., Дуйчев, И., Вълев, П. (ред.). *Мельник. Град в подножие то на Славова крепост*. София: БАН, с. 120—160.
- Цетлин, Ю. Б. 2017. *Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода*. Москва: ИА РАН.
- Шаров, О. В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. В: Шукин, М. Б., Гей, О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.)*. Санкт-Петербург, с. 158—207.
- Шаров, О. В. 2019. Археологические исследования позднескифского поселения Фронтное. В: Внуков, С. Ю., Шаров, О. В. (ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг.: в 2-х т.* 2. Москва: ИА РАН, с. 239—274.
- Шишкина, Г. В. 1979. *Глазуванная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XII вв.)*. Ташкент: Фан.
- Шишкина, Г. В. 1986. *Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика*. Ташкент: Фан.
- Штерн, Э. Р. 1906. Феодосия и её керамика. *Музей Императорского Одесского общества истории и древностей*, III, с. 52—83.
- Этнография... 1964. *Этнография Грузии. Керамика. Красная глиняная посуда*. Тбилиси: Сабчота сакартвело.
- Юдин, Н. И. 2015. Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царёвского городища. *Поволжская археология*, 3, с. 214—227.
- Якобсон, А. Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. Материалы и исследования по археологии СССР, 17. Москва: Наука.
- Якобсон, А. Л. 1953. Дворец. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 34, с. 390—418.
- Якобсон, А. Л. 1959а. К изучению позднесредневекового Херсона (исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес»). *Херсонесский сборник*, 5, с. 232—233.
- Якобсон, А. Л. 1959б. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 67, с. 228—303.
- Якобсон, А. Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. *Советская археология*, 2, с. 189—202.
- Якобсон, А. Л. 1978. Средневековая поливная керамика как историческое явление. *Византийский временник*, 39, с. 148—159.
- Якобсон, А. Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.
- Яшаева, Т. Ю. 1994. Пещерный комплекс в округе Херсонеса. В: Могаричев, Ю. М. (ред.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, с. 71—81.
- Яшаева, Т. Ю. 1995. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный. В: Могаричев, Ю. М. (ред.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, с. 46—51.
- Яшаева, Т. Ю. 1998. Поливная керамика из раскопок загородных пещерных монастырей Херсона. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25—29 мая 1998 г.)*. Симферополь: Каламо, с. 198—200.
- Яшаева, Т. Ю. 2005. Поливная керамика из загородных монастырей Херсона. В: Бочаров, С. Г., Мыц, В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, с. 247—256.
- Яшаева, Т. Ю. 2006. Поздневизантийская пещерная лабра Херсона. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XII, с. 321—361.
- Яшаева, Т., Денисова, Е., Гинькут, Н., Залеская, В., Журавлев, Д. 2011. *Наследие Византийского Херсона*. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Таврического университета.
- Acara Eser, M., Erciyas, B. D. (eds.). 2019. *Komana Small Finds. Settlement Archaeology Series — Yerleşim Arkeolojisi Serisi*, 7. Istanbul: Ege Yayinlari.
- Aibabine, E., Botcharov, S., Mytz, V. 1999. A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa. In: *VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11—16 octobre 1999)*. Préactes. Thessaloniki, p. 28—29.
- Amouric, H., Richez, F., Vallauri, L. 1999. *Vingt mille pots sous les mers. Le commerce de la céramique en Provence et Languedoc du Xe au XIXe siècle*. Catalog d'exposition, Musée d'Istres. Aix-en-Provence: Édusud.
- Arcifa, L., Lesnes, E. 1997. Primi dati sulle produzioni ceramiche Palermitane dal X al XV secolo. In: d'Archimbaud, G. D. (dir.). *La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIIECM 2 (Aix-en-Provence, 13—18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration, p. 405—418.
- Arthur, P., Sedikova, L. 2001. Chersonesos. Excavations in the Ancient City. In: Carter, J. C. (ed.). *The Study of Ancient Territories: Chersonesos and Metaponto. 2001 Annual Report*. Collections. ICA Annual Reports. Austin: ICA, p. 2—22.
- Arthur, P., Sedikova, L. 2002. Excavation in the Southern Residential Section of Chersonesos. In: Carter, J. C. (ed.). *The Study of Ancient Territories: Chersonesos and Metaponto, 2002 Annual Report*. ICA Annual Reports Austin: ICA, p. 25—30.
- Armstrong, P. 2019. Zeuxippus Ware and the archaeology of trade in twelfth- and thirteenth-century Chersonesos. В: Васильев, Д. А. (ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. 1. Москва: Пробел 2000, p. 8—12.
- Aslanapa, O. 1969. Pottery and Kilns from the Iznik excavations. In: Aslanapa, O., Naumann, R. (eds.). *Forschungen zur Kunst Asiens. In Memoriam Kurt Erdmann*. Istanbul: Baha Matbaasi, p. 140—146.
- Aslanapa, O. 1971a. Turkish Ceramic Art. *Archaeology*, 24 (3), p. 214—219.
- Aslanapa, O. 1971b. Pottery and Kilns from the Iznik excavations between 1963 and 1966. In: *Proceedings of the 27th International Congress of Orientalists, 1967*. Wiesbaden: Harrassowitz, p. 188—189.
- Aslanapa, O., Yetkin, S., Altun, A. 1989. *The Iznik tile kiln excavations (The Second Round: 1981—1988)*. Istanbul: The Historical Research Foundation Istanbul Reserch Center.
- Atasoy, N., Raby, J. 1989. *Iznik. The Pottery of Ottoman Turkey*. London: Alexandria.
- Avissar, M., Stern, E. J. 2005. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel*. Israel Antiquities Authority Reports, 26. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.
- Babajanyan, A. 2018. The glazed pottery of Armenia in the XII—XIV centuries in the cultural context of East and West. In: Yenisehirlioglu, F. et al. (eds.). *Proceedings of 11th Congress AIIECM 3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, Antalya, 19—24 October 2015*. Antalya, p. 271—278.
- Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII — début du XVe siècle)*. 2 vol. Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, 235. Genoa: Rome.

- Berindei, M., Migliardi, O., Riordan, G. 1988. Venice et la Horde d'Or fin XIIIe — début XIVE siècle. A propos d'un document inédit de 1324. *Cahiers du monde russe et soviétique*, XXIX, 2, p. 243—256.
- Berti, G., Tongiorgi, E. 1986. Ceramiche importate della Spagna nell'area pisana del XII al X secolo. In: Zozaya, J. (ed.). *Actas II Coloquio cerámica medieval del Mediterráneo occidental, Toledo, 1981*. Madrid: Ministerio de Cultura, p. 315—346.
- Bevia Garcia, M., Azuar Ruiz, R. 2005. *Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramica. Excavaciones en la Iglesia de Santa María de Alicante, 1997—1998*. Alicante: MARQ.
- Blake, H. 1986. The Ceramic Hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula Type of Spanish Lustreware. In: Zozaya, J. (ed.). *Actas II Coloquio cerámica medieval del Mediterráneo occidental, Toledo, 1981*. Madrid: Ministerio de Cultura, p. 365—407.
- Blake, H., Hughes, M. J. 2003. The introduction of tin-glazed ceramics in North-Western Europe: new data from the British museum neutron activation analysis programme. In: Bakirtzis, Ch. (ed.). *VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11—16 octobre 1999)*. Actes. Athenès, p. 447—454.
- Blake, H., Hughes, M., Mannoni, T., Porcella, F. 1992. The earliest Valencian lustreware? The provenance of the pottery from Pula in Sardinia. In: Gaimster, D., Redknap, M. (eds.). *Everyday and Exotic Pottery from Europe*. Oxford: Oxbow, p. 202—224.
- Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2012. The byzantine glazed pottery in northern Black Sea region (end XIII—XIV centuries). In: Gelichi, S. (ed.). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, p. 255—266.
- Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2015. The Eastern Crimean Centers of Glaze Pottery Production in 13th and 14th centuries. In: Gonçalves M. J., Gómez-Martínez, S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo*. Silves; Mértola: Gráfica commercial de Loulé, p. 604—607.
- Bocharov, S., Maslovskiy, A., Sitdikov, A. 2015. The Beginning of Glazed Ceramics production in the South-East Crimea during the last quarter of 13th century — the first quarter of 14th century. *Dacia*, LIX, p. 329—336.
- Bocharov, S., Maslovskiy, A., Iudin, N. 2018. The impact of the Ceramic Imports on Ceramic manufacturing in the cities of the North-Eastern Black Sea Region in the late 13th—15th centuries. In: Yenişehirlioğlu, F. et al. (eds.). *Proceeding of the XIth Congress AIECM 3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, 19—24 October 2015, Antalya*. Antalya, p. 117—125.
- Bock, W. de. 1897. Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée. *Extrait des Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France*, LVI, p. 12—53.
- Böhlendorf-Arslan, B. 2004. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. III. Istanbul: Yayinlari.
- Böhlendorf-Arslan, B. 2014. Medieval Cypriot Pottery in Turkey and Germany: an overview of Distribution in Archaeological Sites and Collections. In: Papanikola-Bakirtzi, D., Coureas, N. (eds.). *Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*. Nicosia, p. 77—103.
- Bradara, T. 2012. Nuovi rinvenimenti di ceramica bassomedievale e rinascimentale a Pola (Croazia). In: Gelichi, S. (ed.). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23—27 Novembre 2009*. Venezia, p. 358—360.
- Burlot, J., Waksman, S. Y., Böhlendorf-Arslan, B., Vroom, J., Japp, S., Teslenko, I. 2018. The early Turkish pottery productions in western Anatolia: Provenances, contextualization and techniques. In: Yenişehirlioğlu, F. et al. (eds.). *Proceeding of the XIth Congress AIECM 3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, 19—24 October 2015, Antalya*. Antalya, p. 427—430.
- Burlot, J., Waksman, S. Y., Bellot-Gurlet, L., Simsek Franci, G. 2020. The glaze production technology of an early Ottoman pottery (mid-14th (?)—16th century): The case of "Miletus Ware". *Journal of Archaeological Science: Reports*, 29. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.102073>
- Burlot, J., Waksman, S. Y. *Forthcoming*. "Miletus Ware" revisited: The Transition from Byzantine to Ottoman Pottery in Western Anatolia.
- Bursaly, M. 2007. *Eskişehir Karacahisar kalesi sgraffito dekorlu ortaçağ seramikleri*. Eskişehir.
- Cândeă, I. 1995. *Brăila, origini si evolutie pana la jumataea secolului al XVI-lea*. Brăila: Istros Muzeul Brăilei.
- Carru, D. 1995. *De l'Orient à la table du Pape: L'importation des céramiques dans la région d'Avignon au Moyen âge tardif, XIVE—XVIIe siècles*. Documents d'archéologie vauclusienne, 5: Service régional de l'archéologie. Avignon: Service d'archéologie de Vaucluse.
- Chakarov, R., Rabovyanov, D. 2017. Stone-Paste Ceramics from Tarnovgrad — the Capital of the Second Bulgarian Kingdom. В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдиков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, p. 327—334.
- Cilia Platamone, E., Fiorilla, S. 1997. Ceramiche a lustro del museo regionale della ceramica di Caltagirone. In: *La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM 2 (Aix-en-Provence, 13—18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration, p. 475—478.
- Coll Conesa, J. 2009a. Cobalt blue in medieval ceramic production in the Valencian workshops. Manises, Paterna and Valencia, Spain. *Medieval Ceramics*, 31, p. 11—24.
- Coll Conesa, J. 2009b. *La Cerámica Valenciana (apuntes para una síntesis)*. Valencia: Rm Ediciones.
- Coll Conesa, J. 2017. Changing Tastes: from Lustreware to Polychrome Tiles. Exported Pottery from Valencia in Mediterranean Area and around (14th to 18th cc.). В: Бочаров, С. Г., Франсуа, В., Ситдиков, А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII века*. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus, p. 31—50.
- Constntinescu, N. 1972. *Coconi. Un sat din Cîmpia Română în epoca Lui Mircea Cel Bătrîn*. București: Academia Republicii Socialiste România.
- Cossío, M., Pijoán, J. 1991. *Summa artis. Historia general del arte*. V. XII. Madrid: Espasa-Calpe.
- Coureas, N. 2016. Latin Cyprus and its Relations with the Mamluk Sultanate, 1250—1517. In: Boas, A. (ed.). *The Crusader World*. London; New York: Routledge Taylor and Francis Group, p. 391—418.
- D'Archimbaud, G. D., Lemoine, C. 1980. Les importations valenciennes et andalouses en France méditerranéenne: essai de classification en laboratoire. In: *La Céramique Médiévale en Méditerranée Occidentale Xe—XVe siècles (Valbonne, 11—14 septembre, 1978)*. Paris: C.N.R.S., p. 259—372.
- De Groote, K. 2012. To honour Mary? Provenance, distribution and symbolic use of Mediterranean tin-glazed wares in late medieval inland Flanders. *Medieval and Modern Matters*, 3, p. 1—20.
- Dursun, N. 2018. Konya Karatay (Cini Eserler) Müzesin'deki Kazıma ve Sgraffito Seramikler. In: Oktay Çerezci, J. Ö., Katıpoplu, H. (eds.). *Uluslararası Avrasya Türk Sanatları Kongresi 2—5 Aralık 2015. Bildiriler 2nd International Congress of Eurasian Turkish Arts November 2—5, 2015 Proceedings*. İstanbul: Merkez Selefyon Matbaa, p. 201—214.
- Findik, N. Ö. 2001. *Iznik Roma tiyatrosu kazi buluntulari (1980—1995) arasindaki Osmanli seramikleri*. Ankara: Kültür Bakanliğı.

François, V. 1995. *La céramique Byzantine a Thasos*. Athènes: Ecole Française D'Atènes.

François, V. 1997. *Bibliographie analytique sur la céramique byzantine à glaçure. Un nouvel outil de travail*. Istanbul: Institut Français D'Etudes Anatoliennes Georges Dumézil.

François, V. 1999. *Céramiques médiévales a Alexandrie*. Caire: IFAO.

Francovich, R., Gelichi, S. 1986. La ceramica spagnola in Toscana nel Bassomedioevo. In: Zozaya, J. (ed.). *Actas II Coloquio cerámica medieval del Mediterráneo occidental, Toledo, 1981*. Madrid: Ministerio de Cultura, p. 297—313.

García Porras, A. 2000. La ceramica española importada en Italia durante el siglo XIV. El efecto de la demanda sobre una producción cerámica en los inicios de su despegue comercial. *Archeologia Medievale*, XXVII, p. 131—144.

García Porras, A. 2012. La ceramica española en el area Véneta. In: Gelichi, S. (ed.). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, p. 191—194.

García Porras, A., Fábregas García, A. 2006. La Liguria, territorio di ricezione di ceramiche prodotte nella penisola Iberica durante il bassomedioevo. In: Lavagna, R. (ed.). *Atti del XXXVII e del XXXVIII Convegno della Ceramica*. Albisola: All'Insegna del Giglio, p. 25—36.

García Porras, A., Coll Conesa, J., Romero Pastor, J., Cabella, R., Cardell Fernández, C., Nuevos, C. C. 2012. Datos arqueométricos sobre la producción cerámica de Paterna y Manises durante el siglo XIV. In: *Actas del I Congreso Internacional Red Europea de Museos de Arte Islámico*. Granada, p. 419—426.

Gelichi, S. 1984. Studi Sulla Ceramica Medievale Riminese la "Graffita Arcaica". *Archeologia Medievale. Cultura materiale. Inseadimenti*, XI, p. 149—214.

Giannopoulou, M. 2010. *Pithoi: Technology and History of Storage Vessels Through the Ages*. British Archaeological Reports International Series, 2141. Oxford: Archaeopress.

Ginkut, N. V. 2012. Glazed Ware Manufacture in the Genoese Cembalo Fortress (Crimean Peninsula) in the Late Fourteenth and Fifteenth Century. In: Gelichi, S. (ed.). *Acts of IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, p. 68—70.

Ginkut, N. *Forthcoming*. Glazed Lusterware from Spain Excavated in Genoese Fortress of Cembalo (14th and 15th centuries). In: *Acts of 12th international congress on medieval and modern period Mediterranean ceramics, Athens, October 21—27, 2018*. Athens.

Gómez Martínez, S. 1997. Cerámica decorada islámica de Mértola — Portugal (ss. IX—XIII). In: d'Archimbaud, G. D. (ed.). *La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM 2 (Aix-en-Provence, 13—18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration, p. 311—325.

González Ballesteros, J. A. 2015. Aproximación al análisis de la cerámica bajomedieval de reflejo metálico en la judería del Castillo de Lorca. In: Fernández Díaz, A. (ed.). *I Encuentro de Jóvenes Investigadores en Arqueología de la Región de Murcia: de la arqueología prehistórica a la arqueología industrial*. Espinardo: Servicio de Publicaciones. Universidad de Murcia, p. 497—538.

González Martí, M. 1944. *Cerámica del Levante Español*. 1: Losa. Barcelona; Madrid: Labor.

Guionova, G., 2015. Céramique d'importation du XVe au XVIIe s. en Bulgarie. In: Gonçalves, M. J., Gymez-Martínez, S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a Cerâmica Medieval no Mediterrâneo, Silves, 22—27 outubro 2012*. Silves: Campo Arqueológico de Mértola, p. 681—691.

Gutiérrez, A. 2000. *Mediterranean Pottery in Wessex Households (13th to 17th centuries)*. British Archaeological Reports British Series, 306. Oxford: J. and E. Hedges.

Gutiérrez, A., Fábregas García, A. 2010. Genoese trade networks in the southern Iberian peninsula: trade, transmission of technical knowledge and economic interactions. *Mediterranean Historical Review*, 25 (1), p. 35—51.

Günsenin, N. 1989. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les Musées Turcs. *Bulletin de correspondance hellénique*, XVIII, p. 267—276.

Günsenin, N., Ricci, A. 2018. A Les amphores Günsenin IV à Küçükyağlı (Istanbul). Un voyage entre monastères? *Anatolia Antiqua*, XXVI, p. 123—140.

Hampe, R., Winter, A. 1962. *Bei Töpfen und Töpferinnen in Kreta Messenien und Zypern*. Mainz: RGZM.

Hampe, R., Winter, A. 1965. *Bei Töpfen und Ziegeln in Süditalien, Sizilien und Griechenland*. Mainz: RGZM.

Hayes, J. W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. 2: The pottery*. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Reserch Library and Collection.

Hurst, J. 1986. Late medieval Iberian pottery imported into the Low Countries. In: Zozaya, H. (coord.). *Actas II Coloquio cerámica medieval del Mediterráneo occidental, Toledo, 1981*. Madrid: Ministerio de Cultura, p. 347—351.

Hornblower, S., Spawforth, A., Eidinow, E. (eds.). 2012. *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford: Oxford University. Doi: 10.1093/acref/9780199545568.001.0001

Hurst, J., Neal, D. 1982. Late medieval Iberian pottery imported into the Low Countries. *Rotterdam Papers*, IV, p. 83—100.

Inanan, F. 2012. Sinop Balatlar Kilisesi Kazısı Sırlı Bizans Seramik Buluntularının Ön Deperlendirmesi (An Assessment for the Byzantine Pottery from the Excavation of Balatlar Church, Sinop, Turkey). *TüBA-AR*, 15, p. 147—160.

Lane, A. 1946. Early Hispano-Moresque pottery. *The Burlington Magazine for Connoisseurs*, 88, p. 246—252.

Lane, A. 1947. *Early Islamic Pottery*. London: Faber and Faber.

Lane, A. 1957. The Ottoman pottery of Isnik. *Ars Orientalis*, 2, p. 247—281.

Lane, A. 1957. Hispano-Moresque pottery. *Victoria and Albert Muzeum. Small picture book*, 40, p. 143—151.

Lerma, J. V., Marti, J., Pascual, J., Soler, M. P., Escriba, F., Mesquida, M. 1986. Sistematización de la loza gotico-mudéjar de Paterna / Manises. In: *Atti del III Congresso internazionale La ceramica medievale nel Mediterraneo occidentale (Siena — Faenza, 8—13 ottobre 1984)*. Fireze: All'Insegna del Giglio, p. 183—203.

Marti, J. 1994. An overview of medieval pottery production in Spain between the thirteenth and fifteenth centuries. *Medieval Ceramics*, 18, p. 3—7.

Masquida García, M. 2005. Paterna centro productor de cerámica dorada en la Edad Media. In: Molera i Marion, J. (ed.). *Avances en Arqueometría: Actas del VI Congreso Ibérico de Arqueometría*. Girona: Universitat de Girona, p. 7—20.

Megaw, A. H. S. 1972. Supplementary excavations on a Castle site at Paphos, Cyprus. *Dumbarton Oaks Papers*, 26, p. 323—343.

Menendez Fueyo, J. L. 2010. Cerámicas de transporte y comercio de la Basílica de Santa María de Alicante. Producción y distribución. *Arqueología Medieval*, 11, p. 225—252.

Morgan, Ch. H. 1942. The Byzantine pottery. *Corinth: Results of the Excavations Conducted by the ASCSA*, XI, p. 108—168.

Morozova, I. 2012. Graffiti on the Italian Ware from the Medieval "Novy Svet" Shipwreck in the Black Sea, Crimea. In: Gelichi, S. (ed.). *Acts of IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, p. 152—158.

Morozova, I., Waksman, S. Y., Zelenko, S. 2021. Byzantine amphorae of the 10th—13th centuries from the Novy Svet Shipwrecks, Crimea, the Black Sea. Preliminary typology and archaeometric studies. In: Waksman, S. Y.

- (ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Foodways in the Medieval Eastern Mediterranean*. Lyon: Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, p. 429—446.
- Morozova, I., Zelenko, S., Timoshenko, M. 2013. Green and brown white wares from the collection of the Archaeological Museum, National University of Kiev (Ukraine). In: In: Morozova, I., Oniz, H. (eds.). *SOMA 2010. Proceedings of 14th Symposium on Mediterranean Archaeology Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine, 23—25 April 2010*. Oxford, p. 127—132.
- Nicolescu, C., Petrescu, P. 1974. *Ceramica românească tradițională*. București: Meridiane.
- Olivar Daydh, M. 1952. *La Ceramica Trecentista en los Países de la Corona de Aragon*. Barcelona: Seix Barral.
- Olivar Daydi, M. 1950. *La vajilla de madera y la cerámica de uso en Valencia y en Cataluña durante el siglo XIV: (según los inventarios de la época)*. Valencia: Patronato José María Quadrado.
- Osma, G. J. de. 1906—1908. *Apuntes sobre Cerámica Morisca*. I—III. Textos y Documentos Valencianos. Madrid.
- Öztaşkın, M. 2010. Eskişehir Karacahisar Kalesi Ortaçağ Seramiklerinden Bir Grup: Yeşil ve Erguvan Lekeli Seramikler. In: *XIII. Ortaçağ Ve Türk Dönemi Kazıları Ve Sanat Tarihi Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri 14—16 Ekim 2009*, İstanbul: Yayınları, p. 525—536.
- Papanikola-Bakirtzi, D. (ed.). 1999. *Byzantine Glazed Ceramics*. Athens: Archaeological Receipts Fund.
- Papanikola-Bakirtzi, D. 1996. *Medieval Glazed Pottery of Cyprus: The Workshops of Pathos and Lapithos*. Nicosia: The F. G. Leventis Foundation.
- Papanikola-Bakirtzi, D., Mavrikiou, F. N., Bakirtzis, Ch. 1999. *Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum*. Athens: Benaki Museum.
- Pope, A. U., Ackerman, Ph. 1965. The Ceramic Art in Islamic Times. *A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present*, 10, p. 681—715.
- Porter, V., Watson, O. 1987. "Tell Minis" Wares. In: Allan, J., Roberts, C. (eds.). *Syria and Iran: Three Studies in Medieval Ceramics*. Oxford Studies in Islamic Art, IV. Oxford: University press, p. 175—256.
- Rabinowitz, A., Sedikova, L., Henneberg, R. 2010. Daily life in a provincial Late Byzantine city: recent multidisciplinary research in the South Region of Chersonesos. *Byzanz — das Römerreich im Mittelalter*, 2 (1), S. 425—477.
- Ray, A. 1999. *Spanish Pottery 1248—1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum*. London: V & A publications.
- Redford, S. 2014. Port Saint Symeon Ceramics and Cyprus. In: Papanikola-Bakirtzi, D., Coureas, N. (eds.). *Cypriot medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*. Nicosia: The Cyprus Research Centre and the A. G. Leventis Foundation, p. 125—152.
- Rodionova, M. A., Frenkel', I. V. 2018. On the Northern Branch of the Great Silk Road: A Celadon Dish from the Excavation at Novgorod the Great. *The Silk Road*, 16, p. 53—77.
- Rogers, H. 1983. *Islamic Art and Design 1500—1700*. London: British Museum.
- Sarre, F. 1903. Die spanisch-maurischen Lüsterfayencen des Mittelalters und ihre Herstellung in Malaga. Unter Mitwirkung von Eugen Mittwoch für die arabischen Quellen. *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*, 24, S. 103—130.
- Sarre, F. 1935. Die Keramik der islamischen Zeit von Milet. In: Wulzinger, K., Witter, P., Sarra, F. (Hgs.). *Das islamische Milet*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, S. 69—88.
- Schnyder, R. 1961. Die Keramik von Paterna und Hispano-Mauresken Fayencen des vierrechten Jahrhunderts. *Ars Orientalis*, 4, S. 113—136.
- Sedikova, L. 2014. Glazed Polychrome Sgraffito Ware of the Thirteenth to Fifteenth Centuries from the Crimea: Mediterranean Parallels. In: Papanikola-Bakirtzi, D., Coureas, N. (eds.). *Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*. Nicosia: The Cyprus Research Centre and The A. G. Leventis Foundations, p. 113—124.
- Sedikova, L. 2015. Glazed ware from the mid thirteenth-century destruction layer of Chersonesos. In: Vroom, J. (ed.). *Medieval and Post Medieval Ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and fiction*. Turnhout: Brepols, p. 273—286.
- Sehrazat Denker, A., Celik, G. B., Kongaz, G., Koc, H.; Öztopbas, S. 2011. *Byzantine Palaces in Istanbul*. Istanbul: Istanbul Arkeoloji Müzesi.
- Sengalevich, G. 2016. "Dimitrios" or "Prodromos". The Case of a Popular Sgraffito Ceramics Monogram. In: *Proceedings of the 23rd International Congress of the Byzantine Studies, Belgrade, 22—27 August 2016. Thematic Sessions of Free Communications*. Belgrad, p. 438—439.
- Stănică, A. 2009. Golden Horde Pottery Discovered at Isaccea, Tulcea County. *Peuce*, VII, p. 411—420.
- Stern, E. 2012. *Akko I: The 1991—1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery*. 1: Text. Jerusalem: Israel antiquities authority.
- Talbot-Rice, D. 1958. The Byzantine pottery. In: Talbot-Rice, D. (ed.). *The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second Report*. Edimbourg: The University Press, p. 110—120.
- Teslenko, I. 2007. Turkish Ceramics in the Crimea on the Eve of the Porta Invasion (Problems of Chronology of a Certain Group of Vessels). In: Waksman, S. Y. (ed.). *Archaeometric and Archaeological Approaches to Ceramics*. British Archaeological Reports. Oxford, p. 187—193.
- Teslenko, I. 2009a. Vessel for Wine-storage from Archaeological Complexes of the 14th—15th Centuries in the Crimea In: Ángel Hervás Herrera, M., Retuerce Velasco, M., de Juan García, A., Zozaya Stabel-Hansen, J. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006*. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, p. 869—880.
- Teslenko, I. 2009b. Spanish Lusterware in the Crimea (Ukraine). In: Ángel Hervás Herrera, M., Retuerce Velasco, M., de Juan García, A., Zozaya Stabel-Hansen, J. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006*. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, p. 857—868.
- Teslenko, I. 2012. The Italian Majolica in the Crimea of the Turkish Supremacy Period (1475 — the Last Quarter of the 18th Century). In: Gelichi, S. (ed.). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, p. 212—214.
- Teslenko, I. 2015. The Crimean Glazed Pottery of the 15th century (Local Production before Turkish Invasion). In: Gonçalves, M. J., Gymez-Martínez, S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterráneo*. Silves; Mértola: Gráfica comercial de Loulé, p. 849—854.
- Teslenko, I. 2016a. Ceramic Utensils of Princely Castle Funa in Crimea. In: Ferri, M., Moine, C., Sabbionesi, L. (eds.). *In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM 3 Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17—19 april 2015*. Faenza: All'Insegna del Ciglio, p. 188—191.
- Teslenko, I. 2016b. "Pithoi" in the Medieval Households of South Taurica (Crimea, Ukraine). In: Amouric, H., François, V., Vallauri, L. (eds.). *Jars and large*

containers between the Middle Ages and the Modern Era. Conference Proceeding of the First International Topical Congress of the AIECM 3, Montpellier-Lattes (France), November 19—21—2014. Aix-en-Provence: Aix Marseille Univ., p. 319—324.

Teslenko, I. 2018. Ceramic Import and Export of Crimea at the Final Stage of the Genoese Domination in the Black Sea Region. In: Yenişehirlioğlu, F. et al. (eds.). *Proceeding of the XIth Congress AIECM 3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, 19—24 October 2015, Antalya*. Antalya, p. 159—163.

Teslenko, I., Waksman, S. Y. 2016. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea. In: Ferri, M., Moine, C., Sabbionesi, L. (eds.). *In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM 3 Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17—19 april 2015*. Faenza: All'Inceгна del Ciglio, p. 192—194.

Teslenko, I., Waksman, S. Y., Ginkut, N. *Forthcoming*. Late Byzantine imports in the Crimea: archaeological contexts and archaeometric investigations. In: *Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece), 21—27.10.2018*. Athens.

Teslenko, I., Gavris, G. *Forthcoming*. Images of birds on the glazed ceramics from the Crimean workshops. In: *Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece), 21—27.10.2018*. Athens.

Teslenko, I., Aliadinova, D. *Forthcoming*. Glazed Ceramics Of The Early Ottoman Crimea. In: *Proceedings of the 16th International Congress of Turkish Art Ankara, October 3—5, 2019*. Ankara.

Todorova, E. 2012. *Byzantine Amphorae From Present-day Bulgarian Lands*. Ph. D. thesis. Sofia University.

Türe, S. 2014. *Ayasuluk kalesi dopu kapisı çevresindeki 2000—2002 kurtarma kazilarından ele geçen seramikler*. Edirne.

Vallauri, L., Leenhardt, M. 1997. Mutations et transferts: l'apparition des glaçures dans le midi méditerranéen. In: *La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM 2 (Aix-en-Provence, 13—18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration, p. 479—495.

Van de Put, A. 1904. *Hispano-Moresque Ware of the XVth Century*. London: The Art workers' quarterly, Chapman and Hall.

Vroom, J. 2005a. *Byzantin to modern pottery in the Aegean — 7th to 20th century*. Bijleveld: Parnassus press.

Vroom, J. 2005b. Medieval pottery from Artemision in Ephesus: Imports and locally produced wares. In: Krinzing, F. (Hrsg.). *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos*. Archäologische Forschungen, 13. Wien: ÖAW, p. 17—49.

Vroom, J., Findik, E. 2015. The Pottery Finds. In: Ladstätter, S. (Hrsg.). *Die Türbe im Artemision. Ein frühosmanischer Grabbau in Ayasuluk / Selçuk und sein kulturhistorisches Umfeld*. Wien: ÖAI, p. 205—292.

Waage, F. 1933. Excavations in the Athenian Agora. The Roman and Byzantine pottery. *Hesperia*, 2, p. 308—328.

Waksman, S. Y. 2007. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis. *Byzas*, 7: Çanak: Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Proceedings of the First International Symposium on Late Antique, Byzantine, Seljuk, and Ottoman Pottery and Tiles in Archaeological Context, p. 383—398.

Waksman, S. Y. 2014. Long-term pottery production and chemical reference groups: examples from Medi-

eval Western Turkey. In: Meyza, H. (ed.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine wares of the Aegean Coast of Anatolia. Their production, imitation and use*. Warsaw: Neriton, p. 107—125.

Waksman, S. Y., François, V. 2004—2005. Vers une redéfinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 128—129 (2.1), p. 629—724.

Waksman, S. Y., Spieser, J.-M. 1997. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography. In: Maguire, H. (ed.). *Materials Analysis of Byzantine Pottery*. Dumbarton Oaks, Washington DC, p. 105—133.

Waksman, S. Y., Teslenko, I., Zelenko, S. 2009. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Svet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis. In: Ángel Hervás Herrera, M., Retuerce Velasco, M., de Juan García, A., Zozaya Stabel-Hansen, J. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006*. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, p. 851—856.

Waksman, S. Y., Teslenko, I. 2010. "Novy Svet Ware", an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 39, 2, p. 357—375.

Waksman, S. Y., Ginkut, N. 2015. Late medieval pottery production in South Western Crimea: laboratory investigations of ceramics from Cembalo (region of Sebastopol / Chersonesos). In: Gonçalves, M. J., Gímez-Martínez, S. (eds.). *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterrâneo*. Silves; Mértola: Gráfica commercial de Loulé, p. 719—723.

Waksman, S. Y., Kontogiannis, N. D., Skartsis, S. S., Vaxevanis, G. 2014. The main "Middle Byzantine Production" and pottery manufacture in Thebes and Chalcis. *Annual of the British School at Athens*, 109, p. 379—422.

Waksman, S. Y., Burlot, J., Böhlendorf-Arslan, B., Vroom, J. 2015. Moulded wares production in the Early Turkish / Beylik period in Western Anatolia: A case study from Ephesus and Miletus. *Journal of Archaeological Science: Reports*, doi:10.1016/j.jasrep.2015.11.015.

Waksman, S. Y., Skartsis, S. S., Kontogiannis, N. D., Todorova, E. P., Vaxevanis, G. 2018. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 21: October, p. 1111—1121. doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008

Von Wartburg, M.-L. 2002. Venice and Cyprus. The archaeology of cultural and economic relations. In: Maltezou, C. A., Schreiner, P. (éd.). *Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII—XV secolo)*. *Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di Raymond-Joseph Loenertz o. p. (Venezia, 1—2 dicembre 2000)*. Venezia: Istituto ellenico di studi bizantini e postbizantini di Venezia, p. 503—559.

Watson, O. 2004. *Ceramics from Islamic Lands*. London: Thames & Hudson.

Yilmaz, G. (ed.). 2012. *Edirne Müzesi Osmanlı Seramikleri*. Edirne: Edirne Tasinir Kültür Verliklari Envanteri.

Zelenko, S., Morozova, I. 2010. Amphorae assemblage from the 13th century shipwreck in the Black Sea, near Sudak. In: *Actas de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27—29 Avril 2006*. Istanbul, p. 81—84.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИКМ —
Алуштинский историко-краеведческий музей
- АН СССР —
Академия наук СССР
- АН МССР —
Академия наук Молдавской ССР
- БАН —
Българска академия на науките
- ВолГУ —
Волгоградский Государственный университет
- ГАИМК —
Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ —
Государственный исторический музей
- ИА РАН —
Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК —
Институт истории материальной культуры
- КФ ІА НАН України —
Кримський філіал Інституту археології НАН України
- МГУ —
Московский государственный университет
- НА ІА НАН України —
Науковий архів Інституту археології НАН України
- ТНУ —
Таврический Национальный университет
- УрГУ —
Уральский государственный университет
- ХГМ —
Херсонесский Государственный музей
- ХГУ —
Харьковский Государственный университет
- ЯИЛИМ —
Ялтинский историко-литературный музей
- АІЕСМ 2 —
Association Internationale pour l'Etude des
Céramiques Médiévales en Méditerranée
- АІЕСМ 3 —
Association Internationale pour l'Etude des
Céramiques Médiévales et Modernes en
Méditerranée
- ICA —
Institute of Classical Archaeology
- ІFAO —
Institut Français D'Archéologie Orientale
- ÖAI —
Österreichisches Archäologisches Institut
- RGZM —
Römisch-Germanisches Zentralmuseums
-

Наукове видання

ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ

ТЕСЛЕНКО Ірина Борисівна

КЕРАМІКА КРИМУ XV століття

Російською мовою

Надруковано в авторській редакції
Оформлення обкладинки *К. Мерс'єр*
Верстка *С. А. Горбаненка*

Підписано до друку 25.06.2021.
Формат 60 × 84/8. Гарн. Шкільна. Ум.-друж. арк. 35,8.
Обл.-вид. арк. 35,5. Тираж 50 прим. Зам. №

Тираж видруковано ФОП О. О. Євенок,
10014, м. Житомир, вул. М. Бердичівська, 17А;
тел.: 0412-422-106, email: bookovych@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції України
серія ДК № 3544 від 05.08.2009 р.

У монографії на підставі аналізу значних обсягів археологічного матеріалу запропоновано методично обґрунтовану класифікацію, типологію та детальну хронологію кераміки Криму XV століття. Докладно охарактеризовано технологічні особливості та асортимент місцевої гончарної продукції, визначено головні чинники впливу на розвиток місцевого гончарства, а також з'ясовано напрямки, динаміку й закономірності імпорту та експорту глазурованих й не глазурованих виробів на цей час.

Results of the long-term study of the 15th century Crimean ceramics are presented in this book. They are based on the analysis of large volumes of archaeological materials. The author proposes detailed classification, typology, and chronology of ceramics and clarifies some technological features of the local and imported wares, as well as focuses on the directions and intensity of ceramics' trades and factors that influenced the development of the local pottery production in late medieval Crimea.

